

Десмонд Моррис

БИБЛИЯ ЯЗЫКА ТЕЛОДВИЖЕНИЙ

Фундаментальное исследование ВСЕХ невербальных сигналов

Чрезвычайно важная книга,
объясняющая сложные вещи простым языком.

*Нико Тимберген, лауреат Нобелевской премии
по физиологии и медицине*

Общеизвестно, что наши телодвижения сообщают наблюдателю куда больше, чем наши слова. Но для того чтобы понимать, о чем говорит тот или иной невербальный сигнал, необходимо сначала выучить язык телодвижений, и труд Десмонда Морриса тут — неоценимое подспорье. Впервые на русском языке — книга, которую по праву можно считать настоящей библией языка телодвижений. Сочетая научный подход с ясным изложением, Моррис подробнейшим образом останавливается на каждом из многочисленных типов скрытых знаков тела, которые мы ежедневно наблюдаем у других и подаём сами. После знакомства с его уникальным исследованием вы сможете без труда читать мысли и чувства окружающих, поскольку их жесты и мимика станут для вас открытой книгой.

- [Десмонд Моррис](#)
 - [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЯ](#)
 - [ВРОЖДЁННЫЕ ДЕЙСТВИЯ](#)
 - [ВЫЯВЛЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ](#)
 - [ЗАИМСТВОВАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ](#)
 - [УСВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ](#)
 - [СМЕШАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ](#)
 - [МИМИКА И ЖЕСТЫ](#)
 - [СЛУЧАЙНЫЕ ЗНАКИ](#)
 - [ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ](#)
 - [ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ](#)
 - [СХЕМАТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ](#)
 - [СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАКИ](#)
 - [ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗНАКИ](#)
 - [ЗНАКИ-КОДЫ](#)
 - [ВАРИАЦИИ ЗНАКОВ](#)
 - [МНОГОЗНАЧНЫЕ ЗНАКИ](#)
 - [АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЗНАКИ](#)
 - [ГИБРИДНЫЕ ЗНАКИ](#)
 - [СОСТАВНЫЕ ЗНАКИ](#)
 - [РЕЛИКТОВЫЕ ЗНАКИ](#)
 - [МЕСТНЫЕ ЗНАКИ](#)
 - [ДИРИЖЁРСКИЕ ЗНАКИ](#)
 - [НАПРАВЛЯЮЩИЕ ЗНАКИ](#)
 - [СИГНАЛЫ «ДА»/«НЕТ»](#)
 - [СИГНАЛЫ, ПОДАВАЕМЫЕ ВЗГЛЯДОМ](#)
 - [ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СИГНАЛЫ](#)
 - [ЗНАКИ СВЯЗИ](#)

- ЗНАК СВЯЗИ «ПРИКОСНОВЕНИЕ»
- АУТОКОНТАКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- НЕВЕРБАЛЬНАЯ УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ
- ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ СИГНАЛЫ
- НЕДОСТАТОЧНЫЕ СИГНАЛЫ
- ИЗБЫТОЧНЫЕ СИГНАЛЫ
- СТАТУСНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- ИЗОЛИРУЮЩИЕ СИГНАЛЫ
- ЗАЩИТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- ПОДЧИНЁННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЙСТВИЯ
- АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- ВОИНСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- ОТКЛЮЧЕНИЕ
- АВТОНОМНЫЕ СИГНАЛЫ
- СИГНАЛЫ ЗРАЧКА
- ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
- ЗАМЕЩАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ
- ПЕРЕНАПРАВЛЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
- ПЕРЕНАЦЕЛИВАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ
- ОСКОРБИТЕЛЬНЫЕ СИГНАЛЫ
- УГРОЖАЮЩИЕ СИГНАЛЫ
- НЕПРИСТОЙНЫЕ СИГНАЛЫ
- ЗАПРЕТНЫЕ ЗОНЫ
- ПЕРЕДОЗИРОВАННЫЕ СИГНАЛЫ
- СИГНАЛЫ ОДЕЖДЫ
- ТЕЛЕСНЫЕ УКРАШЕНИЯ
- СИГНАЛЫ ПОЛА
- САМОИМИТАЦИЯ
- ЭРОТИЧЕСКИЕ СИГНАЛЫ
- РОДИТЕЛЬСКИЕ СИГНАЛЫ
- ДЕТСКИЕ СИГНАЛЫ
- КОНТАКТЫ С ЖИВОТНЫМИ
- ИГРОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
- МЕТАСИГНАЛЫ
- СВЕРХНОРМАЛЬНЫЕ РАЗДРАЖИТЕЛИ
- ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ
- ЛАТЕРАЛЬНОСТЬ
- ПЕРЕДВИЖЕНИЕ
- АКВАТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- ПРИЁМ ПИЩИ
- СПОРТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
- ОТДЫХ

- [СТАРЕНИЕ](#)
- [БУДУЩЕЕ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [АВТОРСКИЕ ПРАВА НА ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Десмонд Моррис

БИБЛИЯ ЯЗЫКА ТЕЛОДВИЖЕНИЙ

БЛАГОДАРНОСТИ

Я признателен тем, кто помогал мне подготовить к печати эту книгу, а также всем тем, кто содействовал моему долговременному исследованию языка телодвижений, которое началось в 60-е годы XX века. Полный список включил бы в себя многие сотни имён; я хотел бы отдельно поблагодарить следующих людей:

Майкла Аргайла, Дэвида Аттенборо, Роберта Аттенборо, Роберта Бараката, Надин Базар, Клайва Бромхэлла, Майкла Ченса, Питера Коллетта, Ричарда Докинса, Марселлу Эдварде, Иренауса Эйбл-Эйбесфельдта, Пола Экмана, Кейт Фокс, Робин Фокс, Дэна Франклина, Эрвинга Гоффмана, Яана ван Хоффа, Джил-берта Мэнли, Питера Марша, Тома Мэшлера, Кэролайн Мишель, Джейсона Мор-риса, Рамону Моррис, Филипа Оукса, Кеннета Оукли, Мэри О'Шонесси, Тришу Пайк, Билла Расселла, Диан Симпсон, Альберта Шефлена, Энтони Сторра, Лайонела Тайгера и Нико Тинбергена.

© DESMOND MORRIS, 2004 © Н. КАРАЕВ, ПЕРЕВОД, 2009 © ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ОФОРМЛЕНИЕ. ISBN 978-5-699-38480-8 ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО», 2010

Примечание: настоящим изданием все авторские права были безжалостно попораны. Никто никому ничего не должен.

ВВЕДЕНИЕ

Есть люди, которые специализируются на наблюдениях за птицами, и есть те, кто постоянно наблюдает за людьми, — не соглядатаи, но исследователи, изучающие поведение человека. Такому исследователю в равной степени интересны и пожилой господин, машущий рукой приятелю, и молодая девушка, сидящая скрестив ноги. Он ведёт полевое наблюдение за действиями людей, и «поле» его — повсюду: это и автобусная остановка, и универсам, и аэропорт, и угол улицы, и званый обед, и футбольный матч. Везде, где люди как-то проявляют себя, наблюдающий за ними учёный узнает нечто новое о братьях по разуму и, в конечном счёте, о себе самом.

Таким учёным в той или иной мере является каждый из нас. Время от времени мы подмечаем особенную позу или своеобразный жест и размышляем о том, что они означают, но редко приходим к какому-либо выводу. Мы можем сказать: «Такой-то меня смущает, не знаю почему, но это факт», или: «Она странно вела себя прошлой ночью, правда?» или: «С этими людьми я чувствую себя абсолютно раскрепощённой, они к этому располагают». Глубже мы не копаем. Между тем серьёзный исследователь желает знать, почему возникают все эти чувства. Он хочет понять, почему мы ведём себя именно так, а не иначе, и посвящает много времени наблюдениям, стараясь взглянуть на людей по-новому.

Данный подход не требует специальных знаний. Необходимо лишь понять ряд простых концепций, которые и описываются в этой книге. Каждая из них объясняет конкретный тип поведения и то, как подобное поведение возникает и изменяется. Если эти концепции усвоены, та или иная манера поведения уже не поставит нас в тупик: мы сможем с уверенностью распознать её и понять, что именно движет людьми, когда они встречаются и взаимодействуют друг с другом.

Эта книга повествует о действиях, о том, как действия превращаются в знаки, а знаки передают определённые сообщения. Люди как вид достигли больших высот в конструировании механизмов и в философских размышлениях, но не утратили животного свойства к физической активности. Именно телодвижения составляют предмет исследований учёного, наблюдающего за людьми. Зачастую человеческая особь не отдаёт себе отчёт в собственных действиях, а значит, эти действия могут многое о ней поведать. Мы настолько сосредоточены на словах, что, кажется, начисто забываем про телодвижения, позы и мимику, выдающие нас с головой.

Следует добавить, что эта книга не является пособием по чтению мыслей, дающим читателю возможность возвыситься над окружающими. Орнитолог наблюдает за птицами не для того, чтобы на них охотиться. Точно так же учёный, наблюдающий за людьми, не пользуется преимуществами, которые даёт ему понимание мотивов их поведения. Да, объективный эксперт по телодвижениям способен благодаря своим знаниям превратить скучные посиделки в увлекательное исследование, однако главная его цель — постичь природу взаимодействий между людьми и поразительную предсказуемость человеческого поведения.

Разумеется, любое научное исследование опасно в том смысле, что информированные люди могут так или иначе подчинить себе людей, которые ничего об этом исследовании не знают, однако в данном случае куда более вероятно другое: благодаря знаниям мы можем стать терпимее друг к другу. Осознав смысл действий другого человека, мы получим

представление о его проблемах; узнав о причинах его поведения, мы, может быть, простим его вместо того, чтобы напасть.

Меня часто спрашивали, могу ли я «улучшить» язык телодвижений того или иного человека. Возможно ли, например, превратить пугливого скромника в волевого экстраверта, чтобы он прошёл собеседование при приёме на работу? Ответ прост. Безусловно, можно научить человека пользоваться языком телодвижений более умело. Кандидат на рабочее место может «вызубрить» приёмы, которые позволят ему произвести хорошее впечатление, выглядеть решительным и уверенным в себе. Маленьким хитростям научить легко, и за последние годы (после того как в 1977 году вышло первое издание этой книги) появилось множество источников, предлагающих такого рода обучение. Но есть ли в нем смысл? Если вы на самом деле пугливы и застенчивы, значит, место, которое вы получите хитростью, совершенно вам не подходит. Как только это станет ясно, вас уволят.

Возникает законный вопрос: какие преимущества даёт понимание языка телодвижений на практике? На это я скажу, что вместе со знаниями мы обретаем и уверенность в себе. Чем больше мы знаем о языке телодвижений других людей, тем лучше их понимаем. Они перестают страшить нас, мы перестаём робеть в их присутствии.

Они могут научиться скрывать свои слабости и неуверенность, но благодаря тому, что мы понимаем нюансы языка их тел, эти люди откроются нам во всей своей хрупкости. Когда мы перестанем пугаться, наш собственный язык телодвижений изменится. Мы станем вести себя менее напряжённо и более спокойно не потому, что выучили несколько показных приёмов, а потому, что научились куда лучше понимать окружающих.

Наконец, следует подчеркнуть, что нет ничего оскорбительного в том, чтобы смотреть на других людей как на животных. Мы, в конце концов, и есть животные. Homo sapiens — это вид приматов, биологическое явление, подчиняющееся, как и любой другой вид, биологическим законам. Человеческая природа — не более чем проявление животной природы. Бесспорно, люди — животные особенные, однако любой вид в чем-то отличен от других, и наблюдающий за людьми учёный может подметить в человеческих взаимоотношениях немало интересного, если будет помнить о том, что человек — это лишь звено в цепи эволюции.

ДЕЙСТВИЯ

Все животные совершают действия; большая часть животных только этим и занимается. Кроме того, почти все животные создают артефакты, конструкции или изделия, такие, как гнезда, паутина, лежбища и норы. Обезьяны, судя по всему, способны к абстрактному мышлению. Но только люди посвящают созданию артефактов и абстрактному мышлению почти все своё время. В этом и заключён секрет нашего успеха. Развивая мозг, человек постепенно насыщал своё поведение сложными абстрактными процессами посредством языка, философии и математики. Обладая слабым телом, человек существенно разнообразил своё поведение, усеивая поверхность планеты артефактами — орудиями труда, произведениями искусства, машинами, оружием, транспортными средствами, дорогами, зданиями, деревнями и городами.

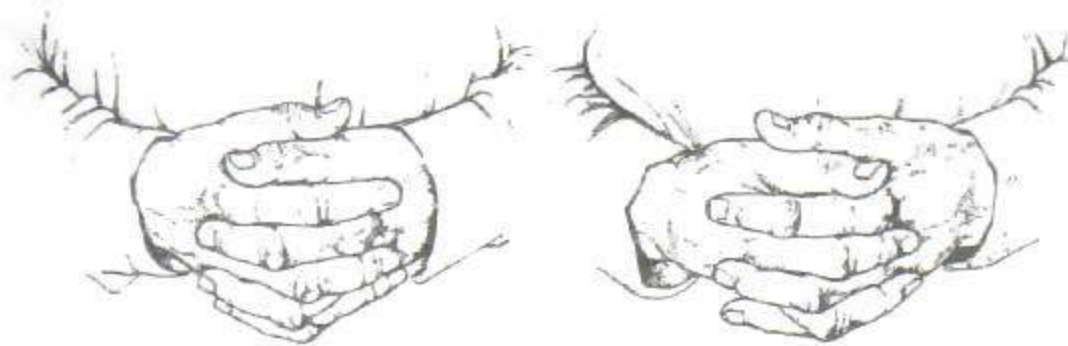
Вот сидит человек, это мыслящее, строящее животное: вокруг него тихо шумят машины, в его голове возникают и исчезают мысли. Его жизнь наполняют создание артефактов и абстрактное мышление. Можно даже предположить, что для человека действие — простое действие животного — уже ничего не значит, если оно и сохранилось, то лишь как пережиток его первобытного прошлого. Но это не так. Несмотря ни на что, человек остался существом, которое действует. Это двигающийся, принимающий позы, жестикулирующий, выражающий себя через действия примат. И охотник из доисторического прошлого, и современный человек одинаково далеки от того, чтобы стать лишённым тела гигантским мозгом, питающимся плазмой. Философия и машиностроение не только не заместили собой совершаемые человеком действия — они способствовали их приумножению. Мы выработали концепцию счастья и облекли её в слова, но наши губы не устают растягиваться в улыбке. Мы создали лодки, но не перестали плавать.

Как и раньше, мы жаждем совершать действия. Городской житель, как бы сильно ни впечатляли его материальные блага и достижения абстрактного мышления, по-прежнему получает удовольствие от тех же действий, что и его предки. Он ест и занимается любовью; он ходит на вечеринки, где смеётся, хмурится, жестикулирует, обнимает других людей. Когда он выкраивает пару недель отпуска, машины уносят его в лес, к горам или на берег моря, где человек отдаёт дань животному прошлому, предаваясь простой физической активности: гуляет, карабкается по склонам, плавает.

Если смотреть непредвзято, есть своя ирония в том, что животное нашего вида летит за тысячу километров в машине стоимостью несколько миллионов долларов, чтобы нырнуть в природный водоём и отыскать на его дне пару раковин. Столь же странно выглядит человек, который проводит все дни за компьютером, а по вечерам играет в дартс, танцует на дискотеке или хохочет за бутылкой пива в компании друзей. Однако люди ведут себя именно так, принимая как должное необоримую потребность выражать себя через простые действия и телодвижения.

Какую форму принимают эти действия? Каким образом индивид приобретает навык действовать так, а не иначе? Поведение человека дискретно, в нем можно выделить длинные последовательности обособленных событий. Каждому такому событию (например, индивид ест мясо, идёт в театр, принимает ванну, занимается любовью) соответствуют особые правила и ритмы. От рождения до смерти с нами происходит в среднем около миллиона «поведенческих» событий. Каждое из них само по себе раскладывается на множество

различных действий. По существу, эти действия следуют одно за другим: поза — движение — поза — движение. Большая часть поз, которые мы принимаем, и движений, которые мы делаем, воспроизводились нами тысячи раз. Почти все они воспроизводятся неосознанно, спонтанно и без самоанализа. Во многих случаях мы настолько привыкли к этим движениям и позам, что вообще их не замечаем, принимая действие за само собой разумеющееся. Например, когда люди сплетают пальцы, один из больших пальцев оказывается на другом. У каждого человека есть свой доминирующий большой палец: когда бы он ни сплетал пальцы рук, наверху оказывается либо левый большой палец, либо правый, но всегда один и тот же. Тем не менее, редкий человек может сказать, какой большой палец у него доминирует, без того, чтобы сплести пальцы и посмотреть, палец какой руки окажется наверху. С годами каждый из нас, не отдавая себе в этом отчёт, вырабатывает устоявшийся способ сплетения пальцев. Если попытаться его изменить, поместив доминирующий большой палец под другой, положение рук покажется необычным и неудобным.

Всякий раз, когда вы сплетаете пальцы рук, наверху оказывается один и тот же большой палец. Но который из них, правый или левый? Обычно люди не могут ответить на этот вопрос до того, как совершат указанное действие на практике.

Данный пример банален, однако почти любое телодвижение взрослый человек совершает характерным, устоявшимся способом. Устоявшиеся способы действия — основные элементы поведения, которые наблюдающий за людьми учёный берет за точку отсчёта. Он определяет их форму, обстоятельства, в которых они проявляются, и сигнал, который они передают. Первым делом исследователь задаётся вопросом, как те или иные способы поведения появились. Они могут быть врождёнными, то есть возникать без предшествующего опыта; формироваться путём проб и ошибок с возрастом; заимствоваться в процессе неосознанного подражания у того, с кем человек общается; или усваиваться в ходе сознательных тренировок, когда мы перенимаем какой-либо способ действия, наблюдая за кем-то и анализируя результаты наблюдения либо непосредственно обучаясь этому способу действия.

ВРОЖДЁННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Действия, которым не нужно учиться

Исключительная способность учиться на примерах из окружающей среды — величайший генетический дар человека. Существует даже точка зрения, по которой эта врождённая способность затмевает все остальные. Есть и другая теория в пике первой: поведение человека насыщено врождёнными способами действия, и понять его, закрывая глаза на этот факт, невозможно.

В поддержку теории, согласно которой человеческий мозг ничего не наследует и всему обучается, обычно приводят следующее наблюдение: представители различных народов в одних и тех же ситуациях ведут себя по-разному. Поскольку все мы принадлежим к одному виду, ясно, что в любом обществе люди скорее учатся вести себя определённым образом, нежели следуют определённому набору генетических инструкций.

В качестве возражения — и в поддержку теории, по которой, как сформулировал недавно один её приверженец, «человек в решающей мере запрограммирован», — приводится другое наблюдение: культуры разнятся не так сильно, как кажется. Найти различия — не проблема, но столь же легко обнаружить и сходство. К сожалению, человек устроен так, что чаще ищет различия и не обращает внимания на сходство. Он ведёт себя, как турист за границей: обращает внимание на необычные явления и игнорирует знакомые. Эта простительная предвзятость существенно повлияла на результаты наблюдений, проводившихся антропологами в прошлом. Бросающиеся в глаза поверхностные отличия в поведении людей по ошибке принимались за фундаментальные.

Таковы две противоборствующие теории. Никто не станет спорить с тем, что на протяжении жизни мы многому учимся, потому дискуссии следует сосредоточить на тех специфических действиях, которые считаются врождёнными.

Как «работает» Врождённое Действие? В общих чертах можно сказать, что запрограммированный на манер компьютера мозг выдаёт конкретные реакции на определённые раздражители. Раздражитель на «входе» автоматически вызывает реакцию на «выходе» без какого-либо предшествующего опыта — процесс в нас уже заложен и успешно осуществляется, как только мы сталкиваемся с раздражителем.

В любом уголке Земли люди резко вскидывают брови при приветствии. Распространённость этого мимического знака не может служить доказательством того, что он является врождённым, однако свидетельствует в пользу теории Врождённых Действий. (По Эйбл-Эйбесфельдту.)

Классический пример — реакция новорождённого на сосок материнской груди: младенец сразу же начинает его сосать. Вероятно, почти все младенческие реакции являются врождёнными, и ясно, что без них мы не смогли бы выжить. У младенца нет времени на учёбу. Но что можно сказать о Врождённых Действиях, которые мы совершаем позднее, по прошествии времени, успев чему-то научиться? Возьмём улыбку или хмурый взгляд: может быть, ребёнок копирует их, глядя на мать? Или они являются врождёнными? Ответить на этот вопрос можно, понаблюдав за ребёнком, который никогда не видел лица матери. Мы обнаружим, что дети, родившиеся слепыми и глухими, улыбаются, когда им хорошо, и хмурятся, когда им плохо. Кроме того, они плачут и кричат, хотя слышать себя не могут.

Итак, эти действия со всей очевидностью являются врождёнными. Можно ли сказать то же самое про элементы поведения взрослого человека? Здесь даже слепоглухонемые не могут помочь нам с ответом: взрослея, они обучаются языку прикосновений, на котором общаются с окружающим миром, и знают о нем слишком много. Слепорождённые учатся ощущать выражения лиц, ощупывая их пальцами, потому их действия уже невозможно оценить как врождённые.

Утверждать, что действие взрослого человека является врождённым, можно лишь в одном случае: если оно совершается представителями любого человеческого сообщества независимо от различных культурных воздействий. Но в самом ли деле все люди на Земле топают ногами, когда злятся, скалят зубы, когда взбешены, или резко вскидывают брови, когда приветствуют друга? Чтобы ответить на этот вопрос, бесстрашные исследователи отыскивали племена в самых глухих уголках нашей планеты — и выясняли, что даже индейцы Амазонки, которые никогда не видели белых людей, совершают многие действия

точно так же, как совершаем их мы. Доказывает ли это, что данные действия можно отнести к врождённым? Если туземцы из затерянных племён поднимают брови в знак приветствия, как и мы, можно ли с уверенностью утверждать, что эта реакция была «встроена» в мозг ещё до нашего рождения?

Нет, мы не можем быть в этом уверены. Остаётся ещё одна версия: совершая ряд неких действий, все люди обучаются реагировать на раздражители абсолютно одинаково. Нам это может показаться маловероятным, но исключать эту возможность нельзя, поэтому на сегодняшний день приведённый выше аргумент не является решающим. До тех пор пока мы не сможем «читать» гены человека как книгу, почти не имеет смысла думать о том, является ли то или иное действие врождённым. Даже если в ходе всемирной проверки окажется, что определённое действие встречается не везде, сторонники конкурирующей теории не смогут считать себя победителями. В данной культуре Врождённое Действие может быть табуировано, и вывод о том, что оно распространено не повсеместно, будет ложным. Аргументы обеих сторон остаются уязвимыми.

Чтобы уяснить, что все это означает на практике, рассмотрим монахинь и оружие. Монахини хранят целомудрие, однако никто не станет доказывать, будто половое поведение порождено не биологией, а цивилизацией лишь потому, что данное сообщество может жить без секса. И наоборот, из того, что всякая культура так или иначе применяет оружие, не следует, что применение оружия для человека — Врождённое Действие. Напротив, мы бы сказали, что монахини успешно подавляют врождённое половое влечение, в то время как люди, применяющие оружие, используют древний навык, который, будучи однажды усвоенным, распространился по всему миру.

До тех пор пока генетика не сделает шаг вперёд, мы можем уверенно говорить о Врождённых Действиях только в тех случаях, когда телодвижения совершаются без какого-либо предшествующего опыта, как в случае с новорождёнными или слепыми детьми. Это условие существенно уменьшает количество Врождённых Действий, но на сегодняшнем этапе развития науки оно неизбежно.

Данное утверждение вовсе не означает, что зоологи, исследующие животных нашего вида, пришли к выводу, будто поведение человека подчиняется «генетической программе» лишь в исключительных случаях в пору младенчества. Напротив, складывается впечатление, что люди, как и другие животные, оснащены богатым и разнообразным набором врождённых способов поведения. Это скажет вам любой учёный, которому довелось изучать приматов, включая людей. Однако впечатление — ещё не уверенность. Доказать или опровергнуть теорию Врождённых Действий в том, что касается поведения взрослых особей, невозможно, и тратить силы на поиски аргументов вряд ли разумно.

На сегодня этой точки зрения придерживается большинство зоологов, однако, как это ни печально, дискуссия о врождённых и приобретённых действиях вышла за пределы научных кругов. Свой «вклад» в неё вносят политики-оппортунисты. Сперва они ухватились за теорию, по которой у людей имеются непреодолимые врождённые наклонности, и исказили её, вывернули наизнанку, сосредоточив внимание на наклонностях, которые полезны в политической борьбе. Особенно сильно политики напирают на врождённую агрессивность. Они утверждают, что, поскольку человечество обладает врождённым влечением к беспричинной агрессии, воинственное поведение естественно, нормально и неизбежно. Если человек запрограммирован на драку, так тому и быть: пусть отправляется на войну с высоко поднятой головой.

Слабые места подобного мировоззрения очевидны каждому, кто изучал агрессию животных и её проявления. Животные дерутся, но они не знают войн. Их драка — это всегда драка индивидов, которые либо хотят занять главенствующее положение в социальной иерархии, либо защищают личную территорию. В любом случае собственно драка сводится к минимуму. Раздоры почти всегда улаживаются демонстрацией готовности драться, угрозами и ответными угрозами. Тому есть веская причина. В ходе яростной схватки победитель, скорее всего, будет изувечен почти столь же сильно, как проигравший. Дикое животное может решиться на такой исход лишь в крайнем случае, потому что оно, само собой, предпочитает уладить конфликт другими способами. Эта разумная система даёт сбой лишь в случае, когда участников конфликта становится слишком много. Тогда идёт ожесточённая и кровавая драка. Когда слишком многие животные в социальной иерархии получают доступ к кормушке в соответствии с неписаными правилами субординации, отношения в группе становятся нестабильными. Драки случаются постоянно. В случае с перенаселённой территорией каждая особь поневоле угрожает соседу, даже если находится на собственной территории. В тщетной попытке очистить охраняемое пространство от потенциальных захватчиков животные начинают драться.

Возвращаясь к людям, отметим очевидный факт: даже если бы агрессивность была врождённой, она не могла бы служить оправданием современным войнам. Наше поведение можно объяснить врождённой агрессивностью в том случае, когда мы, разозлившись, багровеем, трясём кулаками и орём друг на друга, однако ни бомбардировку городов, ни массовое вторжение ведомых диктатором войск на территорию дружественного соседа ею объяснить невозможно. Есть вероятность, что людям действительно свойственна врождённая агрессивность особого, специфического плана, сродни той, которую мы наблюдаем у других приматов. Было бы странно, если бы мы, в отличие от остальных млекопитающих, не обладали бы генетической экипировкой, позволяющей при нападении защитить себя и потомство, и совсем удивительно было бы, если бы мы были лишены стремления отстаивать свои права в каком-либо социальном соревновании. Однако самозащита и отстаивание прав — совсем не то же самое, что массовое убийство. Беспрецедентное варварство нашего времени корректно сравнить разве что с кровавой дракой, которую устраивают животные на безнадёжно перенаселённой территории. Другими словами, весьма вероятно, что крайняя степень человеческой жестокости, пусть даже эта жестокость проявляется вроде бы беспричинно, проистекает вовсе не из врождённого влечения к убийству. На деле она обусловлена противоестественной ситуацией, в которой оказалось сегодня человечество.

Последствия тут весьма не очевидны. Например, на перенаселённой территории животные уделяют меньше внимания детёнышам, и молодняк не получает полноценной для данного вида родительской любви. То же самое происходит и в человеческих сообществах: с детьми обращаются жестоко, в результате они вырастают безжалостными и мстят за лишённое ласки детство. Их месть направлена не на родителей, из-за которых они страдали, поскольку родители к этому времени успевают состариться либо умереть, а на тех, кто замещает родителей. Жестокость в отношении этих лиц кажется беспочвенной, ибо они ни в чем не виноваты, и кажется, что напавший на них человек совершил «животное зверство», набросился на них «безо всякой причины, как дикий зверь».

Какой именно дикий зверь тут подразумевается и почему этот зверь должен нападать беспричинно, никто никогда не уточняет, но что имеется в виду, ясно всем без исключения. Жестокий человек, напавший на невинных, описывается как существо, подавленное

первобытному, врождённому влечению набрасываться на своих товарищей и пытаться их убить. Мы то и дело слышим, как судьи называют душегубов и грабителей «дикими зверями», возрождая тем самым старое заблуждение: человек по природе жесток и может стать полезным членом социума, только если будет подавлять свои естественные порывы и влечения.

По иронии судьбы, врождённое свойство, которое, судя по всему, можно «винить» в том, что мы ведём сегодня ужасные войны, — это естественное желание человека быть полезным другим людям. Мы приобрели данное свойство в далёком прошлом, когда первобытные охотники либо помогали друг другу, либо умирали с голода. Только сотрудничая, мы могли надеяться победить огромных хищников. Современному диктатору достаточно апеллировать к присущему нам стремлению сохранять лояльность к коллективу, увеличив этот коллектив и организовав на его базе полновесную армию. Превращая людей, желающих помочь товарищу, в неумеренных патриотов, диктатор с лёгкостью убеждает их убивать чужаков — не из врождённой агрессивности, а из похвального стремления защитить ближнего. Если бы наши предки были не столь склонны к сотрудничеству, то создавать армии, поддерживать в них дисциплину и посылать их на войну было бы сегодня куда труднее.

Отвергнув представление о человеке как о прирождённом убийце, который хочет драться, даже когда все вокруг хорошо, перейдём теперь к оппонентам теории Врождённых Действий. Их точка зрения, по которой человек всему обучается и ничего не наследует генетически, также чревата опасными выводами. В политике утверждения вроде «всему, что человек умеет делать, он научился у других людей» опасны не менее чем речи приверженцев теории «прирождённых убийц». Приняв их за чистую монету, жаждущие власти диктаторы уверяются в том, что общество можно «построить» как им заблагорассудится. Человеческая жизнь видится таким диктаторам чистым холстом, на котором государство вольно рисовать что угодно, причём «государство» тут — не более чем эвфемизм для «партийных лидеров». Когда учёный говорит, что гены не оказывают на поведение человека никакого влияния, эти слова с точки зрения зоологии настолько абсурдны, что остаётся лишь задаться вопросом: каковы истинные мотивы исследователя, рискнувшего выразить подобное мнение?

Если (что наиболее вероятно) человечество и в самом деле обладает обширным набором полезных врождённых способов поведения, значит, рано или поздно люди восстанут против радикальных форм организации общества, которые так нравятся диктаторам. Вожди могут — что и происходит в реальности — навязать огромным сообществам экстремистские доктрины, но ненадолго. Проходит время, и люди начинают возвращаться (либо внезапным скачком, либо медленно, черепашьям шагом) к обычной жизни, которая больше соотносится с полученным от животных генетическим наследием. Повседневное общение человека в XXI веке вряд ли существенно отличается от повседневного общения человека доисторических времён. Если бы машина времени перенесла нас в первобытную пещеру, мы, вне всякого сомнения, увидели бы те же улыбки, ту же мимику, те же ссоры и любовные интриги, родительскую преданность и дружескую взаимопомощь, какие мы наблюдаем на каждом шагу сегодня. Да, мы продвинулись далеко вперёд в создании артефактов и в абстрактном мышлении, но наши устремления и действия остались по большей части прежними.

Нам следует пересмотреть миф о том, что наши пещерные предки были бессловесными увальнями, убийцами и насильниками, не расстававшимися с дубинками. Чем дальше мы изучаем обезьян и человеческое поведение, тем больше этот миф походит на измышления лицемерного моралиста. Если наши проявления любви и дружбы являются врождёнными,

моралисты, конечно же, не могут считать их своей заслугой; между тем больше всего на свете моралисты любят говорить, будто без них добродетель не смогла бы восторжествовать.

Другое дело — создание артефактов и развитие техники. Технический прогресс даровал нам немало новых возможностей. Не стоит, однако, забывать вот о чем: техника развивается благодаря тому, что мы хотим уменьшить стресс и остановить загрязнение окружающей среды, между тем и то и другое обусловлено... все тем же техническим прогрессом.

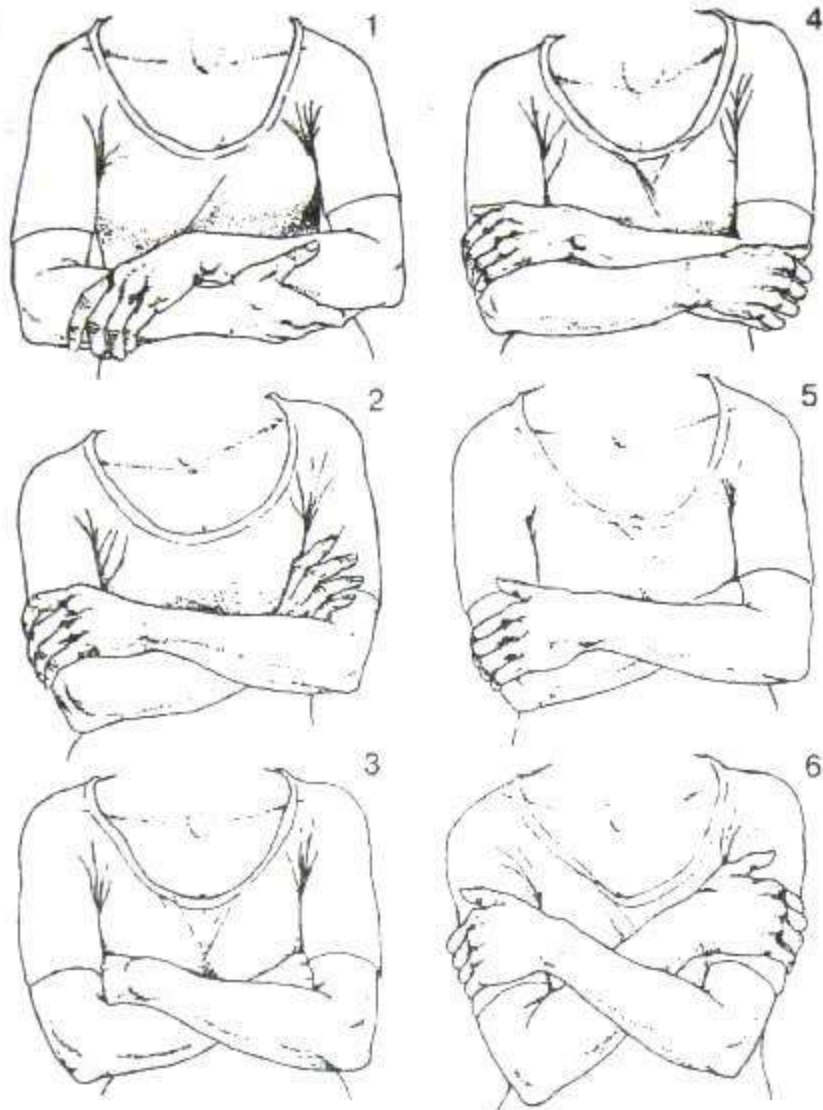
Если присмотреться, окажется, что технология обычно «обслуживает» тот или иной способ поведения, усвоенный нами в древности. К примеру, телевизор — это чудесный артефакт, но что мы видим на его экране? Большую часть времени — ссоры, любовные взаимоотношения, родительскую преданность и другие названные выше элементы поведения родом из далёкого прошлого. В кресле перед телевизором мы остаёмся людьми действия, пусть даже в это время за нас действуют другие.

ВЫЯВЛЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Действия, которые мы открываем для самих себя

Можно спорить о том, относится конкретное действие к врождённым или нет, однако в том, что человек наследует через гены собственное анатомическое устройство, сомневаться не приходится. Мы не можем, так сказать, «научиться» ноге или руке, как мы можем научиться отдавать честь или лягаться. Боксёр-профессионал и лежачий больной обладают одним и тем же набором мышц. У боксёра они лучше развиты, но все равно это те же самые мышцы. Анатомия человека не меняется в течение его жизни под влиянием окружающей среды (за исключением крайних случаев, таких, как получение увечий или хирургическое вмешательство). Отсюда следует, что, поскольку всем нам достаются более-менее одинаковые руки и ноги, в любом сообществе мы, скорее всего, жестикулируем, складываем руки и скрещиваем ноги почти одинаково.

Другими словами, когда мы замечаем, что ново-гвинейский абориген складывает руки так же, как немецкий банкир или тибетский крестьянин, мы наблюдаем не за врождённым, а за «выявленным» действием. Абориген, банкир и крестьянин обладают парой рук, которые устроены одинаково. В какой-то момент путём проб и ошибок они открыли способ складывать руки на груди. В данном случае «наследуется» не действие, а анатомия. Располагая одинаково устроенными руками, они неизбежно сложат их именно так, а не иначе, и им вовсе не нужно копировать этот жест, глядя на окружающих. Данное действие можно назвать врождённым наполовину: оно основывается на «генетическом намёке» (через анатомию), а не на прямых генетических указаниях.

Скрещённые руки как Выявленное Действие. В различных культурах оно выглядит практически одинаково, но слегка варьируется от одного человека к другому по той причине, что мы не усваиваем подобные действия, подражая другим, а выявляем их сами, пусть и неосознанно. Как именно вы складываете руки? Правая рука может лежать поверх левой или же наоборот, и вы, вероятно, ощущаете себя неудобно, если положение рук меняется на «необычное». Наиболее распространён захват «подмышка/грудь», но встречаются ещё шесть вариантов (на иллюстрации): захват «предплечье/ предплечье» (1); захват «плечо / подмышка» (2); захват «грудь/грудь» (3); захват «предплечье/локоть» (4); захват «плечо/грудь» (5); захват «плечо/плечо» (6).

Мы усваиваем Выявленные Действия неосознанно, познавая собственное тело во время долгого процесса взросления. Мы не отдаём себе отчёт в том, что прибавляем то или иное действие к своему детскому репертуару, и в большинстве случаев не понимаем, почему совершаем действие именно так, а не иначе, почему эта рука лежит поверх той, как двигаются наши руки, когда мы говорим.

Многие Выявленные Действия распространены столь широко, что их с лёгкостью можно спутать с Врождёнными Действиями, откуда и берут начало многие бесполезные дискуссии о врождённом и приобретённом поведении.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Действия, которые мы перенимаем у окружающих, сами того не замечая

Заимствованные Действия — это действия, которые мы неосознанно копируем, глядя на других людей. Как и в случае с Выявленными Действиями, мы обычно не помним, как и когда начали их совершать. Однако, в отличие от Выявленных Действий, Заимствованные Действия разнятся от сообщества к сообществу, от культуры к культуре и от народа к народу.

Люди как вид тяготеют к мимикрии, и здоровый индивид не может повзрослеть и жить в сообществе, не «заразившись» типичными для этого сообщества способами поведения. Общество оказывает влияние на то, как мы ходим и стоим, смеёмся и гримасничаем.

Многие действия мы совершаем единственно потому, что видели, как их совершают другие люди. Очень сложно распознать подражание в собственном поведении — процесс заимствования едва различим, и мы редко понимаем, что переняли какое-то действие у окружающих. Тем не менее, такие действия легко различить у меньшинств внутри данного сообщества.

Например, гомосексуалистам свойственны действия, специфические для их социальной группы. Школьник, который благодаря своим наклонностям вольётся в эту группу, подобных действий не совершает, и его поведение почти не отличается от поведения его товарищей. Стоит ему, однако, присоединиться к сообществу взрослых гомосексуалистов в большом городе, как он быстро перенимает характерные для них способы поведения. Он начинает по-иному изгибать запястья, меняется его походка. Он излишне подчёркнуто выгибает шею и вертит головой, выпячивает губы, чаще демонстрирует язык и двигает им быстрее. Иногда говорят, что такие мужчины сознательно имитируют «женственные манеры», однако их действия не являются типично женскими. Они заимствуются не у женщин, а у других гомосексуалистов, снова и снова передаются от одного мужчины к другому внутри данной социальной группы. Возможно, эти действия появились в результате подражания женщинам, но, укоренившись однажды в среде гомосексуалистов, они перестали быть типично женскими и в процессе многократного повторения мужчинами делались все более и более своеобразными, пока не превратились в особый вид действий. Во многих случаях они настолько непохожи на женские, что точно имитирующая их женщина может ясно показать, что ведёт себя неженственно, притворяясь мужчиной нетрадиционной ориентации.

Разумеется, эти излишне подчёркнутые действия усваиваются не всеми гомосексуалистами. Многие не ощущают необходимости вести себя именно так. Если учесть это обстоятельство, становится понятно, почему комик, желающий высмеять гомосексуалистов, преувеличенно гнёт запястья, то и дело наклоняет голову и надувает губы, в то время как серьёзный актёр, который изображает гомосексуалиста благожелательно, либо уменьшает роль этих действий, либо вовсе их избегает. Судя по всему, нетерпимость гетеросексуалов вызывают скорее манеры гомосексуалистов, нежели «мужская любовь» как таковая, что выставляет в любопытном свете нашу реакцию на «банальную» манерность.

Люди — не единственные существа, имеющие склонность перенимать действия у окружающих. Учёные, изучавшие обезьян, не раз и не два отмечали у них схожие тенденции, когда в одной колонии животных распространяются действия, которые не наблюдаются в

других колониях того же вида. В той или иной группе можно проследить за тем, как эти действия перенимаются у изобретательных индивидов.

И у обезьян, и у людей большое значение имеет статус индивида, которому подражают остальные. Чем выше статус этого индивида в группе, тем более охотно его (или её) действия копируются другими индивидами. В человеческом социуме мы перенимаем черты тех, кто нам нравится. Чаще всего это происходит при близких личных контактах, однако благодаря масс-медиа мы подражаем также людям, с которыми не знакомы: знаменитостям, общественным деятелям, «звёздам».

Примером тому может служить распространение среди молодых людей обычая сидеть или лежать, развалившись. В 60-х годах прошлого века они активно перенимали друг у друга привычку расслабляться, небрежно раскидывая ноги и руки. Как часто бывает, эта поза стала популярной из-за новой моды. В 60-е аккуратно выглаженные брюки теряли популярность, и мужчины все чаще надевали вместо них синие джинсы. Изначально джинсы шились из палаточного брезента и предназначались для американских ковбоев, которые много часов проводили в седле, и долгое время считалось, что джинсы — это рабочая одежда для тех, кто занят физическим трудом. Затем калифорнийские мужчины с высоким статусом молодёжных кумиров превратили джинсы в повседневную одежду. В скором времени молодёжь обоих полов как в Америке, так и в Европе стала им подражать, тем же путём распространялась и «расслабленная» поза. Типичный молодой человек принимался сидеть или лежать на полу комнаты, на ступенях зданий, на мостовых, привольно раскинув защищённые джинсами ноги на грубой или грязной поверхности.

Летом в Амстердаме, Париже и Лондоне можно было наблюдать сотни молодых людей, которые полулежали или сидели на корточках. Их поведение резко отличалось от поведения представителей старшего поколения. В полной мере этот контраст проявился на фестивалях поп-музыки, которые проводились в 60-е годы на открытом воздухе: слушатели целыми днями лежали на траве, никому и в голову не приходило предлагать им стулья.

Впрочем, джинсы стали лишь одним из проявлений тогдашней «революции». Изменениями в одежде дело не ограничилось, куда большее влияние на действия молодёжи оказали перемены в мировоззрении. Молодые люди развивали в себе незашоренность, они старались относиться ко всему легко, без напряжения, их мышцы становились более расслабленными, а действия — вялыми. Пожилым казалось, что молодые держатся и ведут себя безалаберно, но для объективного наблюдателя их действия характеризовали определённый стиль поведения, а не отсутствие этого стиля.

В подобных «революциях» нет ничего нового. Тысячелетие за тысячелетием писатели в своих книгах отражали смятение старшего поколения перед «упадничеством» молодёжи. Иногда старики жаловались на то, что молодые становятся пижонами и денди, что они слишком женственны или, наоборот, грубы и бесцеремонны. В каждом случае определённые позы и действия менялись, заимствовались, стремительно распространялись, теряли популярность и уступали место новому стилю поведения. Мода непредсказуема, и невозможно предугадать, какие действия будут охотно перениматься и заимствоваться молодёжью будущего.

УСВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Действия, которым мы учимся

Усвоенные Действия перенимаются сознательно: либо нас им обучают, либо мы наблюдаем за окружающими и упражняемся сами. Одна крайность тут — сложные физические упражнения вроде сальто-мортале или ходьбы на руках. То и другое могут продемонстрировать только профессиональные акробаты — и то лишь после долгих тренировок.

Другая крайность — простые действия, такие, как подмигивание и рукопожатие. В некоторых случаях они могут казаться заимствованными, но если понаблюдать за детьми внимательно, окажется, что чаще всего ребёнок сознательно и целеустремлённо повторяет за родителями действия, которые те совершают автоматически. Столь естественное для взрослых рукопожатие маленьким детям кажется неприятным и нелепым, и в первые разы родители вынуждены уговаривать ребёнка подать руку, а затем демонстрировать на собственном примере, как именно принято обмениваться рукопожатием. Наблюдая за ребёнком, который в первый раз в жизни пытается сознательно тебе подмигнуть, поневоле задумываешься о том, насколько сложными могут быть действия, которые выглядят простыми. Есть люди, которые не могут воспроизвести подмигивание, даже став взрослыми, хотя тому, кто умеет подмигивать, сложно понять, как такое возможно.

Щелчки пальцами, посвистывание и другие банальные действия попадают в эту категорию наряду с более очевидными и сложными навыками.

Стремление человека к обучению таково, что время от времени предпринимаются удивительные попытки научить людей «ораторской жестикуляции» — невзирая на то что подобные наставления нужны немногим.

СМЕШАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Действия, различные по своей природе

Итак, совершаемые нами действия можно условно разделить на четыре группы: действия, которые мы наследуем вместе с генами, те, что мы выявляем в ходе взросления, действия, перенимаемые у других индивидов, и действия, усваиваемые в процессе сознательных тренировок. Однако, выделяя эти четыре связанных друг с другом типа, я вовсе не утверждаю, что каждое действие попадает в одну и только одну категорию. Многие действия взрослых людей формируются под воздействием нескольких факторов.

Например, Врожденные Действия сплошь и рядом радикально меняются под давлением социума. Младенческие вопли трансформируются у взрослых во что угодно, от беззвучного плача и приглушенного хныканья до истерических визгов и жалостливых завываний, в зависимости от местной культуры.

Точно так же меняются со временем и Выявленные Действия — большое влияние оказывает на них неосознанное следование социальной «моде». Так, наедине с собой человек может предпочитать сидеть со скрещенными ногами, потому что эта поза кажется ему удобной и приятной, но конкретная форма этого действия зависит от неписаных правил поведения в социуме. Взрослея, дети неосознанно начинают скрещивать ноги так, как делают это другие представители их пола, класса, возрастной группы и культуры.

Эти процессы идут почти незаметно. Даже замечая изменения, мы чаще всего не анализируем их и не понимаем, почему они произошли. Когда член одной группы попадает в другую, ему становится слегка не по себе, но по какой причине — он сказать не может. А причина проста: движения, позы и жестикация других людей кажутся ему чужими. Отличия могут быть еле заметными, но мы все равно замечаем их и мысленно «ставим галочку». Член данной группы может охарактеризовать членов другой как вялых, женственных или грубых. Если спросить, почему он так считает, ответ будет: «Да вы только посмотрите на них!» По всей вероятности, он неосознанно интерпретирует действия членов другой группы неверно.

Продолжая говорить о том, как люди скрещивают ноги, вспомним интересный факт: американские мужчины иногда говорили, что европейские мужчины кажутся им немного женственными. Когда эту реакцию стали анализировать, выяснилось, что речь шла вовсе не о половом поведении европейских мужчин, но о том, что они, закидывая ногу на ногу, скрещивают при этом колени. Для европейца такое положение ног настолько естественно, что он не воспринимает его как «позу»: обычно мужчины в Европе сидят именно так. Между тем американцу такая поза кажется женственной, потому что в Америке так сидят чаще женщины, нежели мужчины. Американский мужчина, если он скрещивает ноги, предпочитает класть лодыжку одной ноги на колено другой.

На это можно здраво возразить: многие европейские мужчины перенимают у американцев привычку класть лодыжку на колено, в то время как американские мужчины, особенно в больших городах, могут иногда сидеть, перекинув одну ногу через другую. Это верно, и все-таки данное возражение лишь подчеркивает чувствительность людей, реагирующих так или иначе на поведение окружающих. Разница состоит в

распространенности явления. Большинство европейских мужчин предпочитает одну позу, большинство американских — другую. Отличия невелики, тем не менее, именно из-за них европейские мужчины кажутся приехавшему в Европу американцу несколько женственными.

В дополнение к различиям, которые воспринимаются неосознанно, есть и такие, которые усваиваются на сознательном уровне. Замечательными примерами тут могут служить пособия по этикету, особенно викторианские: в этих книгах содержатся подробные инструкции, позволявшие молодым людям не сесть в лужу во время званого обеда, где нужно было показать себя с лучшей стороны и продемонстрировать хорошие манеры. Этикет безапелляционно требовал подавлять любые проявления такого Врожденного Действия, как плач. Запрещалось проявлять бурные эмоции. Требовалось скрывать чувства и жестко контролировать свое поведение.

Когда викторианская леди, услышав о чужой трагедии, отвечала несколькими сдержанными всхлипами, она трансформировала врожденное желание рыдать и кричать, либо неосознанно подражая «достойным людям», либо сознательно придерживаясь викторианского кодекса поведения. Можно предположить, что в большинстве случаев срабатывали оба механизма, и итоговое действие становилось сочетанием врожденного, заимствованного и усвоенного.

Вернувшись к способам, какими люди скрещивают ноги, мы обнаружим ту же ситуацию. Викторианской девочке прямо говорили о том, что «леди никогда не кладет ногу на ногу». В начале XX века правила были слегка упрощены, но лишь для «неформальной обстановки», и девушкам по-прежнему рекомендовали всячески избегать скрещивания ног. Если без этого нельзя было обойтись, от девушек требовали скрещивать ноги как можно более незаметно, например, скрещивать не колени, а лодыжки.

Сегодня подобные требования могут показаться несообразными, поскольку недавняя революция в социальном поведении сделала их практически древней историей. Если на лондонской сцене можно увидеть голую девушку, лобковые волосы которой расчесывает голый юноша, разве не означает это, что степень, в какой девушки должны скрещивать ноги, заботит ныне разве что древних старушек? Любой серьезный исследователь, наблюдающий за людьми, сразу скажет, что это не так. Мы до сих пор не избавились от чопорных правил, до тонкостей регламентирующих наше поведение, более того, этих правил придерживаются даже самые раскованные индивиды. Все зависит от контекста. Если взять актрису, которая на сцене позволяет холить свои лобковые волосы, одеть ее и отправить на ток-шоу, окажется, что она скрещивает ноги сообразно тем же правилам хорошего тона. Представьте ее королеве на благотворительном вечере — и вы увидите, как все та же актриса в мгновение ока обретет изысканные манеры и присядет в средневековом реверансе.

Пусть все вокруг кричат о всеобщей культурной революции — обманываться не стоит. Прежний образ действий редко исчезает насовсем, он всего лишь перестает активно проявляться в определенном контексте. Все меньше людей ведут себя так, как раньше, но в каком-то виде прежний образ действий, как правило, сохраняется.

Отдельные элементы поведения весьма привязчивы: мы до сих пор опускаем большой палец вниз, приказывая не шадить воображаемого гладиатора, словно живем в Древнем Риме, и снимаем воображаемую шляпу, когда приветствуем знакомого в толпе.

Мы можем не отдавать себе отчет в том, что означали некогда многие из совершаемых нами действий, но продолжаем совершать их, поскольку заучили эти действия наизусть. Учителя часто говорят нам, что вести себя подобным образом — вежливо, что «так

принято», что в данном случае необходимо поступать так-то и так-то, но почему — не говорят. Если спросить их, окажется, что они и сами этого не знают. Мы усваиваем действие, покорно воспроизводя его вновь и вновь, и затем учим тому же других людей, которые наравне с нами не понимают, что означает данное телодвижение.

История возникновения многих знаков скрыта во мраке неизвестности, что не мешает новым поколениям копировать эти знаки и передавать их дальше. Телодвижения не исчезают не потому, что им обучают в школах, а потому, что мы видим, как их воспроизводят другие люди, и бездумно им подражаем. Можно сказать, что это Смешанные Действия особого рода, ибо они стали такими исторически. Эти действия возникли как усвоенные, обусловленные особыми требованиями этикета (в Средние века головной убор снимали, когда преклоняли колени); затем они модифицировались и сокращались (военные сегодня отдают честь, прикладывая руку к виску); в конце концов, они распространились настолько, что попали в обычный набор заимствованных действий (приветствуя друзей, мы поднимаем руку почти до уровня виска). Это Смешанные Действия, историю которых можно проследить, хотя мы не всегда способны сделать это с подобающей точностью.

МИМИКА И ЖЕСТЫ

Жест, в том числе мимический, — это любой знак, подающий визуальный сигнал наблюдателю. Действие превращается в жест, когда оно несет в себе некую коммуникативную информацию и наблюдаемо при этом внешним зрителем. Информация передается либо потому, что жестикулирующий сознательно решает подать сигнал (например, машет кому-то рукой), либо делает это случайно (например, чихает). Взмах руки — это Основной Знак, поскольку у него нет иной причины или функции. Это средство коммуникации от начала и до конца. Чихание, напротив, относится к вторичным или Случайным Знакам. Его основная функция — чисто механическая, она связана с чихающим и его физическим самочувствием. Во вторую очередь, однако, чихание неизбежно дает знак окружающим, предупреждая их о том, что чихнувший, по всей видимости, простыл.

Большинство людей понимает под словом «знак» только основные формы вроде взмаха руки, упуская при этом одну важнейшую деталь. Результат подаваемого знака зависит не от того, какие сигналы мы посылаем, а от того, какие сигналы получает зритель. Наблюдающие за нашими действиями люди не отличают наши сознательные Основные Знаки от неосознанных и случайных. В каком-то смысле Случайные Знаки куда более показательны — хотя бы потому, что мы сами не воспринимаем их как знаки и не стремимся подавлять их с какой бы то ни было целью. Вот почему термин «знак» предпочтительнее использовать в более широком значении «наблюдаемое действие».

Есть замечательный способ отличить Случайный Знак от Основного. Нужно спросить себя: подал бы я этот знак, оставшись в одиночестве? Если вы отвечаете «нет», значит, мы имеем дело с Основным Знаком. Когда вокруг ни души, мы не подмигиваем, не машем рукой и не показываем ни на кого пальцем — по крайней мере, до тех пор, пока не начинаем оживленно беседовать с самими собой.

Многие наши действия изначально не несут никакой «общественной» нагрузки — мы всего лишь заботимся о собственном теле, потакаем ему, перемещаем его в пространстве; мы чистим и холим себя, скребем, очищаем и вытираем самыми разными способами; мы кашляем, зеваем и потягиваемся; мы едим и пьем; мы принимаем удобные позы, складывая руки и скрещая ноги; мы сидим, стоим, садимся на корточки, полулежим во множестве разных позиций; мы ползаем, ходим и бегаем разными стилями и с разной скоростью. И хотя все это мы проделываем ради собственного блага, подобные действия далеко не всегда остаются незамеченными. Окружающие люди узнают о нас многое, наблюдая именно за нашими «личными» действиями. Они видят не только то, что мы чешем зудящий участок кожи или бежим, когда опаздываем, они видят еще, как мы все это делаем, и узнают, какой у нас характер — и в каком настроении мы пребываем в данную минуту.

Возможно, мы предпочли бы скрыть информацию о нашем настроении, невольно передаваемую через «личные» действия, если бы только задумались над тем, что делаем. Иногда мы осознаем, что «открываемся другим» и «не скрываем свои чувства», и пытаемся контролировать себя. Но чаще этого не происходит, и мы подаем окружающим сигналы — яркие и ясные.

К примеру, когда студент, слушающий занудную лекцию, подпирает голову руками, это одновременно и механическое действие, и знак. Механическое действие сводится к поддержанию руками уставшей головы, и этот физический акт касается одного только студента. В то же время это действие неизбежно превращается в знак, который сообщает находящимся рядом людям (возможно, и лектору) о том, что студент скучает.

В таких случаях действие не является осознанным, и студент может не понимать, что он передает окружающим какую-то информацию. Если задать ему прямой вопрос, он может сказать, что ему не было скучно, просто он устал. Если студент честен (или невежлив), он должен будет сказать, что искреннее любопытство легко изгоняет усталость и по-настоящему интересный лектор никогда не увидит в аудитории сутулящихся, подпирающих головы руками слушателей вроде него.

Школьный учитель, рывкающий на учеников «сядьте прямо!», на деле требует от них выказать то внимание, которое он должен заслужить, пробудив в них интерес к уроку. Судить о власти знаков-сигналов можно уже по тому, что учителю кажется, будто его слушают внимательнее, когда он видит учеников, сидящих прямо, хоть он и понимает, что напрячься их заставил окрик, а вовсе не его педагогические способности.

Многие Случайные Знаки передают информацию о нашем расположении духа, которую ни мы, ни окружающие нас люди не «считывают» сознательно. Представьте себе подземную систему связи, которая функционирует, никак не проявляясь на «поверхности» социальных контактов. Мы совершаем действие, зрители за нами наблюдают. Значение действия «прочитывается», но не вслух. Мы скорее «ощущаем» настроение, чем анализируем его. Временами действие становится настолько характерным для определенной ситуации, что мы, в конце концов, идентифицируем его. Например, мы говорим о трудной проблеме: «Тут

придется почесать в затылке!» — признавая тем самым, что мы осознаем связь между удивлением и Случайным Знаком «почесывание в затылке». Однако зачастую эта связь воспринимается нами на подсознательном уровне или не воспринимается вообще.

Чем она яснее, тем, разумеется, легче управлять ситуацией и использовать Случайные Знаки, чтобы добиться желаемого результата. Если присутствующий на лекции студент не ощущает усталости, но желает оскорбить лектора, он может умышленно сторбиться и принять скучающую позу, сознавая, что этот сигнал дойдет до «адресата». Это Модифицированный Случайный Знак — механическое действие, которое имитируется с целью подать некий знак. В эту категорию попадают многие традиционные «знаки внимания»; так, не будучи голодны, мы охотно поглощаем еду, которая нам не нравится, лишь для того, чтобы показать хозяевам наше к ним расположение. Когда ребёнок взрослеет и учится адаптироваться к правилам поведения в обществе, он, так или иначе, постигает искусство контроля над Случайными Знаками.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Биологические знаки, общие для нас и других животных

Основные знаки делятся на шесть главных категорий. Пять из них свойственны только человеку, и появились благодаря его сложно устроенному, высокоразвитому мозгу. Исключение составляют знаки, которые я назвал Выразительными. Эти знаки являются общими для людей и животных. Данная категория включает в себя важные сигналы, передаваемые с помощью выражения лица, играющие ключевую роль в нашем общении.

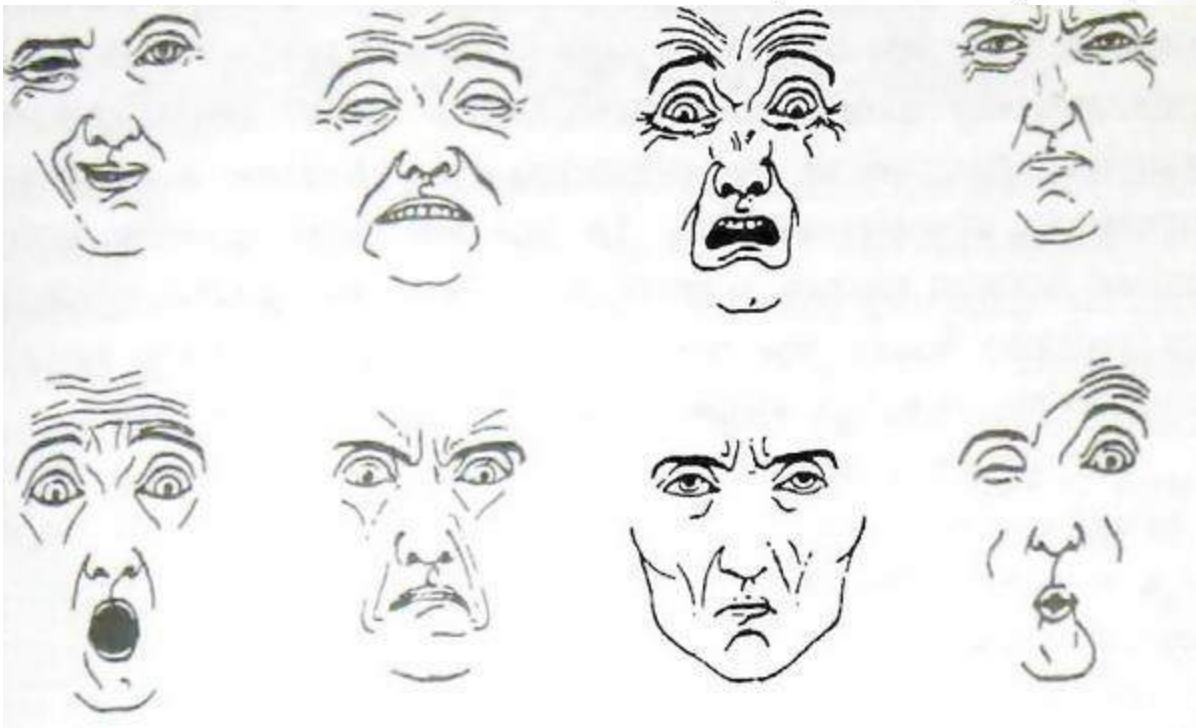
Лица всех приматов крайне выразительны. Строение лицевых мышц у высших видов становится все сложнее, позволяя их лицам приобретать огромное множество различных выражений. У людей мимическая выразительность достигает апогея: наши лица передают основную часть невербальных сигналов.

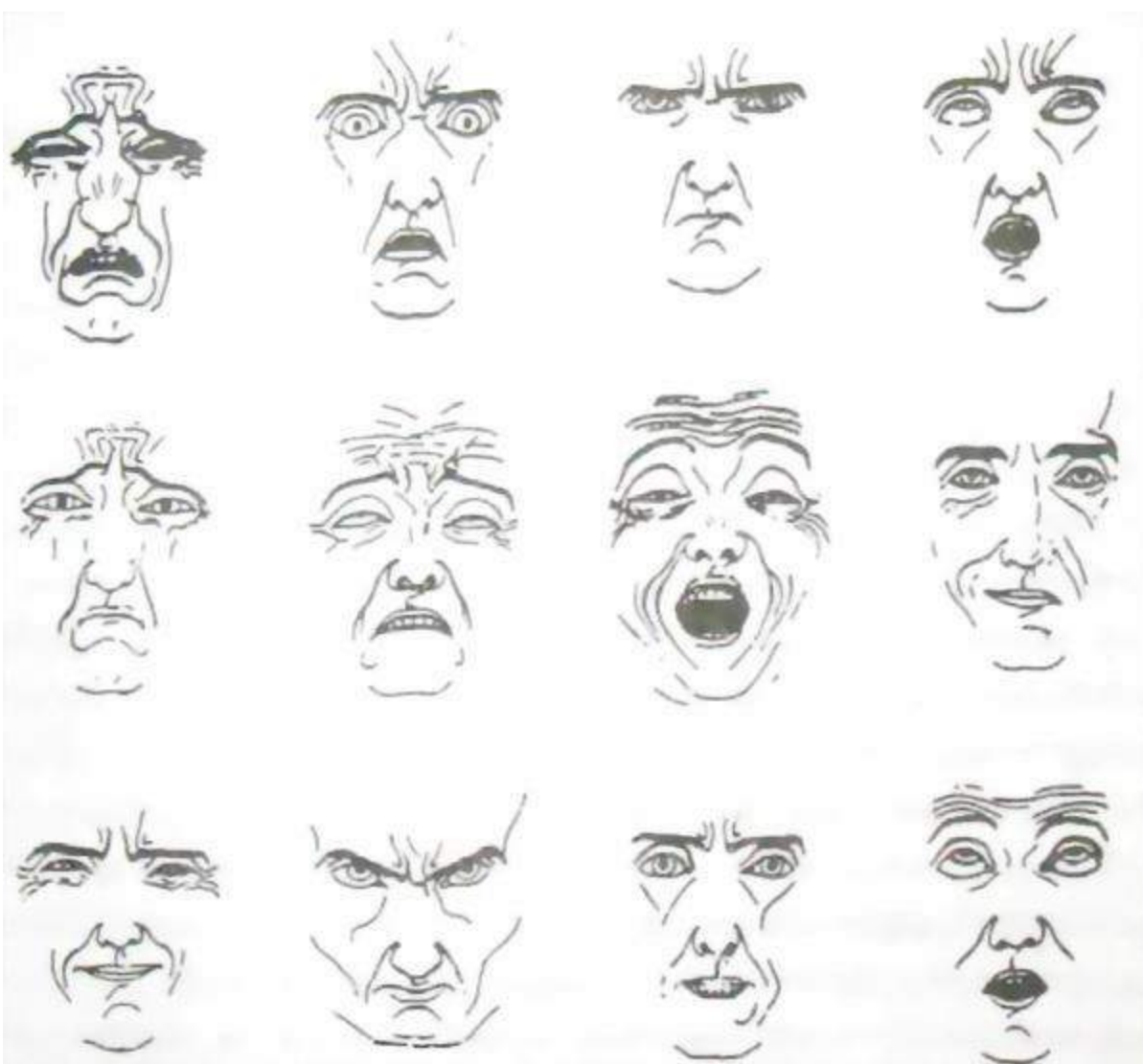
Не менее важны человеческие руки, которые, освободившись в древности от обязанности перемещать тело, научились жестикуляции: малейшие перемены в положении рук подают сигнал об изменении настроения человека, особенно во время разговора. Слово «жестикуляция» я определяю как неумышленно совершаемое в процессе коммуникации движение рук, которым жестикулирующий подчеркивает свои слова.

Столь естественные знаки обычно подаются спонтанно и в большинстве своем воспринимаются как должное. Да, говорим мы, он скорчил смешную гримасу. Но как именно двигались его брови? Этого мы не помним. Да, говорим мы, он размахивал руками, пока говорил. Но как он при этом складывал пальцы? Не помним. При этом мы вовсе не были невнимательны. Мы видели всякий знак, и наш мозг зарегистрировал все, что мы видели. Но подвергать подобные действия анализу для нас — то же самое, что произносить по буквам слова, которые мы слышим, чтобы понять их смысл. В этом отношении Выразительные Знаки сродни Случайным из предыдущей категории. Есть и отличие: Выразительный Знак подает сигнал и не выполняет механической функции. Мы делаем такие знаки, когда улыбаемся и усмехаемся, пожимаем плечами и надуваем губы, смеемся и содрогаемся, краснеем и бледнеем, машем и маним, киваем и тарачимся, хмуримся и рычим. Эти знаки практически одинаковы во всем мире. В разных уголках Земли они могут отличаться деталями и контекстом, но в общем и целом они знакомы всем нам. У каждого человека есть развитые лицевые мышцы, единственная задача которых — воспроизводить мимику; все мы стоим на двух конечностях, а не на четырех, потому наши руки свободны и могут выразительно «танцевать», когда мы объясняемся, спорим и шутим в процессе коммуникации. Да, мы потеряли хвосты, которыми можно вилять, и шерсть, которая может топорщиться, однако более чем восполнили потерю, заимев изумительно подвижные лица и трепещущие, гибкие руки.

Лицо человека обладает наиболее сложным и высокоразвитым набором лицевых мышц среди всех форм жизни. На Земле есть животные с достаточно выразительными мордами, но ни одно из них не может сравниться с человеком по разнообразию и отточенности выражений лица, передающих тончайшие нюансы настроения. Справа — набор Выразительных Знаков из книги об искусстве пантомимы Шарля Обера; слева — изображение лицевых мышц из исследования Эрнста Хубера, посвященного эволюции лица.

По своей природе наши Выразительные Знаки тесно связаны со Случайными Знаками — изначально они выражали действия, не связанные с общением. Сжатый кулак обязан своим появлением намерению ударить оппонента. Когда рассерженный человек хмурит брови, он повторяет древнее телодвижение животного, которое в ожидании атаки стремилось защитить глаза. Разница состоит в том, что в данном случае связь между исходным физическим действием и его «потомком», Выразительным Знаком, некогда прервалась. Когда мы улыбаемся, надуваем губы, вздрагиваем, разеваем рот, ухмыляемся и так далее, можно видеть, что все эти знаки абсолютно утилитарны, они воспроизводятся исключительно с коммуникативными целями. Невзирая на то, что Выразительные Знаки являются общими для людей по всему миру, они подвержены заметному влиянию локальных культур. Хотя развитый набор мышц для улыбки имеется у всех и каждого, мы не улыбаемся одинаково, более того, мы не улыбаемся по одному и тому же поводу. К примеру, все дети охотно улыбаются и смеются, но если местные традиции требуют от ребёнка учиться не выказывать свои чувства, взрослые могут скрыть даже намек на улыбку. Часто локальные правила поведения дают повод думать, будто данный Выразительный Знак — это местное изобретение, а не общий для всех, пусть и модифицированный, элемент поведения.

ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

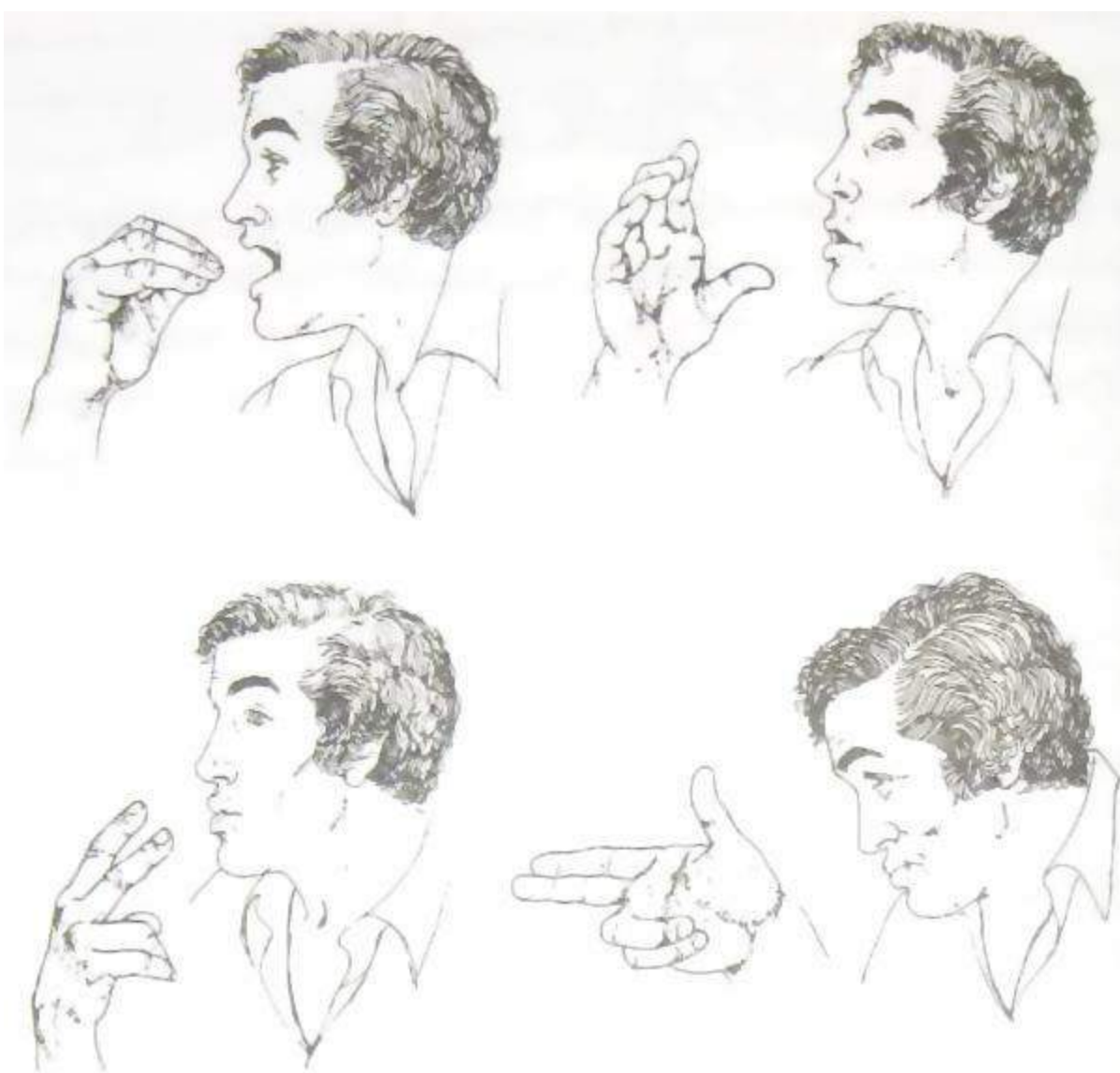
Знаки, передаваемые путем имитации

Мы делаем Подражательные Знаки, когда пытаемся изобразить — настолько точно, насколько это возможно, — человека, объект или действие. Тут мы должны забыть про наследие животного мира: подобные знаки присущи только людям. Главное свойство Подражательного Знака заключается в том, что он копирует вещь, которую призван изобразить. При этом никто не накладывает на нас никаких ограничений. Удачный Подражательный Знак, таким образом, понятен любому, даже тому, кто никогда раньше такого знака не видел. Мы вовсе не обязаны знать, что подобный знак существует, более того, нет никаких правил касательно того, как тот или иной предмет следует изображать.

Есть четыре вида Подражательных Знаков.

Первый вид — это Социальная Мимикрия: «Будем вести себя как положено!» Такая мимикрия знакома всем людям. Нам доводилось улыбаться, скрывая грусть, на вечеринке и выглядеть мрачнее, чем мы были, на похоронах просто потому, что именно этих знаков от нас ждали. Подделывая те или иные знаки, мы лжем, дабы не расстроить других людей. Социальную Мимикрию не следует путать с тем, что психологи называют «играми, в которые играют люди». Предаваясь Социальной Мимикрии, мы обманываем только других, в то время как «игры» заставляют нас обманывать еще и себя.

Второй вид — это Театральная Мимикрия. Это мир актеров и актрис, которые изображают что угодно ради нашего развлечения. По сути, здесь можно различить две основные техники. Первая — преднамеренная попытка имитировать действия, наблюдению за которыми мы посвятили какое-то время. Актер, которому предстоит сыграть, скажем, генерала, смотрит военные фильмы, анализирует движения офицеров и сознательно копирует их, чтобы в итоге обогатить этими знаками свой образ. Есть и другая техника: вообразить себе чувства персонажа, сосредоточиться на них и неосознанно воспроизвести требуемую манеру передвижения и жестикуляции.

Наши Подражательные Знаки обычно понятны незнакомцам и иностранцам, поскольку они до какой-то степени копируют реальные объекты или действия или подражают им. Аля того чтобы понять сигналы вроде «ем», «пью», «курю» и «стреляю из пистолета», вовсе не нужно погружаться в изучение местных традиций жестикуляции.

Обычно актеры применяют сочетание этих двух техник, хотя могут особо подчеркивать важность одной из них, когда рассказывают о своей профессии. В прошлом актерские представления были, как правило, весьма традиционны, но сегодня все они за исключением пантомимы, оперы и фарса нарочито реалистичны; в итоге вместо торжественно одетых, сосредоточенных на сцене зрителей в зале присутствует затененная кучка любителей подслушивать и подглядывать. Актеры не произносят больше реплик «в сторону», зрители не участвуют в спектакле. Другими словами, Театральная Мимикрия сделалась столь же реалистичной, как повседневная Социальная. В этом отношении два типа жестикуляции составляют резкий контраст с третьим, который можно назвать Частичной Мимикрией.

При Частичной Мимикрии «исполнитель» пытается имитировать нечто, чем он никогда не был и не будет, например птицу или дождь. Обычно в этот процесс вовлечены только руки, изображающие объект мимикрии настолько точно, насколько это возможно. Если это птица, руки совершают маховые движения, подражая крыльям; если это дождь, руки изображают падение дождевых капель. Среди широко используемых знаков этого типа — знаки, превращающие руку в «пистолет», какое-нибудь животное или же конечность животного, и движения рук, словно обрисовывающие силуэт того или иного предмета.

Четвертый тип Подражательных Знаков лучше всего обозначить как Пустотную Мимикрию: действие совершается в отсутствие предмета, к которому оно относится. Скажем, когда я голоден, я могу изобразить, как кладу себе в рот воображаемую пищу. Если я испытываю жажду, я могу поднять руку, словно держащую стакан, и влить в себя невидимую жидкость.

У Частичной Мимикрии и Пустотной Мимикрии есть важная особенность: подобно Социальной и Подражательной Мимикрии, эти типы действий тяготеют к реалистичности. У нас может не получиться изобразить явление «как в жизни», но мы все равно пытаемся это сделать. По этой причине упомянутые знаки понятны представителям самых разных народов и сильно отличаются от следующих двух типов знаков, которые тесно связаны с конкретной культурой.

СХЕМАТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

Подражания, ставшие со временем урезанными и сокращенными

Схематические Знаки — это Подражательные Знаки в урезанном и сокращенном варианте. Можно сказать, что это попытка изобразить некое явление путем воспроизведения одного из ключевых элементов жестикуляции. О реалистичности тут речь уже не идет.

Схематические Знаки можно назвать знаковой стенографией: они возникают, когда необходимо воспроизвести подражание быстро и многократно. Как в разговорной речи английское слово cannot («не могу») сокращается до can't, так и изысканная жестикуляция, посредством которой изображался атакующий бык, сократилась до двух пальцев, символизирующих пару пронзающих воздух рогов.

Когда мы сохраняем один из набора знаков и пренебрегаем остальными, выбранный элемент, как правило, узнают даже те, кто видит его в первый раз. Иногда знак подвергается столь сильному упрощению, что для тех, кто «не в курсе», он становится бессмысленным, и Схематический Знак превращается в часть местной культуры, ограниченной определенной территорией. Если исходный набор знаков был сложным и включал в себя несколько ключевых элементов, местные сообщества могут выбрать для укороченной версии каждое свой знак. Когда в каждой местности устанавливается собственная «стенография», люди перестают распознавать Схематические Знаки соседей. Местному знаку придается статус «правильного», и вскоре возникает ситуация, схожая с той, которую мы наблюдаем в лингвистике: в каждой местности утверждается свой язык знаков.

Перейдем к примерам. Американские индейцы изображают лошадь, «усаживая верхом» два пальца одной руки на пальцы другой руки. Монах-цистерцианец вместо этого слегка наклонит голову и откинет со лба воображаемую челку. Англичанин сторбится на манер наездника и возьмется за невидимые волокна. Индеец и монах, скорее всего, поймут английскую версию, которая близка к Пустотной Мимикрии, однако их собственные более чем схематичные знаки вряд ли будут поняты людьми, не входящими в сообщества индейцев и монахов.

Нужно сказать, что ряд объектов и явлений обладает особым свойством, которое столь хорошо их характеризует, что, даже если это свойство изображается Схематическим Знаком, можно без труда определить, о каком объекте или явлении идет речь. Отличным примером тут может служить упомянутый выше бык. Скот почти всегда характеризуется одними только рогами, а два рога всегда изображают двумя пальцами. Если бы встретились индеец, индийская танцовщица и австралийский абориген, они поняли бы символизирующие скот знаки друг друга. Это не значит, что все знаки одинаковы. Знак индейца изображал бы бизона, рога которого загнуты не вперед, как у домашнего скота, а внутрь по направлению друг к другу. Жестикуляция индейца будет соответствующей: он приставит кисти к вискам и выставит согнутые указательные пальцы, указывающие друг на друга. Австралийский абориген повторит знак, но пальцы его будут указывать вперед. То же и у индийской танцовщицы, но она вместо того, чтобы приставлять кисти к вискам, вытянет руку на уровне талии и распрямит указательный палец и мизинец. В каждой культуре бытует свой вариант знака «бык», но благодаря тому, что рога — это наиболее заметная особенность

скота, Схематические Знаки, означающие скот, будут понятны представителям различных культур, невзирая на все различия между ними.

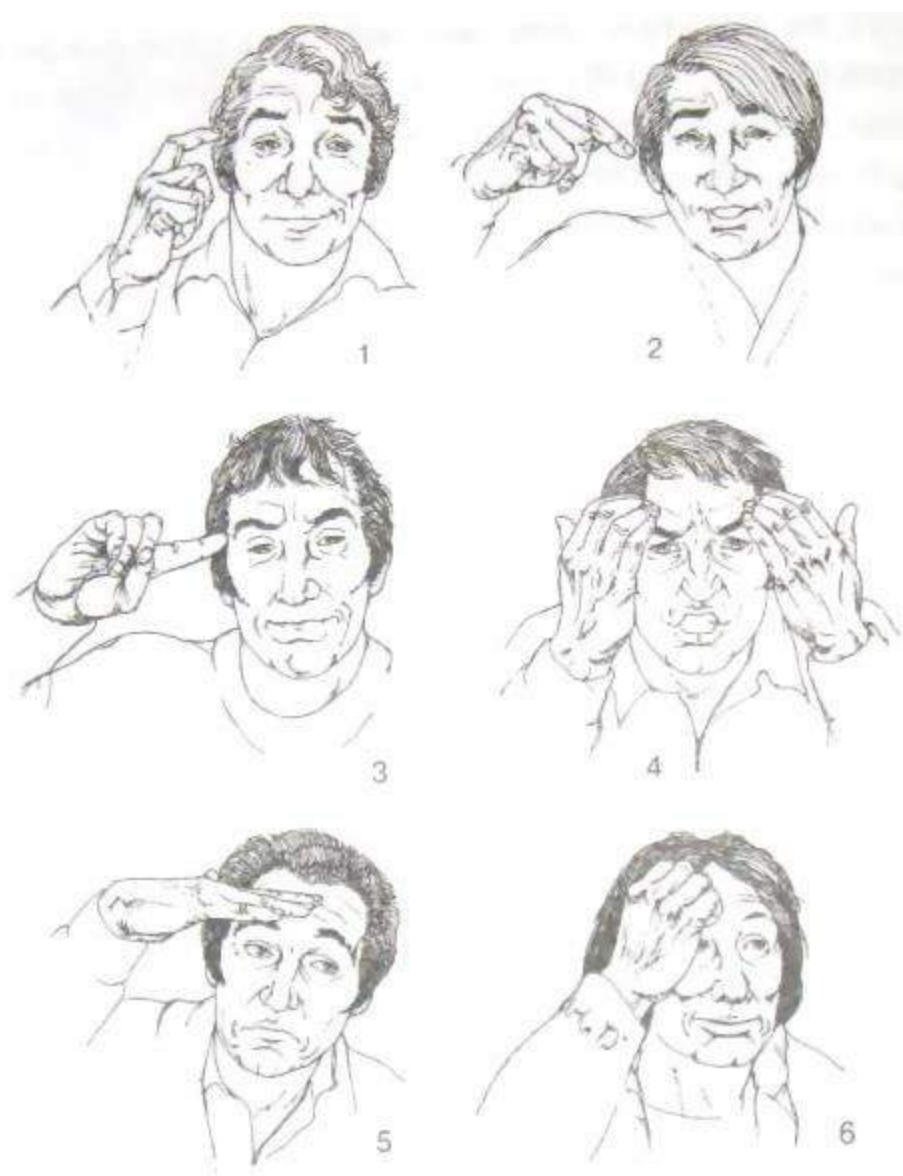
Схематические Знаки возникают, когда мы выбираем одну характеристику изображаемого объекта и воспроизводим ее в упрощенном виде. Подобные знаки не всегда понятны чужакам, не знакомым с особенностями местной жестикуляции. Однако есть объекты, у которых разные народы выделяют одну и ту же особенную черту. Так, представители самых разных культур — австралийский абориген, индийская танцовщица и североамериканский индеец — схематически изображают рогатый скот в виде пары рогов.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

Знаки, выражающие настроение и идеи

Символический Знак служит обозначением абстрактного качества, которое невозможно выразить однозначно просто. Мы, таким образом, уходим все дальше от очевидности Подражательных Знаков, которые изображают реальность.

Как, например, передать знаками идею глупости? Можно, конечно, удариться в полновесную Театральную Мимикрию и изобразить слюнявого деревенского дурачка, однако слабоумие — не лучший способ указать на глупость поступка, совершенного здоровым взрослым человеком. Еще можно постучать указательным пальцем по виску, но и этот знак не слишком точен: мы вполне можем использовать его, когда хотим сказать, что мозги у человека работают как надо. Стуча пальцем по виску, мы всего лишь указываем на мозг. Для того чтобы выразить мысль яснее, можно приставить палец к виску и покрутить им, обозначив тем самым «сдвиг по фазе». В качестве альтернативы можно также покрутить пальцем, лишь поднеся его к виску; так мы сигнализируем, что голова у субъекта кружится, что он, иначе говоря, неадекватен.

Зачастую Символические Знаки достаточно трудно интерпретировать, поскольку их происхождение туманно. Однако ряд знаков все-таки можно понять, как в случае со знаками, символизирующими «глупость». Они меняются от местности к местности, но почти всегда имеют одно и то же значение: «с мозгом что-то неправильно». При этом люди могут, например: постукивать пальцем по виску (1); вращать пальцем у виска (2); крутить пальцем, приставив его к виску (3); постукивать пальцами по лбу (4); махать рукой перед глазами (5); чесывать лоб (6). Последний знак используется в ряде индейских племен Северной Америки, остальные распространены более широко.

Знаки, в которых задействованы указательный палец и висок, поймут многие люди — но не все. У ряда людей имеются собственные, локальные наборы знаков, обозначающих глупость, которые, в свою очередь, могут смутить нас: одни постукивают пальцем по поднятому локтю, другие поднимают руку и вращают кисть, третьи резко перемещают кисть вверх-вниз перед полужакрытыми глазами, четвертые кладут указательный палец горизонтально на лоб.

Ситуация усложняется еще и тем, что некоторые знаки, обозначающие глупость в одних странах, в других символизируют нечто совсем иное. Рассмотрим лишь один пример: в Саудовской Аравии указать на чью-то глупость можно, дотронувшись кончиком указательного пальца до нижнего века. Этот же знак в других странах может обозначать

недоверие, одобрение, согласие, подозрение, скепсис, настороженность, скрытность, коварство, опасность или виновность. Почему возник этот хаос значений — достаточно очевидно. Указывая на глаз, человек не более чем акцентирует внимание на символическом значении глаза как органа зрения. Действие передает только этот сигнал и может означать «да, я вижу», или «не верю своим глазам», или «не забывай глядеть по сторонам», или «мне нравится то, на что я смотрю», или иметь любой другой смысл, связанный со зрением. В этом случае важно понимать, какое именно «зрительное» значение приписывается этому знаку в данной культуре.

Таким образом, с Символическими Знаками связаны две проблемы: разные действия могут иметь одно и то же значение, и наоборот, одно и то же действие может иметь множество значений в зависимости от культуры. Единственное решение тут — подходить к каждой культуре непредвзято и заучивать местные Символические Знаки так же, как мы заучиваем слова чужого языка.

Значения знаков заучиваются легче, если мы обнаружим связь между действием и его смыслом, однако это не всегда возможно. В ряде случаев мы не понимаем, как возникли те или иные Символические Знаки. Ясно, что они являются символическими, поскольку представляют сейчас некие абстрактные качества, но почему данное качество в древности стало обозначаться именно этим знаком, мы не узнаем уже никогда. Хороший пример тут — итальянский жест, обозначающий мужа-рогоносца. Рогоносец изображается соответственно с парой рогов — либо при помощи двух указательных пальцев, поднесенных к вискам, либо при помощи распрямленных указательного пальца и мизинца. Нет никакого сомнения в том, что означают в обоих случаях пальцы: это рога быка. В качестве таковых можно посчитать, что мы имеем дело со Схематическим Знаком. Но знак этот не изображает быка как такового. Он символизирует жертву супружеской измены. Следовательно, это действие можно классифицировать как Символический Знак. Для того чтобы объяснить его возникновение, нужно найти связь между быками и адюльтером.

Исторические записи на эту тему не сохранились, в результате появилось несколько довольно забавных теорий. Дело в том, что в Италии широко распространен еще один знак, «рогатая рука», использующий тот же мотив бычьих рогов, но имеющий при этом совершенно иное значение. «Рогатая рука» — это, по сути, охранительный знак, призванный уберечь человека от воображаемых опасностей. Ясно, что этим знаком итальянцы символически призывают на защиту силу, свирепость и мужественность быка. Тем сложнее объяснить, почему тот же самый знак с бычьими рогами используется для обозначения «трогательного» рогоносца.

Одна из теорий объясняет противоречие следующим образом: в одном случае знак обозначает быка, потому что бык силен, в другом — в случае с рогоносцем, — потому, что быков часто кастрируют. С тех пор как человек одомашнил крупный рогатый скот, быков всегда было больше, чем нужно, если брать в расчет число коров. Здоровый некастрированный бык способен обслужить от пятидесяти до ста коров в год, потому для воспроизводства необходимо относительно небольшое число нехолощенных быков. Остальных кастрируют, чтобы они стали более покорными и их легче было в итоге пустить под нож. Должно быть, в народе жалели беспомощных самцов-кастратов, которые вынуждены были оставаться в стороне, пока несколько сексуально активных быков «похищали их законных жен», отсюда и символ: бык = рогоносец.

Было предложено и другое объяснение: когда рогоносец обнаруживает, что супруга ему

неверна, он свирепеет от ревности и начинает реветь и крушить все вокруг — в точности как дикий бык.

Еще одна теория гласит, что рог символизирует мужскую силу любовника, который наставил мужу рога. Когда кто-то указывает на обманутого супруга и изображает рога, он словно напоминает о том, что любовник «покрыл» его жену подобно огромному быку.

Согласно четвертой теории, знак «рогоносец» по сути своей саркастичен, он говорит: «Ты силен как бык», — но означает прямо противоположное.

Пятая версия привлекает к объяснению образ богини-охотницы Дианы, которая сделала рога символом краха мужчины. По легенде, охотник Актеон подглядывал за обнаженной Дианой, пока та купалась. Разозлившись, Диана превратила Актеона в рогатого зверя и затем натравила на него его же псов, которые и растерзали охотника.

Существует также теория, связывающая знак «рогоносец» с древними жрицами-проститутками. Эти женщины почитали богов, обладавших «рогами почета» — иначе говоря, рога выступали как символы силы и мужественности, — и боги были столь довольны «священными шлюхами», что переносили божественные рога на головы супругов, приказавших своим женщинам стать проститутками при храмах. Со временем рога почета стали восприниматься как «рога насмешки».

Казалось бы, шести теорий более чем достаточно, однако находятся люди, утверждающие с неменьшей убежденностью, что речь идет о самцах-оленях, у которых есть рога (древние не видели разницы между рогами оленьими и бычьими): в период брачевания большая часть оленей уступает своих самок нескольким доминирующим самцам, которые создают большие гаремы. Большинство рогатых оленей — несчастные рогоносцы.

Наконец, существует еще одна, необычная теория, по которой быки и олени не имеют с «рогоносцами» ничего общего. Ее сторонники вспоминают о древнем обычае срезать с лап холощеного петуха шпоры и пересаживать их в основание удаленного гребня, где они в итоге превращаются в «рога». Отсюда и символическая связь между рогами и павшим жертвой измены мужем. Данная теория подкрепляется тем, что немецкое слово «Hahnrei», «рогоносец», означает также каплуна, или кастрированного петуха.

Распространенный в Италии знак «рогоносец» на изображении XVIII века (вверху); он же воспроизводится Арлекином в XIX веке (выше). Символическая подоплека этого древнего

знака, весьма оскорбительного для итальянцев, неизвестна, на этот счет существуют различные теории.

Если теперь, ознакомившись с восемью равно достоверными теориями, вы считаете, что знаете об истории происхождения знака «рогоносец» все, вы заблуждаетесь (что, конечно, простительно). Мы оказались в царстве не исторических фактов, но буйного воображения. Я уделил этому примеру столько места лишь для того, чтобы показать: сплошь и рядом мы не в состоянии понять, откуда взялся тот или иной Символический Знак. Можно привести еще много столь же противоречивых примеров, однако для демонстрации общего правила «рогоносца» вполне достаточно.

Само собой, из этого правила есть исключения, и происхождение ряда Символических Знаков, которые мы используем по сей день и принимаем как должное, вполне можно проследить. Отличный пример — знак «скрещенные пальцы». Сегодня его используют и нехристиане, однако на деле он означает крест, складываемый из двух пальцев: в древности члены христианских общин использовали этот знак в качестве оберега. Некогда все христиане изображали крест куда более наглядно («крестили себя»), перемещая руку сверху вниз и затем от плеча к плечу и воспроизводя, таким образом, форму креста. В некоторых странах этот знак бытует сегодня вне контекста религии, означая «удачи вам». В обычной жизни его почти повсеместно заменил другой знак: указательный палец поднятой руки лежит крест-накрест на большом, при этом движениями руки крест не изображается.

Изначально данный знак использовался, когда христианин хотел тайно перекреститься, при этом пальцы скрещивались незаметно от всех. По сей день этот «скрытый» знак практикуется, когда человек желает уберечь себя от последствий лжи, но в значении «удачи вам» пальцы скрещиваются на виду у всех. Такая эволюция знака легко объяснима, если вспомнить, что ныне скрещивание пальцев уже не связано напрямую с религией. Скрещенные пальцы как символ могут призывать на защиту христианского бога, однако этот знак был не похож на торжественную жестикуляцию священников и потому безо всякого труда вошел в повседневную жизнь как обычный жест, обозначающий пожелание удачи. Доказательством тому служит простое наблюдение: многие из нас даже не задумываются о том, что призывают к молитве Господу, когда говорят: «Скрестите пальцы на удачу!»

ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

Знаки, используемые сообществами специалистов

Технические Знаки возникают в сообществе специалистов и используются исключительно в сфере их профессиональной деятельности. За пределами узкого круга людей они теряют смысл. Применение подобных знаков столь ограничено, что их нельзя рассматривать как часть коммуникационной среды какой бы то ни было культуры.

Образец Технических Знаков — сигналы, подаваемые работниками телевизионных студий. На заре телевидения напротив ведущего, которого мы видели на экране, стоял «распорядитель». Этот человек получал через наушники указания от руководителя программы, находившегося в аппаратной, и передавал их телеведущему посредством простых знаков. Чтобы предупредить о том, что съемка вот-вот начнется, распорядитель сгибал руку в локте и держал ее вертикально полу. Когда съемка начиналась, он резко опускал руку и указывал ею на ведущего. За несколько секунд до конца съемки распорядитель начинал вращать предплечье, как если бы оно было секундной стрелкой: «Время стремительно истекает». Когда нужно было попросить ведущего говорить подольше, чтобы потянуть время, распорядитель складывал руки вместе перед грудью и медленно разводил их, словно растягивая что-то: «Тяни время!» Если ведущий должен был вдруг замолчать, распорядитель резко проводил ладонью по горлу: «Сказал как отрезал!» Знаки распорядителя не были описаны в каком-либо своде правил. Они появились в эпоху, когда телевидение делало первые шаги, и, хотя основные сигналы были распространены повсеместно, на каждой студии имелись собственные, особые варианты знаков распорядителя, приспособленные под конкретного ведущего.

После появления двух изобретений — видеопленки и скрытых наушников — многие студийные сигналы исчезли. Видеозапись можно было отредактировать, а значит, соблюдение точного хронометража программы было уже не столь важно. Наушник скрытого ношения связывал ведущего напрямую с аппаратной. Тем не менее, визуальные сигналы из студий не исчезли — их стали использовать во время прямых трансляций, когда ведущий по тем или иным причинам не может использовать наушники.

Технические Знаки обнаруживаются везде, где между людьми невозможен вербальный контакт. Аквалангисты, например, не могут разговаривать под водой, и им нужны особые сигналы, позволяющие общаться в потенциально опасных ситуациях. В частности, это знаки, обозначающие «опасность», «холод», «судорога» и «усталость». Другие сигналы, такие, как «да», «нет», «хорошо», «плохо», «вверх» и «вниз», можно позаимствовать из повседневной жизни, для выражения этих понятий Технические Знаки не нужны. Но как вы покажете товарищу, что вам свело ногу? Для этого необходимо ритмично сжимать и разжимать пальцы — простой знак, который, однако, может спасти вам жизнь.

Когда Технический Знак должен подать человек, не являющийся специалистом, может произойти катастрофа. Представьте себе туристов, которые плывут на лодке. Лодка тонет, и туристы доплывают до маленького скалистого острова. Промокшие и перепуганные, они бродят по берегу, размышляя, что делать дальше, и тут с радостью замечают, что к острову движется на всех парах рыбацкое суденышко. Туристы неистово машут рыбакам, пытаясь

привлечь их внимание. Рыбаки машут в ответ, суденышко проплывает мимо острова и исчезает из виду. Если бы потерпевшие кораблекрушение туристы были «специалистами», они знали бы, что на море помахивание рукой всегда означает приветствие. Для того чтобы сигнализировать о бедственном положении, необходимо поднимать и опускать вытянутые руки через стороны. Этот знак означает у моряков «на помощь!».

Впрочем, если бы туристы на острове оказались «специалистами» и подали правильный сигнал, не факт, что их поняли бы правильно: по иронии судьбы, на суденышке могли плыть другие туристы, которые не придали бы этому сигналу значения. Когда в специальную сферу деятельности вторгаются непрофессионалы, всегда возникают проблемы с жестикულიцией.

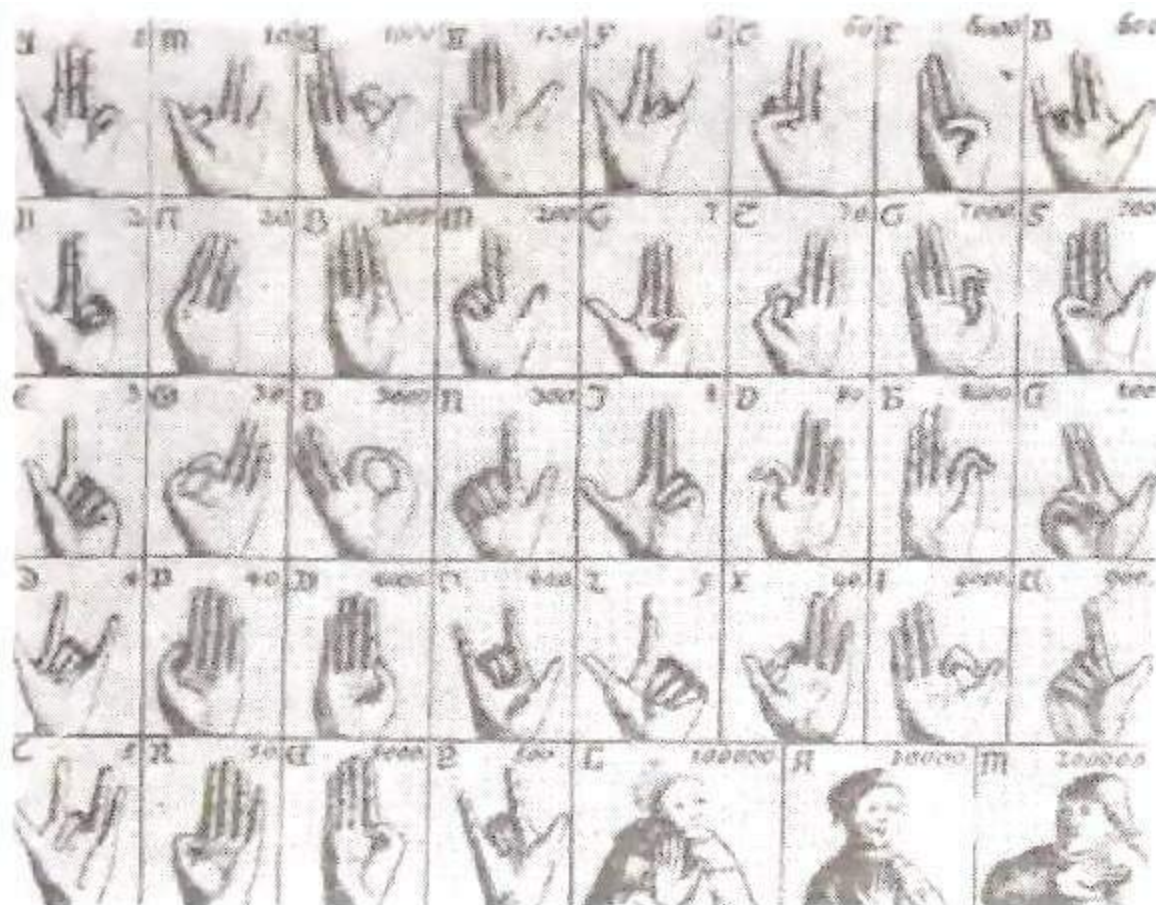
Пожарники, крановщики, сигнальщики в аэропорту, крупье в казино, дилеры на аукционах, работники ресторанов — у всех них имеются свои Технические Знаки. Эти люди разработали собственные наборы сигналов, поскольку не имеют возможности сказать что-либо, или должны «оставаться в тени», или не могут быть услышаны. Мы можем смело игнорировать их жесты — если, конечно, не хотим стать такими же, как они, профессионалами в их области деятельности.

ЗНАКИ-КОДЫ

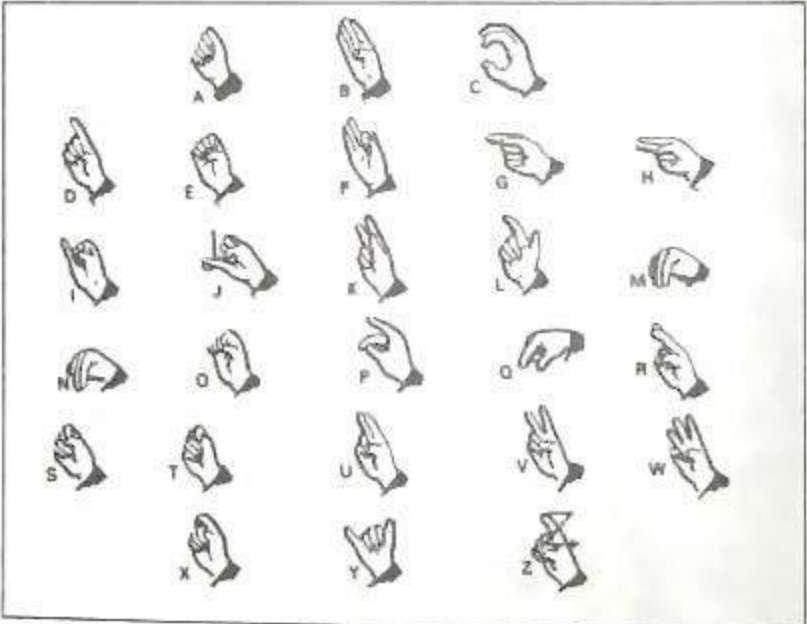
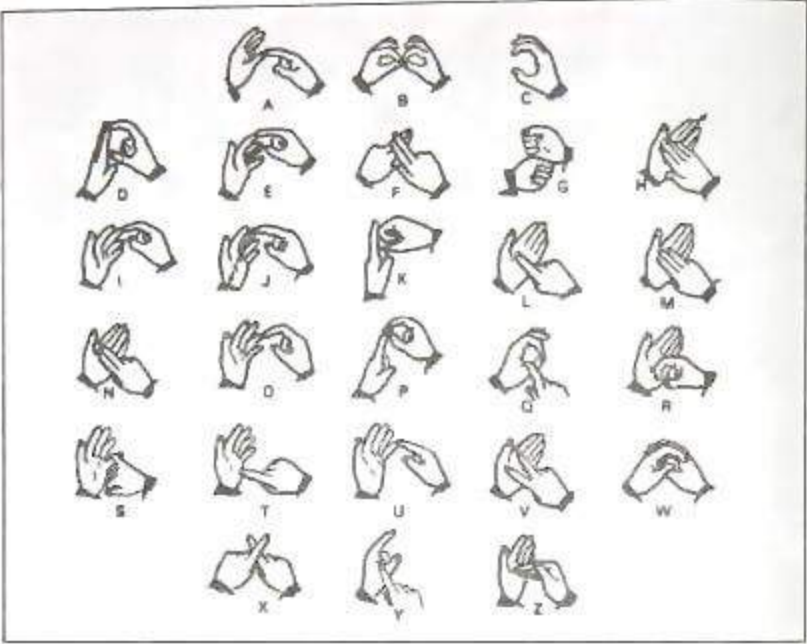
Язык знаков, основанный на системе правил

Знаки-Коды, в отличие от других знаков, являются частью языка знаков с определенными правилами. Подобные знаки связаны между собой и образуют вместе сложную систему, по сути — самый настоящий язык. У Знаков-Кодов есть одна особенность: отдельные знаки не обладают самоценностью вне связей с другими знаками кодовой системы. Технические Знаки тоже могут иметь общую базу, однако каждый такой знак может быть использован независимо от других. Все Знаки-Коды, напротив, взаимосвязаны по какому-либо правилу, как буквы и слова в языке.

Важнее всего для людей язык глухонемых, состоящий из знаков, которые подаются руками. Есть также семафорный язык, в котором буквы выражены положением рук, и язык букмекеров, принимающих ставки на скачках. «Говорить» на этих языках можно лишь после долгих тренировок. Знаки-Коды не имеют ничего общего со знакомой нам будничной жестикуляцией. Вместе с тем они служат замечательным напоминанием о том, что мы обладаем необычайно мощным потенциалом для визуального общения.

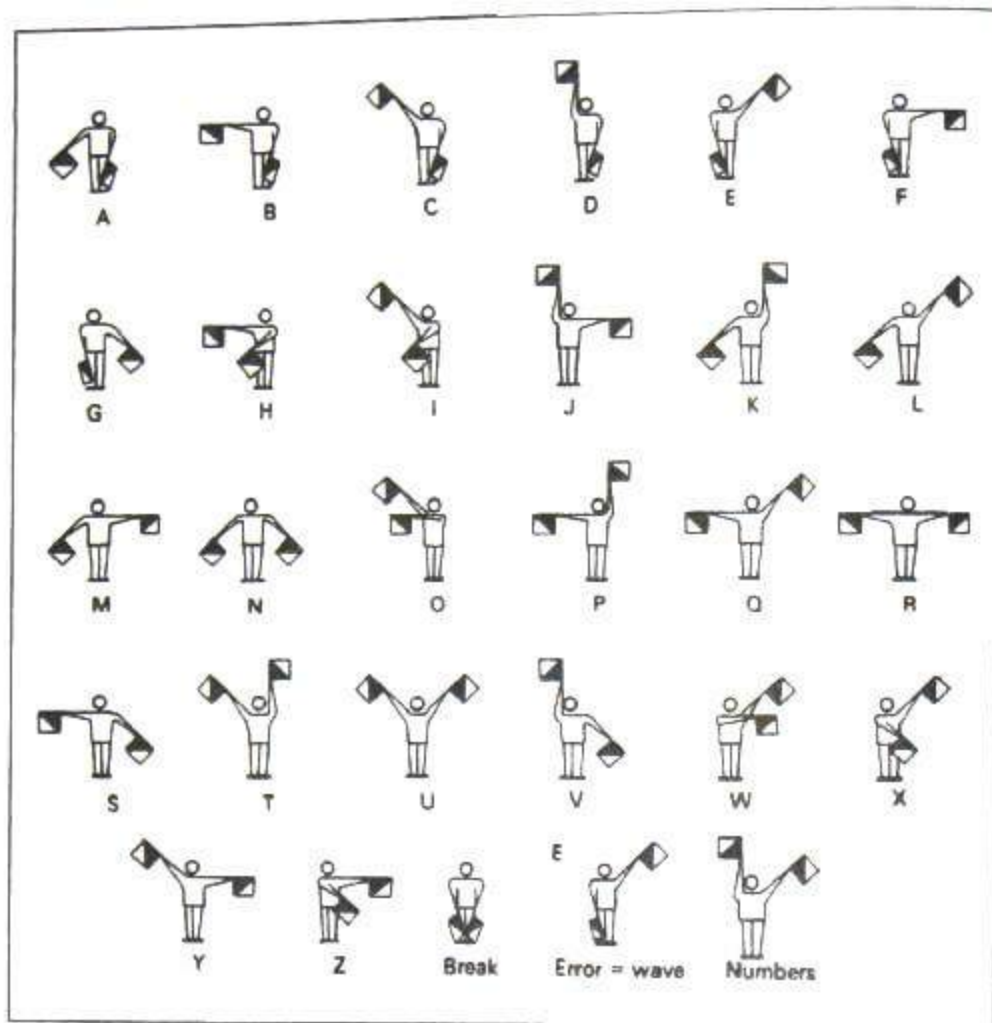
					
					
				<p>Rechen Taffel vermittelst der Finger und Hände wie solche bey dem Peda ent lehret</p>	

Знаки-Коды обладают смыслом только в качестве элементов специально разработанной, структурированной системы сигналов.

В их числе, например, азбука глухонемых для двух рук и одной руки (слева), система, используемая букмекерами, принимающими ставки на бегах (по Брану), и семафорная азбука, применяемая при морской сигнализации (на следующей странице). Существуют также многочисленные системы «счетных» знаков, включая старинную систему 1724 года (стр. 63).

Языки знаков — лишний аргумент в защиту того, что люди куда более восприимчивы к обычным, наблюдаемым в повседневной жизни знакам, чем принято думать.

ВАРИАЦИИ ЗНАКОВ

Персональные или местные модификации телодвижений

Знаки по определению передают сообщения. Для того чтобы эти сообщения были поняты, сигналы должны быть предельно ясны. Неясные или многозначные знаки недопустимы; им полагается быть четкими, недвусмысленными, такими, чтобы их нельзя было спутать с другими знаками. Потому вырабатываемая со временем «обычная форма» знака не может быть слишком вариативной. Кроме того, знаки должно отличать «обычное исполнение»: скорость, сила и амплитуда данного знака обязаны оставаться более-менее постоянными, иначе сигнал не пройдет.

Тут уместна аналогия с телефонным звонком. Вы можете звонить по сколь угодно срочному делу, но громкость звонков, их звучание, и паузы между ними останутся прежними. Телефонный аппарат не делает различий между обычным звонком и звонком, от которого зависит чья-то жизнь. Вариативно лишь количество звонков — оно зависит от того, когда звонящий положит трубку. Данный подход может показаться неэффективным, иногда кажется, что громкость звонка обычного телефона должна со временем нарастать, чтобы побудить собеседника отозваться. Однако неизменность телефонного сигнала имеет и свои плюсы: она уменьшает неопределенность. Никто не спутает телефонный звонок с дверным звонком или аварийной сигнализацией. Ошибиться нам не позволяют «форма» звонка и его «исполнение».

То же относится и к жестикуляции. Конечно, не стоит надеяться, что знаки когда-либо станут абсолютно однозначными, но во многих случаях они приближаются к однозначности, насколько это вообще возможно. Неопределенность уменьшается, сигнал становится ясным.

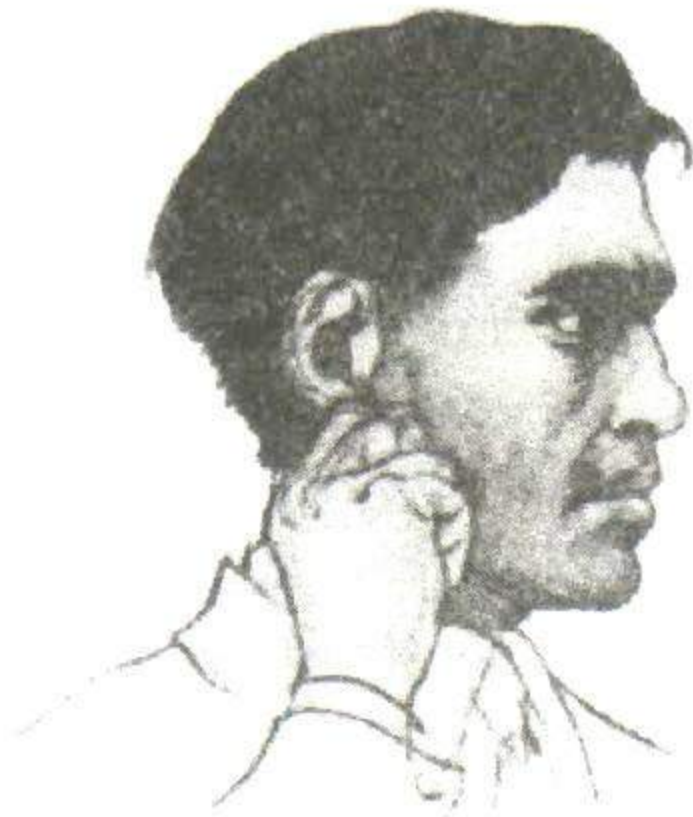
Когда бы конкретный разгневанный человек ни потрясал кулаками, скорость, сила и амплитуда, с которыми его кулаки рассекают воздух, остаются примерно одинаковыми. Более того, если мы посмотрим на других любителей потрясти кулаками, с большой вероятностью скорость, сила и амплитуда аналогичных знаков почти совпадут. Попробуйте в качестве эксперимента двигать кулаками в замедленном темпе, трясите ими не с характерной силой и увеличьте расстояние, которое преодолевает кулак — и ваш знак вряд ли будет понят. Наблюдателю может показаться, что вы разминаете руки, но ему, скорее всего, и в голову не придет, что ваша жестикуляция таит в себе угрозу.

Почти все наши знаки приобрели в итоге «обычную форму». Мы машем руками практически одинаково, хлопаем в ладоши с почти равной частотой, киваем с примерно равной амплитудой, качаем головами в такт. Знаки унифицируются не на сознательном уровне. Мы попросту следуем данной культурной норме. Сами того не сознавая, мы расчищаем дорогу для сотен почти неразличимых сигналов, которые подаем друг другу всякий раз, когда встречаемся и общаемся. Нам удастся унифицировать свои знаки с теми, которые мы наблюдаем у наших собеседников, а они точно так же приноравливают собственную жестикуляцию к нашей. Все вместе мы синхронизируем «исполнение» знаков и в результате достигаем слаженной жестикуляции, словно подчиняемся указаниям невидимого дирижера.

Из этого правила, как и из всех правил, описывающих поведение людей, есть

исключения. Мы не роботы, у всех нас есть свои особенности — индивидуальные вариации тех или иных культурных тем. Человек с хорошими зубами предпочитает улыбаться резко, подчеркнуто широко, и поступает так даже в ситуациях, когда ослепительная улыбка неуместна. Человек с плохими зубами улыбается сдержанно даже тогда, когда ситуация требует более выраженной реакции. В ответ на одну и ту же шутку одни громко хохочут, другие тихо прыскают. Из подобных Вариаций Знаков складывается поведенческий «стиль», набор индивидуальных движений. Личные знаки незначительно разнятся с теми, что входят в универсальный для всех нас жестикуляционный набор, тем не менее по ним вполне можно отличить одного человека от другого.

Есть и другой тип Вариаций Знаков: бывает, что данный знак встречается настолько редко, что его нельзя спутать с другим знаком. Поскольку используют его нечасто, неопределенности не возникает, в итоге у знака нет «обычной формы». Хороший пример тут — итальянский знак «дотронуться до уха». В Италии он имеет одно и то же значение: это сигнал того, что некий мужчина ведет себя очень женственно или является гомосексуалистом. Знак встречается достаточно редко, других знаков, связанных с прикосновением к уху, у итальянцев нет. В результате данный знак достаточно вариативен. Одни чуть дотрагиваются до уха, вторые его потягивают, третьи дергают, четвертые щелкают, пятые слегка ударяют, однако значение знака не меняется. Вариации знака не ставят наблюдателя в тупик, как это могло бы произойти, если бы речь шла о различных знаках, очень похожих один на другой. Жестикулирующие не ощущают потребности «узаконить» знак в одной-единственной форме. К слову, этот знак обязан своим рождением тому факту, что женщины носят серьги; прикосновение к воображаемому украшению указывает на черту, свойственную только женщине.

Итальянский знак «дотронуться до уха», намекающий на женственность некоего мужчины, существует в нескольких вариантах. До уха можно дотронуться, по нему можно

щелкнуть, его можно потянуть. Все эти действия обозначают одно и то же. Поскольку других похожих знаков у итальянцев нет, путаница не возникает.

В данном случае Вариации Знака никого с толку не сбивают, но в ряде других случаев ситуация становится куда более запутанной. Возьмем такой знак, как «пальцы щепоткой». Изначально он использовался для того, чтобы подчеркнуть во время беседы некое утверждение. Кончики пальцев складываются вместе, образуя конус вершиной вверх. Когда произносятся ключевые слова, рука, пальцы которой сложены щепоткой, словно отбивает такт, и эту модификацию знака можно наблюдать почти повсеместно. Однако в ряде стран появились свои вариации этого знака, причем каждая из них обладает собственным значением. В Греции и Турции данный жест означает «хорошо»; в Испании — «большое количество» чего-то; на Мальте он означает тяжелый сарказм; в Тунисе — предостережение; во Франции и Бельгии знак заменяет слова «я боюсь»; в Италии, где он чрезвычайно распространен, пальцы складывают щепоткой, когда хотят раздраженно спросить: «Что происходит? Да в чем дело-то?» В каждом из этих случаев знак модифицируется, и говорящий использует его местную вариацию. На Мальте, например, рука тяжело опускается вниз, словно человек рубит воздух; в Тунисе рука опускается медленно и несколько раз; во Франции пальцы слегка разжимаются и затем вновь сжимаются; в Италии говорящий неистово трясет рукой перед собой.

Отсюда видно, что исходный знак «пальцы щепоткой» породил множество различных жестов, каждый из которых следует рассматривать как отдельный знак. Теперь это уже не Вариации Знака: мы имеем дело с настоящим знаковым семейством. Пока человек остается в рамках одной культуры, все в порядке, но когда он путешествует, местная жестикуляция, скорее всего, поставит его в тупик. Он примет иноземный знак за вариацию того знака, который ему хорошо знаком, и, следовательно, не поймет, что знак имеет совсем другое значение. Восприняв вариацию как особенную для данного местного жителя, он решит, что тот просто-напросто искажает привычный жест.

Если представители двух культур много и часто контактируют, через некоторое время различия в жестикуляции становятся столь значительны, что никакая путаница уже невозможна. Если контакты не столь часты, в толковании сигнала можно ошибиться. Вот почему в рамках одной культуры знаки развиваются: подаваемые через них сигналы обязаны быть однозначными. Если вынести за скобки исключения, Вариации Знаков представляют угрозу системе знаков и должны либо исчезнуть, либо свестись к минимуму. Всякая культура вырабатывает собственный однозначный набор обособленных визуальных сигналов, каждый из которых отличим от всех прочих. Эта действенная система коммуникации начинает сбоить, только когда жажда странствий и страсть к перемене мест гонят нас в другие страны.

МНОГОЗНАЧНЫЕ ЗНАКИ

Знаки, имеющие много значений

Многозначный Знак обладает несколькими совершенно разными значениями. Конкретное значение знака зависит от того, где и когда он используется.

Если американец желает подать сигнал, что все «о'кей», все хорошо, замечательно, превосходно, он поднимает руку и складывает большой и указательный палец так, что они образуют кольцо. Этот знак имеет для американца лишь одно значение, и он может удивиться, узнав, что в других странах данный знак значит нечто совсем другое.

В Японии, к примеру, этот жест означает «деньги». В отдельных регионах Франции он означает «ноль» или «никуда не годится». На Мальте его используют, когда хотят сказать, что данный мужчина — «roofah», гомосексуалист. В Сардинии и Греции это неприличный знак, оскорбительный как для мужчины, так и для женщины. Подобные различия в толковании знака могут, само собой, привести к непониманию при встрече с иностранцами. Вместе с тем интересно понять, почему один и тот же знак может означать столь разные понятия. Мы найдем объяснение, разобравшись в том, что за символ лежит в основе знака в каждом из этих случаев.

Американский знак, означающий «все отлично», ведет происхождение от знака, выражающего идею точности.

Когда мы хотим сказать, что нечто определено точно и четко, мы сближаем большой и указательный пальцы, оставляя между ними крошечный зазор. Люди любой страны мира неосознанно используют этот знак, когда говорят о какой-либо малости. Воображаемый предмет, который они «держат» в пальцах, настолько эфемерен, что они его еле удерживают, оттого большой и указательный пальцы сами собой образуют кольцо. В Америке этот порожденный подсознанием жест развился в осознанный знак, а идея точности трансформировалась в сигнал «в точности так, как надо», «превосходно» — и появился знаменитый знак «о'кей».

Японский знак «деньги» развился в совершенно иных обстоятельствах. Деньги — это прежде всего монеты, то есть нечто круглое. Образованная пальцами окружность символизирует деньги. Просто, как дважды два.

В основе французского знака «пустой», «никуда не годится» также лежит простой символ, только здесь круг символизирует не деньги, а пустоту. Пустота = ноль = ничего = куда не годится.

Знаки, связанные с сексом, имеют общие символические корни. Здесь фигура, образованная большим и указательным пальцами, означает отверстие в теле. Поскольку фигура эта круглая, она символизирует анальное отверстие, отсюда и мальтийское значение знака — «гомосексуалист». В Сардинии или Греции данный знак относится к скабрёзным и оскорбительным для обоих полов, но означает, по сути, все то же анальное отверстие. История использования знака в подобном значении насчитывает по меньшей мере два тысячелетия. На росписи древней вазы мы видим четырех атлетов, купающихся рядом с гимнастическим залом; один из них явно оскорбляет других все тем же жестом.

Итак, простой знак, изображающий кольцо, может обозначать точность, монету, ноль

или отверстие в теле — в зависимости от страны, в которой он используется. Эти визуальные символы со временем наделили один и тот же знак пятью различными значениями: совершенство, деньги, никудашность, гомосексуальность или непристойное предложение.

И без того запутанная ситуация запутывается еще больше, когда одно значение знака начинает распространяться в культурах, где бытуют другие его значения. Американский знак «о'кей» стал настолько популярным, что завоевал Европу. В Англии не было местного знака «кольцо», и американский знак «о'кей» распространился в Англии, не встретив сопротивления. Сейчас англичане используют этот знак лишь в одном, американском значении. Во Франции все было по-другому: подобный знак уже обозначал «ноль», и знак «о'кей» вошел в конфликт с этим значением. Сегодня одни французы показывают «кольцо» в значении «ноль», другие — в значении «о'кей». Знак «ноль» доминирует на юге Франции, «о'кей» — в северных регионах страны. Хотя подобная ситуация может привести к непониманию, обычно французу достаточно вникнуть в контекст: если жестикулирующий радуется, знак явно означает «о'кей»; если нет, его значение — «ноль».

Любопытное наблюдение: в Англии и Америке, где исходный знак обладает лишь одним значением, выражение лица ничего к нему не добавляет. Символ настолько ясен, что любой контекст ему — не помеха. Когда англичанин намеренно хмурится, одновременно показывая знак «о'кей», этот жест сам по себе настолько убедителен, что выражение лица будет либо проигнорировано, либо принято за шутливое: «Я делаю вид, что мне грустно, а на самом деле...»

Для разных людей «кольцо», образуемое большим и указательным пальцами, символизирует разные вещи. Англичанам известно лишь одно значение этого знака, на обоих рисунках они увидят лишь знак «о'кей». Для многих французов улыбающийся человек дает сигнал «о'кей», а на втором рисунке они увидят знак «ноль» или «никуда не годится». В глазах японцев тот же знак может означать «деньги».

Феномен «преодоления контекста» имеет место всюду, где у конкретного знака есть лишь одно, ясное и доминирующее значение. Как только мы попадаем в местность, где знак может быть истолкован неоднозначно, контекст начинает играть первостепенную роль.

Многозначные Знаки со множеством значений наподобие знака «кольцо» встречаются сравнительно редко, однако знаки с двумя «основными» значениями попадают сплошь и рядом. Всякий раз, когда мы используем знак с несколькими значениями, нам следует учитывать альтернативные возможности его интерпретации.

Например, знак «дотронуться пальцем до виска или лба» обычно символизирует некую особенность мозга, однако особенности эти могут быть разными. Иногда данный знак означает «умный человек» («хороший мозг»), иногда «глупый человек» («плохой мозг»). Знак «дотронуться до губ» может подавать сигналы «голод», «жажда», «речь», «молчание»; знак «указать на глаз» может сообщать о хорошем зрении или плохом зрении. Универсальность знаков оборачивается множеством символических значений, которые зачастую не пересекаются друг с другом.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЗНАКИ

Неодинаковые знаки, передающие одно и то же сообщение

Как один знак может иметь много разных значений, так и много различных знаков могут означать одно и то же. Если сообщение более-менее типично, достаточно значимо и появляется в сильно разнящихся культурах, оно с большой вероятностью может передаваться знаками, которые разительно отличаются друг от друга как по форме, так и по происхождению.

Когда двое мужчин стоят на углу улицы и смотрят на проходящую мимо привлекательную девушку, один из них может повернуться к другому и выразить восхищение простым знаком. Даже в одной отдельно взятой культуре таких знаков обычно не один и не два, а если мы охватим взглядом множество подобных инцидентов на углах улиц разных стран, список Альтернативных Знаков с данным значением получится весьма впечатляющим. На иллюстрациях показано, как можно двенадцатью различными способами сказать: «Какая красивая девушка!» Как мы увидим, каждый из этих знаков наполнен своим, особенным содержанием.

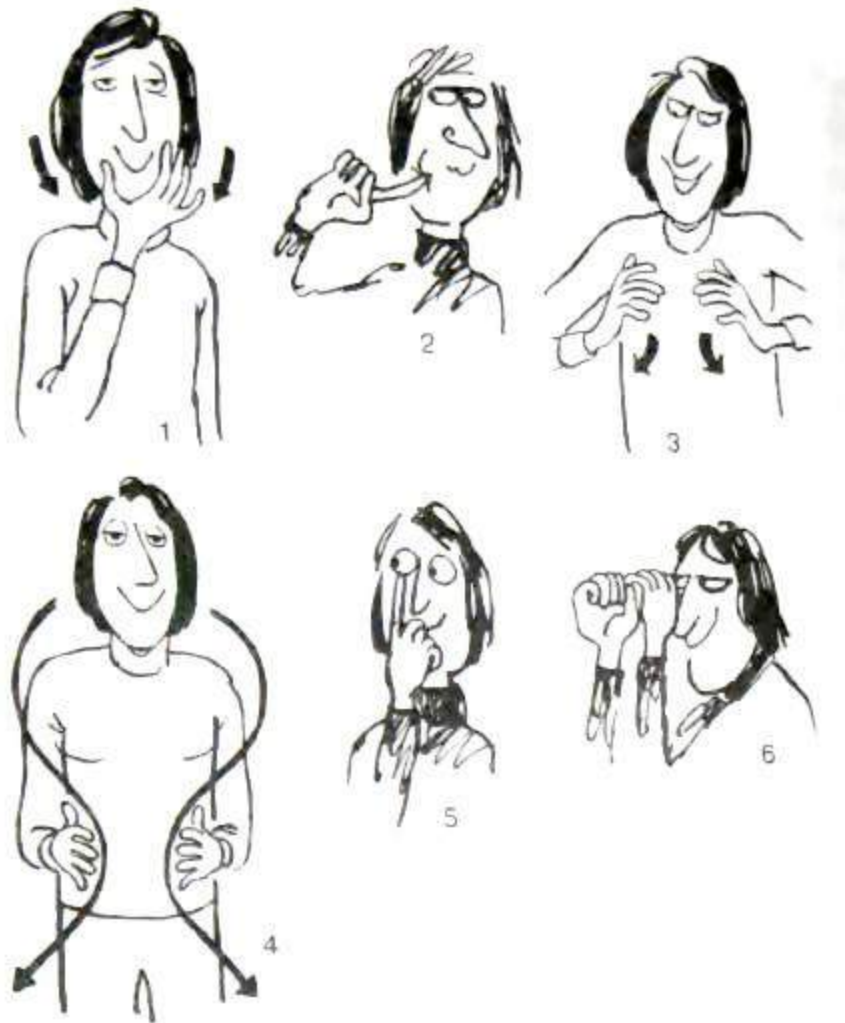
Знаки 1–4 указывают на особенности проходящей мимо девушки.

1. Палец гладит щеку. Коснувшись указательным и большим пальцами одной руки своих щек, мужчина проводит ими по щекам до подбородка, что символизирует гладкое и округлое лицо прекрасной девушки. Считается, что данный знак появился в Греции, где идеалом женской красоты было лицо яйцевидной формы. По сей день этот знак наиболее распространен именно в Греции, кроме того, его можно наблюдать в Италии и Испании.

2. Палец упирается в щеку. Прямой указательный палец давит на щеку и словно ввинчивается в нее. Есть две версии происхождения этого знака. Согласно первой, это действие символизирует поглощение некоего деликатеса и должно означать, что девушка — очень «сладкая». По другой версии, знак намекает на ямочку на прелестной женской щеке. Ныне его можно часто наблюдать в Италии, включая Сицилию и Сардинию, в других странах этот знак встречается редко.

3. Очерчивание груди. Руки словно очерчивают форму женской груди. Значение этого знака не требует пояснений, он распространен повсеместно.

4. Очерчивание талии. Руки движутся по кривой, очерчивающей форму женского тела с преувеличенно узкой талией и широкими бедрами. Опять же, этот знак понятен всем и всюду. Особенно распространен он в англоязычных странах.

Знаки 5–8 указывают на реакцию мужчины при виде девушки.

5. Палец касается глаза. Мужчина подносит прямой указательный палец к нижнему веку и может чуть оттянуть его вниз. Этот знак встречается во многих странах и имеет несколько значений, однако в некоторых регионах, включая ряд стран Латинской Америки и несколько областей Италии, он является ясным сигналом: девушка являет собой восхитительное зрелище!

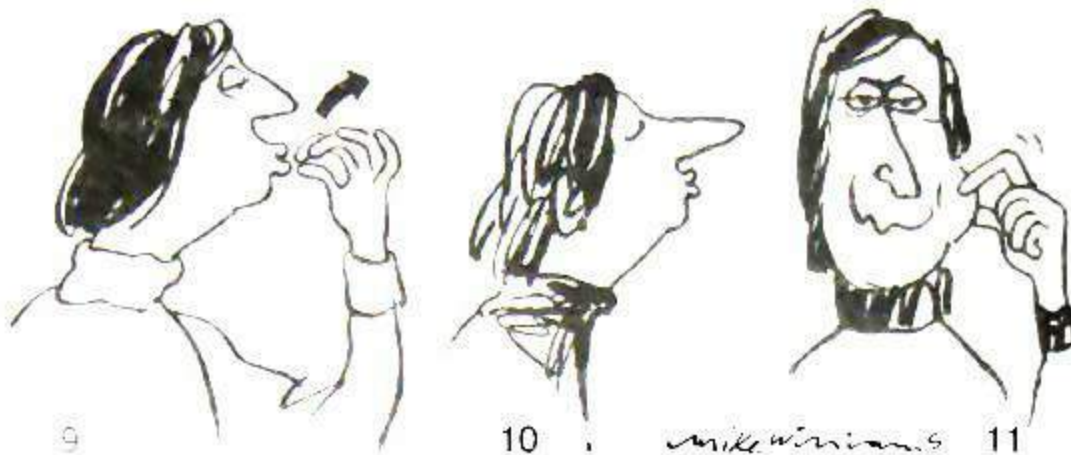
6. Подзорная труба из двух кулаков. Мужчина смотрит на девушку сквозь два неплотно сжатых кулака, словно пристально глядит на нее в подзорную трубу. Символ ясен: девушку стоит рассмотреть поближе. Данный знак распространен в том числе в Бразилии.

7. Пальцы подкручивают ус. Большой и указательный пальцы приставлены один к другому близ щеки и совершают вращательные движения, словно мужчина подкручивает кончик воображаемых усов. Знак подчеркивает необходимость прихорашиваться перед тем, как завязать знакомство с хорошенькой девушкой. Это старый итальянский знак, который сохранился несмотря на то, что в наше время мужчины носят шикарные усы довольно редко.

8. Рука на сердце. Мужчина кладет ладонь правой руки себе на грудь в районе сердца. По сути, это знак собеседнику: девушка столь красива, что заставляет сердце биться учащенно. В англоязычных странах данный знак считается слишком формальным, однако в ряде стран Латинской Америки мужчины воспроизводят его спонтанно и в «неформальных» ситуациях.

Знаки 9 — 12 указывают на то, что мужчина желал бы сделать с девушкой.

9. Губы касаются кончиков пальцев. Мужчина целует кончики сложенных щепоткой пальцев, после чего разводит их в стороны и пересылает поцелуй девушке. Разумеется, данный знак может символизировать и обычное приветствие, и похвалу, но часто мужчина воспроизводит его, когда за ним следит собеседник, а девушка знака не видит. Таким образом, знак обращен к девушке, но подают его другу. Этот знак очень распространен во Франции, его можно наблюдать и во многих других странах мира.

10. Воздушный поцелуй. Мужчина целует воздух, вытягивая губы по направлению к девушке. Это опять-таки знак, рассчитанный на собеседника и указывающий на то, что мужчина хотел бы поцеловать красивую девушку. Чаще всего мужчины целуют воздух так, чтобы девушки этого не заметили. Знак распространен в англоязычных странах, особенно в Великобритании, как альтернатива более «континентальному» знаку 9.

11. Пальцы теребят щеку. Мужчина теребит собственную щеку, подразумевая, что это щека девушки. Этот знак типичен для сицилийцев, но распространен повсеместно.

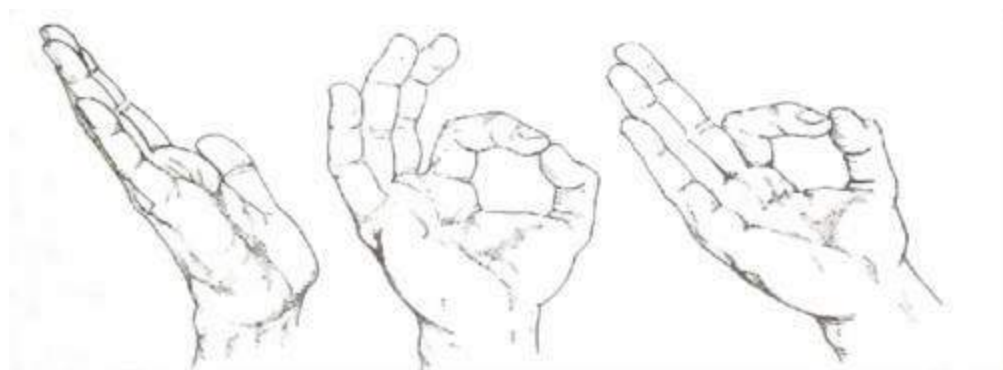
12. «Поддержаться за грудь». Руки мужчины словно касаются груди девушки и сжимают ее. Этот очевидный знак популярен как в Европе, так и на других континентах. Даже люди, которым этот знак чужд, понимают его значение без труда.

Есть и другие знаки, подающие сигнал «смотри, какая красotka!», однако данной подборки вполне достаточно, чтобы убедиться: столь типичная реакция, как отклик мужчины на женскую красоту, неизбежно облекается во множество форм, разнящихся между собой как в рамках одной культуры, так и между различными культурами. Рассмотрев другие типичные реакции, мы убедимся в том, что изобретательность человеческого рода породила ошеломляющее разнообразие Альтернативных Знаков.

ГИБРИДНЫЕ ЗНАКИ

Знаки, объединившие в себе два исходных знака

Гибридный Знак объединяет два обособленных знака разного происхождения в единое действие.

Когда в Италии и других странах Средиземноморья человек желает кому-то пригрозить, он часто делает резкое движение рукой с выпрямленной ладонью, словно рубит этой рукой воздух. Значение данного знака очевидно: «Я отрублю тебе голову». В Тунисе данный знак часто сочетается с французским знаком со значением «ноль» или «никуда не годится», при котором большой и указательный пальцы смыкаются, образуя кольцо. Таким образом, угрожающий тунисец совмещает два знака — итальянский и французский. Большой и указательный пальцы при этом образуют кольцо, остальные три пальца выпрямлены, рука многократно рассекает воздух. Значение этого знака: «Завтра тебя убью». По сути, это сочетание двух исходных значений, «никудышный» и «убивать». Тунисец как бы говорит: «Ты настолько никудышный человек, что завтра я тебя убью».

В процессе обычной коммуникации Гибридные Знаки такого типа встречаются чрезвычайно редко. Подавая визуальный сигнал, мы, как правило, ограничиваемся одним сообщением. Жестикуляция как средство общения состоит из единичных знаков, ее нельзя назвать языком, в котором визуальные «слова» складываются в визуальные «предложения». Разумеется, мы можем изъясняться целыми потоками знаков, в которых один знак сменяет другой, и строить при этом гримасы, но это совсем не то же самое, что объединить два различных знака в один новосозданный. Судя по немногочисленным примерам, чаще всего Гибридные Знаки сочетают в себе два знака, имеющих практически одно и то же значение, в итоге сигнал удваивается и усиливается. Скажем, оскорбительный знак «согнуть руку в локте» может комбинироваться с равно оскорбительным знаком «показать средний палец» или с обценной ^ш фигурой. Обычно эти знаки воспроизводятся отдельно друг от друга, вместе же они обижают того, к кому обращается жестикулирующий, в два раза сильнее.

Индейский знак со значением «красота» — Гибридный Знак, сочетающий знак «смотреть» (человек глядится в воображаемое зеркало) со знаком «хорошо» (рука поднесена к груди, ладонь смотрит вниз). Знак «рубить воздух» (внизу слева), означающий угрозу, и знак «кольцо», означающий здесь «никуда не годится» или «ноль», также могут быть объединены в один знак (внизу справа). В Тунисе этот Гибридный Знак подает двойной сигнал: «Ты никудышный человек, и я тебя убью».

Гибридные Знаки встречаются куда чаще в особых сферах жестикуляции, например, в языке знаков североамериканских индейцев и в языке знаков глухонемых. Возьмем индейский знак «красота»: одна рука поднята, при этом человек смотрится в ладонь словно в зеркало, вторая расположена на уровне груди вертикально, ладонью вниз. Этот второй знак означает «хорошо», комбинированный знак расшифровывается так: смотреть + хорошо = красота.

СОСТАВНЫЕ ЗНАКИ

Знаки, составленные из нескольких различных элементов

Составной Знак — это знак, составленный из нескольких отдельных элементов, каждый из которых хотя бы в некоторой мере самостоятелен.

Многие наши знаки состоят лишь из одного элемента. Когда вы работаете, склонившись над письменным столом, и кто-то спрашивает вас, как движется работа, вы можете ответить, просто показав большой палец. При этом не обязательно поднимать взгляд и отвлекаться от работы. Вы просто поднимаете кулак с распрямленным большим пальцем. Других знаков вы не подаете, тем не менее, ваш ответ понятен.

Этот простой знак совсем не похож на более сложные знаки, которые включают в себя сходные, но различающиеся элементы. Замечательный пример Составного Знака — смех или, точнее, все то, что происходит со смеющимся человеком. Когда это зрелище достигает своего апогея, смеющийся одновременно: (1) издает ухающие или лающие звуки; (2) широко разевает рот; (3) оттягивает уголки губ назад; (4) морщит нос; (5) зажмуривается; (6) во внешних уголках его глаз появляются складки; (7) он плачет; (8) откидывает голову; (9) поднимает плечи; (10) его торс подрагивает; (11) он обхватывает тело руками и (12) топает ногами.

Когда вы наблюдаете за смеющимся человеком, его смех возможно оценить по этой 12-балльной шкале. 12 баллов не набирает почти никто. Иногда смех можно оценить лишь в один балл — когда смеются с закрытым ртом и неподвижным телом; временами можно наблюдать и смех на 12 баллов, когда смеющийся не контролирует себя, из глаз его льются слезы (про такой смех говорят еще «животики надорвешь»). Чаще всего люди, которые смеются, набирают от 6 до 9 баллов. Элементы, из которых состоит «средний» смех, не всегда одни и те же. Мы легко можем опознать данный Составной Знак, даже исключив собственно смех как звук: представьте себе беззвучный смех или картинку, на которой изображен смеющийся человек.

Составные Знаки включают в себя элементы трех типов. Во-первых, это необходимые элементы, то есть те, без которых распознать данный Составной Знак невозможно. В случае с простым знаком, например с поднятым кверху большим пальцем, необходимым элементом является, конечно, сам знак. Но если мы разберем Составные Знаки вроде смеха, окажется, что необходимых элементов может не быть вовсе. Любой из перечисленных элементов смеха можно опустить при условии, что знак содержит достаточное количество других. Ни про одну из 12 составных частей смеха нельзя сказать, что без нее понять значение знака абсолютно невозможно. Любой из элементов может быть заменен другим или другими того же знака.

Во-вторых, это ключевые элементы. Они не являются необходимыми, но при этом крайне важны для данного знака. Главное их свойство состоит в том, что они сами по себе, без «поддержки» других, передают все то же значение знака. Так, смех как звук не является необходимым элементом знака, но это ключевой элемент: мы можем не видеть телодвижения человека и только по этому звуку определить, что он смеется.

В-третьих, это «усилители» или поддерживающие элементы. Они не самостоятельны и

передают значение знака только в сочетании с другими. К примеру, когда человек втягивает шею или откидывает голову, эти телодвижения еще не означают для внешнего наблюдателя, что он смеется. В случае знака «смех» большая часть визуальных элементов относится к усилителям, но с другими Составными Знаками дело обстоит по-другому.

Когда мы, например, пожимаем плечами, чтобы сказать «не знаю», в этом знаке больше ключевых сигналов, чем усилителей. Полный вариант данного знака состоит из следующих элементов: (1) плечи резко поднимаются; (2) кисти рук поворачиваются ладонями вверх; (3) голова склоняется к одному плечу; (4) уголки губ опускаются; (5) брови поднимаются. Четыре из пяти элементов являются ключевыми и передают одно и то же сообщение, будучи «изолированными» от других. Я могу подать сигнал «не знаю», просто подняв и опустив плечи. Я могу сказать то же самое, быстро подняв и опустив только одно плечо. То же относится к рукам. Я могу сообщить, что не знаю чего-либо, повернув ладонью вверх одну кисть или обе. То же самое сообщение я могу передать, преувеличенно опустив уголки губ и не совершая более никаких телодвижений. Я могу даже просигнализировать о своем незнании простым поднятием бровей. И только элемент «голова склоняется набок» сам по себе не сообщит собеседнику о том, что я чего-то не знаю; следовательно, в составе знака этот элемент — единственный усилитель.

Из сказанного с неизбежностью следует, что сказать «не знаю» можно множеством способов, используя и комбинируя различные ключевые элементы. Конкретное воплощение знака варьируется от культуры к культуре и от человека к человеку. Путешествующий по средиземноморскому региону наблюдатель, специалист по знаку «не знаю», легко различает по его форме местные «диалекты знаков», меняющиеся от страны к стране.

РЕЛИКТОВЫЕ ЗНАКИ

Знаки, которые сохранились, пережив утрату контекста

Реликтовый Знак — это знак, который используется несмотря на то, что контекст, в котором он возник, давным-давно изменился. Подобные «пережитки» могут быть историческими (знаки, возникшие в удаленную историческую эпоху и сохранившиеся до наших дней) или личными (знаки, выработанные в детстве и сохранившиеся до зрелого возраста).

В качестве примера можно вспомнить о «телефонной жестикуляции». Телефон звонит, и звонящий просит передать трубку человеку, который находится в другом конце шумной, битком набитой людьми комнате. Человек, взявший трубку, просит звонящего подождать и отправляется искать того, кому позвонили. На полпути он встречается глазами с адресатом звонка и подает ему знак: «Вас просят к телефону». Как он это делает? В ряде стран люди подносят руку к голове, указывая большим пальцем на ухо, а мизинцем — на рот, остальные пальцы при этом согнуты. Этот знак изображает трубку современного телефонного аппарата, поднесенную к уху. Можно также беззвучно произнести слово «телефон», артикулируя намеренно четко, чтобы вас поняли. Наконец, можно подать реликтовый знак «крутить ручку телефона».

Этот знак обязан своим происхождением тому факт что сто лет назад у примитивных телефонных аппаратов имелась ручка, которую крутили, когда нужно было куда-то позвонить. Когда человек подносит одну руку к уху и совершает ею быстрые крутящие движения, данный знак сообщает: «Кто-то покрутил ручку телефона, чтобы добиться соединения с вами, пожалуйста, подойдите и возьмите трубку». Поскольку этот знак сложно спутать с каким-либо другим, в некоторых странах мира он пережил все изменения дизайна телефонных аппаратов. Даже сегодня, спустя много лет после исчезновения последнего телефона с ручкой, этот знак используется в некоторых странах на юге Европы и в Южной Америке. Одно поколение передавало данный знак другому, и в конце концов он утратил всякую связь с механическим действием, которое некогда изображал. Теперь исторический Реликтовый Знак используется людьми, которые, вполне возможно, никогда не слышали о телефонах с ручкой и не представляют себе, почему звонок телефона изображается именно так.

Если знак, так сказать, переживает свое время, обычно тому есть веская причина, — значит, данное действие имеет некое преимущество перед современными версиями того же знака. В противном случае знак отмирает вместе с породившими его обстоятельствами. Возьмем, например, грубый знак, который иногда используется в Великобритании и означает «здесь воняет», «дело дрянь»: человек словно берет за цепочку сливной бачка и дергает ее, чтобы спустить воду в унитазе. Старомодные туалеты с расположенными на высоте сливными бачками довольно быстро вышли из употребления, теперь сливные бачки расположены низко и для того, чтобы спустить воду, нужно повернуть ручку или нажать на кнопку. Телодвижения, имитирующие поворот ручки или нажатие кнопки, не столь характерны и специфичны. Подобные знаки слишком неоднозначны, а в качестве грубых — почти бессмысленны. Так принципы действия исчезнувших устройств и сопутствующие им

телодвижения продолжают жить в форме Реликтовых Знаков.

Есть древние знаки, которые не исчезали столетия после того, как контекст, в котором они появились, был утрачен. В современной Греции самым неприличным знаком является «мутза», знак, возникший еще в Византии. Когда грек хочет кого-либо оскорбить, он показывает раскрытую ладонь. Иностранцу этот знак может показаться достаточно безобидным, но для грека это насмешка, хуже которой не придумаешь. Реакция на раскрытую ладонь может быть столь яростной, что в настоящее время данный знак используется в основном в автодорожных стычках, когда один водитель сигнализирует другому «чтоб ты провалился!» и тот не в состоянии ответить на оскорбление физически. Для того чтобы понять силу этого знака, мы должны перенестись на сотни лет назад на улицы византийских городов, где было принято прогонять преступников в кандалах сквозь толпу, чтобы та могла вволю над ними поглумиться. Любимым развлечением византийцев было зачерпнуть рукой грязь и вымазать ею лицо беззащитного пленника. В Англии и других странах, где преступников приковывали к позорному столбу или оставляли на улице в колодках, над ними измывались и так тоже, но лишь в Греции знак, имитирующий вымазывание грязью, сохранился и стал историческим Реликтовым Знаком. «Мутза» по сей день означает ужасное оскорбление, несмотря на то что (1) грязи в руке нет, (2) рука не касается лица, (3) со времени, когда преступников мазали грязью, прошли столетия и (4) люди, которые используют этот знак, в большинстве случаев не знают, откуда он взялся. Данный пример показывает, сколь живучи иногда Реликтовые Знаки.

Подкручивание кончиков воображаемых усов — тоже Реликтовый Знак, но куда более вежливый. Если не считать великого художника Сальвадора Дали, немногие мужчины в наши дни решаются отпустить длинные усы с изящно заостренными, загибающимися кверху кончиками, однако в минувшие эпохи, когда такие усы были в моде (в частности, в Европе, особенно в офицерской среде), мужчина мог сигнализировать своим товарищам о том, что влюбился, ловко подкрутив кончик уса. Сегодня этот знак можно наблюдать в различных европейских странах, причем «усы подкручивают» гладко выбритые мужчины, живущие в городах, которые не видели ухоженных заостренных усов уже много лет.

Популярная в Греции наклейка на автомобиле изображает Реликтовый Знак, возникший еще Византии: «мутза» должна оскорбить водителя едущей позади машины, если он подъедет слишком близко.

Существуют и Реликтовые Знаки иного рода — те, что родились не в прошлом страны, но в прошлом данного индивида. Личные Реликтовые Знаки почти всегда возникают в

детстве и сохраняются, пусть и в закамуфлированном виде, в зрелом возрасте. Человек воспроизводит их, когда ощущает то же, что ощущал в детстве в каких-то экстренных ситуациях. Жертвы катастроф, сидящие рядом с телами любимых людей или у разрушенных домов, начинают раскачиваться в тщетной попытке найти успокоение. Их туловища двигаются назад и вперед, руки обхватывают живот или колени. Они плачут и причитают. Все эти телодвижения редко встречаются в обычной жизни взрослого человека, зато они характерны для младенцев. Безутешный взрослый, переживший катастрофу, неосознанно пытается обрести спокойствие и возвращается к «младенческому» поведению, поскольку некогда оно гарантировало ему безопасность и покой. Давно уже нет родительских рук, таких больших в сравнении с тельцем ребёнка, защищающих его от любых невзгод. Объятый горем взрослый должен найти замену родительским объятиям и потому обнимает себя сам. Как в детстве мать нежно покачивала его, держа на руках, так сейчас он раскачивает собственное тело. Эти телодвижения — личные «пережитки», сохранившиеся со времени, когда ребёнок был полностью зависим от родителей. Они могут казаться неуместными, не подобающими взрослому человеку, однако возвращение к ним в критический момент все-таки успокаивает человека, пусть и самую чуточку.

Другой, менее драматичный пример личного Реликтового Знака — это «петушиный наклон головы». Часто можно видеть, как взрослая женщина, желающая обольстить взрослого мужчину, от которого она надеется получить некие блага, кротко улыбается, склоняет голову к плечу и продолжает с надеждой смотреть при этом на того, кого стремится обаять. Подобное поведение несвойственно эмансипированным феминисткам, его воспроизводят женщины, надеющиеся сломить сопротивление мужчины, раздражить его и подольститься к нему, изобразив «маленькую девочку». Будучи взрослой, женщина играет, тем не менее, роль дочери; петушиный наклон головы — это Реликтовый Знак, сохранившийся со времени, когда ребёнок в поисках отдыха или ласки клал голову на родительскую ногу или руку. Во «взрослой», реликтовой версии голова уже не соприкасается с телом другого человека, однако и наклона головы достаточно, чтобы пробудить в мужчине стремление защитить «ребёнка». В такие моменты мужчина ощущает, как его равнодушие вдруг сменяется нежностью.

Петушиный наклон головы встречается не только в ситуациях, когда один человек пытается заполучить что-то от другого. Его можно наблюдать и на многих фотографиях «привлекательных девушек», которые улыбаются и склоняют голову к плечу, как бы говоря: «Я хотела бы положить голову на твое плечо». Используют этот знак и мужчины, опять же неосознанно, в ситуациях, когда искренне хотят понравиться собеседнику и ободрить его; при этом они подают ему сигнал: «На самом деле я не жестокий и безжалостный взрослый, я всего лишь беспомощный маленький мальчик».

Вероятно, самыми важными из всех личных Реликтовых Знаков следует считать те, что уходят корнями в первые дни нашей жизни, когда нас — младенцев — кормят грудью или из соски. Во время первых сеансов кормления все мы ощущаем себя более чем комфортно, и неудивительно, что они накладывают отпечаток на всю нашу жизнь и проявляются впоследствии в действиях, связывающих сосательные движения с чувством уюта. В зрелом возрасте эти действия, как правило, сильно закамуфлированы, и очень трудно доказать пожилому бизнесмену, который посасывает незажженную курительную трубку или сжимает в губах сигару, что на самом деле он успокаивает себя посредством заменителя детской соски. Когда дети (особенно среднего возраста) сосут большой палец, несложно заметить,

что этот знак напрямую связан с сосанием материнской груди и повторяется реже или чаще в зависимости от того, какой дискомфорт испытывает ребёнок. Став взрослыми, мы отказываемся от «детских» знаков (по меньшей мере, явственно «детских»), и сосательные движения претерпевают значительную метаморфозу. Оторванный от груди ребёнок в раннем детстве сосет соску-пустышку, потом, чуть повзрослев, принимается сосать большой палец, в юности мы грызем ногти и ручки, позднее начинаем жевать жвачки, посасывать дужки очков, сосать сигареты, сигары и курительные трубки. Удовольствие, которое доставляет нам никотин, никак не может быть единственной причиной этих действий, и посасывание сладостей завязано в итоге не только на вкусовые ощущения. Когда мы воскрешаем пережитое во младенчестве ощущение бесконечного уюта, оральный контакт и сосательные движения языка и губ также имеют огромное значение.

Согласно одной теории, даже когда мы вертим головой из стороны в сторону, желая сказать собеседнику «нет», мы воспроизводим знак, усвоенный во младенчестве. Сытый ребёнок отказывается от груди или от очередной ложки с кашей, резко отворачиваясь от них. Другими словами, данный знак воспроизводит отказ младенца от пищи: «нет» добавке! Между тем мы принимаем этот знак как естественный, не задумываясь о его происхождении и не отдавая себе отчет в том, что, когда взрослый вертит головой, желая сказать «нет», он копирует знак, усвоенный в далеком и забытом прошлом.

Ребёнок отвергает пищу, отворачиваясь от нее, а зачастую он еще и отталкивает пищу языком. Высунутый язык — еще одно базовое телодвижение, сигнализирующее об отказе. Взрослея, мы «вспоминаем» этот знак в ситуациях двух типов: концентрируясь на какой-либо сложной задаче или работе — и желая нанести кому-либо оскорбление. Когда мы показываем язык с намерением оскорбить, этот знак очевидным образом связан с телодвижением младенца, обозначающим отказ, а вот поведение человека, который в состоянии глубокого сосредоточения высовывает кончик языка, объяснить совсем не так просто. Однако скрупулезное изучение данного знака, воспроизводимого не только взрослыми, но и детьми в детских садах, и высшими приматами, например гориллами, позволило установить, что и здесь мы имеем дело с Реликтовым Знаком.

Наблюдатели отмечали, что дети младшего возраста слегка высовывали язык всякий раз, когда хотели избежать общения с кем-либо. Если ребёнок был погружен в какое-то занятие и ему казалось, что кто-то пытается ему помешать, он просовывал между сомкнутыми губами кончик языка. Это неосознаваемое телодвижение явно не было вариантом грубого знака «показать язык». Не был это и знак «крайнее сосредоточение» в чистом виде: высунутый язык означал скорее «пожалуйста, оставьте меня в покое». Стало ясно, почему дети иногда высовывают язык, когда делают уроки или выполняют требующую концентрации физическую работу. Установив значение этого знака как «отказ от общения», ученые смогли поставить его в один ряд с телодвижениями младенца, отвергающего пищу, и демонстрацией языка с намерением оскорбить. Изучив поведение обезьян, наблюдатели обнаружили, что те высовывают язык по схожим поводам. Как оказалось, данный Реликтовый Знак распространен не только среди людей.

Критики этой теории могут возразить: во время эротической игры высунутый язык подает скорее сигнал «иди сюда», нежели «оставь меня в покое». Однако при ближайшем рассмотрении эротические знаки, связанные с языком, оказываются весьма специфическими. Здесь язык не отталкивает нечто. Наоборот, он изгибается и все время движется словно в поисках чего-то. Это телодвижение, вероятно, можно связать с ситуацией,

в которой язык младенца ищет сосок матери, а не отвергает его. Подобные знаки также являются Реликтовыми, но совсем иного рода: они отсылают нас к стремлению младенца получить удовольствие.

В эту категорию попадают и поцелуи. В архаичных сообществах, где нет детского питания промышленного производства, матери отнимают младенцев от груди, пережевывая пищу и передавая ее детям изо рта в рот, что, разумеется, предполагает соприкосновение губ и языков. Современным людям такое «птичье» кормление кажется странным и чуждым, однако наш вид практиковал его, возможно, более миллиона лет, и взрослые эротические поцелуи сегодня — это явные Реликтовые Знаки, уходящие корнями в первобытные времена. Заметим, что в данном случае мы имеем дело с пережитком не из нашего личного прошлого (мы уже не кормим младенцев таким образом), но из нашего общего доисторического прошлого. Мы не можем сказать, передавался ли этот знак из поколения в поколение, как это случилось с греческой «мутзой», или же у нас есть врожденная предрасположенность к поцелуям. Так или иначе, когда современные любовники целуются и соприкасаются языками, они имитируют передачу пищи изо рта в рот, обычную для наших пращуров. Таким образом, можно установить происхождение многих телодвижений взрослых людей.

Некогда матери отнимали младенцев от груди, передавая им пережеванную пищу изо рта в рот (по Эйбл-Эйбесфельдту). Возможно, из этого действия родились современные эротические поцелуи.

Некоторые авторы замечают, что при изучении реликтовых элементов в знаках взрослых людей создается впечатление, будто знаки эти нелепы или избыточны. На деле верно обратное. Если мы до сих пор воспроизводим Реликтовые Знаки, значит, они что-то значат для нас и сегодня. В силу неких причин они сопутствуют нам, даже когда мы перестаем быть детьми. Понимая, откуда взялись эти знаки, мы проясняем их значение, а не вешаем на них ярлыки «инфантильных» или «вышедших из употребления». Когда человек, переживший катастрофу, раскачивается назад и вперед и находит успокоение, вновь ощутив себя словно в

материнских объятиях, он может легче справиться с обрушившимся на него горем. Когда юноша и девушка соприкасаются языками и получают удовольствие, сравнимое с тем, какое получал в первобытную эпоху младенец во время кормления, они проникаются большим доверием друг к другу, и их взаимное чувство крепнет.

Подобные действия никак нельзя назвать бесполезными, и хотя во фрейдистских терминах они «регрессивны», в жизни взрослых людей эти действия играют весьма важную роль. Фрейдистская теория часто обрушивается на них лишь потому, что психоанализ сталкивается с такими действиями в их крайних проявлениях, когда пациенты стремятся сбежать из взрослой жизни и впасть в детство. Однако нападать на все Реликтовые Знаки без разбора, как поступают многие фрейдисты, — все равно, что утверждать, что при головной боли аспирин принимать нельзя, потому что некоторые люди страдают ипохондрией. Исследователи, наблюдающие за людьми в повседневной жизни, а не в стенах психиатрических клиник, лучше подготовлены к тому, чтобы не допускать подобных ошибок.

Местный Знак используется на ограниченном географическом пространстве. Если кореец, норвежец и масаи окажутся вместе на необитаемом острове, каждый из них без труда сможет дать понять соратникам по несчастью, в каком он настроении и что намеревается сделать. Человечество располагает обширным набором общих для всех людей поз, телодвижений и выражений лица. Однако и без недоразумений жертвам кораблекрушения не обойтись. Каждый из этих людей усвоил особый, принадлежащий лишь его культуре набор Местных Знаков, которые покажутся остальным не имеющими никакого смысла. Если норвежец попадет на необитаемый остров вместе со шведом и датчанином, общаться им будет куда легче, поскольку все они происходят из одного региона и разделяют достаточно много местных знаков, которые, как и многие слова, часто игнорируют современные границы государств.

Сравнение знаков со словами существенно, поскольку позволяет уяснить суть проблемы: пока что география знаков для нас — темный лес. Мы знаем, как выглядят лингвистические карты, а вот карты жестов и знаков полны белых пятен. Попросите лингвиста описать распространенность любого названного вами языка — и он предоставит вам подробную, систематизированную информацию на этот счет. Выберите любое слово — и лингвист продемонстрирует вам его «путь» из страны в страну. Он даже покажет вам диалектные карты некоторых регионов мира и, уподобившись профессору Хиггинсу из «Пигмалиона», расскажет о том, какие сленговые выражения утвердились в тех или иных районах больших городов. Но попробуйте найти где-нибудь мировой атлас знаков — и вы останетесь с носом.

Впрочем, научная дисциплина «география знаков» существует, и составление атласа жестов уже начато. Пока что ученые делают первые шаги, в частности, не так давно они исследовали страны Европы и Средиземноморья и получили ценные сведения о том, как жестикация меняется от одной местности к другой. Взять простой знак: указательный палец постукивает по крылу носа. Большинство англичан считает, что этот знак означает секретность и конспирацию, требуя: «Держи это в секрете! Не разбалтывай нашу тайну!» Если мы переместимся из Англии в центральные регионы Италии, окажется, что знак поменял значение — теперь это предупреждение: «Осторожнее, вам грозит опасность, эти люди весьма коварны!» Два значения знака связаны между собой, у них есть общий элемент — лукавство. В Англии лукавим мы с собеседником — чтобы не выдать секрет. В Италии лукавят другие люди, о чем нас и следует предупредить. В обоих случаях постукивание пальцем по носу символизирует лукавство, меняются только «действующие лица».

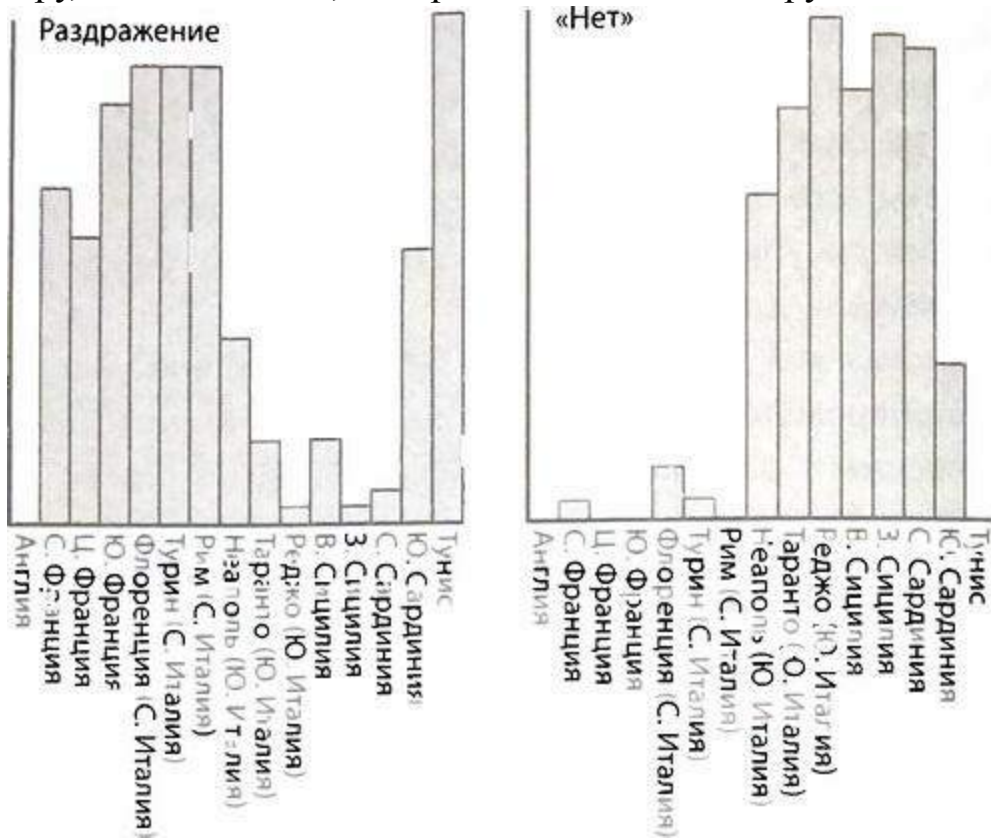
Постукивание пальцем по крылу носа в Англии означает конспирацию или секретность, а в Италии это дружественное предупреждение: «Осторожнее, вы в опасности».

Этот знак, как и ряд других, сохраняет повсюду и форму, и основное значение, но означает в разных регионах совсем не одно и то же. По мере составления карты знаков выясняется, что этот тип знаков относится к самым распространенным. Подтверждение тому — знак «прикосновение к веку»: указательный палец касается кожи под веком и оттягивает ее вниз, из-за чего глаз открывается еще шире. В Англии и Франции данный знак означает в основном: «Вы меня не обманете, я вижу, что вы задумали». В Италии его значение меняется: «Глядите в оба, будьте начеку, этот человек — злодей». Иными словами, основное значение знака связано с бдительностью, оно варьируется от «я бдителен» до «вы должны быть бдительны».

И в том, и в другом случае в каждой названной стране есть небольшая группа людей, воспринимающая знаки не так, как большинство. Единодушия в оценке знаков не наблюдается, возможно лишь сказать, как воспринимает тот или иной знак большая часть населения. Провести четкую границу между регионами, в которых значения знака разнятся, часто невозможно. Изредка мы, перемещаясь из одной местности в другую, видим резкий переход от одного значения к другому, однако куда чаще оба значения сосуществуют, просто одно из них распространено более, а другое — менее.

Иногда мы можем увязать географическое распределение современных Местных Знаков с конкретными историческими событиями. Во Франции и на севере Италии человек, который резко проводит тыльной стороной пальцев по коже под подбородком в направлении от горла, наносит вам оскорбление. Там этот знак означает: «Исчезни, ты меня раздражаешь». В Южной Италии данный знак также не относится к позитивным, но не является и оскорбительным. Здесь он означает всего-навсего «ничего особенного», или «нет», или «я не могу», или «я не хочу». Значение изменяется между Римом и Неаполем, отчего возникло предположение, что тут замешана культура Древней Греции. В свое время греки колонизировали Южную Италию, и их продвижение на север остановилось как раз между Римом и Неаполем. В наше время греки проводят пальцами по подбородку с той же целью, что и жители юга Италии. Интересно, что распределение этого и некоторых других знаков в точности соответствует пути греческих колонизаторов в эпоху расцвета Эллады.

Наши языки и архитектура до сих пор несут на себе отпечаток культуры Древней Греции, и нас не должен удивлять тот факт, что древнегреческие знаки по сей день остаются «в обойме». Любопытно другое: почему со временем они не распространились за пределы колонизированных территорий? Греческое зодчество и философия проникли далеко за границы колоний, знаки же за философией не последовали, а почему — неясно. В Англии, к примеру, их нет вообще, во Франции они имеют другие значения.

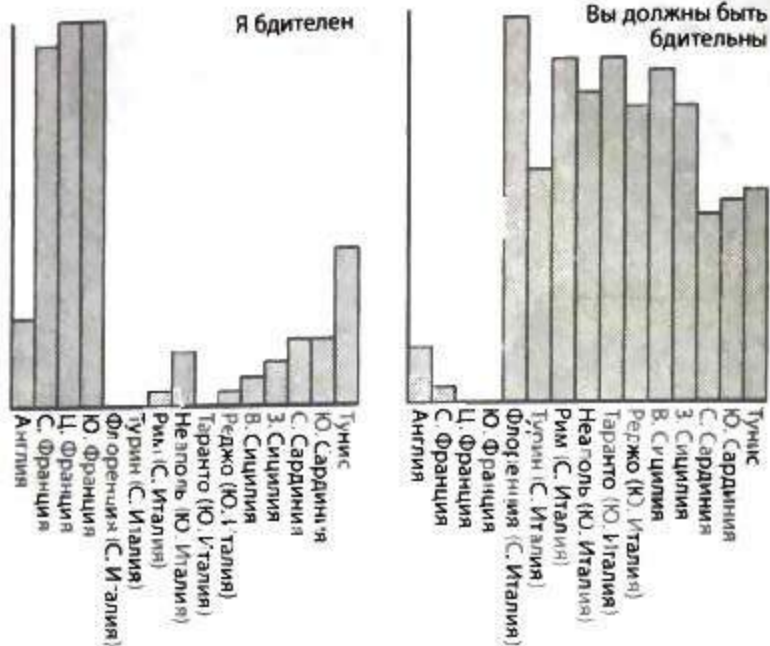
Знак «пальцы из-под подбородка» (см. рис. 2 ниже) в Англии неизвестен; во Франции и на севере Италии он означает «исчезни»; в Южной Италии этот знак не является оскорбительным и означает «ничего особенного». Эта разница отражена в распределении значений знака на графиках.

Справа: одни знаки используются лишь в одной местности, другие бытуют на больших территориях. В 1832 году Андреа де Жорио поведал миру о десяти неаполитанских знаках, которые означают или означали: (1) «молчи»; (2) «нет»; (3) «красиво»; (4) «я голоден»; (5) «ты смешон»; (6) «я устал»; (7) «это глупо»; (8) «остерегайся»; (9) «нечестно»; (10) «тут есть подвох». Знаки (1) и (5) узнают все европейцы, в то время как знаки (9) и (10) вряд ли понятны за пределами Италии.

Знак «прикосновение к веку» (см. рис. 8) обретает несколько иное значение, когда путешественник пересекает границу между Францией и Италией. Во Франции он означает «я бдителен», а в Италии — «вы должны быть бдительны».

Оба случая объединяет бдительность, отсюда и широко открытый глаз, только во Франции бдителен подающий знак, а в Италии знак призывает быть бдительным собеседника. Разница в распределении значений знака отражена на графиках. (Все графики из книги Морриса и др. «Карты знаков» («Gesture Maps»)).

Другой пример влияния истории на жестикуляцию — Северная Африка. В Тунисе знак «пальцы из-под подбородка» снова становится оскорбительным — тунисцы воспроизводят «французский» вариант этого знака, а не «южно-итальянский», несмотря на то, что Италия к Тунису куда ближе. Есть и другие знаки, общие для Туниса и Франции. Объясняется это просто: какое-то время Тунис был французской колонией, и культура колонизаторов повлияла даже на местную жестикуляцию. В плане знаков современный Тунис — более «французская» страна, нежели любой из его соседей, поскольку те не испытали влияние Франции.

Здесь возникает вопрос: являются ли знаки более консервативным средством коммуникации по сравнению с другими? Мы часто слышим о последней моде и никогда — о «жестах нового сезона». Судя по всему, знаки могут сохраняться в неизменном виде довольно долго, так же как фольклор или детские игры и считалки. Тем не менее, время от времени возникают и новые знаки. Две тысячи лет тому назад законодателями моды на жесты были греки. Сегодня это британцы с их знаками «победа» и «палец вверх» и американцы с их знаком «о'кей». Эти жесты распространились и в Европе, и по всему миру: они появились на международной арене в годы Второй Мировой Войны и в послевоенные годы укрепили позиции даже в богатых на жесты странах Южной Европы. Впрочем, это исключение из правил. Почти все современные Местные Знаки появились столетия назад и имеют долгую историю.

ДИРИЖЁРСКИЕ ЗНАКИ

Телодвижения, подчеркивающие ритм речи

Дирижерские Знаки словно отбивают ритм, в котором проговариваются слова. Роль этих знаков очень важна: они акцентируют внимание на отдельных моментах в нашей речи. Дирижерские Знаки стали неотъемлемой частью наших разговоров, и зачастую мы жестикулируем, даже когда говорим по телефону.

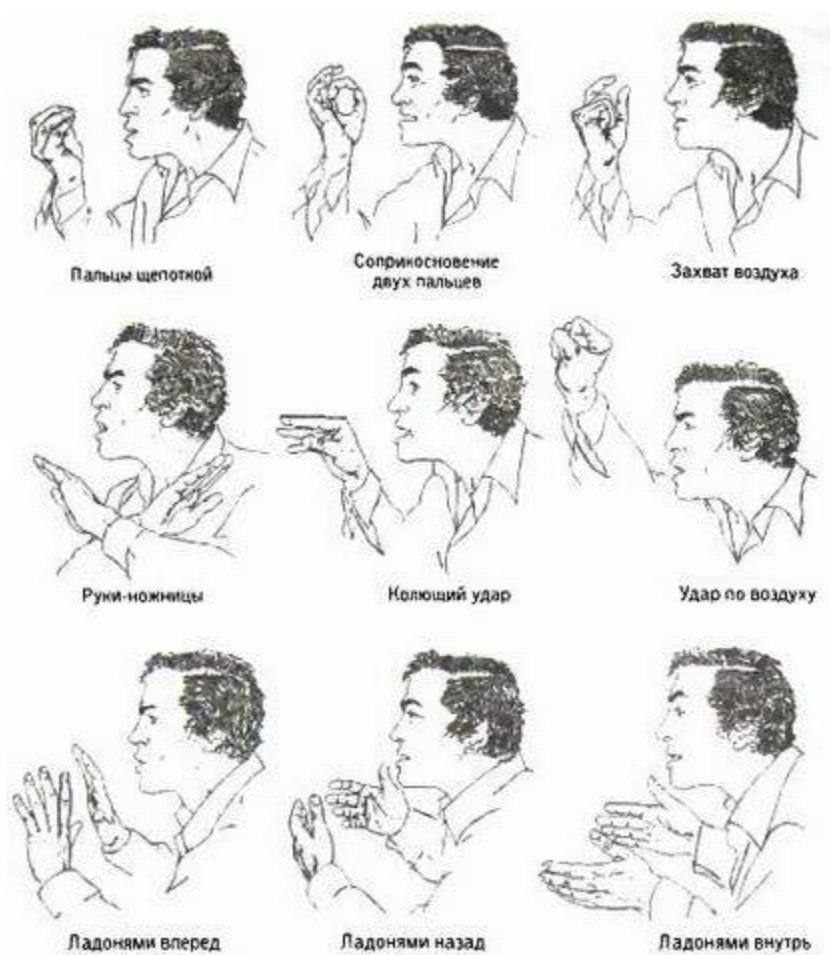
К данному типу знаков относятся все знаки, которые мы подаем, когда беседуем с кем-то или выступаем на публике. Руки вдохновенного оратора редко бывают неподвижны, они взлетают, рассекают воздух и чертят в нем линии, управляя «музыкой» слов. Оратор использует эти знаки наполовину неосознанно. Он знает, что его руки двигаются, но, если попросить его точно описать Дирижерские Знаки, окажется, что он не в состоянии это сделать. Оратор скажет, что «делал взмахи руками», но подробнее описать их не сможет. Покажите ему видеозапись его «дирижирования» — и он изумится тому, что его руки дают настоящее балетное представление, исполняя виртуозные па-де-де и не успокаиваясь ни на минуту.

Особый интерес представляют именно движения рук. Если бы Дирижерские Знаки лишь подчеркивали ритм нашей речи, мы бы не останавливались на них столь подробно. Каждый раз, когда руки акцентируют внимание на той или иной мысли, они принимают некое положение, и положения эти разнятся от случая к случаю, от индивида к индивиду и от культуры к культуре. Взмахи рук сообщают: «Вот об этом я говорю, и об этом, и еще об этом». Положение рук сообщает: «...И говорю я это, пребывая вот в таком настроении». Разработана детальная классификация «дирижерских» положений рук, позволяющая изучить их естественную историю, непосредственно наблюдая за людьми. Вот самые важные типы Дирижерских Знаков:

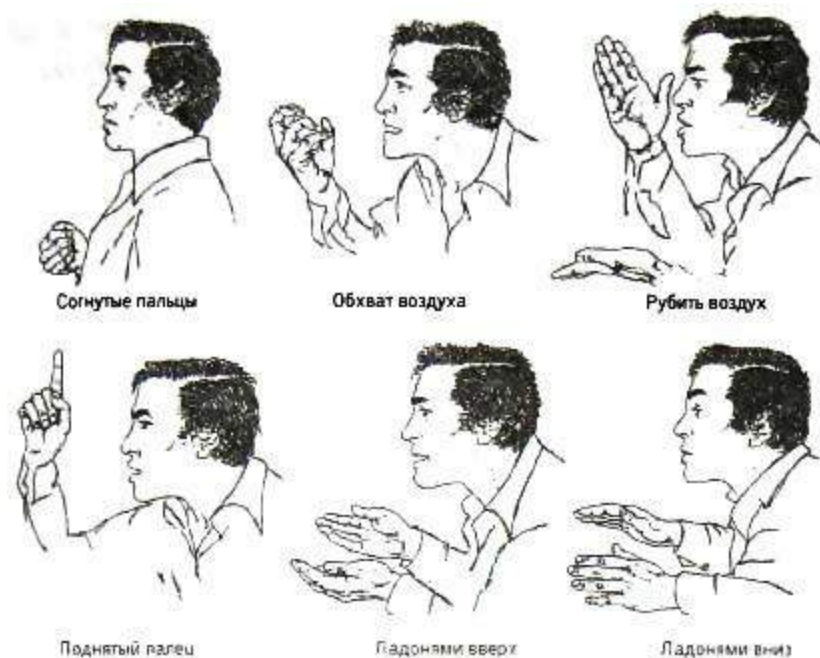
1. Точный захват пустоты. Все движения руки человека могут быть отнесены к одному из двух типов: «точный захват» и «силовой захват». При точном захвате задействованы пальцы руки, при силовом — вся кисть. Мы совершаем точный захват, когда осторожно берем небольшие предметы и аккуратно ими манипулируем, например, когда пишем ручкой или шьем иголкой. Подавая Дирижерские Знаки, мы часто совершаем точные захваты, при этом наши руки остаются пустыми. Иными словами, мы «захватываем» пустоту. Данный тип Дирижерских Знаков подчеркивает стремление оратора к изящным и точным выражениям. Его руки заостряют внимание на утонченности акцентируемых высказываний.

Есть два распространенных варианта точного захвата пустоты: «пальцы щепоткой» и «соприкосновение двух пальцев». В первом случае кончики всех пяти пальцев соприкасаются, образуя плотное кольцо, словно мы берем щепотку чего-либо.

Во втором случае соприкасаются только два пальца — большой и указательный. Этот вариант точного захвата пустоты распространен более других, поскольку требует меньшего мышечного усилия, нежели знак «пальцы щепоткой».

2. Точный захват предмета. В этом случае пальцы осторожно держат маленький воображаемый предмет, и указательный палец не соприкасается с остальными. Данное положение руки — «захват воздуха» — отражает не столько точность высказывания, сколько поиск более подходящих слов. Обычно «захват воздуха» означает, что оратор задает некий вопрос или не уверен в том, о чем говорит, он словно ищет что-то. Рука, подающая Дирижерский Знак, почти ухватила ответ — но все-таки не совсем.

Наиболее характерные /Дирижерские Знаки, используемые жестикулирующими ораторами. Когда наши политические лидеры произносят пламенные речи, они часто делают знак «обхват воздуха», подчеркивающий стремление контролировать ситуацию.

3. Силовой захват пустоты. Мы применяем силовой захват, когда решительно и

бесцеремонно сжимаем что-либо в руке, — например, рукоятку молотка. При этом пальцы плотно обхватывают предмет. Когда мы держим воображаемый предмет, иначе говоря, пустоту, получаются знаки «согнутые пальцы» и, если движение доведено до логического конца, «сжатый кулак».

«Согнутые пальцы» согнуты ровно настолько, что кончики пальцев еле касаются ладони. Этот довольно вялый Дирижерский Знак, сообщающий нам, что оратор нерешителен и мысли у него растекаются. Напротив, «сжатый кулак», хоть и оставляет ощущение бесцеремонности, свидетельствует о том, что оратор настроен решительно и взвешивает каждое свое слово.

Из всех Дирижерских Знаков, подаваемых руками, «сжатый кулак» точнее прочих передает настрой говорящего, потому различные варианты этого знака часто используются ораторами, когда они хотят произвести хорошее впечатление на публику. Колеблющийся и нерешительный политик показывает слушателям сжатый кулак в сознательной попытке обмануть их, заставив поверить в то, что на самом деле он смел и полон решимости. Иначе говоря, данное действие слишком однозначно «прочитывается», чтобы служить сколь бы то ни было надежным индикатором настроения оратора.

4. Силовой захват предмета. Когда оратор пытается совладать с обстоятельствами и намерен произнести тираду, которая позволила бы ему взять ситуацию под контроль, он совершает силовой захват воображаемого предмета. Так появляется знак «обхват воздуха»: пальцы растопырены и слегка согнуты. Рука словно сгребает воздух, но не доводит движение до логического конца.

5. Удар по пустоте. Говорящий использует руки не как «манипуляторы», а как ударный инструмент. Вместо того чтобы захватывать или обхватывать воображаемые предметы, он рубит, колет или избивает воздух. Знак «рубить воздух» (человек рубит воздух распрямленной напряженной кистью словно топором) — это Дирижерский Знак, присущий агрессивным ораторам, которые хотят, во что бы то ни стало, донести свои идеи до слушателей, навязав им собственное мнение. Особый вариант знака «рубить воздух» — «руки-ножницы»: запястья располагаются одно над другим под прямым углом, руки рубят воздух синхронно. «Руки-ножницы», как правило, сообщают наблюдателю, что говорящий кому-то в чем-то отказывает или что-то отвергает. Можно представить себе, что он словно прорубается сквозь вражескую оборону, отбивая аргументы «противной стороны» направо и налево.

«Колющий удар» (кончики пальцев словно тычут в слушателя) также несет в себе заряд агрессии, только здесь эта агрессия более специфична: обычно она не имеет ничего общего с обсуждаемой проблемой и направлена против собеседника.

«Удар по воздуху» — наиболее агрессивный из Дирижерских Знаков: когда человек, произносящий речь, потрясает кулаком и бьет им воздух, сомневаться в том, что оратор зол, не приходится. Между этим знаком и «сжатым кулаком» как вариантом силового захвата пустоты есть определенное сходство, однако обычно один знак можно отличить от другого. «Сжатый кулак» мы видим, когда рука хватается за воздух, а «удар по воздуху» — когда она по нему ударяет. В обоих случаях руки отбивают ритм агрессивно, но только при «ударе по воздуху» создается впечатление, что оратору хочется кого-то побить.

6. Протянутая рука. Можно не хватать воздух и не бить по нему, а просто вытянуть «дирижирующую» руку перед туловищем и держать ее в нейтральном положении, сведя распрямленные пальцы вместе. В этом случае значение знака зависит от положения ладони.

«Ладонями вверх»: мы видим самую настоящую «протянутую ладонь» нищего. Этот Дирижерский Знак умоляет слушателя согласиться.

«Ладонями вниз»: умиротворяющий знак невозмутимого человека. Знак, подчеркивающий намерение говорящего спустить нечто на тормозах, уменьшить накал страстей, взять ситуацию под контроль.

«Ладонями вперед»: «я против, я отклоняю ваши слова». Рука движется к собеседнику, словно защищая говорящего и останавливая воображаемый предмет, который ему угрожает. Знак, сопутствующий возражениям.

«Ладонями назад»: знак человека, ищущего успокоения. Как правило, данный знак делается обеими руками, ладони при этом расположены на уровне груди. Руки застывают у туловища, словно человека обнимает невидимый друг. Такое положение рук выражает попытку ухватиться за мысль, осмыслить обсуждаемые идеи или метафорически притянуть слушателя ближе к говорящему.

«Ладонями внутрь»: ищущий знак человека, ведущего переговоры. Рука вытягивается словно для рукопожатия и встречает на своем пути лишь воздух. Этот Дирижерский Знак указывает на желание протянуть собеседнику руку, дотронуться до него. Здесь превалирует миротворческий настрой, желание преодолеть расстояние между говорящим и слушателем, донести до сознания собеседника идею, выраженную в словах.

7. Намерение коснуться. Когда пальцы на руке растопырены «веером», Дирижерский Знак обретает особое значение. Знак «коснуться воздуха» весьма популярен среди людей, для которых общение — часть профессии. Говорящий вытягивает пальцы так, словно хочет каждым из них коснуться одного из слушателей. Кончики пальцев касаются воображаемых предметов, поэтому этот утонченный знак соотносится с точными захватами, описанными ранее. Разница состоит в том, что здесь кончики пальцев не соприкасаются один с другим, как в варианте «пальцы щепоткой»: оратор будто пытается дотронуться ими до тех, с кем разговаривает.

8. Соединенные руки. Когда говорящий тем или иным образом соединяет руки, этот знак означает, что «дирижирование» на время прекращается. Он продолжает говорить, но вместо того, чтобы подчеркивать ритм речи, уютно замыкается в собственных мыслях, «пожимает руку сам себе».

Как ни странно, такое замыкание в себе часто вступает в конфликт со стремлением заострить внимание на какой-либо мысли, и ораторы начинают вести себя неадекватно: их соединенные руки словно хотят взбунтоваться против самоуспокоения. Если говорящий не разъединяет их, руки начинают дергаться в такт проговариваемым мыслям. Подобный «уход от дирижирования» часто можно наблюдать у индивидов, которые, попав в сложную ситуацию, ощущают тревогу и неуверенность, но тем не менее твердо намерены сказать собеседникам все то, что считают нужным.

9. Указательный палец. Как правило, Дирижерские Знаки характеризуются синхронной «работой» всех пальцев руки. Есть, однако, распространенный знак, доминирующим элементом которого является лишь один палец — указательный. Это знак «вытянутый указательный палец».

Данный знак распространен в двух вариантах: «указующий палец» и «поднятый палец». В первом случае указательный палец направлен на слушателя или обсуждаемый предмет. Показывая пальцем на предмет, мы можем всего лишь подчеркивать его значимость для нашего разговора, однако когда мы показываем пальцем на другого человека, значение знака

меняется: мы отдаем приказы и требуем подчинения. Если оратор ритмично тычет пальцем в собеседника, это открытое проявление враждебности. Указательный палец «протыкает воздух», однако собеседник ощущает, как тот словно впивается ему в ребра.

«Поднятый палец» также сопровождает угрозу или попытку доминировать, но по иной причине. Здесь палец символизирует дубинку или палку, поднятую для того, чтобы нанести ею символический удар. Когда говорящий высоко поднимает руку с поднятым пальцем, собеседник ощущает опасность, поскольку этот знак напоминает руку с первобытным оружием, занесенным для смертельного удара.

Известно, что когда маленькие дети и представители отряда приматов хотят ударить кого-то, они чаще всего поднимают руку. Данное атакующее движение является для них базовым. Известно также, что, когда взрослые люди дерутся без правил (например, участвуя в беспорядках), они повторяют именно это телодвижение. Вполне возможно, что данный способ поведения является для людей врожденным. Отсюда следует, что, когда говорящий угрожающе поднимает палец и начинает молотить им воздух, словно это и не палец вовсе, а миниатюрный ударный инструмент, данный знак призван запугать собеседника, пробудив в нем глубоко запрятанный страх, пусть даже сам по себе указательный палец — всего лишь скромный символический заменитель настоящего оружия.

10. Знаки, подаваемые головой. В первую очередь в Дирижерских Знаках задействованы, конечно же, руки, однако отбивать ритм речи можно и другими частями тела. Голова часто играет вспомогательную роль: говорящий кивает в такт собственным словам, при этом его голова резко опускается вниз и затем менее резко возвращается в исходное положение («нырок головой»). Когда мы киваем, голова подается немного вперед, отчего движение кажется атакующим. Действительно, этот Дирижерский Знак обычно подчеркивает решительные и агрессивные заявления. Изначально подобное движение головы означало намерение наброситься на человека и ударить его.

11. Знаки, подаваемые телом. Они схожи со знаками, подаваемыми головой, но подаются всем телом, которое резко дергается («подергивание тела»). Данное телодвижение можно наблюдать, когда говорящего переполняет энтузиазм и он практически рвется в бой. Наиболее выразительно такие знаки подают дирижеры оркестров, зачастую можно увидеть также, как содрогаются непомерно чувствительные ораторы, отчаянно и агрессивно пытающиеся завоевать внимание слушателей.

Другой Дирижерский Знак этого типа часто подают певцы — это «покачивание тела», при котором торс склоняется то в одну сторону, то в другую сообразно с ритмом музыки, он же — ритм слов, которые произносит нараспев исполнитель.

12. Знаки, подаваемые ногами. Как правило, Дирижерские Знаки не подаются ногами — за одним важным исключением. Речь о знаке «притопывание ногой». Этот Дирижерский Знак подают почти исключительно страстные, пламенные ораторы, доводящие себя до припадочных состояний. Они топают ногой, отмечая каждое слово, которое кажется им важным, и в итоге данный Дирижерский Знак, как и в случае с кулаком, стучащим по столу, не только виден, но и слышен.

Таковы основные типы Дирижерских Знаков. В соответствии каждому из этих знаков поставлено настроение оратора, но не стоит думать, что конкретный знак всегда выражает упомянутое настроение. Здесь нет и не может быть определенности, только вероятность, и тому есть веская причина: фактор личных пристрастий. Каждый из нас, взрослея, предпочитает одни Дирижерские Знаки другим и с годами все больше сосредотачивается на

«любимых» знаках в ущерб остальным. Иными словами, подаваемые нами Дирижерские Знаки меняются, когда меняется наш настрой, но не столь четко, как это выглядит в приведенном описании: например, если нам нравится подавать знаки руками, эти знаки со временем будут покрывать более широкий спектр настроений, чем тот, что описан выше.

Ученые отмечают и другие особенности Дирижерских Знаков у разных групп людей. Утверждается, что одни народы жестикулируют больше, чем другие; что чем ниже социальный статус человека, тем энергичнее его жестикуляция; что молчаливые люди жестикулируют больше, чем словоохотливые. Судя по имеющимся данным, национальные различия действительно существуют, в частности, видеосъемки подтвердили, что в странах Средиземноморья люди жестикулируют куда активнее жителей севера Европы. Ясно, что различие это связано не столько с народами, сколько с географическим положением страны, и естественно предположить, что причиной всему — разница температур, но пока что никто не смог объяснить, почему разница температур должна влиять на жестикуляцию.

Классовые различия также могут существовать, но зачастую они преувеличиваются. Действительно, викторианский высший класс осуждал «социальное растормаживание», а энергичная жестикуляция, «помогающая голосу», расценивалась как «вульгарная» автором книги «Поведение в хорошем обществе» («The Habits of Good Society»), издававшейся в 60-х годах XIX века в Лондоне и Нью-Йорке. Тем не менее, викторианский оратор более чем активно жестикулировал и мог даже совершенствовать искусство жестикуляции по книгам. Все зависело от конкретного социального контекста, и даже в Викторианскую эпоху все было совсем не так просто, как кажется на первый взгляд. Отголоски этой эпохи встречаются и сегодня: здесь и там можно услышать, что излишне эмоциональная жестикуляция непристойна, однако границы между социальными группами в наше время практически стерлись. В каждом слое общества есть люди, которые азартно жестикулируют, и люди, которые знаков почти не подают.

Что до утверждения о более энергичной жестикуляции молчаливых людей, оно не нашло подтверждения на практике. Теория гласила, что неумение находить правильные слова уравнивается жестикуляцией и молчуны показывают руками то, что не могут выразить вербально. Опять же, истина не столь проста. Есть превосходные ораторы, которые произносят речи, почти не двигаясь, однако большинство «говорунов» энергично жестикулируют. Наиболее красноречивые люди из числа ныне живущих владеют языком знаков просто блестяще. И наоборот, многие люди, которым обычно нечего сказать, столь необщительны и угрюмы, что их руки и слова невыразительны в равной степени.

Если вынести за скобки групповые и индивидуальные отличия, остается еще частота, с которой один и тот же человек подает Дирижерские Знаки в различных ситуациях. Она тоже меняется. Поскольку эти Знаки связаны с подчеркиванием собственных слов и настроением, в ситуациях, когда устные комментарии достаточно будничны, например, при посещении продовольственного магазина словам сопутствует не так много Дирижерских Знаков, как в дискуссии, когда человек неистово отстаивает свою точку зрения. Как правило, восторженные люди жестикулируют куда энергичнее циников. Восторженный человек хочет поделиться энтузиазмом со слушателями и ощущает настоятельную потребность акцентировать внимание на каждой мысли, которую считает значимой. Циник не восторжен во всех своих проявлениях и такой потребности не чувствует.

Поведение восторженных людей подводит нас к важному моменту. Дирижерские Знаки горячего приверженца чего-либо подчеркивают его восторги и вызывают аналогичные

чувства в тех, к кому он обращается. Чем сильнее обратная связь, тем охотнее он решит, что ему удалось донести до аудитории свои мысли, тем меньше у него будет потребность (на подсознательном уровне) подчеркивать слова невербальными средствами. Таким образом, реакция слушателей на речь — это ключевой фактор, влияющий на интенсивность Дирижерских Знаков. Убедительный и импонирующий слушателям оратор стремится свести жестикуляцию к минимуму, но поставьте его перед критически настроенной аудиторией — и его руки начнут плясать. Он должен победить настрой этой аудитории, а значит, его жесты будут вновь и вновь подчеркивать его слова. Уяснив эту закономерность, мы поймем, почему ораторы, выступающие перед толпами, жестикулируют куда активнее «говорунов», беседующих один на один. Один и тот же человек, выступая перед другом, подаст куда меньше Дирижерских Знаков, чем в том случае, когда он будет произносить речь перед группой людей. Как ни парадоксально, причина в том, что от группы он получит не столь сильную обратную связь. Когда друг кивает и улыбается, говорящий уверен в том, что его слова достигают разума адресата. Подчеркивать их лишней раз нет необходимости. А вот люди, составляющие толпу, как правило, не стремятся поминутно заверять оратора улыбками и кивками в том, что он прав. Они — часть толпы, что делает их беспристрастными в отношении оратора. Они внимательно смотрят на него и скрывают свою реакцию до момента, когда начинают аплодировать. Для говорящего «людское море» являет собой вызов: слушатели не кивают ему так, как кивает близкий друг, вообще неясно, что о чем все эти люди думают. Внимают они его мыслям или остаются к ним безучастными? Подсознательно оратор решает, что единственный верный образ действий в такой ситуации — говорить и двигаться еще выразительнее, чтобы поразить слушателей наверняка. Вот так люди, которые почти не жестикулируют в частных беседах, начинают яростно махать руками, стоит им попасть на трибуну.

Наконец, можно добавить, что индивидуальные Дирижерские Знаки различаются не только по частоте, но и по стилю. Однако эти различия почти не исследованы. Подробный рассказ о «диалектах» Дирижерских Знаков появится лишь тогда, когда ученые обобщат результаты повседневных наблюдений.

НАПРАВЛЯЮЩИЕ ЗНАКИ

Как мы показываем путь, направляя и подзывая

Направляющие Знаки — это действия, указывающие направление. Они направляют внимание того, кому предназначены, или же предписывают ему двигаться определенным образом. Грубо говоря, они подобны указателям. В специальной литературе их принято называть Дейктическими Сигналами, однако это название может лишь запутать читателя.

Когда мы указываем на что-либо, это действие кажется нам столь естественным, что мы считаем его чем-то совершенно обыденным. Между тем другие животные показывать направление почти не умеют. Широкое применение Направляющих Знаков свойственно исключительно людям. Указывание — отличительная особенность нашего вида, более того, мы можем показать путь множеством разных способов.

Самый простой Направляющий Знак — это «указывание телом», единственная форма указывания, которую люди делят с другими видами. Когда внимание животного, находящегося среди себе подобных, внезапно привлекает некий раздражитель, оно быстро меняет положение тела, поворачиваясь к раздражителю мордой. Это движение, в свою очередь, привлекает внимание других животных, и те также разворачиваются в направлении раздражителя — даже если сами они пока что ничего не заметили. Человек использует это свойство животных, когда охотится с собаками, которых неслучайно назвал «пойнтерами» (англ. «pointer» — «указатель»).

Люди тоже указывают направление телом, что легко заметить, наблюдая за любым собранием, на котором присутствует важная персона. Входя в помещение, мы определяем местонахождение этой персоны, увидев скопление людей, которые повернулись так, чтобы стоять лицом к знаменитости. Аналогично, если мы замечаем на улице группу людей, которые обступили вызвавший их интерес объект и смотрят на него, в нас пробуждается любопытство. Когда случается некое происшествие, прохожие, стремясь поглазеть на зрелище, движутся в направлении, которое указывает им поворот тел других наблюдателей, и сборище зевак быстро превращается в толпу.

Эксперимент, проведенный на оживленной американской улице, показал, что, если один человек стоит, чуть отклонившись назад, и смотрит на воображаемый объект в небе, 4 % прохожих останавливаются и поднимают взгляд. Если за воображаемым небесным объектом наблюдает застывшая посреди улицы группа из пяти человек, рядом останавливаются, разворачиваясь в том же направлении, 18 % прохожих. Ясно, что любопытство, проявляемое посредством коммуникативного знака «указывание телом», заразительно.

Когда мы поворачиваемся лицом к чему-либо, это не более чем вспомогательный знак. Люди не используют его намеренно, «указывание телом» у нас вторично и несамостоятельно. Самый распространенный Направляющий Знак, который мы подаем сознательно, — это «указывание пальцем». Когда нас останавливают на улице и спрашивают, как пройти, например, в библиотеку, можем ограничиться подробным устным описанием маршрута, но, как правило, помогаем себе, указывая направление пальцем. Мы делаем это даже в ситуациях, когда без этого жеста вполне можно обойтись. Данный знак можно наблюдать почти во всех странах мира. В некоторых регионах указывание пальцем — табу,

тогда этот знак заменяется на «указывание головой»: голова дергается в нужном направлении, губы при этом открываются и закрываются (или же выпячиваются). Указывание головой распространено в Центральной и Южной Америке, среди африканских негров, гуркхов и североамериканских индейцев.

У знака «указывание головой» есть особая форма — тайное «указывание глазами». Когда я хочу предупредить вас о том, что некий человек только что вошел в комнату, а вы его пока не заметили, я могу мельком глянуть на этого человека, долю секунды «буравить его взглядом», а затем посмотреть на вас, чтобы увидеть, поняли вы меня или нет. Вполне вероятно, мне придется повторить «указывание глазами» несколько раз прежде, чем вы поймете мой намек. Этот усиленный вариант обычного «быстрого взгляда» требует виртуозного исполнения. Если я буду вращать глазами чересчур энергично, это заметят другие люди, если слишком вяло, вы можете не понять, что я хочу вам что-то сообщить.

Возвращаясь к руке, самому важному указателю, который имеется в распоряжении человека, отметим, что и здесь возможны варианты. В дополнение к «указыванию пальцем» люди практикуют и «указывание рукой», когда ладонь выпрямлена и все пальцы сложены вместе. Между «указыванием пальцем» и «указыванием рукой» есть тонкая смысловая разница. Когда я спрашиваю прохожего: «Где находится вокзал?» — и он отвечает: «Вон там», направление, скорее всего, будет указано пальцем. Если я спрошу: «Как мне попасть на вокзал?» — и прохожий скажет: «Идите вон той дорогой», он с большой вероятностью укажет путь рукой, держа ее так, что большой палец будет наверху.

Другими словами, указующая рука — это Направляющий Знак, обозначающий маршрут, которым нужно следовать, в то время как указующий палец связан скорее с конкретной целью, которой мы хотим достичь. Можно представить себе, что палец символизирует стрелу, которую советчик запускает в нужном направлении. Эта аналогия возникла не на пустом месте: в некоторых племенах расстояние до объекта характеризуется углом, который указательный палец образует с воображаемой горизонтальной плоскостью. Когда я спрашиваю: «Где находится ближайший источник?» — направление указывается пальцем в почти горизонтальном положении, если источник расположен поблизости; если же источник далеко, палец отклоняется вверх под некоторым углом. Чем дальше находится объект, тем больший угол образует палец с воображаемой горизонтальной плоскостью — точно как стрела, которая полетит дальше, если запустить ее повыше.

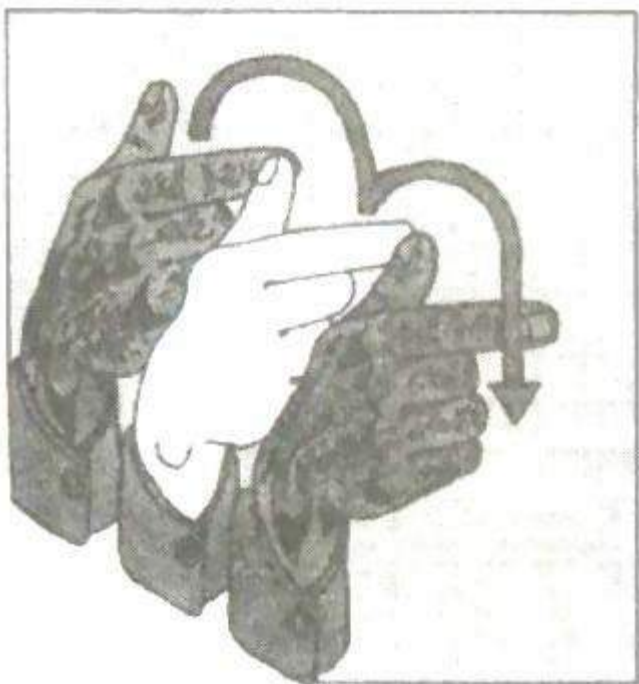
В Греции и отдельных областях Италии бытует особая форма данного символического знака — «прыгающий палец». Вытянутый указательный палец словно прыгает вперед по дуге, и каждый его скачок обозначает один день, начиная с нынешнего. Данный Направляющий Знак обозначает направление во времени, а не в пространстве. При помощи этого жеста находящиеся в толпе парень и девушка могут договориться о свидании, не сказав друг Другу ни слова. Их «разговор» протекает примерно так:

ПАРЕНЬ: (Подразумевает): «Давай встретимся завтра в пять?» Действия: (1) показывает на девушку, потом на себя (= «мы»); (2) указательный палец «прыгает» один раз (= «завтра»); (3) показывает пять пальцев (= «пять часов»).

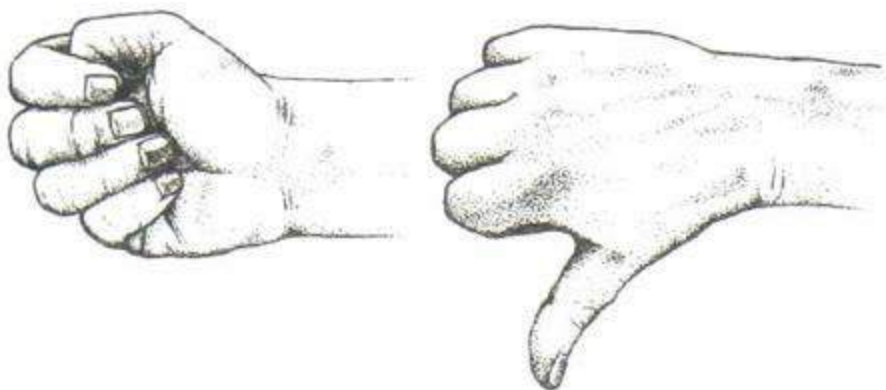
ДЕВУШКА: (Подразумевает): «Завтра не могу, могу послезавтра, тоже в пять». Действия: (1) качает головой (= «нет»); (2) указательный палец «прыгает» дважды (= «послезавтра»); (3) показывает пять пальцев (= «пять часов»).

«Указывание двумя пальцами», когда направление указывают большой и указательный пальцы, не относится к числу распространенных Направляющих Знаков, но иногда этот жест

объединяет «указывание пальцем» на объект и «указывание рукой», обозначающее маршрут.

«Прыгающий палец»: указательный палец словно прыгает вперед, каждый «прыжок» символизирует один день. Жест на рисунке означает «послезавтра».

Знаки «зажатый большой палец» и «большой палец вниз». Когда римляне требовали убить гладиатора, они указывали большим пальцем вниз. Требование пощадить гладиатора выражалось в том, что большой палец зажимался в кулаке, а не указывал вверх, как принято думать.

Наконец, есть еще «указывание большим пальцем», жест с длинной и кровавой историей. В Древнем Риме этот Направляющий Знак обозначал смерть. Когда гладиатор проигрывал сражение, толпа зрителей решала, сохранить ему жизнь или позволить победителю убить побежденного прямо на арене. Каждый зритель обозначал свое решение, показывая большой палец. Обычно говорят, что зрители указывали большими пальцами вниз, голосуя за смерть, и поднимали большие пальцы, голосуя за жизнь, но это популярное толкование неверно. Если вчитаться в античные сочинения, окажется, что жест «большой палец вверх» — это на деле «большой палец в кулаке», а «большой палец вниз» — это «указывание большим пальцем». Зрители смотрели на арену с высоты, потому, указывая большими пальцами на гладиатора, они автоматически указывали вниз. Жители Римской империи прятали большие пальцы, если хотели сохранить гладиатору жизнь, и указывали на него, если желали его смерти.

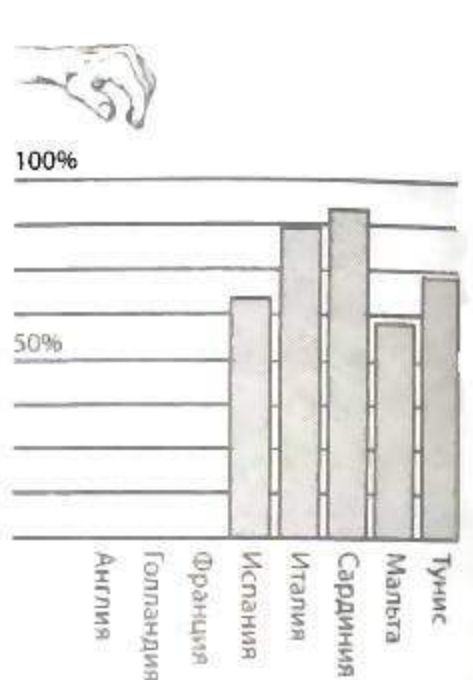
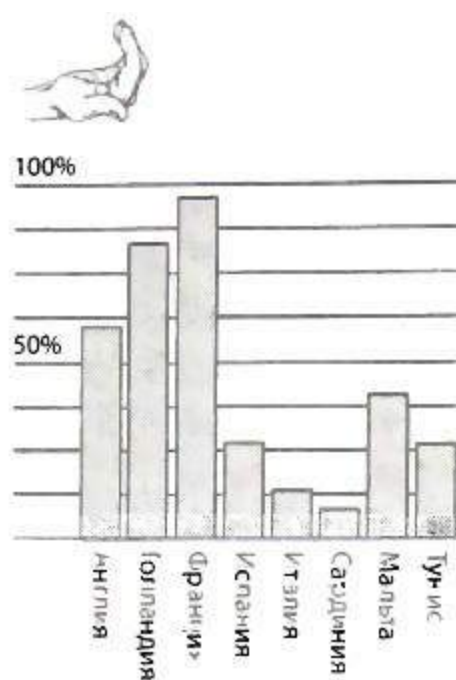
Мы настолько привыкли к современным формам жестов «палец вниз» и «палец вверх», что приведенное описание древних знаков кажется нам неправдоподобным, но факт остается

фактом: латинское выражение, описывающее жест «пальцы вверх», *pollice compresso*, буквально означает «зажатые пальцы», и описать этой фразой современный жест одобрения «палец вверх» попросту невозможно. Разумно предположить, что античные жесты возникли путем простого подражания. Когда древние опускали большой палец, они изображали смертельный удар мечом, имея в виду убийство гладиатора. Тем самым зрители сообщали победителю, как бы они на его месте обошлись с поверженным бойцом. Если они желали сохранить гладиатору жизнь, их жесты сообщали, что смертельный удар наносить не надо, что меч нужно убрать в ножны, потому зрители прятали большие пальцы, зажимая их в кулаке.

Не исключено, что именно поэтому современные итальянцы, прямые наследники античного Рима, сравнительно редко показывают большой палец, когда хотят сказать «о'кей», «хорошо», «отлично», — в отличие от, например, французов и англичан. Опрос показал, что этот жест считают естественным и обиходным 95 % жителей Великобритании и Франции — и лишь 23 % итальянцев. Более того, сами итальянцы называют данный знак «о'кей по-английски» и говорят, что они видели его в фильмах и телепередачах. Получается, что жест «большой палец вверх», распространившийся вследствие неверного истолкования сочинений древнеримских авторов, сегодня «возвращается» в город, который подобного жеста никогда не знал.

«Большой палец вверх» — жест достаточно специфичный, между тем большой палец может просто указывать направление. Этот Направляющий Знак несет в себе оттенок неприветливости, направление указывается словно с ворчанием или раздражением. Если я сильно занят и меня просят показать, где находится некий объект, я могу резко указать большим пальцем в нужном направлении. Данный жест принято расценивать как невежливый, и стоит задать вопрос почему. В конце концов, я точно указал на желаемый объект и не проигнорировал вопрос. Отчего же спрашивающего слегка коробит резкое движение моего большого пальца? Дело в том, что этот палец ассоциируется с грубой силой и «силовыми решениями». Когда мы хотим физически надавить на кого-то или на что-то так сильно, как только возможно, мы используем именно большой палец руки. Когда мы крепко держим какой-либо предмет в руке, сила большого пальца уравнивает силу остальных четырех пальцев. Английская идиома, означающая «он в нашей власти», звучит как «*he is under our thumb*» — дословно «он под нашим большим пальцем». Указание большим пальцем направления подсознательно ассоциируется с физической силой. Подавая этот знак, я намекаю на то, что я куда сильнее спрашивающего, потому данный жест не рекомендуется подавать подчиненному, говорящему с начальником. Точно так же младшие не могут указывать направление большим пальцем, отвечая на вопросы старших, если, конечно, они не хотят показаться намеренно грубыми.

Из этого правила есть исключение: указующий большой палец выглядит естественно, когда указываемый объект расположен за спиной говорящего. Вежливо было бы развернуться и указать на объект указательным пальцем, но, если осуществить такой маневр затруднительно, указывание большим пальцем вполне приемлемо. Особый случай — автостопщики, которые следят за потоком машин и указывают при этом большим пальцем на дорогу.

Жители одних стран делают «манящий» знак, держа руку ладонью вниз, других — ладонью вверх. На графиках показано, как меняются предпочтения людей от Англии до Северной Африки. (Трафики из книги Морриса и др. «Карты знаков».)

В дополнение к Направляющим Знакам, служащим указателями, есть специальная категория знаков, которые «манят» кого-либо. Они указывают одно-единственное направление — к тому, кто подает знак. Это жесты типа «иди сюда» или «подойди ближе», они бытуют в различных вариантах.

Наиболее распространенный «манящий» знак — «подзывание рукой»: четыре пальца (кроме большого) синхронно сгибаются и разгибаются. Одни люди делают этот жест, держа руку ладонью вверх, другие, наоборот, ладонью вниз. Какой из этих вариантов выберете вы, зависит от того, где вы живете. Если вы англичанин или француз, значит, вы подзываете людей, держа руку всегда ладонью вверх, но если вы итальянец, для вас естественно положение руки «ладонью вниз». Дело в том, что итальянцы машут рукой на прощание почти так же, как англичане и французы кого-то подзывают. Если бы итальянский знак «иди сюда» был похож на английский и французский, возникла бы путаница.

Что до остального мира, в большинстве регионов «подзыванию рукой» сопутствует ладонь, смотрящая вверх. Руку ладонью вниз держат в некоторых странах Азии и Африки, а также в Испании и Латинской Америке.

«Подзывание пальцем» в сравнении с «подзыванием рукой» распространено не столь широко. В Англии этот жест имеет слегка насмешливый или саркастический подтекст. Во Франции разницы между двумя этими жестами почти нет, отчего «подзывание пальцем» там в два раза популярнее, чем в Англии. В Италии этот жест встречается нечасто, но все же не так редко, как вариант «подзывания пальцем», при котором рука расположена ладонью вниз: этот знак подавали лишь пять из 300 опрошенных итальянцев (1,7 %).

Еще один редкий жест — «подзывание двумя пальцами»: его используют лишь 8 % англичан и французов, а итальянцам он незнаком вовсе. Этот знак столь непопулярен потому, что напоминает весьма распространенный неприличный жест «подергивание двумя пальцами».

Если человек зовет кого-то очень настойчиво (например, родитель подзывает ребёнка, который убежал довольно далеко), он подает «манящий» знак уже всей рукой, от кисти до

плеча, что делает этот жест куда более заметным. Самая популярная версия данного жеста — «движение руки по дуге к себе». Она означает даже не «иди сюда», а «ну давай же, скорее!».

Еще один «манящий» знак, который используют, когда хотят позвать кого-то на расстоянии, — «вращение поднятого указательного пальца»: человек поднимает руку выше головы, выпрямляет указательный палец и начинает энергично им вращать. Данный жест достаточно популярен в армии, кроме того, по имеющимся данным, он бытует в ряде бедуинских племен Северной Африки, у которых, должно быть, его и переняли военные.

Еще одно североафриканское изобретение — «подзывание по счету». Когда вы видите группу людей и хотите позвать к себе только одного из них, вы подаете жест одним указательным пальцем. Если вы хотите позвать двух людей, вы задействуете указательный палец и средний палец. Если трех — указательный, средний и безымянный пальцы. Эти аномальные жесты можно наблюдать в Тунисе. Используются ли они широко — до сих пор вопрос.

«Подзывание всеми пальцами по очереди» — знак саркастический и театральный, его воспроизводят, когда хотят высмеять «учительские» манеры. Здесь пальцы загибаются не вместе, а один за другим, начиная с мизинца и заканчивая указательным пальцем, отчего рука напоминает складывающийся веер. Комедийные актеры используют этот жест, желая показать, что их персонаж тщательно скрывает раздражение. Данный знак возник как гибрид обычного «подзывания рукой» и силового захвата.

Наконец, есть еще «подзывание головой». Как правило, мы подзываем других людей головой лишь в том случае, если наши руки заняты и не могут воспроизвести ни один «манящий» жест. Исключение из этого правила — интимное «подзывание головой», превращающееся в эротический жест «иди ко мне». При этом человек всего лишь быстро дергает головой, что подразумевает приглашение заняться с ним любовью. Со временем это телодвижение из разряда «серьезных» перешло в категорию «шуточных», ныне этот жест воспроизводится, когда нужно спародировать эротическую игру.

Кроме «указующих» и «манящих» жестов есть еще различные движения руки, которые используются как Направляющие Знаки общего плана. Знак отвержения (рука поднята ладонью вперед и словно отталкивает нечто) служит сигналом «пойдем назад». «Взмах рукой» сообщает собеседнику, что двигаться следует в том направлении, которое указывает рука. «Занесенная рука» указывает вверх, «резко опущенная рука» — вниз.

Если сопоставить все эти Направляющие Знаки, окажется, что, как и было сказано, человек умеет указывать путь лучше любого другого животного. Обычно мы не обращаем на эти знаки внимания, но если осознать, какое множество тонких различий существует между разными типами направляющей жестикуляции, станет ясно, что даже сами по себе эти знаки — огромный сложный мир, позволяющий определять четко и недвусмысленно, где именно находятся окружающие нас предметы, места и люди.

Время от времени можно столкнуться с утверждением, будто детальное изучение малых элементов языка знаков, таких, как Направляющие Знаки, не несет никакой пользы и потому они не заслуживают серьезного внимания, однако это не так. Бывает, что неверное понимание этих знаков чревато фатальным исходом. Данный тезис подтверждает история двух пловцов из Северной Европы, отдохавших у Средиземного моря. Будучи тренированными пловцами, они уплыли далеко от туристического пляжа и оказались вблизи закрытой военной зоны. Вооруженные охранники военно-морской базы увидели

приближающихся пловцов, предположили, что те могут быть разведчиками, и стали жестами подзывать их к берегу, чтобы там допросить по всей форме. Подзывающий знак они подавали так, как принято в средиземноморском регионе — махали руками, держа их ладонями вниз. Пловцы, привыкшие к тому, что ладонь в таких случаях смотрит вверх, подумали, что охранники подают им сигнал «плывите прочь от берега». Осознав, что они попали в запретную зону, пловцы среагировали соответственно: развернулись и поплыли обратно. Охранники, в свою очередь, решили, что эти двое — шпионы, пытающиеся сбежать, и застрелили обоих пловцов. Знание типичных для данной местности Направляющих Знаков могло спасти пловцам жизнь. Язык знаков важен для нас, как никакой другой.

Многие люди думают, что есть только один способ сказать «ДА» и один способ сказать «НЕТ» — кивнуть в первом случае и покрутить головой из стороны в сторону во втором — и эти телодвижения всюду понимаются одинаково. Это близко к истине, но истина, как водится, не так проста. В некоторых регионах согласие и отказ обозначаются другими, не столь распространенными движениями головы, и если путешественники их не понимают, они могут оказаться в затруднительном положении.

1. Кивок. Голова двигается вертикально, вверх и вниз, один или несколько раз, причем вниз — быстрее и резче, чем вверх. По сути, это первая фаза действия «склонить голову»: голова начинает склоняться, потом это движение внезапно прерывается. Во всем мире «склонить голову» означает «принизить себя», «безропотно подчиниться». Неудивительно, что знак «кивок» бытует почти повсеместно — и везде, где он бытует, этот знак означает «ДА» (и никогда «НЕТ»). Когда белые люди впервые встречались с жившими в изоляции племенами вроде австралийских аборигенов, выяснялось, что те тоже кивают в знак согласия. Логично предположить, что этот знак существует тысячи лет или же появляется в разных культурах независимо от места и эпохи. Распространенность этого знака невозможно объяснить сравнительно недавним колониальным или туристическим «импортом» жестов.

Наряду с аборигенами Австралии согласие выражается кивком у индейцев Амазонки, эскимосов, туземцев Огненной Земли, папуасов, самоанцев, балийцев, малайцев, японцев, китайцев и в ряде африканских племен. Кроме того, знак «кивок» используют практически все белые обитатели Европы, Северной и Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии. Зафиксированы кивки слепоглухонемых и микроцефалов, не способных к речи. Разумеется, этот внушительный список можно существенно дополнить. Он заставляет предположить, что для нашего вида кивок как знак согласия — это врожденное действие. Если так, исключения из общего правила — выражение согласия другими способами — требуют особого объяснения. Вполне возможно, что другие знаки «ДА» не заместили кивок, а дополнили его. Скажем, путешественники утверждали, что на Цейлоне вместо кивка используется знак «качание головой». Они видели, как местные жители, соглашаясь с неким предложением, двигали головой не вниз и вверх, а из стороны в сторону. Дальнейшее изучение цейлонских знаков показало, что островитяне качают головой, когда достигают согласия с собеседником, если же задать им конкретный вопрос, они выразят утвердительный ответ кивком. Все зависит от того, о каком именно «ДА» идет речь. Одни люди реагируют на все вопросы, требующие утвердительного ответа, одинаково, для других имеет значение, какое из различных «ДА» имеется в виду. Можно выделить несколько базовых типов «ДА»:

подтверждающий кивок: «да, я по-прежнему вас слушаю»;

поддерживающий кивок: «да, как здорово»;

понимающий кивок: «да, я понимаю, о чем вы»;

согласный кивок: «да, я это сделаю»;

утверждающий кивок: «да, это верно».

Если в какой-либо местности один из этих кивков замещается другим движением

головы, заезжий иностранец, скорее всего, первым делом заметит именно это движение — просто потому, что оно другое; в итоге он вернется на родину с историей о том, что в чужой стране даже привычный знак согласия выглядит совсем по-другому.

2. «Мотание головой». Голова поворачивается в горизонтальной плоскости из стороны в сторону, одинаково резко двигаясь и вправо, и влево. Это общепринятый знак для отрицания чего-либо, покрывающий широкий спектр «НЕТ», от «я не могу» и «я не буду» до «я против» и «я не знаю». Данный знак может обозначать также осуждение и замешательство.

Подобно кивку, мотание головой фактически распространено повсеместно и, опять-таки подобно кивку, обычно сохраняется даже в регионах, где бытует какой-либо другой знак отрицания. Как говорилось выше, считается, что в основе этого знака — телодвижения младенца, отказывающегося от груди, бутылочки или ложки с пищей. Когда родитель пытается накормить ребёнка, тот сообщает родителю об отказе, отворачиваясь от пищи, поворачивая голову сначала в одну сторону, потом в другую. Это движение становится основой для свойственного взрослым мотания головой и объясняет, почему, где бы мы ни наблюдали данный знак, он неизменно выражает отрицание.

3. «Поворот головы». Голова резко поворачивается в сторону и затем возвращается в нейтральное положение. Фактически это половина знака «мотание головой», и означает она примерно то же самое. Этот знак функционирует как знак «НЕТ», например, в некоторых районах Эфиопии. Он еще более прозрачно связан с отказом младенца от пищи, которую суют ему в рот.

4. «Покачивание головой». Голова ритмично склоняется то в одну сторону, то в другую, описывая дугу и напоминая перевернутый маятник. Для большинства европейцев этот знак означает «может быть, нет, может быть, да», поскольку движения головы имитируют непростой выбор между «этой дорогой и той дорогой». Однако в Болгарии и местами в Греции, Югославии, Турции, Иране и Бенгалии подобное покачивание головой считается полноценным заменителем более знакомого нам кивка. В этих странах данный знак означает «ДА», а не «может быть», при этом покачивание головой похоже на более распространенное мотание головой, и эти два телодвижения вполне можно спутать.

Когда в XIX веке русские солдаты вторглись в Болгарию, принадлежавшую тогда Османской империи, у них возникли трудности с пониманием местных жителей. Болгарское «ДА» слишком напоминало русское мотание головой, означающее «НЕТ», что и приводило к непониманию. Русские посчитали, что проблему можно решить, если приучить себя покачивать головой в знак согласия и подавлять желание мотать головой, когда нужно просигнализировать «НЕТ». Хотели как лучше, однако ничего хорошего из этой затеи не вышло: болгары перестали понимать, когда русские говорят болгарское «ДА», а когда русское «НЕТ». На этом этапе полагаться на движения головы не могли уже ни те, ни другие.

В болгарском языке есть множество фраз, позволяющих выдвинуть гипотезу о происхождении знака согласия «покачивание головой». Из высказываний типа «я отдам тебе мое ухо» и «я — сплошные уши» можно заключить, что некогда болгары поворачивали голову ухом к собеседнику, сообщая тем самым, что они внимают его речам. Со временем знак «да, я тебя слушаю» стал означать просто «ДА».

5. «Вскидывание головы». Голова резко отклоняется назад и менее резко возвращается в исходное положение. Этот знак похож на кивок наоборот и во многих странах означает «НЕТ» для особых случаев. Многие знаки «работают» по принципу антитезы, и данный знак — один из них. Этот принцип достаточно прост, он гласит, если два знака имеют

противоположные значения, телодвижения, лежащие в основе этих знаков, производятся в противоположных направлениях. Например, в доминирующем положении человек стоит прямо, а в подчиненном — сутулится. Точно так же если кивок означает «ДА», можно предположить, что телодвижение, обратное кивку, будет означать «НЕТ». Кивку можно противопоставить два движения головы — «мотание головой» по сторонам и «вскидывание головы».

Когда человек вскидывает голову, это движение куда менее различимо, нежели когда он мотает головой из стороны в сторону, возможно, поэтому «вскидывание головы» встречается куда реже. Главным образом этот знак распространен в Греции, отчего его иногда называют греческим «нет», встречается он и в других странах Средиземноморья. По сей день «вскидывание головы» можно наблюдать не только в Греции, но и на Кипре, в Турции, в ряде арабских стран, на Мальте и Сицилии, а также в Южной Италии. Что характерно, в настоящее время ареал распространения этого знака, как в случае со знаком «пальцы из-под подбородка» (один из Местных Знаков, обсуждавшихся выше), совпадает с территорией, которую занимала Древняя Греция в период ее расцвета; логично предположить, что это древнегреческий знак, сохранявшийся в бывших греческих колониях в течение двух тысяч лет. Ученые проверили эту гипотезу, проведя специальное исследование в Центральной Италии. Было установлено, что, несмотря на мобильность современных итальянцев и государственное телевидение, которое покрывает всю территорию Италии, римляне по-прежнему обозначают «НЕТ» мотанием головой, в то время как неаполитанцы говорят «НЕТ», вскидывая голову. Наблюдая за поведением жителей деревень между двумя этими городами, ученые обнаружили, что граница между ареалами распространения этих знаков совпадает с первой горной цепью к северу от Неаполя. По «южную» сторону от этой цепи итальянцы вскидывают голову, по «северную» — мотают головой. Складывается впечатление, что греки с юга страны словно и не уходили.

Большинство итальянцев-южан, однако, вскидывает голову далеко не во всех ситуациях, когда надо сказать «НЕТ». Изредка, особенно если отрицаются факты, южане трясут головой. Вскидывание головы чаще означает эмоциональное «НЕТ» — «нет, нельзя», «это нехорошо», «нет!!!». Иногда при этом также морщат губы, закатывают глаза, поднимают брови и щелкают языком. Когда жестикулирующий стоит далеко, он может подкрепить вскидывание головы знаком «пальцы из-под подбородка».

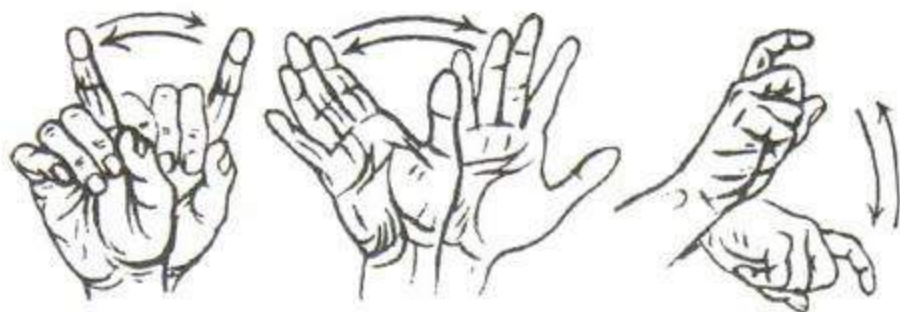
Мы запутаемся еще больше, когда узнаем, что в других странах мира голову вскидывают по совсем другим поводам. У новозеландских маори, филиппинских тагалов, даяков с острова Борнео и части эфиопов вскидывание головы означает не «НЕТ», а «ДА». Почему этот знак имеет утвердительное значение в разных концах света — понять трудно, но можно предположить, почему эти народы вскидывают голову, чтобы сказать именно «ДА». Найдя ответ на сложный вопрос, все мы быстро поднимаем и опускаем голову, словно говоря: «Вот оно что!» Вероятно, эта реакция на приятную неожиданность — «да, конечно же!», «да-да!» — может трансформироваться в простое «ДА», что и произошло в ряде изолированных сообществ. Вскидывание головы распространено не столь широко, как кивок и мотание головой, поскольку этот знак не столь конкретен.

Когда житель Южной Италии проводит тыльной стороной пальцев по коже под подбородком в направлении от горла, он дает отрицательный ответ. Этот знак «пальцы из-под подбородка» усиливает вскидывание головы.

Пять основных сигналов «ДА»/«НЕТ» — это движения головой, однако «ДА» или «НЕТ» можно сказать и другими способами, например, при помощи рук. Когда родители запрещают ребенку делать что-либо, они чаще всего грозят ему указательным пальцем, а не мотают головой. Это пример Замещающего Сигнала: одна часть тела тут подменяет другую. В данном случае дергающийся указательный палец имитирует мотание головой. Рука, если можно так выразиться, «одалживает» движение у головы, воспроизводя его куда более энергично. Если родитель тревожится или раздражен, грозящий ребенку палец трясется в ускоренном темпе, недостижимом для головы. Вариант этого знака — трясущаяся рука. Человек совершает то же движение, наставив на собеседника распрямленную ладонь.

Ученые, изучающие язык знаков индейцев Северной Америки, считают, что подаваемый рукой индейский знак «ДА» (указательный палец «кланяется» и возвращается в исходное положение) — это тоже Замещающий Сигнал, «поклон руки» или «кивок руки». Здесь движение кисти имитирует утвердительное движение головы. Индейцы говорят «НЕТ», вскидывая кисть, и это опять-таки знак, имитирующий вскидывание головы.

«Виляющий палец» (слева) или раскачивающаяся кисть (в середине) часто замещают простое мотание головой. Это примеры Замещающих Сигналов: движение одной части тела (указательный палец или кисть) замещает движение другой части тела (головы), обычно участвующей в подаче сигнала. Точно так же индейцы подают знак «да», опуская и поднимая указательный палец (справа), и это движение замещает кивок.

СИГНАЛЫ, ПОДАВАЕМЫЕ ВЗГЛЯДОМ

Пристальный взгляд и быстрый взгляд: как мы смотрим друг на друга

Когда двое встречаются и их взгляды пересекаются, они немедленно оказываются в конфликтной ситуации. Каждому из них хочется одновременно и смотреть на другого, и отвести взгляд. Результат — сложная последовательность движений глаз, взглядов на собеседника и в сторону. Внимательно изучив Сигналы, Подаваемые Взглядом, мы сможем многое сказать о том, как эти двое относятся друг к другу.

В человеческом сообществе правила «глядения» весьма сложны, и необходимо понимать, что мы можем хотеть или не хотеть глядеть на кого-либо по множеству различных причин. Когда молодые влюбленные испытывают первые сильные эмоции и тянутся друг к другу, в игре их взглядов можно выделить ряд весьма заметных особенностей. Если и мальчик, и девочка крайне стеснительны, они долгое время смотрят не на объект обожания, а в сторону. Разговаривая, они обмениваются лишь мимолетными взглядами. Большую часть времени они «глядят в пол» или смотрят в разных направлениях, иногда столь пристально, что кажется, будто их взору открылось нечто удивительное. Взгляды влюбленных сосредоточены, они словно не могут оторвать глаз от песчинки или пылинки. В душах влюбленных борются страх и сексуальное влечение, оттого и возникает вопрос, куда направить взгляд. По мере того как они сближаются, страх исчезает и влюбленные обмениваются взглядами все чаще. Тем не менее, они по-прежнему стесняются встречаться глазами и продолжают смотреть друг на друга искоса (отсюда английская идиома «making sheep's eyes», «нежно поглядывать друг на друга», дословно — «делать овечьи глаза»). Со временем влюбленные бросают друг на друга типичные «нервные» взгляды все чаще и задерживают взгляд все дольше. Если мальчик набирается смелости, а девочка еще не преодолела стеснительность, начинается период демонстративного обожания: мальчик подолгу смотрит на нее с тоской и надеждой, девочка же, как и раньше, концентрируется на замечательной пылинке. Эту фазу отношений обычно описывают фразами вроде «он не может отвести от нее глаз» и «он смотрел на меня целую вечность».

Со временем влюбленные становятся по-настоящему близки и избавляются от страха. Они сидят рядом, подолгу смотрят друг другу в глаза, лишь изредка отводя взгляд, ведут кроткие беседы и нежно касаются один другого. При таком развитии отношений — от стеснительной завязки через одностороннее обожание до сильнейшей взаимной привязанности — отрезки времени, в течение которых стороны смотрят друг на друга, удлиняются, потому выражения вроде «он не сводит с нее глаз» часто ассоциируются с влюбленностью.

Рассмотрим теперь эмоциональные контакты совсем иного рода: как «ведет себя» взгляд, когда одна сторона доминирует, а другая подчиняется. Предположим, подчиненный совершил глупость, и начальник вызывает его к себе «на ковер». Переступая порог кабинета, подчиненный внимательно вглядывается в лицо начальника, пытаясь определить, в каком тот настроении, между тем начальник спокойно сидит за столом и смотрит в окно. Даже не взглянув на подчиненного, он велит ему садиться и начинает бранить его, по-прежнему глядя вдаль. Внезапно ответ подчиненного раздражает начальника, он разворачивается и, свирепо

воззрившись на работника, начинает буравить несчастного взглядом. Теперь подчиненный избегает встречаться с ним взглядом. Нервничая, работник глядит в сторону, время от времени посматривая на начальника в надежде, что тот сменил гнев на милость. Он смотрит по сторонам все чаще, вертит головой, и его лицо теряется из вида, иначе говоря, он буквально «теряет лицо». Начальник третирует работника фразами вроде «я за вами внимательно слежу» и сверлит вконец оробевшего подчиненного взглядом в реальном времени. Когда начальник заходит слишком далеко, работник теряет контроль над собой. Вскочив, он начинает орать на начальника. Как только робость подчиненного неожиданно сменяется открытой враждебностью, меняются и сигналы, которые он подает взглядом. Теперь он не отводит глаз от оппонента. Пристальные взгляды начальника и подчиненного перекрещиваются. Выйдя из себя, работник вприпрыжку приближается к пожилому начальнику и наносит ему удар. Начальник валится на пол. Он паникует, поскольку боится, что подчиненный его изобьет, выражение его лица меняется, однако он продолжает смотреть на разозленного работника. В данной ситуации его пристальный взгляд выражает уже не агрессию, а испуг. Он намерен защищаться и не может отвести глаз от обидчика ни на секунду.

По мере того как страсти накалялись, менялась и игра взглядов начальника и подчиненного. Мы видим, что при пассивном доминировании и пассивном подчинении человек намеренно отводит взгляд. До того как начальника взбесили слова работника, он его высокомерно игнорировал, уставясь в окно, словно подчиненный не стоил того, чтобы обращать на него внимание. В свою очередь, работник, когда его сверлили взглядом, угнетенно смотрел в сторону и смиренно опускал глаза. Мы видим также, что активной агрессии и активному страху сопутствует напряженный взгляд, внимание к противнику. Взбешенный начальник, возмущенный подчиненный и, наконец, паникующий начальник фиксируют взгляд на «враге», недвусмысленно угрожая ему или стремясь разгадать его планы.

Подробно разобрав эти сверхдраматические истории любви и ненависти, мы можем заключить, что прямой взгляд выражает активные эмоции, будь то влюбленность, враждебность или страх, в то время как отведенный взгляд связан с робостью, «непреднамеренным» превосходством или «угнетенным» смирением. Поскольку взгляды бывают всего двух основных типов — прямые и в сторону, — решить, какое именно сильное чувство (любовь, гнев, страх) сопровождает данный взгляд, можно, лишь приняв во внимание выражение лица человека. В описанных ситуациях, когда эмоции сильны, «все чувства написаны на лице», но так бывает сравнительно редко. Чаще всего коммуникация протекает не столь бурно и без эксцессов. Даже если сексуальное влечение, враждебный настрой или тревога в какой-то мере присутствуют, они обычно скрыты под маской вежливости. Если на вечеринке, собрании, званом обеде, каком-либо ином сборище мужчина находит собеседницу чрезвычайно привлекательной, по его лицу, скорее всего, нельзя будет сказать, что он ее вожделеет. Напротив, он будет поддерживать беседу на уровне, который, с его точки зрения, женщина должна расценить как дружеский. Если другой гость решит, что хозяйка дома отвратительна, он наденет маску человека, настроенного доброжелательно. Третий гость может ощущать, что напористый собеседник на него «давит», но будет сдерживаться, чтобы его лицо не выдало нарастающее беспокойство.

В привычных обстоятельствах мы можем контролировать не слишком сильные эмоции, «урезая» их внешнее проявление до почти однообразных улыбок и кивков. Однако заставить

себя улыбаться куда легче, чем управлять своим взглядом. Болтая и потягивая коктейли, мы почти не отдаем себе отчет в том, как и куда смотрим. По ходу разговора мы совсем по чуть-чуть увеличиваем промежутки времени, в продолжение которых смотрим мимо собеседника или, наоборот, прямо на него. Мужчина, которому очень понравилась беседующая с ним женщина, может никак не выказывать своих чувств, но когда их глаза встречаются, он смотрит на нее чуть дольше, чем следовало бы. Человек, восплаивший недобрыми чувствами к хозяйке дома, с которой он вынужден общаться, станет ослепительно улыбаться — и отводить все чаще взгляд. Улыбчивый, но доминирующий гость пригвождает собеседника к месту пристальным взглядом, а его улыбчивая жертва, ничем не выдавая нервозности, будет отводить глаза куда чаще, чем при обычном разговоре.

Во всех таких ситуациях возникает естественный вопрос если гость на вас «пялится», он вам симпатизирует или, наоборот, вас ненавидит? Определить это исключительно по глазам невозможно. Все, о чем может поведать нам направление взгляда, — это «количество внимания», чуть большее или чуть меньшее, чем обычно. Уяснить природу этого внимания можно, обратившись к другим невербальным реакциям — тем, которые не скроешь за вежливой улыбкой. Увеличение или уменьшение отрезков времени, в продолжение которых собеседник на нас смотрит, указывает лишь на его интерес к нам, определить настроение собеседника по долготе/краткости взгляда мы не можем. Тем не менее, Сигналы, Подаваемые Взглядом, относятся к наиболее значительным среди невербальных реакций, и мы подсознательно берем их в расчет всякий раз, когда встречаемся и разговариваем с кем-либо.

На деле взгляд важен настолько, что в процессе эволюции у людей «открылся» белок, часть глаза, благодаря которой взгляд стал куда более выразительным. У других приматов белок не виден, и, когда их взгляд меняет направление, это не столь заметно. Впрочем, другие приматы не стоят часами лицом к лицу, глядя друг другу в глаза и разговаривая. Если бы не эволюция речи, взгляд не стал бы столь значимым и полезным источником коммуникационных сигналов.

Понаблюдайте за глазами двух человек, поглощенных беседой, и вы увидите весьма характерный «танец» взглядов. Говорящий начинает фразу, глядя на собеседника, затем, оформив мысли в слова, он отводит взгляд. Заканчивая фразу, он смотрит на собеседника, чтобы понять, какое впечатление произвели на того произнесенные слова. Все это время собеседник внимательно смотрит на него, но, как только роли меняются и слушающий превращается в говорящего, он, в свою очередь, отводит глаза и бросает взгляд на слушающего лишь для того, чтобы оценить эффект от своих слов. Подобный обмен словами и взглядами замечательно предсказуем.

Когда люди беседуют, их взгляды иногда пересекаются, отмечая моменты, в которые роль говорящего переходит от одного человека к другому. Именно в эти секунды начинает проявляться настрой собеседников. Влюбчивый мужчина задерживает взгляд на красивой женщине. Начиная отвечать на ее реплику, он доходит до момента, когда обычно отводит взгляд, но вместо этого продолжает смотреть на собеседницу. Под его взглядом она ощущает себя неуютно, так как вынуждена либо смотреть ему в глаза, либо отводить взгляд, когда говорит он. Если, пока он продолжает говорить и смотреть на нее, она все-таки отводит глаза, он занесет ее в категорию «стеснительных», чего она допустить не может. С другой стороны, если она все же выдержит его взгляд, он фактически принудит ее смотреть ему в глаза, словно она в него влюблена, а этого она также не может допустить. Впрочем, скорее

всего, так далеко дело не пойдет. Обычно мужчина смотрит на женщину чуть дольше, чем обычно, ровно настолько, чтобы дать ей понять, что она ему небезразлична, но не привести при этом в замешательство.

Почти на любом собрании можно наблюдать и другие варианты действий. Вот, например, многословный оратор, который говорит так много и так долго, что не может дождаться конца собственной реплики, чтобы проверить, какую реакцию вызвали его слова, и то и дело посматривает на слушателей, продолжая произносить речь. Вот человек с бегающими глазами: его нервозность колеблется между нервным вниманием (прямой взгляд) и нервной покорностью (взгляд в сторону). Глаза этого человека постоянно бегают, заставляя его собеседника ощущать себя весьма неловко. А вот сентиментальный «поклонник», который преклоняется перед обожаемым собеседником и не может на него наглядеться, неважно, говорит тот или слушает. Обожаемый собеседник в результате либо выдерживает его взгляд, либо, как при пассивном доминировании, смотрит в пустоту.

Эти «особые случаи» нарушают типичную для обычного общения гармонию движений глаз. Такая гармония сохраняется, когда стороны интересны друг другу, но не испытывают сильных эмоций, и устанавливается она очень деликатно и филигранно, о чем собеседники почти не задумываются. Мы замечаем игру взглядов лишь тогда, когда другая сторона начинает играть «не по правилам». Такое все время происходит, к примеру, когда некто читает лекцию и обращается к большой аудитории. Оратор поднимается на кафедру и сразу же видит перед собой множество глаз, и все они смотрят на него. Он начинает говорить, неизбежно ощущая исходящую от этой бездны глаз опасность, и старается смотреть в сторону, на потолок или на свои записи. Опытный лектор знает, что такой подход неверен, он принуждает себя то и дело смотреть на слушателей, как если бы он беседовал с одним человеком. Это немаловажно, поскольку для каждого из слушателей лектор — именно собеседник, с которым «говорят» один на один. Если он не будет смотреть на слушателей, они решат, что он их игнорирует. Потому опытные лекторы время от времени медленно обводят слушателей взглядом.

Проблему совершенно иного свойства решает ведущий выпуска телевизионных новостей. Перед ним нет чьих-либо глаз — только объектив телекамеры. Над объективом расположено устройство, называемое «телесуфлер». На его экране высвечивается текст, который ведущий должен прочесть. Он может сделать это, только если не будет отрывать глаз от объектива, иначе есть риск сбиться. При этом телезрителю будет казаться, что ведущий сверлит его взглядом, в результате он ощутит дискомфорт. Проблема решается при помощи пары листков бумаги, лежащих на столе перед телеведущим. Периодически заглядывая в эти листки, диктор снимает у телезрителя напряжение, которое мог бы вызвать «супервзгляд». Телеведущие, которые стоят посреди студии и говорят словно экспромтом, а на деле читают текст «телесуфлера», с той же целью вырабатывают привычку время от времени смотреть мимо камеры. У них нет листков бумаги, однако они могут поднимать глаза или отводить взгляд, словно они говорят с кем-то один на один. Телезрители при этом ощущают себя куда более уютно.

Наша чувствительность к пристальным взглядам столь велика, что в детской игре «гляделки» чем дольше играющие смотрят друг на друга, тем больше им хочется отвести взгляд. Долгий взгляд в глаза чаще всего вызывает у нас подсознательный страх, пусть мы и говорим себе, что это всего лишь игра. Проходит какое-то время, что-то внутри нас дает сбой — и мы отводим глаза. Мы ощущаем при этом, что чужой пристальный взгляд будто бы

может повредить нам, откуда и берут начало многочисленные суеверия, из которых самое распространенное — вера в «дурной глаз».

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СИГНАЛЫ

«Здравствуй и прощай» — что мы делаем, когда встречаемся и расходимся

Приветственный Сигнал сообщает, что мы желаем кому-то добра или по меньшей мере не желаем этим людям зла. Он говорит о дружественном настрое или отсутствии враждебности. Приветственный Сигнал подается по особым случаям — когда кто-то появляется рядом с нами, или покидает нас, или резко меняется чья-то социальная роль. Мы приветствуем людей, когда они приходят, прощаемся с ними, когда они уходят, и поздравляем их с «преображением».

Когда друзья встречаются после долгой разлуки, они совершают особый Ритуал Приветствия. В первые моменты воссоединения они усиливают дружественные сигналы до сверхдружественных. Они улыбаются, касаются друг друга, часто обнимаются и целуются. В общем и целом они куда более сердечны и открыты, нежели обычно. Друзья поступают так потому, что хотят наверстать упущенное время, когда они могли бы общаться, но не имели такой возможности. Будучи разделены расстоянием, они не могли посылать друг другу сотни скромных ежеминутных дружеских сигналов, которые являются неотъемлемой частью их отношений, и теперь должны, образно говоря, оплатить накопившиеся за время разлуки долги по таким сигналам. В числе прочих долгов есть и долг по «неподанным» знакам, который следует вернуть немедленно, чтобы подтвердить, что узы дружбы не ослабли за время, которое друзья провели вдали друг от друга. Отсюда — сентиментальные церемонии воссоединения, в ходе которых стороны в едином порыве щедро расплачиваются друг с другом знаками.

Когда Ритуал Приветствия завершен, друзья словно восстанавливают прежние взаимоотношения и могут продолжить общаться как раньше. В момент, когда они вновь расстанутся на долгое время, будет проведен Ритуал Прощания, в ходе которого вновь будут поданы сверхдружественные сигналы. Функция их на сей раз будет другой: друзья оставят друг другу большие запасы дружественности, чтобы каждый смог пережить предстоящее одиночество.

Точно так же мы, не скупясь, одариваем знаками дружбы людей, чья социальная роль резко меняется, поскольку одновременно прощаемся с их старым «я» и приветствуем их новое «я». Мы поступаем так, когда мальчик и девочка становятся мужчиной и женщиной, когда мужчина и женщина становятся отцом и матерью, когда принц становится королем, когда кандидат становится президентом, когда соревнующийся становится победителем.

Существует множество формальных процедур для празднования таких событий, как приезды, отъезды и символические социальные трансформации. Мы празднуем рождения, крещения, совершеннолетие, свадьбы, коронации, юбилеи, инаугурации, презентации и уход на покой. Мы справляем новоселья, устраиваем приветственные вечеринки, даем прощальные обеды и организуем похороны. Во всех этих случаях мы, по сути, подаем Приветственные Сигналы.

Чем значительнее повод, тем более строгие и детализированы процедуры. Но даже самые скромные, интимные ритуалы «на двоих» подчиняются определенному набору правил. Судя по всему, люди, обычно, не способны начать или завершить какое бы то ни было общение, не

подав друг другу Приветственные Сигналы. Нам не избежать их, даже когда мы пишем письма, которые начинаются со слов вроде «Дорогой мистер Смит» и завершаются фразами типа «С уважением», причем отступить от правил мы не можем, даже если мистер Смит нам вовсе не дорог и мы его совершенно не уважаем.

Аналогично мы пожимаем руки нежеланным гостям и выражаем сожаление, когда они уходят, хотя очень рады от них избавиться. Тем более экспрессивно мы приветствуем и прощаемся в ситуациях, когда наши чувства неподдельны.

Приветствия, которые нам «предписаны» и которых от нас ждут, обладают определенной структурой. В них можно выделить четыре отдельных фазы:

1. Сигнал Беспокойства. Чтобы продемонстрировать, насколько сильны в нас дружеские чувства, мы в какой-то степени «раскрываемся». Мы показываем, что нам не все равно, что мы беспокоимся. Хозяин и гость обязаны встретиться «у парадного входа». Гость, как правило, преодолевает при этом большие расстояния. Хозяин также перемещается в пространстве, удаляясь от центра своей территории. Чем значительнее приветствие, тем больше неудобств приходится терпеть обоим. Глава государства прибывает в аэропорт, чтобы встретить важного гостя там. Брат едет в аэропорт, чтобы встретить сестру, которая возвращается из-за границы. Для «хозяина» это — самый крайний вариант, дальше он переместиться не может. При любом другом варианте перемещение происходит на более скромное расстояние. «Хозяин» может доехать до городского вокзала или до автобусного терминала. Он может подойти к двери и открыть ее, увидев в окно, что гость уже прибыл. Он может дожидаться звонка и лишь тогда сдвинуться с места, чтобы дойти всего лишь до входной двери. Более того, он может велеть открыть дверь ребенку или прислуге и остаться в своей комнате, в самом центре собственной территории, ожидая там гостя, которого приведет к нему тот же ребёнок или прислуга. Минимальный Сигнал Беспокойства, который может подать хозяин, сведется к тому, что, когда гость войдет в комнату, он поднимется на ноги, чтобы встретить его стоя. И только в том случае, если хозяин продолжает сидеть, когда гость входит в комнату и идет к нему, можно сказать, что он полностью проигнорировал первую фазу предписанного приветствия. Сегодня такие случаи чрезвычайно редки, и в каком-то виде Сигналы Беспокойства подаются всегда. Если из-за происшествия или проволочки хозяин вынужденно игнорирует первую фазу приветствия, позже, встретив гостя, он приносит ему глубочайшие извинения. Во время прощания Сигнал Беспокойства подается примерно в той же форме. Наименее экспрессивный из таких сигналов — слова «вы сами найдете дорогу к выходу». Чем вежливее хозяин, тем дальше от центра своей территории он перемещается. При «стандартном прощании» хозяин провожает гостя до двери. Чуть более экспрессивная форма прощания предполагает, что хозяин покидает свой дом и ждет, пока уходящие гости не скроются из виду. И так далее, вплоть до полноценной первой фазы, которая завершается на вокзале или в аэропорту.

2. Сигнал Расстояния. Ключевой фазой приветствия является физический контакт, но до того встречающиеся люди в какой-то момент замечают друг друга. Как только хозяин узнает гостя, а гость — хозяина, они подтверждают этот факт определенными знаками. Когда хозяин встречает гостя у двери, эта фаза обычно сокращается (физический контакт становится возможным спустя мгновения после того, как дверь открылась), однако в большинстве «приветственных» ситуаций Сигнал Расстояния подается более чем заметно. Он состоит из шести визуальных элементов: (1) улыбка; (2) движение бровями; (3) движение головой; (4) поднятие руки; (5) мах рукой; (6) намерение обнять.

Первые три элемента являются почти обязательными и выполняются одновременно. Когда одна сторона узнает другую, голова отклоняется назад, брови «взлетают», рот растягивается в улыбке. Движения головой и бровями могут быть совсем краткими. Это элементы, выражающие удивление. В сочетании с улыбкой они сообщают о «приятном удивлении» при виде друга. Этим основным знакам может сопутствовать движение руки. Самое простое такое движение — поднятие руки. Более экспрессивный знак, типичный для приветствий на расстоянии, — это мах рукой, еще более экспрессивный — «намерение обнять», когда руки простерты к другу, словно приветствующий ждет не дожидается, когда же можно будет этого друга обнять. Иногда к этому знаку присовокупляют нарочитый воздушный поцелуй (с участием руки или без него), который опять-таки предвосхищает физический контакт.

Аналогично с первой фазой те же действия повторяются и во время ритуала прощания, причем «намерение обнять» становится элементом этого ритуала реже, а воздушные поцелуи — чаще.

Из перечисленных Сигналов Расстояния улыбка, движение головы и взмах бровями распространены по всему миру. Эти знаки наблюдались и в племенах, которые прежде не имели контактов с окружающим миром. Поднятие руки и мах рукой также распространены чрезвычайно широко. Как именно движется рука — зависит от конкретной культуры, однако какое-то движение руки наблюдается при приветствии повсеместно. Как и «намерение обнять», эти действия рождаются из желания приблизиться к человеку и дотронуться до него. Рука поднимается вверх, а не простирается вперед, потому что этот знак более заметен на расстоянии, но по сути это движение — упрощенный вариант прикосновения. Более «исторические» объяснения — например: рука поднята, чтобы показать, что в ней нет оружия, или: знак имитирует движение, которым один человек предлагал другому свой меч, фактически сообщая, что он ему предан, — могут быть верны в определенном специфическом контексте, однако поднятие руки — слишком распространенный знак, чтобы можно было толковать его таким вот образом.

Мах рукой бытует в трех основных формах: «вертикальный мах», «мах с ладонью, повернутой к себе» и «горизонтальный мах». В первом случае ладонь обращена к другу, и рука движется вверх-вниз. Судя по всему, это самая «примитивная» форма маха рукой. Не исключено, что некогда этот знак означал «похлопывание пустоты» и рука похлопывала тело друга на расстоянии в предвосхищении дружеских объятий. Мах с ладонью, повернутой к себе, наблюдается в основном в Италии, при этом человек также похлопывает пустоту, и его ладонь обращена к нему самому. Иностранцам этот знак кажется подзыванием рукой, но на самом деле это еще одна форма объятий на расстоянии. Горизонтальный мах рукой встречается повсеместно: человек показывает другу ладонь и двигает рукой из стороны в сторону. Это усовершенствованная форма прочих подобных знаков: мах рукой модифицирован так, чтобы похлопывание было более заметно и различимо издали. При этом из «горизонтального маха» исчез намек на намерение обнять друга, зато этот знак стал отлично виден с большой дистанции. Его можно сделать еще более различимым, если махать вытянутой рукой или даже двумя руками.

3. Сигнал Близости. Когда Сигнал Расстояния подан, друзья приближаются друг к другу и наступает ключевой момент физического контакта двух тел. Максимально экспрессивный Сигнал Близости состоит из полновесных объятий, когда обе стороны обхватывают руками тела друг друга и соприкасаются торсами и головами. При этом они крепко обнимаются,

похлопывают друг друга по разным частям тела, прижимаются щеками и целуются. Затем встретившиеся люди могут пристально смотреть друг другу в глаза, гладить друг друга по щекам, целоваться рот в рот, поглаживать волосы, смеяться, даже плакать. Конечно же, они продолжают улыбаться.

Чем более сдержанны Сигналы Близости, тем меньше мы наблюдаем непосредственных физических контактов, вплоть до формального рукопожатия. Степень экспрессивности зависит от того, (1) насколько близки были люди ранее; (2) как долго они не виделись; (3) в каких обстоятельствах они приветствуют друг друга; (4) каковы местные культурные правила и традиции; (5) изменилось ли что-нибудь за время разлуки.

Все эти условия достаточно очевидны, и все-таки последнее требует пояснения. Если известно, что друг приобрел некий опыт эмоционального потрясения — например, сидел в тюрьме, болел, попал в аварию или же добился успеха, одержал победу, получил награду, — объятия будут куда более крепкими, а приветствие — куда более экспрессивным. Причина в том, что Приветственные Сигналы в этом случае выражают сразу и приветствие, и празднование, то есть усиливаются вдвое,

В разных культурах близкие контакты при приветствии формализованы по-разному. Во всех случаях основой Сигнала Близости являются объятия, но в упрощенном варианте от них остаются лишь отдельные элементы. В одних культурах люди не соприкасаются головами, а трутся носами, целуют друга в щеку, прижимаются щеками. В других практикуется стилизованный взаимный поцелуй в щеку, при котором губы не соприкасаются с кожей. В третьих — например, во Франции и России — мужчины целуются с мужчинами, в то время как во многих культурах такие поцелуи табуированы, поскольку намекают на гомосексуализм.

Сигнал Близости. После того как люди узнают друг друга и сближаются, наступает фаза физического контакта, при котором подаются Сигналы Близости. Они варьируются от простого рукопожатия до полновесных объятий. В одних культурах принято прижиматься щекой к щеке и тереться носами (по Эйбл-Эйбесфельдту), в то время как в других культурах этого избегают.

Разумеется, культурные вариации Сигнала Близости более чем любопытны, но их многообразие не должно затмить тот факт, что все это — вариации на тему объятий. Это фундаментальное и повсеместно распространенное действие, мы усваиваем его во младенчестве, детстве и юности и возвращаемся к нему всякий раз, когда это позволительно и мы желаем продемонстрировать привязанность к другому индивиду.

4. Сигнал «Уход за шерстью». После физического контакта тел наступает последняя стадия приветственной церемонии, очень похожая на такое действие, как взаимный уход за шерстью у приматов. Мы не ищем друг у друга блох, вместо этого мы заводим «теплую беседу», подавая пустые реплики, которые сами по себе почти ничего не значат, но выражают наше удовольствие от встречи вербально: «Как ты?», «Как здорово, что вы здесь!», «Нормально доехали?», «Ты прекрасно выглядишь», «Давай я подержу куртку» и так далее. Ответы здесь неважны, важно говорить комплименты и принимать их, выказывать заботу и демонстрировать радость. Конкретное словесное обрамление и разумность вопросов почти не имеют значения. Иногда «уход за шерстью» выражается более экспрессивно, например

гостю помогают снять верхнюю одежду. Это действие может сопровождаться Сигналом Дарения: гость подносит хозяину некий скромный подарок, облачая приветствие в материальную форму.

Три основные формы маха рукой. Отправившись из Англии в Италию через Францию, вы обнаружите, что жители этих стран машут рукой по-разному. В Англии преобладает горизонтальный мах, во Франции он уступает по популярности вертикальному маху. В Италии обе эти формы замещаются махом с ладонью, обращенной к человеку. В колонках показано соотношение популярности данных жестов в разных странах. (Из книги Морриса и др. «Карты знаков».)

Когда фаза «ухода за шерстью» завершена, друзья покидают особую «приветственную территорию» и переходят к привычному для них общению. Все Сигналы Приветствия поданы, важная задача выполнена.

По сравнению с вышеописанным незапланированные приветствия куда менее изысканны. Встречая друга на улице или где-то еще вдали от дома, мы подаем ему особый Сигнал Расстояния — улыбаемся и машем, — и чаще всего этим все и заканчивается. Конечно, мы можем приблизиться к нему и добавить Сигнал Близости, изредка это урезанный вариант объятий, обычно — простое рукопожатие. При расставании мы вновь показываем (зачастую — последним Сигналом Расстояния), что уходим.

Особо можно выделить первоначальные приветствия. Встречаясь с кем-то в первый раз, мы не подаем Сигналов Расстояния по той простой причине, что не можем «узнать старого друга». При этом мы подаем минимальные Знаки Близости, почти всегда это рукопожатие, кроме того, мы улыбаемся новому знакомому и предлагаем ему «уход за шерстью» в виде дружеской беседы и заботы. По сути, мы ведем себя с ним так, как если бы он уже был нашим другом, не самым близким, но все-таки другом. Тем самым мы вовлекаем его в

«ближний круг» и устанавливаем с ним дружеские отношения.

Будучи приматами, мы располагаем немалым набором приветственных и прощальных знаков. У других приматов есть свои скромные ритуалы приветствия, но мы превосходим их всех и, кроме прочего, подаем сигналы, когда расстаемся, чего другие приматы не делают. Заглянув в первобытные времена, мы поймем, что все эти ритуалы появились не на пустом месте. Большинство приматов перемещаются с места на место сплоченными группами. По временам они могут отбиваться от стаи и затем, воссоединившись с ней, подают однообразные приветственные знаки. При этом они редко покидают группу сознательно, с какой-то целью, и не используют Сигналы Расставания. Первобытные люди были, прежде всего, охотниками. Группа мужчин-охотников покидала племя в определенный час и с определенной целью, чтобы вернуться домой с добычей. На протяжении миллионов лет мы нуждались в Приветственных Сигналах как в форме прощальных знаков (когда группа людей разделялась на «трудовые ячейки»), так и в форме приветственных знаков (когда эта группа сходилась вновь). Успех или неудача на охоте значили для наших предков слишком много, поэтому моменты прощания и приветствия были важны для всего племени. Стоит ли удивляться, что сегодня мы — вид, который приветствует друзей и прощается с ними весьма экспрессивно?

ПОДРАЖАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ — Почему друзья неосознанно копируют телодвижения и позы друг друга

Когда два друга встречаются и болтают о том о сем, они обычно принимают похожие позы. Если друзья очень близки и придерживаются одних и тех же взглядов на обсуждаемые темы, положения их тел, вероятнее всего, будут почти или даже полностью идентичны. При этом друзья и не думают воспроизводить позы друг друга. Они тяготеют к Подражательному Поведению автоматически и подражают друг другу неосознанно, демонстрируя посредством телодвижений и поз свои дружеские чувства.

Тому есть веская причина. Настоящие узы дружбы обычно связывают людей с более-менее равным социальным статусом. Друзья демонстрируют свое равенство множеством непрямых способов, и, когда они оказываются лицом к лицу, эта демонстрация становится более чем явной за счет похожих положений тел, выражающих расслабленность или встревоженность. Их тела передают невербальные сообщения, они словно говорят: «Видишь, я совсем как ты». Это сообщение посылается и «прочитывается» на подсознательном уровне. Друзья, когда они вместе, просто ощущают себя «в своей тарелке».

Подражательное Поведение может быть замечательно точным. Друзья, которые разговаривают в ресторане, оба опираются о столик локтем, их тела наклонены вперед под одним углом. Когда друзья соглашаются друг с другом, они кивают в одном ритме. Если оба друга расслабились в креслах, они единообразно скрещивают ноги и кладут на живот одну и ту же (правую или левую) руку. Когда друзья разговаривают, стоя у стены, они опираются о нее, одинаково изогнув тела, засунув одну руку в карман, а вторую держа на бедре.

Еще более любопытно то, что друзья во время беседы часто синхронизируют не только позы, но и движения. Когда один распрямляет скрещенные ноги, второй вскоре поступит так же, когда один чуть отклоняется назад, второй «подтягивается». Когда один зажег сигарету или пригубил вино, он пытается убедить второго поступить так же. Если второй не отвечает взаимностью, первый расстраивается — не потому, что он хотел, чтобы его друг закурил или выпил, но потому, что, если друзья не будут курить и пить в одно и то же время, синхронность их действий слегка нарушится. В таких ситуациях мы часто видим, как один

друг убеждает другого все-таки присоединиться к нему, даже если очевидно, что второй предпочел бы остаться в стороне. «Не люблю пить один» и «Как славно раскурить сигаретку в компании!» — вот фразы, которые обычно произносятся в подобном контексте. Как правило, друг, оставшийся безучастным, в конце концов, поступает вопреки своим желаниям, чтобы сохранить синхронность.

«Иди сюда, садись, чего ты стоишь в стороне?» — подобное приглашение делается с целью подтолкнуть человека к Подражательному Поведению. Как правило, группы друзей стараются занять такое положение в пространстве, чтобы можно было без проблем имитировать позы друг друга и двигаться в общем для всех ритме. При этом у всех друзей возникает субъективное ощущение «легкости». Разрушить это ощущение может любой из них — достаточно повести себя «не как все», формально и напряженно или тревожно и обеспокоенно.

Именно поэтому веселая, постоянно балагуриющая компания друзей сразу же обращает внимание на товарища, который съежился и летаргически застыл в «несогласованной» позе. Остальные будут просить его присоединиться к веселью, а если он по какой-то причине не может этого сделать, они скажут впоследствии, что он вел себя «на редкость занудно» и испортил весь вечер. При этом «зануда» не сказал ни одного дурного слова и не сделал ничего, чтобы навредить другим. Он всего лишь не приобщился к Подражательному Поведению данной компании.

Поскольку Подражательное Поведение сопутствует дружбе между людьми равного статуса, начальники могут использовать его, когда им нужно, чтобы подчиненные чувствовали себя непринужденно. Врач помогает пациенту расслабиться, осознанно копируя его позы и жесты. Пациент, который спокойно сидит на стуле, подавшись вперед, скрестив руки на груди и уставившись в пол, и врач, сидящий рядом в точно такой же позе, быстрее найдут общий язык. Если врач примет более типичную доминантную позу и останется сидеть за столом, контактировать с пациентом ему будет сложнее.

В каких бы обстоятельствах ни встретились начальник и подчиненный, их позы и телодвижения всегда будут говорить о разнице их статусов, и в такой ситуации подчиненный может довольно просто «управлять» начальником. Подражая движениям пациента, доминирующий врач осознанно «меняет» высокий статус на более низкий, точно так же и подчиненный, если ему это нужно, может заставить начальника нервничать, копируя его позы и жесты. Вместо того чтобы сидеть на краешке стула, заинтересованно подавшись вперед, подчиненный может вытянуть ноги и расслабить тело, имитируя тем самым позу начальника, свидетельствующую о высоком статусе. Даже если речь подчиненного более чем учтивая, он доставит начальнику немало неприятных моментов. Лучше всего ставить подобный эксперимент непосредственно перед тем, как подаешь заявление об увольнении.

Иногда в одной и той же группе можно наблюдать Подражательное Поведение в двух вариантах. Обычно это явление связано с дискуссией, в ходе которой группа разбивается на две «партии». Если трое друзей спорят с четверым, члены каждой подгруппы тяготеют к определенным позам и движениям, которые отличаются от поз и движений другой подгруппы. Бывает, что можно определить момент, когда один из друзей решает перейти «на сторону противника», еще до того, как он об этом объявляет, по изменению его позы: теперь это поза «противной стороны». Примиритель, пытающийся доминировать в подобной группе, может принять позу, которая вобрала в себя элементы поз обеих сторон конфликта и как бы говорит «я нейтрален»: руки примирителя скрещены как у одной «партии», ноги —

как у другой.

Последние исследования подобных ситуаций, включая замедленную видеосъемку, наглядно демонстрирующую мельчайшие изменения положений тел, показали, что при разговоре друзей наблюдается «микросинхронность» малозаметных движений, почти не уловимая глазом. Если друзья по-настоящему близки, у них совпадают и мимолетные кивки, и напряжение пальцев, и растягивание губ, и подергивания тела. При этом ритм, в котором двигаются друзья, очень сложен, его выявляет лишь подробный анализ видеосъемки. Впрочем, человеческий мозг вполне способен воспринять сообщения, подаваемые телом собеседника, и ответить тепло и адекватно тому, кто копирует наши позы и подражает нашим движениям.

Длившееся восемь лет исследование, в ходе которого проводилась видеосъемка людей, общавшихся в неформальных условиях, доказало, что зачастую ритмичные движения двух разговаривающих людей совпадают с точностью до $1/48$ секунды. Если покадрово анализировать съемку, произведенную со скоростью 24 кадра в секунду, можно увидеть, как говорящий и слушающий производят внезапные, малозаметные движения одновременно, на одном и том же кадре. Когда говорящий еле различимо дергается, подчеркивая те или иные слова, слушающий в ответ так же незаметно двигает какой-либо частью тела. Чем более дружны люди, тем больше совпадают их ритмы. В таких случаях, однако, подражание кроется в ритме, а не в положениях тел. Два человека копируют не столько движения друг друга, сколько темп, в котором эти движения совершаются. К примеру, говорящий может «отбивать такт» своей речи, подергивая головой или двигая руками, а слушающий будет отражать этот ритм, чуть отклоняя торс вправо и влево. При просмотре видеосъемок бесед пациентов с психическими отклонениями было сделано важное открытие: они почти не подражали движениям друг друга, синхронность исчезла, а с ней исчезло и ощущение дружественности. В том числе по этой причине при контактах с такими пациентами мы ощущаем их «отстраненность» от внешнего мира.

В американском сленге 60-х годов XX века имелись выражения «good vibes» и «bad vibes», «хорошие вибрации» и «плохие вибрации», означавшие непринужденное и натянутое общение. Те, кто придумал эти выражения, явно понимали, пусть и на интуитивном уровне, фундаментальную значимость Подражательного Поведения и неосознаваемой синхронности малозаметных телодвижений для повседневной жизни.

Знак Связи — это любое действие, указывающее на то, что людей связывают некие личные отношения. Когда два человека идут по улице, взявшись за руки, их соединенные руки подадут наблюдателю знак: эти двое каким-то образом связаны друг с другом. Есть множество Знаков Связи такого рода, и мы как общественные млекопитающие очень чувствительны в отношении вариаций этих знаков, делая по ним выводы не только о существовании связи, но и о ее природе.

Наиболее очевидный вариант Знака Связи — пространственная близость людей, которые, пусть они и не касаются друг друга, стоят, сидят или лежат рядом. Беда в том, что в нашем перенаселенном мире пространственной близостью никого не удивишь. В обстоятельствах, когда большая группа людей заполняет маленькое пространство, такая близость может ничего не значить. Даже если ситуация далека от той, что описывается словами «яблоку негде упасть», вокруг нас всегда много чужих людей, и близкий телесный контакт может свидетельствовать всего лишь о преходящем, безличном общении. Двое мужчин, которые беседуют друг с другом на улице и вместе заходят за угол, могут быть и старыми друзьями, и незнакомцами, один из которых спросил у второго «Который час?» или «Где тут ближайшее почтовое отделение?». Мы не можем уяснить природу связи, полагаясь лишь на факт пространственной близости.

Нюансы, которые мы должны учесть, часто трудноуловимы. Взгляните, например, на хрупкую старушку, которую переводит через дорогу молодой мужчина, или забулдыгу, которому помогают выйти из бара. Как мы истолкуем знаки в этих случаях? Можем ли мы сказать, что молодой мужчина помогает незнакомой старушке по ее просьбе, или же мы видим племянника в обществе любимой тетушки? Можем ли мы сказать, что забулдыга выбирается из бара при помощи незнакомцев, или это его старые друзья и собутыльники?

В таких случаях мы, как правило, распознаем природу связи, но если нас спросят, как мы это делаем, объяснить этот феномен нам будет сложно. Все мы — специалисты по толкованию Знаков Связи, пусть большинство из нас об этом и не задумывается. Чтобы понять, как нам удастся толковать эти знаки, надо начать с того, как вообще формируется «связь». По определению связь существует, когда два человека знакомы друг с другом, и очевидно, что любые личные отношения начинаются с обмена именами. Этому часто сопутствует рукопожатие и, на ранних стадиях отношений, постоянные улыбки, кивки, «пожалуйста», «спасибо» и взаимное пристальное внимание. По мере того как связь крепнет (обычно на протяжении нескольких встреч), стороны по нарастающей обмениваются биографической информацией. Этот обмен укрепляет дружеские узы, поскольку служит вербальным заменителем совместного опыта. Рассказывая друг другу о приобретенном опыте, два человека искусственно «распространяют» свои отношения на прошлое.

Первая стадия отношений между друзьями, коллегами или влюбленными обладает рядом специфических признаков. Наблюдая эти признаки, мы можем с уверенностью сказать, что перед нами — недавно возникшая, полуоформившаяся связь.

Полностью оформившиеся социальные связи имеют свои особенности. Старые друзья и

влюбленные или супруги «со стажем» общаются не столь интенсивно, как на первой стадии отношений. Рассмотрим эти особенности по отдельности:

1) люди перестают называть друг друга по именам. После перехода от «кто это?» к «мистер Смит», «Джон» и, возможно, «Джонни» наступает период, когда к человеку обращаются как к неидентифицированному объекту: дорогой, любимый, друг, дружище, приятель или просто «ты», в зависимости от природы отношений. Разумеется, личные имена не исчезают из речи вовсе, но теперь их можно услышать преимущественно в репликах, обращенных к третьей стороне: «Вы не видели Джона?» — и в окликах на расстоянии: «Джон, ты там?»;

2) они не стремятся пожать друг другу руки. Влюбленные и супруги вообще перестают обмениваться рукопожатиями при приветствии или прощании, исключение составляют ситуации, когда они заключают шуточные пакты или пари. Старые друзья жмут друг другу руки все реже, как правило — лишь после долгой разлуки. Любопытно, что в разных культурах дело обстоит по-разному, например, французы обмениваются рукопожатиями так часто, как могут;

3) доброжелательные беседы и непрекращающийся обмен улыбками и кивками можно наблюдать у таких пар лишь изредка, во время светских мероприятий. Если двое сидят рядом в тишине и спокойствии и не ощущают нужды постоянно болтать друг с другом, это признак старой дружбы и длительных любовных уз;

4) забота друг о друге сходит на нет. Для долговременных связей не характерно пристальное, глубокое внимание одного партнёра к другому. После того как первые стадии отношений пройдены, стороны относятся друг к другу более спокойно и бесцеремонно;

5) прекращаются разговоры о личном прошлом партнёров — они все это уже слышали, и не раз.

Есть показательный и достаточный признак перехода от первоначальных отношений к долговременным: зачастую партнёры в устоявшихся парах ведут себя друг с другом скорее как чужие люди. Представим себе три пары, сидящие в парке. Пара незнакомцев и пожилая супружеская чета ведут себя практически одинаково — сидят молча, подолгу не обращая друг на друга внимания. Третья пара — явно молодые влюбленные или друзья, они поглощены друг другом. Если это потенциальные любовники, которые пока не стали близки физически, они, скорее всего, будут не только смотреть друг на друга, но и более-менее безостановочно поддерживать беседу. Если они уже стали любовниками, их связь сделалась крепче и они могут наслаждаться обществом друг друга молча. При этом их молчание, в отличие от молчания пожилой пары, не равно отсутствию внимания. Любовники выражают небезразличие движениями, в частности соприкосновением тел.

Если столь многие Знаки Связи со временем сходят на нет, как отличить долговременный союз от пары незнакомцев? Несмотря на то что полностью «связанные» пары менее экспрессивны, они подают множество еле заметных знаков, которые выражают, тем не менее, всю глубину их взаимоотношений. Понимая друг друга очень хорошо, партнёры распознают намерения другой стороны по мельчайшим деталям. Им не нужны «дорожные знаки», указывающие на то или иное действие. Супруги, собравшиеся покинуть званый обед, синхронизируют действия, почти неувливаемо обмениваясь взглядами. Мимолетных улыбок на лицах старых друзей, которые, стоя в разных углах помещения, вдруг посмотрели друг на друга, достаточно, чтобы говорить о полноценном общении. Когда два друга идут по улице и один из них резко меняет направление, второй повторяет его движения

без единого комментария, как если бы они плыли в одной стае рыб, и мы моментально понимаем, что между этими людьми установилось не выраженное словами взаимопонимание.

Вернемся теперь к вопросам, заданным ранее: можем ли мы с уверенностью сказать, что мужчина, помогающий старушке перейти дорогу, — это ее племянник или, наоборот, незнакомец? Кто помогает пьянице выбраться из бара — его друзья или знакомые люди? Это непростые примеры: люди, которые попали в беду, побуждают вести себя тепло и радушно даже тех, кто их совсем не знает. Беспомощный взрослый подает «псевдомладенческие» сигналы, которые вызывают «псевдородительский» ответ. Потому люди, которые помогают старушке и забулдыге, будут подавать Знаки Связи, хотя ни о каких личных отношениях тут не может быть и речи. Отличить личную связь можно, лишь обратив внимание на особые, малозаметные черты в поведении людей.

Рассмотрим случай с пожилой леди. Если мужчина с ней не знаком, он, скорее всего, возьмет ее за руку, поддерживая старушку под локоть, и пойдет с ней по дороге, держась чуть в стороне. Если же она — его престарелая тетушка, это она, скорее всего, возьмет его под руку, обхватит его локоть и пойдет с ним по дороге, держась как можно ближе к нему.

Разница кроется в предпосылках данной ситуации. Если старушка и мужчина незнакомы, они будут особенно вежливы друг к другу: старушка попросит мужчину о помощи, и он, согласившись помочь, возьмет ее за руку. Если же этих людей связывают давние отношения, соединение рук произойдет безо всякой церемонии. Пожилая леди машинально возьмет мужчину под руку, и их действия плавно синхронизируются, при этом им не нужно даже о чем-либо друг друга просить.

В случае с забулдыгой, которому помогают выйти из бара, можно было бы применить то же правило, однако здесь возникает проблема: человек может быть пьян настолько, что он не в состоянии ухватиться за друзей и тем самым «попросить» их ему помочь. Если он «набрался» до полной невменяемости, можно попробовать найти ключ к ответу в других деталях, например в лицах помощников. Если пьянице помогает его старый собутыльник, он будет улыбаться, веселиться и стараться затушевать разницу между собственным контролируемым поведением и невменяемостью друга, пытаясь представить ситуацию в шутовском свете. Если напившийся — незнакомец, помощники будут куда серьезнее, сосредоточеннее, возможно, они даже не будут скрывать отвращения к забулдыге. Подобные поведенческие отличия часто используют сочинители триллеров, ищущие правдоподобный способ вынести труп из здания на глазах у свидетелей. Смеясь и отпуская шуточки насчет мертвеца, злоумышленники изображают «помощников» и пытаются оставить у свидетелей впечатление, будто мертвец — вовсе даже и не мертвец, а пьяный друг, которому нужно помочь добраться до дома, чтобы он проспался. При этом важно дать окружающим понять, что «помощники» и пьяница — очень хорошие друзья, тогда никто и не подумает предложить им свою помощь. Убеждаясь в том, что они видят закадычных друзей, наблюдатели предпочитают не вмешиваться, и их чувство социальной ответственности за пьяного человека приглушается.

Мы толкуем Знаки Связи этим и сотней других способов. На страницах этой книги возможно выделить и рассмотреть лишь некоторые из множества черт, которые мы подмечаем, формируя суждения о природе личных связей. На практике мы в любой момент можем наблюдать десяток или более особенностей поведения, которые оцениваются нашим сознанием и складываются в однозначную картину. Это особенно верно в отношении людей,

чь профессии обязывают к предельно ясному восприятию Знаков Связи. Вероятно, самыми большими специалистами по оценке личных связей становятся гостиничные регистраторы, перед которыми каждый день проходит множество пар. Регистраторы почти мгновенно определяют, видят они супружескую пару, или людей, которые связаны узами брака, но не друг с другом, или женатого мужчину и незамужнюю женщину, или пару неженатых людей, которые только собираются пожениться, или молодоженов, которые отправились в медовый месяц. Во всех этих случаях мужчина и женщина стараются вести себя как обычная супружеская пара, однако Знаки Связи выдают их с головой. Самая большая ошибка прелюбодеев — демонстрация чувств друг к другу. Мужчина и женщина могут знать достаточно, чтобы имитировать прозаичные, бесцеремонные отношения, но их несинхронные движения всегда скажут регистратору, что перед ним — пара «неустоявшаяся».

Можно привести много примеров намеренно обманных Знаков Связи. Некоторые уловки такого рода требуют недюжинного мастерства и тренировки. В туманном мире шпионажа часто возникают ситуации, когда агенты должны встретиться для передачи друг другу некой информации тайно, изображая кого-то, кем они не являются. Теми же навыками обязаны обладать полицейские агенты, играющие роль «подсадных уток». Один неверно поданный знак может стоить им жизни.

Иногда опасность такого рода может быть обращена на пользу обществу. Так, репутацию преступника можно намеренно подмочить при помощи обманного Знака Связи: достаточно, чтобы подельник увидел, как преступник «дружески» общается с полицейским. Приватный разговор между преступником и блюстителем порядка может быть проникнут враждебностью, но если при расставании полицейский умышленно улыбнется и подмигнет криминалитету или притворится, что шепчет что-то ему на ухо, и это действие заметят подельники преступника, тому придется долго доказывать «браткам», что он их не продал и не предал. Один скромный Знак Связи в этом случае может стоить тысячи слов.

Обманные Знаки Связи взяли на вооружение и контрабандисты. Поскольку одинокий пассажир всегда под подозрением, контрабандист-профессионал маскирует себя набором семейных Знаков Связи и проходит таможеню вместе с «женой», орущей толпой детей, младенцем на руках и героином в пакете из-под гигиенической пудры.

Подобные Знаки Связи встречаются скорее в детективных романах, чем в жизни. Чаще мы можем наблюдать законопослушных граждан, пытающихся при помощи разных уловок повысить свой социальный статус. Все мы встречали людей, которые в первые минуты разговора выпаливают имена высокопоставленных друзей, предположительно преувеличивая свою к ним близость. Амбициозный человек знает также, насколько важно показаться на публике с «правильными» людьми и, наоборот, избегать «неправильных». Благодаря именно таким амбициозным людям существуют закрытые клубы и общества.

Обыденные Знаки Связи используются повсеместно в сфере семейно-бытовых отношений. Когда девушка выходит замуж, она носит Знак Связи постоянно, даже тогда, когда рядом с ней нет мужа. Вдобавок к тому, что из «мисс» она отныне и навсегда превращается в «миссис», замужняя женщина также носит обручальное кольцо, символический Знак Связи, который заменяет знаки, подаваемые телом, когда ее муж стоит рядом с ней. Подобные символы существуют в любом обществе. В одних культурах незамужняя девушка носит головной убор особого фасона или какое-то иное украшение, которое отличает ее от замужних дам. В других вдова до конца жизни связывается с усопшим

мужем черной одеждой. В Полинезии одинокий человек носит цветок за правым ухом, семейный — цветок за левым ухом (левое ухо ближе к сердцу, и цветок сообщает о том, что «мое сердце занято»).

В 70-е годы XX века феминистки отказывались от символических Знаков Связи и настаивали на том, чтобы их называли словом «миз», заменяющим и «мисс», и «миссис». Нововведение, однако, не прижилось, поскольку почти всякая «миз» была на деле либо «мисс», либо бывшей «миссис». Со временем обращение «миз» стало означать незамужнюю либо разведенную женщину и не смогло выполнить свою функцию — затушевать различие между замужними и незамужними. Знак Связи остался таковым.

Есть и обратная тенденция, наметившаяся в основном в провинциальных городах: человек демонстрирует Знаки Связи, когда никакой «связи» не существует. Если женщина считает, что оставаться в старых девах равносильно падению ее социального статуса, она предпочитает «пустой» Знак Связи. Девушка, у которой нет парня, пытается выдать за парня своего брата, лишь бы выглядеть «взрослой». Точно так же она может позволить парню ухаживать за ней на людях, несмотря на то, что он ей не нравится, лишь для того, чтобы подавить Знаками Связи своих менее удачливых подружек. Она может даже решиться выйти за него замуж — не ради денег, не ради уверенности в будущем, не ради любви, но лишь для того, чтобы продемонстрировать Знаки Связи, которых ожидают от успешной женщины в данном сообществе.

В особых случаях внешне нормальные Знаки Связи, сопутствующие браку, используются для сокрытия гомосексуальности. Гомосексуалист или лесбиянка могут в определенных обстоятельствах решить, что жизнь станет более легкой, если у него или у нее появится набор гетеросексуальных Знаков Связи, который можно демонстрировать на публике. Очевидное решение тут — фиктивный брак.

До этого момента мы говорили о Знаках Связи в общих терминах, не пытаясь их классифицировать. Проблема заключается в том, что почти любое действие может при определенных условиях сыграть роль Знака Связи. Все, что два человека делают или не делают, может намекать на природу их взаимоотношений. Тем не менее, существует полезная, пусть и несколько упрощенная, классификация Знаков Связи.

Во-первых, есть Косвенные Знаки Связи — предметы, выявляющие связь между двумя людьми (а) в их присутствии (это предметы, которыми пользуются оба человека — стакан, из которого они пьют, кровать, на которой спят, стол, за которым обедают, полотенце, которым вытираются; эти предметы сообщают о связи между людьми, даже если мы не наблюдаем Знаков Связи, выражаемых телодвижениями); (б) в их отсутствии (если один или оба человека в данный момент отсутствуют, некоторые предметы сообщают нам о том, что этих людей что-то связывает: обручальное кольцо, свадебная фотография, запись в телефонной книге, фотография ребёнка на столе в офисе, надпись «Джон любит Мэри», вырезанная на дереве, посвящение в книге, татуировка на руке матроса).

Во-вторых, есть Прямые Знаки Связи — действия, выявляющие связь между двумя людьми: (а) пространственная близость и ориентация тела; (б) похожие знаки и жесты; (в) словесные выражения; (г) прикосновения.

Последняя категория является наиболее любопытной. В нее попадает большое количество действий, дающих наблюдателю информацию о природе взаимоотношений данных людей. Подробнее эти действия рассматриваются в следующей главе.

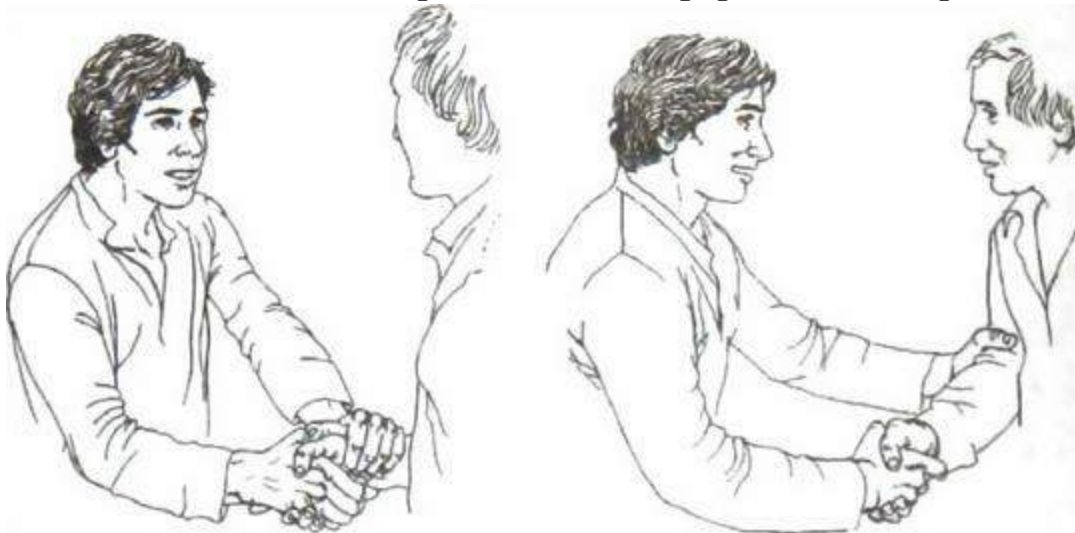
ЗНАК СВЯЗИ «ПРИКОСНОВЕНИЕ»

Как мы касаемся друг друга при посторонних

Мы наблюдаем Знак Связи «Прикосновение» всякий раз, когда отношения между двумя людьми выражены в форме физического прикосновения одного из них к другому. Когда такое происходит, мы видим, как притяжение двух людей побеждает естественную склонность индивида защищать свое личное пространство. Поскольку между «сохранением дистанции» и «контактом» всегда существует конфликт, на выходе мы получаем множество вариаций и степеней дружественного соприкосновения.

К настоящему моменту ученые выявили 457 типов прикосновений, однако большинство из них встречаются редко и не слишком значимы. Ряд прикосновений относится к «специализированным» — это прикосновения врачей, священников, дантистов и парикмахеров. Некоторые прикосновения можно наблюдать лишь в постели, поэтому их нельзя отнести к категории публичных. Остаток — обычные, «социальные» прикосновения — целесообразно разделить на четырнадцать основных типов. Мы подаем и наблюдаем эти Знаки Связи ежедневно. Это:

1. Рукопожатие. Используется, когда личная связь отсутствует, или она слаба, или стороны давно не видели друг друга. Поскольку рукопожатие — обычная для приветствия формальность, как Знак Связи оно интересно не само по себе, а в своих «усиленных» вариантах. Прочность прошлых или будущих отношений выражается в том, как далеко заходит обычное рукопожатие. Если жмущие друг другу руки люди хотят выразить чувства как можно полнее, они не ограничиваются формальным вариантом знака.

Усиленное рукопожатие. Поскольку рукопожатие — это обычная формальность, сильные чувства выражаются «расширенными» вариантами знака. Его можно последовательно усилить (от верхней левой картинке по часовой стрелке) касанием левой рукой руки, предплечья, плеча и неполными объятиями.

Наиболее распространенный усилитель рукопожатия — дополнительное действие левой рукой. Когда правые руки встречаются в формальном рукопожатии, левая рука вытягивается для того, чтобы пожать уже соединившиеся правые руки, правое предплечье или правое плечо. Если действие еще более экспрессивно, соединенные правые руки могут оказаться зажатыми между сблизившимися торсами, левая рука при этом обхватывает плечи. В такие моменты люди могут целовать друг друга в щеки или соприкасаться ими.

В полном варианте это действие свойственно осторожным людям. Поток теплых чувств к другому человеку захлестывает их, и рукопожатие трансформируется в объятия. По контрасту моментальный приток чувств, вызванный к жизни встречей с другом, закончился бы иначе: приветствующий свободно выпрямляет обе руки, приглашая друга в свои объятия, и обхватывает ими его торс, не прибегая при этом к формальному рукопожатию.

На замедленной видеосъемке сдержанного рукопожатия можно заметить, что, даже если индивиды не склонны обниматься, их тела все равно подаются одно к другому, сигнализируя о скрытом намерении обняться, пусть даже эти намерения неосуществимы.

2. «Указание на тело». Это вариант указывания с прикосновением, характерный для отношений близких людей. Мы указываем другому человеку, куда именно он должен двигаться, легко прикоснувшись к его телу. Наиболее распространенная форма этого знака — мягкое прикосновение руки к спине. Распространены также легкое пожатие руки с давлением в направлении «вперед» и более неформальное потягивание кисти. При этом один человек побуждает другого сдвинуться с места, но не силой, а вежливым прикосновением. По сути, это смягченная «взрослая версия» более экспрессивной системы знаков, при помощи которых родители управляют передвижением детей. Родителю часто приходится вести или подталкивать ребёнка в том или ином направлении, потому указывающее маршрут прикосновение имеет отчетливый подтекст: человеком пытаются манипулировать. «Указание на тело» очень редко используется подчиненными в отношении начальников или гостями в отношении хозяев. И наоборот, подобным необидным способом хозяева часто демонстрируют свое превосходство гостям, пребывающим на чужой территории в невыгодном положении. Даже в отношениях между супругами этот знак выражает доминирование: один из супругов берет ситуацию в свои руки. Когда жена «указывает на тело» мужа, наблюдатели толкуют этот Знак Связи как псевдоматеринский. Когда данный знак изящно подает мужчина, его действия выглядят более «царственными».

Неизящное «указание на тело» — знак помпезный и высокомерный.

В 90-х годах XX века во время визита британской королевы в Австралию произошел досадный инцидент: было замечено, что один из принимавших королеву людей дотронулся до ее спины «направляющей рукой». Этим спонтанным действием он пытался помочь королеве, однако пресса осудила австралийского чиновника. Тот факт, что мимолетный знак спровоцировал столь большую шумиху, говорит о многом. Мы весьма чувствительны к тонким различиям между одним Знаком Связи и другим. Если бы королева танцевала с чиновником на балу, его рука на ее спине не вызвала бы ни у кого вопросов, более того, его действия были бы расценены как уместные; однако в форме «указания на тело» этот знак означал, что чиновник контролирует Ее Величество.

3. Похлопывание. Это еще одно действие, исходно присущее родителям, нечто вроде мини-объятий, «исполняемых» одной кистью, тело при этом остается безучастным. По спине или другим местам похлопывают, когда хотят поприветствовать, поздравить, успокоить; бывает похлопывание любовное и чисто дружеское. Когда один взрослый похлопывает другого, это действие, как и «указание на тело», воспринимается как псевдородительское. Детей похлопывают почти по любой части тела, взрослые же должны ограничиться рукой, плечом или спиной, если похлопывание носит «нейтральный» характер. Похлопывания по голове, ягодицам, бедрам или коленкам означают либо снисхождение, либо сексуальный интерес. Есть и любопытное исключение: когда футболист забивает гол, его принято хлопать по голове. Прочее «взрослое» похлопывание по голове расценивается как осмеяние («какой умный мальчик!»), однако футболистов похлопывают по голове совершенно серьезно. Судя по всему, этот знак зародился в школе: мальчики часто хлопают друг друга по голове, подражая своим отцам, и в особом, футбольном контексте эту традицию продолжают и взрослые.

4. Соединение рук. Это наиболее очевидный и самый публичный из всех Знаков Связи. Соединение рук изначально — сигнал скоординированного движения, при котором один партнёр мягко контролирует другого. В большинстве случаев женщина держится за согнутую руку мужчины в знак того, что он ее поддерживает и оберегает. Забота и охрана, однако, тут скорее символические, а само действие выражает скорее не физическую поддержку, которую сильный мужчина оказывает слабой женщине, а эмоциональную связь между ними. Другими словами, пара соединяет руки для того, чтобы продемонстрировать эту связь другим. Физический аспект выходит на первый план лишь тогда, когда партнёр поддерживает пожилого или больного человека. Молодые и сильные пары редко соединяют руки, гуляя в безлюдных местах, — этот знак зарезервирован для разного рода собраний, как формальных (пройтись между рядами в церкви), так и неформальных (прогуляться по торговому пассажи). Данный Знак Связи можно описать как сигнал взаимной собственности.

5. Обнимание плеч. Поскольку мужчины в массе своей выше женщин, обычно именно мужчина обнимает женщину за плечи. Этот Знак Связи обладает «маскулинным» подтекстом и равно распространен среди друзей-мужчин, которые хотят выразить свои приятельские чувства. По сути, это полуобъятия (в отличие от полноценных объятий, когда люди стоят лицом к лицу). Обнимать за плечи можно и стоя, и на ходу. Если мужчины шагают рядом и соприкасаются телами, чаще всего они идут, обнявшись за плечи. Многие мужчины считают, что только так и можно ходить вместе с друзьями. Вместе с тем наблюдать данный Знак Связи мы можем нечасто, ибо он пусть немного, но затрудняет продвижение. Иногда полной версии предпочитают мини-версию знака, «рука на плече»; как правило, это ситуации, в

которых один мужчина что-то убежденно доказывает или объясняет другому. Таким образом, он сковывает движения собеседника и держит его на близком расстоянии, чтобы тот выслушал речь до конца.

6. Объятия. Мы всю жизнь помним о том, как крепко обнимали нас в детстве родители, поэтому полновесные объятия взрослых людей можно наблюдать, как правило, тогда, когда их переполняют эмоции. Только молодые влюбленные подают этот выразительный Знак Связи сколь угодно часто, так как неизменно радуются тому, что обрели друг друга. Для остальных взрослых объятия — либо поза с эротическим подтекстом, либо Знак Связи «расстаться и вновь встретиться». Это название апеллирует к прощаниям и воссоединениям, то есть моментам, когда связь рвется на время разлуки или восстанавливается после нее. Расстающиеся люди, особенно если им предстоит долгая разлука, ощущают настоятельную потребность выразить свои чувства настолько экспрессивно, чтобы впечатление от этой демонстрации сохранялось в них на протяжении всего периода взаимной изоляции. Они обнимают друг друга, стараясь вместить в эти объятия всю сумму обыденных и малозаметных Знаков Связи, которыми они обязательно обменялись бы, если бы не разлука. Когда двое, в конце концов, воссоединяются, они повторяют в миниатюре церемонию формирования пары и вновь крепко обнимаются.

Из данного правила есть несколько исключений. Первое — контактные танцы, показное действие, включающее в себя упрощенный вариант полновесных объятий с упрощенным элементом «обхват партнёра руками». Когда смотришь на пару, которая кружится на танцевальной площадке, может показаться, что эти двое хотели обнять друг друга, но их руки переплелись и они не смогли исполнить задуманное. В результате мы видим застывшие полуобъятия, резко отличающиеся от объятий, которые считаются «безопасными» даже для слабо знакомых людей. Танцоры наслаждаются намеком на настоящие объятия, но словно обрывают данный Знак Связи «на полужесте».

Второе исключение — церемония ликования в современном футболе. Это не ситуация «расстаться и вновь встретиться», тем не менее, в момент триумфа всех участников этого зрелищного действия переполняют сильнейшие эмоции. «Зрелищное» тут — подходящее слово: футболисты обнимаются после успешного гола главным образом потому, что на них смотрят футбольные фанаты. Как и соединение рук, это действие рассчитано в основном на публику.

Есть и третье исключение — объятия, которые можно наблюдать во время приветствий и прощаний на обычных вечеринках. Здесь ситуация противоположна «футбольной»: никакого перехлеста эмоций нет, зато есть элемент «расстаться и вновь встретиться». Прибывающие и отбывающие гости могут не испытывать сильных чувств в отношении других гостей или же хозяев, но все-таки активно с ними обнимаются. Если приглядеться к их действиям внимательнее, окажется, что не всё то объятия, что ими кажется. Объятия хозяев и гостей обычно столь же «весомы», как и контактные танцы: руки полуобхватывают тела, а не обнимают их, губы лишь слегка дотрагиваются до щек, туловища чаще всего не соприкасаются вовсе, и длются такие объятия, как правило, очень недолго. Иными словами, телесный контакт при уходе с вечеринки формализован не менее рукопожатия. Это действие являет собой чуть больше, чем простое соприкосновение рук, но все-таки значительно меньше, чем страстные объятия друзей или влюбленных.

7. Рука в руке. В раннем детстве мы открываем для себя мир вертикального перемещения и делаем первые шаги, пока родитель держит нас за руку. Исходная функция

того действия — не дать ребенку упасть. Позже, когда ребёнок вырастет, его держат за руку, чтобы он не отбился от родителей в толпе и не перебежал через дорогу на красный свет. Даже когда дети становятся вполне самостоятельными, они держатся за руку родителя, переходя опасную улицу. В отрочестве данный знак теряет «родительское» значение и обретает новое — теперь это Знак Связи юных влюбленных. Его особая ценность для пары заключается в том, что этот знак свидетельствует о взаимности. Парень и девушка, держащиеся за руки, совершают одно и то же действие, которое тем самым символизирует их равенство и взаимное эмоциональное вовлечение. Потому «рука в руке» заметно отличается от Знака Связи «соединение рук», при котором один из партнёров становится «доминирующим поддерживающим», а второй — «поддерживаемым». Людей, держащихся за руки, вопрос статуса не заботит вовсе. Они пребывают в блаженном состоянии и предлагают себя друг другу. Не имеет ничего общего с этим Знаком Связи и английская идиома «gaining the upper hand» («брать верх», дословно — «добиться того, чтобы рука была сверху»). Когда люди шагают «рука об руку», их руки расположены на одном уровне.

8. Обнимание за талию. Когда парень и девушка держатся за руки, они не соприкасаются туловищами. Их тела движутся параллельно и на расстоянии одно от другого. Если парень и девушка обнимут друг друга за талии, расстояние между ними исчезнет, влюбленные соприкоснутся боками. Это куда более интимный Знак Связи — рука на талии свидетельствует о том, что связь между парнем и девушкой сделалась глубже и сильнее. Шагать так труднее, чем держась за руки, потому на прогулке за талию обнимаются, как правило, только люди, испытывающие друг к другу эротический интерес. Они словно хотят одновременно гулять и полновесно обниматься — и примиряют эти противоречивые желания.

Если мы видим двух людей, держащихся за руки или обнимающих друг друга за талии, это почти всегда разнополая пара, потому данные Знаки Связи резко контрастируют с «обниманием плеч». Когда рука смещается с «плеча друга» на «талию возлюбленной», значение знака резко меняется. Причина проста: талия расположена куда ближе к основной генитальной зоне, потому она наряду с ягодицами и бедрами неизбежно превращается в зону эротического контакта.

9. Поцелуй. Прикосновение к другому человеку губами — это не один Знак Связи, но целый комплекс таких знаков, различаемых по тому, какой именно части тела касаются губы. Наиболее интимный вариант поцелуя, который возможно наблюдать на публике, — это поцелуй «рот в рот». Рассматривая поцелуй как Реликтовый Знак, мы говорили о том, что в первобытные времена матери обычно пережевывали пищу и кормили ею младенцев, передавая ее изо рта в рот. Этот обычай по-прежнему практикуется в племенных сообществах и некоторых европейских деревнях. Младенец реагирует на такое предложение пищи ищущими движениями языка внутри материнского рта. Судя по всему, это древнее и врожденное действие, присущее нашему виду, и, хотя в цивилизованном обществе оно перестало быть необходимым элементом заботы о ребенке, мы по-прежнему видим его отголоски в глубоком поцелуе молодых влюбленных, соприкасающихся языками. Это поразительный пример того, как взаимодействие «родитель — ребёнок» возродилось в качестве интимного действия, присущего взрослым людям. Ввиду того что этот тип поцелуя подчеркнуто эротичен, а положение дел с гигиеной оставляет желать лучшего, рот в рот целуются, как правило, лишь люди, связанные очень крепкими узами. Эротический элемент заставляет нас думать, что данный знак свойствен лишь разнополым парам, однако в ряде

стран рот в рот целуются и мужчины, при этом никакого эротического подтекста в их действиях нет.

Молодые люди, которые только начали формировать любовную связь, также могут целоваться рот в рот, «заимствуя» этот знак из более поздних стадий ухаживания. При этом поцелуй часто упрощается — влюбленные не соприкасаются языками. Опытные пары, чьи отношения прочны, как правило, подают этот знак на людях не столь экспрессивно, они предпочитают короткий поцелуй «губы в губы» и целуются только в моменты приветствий и прощаний. Если вы видите парня и девушку, которые долго и сладострастно лобызаются в людном месте, вы можете уверенно заключить, что эта пара сформировалась не так давно и любовь у них «в самом разгаре». Опытные пары могут вести себя подобным образом на людях только в исключительных случаях — когда они расстаются надолго, встречаются после длительной разлуки или пережили общее эмоциональное потрясение — триумф, катастрофу, бегство от опасности. Когда связь между людьми словно «обновляется», поцелуй рот в рот как Знак Связи открыто демонстрируется на публике.

Искаженный вариант поцелуя рот в рот — взаимное целование щек, являющее собой все тот же поцелуй в менее экспрессивной форме. Супруги тоже целуют друг друга в щеки, но редко, и знак этот сигнализирует о спокойных, умеренных отношениях. Зато он типичен для приветствий и прощаний родственников и друзей. «Умеренность» данного знака обусловлена тем, что целование щек на деле замещает собой поцелуй рот в рот. Этот благопристойный знак сопутствует отношениям, лишенным эротического подтекста, и его часто можно наблюдать на разного рода приемах и вечеринках.

В последние годы целование щек широко распространилось и породило в итоге некоторую путаницу. Данный знак, более чем популярный в экспрессивном мире шоу-бизнеса, «охватил» за короткий промежуток времени и другие части общества. К сожалению, распространение знака было неравномерным, и ныне, приветствуя лицо другого пола, мы попадаем в двусмысленную ситуацию: подать ему (ей) руку или подставить ему (ей) щеку? Более того, когда нам подставляют щеку, возникает щекотливый вопрос, целовать только одну щеку или обе. В ряде европейских стран целование щек стало настолько модным, что практикуется даже не двойной, а тройной поцелуй. Руководства по этикету не могут отразить все варианты данного знака, ибо они слишком многочисленны, и при приветствии мы вынуждены отслеживать малозаметные движения человека, чтобы решить, на какой именно поцелуй он настроен.

Другие виды поцелуев могут быть классифицированы по тому, как высоко (или низко) целуется тело. Это статусные поцелуи, начиная с родительских поцелуев в затылок и область макушки. Данный тип поцелуя — доминирующий, и, когда один взрослый целует другого в затылок, обычно это шуточный поцелуй, имитирующий поведение родителя в отношении ребёнка. То же относится к поцелуям в лоб и кончик носа, оба они — типично «родительские» (или шуточно имитирующие их). Соответственно, поцелуй руки отражает куда более низкий статус. Это поцелуй, выражающий почтение или уважение, при этом подчиненное положение целующего особо подчеркивается тем, что он кланяется женщине. В прошлом высокопоставленные мужчины, которым по жестким правилам социального этикета полагалось целовать дамам руки, поднимали руку женщины до уровня губ и избегали тем самым унижительного поклона.

10. Соприкосновение руки и головы. Когда мы дотрагиваемся рукой до чьей-либо головы, мы совершаем куда более интимное действие, нежели может показаться на первый

взгляд. Интимность этого Знака Связи вытекает из доверия, о котором он сигнализирует: голова весьма чувствительна к повреждениям, на ней расположены все самые важные органы восприятия, а рука, в свою очередь, способна превращаться в грозное оружие. Если вы позволяете человеку приблизиться к вам и дотронуться до вашей головы, значит, связь между вами довольно сильна. Если коснуться рукой руки незнакомца, он ощутит легкую тревогу, но коснитесь рукой его головы — и он моментально встрепетается, чтобы защититься от агрессии. Эта реакция естественна — наше подсознание остро реагирует на любую, даже самую эфемерную угрозу голове. «Вторжение» в эту область чужих рук мы готовы допустить, только если вторгающийся — наш близкий и старый друг, возлюбленный, супруг или любящий родитель. Даже самое мимолетное и вежливое касание рукой головы, таким образом, является знаком куда более крепкой и глубокой связи, чем можно предположить, исходя из внешней тривиальности действия.

11. Соприкосновение двух голов. Когда одна голова касается другой, мы наблюдаем «хронический» вариант «сильного» поцелуя. Как и соприкосновение головы и руки, этот знак наблюдается чаще у формирующихся пар. Особое свойство данного Знака Связи заключается в том, что соприкасающаяся головами пара лишает себя возможности делать что-то еще. Когда двое соприкасаются головами или сидят щека к щеке, они словно говорят: «Соприкасаться друг с другом нам важнее, чем все, что происходит вокруг». Это сигнал о том, что пара замкнулась в себе, отгородившись от внешнего мира. Зачастую соприкасающиеся головами люди еще и закрывают глаза. Этот «любовный» Знак Связи по сравнению с другими более «исключающий» — он отделяет пару от остальной вселенной.

12. Ласки. Нежное поглаживание, пощипывание и другие варианты изучения тела партнёра рукой или иным органом, к примеру носом, языком или ногой, практически всегда эротичны и легко приводят к психологическому возбуждению. На людях этот Знак Связи в подавляющем большинстве случаев демонстрируют формирующиеся пары, отношения которых достигли той точки интенсивности, когда влюбленные фактически готовы игнорировать всё и вся и концентрироваться лишь на телах и реакциях друг друга. Изредка бывают и исключения: на вечеринке опытная супружеская пара может на секунду предаться такого рода ласкам. Обычно один партнёр рассеянно гладит другого по какой-либо части тела, неосознанно подавая окружающим сигнал: «Связь между нами очень глубока». Эта ласка — вершина айсберга, которую позволено увидеть остальным. Лишь изредка данный знак может подаваться или имитироваться сознательно, чтобы дать другим понять: «Связь между нами столь сильна, что с ней нужно считаться».

13. Тело как опора. Родители часто усаживают детей себе на колени и до определенного возраста носят их на себе. Этот образ действий зачастую имитируется игривой молодой парой: девушка сидит на парне, парень несет девушку на руках. Данный знак стал даже частью свадебного ритуала: жених переносит невесту через порог дома. Кроме того, взрослые предлагают свои тела в качестве опоры в ситуациях, когда другой человек беспомощен, когда он потерял сознание, болен или очень пьян. В чрезвычайных ситуациях один человек может поддерживать другого, даже если они незнакомы. Будучи, по сути, сигналом близости между родителем и ребенком, этот знак, в отличие от других, не становится для взрослых людей слишком значимым. Причина банальна: взрослый, которого нужно посадить на колени или перенести с места на место, гораздо тяжелее ребёнка.

14. Шутливое нападение. Часто можно видеть, как один взрослый ударяет другого, взъерошивает ему волосы, кусает за ухо, хватается за какие-либо части тела, зажимает, тычет

локтем, толкает, и, хотя все эти действия по сути своей агрессивны, они совершаются столь мягко и осторожно, что не причиняют боли. В итоге они расцениваются не как признаки враждебности, а как дружеские «вольности». В качестве Знаков Связи эти действия означают, что тот, кто нападает понарошку, связан с «жертвой» столь крепко, что может позволить себе имитировать враждебность без боязни быть неправильно понятым. Такие атаки — демонстрация дружелюбия, при этом пара дает понять: тот, кого толкают или бьют, «не возражает». Иногда это единственный способ, которым один человек может выразить свои чувства в отношении другого (например, отец в отношении взрослого сына), поскольку более явные Знаки Связи заставят другого смутиться.

Краткое обозрение нескольких наиболее распространенных Знаков Связи по необходимости упрощено. Будучи подвергнуто объективному анализу, огромное разнообразие этих знаков поражает воображение. Мы — животные, для которых слова «любовь» и «связь» — вовсе не пустые. Наша жизнь очень сложна, каждый из нас связан со множеством людей, в числе которых — возлюбленные, дети, родители, родственники, друзья, соседи, коллеги, клиенты, учителя, ученики, работодатели, подчиненные и так далее. Мы учитываем не только наши личные отношения с каждым из этих людей, но и их отношения между собой, и, когда мы встречаемся один на один или в компании, наши органы чувств постоянно снабжают мозг информацией об этих изменчивых связях. Каждый день мы считываем и подаем окружающим тысячи различных Знаков Связи. Эти знаки — не просто способ узнать, кто кого и как сильно любит: благодаря им мы встраиваем себя в социум и демонстрируем эту встроенность другим.

АУТОКОНТАКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Самоуспокоение: как и почему мы прикасаемся к собственному телу

При Аутоконтатном Поведении мы касаемся своего тела — в отличие от Аллоконтатного Поведения, при котором мы соприкасаемся с телами других людей. Физический контакт с другим человеком — действие настолько серьезное, что мы, как правило, прикасаемся к окружающим сознательно, будь то дружеское похлопывание, любовные ласки или агрессивное физическое нападение. По контрасту Аутоконтатное Поведение почти всегда воспринимается нами как нечто само собой разумеющееся. Когда мы гладим себя или обхватываем себя руками, мы не вторгаемся на территорию чужого тела и потому почти не думаем о том, что делаем. Однако тот факт, что прикосновения к себе неосознанны, еще не говорит о том, что они не имеют для нас значения или лишены смысла. Напротив, именно по этим искренним, непритворным действиям можно судить о том, что мы чувствуем на самом деле.

Наиболее распространенная форма Аутоконтатного Поведения — это Самоуспокоение. В отличие от действий, направленных на очищение и защиту телесной оболочки, в данную категорию входит подавляющая часть прикосновений к собственному телу. Самоуспокоение можно определить как движение, которое дает нам ощущение комфорта, так как являет собой неосознанную имитацию прикосновений к нам других людей.

При Самоуспокоении мы используем часть нашего тела так, словно она принадлежит близкому нам человеку. В детстве, когда мы пугаемся или испытываем боль, родители обнимают нас, прижимают к себе, нежно покачивают из стороны в сторону. Они похлопывают, поглаживают, ласкают нас, и мы, ощутив себя в безопасности, убеждаемся в том, что нас любят. Взрослея, мы часто тревожимся и нуждаемся в том, чтобы кто-то нас успокоил, но рассчитывать на то, что нас защитят родители, уже не можем. Зато у нас есть собственные руки, и мы заменяем ими руки родителей. Мы обнимаем собственное тело, покачиваемся из стороны в сторону или пожимаем руки самим себе, крепко обхватив одну руку другой.

Есть множество способов вести себя так, словно ты не один человек, а два. Большая их часть — это легкое Самоуспокоение, почти мимолетные прикосновения с той же целью: почувствовать себя комфортно. Чаше прочих Самоуспокоение происходит путем прикосновения руки или рук к голове. К таким прикосновениям особенно склонны жители городов. Большую часть дня они вынуждены проводить в помещении, сидя за рабочим или обеденным столом, одни или с группой коллег. Горожанин часто переживает стрессы, конфликтует, колеблется с принятием решений или скучает, и в такие моменты его рука тянется к голове. Он может поддержать рукой голову, словно его шея внезапно ослабела, или задумчиво провести рукой по лицу, или чуть надавить костяшками пальцев на губы. В первом случае рука заменяет туловище родителя, к которому младенец прислоняется головой. Во втором прикосновение руки воссоздает ощущение от родительской ласки. Соприкосновение пальцев и губ, как и многие другие формы прикосновения к губам, отсылают ко времени, когда младенец сосал материнскую грудь (или, если уж на то пошло, к поцелую рот в рот).

Ученые, изучающие сотни подобных действий, установили, к каким именно формам Самоуспокоения чаще всего прибегает взрослый человек, попавший в стрессовую ситуацию и желающий вернуть себе душевный комфорт. Наиболее распространены следующие действия (в порядке убывания частоты проявлений): (1) подпирание челюсти; (2) подпирание подбородка; (3) поглаживание волос; (4) подпирание щеки; (5) прикосновение к губам и (6) подпирание виска. Все эти действия совершаются как взрослыми мужчинами, так и взрослыми женщинами, при этом женщины поглаживают волосы в три раза чаще мужчин, а мужчины подпирают висок в два раза чаще женщин.

В скрещивании рук, создающем защитный барьер перед грудью, также есть успокаивающий элемент Аутоконтантного Поведения — человек полуобнимает собственное тело. Соприкосновение любых двух частей тела в итоге возвращает нам толику ощущения безопасности. Например, пребывая в напряжении, люди часто «пожимают себе руки», либо переплетая пальцы обеих рук, либо обхватывая одной рукой другую. К Самоуспокоению относятся и все варианты скрещивания ног, при котором одна нога ощущает успокаивающее давление другой. Когда мы закидываем ногу на ногу, ощущение безопасности усиливается. Это действие — верный признак того, что человек желает успокоиться.

Некоторые варианты скрещивания ног по ряду причин встречаются почти исключительно у женщин. В частности, это обхват голеней и обхват бедер. В первом случае обе ноги подогнуты так, что колени касаются груди, руки обхватывают голени, голова наклонена к коленям. Судя по всему, эта поза наиболее эффективно исключает окружающих из личного пространства женщины. Подогнутые ноги можно обнять, к ним можно прислониться, о них можно опереться. Руки, туловище и голова успокаивающе соприкасаются с другими частями тела. Любопытно, что данная поза не распространена среди мужчин: статистическое исследование показало, что соотношение мужчин и женщин, практикующих обхват голеней, равно 1:19. Видимо, эта поза производит впечатление настолько «уютной», что сразу выдает инфантильный настрой, и мужчины попросту стесняются ее принимать. Формой Самоуспокоения является и другая типично женская поза — «голова покоится на плече»; в этом случае собственное плечо женщины заменяет ей плечо родителя или любимого. Объяснение опять же достаточно прозрачно, потому мужчины голову на плечо, как правило, не кладут. Про третью позу, характерную для женщин, сказать что-либо подобное сложно. Речь об обхвате бедер — как показало исследование, эта поза в женском исполнении наблюдается в десять раз чаще, чем в исполнении мужчин. Когда человек сидит, обхватив руками бедра, его инфантильный настрой далеко не очевиден, и тем не менее мужчины почему-то избегают и этой позы. Может быть, дело здесь в эротическом элементе. Когда влюбленные ухаживают друг за другом и ласкают друг друга, мужчина стремится прикоснуться к бедрам женщины чаще, чем наоборот, потому в моменты Самоуспокоения женщины имитируют эту форму соприкосновения двух тел куда более часто.

Наконец, есть особенная форма сексуального Аутоконтантного Поведения: мастурбация. Здесь рука со всей очевидностью замещает сексуального партнёра. Этот факт превращает мастурбацию в откровенный паллиатив сексуального Аллоконтантного Поведения. Поскольку мастурбация сообщает о недоступности партнёра и подразумевает неспособность его найти, она считается чем-то постыдным и несправедливо осуждается. Для людей, которые лишены партнёров, мастурбация предлагает абсолютно безопасный метод снятия сексуального напряжения и, невзирая на тысячи псевдоученых возражений, никак не вредит

здоровью. Разумеется, формально мастурбацию порицали вовсе не за то, что она замещает копуляцию не в полной мере. В различные эпохи против мастурбации приводились многочисленные доводы, а тем, кто продолжал заниматься онанизмом, предрекали различные кары, от слепоты до безумия. Сегодня мы можем смеяться над этими странными фантазиями, но в свое время они были догмами, которые свидетельствовали о том, что телесное самоутешение считалось абсолютно недопустимым. Встающая перед взрослым человеком необходимость достичь спокойствия и умиротворения посредством ласк, направленных на самого себя, расценивалась как признак деградации и незрелости. Взрослые в итоге не избавлялись ни от напряжения и тревоги, ни от «замаскированных» форм Аутоконтантного Поведения. Если знак Самоуспокоения (например, поглаживание щеки) нельзя соотнести напрямую с телесным комфортом, никто не скажет, что данное действие вредно и влечет за собой какой-нибудь недуг. «Скрытые» формы Аутоконтантного Поведения не осуждаются, как мужчины, так и женщины могут касаться своих тел беспрепятственно. Аутоконтантное Поведение порицается и табуируется лишь тогда, когда оно очевидным образом связано с самоуспокоением. Вот почему взрослые люди, нуждающиеся в мягких физических проявлениях любви, продолжают обнимать, обхватывать и поглаживать себя, наслаждаясь результатами в полной мере, пусть и недолго.

НЕВЕРБАЛЬНАЯ УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ

Как наше тело «проговаривается» о том, что мы хотим скрыть

Достаточно часто мы, общаясь с кем-то, пытаемся скрыть свои истинные чувства, но не в состоянии это сделать. Когда осиротевшая мать пытается скрыть скорбь от детей, говорят, что она «надела маску спокойствия», словно речь идет о настоящей маске с притворным выражением лица. Когда нам не удастся обмануть окружающих подобной «маской», как они узнают о скрываемых нами чувствах? Как происходит Невербальная Утечка Информации — и как узнать, лжет человек или нет?

В случае с осиротевшей матерью обман раскрывается потому, что она не слишком старается кого-то обмануть, более того, раскрытие «обмана» имеет для нее свои преимущества. Если осиротевшая мать успешно скроет свое горе, ее обвинят в том, что она бесчувственна. Напротив, если она будет горевать слишком сильно, скажут, что ей недостает силы духа и самоконтроля. «Маска спокойствия», таким образом, — это пример псевдообмана, при котором обманывающий рад тому, что обман раскрывается. Осиротевшая мать сознательно или неосознанно хочет, чтобы ее натянутая улыбка воспринималась именно как натянутая.

Но что происходит, когда человек очень сильно хочет обмануть окружающих? Подсудимый, которого обвиняют в убийстве и который знает, что виновен, но отчаянно пытается доказать, что на него возводят напраслину, прикладывает все усилия для того, чтобы обмануть суд. Он лжет, когда дает показания, и его словам должны сопутствовать равно убедительные телодвижения. Какие именно? Он может управлять своей речью, но может ли он управлять своим телом?

Ответить можно так: подсудимый контролирует одни части тела лучше, а другие — хуже. К первым относятся те части тела, о движениях которых он многое знает из опыта ежедневной коммуникации. Так, подсудимый знает, как и когда улыбаться и хмуриться — он видел себя в зеркале угрюмым и улыбающимся, и чем лучше он изучил свою мимику, тем достовернее он сможет ее «подделать». Иными словами, он может до какой-то степени управлять своим лицом.

Позы, которые принимает подсудимый, могут намекать на то, что он лжет, поскольку он далеко не всегда отдает себе отчет в том, что выпрямился, сторбился или встрепенулся. Однако «показания» его тела совсем не так ценны, как может показаться, поскольку правила общественного поведения требуют от нас принимать в особых обстоятельствах достаточно стереотипные позы. К примеру, от человека, обвиняемого в убийстве, традиционно ожидают, что он будет сидеть или стоять с прямой спиной (вне зависимости от того, виновен он или нет), и эта поза вполне может «затушевать» прочие сигналы.

Куда больше информации о том, лжет подсудимый или нет, могут дать движения его рук: наш убийца вряд ли считает их чем-то существенным, а правил движений рук, которые могли бы послужить ему «дымовой завесой», не существует. Разумеется, если подсудимого допрашивают в военном суде, его руки будут «затушевывать» прочие сигналы благодаря строгому армейскому этикету: стоящему навтыжку солдату лгать легче, чем гражданскому лицу. Но обычно речь подсудимого сопровождается жестами, и их можно анализировать на

предмет Невербальной Утечки Информации.

Наконец, наибольший интерес представляют ноги подсудимого — это часть тела, которую он контролирует менее всего. Увы, часто движения ног увидеть невозможно, потому на практике полезность их «показаний» весьма ограничена. Если наш убийца стоит или сидит так, что его ноги оказываются на виду, наблюдение за ними может дать бесценную информацию, и это одна из причин, по которой люди, которые проходят собеседование или участвуют в деловых переговорах, чувствуют себя менее скованно, когда сидят за столом, скрывающим нижнюю часть их тела. Иногда эту закономерность используют во время собеседований при приеме на работу: стул, на котором сидит кандидат, ставят в центр помещения, чтобы тело «жертвы» оказалось полностью на виду.

Подводя итоги, можно сказать, что лучший способ скрыть правду — свести все сигналы к речи и выражению лица. Тут есть два эффективных способа действий: сделать так, чтобы собеседник не видел ваше тело, или занять его каким-либо сложным механическим действием настолько, чтобы все визуальные признаки лжи оказались смазаны благодаря необходимости совершать некие телодвижения. Другими словами, если вам нужно соврать, врете по телефону или переговариваясь через стену; если это невозможно, врете, продевая нитку в иголку или паркуя автомобиль. Если вы оказались на виду и не можете ничем себя занять, вам придется заставить лгать не только голос и лицо, но и все ваше тело.

Для большинства людей ложь «с участием тела» затруднительна, поскольку им не хватает практики. В повседневной жизни нам очень редко приходится осознанно вводить слушателей в заблуждение и, что называется, лгать напрапалу. Мы можем обманывать самих себя, но это другое дело. Кроме того, все мы, не отдавая себе в этом отчет, участвуем в психологических ролевых играх, но это опять же не совсем то, что сознательная ложь. Прибегая к преднамеренному обману, мы, как правило, лжем весьма неумело и выходим сухими из воды лишь потому, что наши слушатели не способны отличить лжеца от искреннего человека. Зачастую они более восприимчивы, чем мы думаем, и ощущают, что мы лжем, но не могут нам это продемонстрировать. Наша ложь выявляется, но не разоблачается. Тому могут быть две причины: либо наши слушатели стесняются сказать нам о том, что мы говорим неправду, либо наши действия сбивают их с толку, и они не в состоянии определить природу нашей лжи. В первом случае они осознают, что мы лжем, но считают, что в данных обстоятельствах лучше сделать вид, будто они ничего не заметили. В частности, такое поведение характерно для ситуаций, когда мы лжем «по мелочи», чтобы не обидеть друзей. Когда в гостях хозяйка предлагает нам вторую порцию ужасно приготовленной заливной рыбы, мы отказываемся, маскируя истинную причину отказа вежливой ложью. Вместо того чтобы сказать хозяйке правду, мы говорим, что уже наелись или сидим на диете. Распознав ложь и определив причину, по которой мы солгали, она, скорее всего, ничего нам не скажет, ибо в противном случае возникает риск испортить вечер. Вместо того чтобы уличить нас во лжи, хозяйка благодарно принимает ее и переводит разговор на тему диеты, пытаясь показать, что ее взгляды мало чем отличаются от наших. Теперь уже обе стороны лгут друг другу, осознавая, что им говорят неправду, однако такое положение дел приемлемо для всех, поскольку и гость, и хозяйка движимы желанием ни в коем случае не расстроить собеседника. Это Взаимная Ложь, без которой не обходится ни одна вечеринка.

Собеседник не уличает нас во лжи и в том случае, когда не может сказать с уверенностью, что мы лжем. Действия лжеца запутывают слушателей, они не знают, что о

них думать. Они понимают, что он говорит неправду, поскольку телодвижения лжеца не сочетаются одно с другим или с его словами, они замечают несообразность, но не в состоянии определить, что именно он от них скрывает. Когда такой человек входит в помещение, окружающие начинают испытывать возрастающий дискомфорт. Если бы они поняли, где в его словах ложь, а где правда, они смогли бы принять решение (уличить его во лжи или не обращать на нее внимания), но понять это им не удастся, потому неумелый лжец сбивает их с толку. Представьте вечеринку, на которой один из гостей только что узнал, что его личная жизнь разрушена, однако старается вести себя так, будто он счастлив и наслаждается светскими беседами ни о чем. При этом гостем владеют печальные мысли, и время от времени его истинные чувства прорываются наружу, заставляя его то уходить в себя, то реагировать слишком бурно. Собеседники понимают, что с этим человеком что-то не так, но не уличают его в том, что он что-то скрывает, ибо не хотят портить вечер; когда гость наконец уходит, все они вздыхают с облегчением, ибо теперь можно расслабиться и поговорить о том, что именно его так расстроило.

Чаще всего мы не склонны открыто уличать кого-либо во лжи, а отсюда следует, что обыденная «социальная ложь» преподносится не столь искусно, как могла бы. Нам не только не хватает практики, ко всему прочему в ситуациях, когда мы лжем, нас экзаменуют недостаточно строго. В итоге большинство людей можно назвать Неискусными Лжецами, и им есть чему поучиться у неискреннего меньшинства — Искусных Лжецов.

Искусные Лжецы — это люди, профессиональная деятельность которых требует умения лгать постоянно и мастерски, когда уличить их может любой. Пока эти люди не научатся врать изоощренно, так, чтобы никто не заподозрил их во лжи, они не смогут сказать о себе, что овладели избранной профессией. В результате Искусные Лжецы становятся мастерами контекстных манипуляций (они знают, в какой момент нужно врать) и умеют лгать всем телом. Это искусство постигается иногда годами, зато лучшие из лучших Искусных Лжецов становятся настолько умелыми обманщиками, что отличить ложь от правды в их устах невозможно. Я говорю здесь не только о великих актерах и актрисах — этот пример очевиден, — но и о других замечательных лжецах, в их числе — профессиональные дипломаты и политики, адвокаты и фокусники, воры на доверии и коммивояжеры, сбывающие подержанные автомобили. Для всех этих людей ложь — норма жизни, изысканный навык, который с годами оттачивается настолько, что в глубине души мы восхищаемся тем, с каким мастерством эти люди обводят других вокруг пальца.

Пропасть между Неискусными Лжецами и Искусными Лжецами огромна, она куда шире, чем представляет себе средний Неискусный Лжец. Такой человек часто говорит, что «в фильмах может играть каждый» и «дипломаты только зря штаны протирают, у них вся жизнь — приемы и шампанское». Но поставьте среднего Неискусного Лжеца на их место, и он моментально ощутит, что все не так просто, как ему кажется. Попросите его пройти (что может быть проще?) расслабленной, естественной походкой из одного конца сцены в другой под прицелом сотен глаз и посмотрите, что произойдет. Сравните его слабую, ходульную игру на сцене с его же телодвижениями на улице, и разница между ним и профессиональным актером станет очевидной. Ощущающий на себе взгляды зрителей Неискусный Лжец ощутит ужасное напряжение и не сможет заставить тело подавать «расслабленные» сигналы. Более того, чем больше он пытается казаться расслабленным, тем хуже у него это получается.

Теперь посмотрим на ситуацию с точки зрения зрителя: что именно выдает в

Неискусном Лжеце непрофессионала? Ответить на этот вопрос помогла серия экспериментов, проведенных американскими исследователями. Они просили девушек, учащихся на медсестер, лгать или говорить правду о фильмах, которые они смотрели. Будущим медсестрам показывали видеосъемки хирургических операций, например ампутации ноги, а также контрастные кадры, запечатлевшие спокойные, умиротворяющие пейзажи. В ходе эксперимента девушек просили описать то, что они видели. Иногда они должны были говорить правду, иногда — лгать. При этом их телодвижения и мимика записывались скрытыми камерами. Впоследствии ученые проанализировали действия, сопутствовавшие правдивым рассказам, и действия, сопутствовавшие лжи, и определили отличия между ними.

Девушки прикладывали все усилия, чтобы лгать правдоподобно — до начала эксперимента им сказали, что умение говорить неправду чрезвычайно важно для медсестры. Действительно, нервничающих пациентов нужно постоянно уверять в том, что они идут на поправку, что рискованные операции вполне безопасны, что поставленные в тупик их симптомами врачи не сомневаются в диагнозе. При этом пациенты, нуждающиеся в успокоении, зорко наблюдают за медсестрами и моментально улавливают малейшую нотку плохо скрываемого пессимизма. Хорошая медсестра должна уметь врать убедительно. Таким образом, эксперимент был не просто умозрительным исследованием — и, как выяснилось позже, девушки, которые лучше других успевали в учебе, оказались и самыми искусными лгунями.

Однако и лучшие из лучших не были совершенны, потому в ходе экспериментов ученым удалось собрать сведения о ключевых отличиях между телодвижениями, сопутствующими правдивым рассказам и лжи:

1. Когда девушки лгали, они подавали простые жесты не так активно, как когда говорили правду. Они существенно реже воспроизводили жесты, которыми обычно подчеркивали сказанное, чтобы убедить собеседника в чем-либо или акцентировать его внимание на важной детали. Дело в том, что движения рук, служащие «иллюстрациями» нашим словам, как правило, не являются осознанными. Мы знаем, что «машем руками», когда говорим о чем-то возбужденно, но понятия не имеем о том, как двигаются при этом наши руки. Иными словами, мы осознаем, что делаем руками нечто, но что именно мы ими делаем — мы не осознаем. Поэтому мы подозреваем, что движения рук могут нас выдать. Понимая на уровне подсознания, что руки способны свести правдоподобие нашей лжи на нет, а мы это даже не заметим, мы стараемся двигать руками поменьше. Сделать это совсем непросто. Мы можем убрать руки из поля зрения собеседника, сесть на них, засунуть их поглубже в карманы (где непоседливые руки могут найти пару монет и позвякивать ими) или, если говорить о менее радикальных мерах, сцепить руки и позволить им «сторожить» одна другую. Опытного наблюдателя все эти манипуляции не обманут — он знает, что если движения рук намеренно сковываются, значит, что-то здесь нечисто.

2. Когда девушки лгали, они чаще допускали Аутоконтakтное Поведение в форме прикосновений рук к лицу. Во время беседы мы все иногда прикасаемся руками к лицу, но в моменты, когда мы лжем, число этих прикосновений резко возрастает. В этом контексте одни формы прикосновений рук к голове распространены более, другие — менее. Как именно при этом движется рука — зависит от того, с какой частью головы она соприкасается. При намеренном обмане чаще всего мы видим поглаживание подбородка, прикосновение к губам, прикрывание рта, прикосновение к носу, потирание щеки,

почесывание брови, потягивание мочки уха и приглаживание волос.

Когда мы лжем, мы совершаем все эти движения куда чаще, чем обычно. Особого внимания заслуживают две формы Аутоконтантного Поведения — прикосновение к носу и прикрывание рта.

Понять значение прикрытого рта нетрудно. С уст говорящего срываются лживые слова, и часть его мозга, ощущающая себя неудобно, посылает руке приказ «замаскировать рот». Лжец неосознанно поднимает руку, будто хочет заткнуть самому себе рот, но не может этого сделать, потому что должен лгать дальше. Другая часть его мозга решает, что «замаскировать рот» — это плохая идея. В результате мы видим прерванный на середине жест, рука поднимается и прикрывает рот, но не более того. У этого жеста есть различные формы, например, пальцы замирают у самых губ и словно обмахивают их, указательный палец касается верхней губы, кисть останавливается у кромки губ.

Необходимо добавить, что когда мы наблюдаем частичное прикрывание рта, оно само по себе не означает, что собеседник лжет. Скорее этот знак говорит нам о том, что собеседник в данный момент лжет с большей вероятностью, чем когда его рука не поднимается, чтобы прикрыть рот.

У данного знака есть очевидный недостаток — он слишком прозрачен. Когда его подает не искушенный в искусстве лжи ребенок, он может услышать в ответ фразу вроде: «Что ты там мямлишь? А ну убери руку от рта! Ты что-то скрываешь, да?» Более замысловатое и не прямое прикрывание рта, практикуемое взрослыми, не провоцирует собеседника на подобную реакцию, но это, тем не менее, слишком откровенный знак. Менее откровенным он становится по мере увеличения расстояния от руки до рта, что приводит нас к другому важному аутоконтантному знаку — прикосновение к носу.

Многие наблюдатели подмечали, что прикосновения к носу и обман почти всегда идут, образно выражаясь, рука об руку — и на первый взгляд не совсем понятно, почему. Можно предложить два ответа на этот вопрос. Рука, цель которой — прекратить льющийся изо рта поток лживых слов, должна отклониться в сторону, а нос — очень удобное «пристанище», расположенное неподалеку. Конечно, рука могла бы отклониться к подбородку или щеке, но подбородок слишком близок ко рту, а щека — слишком в стороне от него. Что касается носа, он выдается вперед и расположен прямо над верхней губой, его положение идеально, ибо рука должна преодолеть всего несколько сантиметров и при этом продолжает прикрывать область рта, нацелясь якобы на нос.

Будучи закамуфлированным прикрыванием рта, прикосновение к носу сделалось самым распространенным из всех «лживых» знаков, и тому есть веские причины. Когда мы прибегаем к преднамеренной лжи, даже наиболее опытные обманщики ощущают пусть малое, но напряжение. Состояние их психики несколько меняется, что влияет и на кровообращение. Обманщика охватывает страх быть пойманным на лжи, из-за чего кровь отливает от его лица, однако желание солгать правдоподобно вскоре побеждает, обманщик продолжает говорить неправду, наглет, кровь снова приливает к его лицу. Молодые лжецы могут в результате покраснеть, однако опытным взрослым лжецам удается скрыть и эту реакцию организма. Только одно им не удается — предотвратить избыточный прилив крови к глубинным слоям кожи носа. При этом нос не пунцовеет, и лжец, как правило, не отдает себе отчет в том, что это произошло. Он считает, что контролирует ситуацию и лжет правдоподобно. Он ошибается. Распухшие назальные ткани чуть увеличивают нос в размерах, тот становится более чувствительным, и эта чувствительность, пусть ее

невозможно заметить со стороны, наполняет лжеца непреодолимым желанием поднять руку и почесать, потереть, погладить нос или просто подержаться за него.

Эту реакцию можно назвать «реакцией Пиноккио» — в классической детской сказке о кукольнике и его деревянной кукле нос у этой куклы отрастал всякий раз, когда Пиноккио лгал. Литература в данном случае лишь приукрашивает научный факт.

На практике раздражение носа почти невозможно ощутить, и лжец, скорее всего, не отдает себе отчет в том, что с его носом происходит что-то неладное, однако именно физиология дает второй ответ на вопрос, почему рука в такие моменты устремляется к носу. При этом рука не обязательно коснется носа, однако именно в его сторону она отклонится, когда мозг лжеца не позволит ей прикрыть рот, дав сигнал «отбой».

В чрезвычайных ситуациях прикосновение к носу может быть поразительно экспрессивным. Когда президент США Билл Клинтон давал показания Большому жюри и отвечал на вопросы об отношениях с Моникой Левински, он дотронулся до носа двадцать шесть раз.

3. Когда девушки лгали, они значительно чаще совершали движения туловищем. Если ребёнок ерзает на стуле, значит, ему не терпится побежать играть, и любой родитель моментально понимает, что ребёнок испытывает дискомфорт. Тела взрослых людей более скованны и сигнализируют о дискомфорте менее экспрессивно (опять же потому, что эти сигналы слишком ясны). Анализ видеозаписей показал, что когда девушки говорили неправду, они совершали малозаметные рудиментарные движения туловищем чаще, чем когда были искренни. Они не ерзали на месте, скорее их торсы чуть меняли положение, когда девушки усаживались поудобнее.

Эти почти незаметные движения фактически говорят. «Я хотел бы оказаться в другом месте». Тело словно пытается сбежать, но эта попытка тут же встречает сопротивление.

4. Когда девушки лгали, они чаще, чем обычно, совершали одно особенное телодвижение — разводили руками. При этом прочие знаки подавались куда реже обычного. Руки лжеца словно освобождают его от ответственности за слова, которые он произносит.

5. Когда девушки лгали и когда они говорили правду, выражения их лиц почти ничем не отличались. Почти, но не совсем: даже если девушка очень хорошо владела собой, ее выдавали малозаметные мимические движения. При этом выражение лица менялось так быстро, что неподготовленные наблюдатели были не в состоянии определить, что что-то не так. Лишь после особой подготовки, включая просмотр видеозаписей на замедленной скорости, они обрели способность распознавать эти мимические движения и на видеозаписях, прокручиваемых с нормальной скоростью, и во время собеседований. Подготовленный специалист может понять, что человек лжет, даже по его лицу.

Мимические движения совершаются потому, что лицо чрезвычайно быстро реагирует на любые изменения внутреннего состояния. Когда настрой человека резко меняется, в первую очередь это отражается на лице: проходит меньше секунды, и лицевые мышцы сокращаются. Потом мозг посылает лицу сигнал «прекратить!», однако чаще всего этот сигнал запаздывает, и мышцы уже успевают отреагировать на изменения настроения. В результате выражение лица начинает меняться, но уже через долю секунды подчиняется приказу мозга и возвращается в исходное состояние. На какой-то миг лицо словно искажается. Сокращение лицевых мышц подавляется столь стремительно, что большинство людей ничего не замечает, но если внимательно наблюдать за лицом лжеца, моментальное искажение лица можно заметить — и это один из самых значительных признаков того, что человек говорит неправду.

Данный эксперимент подвергся впоследствии серьезной критике. Американские ученые провели лабораторное исследование, которое, если учесть все ограничения, дало любопытные результаты. Мы узнали, что именно происходит, когда люди лгут, и как реакции тела выдадут лжецов, несмотря на все попытки вести себя «естественно». Исследование позволило выявить малозаметные телодвижения, свидетельствующие о том, что человек говорит неправду. Однако, поскольку других целей у эксперимента не было, исследование не позволяет сказать, что данные телодвижения наблюдаются тогда и только тогда, когда человек лжет. Оно доказывает, что лжец чаще прикасается руками к лицу и реже жестикулирует, но не может ответить на вопрос, бывают ли ситуации, в которых люди не лгут и при этом ведут себя так же. Иными словами: если человек ведет себя указанным образом, всегда ли это означает, что он лжет?

Другие эксперименты заставляют нас ответить на этот вопрос отрицательно. Рассмотрим пример: два человека разговаривают, и один из них внезапно оскорбляет другого. Оскорбленный человек никак не предвидел этот выпад и потому затрудняется с ответом. Несколько минут он сидит, не реагируя на поток оскорблений. В конце концов, отвечает — бесстрастно и хладнокровно. Когда прозвучало самое первое оскорбление, тот, кого оскорбили, внутренне напрягается, поднимает руку и дотрагивается пальцем до крыла носа. Как мы уже знаем, прикосновение к носу совершается в тот момент, когда некто лжет. Но в данном случае человек не лжет, он попросту молчит. До того как он отвечает на оскорбления, он отнимает руку от лица и вновь возвращается в уравновешенное, спокойное состояние.

Другой пример: один человек берет у другого интервью. Интервьюер задает легкие вопросы и получает прямолинейные ответы. В какой-то момент он задает сложный вопрос, над которым надо поразмыслить. Когда интервьюируемый начинает отвечать и запинается, его рука резко поднимается, и он дотрагивается пальцем до носа. Это не значит, что он вот-вот солжет. Заданный вопрос не из тех, что требует лживого ответа, просто он настолько сложный, что ответ следует тщательно продумать.

В обоих случаях люди не собираются лгать, и тем не менее мы наблюдаем прикосновение к носу — как и в случае, когда кто-то говорит неправду. Что у этих трех ситуаций общего? Во всех них возникает момент внутреннего напряжения. Оскорбленный человек не произносит ни слова, однако его сознание содрогается, ибо оно подверглось непредвиденной атаке. Разум человека кипит, пусть внешне он и остается спокойным. Его внутреннее поведение (мыслительный процесс) и внешнее поведение (бездеятельность) не согласуются друг с другом. Точно так же рассогласованы мысли и действия человека, которому внезапно задали сложный вопрос. Человек пытается отвечать бесстрастно и без запинок, в то время как его мозг яростно сражается с непростой проблемой. Опять же, мысли человека не соотносятся с его внешним поведением.

Если сравнить эти два случая с ситуацией, в которой человек лжет, окажется, что у них есть много общего. Суть преднамеренного обмана заключается как раз в том, что слова, которые произносит лжец, никак не отражают работу его сознания. Мы говорим одно, а думаем другое. Поэтому сказать, что прикосновение к носу есть признак лжи, — значит упростить дело. Следует признать другое: прикосновение к носу и другие подобные действия сообщают о том, что существует разрыв между мыслями человека и его действиями. Трактовать данное состояние как «обман» можно лишь в самом общем смысле, ибо человек, пребывающий в этом состоянии, совершенно не обязательно лжет. Когда мы стараемся

выглядеть спокойными, а внутри дрожим от ярости или судорожно ищем ответ на сложный вопрос, мы в каком-то смысле обманываем окружающих, но при этом нельзя утверждать, что мы говорим неправду. Иными словами, неискренность далеко не всегда означает прямую ложь. Таким образом, ставя эксперимент с целью распознать ложь, мы рискуем упустить ответ на вопрос, чему именно соответствуют упомянутые выше признаки.

Итак, Невербальная Утечка Информации на деле сопутствует не лжи как таковой, а базовому конфликту между внутренним и внешним поведением в острой форме, при котором в момент стресса мысль и действие не сообразуются друг с другом. Это значит, что мы не можем быть уверены в том, что прикасающийся к носу человек лжет, однако мы можем точно сказать, что в сознании этого человека идет некий процесс, мешающий ему высказаться, преобразовать мысли в слова. Может быть, он и не говорит неправду в строгом смысле слова, но что-то он от нас все-таки скрывает, о чем и сигнализирует прикосновение к носу.

За последние годы новые исследования языка телодвижений лжецов добавили к списку уже упомянутых признаков вранья еще несколько. Среди прочего было сделано крайне любопытное открытие: о многом говорит направление взгляда. Ученые давно установили, что в ходе эволюции функции полушарий человеческого мозга разделились. Левое полушарие уподобилось компьютеру и отвечает за рациональное, логическое, аналитическое, лингвистическое мышление, а правое полушарие отвечает за интуицию, пространственное мышление и творчество. Отсюда следует, что, когда мы говорим правду, более активно работает левое полушарие, поскольку, отвечая честно, мы выдаем «хранящиеся» там факты и цифры. Когда мы лжем, более активно правое полушарие — мы используем свои творческие способности, чтобы придумать правдоподобный, но лживый ответ.

Специализация полушарий влияет на направление взгляда человека, который, отвечая на вопросы, говорит правду либо лжет. Поскольку правое полушарие контролирует ту часть поля зрения, что расположена слева, и наоборот, люди, как правило, смотрят направо, когда излагают одни только факты, и налево, когда фантазируют и придумывают ответы. Если мы стоим лицом к лицу с собеседником, взгляд, брошенный направо (от нас), будет признаком того, что наш собеседник лжет.

К сожалению, данный признак не является абсолютным. Ряд людей вырабатывают привычку смотреть все время в одном направлении независимо от того, говорят они правду или лгут, думают больше правым или левым полушарием. Кроме того, для части левшей все то, что для большинства людей «правое», является «левым», и наоборот. Наконец, функции полушарий разделены лишь частично. Потому к распознаванию лжи по направлению взгляда следует подходить осторожно.

Считается, что для того, чтобы использовать направление взгляда как индикатор нечестности, следует предварительно «протестировать» индивида и лишь затем делать какие-либо выводы. Во время беседы достаточно задать пару простых, не требующих напряженного размышления вопросов, на которые индивид ответит гарантированно честно, и проследить за тем, куда он при этом будет смотреть. Затем следует задать вопрос с подвохом, и если индивид посмотрит в другую сторону, значит, в данном случае по направлению взгляда можно определить, лгут нам или нет.

Еще один связанный с глазами признак обмана — неестественно длительный взгляд «глаза в глаза». Лжец знает, что у тех, кто говорит неправду, глаза бегают, и, пытается

доказать, что он не таков, все время глядя собеседнику прямо в глаза. Кроме того, лжецы часто осведомлены о том, что их может выдать ерзанье, потому они стараются сидеть неподвижно и выглядят необычно спокойными. Избегая выказывать самые очевидные признаки обмана, лжец может запросто перегнуть палку. Эта ошибка может выдать его с головой.

Наконец, капельки пота. Потение (в условиях, когда температура не слишком высока) сигнализирует не о лживом ответе, а о внутреннем дискомфорте. Если человек все время говорит правду и переходит ко лжи внезапно, столкнувшись с неожиданным коварным вопросом, вряд ли можно ожидать, что он моментально вспотеет. Если, однако, человека спрашивают долго и обстоятельно, задавая один каверзный вопрос за другим, он рано или поздно начинает испытывать стресс, на что его организм автоматически реагирует чрезмерным потением. Но и этот очевиднейший признак внутреннего дискомфорта не дает гарантии, что перед нами — лгун. Когда человека в чем-то обвиняют, а он на самом деле невиновен, мысль о том, что ему все равно не поверят, заставляет его испытать такой стресс, что он начинает обильно потеть. Забавно, что в аналогичной ситуации опытный лжец умеет сохранить спокойствие.

В дополнение к визуальным признакам есть еще несколько невербальных, которые могут быть полезны при распознавании лжи. К их числу относятся явственное замедление речи, длинные паузы перед ответами на вопросы, а также необычно частые запинки. Неловкие паузы в разговоре при этом «заполняются» быстрее.

Во всех этих случаях важны не собственно слова, а хронометраж речи. Каждый взрослый индивид вырабатывает типичный для него стиль «подачи слов». Одни бормочут, другие растягивают звуки, третьи взвешивают каждое слово, четвертые говорят плавно, пятые заикаются и запинаются. Если понять, какой стиль характерен для данного индивида, можно распознать отклонения в скорости или ритме его речи, сигнализирующие о том, что с человеком что-то неладно.

Признаки лжи присутствуют и в тональности речи. Более высокий тон часто сопутствует обману, как и повышение голоса в конце реплик. Среди других индикаторов лжи — необычно сбивчивое изложение мыслей и избыток очень коротких предложений.

Суммируя все приведенные выше примеры Невербальной Утечки Информации, как визуальные, так и вербальные, можно составить своего рода «Хартию Лжецов».

Вероятно, вам лгут, если ваш собеседник:

- 1) жестикулирует не столь интенсивно, как обычно,
- 2) и при этом часто разводит руками;
- 3) прикасается к своему лицу чаще обычного,
- 4) в частности, держит себя за нос, чешет его или прикасается к нему;
- 5) ерзает чаще, чем обычно,
- 6) или неестественно спокоен и неподвижен;
- 7) старается сохранять безэмоциональное выражение лица, при этом временами его лицо на секунду искажается;
- 8) смотрит в сторону, противоположную той, в которую смотрит, когда говорит правду;
- 9) когда говорит, его глаза бегают,
- 10) или, наоборот, все время обращены к вам;
- 11) он обильно потеет, хотя вокруг не жарко;
- 12) держит необычно длинную паузу перед тем, как начать отвечать;

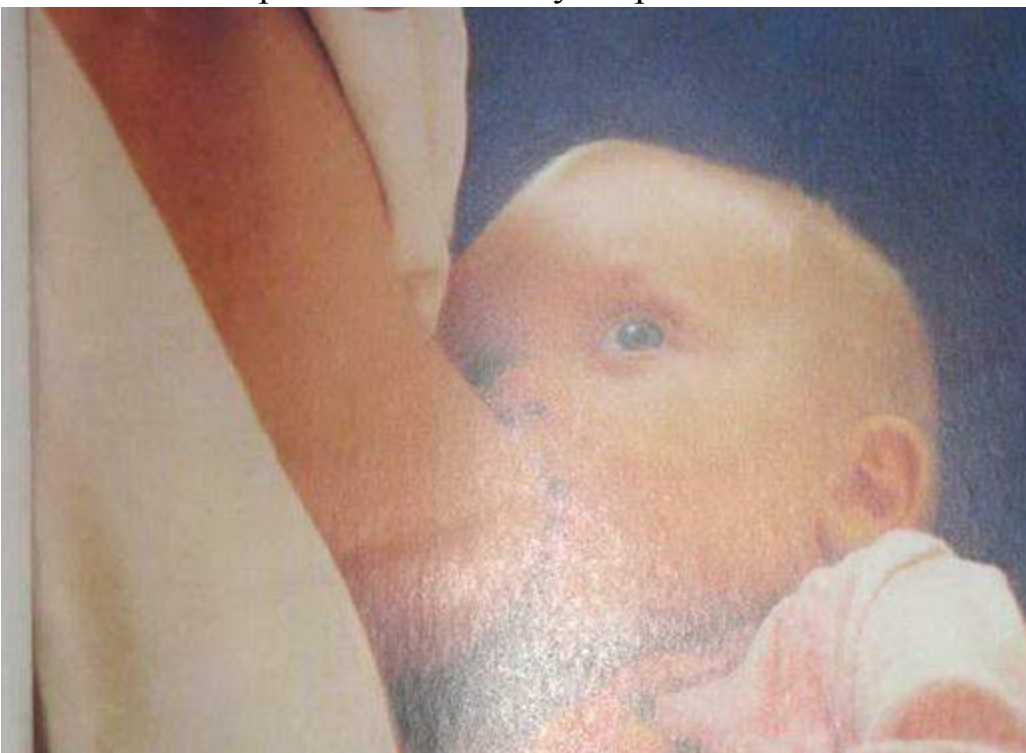
- 13) отвечая на вопрос, запинаясь чаще обычного;
- 14) говорит медленнее, чем обычно;
- 15) говорит сбивчиво, то повышая, то понижая голос;
- 16) старается избегать молчания и заполняет неловкие паузы словами с большим, чем обычно, рвением;
- 17) говорит более высоким голосом;
- 18) повышает голос в конце реплик;
- 19) говорит короткими предложениями;
- 20) подаёт противоречивые сигналы (см. следующую главу).

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ СИГНАЛЫ

Когда мы подаем два несочетаемых сигнала одновременно

Если мы неискренни, наше поведение часто фрагментируется. Оно распадается на отдельные части словно пазл который собрали и затем вновь разобрали. Наши действия вместо того, чтобы составлять гармоничный ансамбль, перестают сочетаться и рассогласовываются в итоге настолько, что внешний наблюдатель не может отделаться от мысли, что с нами что-то не так. Возьмем утрированный пример: человек дружелюбно улыбается, в то же время кулаки его крепко сжаты. Его лицо говорит: «Я счастлив», — а руки сигнализируют: «Я раздражен». Как нам реагировать на столь противоречивые сигналы? Который из них верен? Может быть, верны оба? Может быть, не верен ни один?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, следует провести четкую границу между Двусмысленными Сигналами и Противоречивыми Сигналами. В обоих случаях мы имеем дело с несочетаемыми элементами, однако в случае Двусмысленного Сигнала несочетаемость есть следствие смешанных чувств. Представим себе, что хулиган оскорбляет женщину, а рядом стоит ее муж. Он одновременно и боится хулигана, и зол на него. Страх заставляет мужа сделать шаг назад и занять оборонительную позицию, злость — немедленно атаковать. Его тело подчиняется обоим сигналам одновременно, в результате он принимает двусмысленную угрожающую позу. Двусмысленный Сигнал состоит из смеси движений, отражающих намерение атаковать и намерение отступить. Муж отходит от хулигана, в то же время на лице у него появляется злое выражение и он поднимает руки, словно намереваясь ударить обидчика. В этот момент хулиган, «прочитав» оба набора сигналов, должен решить, как действовать дальше. И тот, и другой набор сигналов кажется ему истинным, и он должен определить, который из них сильнее. Может ли он рискнуть и оскорбить мужчину — или же за этим новым оскорблением последует яростная атака?

1. Врождённые Действия. Младенец сосет материнскую грудь благодаря врожденному

рефлексу. Человеческому ребенку, как и детенышам других млекопитающих, не нужно учиться, чтобы правильно реагировать на грудь матери

В подобных ситуациях обе несочетаемые части Двусмысленного Сигнала воспринимаются как истинные, вызывая соответствующую реакцию. Но что мы скажем о мужчине, который одновременно улыбается и крепко сжимает кулаки? Может ли он быть счастлив и зол в одно и то же время, или же один сигнал здесь — истинный, а другой — ложный? Есть вероятность, что мужчина на самом деле очень зол, но пытается скрыть этот факт, растянув рот в фальшивой улыбке. Таким образом, это уже не Двусмысленный Сигнал, в основе которого лежат смешанные чувства, а Противоречивый Сигнал, основывающийся на одном чувстве, которое человек пытается закамуфлировать обманными телодвижениями.

Возможно, конечно, и противоположное доказательство: улыбающийся человек, крепко сжимающий кулаки, на самом деле дружелюбен, но по какой-то причине притворяется настроенным враждебно, иными словами, улыбка отражает его истинные чувства, а кулаки — это камуфляж. Для того чтобы понять, какое доказательство верно, нам нужно вернуться к признакам Невербальной Утечки Информации. Несочетаемые элементы Противоречивого Сигнала следует разделить на две группы: легко имитируемые и трудно имитируемые. Чем более сознательно человек имитирует то или иное телодвижение, тем больше вероятность, что это телодвижение — не более чем камуфляж. Действия, которые мы совершаем неосознанно, как правило, искренни и отражают чувства, владеющие нами на самом деле.

Учитывая вышесказанное, мы можем построить Шкалу Достоверности для различных типов действий. Начнем с наиболее достоверных и закончим наименее достоверными. Получится следующий перечень: (1) автономные сигналы; (2) сигналы, подаваемые ногами; (3) сигналы, подаваемые туловищем; (4) неосознаваемая жестикуляция; (5) осознаваемые жесты; (6) выражения лица; (7) речь.

Конечно, это более чем упрощенная шкала, но, пока мы не слишком углубились в тему, она сослужит нам хорошую службу. Если вы видите Противоречивый Сигнал, составленный из элементов (например) (1), (3), (6) и (7), разумно будет поверить сигналам (1) и (3) и проигнорировать сигналы (6) и (7). Семь категорий действий можно коротко описать следующим образом:

1. Автономные сигналы. Их можно считать истинными почти всегда, поскольку даже если мы сознаем, что подаем эти сигналы, контролировать их почти невозможно. Например, мы не в состоянии вспотеть или побледнеть, даже если очень этого захотим. Только великие актрисы способны плакать по приказу режиссера, но и они при этом внушают себе, что их на самом деле охватила грусть. Следует помнить, однако, что и некоторые сигналы этой категории могут быть «подделаны». Например, не составляет большого труда имитировать затрудненное дыхание, сопутствующее автономным расстройствам. Все мы можем сделать вид, что тяжело дышим, хрипим и задыхаемся. Впрочем, подобная имитация, как правило, не является частью обычного «обманного» репертуара. Для того чтобы достоверно изображать затрудненное дыхание, не забывая при этом о других обманных телодвижениях, необходима высокая степень сосредоточения. Потому и сигналам, связанным с дыханием, на деле вполне можно верить.

В ситуациях, когда нам нужно отличить истинные элементы Противоречивого Сигнала от ложных, автономные сигналы, отражающие психические процессы, которыми мы не в состоянии управлять на сознательном уровне, особенно значимы, однако, к сожалению, обычно эти сигналы можно наблюдать лишь в ситуациях, связанных с бурным проявлением

эмоций. Менее эмоциональным ситуациям сопутствуют другие телодвижения.

2. Сигналы, подаваемые ногами. На вечеринке или в гостях, когда мы сидим и разговариваем с кем-либо, именно нижние части нашего тела в наибольшей степени избегают контроля сознания. Главным образом это происходит потому, что наше внимание сконцентрировано на лице собеседника. Даже когда нашему взгляду открыто все тело человека, мы предпочитаем рассматривать его голову. Чем дальше часть тела от лица, тем менее значимой она нам кажется. Дальше всего от головы собеседника расположены его ступни, потому сознательно контролировать их движения он склонен менее всего. Отсюда следует, что движения ног человека могут многое рассказать о его истинных чувствах.

Вот очевидный пример того, как по движениям ног можно определить настрой собеседника: представьте себе человека, который слушает вас внимательно, явно очарован вашими словами, улыбается и кивает в нужных местах, а ступней отбивает при этом некий ритм, отрывая ее от пола и вновь на него опуская. Один знаменитый американский телеведущий имел обыкновение притопывать ногой во время эфира, и его коллеги в шутку говорили, что ему следует написать на подошве ботинка слова «НА ПОМОЩЬ». Тогда всякий раз, когда телеведущий начинал нервно отбивать ступней ритм, зрители видели бы мелькающий вопль отчаяния, резко контрастирующий с его выдержанной, излучавшей спокойствие позой. Но слов «НА ПОМОЩЬ» на подошве, конечно, не было, и большинство зрителей, обращавших внимание лишь на торс телеведущего, так и не узнали, что во время некоторых интервью он чувствовал себя настолько некомфортно, что хотел сбежать из студии.

Среди движений ног, выдающих истинные чувства, особое место занимают малозаметные агрессивные подергивания ноги: человек словно пинает воздух, в то время как верхняя часть его тела двигается очень дружелюбно. «Враждебным ногам» в этом случае можно доверять больше, чем «дружелюбному торсу», к которому следует отнестись с подозрением. Нужно упомянуть и о напряженном скрещивании ног, которое плохо сочетается со спокойным выражением лица. Бывает, что люди то и дело топчутся на месте и елозят ступнями по полу; эти движения ног сигнализируют о намерении сбежать, при этом люди всем своим видом дают понять, что счастливы стоять рядом с вами. Есть, наконец, эротические движения ногами, не сочетающиеся с чопорной подтянутостью верхней части тела. В числе эротических сигналов такого рода — раскидывание ног в стороны и аутоконтактные движения: ногу гладит и ласкает другая нога или рука. Когда эти сигналы подаются женщиной, движения торса которой абсолютно неэротичны или даже антиэротичны, она, вероятно, ощущает себя сексуально раскованной в большей степени, чем готова признать.

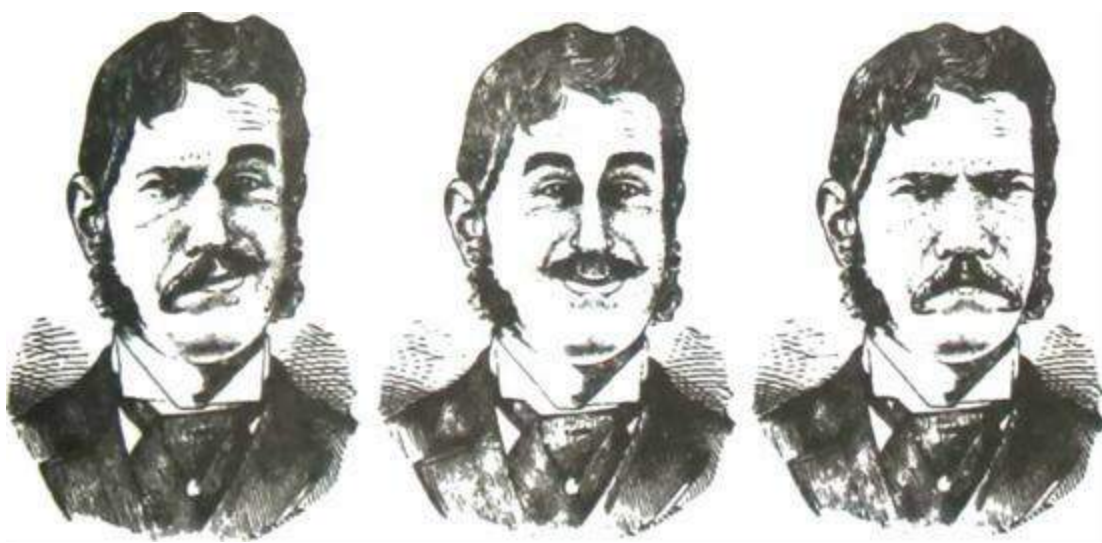
3. Сигналы, подаваемые туловищем. Когда человек находится в неформальной ситуации, по его осанке можно многое сказать о его внутреннем настроении, поскольку та отражает общий мышечный тонус организма. Возбужденному человеку сложно сгорбиться или ссутулиться «по своему хотению», как бы он ни пытался. Точно так же скучающий человек почти не способен держать спину прямой. Особенно полезно понаблюдать за тем, как молодой скучающий работник слушает старшего коллегу, речи которого как раз и навевают скуку. Молодой коллега может кивать, хмуриться, улыбаться, поддакивать и даже живо подаваться вперед, изображая должное внимание, однако сигналы, подаваемые туловищем, выведут его на чистую воду. Он не может позволить себе ссутулиться или сгорбиться полностью, поскольку эти позы сообщают старшему коллеге, что ему скучно, и в то же время он способен

управлять собственным телом в достаточной степени для того, чтобы держаться более-менее прямо. При этом, однако, его контроль над телом постепенно слабеет, и туловище почти незаметно для глаза горбится, выдавая неодолимую скуку. Разумеется, молодой коллега вскоре замечает, что начинает терять контроль над осанкой, и резко распрямляется. Он может проделать этот трюк достаточно умело: его туловище «подтягивается» именно тогда, когда он выражает согласие энергичным кивком, объединяя, таким образом, два телодвижения в одно — утвердительное. Если при этом выступающий поглощен своей речью, его скучающему собеседнику такое поведение вполне может сойти с рук. Если, однако, туловище распрямляется слишком резко, старший коллега может внезапно ощутить беспокойство, не сознавая толком, что же его обеспокоило, и пробормочет что-то вроде: «Но я, кажется, совсем вас заболтал...» — на что молодой коллега немедленно ответит, что это не так, и моментально восстановит контроль над телом, чтобы, вновь приосанившись, не выглядеть скучающим и невнимательным.

4. Неосознаваемая жестикация. Движения рук мы контролируем чуть лучше, чем движения ног и туловища, может быть, потому, что руки мы видим почти всегда. Активно жестикулируя во время разговора, мы не можем не замечать собственных жестов. При этом, однако, мы не концентрируемся на руках, видим их «краем глаза» и не слишком их контролируем. Многие движения рук представляют собой неопределенные, полуосмысленные взмахи, для которых даже не придуманы названия. Именно эти движения являются наиболее неконтролируемыми. Политик, яростно протыкающий пальцем воздух и рассуждающий при этом о необходимости мирного сосуществования, подает Противоречивый Знак, и правду при этом сообщают его руки, а не слова.

5. Осознаваемые жесты. Ряд жестов можно описать как завершенные движения рук, символизирующие то или иное настроение. Это осознаваемые жесты, они подаются намеренно. Таков, например, «знак победы», когда два пальца изображают букву «V» (от слова «victory»). Мы не обязательно планируем подать подобный знак заранее, однако в тот момент, когда наши руки двигаются, мы точно знаем, что именно хотим изобразить. Таким образом, осознаваемые жесты разительно отличаются от обычной жестикации, которую мы, как правило, почти не осознаем. По этой причине полагаться на такие жесты, когда они входят в состав Противоречивого Сигнала, не следует. Нет никакой гарантии, что эти жесты правдивы. На деле они столь же сомнительны, как и выражения лица, потому их следует игнорировать в пользу других сигналов, перечисленных выше. Когда проигравший политик показывает «знак победы», этот жест, возможно, свидетельствует о его негибком духе, но определенно не отражает внутреннее состояние политика в данный момент времени. О том, что политик чувствует на самом деле, нам расскажут другие сигналы, в частности, следует обратить внимание на его осанку.

6. Выражения лица. Мы слишком хорошо изучили разнообразные выражения лица и потому достаточно легко можем их менять. Когда подается Противоречивый Сигнал, от выражения лица пользы немного, однако забывать о нем совсем не следует.

Односторонняя противоречивая улыбка. Закройте одну половину лица листком бумаги — и вы увидите, что человек улыбается; закройте вторую — и вы увидите, что он хмурится. Его губы посылают два противоречащих друг другу сигнала в одно и то же время. Результат можно наблюдать на изображении слева, склеенном из половинок двух других изображений.

Жеманное выражение лица состоит из двух противоречащих сигналов: «застенчиво» наклоненная голова и смелый взгляд. Именно взгляд отличает жеманность от простой застенчивости, которой сопутствует «потупленный взор».

Выражения лица бывают двух типов. Во-первых, это осознаваемые выражения, так сказать, «готовые маски», которые мы можем надеть при первом желании. В их число входят улыбка, смех, обида, недовольство. У этих выражений есть свои названия, и мы оперируем ими с необычайной легкостью. Мы говорим: «Улыбнись ему», или: «Я боюсь, что стану смеяться», подтверждая тем самым, что мы осознаем эти мимические элементы как фиксированные, «готовые к употреблению» и готовы моментально сменить одно выражение лица на другое не потому, что изменилось наше настроение, но ввиду сознательного расчета. Во-вторых, есть неосознаваемые выражения лица, и вот их подделать куда сложнее. В эту категорию попадают такие мимические элементы, как легкий прищур, еле заметно наморщенный лоб, неуловимое растяжение губ или моментальное напряжение челюстных мышц. Система мышц лица достаточно сложна, каждая из них может слегка напрячься или расслабиться, сократиться и растянуться, отражая тем самым изменение внутреннего

состояния человека без того, чтобы он ощутил, что его выражение лица изменилось. Когда он широко улыбается или сильно хмурится, эта маска, скорее всего, наложится на сокращения небольших мышц, тем не менее, эти сокращения хоть на секунду, но будут заметны.

Если, например, наш собеседник фальшиво улыбается, а на самом деле ему очень грустно и тоскливо, его улыбка, скорее всего, выйдет слегка искаженной, и исказят ее малозаметные, неосознаваемые сокращения мышц лица. Подобные искажения бывают трех видов. Чаще всего встречается улыбка, при которой уголки рта опущены вниз. По какой-то причине человеку, который растягивает рот в улыбке, пребывая в тоске или депрессии, очень сложно заставить уголки рта подняться. Лицо такого человека может оставлять впечатление счастливого, вокруг его глаз появляются морщинки — а уголки рта почему-то отказываются подчиниться и занять подобающее положение, внося в выражение лица ощутимый диссонанс. Судя по лицу, человек сияет от радости, но один-единственный мимический элемент выдает его истинные чувства.

Вторая категория — улыбка, при которой остальное лицо «не улыбается». Ей не сопутствуют «счастливые» морщинки вокруг глаз, хотя губы при этом растянуты широко. Реже можно наблюдать полуулыбку, когда половина губ подчиняется приказу «фальшиво улыбнуться», а вторая половина отказывается подчиниться. В таких случаях про человека говорят, что он «криво улыбнулся».

Подводя итог, скажем, что когда бы мы ни наблюдали Противоречивый Сигнал, состоящий из двух несочетаемых элементов, каждый из которых может быть истинным, обманный элемент можно вычислить, сверясь со Шкалой Достоверности. Тут можно вывести три общих принципа. Телодвижение отражает истинные чувства тем вероятнее, (1) чем дальше от головы расположена двигающаяся часть тела; (2) чем меньше человек осознает это телодвижение. Третий принцип гласит, что телодвижение истинно, если его невозможно идентифицировать и назвать и оно не воспринимается как обособленное.

Если об этом помнить, распознать истинное значение большей части Противоречивых Сигналов сравнительно легко. Когда мы видим смеющееся лицо, а человек при этом вытянулся в струнку, мы будем доверять телу, а не лицу. Когда на лице человека написан гнев, а руки протянуты к нам в жесте просителя милостыни, мы будем доверять рукам. Даже если оба противоречащих сигнала исходят из одной области тела, мы можем отличить истинный сигнал от ложного. Например, если человек скромно наклонил голову, но смотрит при этом прямо и в глазах его читается смелость, мы должны доверять глазам. Мы знаем, что «низко наклоненная голова» — это знак, «готовый к употреблению», а значит, при необходимости воспроизвести его очень легко. Этот последний случай — отличный пример того, как Противоречивые Сигналы могут давить на наблюдателя. Если собеседник наклоняет голову и опускает глаза, его реакция говорит нам о том, что он на самом деле стесняется, и диссонанса мы не ощущаем. То же можно сказать о человеке, который смотрит прямо, держа голову поднятой. Но когда мы видим наклоненную голову и прямой взгляд, на нас начинает давить диссонанс. Мы чувствуем, что что-то тут не то. Для такого поведения придуманы осуждающие слова — «жеманство» и «кокетство». «Прекрати жеманничать», — говорим мы в таких случаях, проводя тем самым лингвистическую границу между искренней (привлекательной) и ложной (непривлекательной) скромностью.

НЕДОСТАТОЧНЫЕ СИГНАЛЫ

Когда мы реагируем более вяло, чем следует

Недостаточный Сигнал — это сигнал, который подается менее интенсивно, чем следует. Про такой сигнал можно сказать, что в каком-то смысле он «недостаточен».

Типичный пример тут — моментальная улыбка. Это улыбка, которая внезапно и резко появляется на неподвижном лице и затем столь же внезапно исчезает. Обычная улыбка в сравнении с моментальной «набирает силу» чуть дольше и исчезает далеко не сразу. Бывает, что когда друзья встречаются на улице, они какое-то время продолжают улыбаться и после того, как разошлись. Моментальная улыбка появляется и исчезает со скоростью молнии, губы человека возвращаются в исходное положение, как только он решает, что на него никто не смотрит. Подобные улыбки держатся, как правило, не более секунды. С их помощью очень легко оскорбить собеседника — достаточно быстро «выключить» улыбку, не дожидаясь, пока собеседник отведет от тебя глаза.

Ещё один пример Недостаточного Сигнала — взгляд, который человек отводит на долю секунды быстрее, чем следует. Слишком быстро отведенный взгляд заставляет нас ощутить дискомфорт, и, если наш собеседник подает этот Недостаточный Сигнал достаточно часто, мы начинаем реагировать (как правило, неосознанно) так, словно он нас обманывает.

Недостаточные Сигналы появляются тогда, когда душевное состояние человека не совпадает с требованиями «социального этикета». Он пытается имитировать проявления чувств, которых не испытывает, но сыграть «как в жизни» не может. Он терпит неудачу, потому что — возвращаемся к моментальной улыбке — когда нам на самом деле хочется улыбнуться, мы не просчитываем и даже не осознаем связь между интенсивностью улыбки и интенсивностью чувства, ее вызвавшего. Мы отдаем себе отчет лишь в том, что эта связь есть: когда нам очень хорошо, мы улыбаемся широко, когда мы довольны чем-то умеренно, улыбка тоже выходит слабая. Проанализировать точное соотношение параметров улыбки и силы чувства мы не в состоянии.

Таким образом, поддельная улыбка, человек неизменно подает сигнал, который в каких-то деталях представляет собой всего лишь скверную копию с оригинала. Недостаточность этого сигнала может быть разной. Моментальная улыбка — лишь одна из форм «недостаточной» улыбки. Другая ее разновидность — застывшая улыбка, которая недостаточна по другим параметрам. В случае с моментальной улыбкой сила, с которой растягиваются губы, рассчитана правильно, в отличие от промежутка времени, в течение которого мы фальшиво улыбаемся. Застывшая улыбка получается, если, наоборот, улыбаться положенное время, но с недостаточной силой. Иными словами, предлагая собеседнику фальшивую или натянутую улыбку, человек не способен воспроизвести это действие как комплексный сигнал. Для того чтобы улыбка казалась искренней, все ее элементы должны быть соразмерны. Это значит, что человек должен растянуть губы, поднять уголки рта и согласовать с улыбкой работу других мышц лица, и все это — с соразмерной силой и на протяжении точно выверенного промежутка времени. Кроме того, улыбка должна появляться на лице и сходиться с него плавно и сообразно с натяжением губ. Описание процесса может показаться сложным, но и сам этот процесс относится к сложным. Удивительно не то, что

мы время от времени наблюдаем Недостаточный Сигнал, указывающий на фальшивое выражение лица, а то, что людям так часто удается довести неискреннюю улыбку до совершенства.

Упомянутая проблема особенно актуальна для актеров и актрис, и в наше время — даже больше, чем раньше, потому что с изобретением макросъемочных линз жизнь представителей актерской профессии во многом перевернулась. Театральные актеры всегда были вынуждены играть с перехлестом и реагировать преувеличенно. Когда герою полагалось улыбнуться героине или одарить злодея гневным взглядом, он должен был сделать это так, чтобы улыбку или хмурый взгляд увидела даже галерка, пусть героиня или злодей находились в пяти сантиметрах от него. Столкнувшись с необычной задачей превратить сигнал, рассчитанный на человека, стоящего поблизости, в сигнал, который можно заметить на расстоянии 20–30 метров, актер вынужден переигрывать. То же правило действовало с черно-белыми фильмами, но после появления макросъемочных линз актерам, которые снимаются в кино и на телевидении, пришлось забыть про «театральную манеру игры» и научиться точно воспроизводить жесты и выражения лиц. Прежде чем этот навык закрепился, сменилось целое поколение актеров: с актерами старой школы существовала опасность, что намеренное «недоигрывание» выльется в невнятное, ненасыщенное эмоциями представление. Сегодня в кинотеатрах можно наблюдать и ту и другую ошибку. Исполнители либо двигаются подчеркнуто резко, либо то и дело подаются Недостаточные Сигналы. В последнем случае они обычно правильно воспроизводят главные сигналы, но недоигрывают сигналы дополнительные. Например, их выражения лиц вполне убедительны, но руки при этом двигаются не так, как следует. Хорошие актеры часто обладают способностью проникаться требуемым настроением, вообразив себя в предлагаемых обстоятельствах, после чего и движения их рук и выражения их лиц становятся «естественными».

Перед теми из нас, кто никогда не снимался в кино, специфическая проблема естественного поведения на съемочной площадке не встает, тем не менее, каждый из нас сталкивался с ситуацией, когда, будучи приглашенными, например, в гости, мы вынуждены быть вежливыми и подавлять свои истинные чувства. Есть и классическая ситуация, которая на пару секунд дает нам почувствовать, какой непростой вызов принимает актер, находящийся перед кинокамерой. Речь о сеансе фотосъемки для семейной фотографии. Фотограф просит нас улыбнуться и затем начинает возиться с фотоаппаратом, наладивая фокус. Мы натягиваем на лица улыбки и держим их, куда можем. Как свидетельствует любой семейный фотоальбом, задача это весьма сложная. Хороший фотограф пошутит прежде, чем нажать на кнопку, и улыбки на его фотографии будут разительно отличаться от улыбок, которые можно видеть на обычном групповом портрете.

Как мы видим, Недостаточные Сигналы возникают главным образом потому, что мы не осознаем в деталях, как именно выглядят те или иные жесты или выражения лица, и не можем воспроизвести их достаточно точно, когда наше душевное состояние не совпадает с требуемым.

Тут действует еще один фактор — на нас давят наши чувства. Если, как это часто случается, человека одолевает настроение, противоположное тому, какое он пытается изобразить — скажем, печаль при попытке изобразить радость, — есть вероятность, что «счастливые» телодвижения вызовут у тела негативную реакцию, и интенсивность имитируемых действий в результате будет недостаточной по сравнению с ожидаемой.

Что касается «ожиданий», про ряд действий и телодвижений можно сказать, что мы представляем их себе в «идеальной форме». Другими словами, у нас имеется (верное) представление о том, какой должна быть настоящая улыбка. Его дает нам опыт общения. Если вернуться к примеру с улыбкой: наблюдение за слепорожденными индивидуумами показало, что улыбка — это врожденное действие, однако каждый, кто общался с незрячими людьми, знает, что улыбки слепых выглядят необычно — они словно не проработаны в деталях. Судя по всему, представление об «эскизе» улыбки мы получаем по наследству и затем совершенствуем этот мимический элемент при общении с другими людьми. Поскольку это подсознательный процесс, при попытке подделать улыбку мы терпим неудачу. Однако совершенствование улыбки в каждой культуре идет по-своему, сообразно с правилами поведения, принятыми в данной местности. Когда мы оказываемся за границей или общаемся с представителями других культур, отличить искреннюю улыбку от фальшивой — задача не из простых.

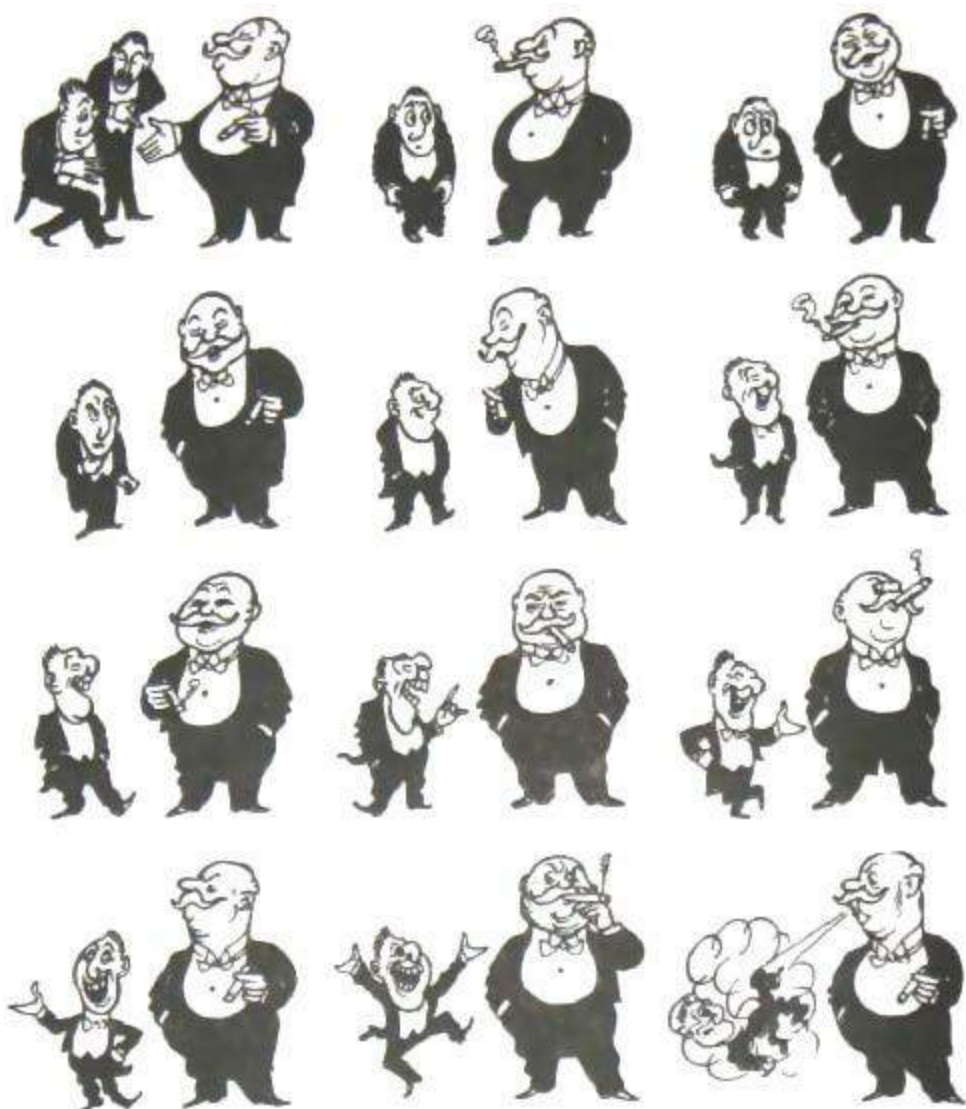
Правила поведения разнятся, в частности, тем, насколько в данной местности принято «глушить» то или иное телодвижение. В некоторых культурах считается нормальным улыбаться не в полную силу, даже если человек улыбается искренне. Встречаясь с представителем подобного «непроницаемого» общества, мы можем решить, что наблюдаем Недостаточный Сигнал, а значит, нас обманывают, в то время как на самом деле нам дарят очень искреннюю, но слегка «приглушенную» улыбку. Подобное восприятие чревато проблемами (помимо тех, что связаны с вербальными проявлениями) при общении с иностранцами. Особенно часто впросак попадают туристы, которые всю жизнь общались в основном с членами «своей» социальной группы и вдруг решили провести выходные за границей. Наблюдая за лицами этих людей в момент, когда они разговаривают с местными жителями, вы становитесь свидетелями любопытного явления. Понимая, что они лишились возможностей распознавать истинные чувства собеседников по нюансам телодвижений, наши туристы пытаются избежать опасности случайно подать Недостаточный Сигнал способом сколь грубым, столь и эффективным: преувеличивая всякий свой жест и мимический элемент. Они не только говорят громче и хохочут оглушительней, они также улыбаются шире, чем обычно, энергичнее кивают и интенсивнее подают любые дружественные знаки. У них нет времени на то, чтобы освоить местный невербальный «диалект», потому что интуитивно понимают, что наиболее безопасно вести себя именно таким образом. Однако преувеличенный визуальный сигнал может казаться столь же фальшивым, как и приглушенный. Самое время перейти от одной крайности, Недостаточных Сигналов, к другой — Сигналам Избыточным.

ИЗБЫТОЧНЫЕ СИГНАЛЫ

Когда мы реагируем слишком остро

Избыточный Сигнал можно наблюдать, когда человек совершает некое действие излишне энергично для данных обстоятельств.

Человек, который смеется слишком громко и слишком долго над анекдотом с длинной бородой, моментально попадает под подозрение. Мы интуитивно ощущаем, что на самом деле анекдот нисколько не развлек человека, однако он старается скрыть этот факт и потому реагирует преувеличенно. Или, может быть, мы чувствуем, что он думает о чем-то своем, пропустил анекдот мимо ушей и теперь смеется громче всех, чтобы никто об этом не догадался. Или, возможно, он поступает так, чтобы не подать вида, что не понял шутки. Мы не знаем, какая из этих версий верна, но уверены в одном: несообразная реакция человека означает, что он с нами неискренен.

В непривычной среде общения человеку может быть трудно соблюсти «золотую середину», которую от него ожидают. Его поведение может быть либо «недостаточным», либо «избыточным», как показано на карикатуре Бейтмена (1920 год).

Как и Недостаточные Сигналы, Избыточные Сигналы возникают потому, что человек не может имитировать требуемое действие с адекватной интенсивностью. Недостаточные Сигналы подаются по двум причинам: неспособность осознать все детали естественного действия и противодействие сигналу истинного душевного настроения. Первая причина относится и к Избыточным Сигналам, вторая — нет. «Преувеличивая» какое-либо действие, мы ясно демонстрируем неспособность воспроизвести искреннюю реакцию, но сигнал при этом вовсе не глушится. Напротив, мы сражаемся со своими чувствами слишком успешно. Мы словно говорим себе: «Я собираюсь притвориться, что я не грущу. Я буду смеяться. Поскольку я знаю, что грусть может прорваться и приглушить смех, я буду смеяться так громко и так долго, что ничем не выдам овладевшую мной тоску».

К сожалению, попытки уравновесить одно другим могут пойти слишком далеко, и окружающие заметят, что человек пытается что-то скрыть. Причина провала кроется в том, что слишком громко смеющийся человек не в состоянии «свести дебет с кредитом». Он (точнее, его подсознание) рассуждает примерно так: эта шутка стоит смеха мощности «3», а же ощущаю тоску мощности «4». Для того чтобы уравновесить мои чувства, я должен смеяться с мощностью «7», тогда неравенство обратится в равенство. В теории эти рассуждения кажутся верными, но на практике уравнивать различные чувства и действия чрезвычайно сложно, и тот, кто пытается это делать, зачастую переигрывает. Он терпит неудачу потому, что чувствует: плотина, которая помогает ему сдерживать истинные чувства, вот-вот рухнет, и необходимо пойти на отвлекающий маневр, чтобы никто ничего не заметил.

Шекспир имел в виду именно этот феномен, когда писал «Эта женщина слишком щедрa на уверения»^[2]. Можно привести несколько примеров того, как женщины подают Избыточные Сигналы эротического, а точнее, антиэротического характера. Наиболее типичный сигнал такого рода мы видим, когда сидящая на стуле женщина беспрестанно поправляет юбку, хотя нижний край той не задирается настолько, чтобы было необходимо то и дело его одергивать. Еще один пример: женщина скрещивает ноги или держит их вместе, прижимая одну к другой с такой силой, словно хочет расколоть зажатый между бедрами орех. В этих случаях, когда рядом с женщиной нет мужчины, который, встав на колени, пытается задрать ей юбку или же раздвинуть руками ее ноги, подобные сигналы являются избыточными. Такие действия можно поставить в один ряд с сигналами очевидно эротического характера, когда женщина раздвигает ноги и демонстрирует мужчине нижнее белье, поскольку они точно так же отражают озабоченность женщины сексуальной сферой. Конечно, будучи антиэротическими по своей природе, в качестве неэротических эти сигналы восприниматься не могут. (В частности, именно поэтому поведение фанатичных противников порнографии порождает сомнения и подозрения даже у людей, которые, в целом разделяя их взгляды, ведут себя адекватно и умеренно.)

Как и в случае с Недостаточными Сигналами, при встрече представителей различных культур есть опасность принять те или иные сигналы за Избыточные. Общаясь с индивидом, который оглушительно хохочет, то и дело хлопает всех по спине и жмет руку неподобающе долго, мы должны понимать, что избыточность этих сигналов может объясняться просто: в культурной среде, воспитавшей данного индивида, действуют иные (в сравнении с нашей культурной средой) правила поведения, и перечисленные действия там не «глушатся». Недоразумения тут возможны, но возникают они нечасто. Дело в том, что по малозаметным деталям мы вскоре начинаем понимать, сообразно ли поведение человека в целом. В

частности, если человек не подает Противоречивые Сигналы, мы оцениваем его действия как искренние. Но и в этом случае бывает непросто общаться с ним непринуждённо. Мы доверяем такому человеку, однако быстро подстраиваться под его сильные сигналы в спокойном социальном контексте нам по-прежнему сложно. После мы будем говорить, что этот человек «необуздан», в то время как он скажет своим друзьям, что мы чопорны, холодны и подавлены.

В спорах о различных типах культур оппоненты защищают и демонстративный, и замкнутый тип культурной среды. Представители демонстративных обществ обвиняют внешне спокойную культурную среду в том, что благодаря замедленной реакции и приглушённости сигналов её представители могут легко обманывать окружающих. Они почти не показывают своих чувств и, следовательно, могут легко их скрыть. Замкнутые культуры контратакуют: преувеличенно жестикулируя по мелочам, представители демонстративного общества запутывают собеседников, которые уже не могут разобрать, когда те серьёзны, а когда нет. Каждый, кто жил достаточно долго в той или другой культурной среде, знает, что оба взгляда ошибочны. Внутри всякой культуры существует отлично ранжированная шкала визуальных проявлений, от умеренных до интенсивных, и вопрос лишь в том, как настроиться на волну, соответствующую данной культуре. Настроившись на эту волну (а сделать это так же непросто, как выучить иностранный язык), мы сможем отличать искренность от фальши и распознавать Невербальную Утечку Информации, Противоречивые Сигналы, Недостаточные Сигналы и Избыточные Сигналы. Фундаментальные принципы, позволяющие выявить неискренность, одинаковы для всех культур без исключения, и неважно, насколько бешено или бедно жестикулируют ее представители.

СТАТУСНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Как мы сигнализируем о том, какое место занимаем в социальной иерархии

Статусное Поведение можно описать как демонстрацию уровня доминирования. В первобытных обществах доминирование достигается проявлением грубой силы. Самый сильный член общины получает кусок мяса первым, самый слабый — последним. В современном человеческом обществе физическую мощь заменили иные формы доминирования. Сила мышц уступила наследственной власти, манипулятивной власти и творческой власти. Силачей на вершине социальной пирамиды сменили Наследники, Руководители и Таланты. Сегодня высоким статусом обладают представители именно этих социальных групп, причём у каждой из них есть свой способ демонстрации доминирования. Они не показывают окружающим вздувшиеся мускулы: Наследники демонстрируют родословную, Руководители — влияние, Таланты — творения.

Иногда мы слышим о том, что в наше время Статусное Поведение связано в основном с деньгами, но это не совсем верно. Аристократ может быть обедневшим, политик может получать скромную зарплату, гений может питаться объедками, и всё-таки эти люди вызывают у нас уважение — благодаря происхождению, умению управлять или творческим способностям. Разумеется, нельзя умолчать о том, что быть богатым и титулованным, богатым и власть имущим, богатым и талантливym — значит получить в гонке за высоким статусом двойное преимущество. Кроме прочего, богатство делает вас объектом зависти и скорее сковывает, чем наоборот. В результате мы наблюдаем Статусное Поведение, которое становится все более изощрённым. В старину правители могли позволить себе демонстрировать превосходство сколь угодно дерзко. Все их наряды, сокровища, дворцы и развлечения были на виду, правители открыто бахвалились своим богатством. Для расправы с несогласными у правителей имелись наготове стражники, пыточных дел мастера и темницы. В каком-то смысле эти правители недалеко ушли от вождей племён, которые все время «играли мускулами». Однако пару сотен лет назад низы обнаружили, что, собравшись вместе, они могут дать верхам достойный отпор. Народные массы живо сталкивали тиранов с их пьедесталов. С тех пор новоявленные хозяева жизни вынуждены вести «высокостатусный» образ жизни куда более хитро и осторожно. Вот почему изучение современного Статусного Поведения — занятие более чем увлекательное.

Наследникам в изменившейся ситуации досталась роскошь без власти, Руководителям — власть без роскоши. Выжившие королевские семьи по-прежнему щеголяют в пышных нарядах и участвуют в ритуалах давно минувших дней, разукрашивая наш серый мир яркими красками и церемониями, однако никакой реальной власти в руках монархов уже нет; в то же время политические лидеры, обладающие огромной властью, ходят большую часть времени в серых фланелевых костюмах. Другими словами, когда демонстрация высокого статуса является не более чем театральным представлением, ей позволено быть претенциозной; но если за высоким статусом стоит реальная власть, поведение носителей статуса меняется соответственно.

Изменившееся Статусное Поведение принимает различные формы. В частности, статус демонстрируется отвлечённо от его носителя. Президент или глава государства одевается

незаметно и ездит в чёрном автомобиле. Золотые короны и золочёные экипажи остались в прошлом. Он улыбается простым людям и жмёт им руки. «Господские манеры», поклоны и расшаркивания — тоже в прошлом. При этом, однако, президент окружён великим множеством советников и телохранителей. Полиция расчищает путь перед его кортежем, охранники следят за тем, чтобы никто не мешал ему произносить речи.

Отвлёкшись от королей и президентов и спустившись на ступеньку-другую по социальной лестнице, мы обнаружим ещё одну форму Статусного Поведения. Важную роль тут играет понятие «элитарный». Им обозначается действие или предмет, которые демонстрируют высокий статус просто потому, что производятся индивидом с высоким статусом (или принадлежат ему). Элитарные вещи могут быть недорогими, но они неизменно относятся к модным. Элитарный напиток, элитарный ресторан, элитарная машина, элитарный пляж, элитарный стиль одежды... Элитарными вещами пользуются исключительно индивиды с высоким статусом. Эту модель поведения чаще прочих реализуют наследники фамильных состояний, «богатые детки» и «важные персоны», в роду которых не было аристократов. Таков мир сливок общества, представители которого, как и дворяне, не обладают реальной властью — у них есть лишь социальные блага. Однако, в отличие от современной аристократии, золотая молодёжь чужда формальных ритуалов и публичных церемоний. Суть их мира состоит в том, что он эксклюзивен, исключителен, иначе говоря, он исключает внешний мир и ограничивает Статусное Поведение сферой чётко определённых действий. Крайности в этом мире приглушены — они стали личным делом каждого. Статусное Поведение «работает» в определённых социальных рамках, элитарные вещи производят впечатление на тех, кто «в курсе дела», и этого вполне достаточно. Разумеется, обитатели этого мира были бы польщены, если бы их статусное поведение впечатлило и более широкие слои населения, однако подобное вторжение может быть опасно. Зависть может привести к новым смертям на гильотине, как это уже было однажды, пусть роль гильотины и сыграет иное орудие казни.

Но проблемы все равно возникают, ибо другое, более добродушное лицо зависти — это подражание. Обычные люди начинают подражать элите. В полуосвещённом подвале бывшей скотобойни (элитарном ресторане) сидят два обладателя высокого статуса. Они пьют джин из оленьих рогов (новейший элитарный напиток), на шеях у них — суданские бусы (новейшее элитарное украшение). Они одеты в чёрные комбинезоны (новейший элитный костюм). О последнем писке моды знают лишь представители элиты, однако рядом сидит репортёр, ведущий колонку светских сплетен и описывающий в подробностях, как именно элита проводит время. Назавтра он разрезвонит о новой моде всему миру — и бывшую скотобойню заполонят подражатели. Элита перемещается в другое место, цикл повторяется заново.

Конечно, было бы наивно считать, что элита не стремится к известности. Дело в другом: элита делает вид, что не стремится к известности, и превращает «бегство от известности» в шоу. Разумеется, цель такого шоу — стать известным. Элита жалуется на то, что её хобби, став слишком популярным, теряет былое очарование, а дорогие модные наряды обесцениваются из-за массы дешёвых подделок. Так представители элиты становятся законодателями мод, притворяясь при этом, что они не хотят ими быть. А значит, никто не может обвинить элиту в том, что она, не зная стыда, всячески демонстрирует свой высокий статус тем, кто им не обладает.

Переходя от Наследников к Руководителям, мы обнаружим, что они действуют схожим

образом — постоянно «держат себя в рамках». Руководители рангом ниже президентов и премьер-министров — это магнаты и импресарио, администраторы и высокопоставленные менеджеры, профсоюзные вожди и финансисты. Вместе они — настоящая армия серых, скромно держащихся людей, наделённых фантастической властью. Их Статусное Поведение могут наблюдать лишь непосредственные подчинённые. В тиши офисов власть Руководителей проявляется сотнями различных изошрённых способов. Для внешнего мира большая часть этих проявлений не имеет никакого смысла, однако те, кто приближен к высшим сферам бизнеса, опознают каждый знак и реагируют соответственно.

Приведём несколько примеров. Вот первый: Статусное Поведение, связанное с обувью. Ботинки обладающих высоким статусом Руководителей всегда начищены до блеска, и любой специалист сразу скажет вам, что изготовлены эти ботинки ведущими обувными фабриками мира. Как и все доминирующие приматы, Руководители хотят выглядеть максимально ухоженными, потому они обращают внимание на детали, которые их подчинённые выпускают из вида. Второй пример — Статусное Поведение, проявляющееся в выборе телефона. На столах Руководителей стоит не один телефон, а столько, сколько им совсем не нужно, включая особый телефонный аппарат, отличающийся по цвету и соединяющий Руководителя только с высоким начальством. Руководители никогда не набирают телефонные номера сами — за них это делает секретарь, даже если инструктаж секретаря отнимает у Руководителя больше времени, чем набор телефонного номера. Любое механическое действие, включая прикосновение к наборному устройству телефона, есть «физический труд», который ассоциируется с низким статусом. Когда два секретаря устанавливают связь между кабинетами, начинается битва за право не начинать разговор. Высокий статус требует, чтобы первым заговорил ваш абонент, поскольку говорить он будет с вашим секретарём, а вы с его секретарём говорить не должны ни в коем случае.

В середине XX века признаком высокого статуса были телефоны в автомобилях: Руководитель демонстрировал, что он очень занят, совершая звонки на ходу. Элитарные автомобильные телефоны требовали установки специальной антенны, которая, украшая машину Руководителя, стала очередным атрибутом власти. Дошло до того, что в США некая компания разбогатела на изготовлении бутафорских антенн для машин, в которых никаких телефонов не было.

Ближе к концу XX века антенны исчезли, поскольку были изобретены мобильные телефоны, и началась новая эра высокостатусной телефонии. Первые переносные телефоны являли собой громоздкие объекты размером с кирпич. Магнаты, владевшие футбольными клубами, прижимали эти аппараты к ушам во время матчей, демонстрируя окружающим, что они управляют мировыми финансовыми рынками, не отрываясь от созерцания подвигов любимой команды.

В самом конце столетия мобильные телефоны настолько уменьшились в размерах, что их стали носить в кармане пиджака, откуда когда-то высовывались уголки носовых платков — ещё один признак высокого статуса, потерявший актуальность. Сотовые телефоны стремительно дешевели, вместе с размером и ценой падала и их статусная ценность. Вскоре мобильники распространились повсеместно, и индивиды, обременённые высоким статусом, стали их чураться, либо отказываясь от мини-телефонов вообще, либо пользуясь ими только в случае крайней необходимости.

То же самое произошло с высокостатусными автомобилями: когда подражатели обесценивали очередную модель машины, Руководители неизменно переходили к

следующей. В конце концов «шикарная машина» перестала быть признаком высокого статуса, и элита менеджмента сменила приоритеты: теперь таким признаком стала максимальная роскошь, которую может позволить себе Руководитель в изнывающем от пробок городе, — личный шофёр.

Весьма любопытно Статусное Поведение, связанное с портфелями. Управленцы с низким статусом вынуждены обращать внимание на детали (невнимание к деталям — признак, свойственный поведению топ-менеджеров) и обязаны таскать с собой огромные портфели, набитые бумагами. Чем выше статус Руководителя, тем тоньше его портфель; тем самым он показывает, что носит с собой лишь самые необходимые документы. Управленцы, обосновавшиеся на самом верху, не носят вообще ничего. В мире, где господствуют Руководители, портфели в руках индивидов, обладающих высоким статусом, — это табу. Кто-то верно подметил, что в бизнес-вселенной люди с портфелями по статусу равны копыеносцам. Они защищают полководцев; сами они полководцами не являются.

Ещё одно поле, на котором разыгрываются битвы за статус, — это стулья и кресла в офисах. Якобы заботясь о том, чтобы посетителей встречали недешёвые и чрезвычайно удобные сиденья, топ-менеджеры предлагают им очень низкие и мягкие кресла, в которых те утопают, «опускаясь» практически на уровень пола. Когда хозяин кабинета и его гость садятся, оказывается, что менеджер с высоким статусом взирает на посетителя сверху вниз. В древности эквивалентом такому поведению Руководителей служило требование пасть ниц перед важной персоной. В наше время это требование замаскировано под заботу о посетителе.

Сегодняшние Руководители демонстрируют свой статус множеством разных способов. Для тех, кто не принимает участия в офисных баталиях, нюансы их проведения могут не иметь никакого смысла, да и внутри бизнес-вселенной существуют различия как между компаниями, так и между странами. Статусное Поведение, исключённое из сферы общественного внимания благодаря давлению современных культурных установок, становится все более локализованным и специфичным. Многие элементы этого поведения абсолютно произвольны и не стали бы частью управленческой субкультуры, если бы того не желали конкретные высокопоставленные Руководители. Тем не менее, существуют общие принципы, играющие в лабиринте сигналов превосходства роль нити Ариадны. Это, в частности, «время» и «служба».

Времени всегда должно быть меньше, чем нужно, а работы — больше, чем нужно. Руководитель обязан казаться ужасно занятым человеком. Подчинённые должны его дожидаться, собеседования — сокращаться, расписание должно быть забито до отказа. Вне работы менеджер может бить баклуши и расслабляться, но на работе он вечно должен куда-то бежать и что-то делать. Вести себя иным образом — значит показать, что ты зря просиживаешь штаны. То же относится и к Наследникам — они должны постоянно кружиться в «светском водовороте», ослепляя всех вокруг своим блеском.

Что касается службы, она для доминирующего индивида важна даже больше, чем время. Он не работает — он служит кому-то или чему-то. Служители такого рода всегда занимали особое положение в обществе, но в прошлом они появлялись как в средней, так и в высшей части социальной лестницы. Сейчас их стало куда меньше, соответственно, нынешние служители обладают куда более высоким статусом. Как уже упоминалось, одним из способов демонстрации реальной власти и авторитета стала машина с собственным шофёром. Не так давно высшие круги Лондона сильно забеспокоились, когда некий мужчина, обладающий

особенно высоким статусом, принялся развезжать по городу на велосипеде в знак протеста против загрязнения окружающей среды. Начинание, казалось бы, похвальное, однако другие топ-менеджеры не могли принять мысль о демонстрации статуса посредством велосипеда и предпочли поднять «отщепенца» на смех. Другой высокопоставленный Руководитель, учёный, переквалифицировавшийся в управленца, завёл привычку ходить на работу и с работы пешком, что немедленно вызвало недоверчивую, даже враждебную реакцию у его коллег — невзирая на то, что в центре Лондона добраться до места на своих двоих можно быстрее, чем на машине, часами стоящей в пробках. Эта реакция объяснима именно с позиции статуса: одного пешехода не отличить от другого, а значит, теряется возможность демонстрировать высокое служение, восседая в автомобиле позади шофёра и то открывая, то закрывая окно.

В начале мы выделили три категории людей с высоким статусом: Наследники, Руководители и Таланты. До сих пор Таланты не упоминались, поскольку они — случай особенный. Их Статусное Поведение связано с трудами на той или иной ниве: композитор демонстрирует свой статус посредством музыки, учёный — посредством открытий, скульптор — посредством статуй, архитектор — посредством зданий и так далее. Таланты ранжируются по результатам своей работы, а не по внешним признакам. Как правило, Наследники и Руководители не создают вообще ничего. Когда они умирают, их светские мероприятия и коммерческие сделки уходят в небытие вместе с ними, между тем творческие люди продолжают жить в памяти поколений благодаря их великим творениям. С позиции статуса Таланты обладают столь огромным преимуществом, что их редко заботят иные, внешние проявления Статусного Поведения. Более того: их пренебрежение Статусным Поведением само по себе превратилось в своего рода Статусное Поведение. Эксцентричное поведение и странная манера одеваться для Талантов — общее место, ибо они наслаждаются социальной свободой, незнакомой другим участникам «крысиных бегов». За Талантов говорят их творения.

Наконец, что можно сказать о людях, которые стоят на более низких ступенях социальной лестницы? Отличительные черты статуса тех, кто находится не на самом дне, могут проявляться несколькими характерными способами. Есть, например, Подражатели. Мы уже встречались с ними — это люди, которые получают наслаждение, участвуя в Мимикрии Доминирования. Подражатель копирует, пусть и не на должном уровне, действия индивида с высоким статусом. В частности, если он не может позволить себе приобрести дорогую картину, он покупает репродукцию дорогой картины и вешает её на стену своего жилища. Если он не может купить настоящие жемчужины, он купит жене искусственные. Дом Подражателя полон мебели «под старину», искусственной кожи и пластика, имитирующего дерево. Простым и настоящим вещам он предпочтёт дешёвые подделки. Кроме того, есть Хвастуны. Открытое бахвальство — типичная черта Статусного Поведения маленького мальчика: «Я делаю это лучше тебя!» и «Это не ты сделал, это я сделал!» Взрослея, мы перестаём вести себя подобным образом. Взрослые, остающиеся в глубине души хвастунами, хвастаются куда изошрённее. Они бахвалятся своими связями и вставляют в любой разговор упоминания о своих достижениях. Носители высокого статуса, разумеется, тоже могут хвастаться, но обычно они предпочитают, чтобы их прославлял кто-нибудь другой, и тем самым создают социальную нишу для ещё одной категории людей — Лизоблюдов. Доминирующие индивиды обожают иметь под боком пару-тройку льстецов, которые поют им дифирамбы, и подхалимы вполне могут повесить собственный

социальный статус с низкого до среднего, если возьмут за правило хвалить начальство.

Есть ещё Шутники, носители низкого статуса, которые несколько повышают его, развлекая собеседников, — и вот уже те стремятся чаще бывать в обществе Шутника. Будучи неспособными завоевать уважение всерьёз, Шутники завоёвывают его шутками.

Мы видим также Говорунов, которые говорят без умолку всегда и везде и неизбежно оказываются в центре внимания. Наконец, есть Спорщики, рыщущие в поисках жертвы, с которой можно вступить в словесную схватку. Внося смуту в плавное течение коммуникации, они приковывают внимание к себе и в процессе спора постепенно повышают свой статус.

Встречая людей всех этих типов на своём пути почти каждый день, мы узнаем их, и нам повезёт, если мы не столкнёмся с ещё одним проявлением Статусного Поведения, которое встречается за границей повседневного общения: когда неопрimitивный тип, отчаявшийся повысить свой статус другими средствами, прибегает к первобытной мышечной силе и доказывает ею своё превосходство. Такой человек может ограбить, изнасиловать или убить, но грабит он не потому, что ему нужны деньги, и насилует не потому, что сексуально озабочен; он просто хочет ощутить восторг от доминирования над другим человеком. Тот факт, что доминирование достигается грубейшими методами, его не останавливает. Обычно это все, чего он способен достичь.

Основным мотивом насильников чаще всего является именно подавленная потребность добиться превосходства хоть над кем-то. Мужчина, изголодавшийся по сексу, может, в конце концов, найти проститутку и удовлетворить с ней свою страсть без лишних проблем. Насильник желает не столько получить сексуальное удовольствие, сколько полностью подавить жертву, унижить её и оскорбить. Лишь такой результат даёт ему на время почувствовать себя «на коне». Это Статусный Секс, и он присущ поведению не только людей. Секс как метод демонстрации доминирования можно наблюдать и у представителей многих других видов приматов, но у них подобное действие сводится зачастую лишь к внешней имитации процесса: доминирующее животное совершает несколько тычков тазом, даже не утруждая себя проникновением. «Насильник» из числа мартышек или других обезьян может быть как самцом, так и самкой, и его жертва может быть любого пола. Важно лишь одно: доминирующее животное находится сверху, подчиняющееся — снизу. Увы, у людей насилие остаётся насилием. Действие, которое по существу становится проявлением звериного инстинкта, превращается в травматический и очень жестокий акт. К счастью для большинства людей, демонстрация мускулов остаётся за рамками повседневного Статусного Поведения, которое проявляется в утончённой вербальной коммуникации и визуальных ритуалах.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Защита ограниченного пространства

«Своя территория» — это защищаемое человеком пространство. В самом широком смысле можно выделить три вида пространства: племенное, семейное и личное.

Очень редко случается, что человек, защищая эти «приобретённые» пространства, вынужден драться не на словах, а на деле, однако если довести его до предела, он пойдёт и на это. Чужая армия, посягнувшая на национальную территорию, банда, объявившаяся в «опекаемом» другой бандой районе, прохожий, забравшийся в чужой сад, вор, проникший в чужой дом, хулиган, лезущий без очереди, водитель, занявший чьё-то парковочное место, — все они рискуют получить отпор от просто энергичного до чрезвычайно жестокого. Даже если закон на стороне вторгающегося в чужое пространство человека, стремление защитить территорию бывает столь сильным, что даже спокойные люди могут перестать контролировать себя. Попытка выселить семью из дома, по каким бы причинам эта попытка ни предпринималась, рискует вылиться в осаду, вполне сравнимую с осадой средневековой крепости.

Подобные инциденты случаются редко лишь потому, что мы выработали систему территориальных сигналов, позволяющую предупреждать любые споры. Иногда люди цинично говорят, что «любая собственность украдена», но на деле все обстоит ровно наоборот. Собственность, то есть приобретённое пространство, выставляемое напоказ именно как приобретённое пространство, есть особый вид распределения благ, скорее уменьшающий количество драк, чем способствующий им. Человек любит сотрудничать, но любит он и соревноваться, и если мы хотим избежать хаоса, необходимо ввести борьбу за социальное превосходство в какие-то рамки. В числе этих рамок — установление прав на территорию. Оно ограничивает доминирование географически. Я доминирую на своей территории, вы — на своей. Другими словами, доминирование распределяется пространственно, и каждый получает свой «кусочек». Даже если я слаб и неумён и вы можете подчинить меня себе, когда мы встречаемся на нейтральной территории, я знаю, что вновь займу доминирующее положение, как только вернусь на свою территорию. Если бы люди были безропотными, они не нуждались бы в «домашней территории».

Разумеется, какой-нибудь чрезвычайно доминирующий индивид может запугать меня и на территории моего дома, однако он дважды подумает прежде, чем посягать на чужую территорию, ибо может получить очень сильный отпор. Он знает, что, когда я оказываюсь «на своей земле», от моей обычной покорности не остаётся и следа. Когда мне в душу плюют в собственном доме, я с лёгкостью могу, сжав кулаки, ринуться в атаку — в переносном или буквальном смысле, — и в итоге пострадать можем мы оба.

Для того чтобы эти базовые принципы работали, необходимо ясно дать понять, какая территория кому принадлежит. Как пёс задирает ногу, чтобы пометить собственным запахом деревья на своей территории, так и человек «задирает ногу», помечая своё пространство. Мы — животные, полагающиеся преимущественно на зрение, потому мы подаём в основном визуальные знаки, и стоит подробнее рассмотреть, как мы делаем это на трёх уровнях: племенном, семейном и личном.

Итак, Племенная Территория. Племя, наша основная социальная единица — это группа, в которой все всех знают. Исходно племенной территорией являлась стоянка племени, к которой примыкали земли, где люди охотились. Любое соседнее племя, которое вторгалось в наше социальное пространство, становилось вражеским и изгонялось. По мере того как племена объединялись в живущие сельским хозяйством сверхплемена, а затем и в индустриальные нации, системы защиты территории становились всё более и более изощрёнными. Маленькая, скромная территория первобытного племени становилась огромной столицей, примитивная боевая раскраска превращалась в знамёна, эмблемы, униформу и награды различных родов войск, боевой клич замещался государственными гимнами, маршами и сигналами горна. Границы территории становились чётче и укреплялись, патрулировались, зачастую напоказ, на них выстраивались защитные сооружения — форты и наблюдательные посты, КПП и великие стены, а сегодня и таможни.

Ныне у каждого народа есть собственный флаг, символическое воплощение его территориального статуса. Но патриотизмом дело не ограничивается. Прячущемуся внутри каждого гражданина страны первобытному охотнику мало принадлежать к огромной конгломерации индивидов, с большинством которых он не знаком лично. Он делает все, чтобы чувствовать, что защищает территорию вместе с этими людьми, однако масштаб этого действия его не удовлетворяет. Сложно ощущать принадлежность к племени, в которое вместе с тобой входят ещё пятьдесят миллионов человек. Потому охотники формируют небольшие подгруппы, больше похожие на древние племена: местный клуб, подростковая банда, профсоюз, сообщество специалистов, спортивная ассоциация, политическая партия, студенческое объединение, общественное объединение, группа протеста и тому подобное. Очень редко встречаются индивиды, которые не принадлежат ни к одной такой группе и не черпают из неё ощущение племенного братства. Для всех таких групп характерно развитие Территориальных Сигналов, включая значки, костюмы, штаб-квартиры, флаги, девизы и иные проявления групповой идентичности. Именно на этом уровне индивиды реализуют сегодня потребность защищать своё племя, и лишь когда начинается большая война, они начинают действовать на более высоком уровне, защищая свой народ.

Каждое современное псевдоплемя имеет собственную территорию того или иного рода. Бывает, что людям, не принадлежащим к данной группе, находиться на её территории вообще запрещено; бывает, что они допускаются, но лишь на время, при этом права их ограничены и они обязаны подчиняться особому своду правил. Во многих случаях псевдоплемена похожи на миниатюрные государства со своими флагами, гербами и пограничниками. У элитного клуба есть собственный «таможенный пункт»: привратник проверяет ваш «паспорт» (карточку члена клуба) и препятствует проникновению внутрь чужаков. Тут есть своё правительство — клубный комитет. На стенах часто можно видеть изображения старейшин племени — фотографии или портреты бывших глав клуба. Когда вы оказываетесь внутри клуба, вас наполняет ощущение безопасности и собственной важности, вы осознаете, что держите единую оборону против внешнего мира. Большая часть клубных бесед, и серьёзных, и не очень, касается разложения общества за стенами клуба — там, в «другом мире», за защищёнными границами нашей территории.

В организациях, олицетворяющих собой мощь конкретного слоя общества, таких, как армия и огромные коммерческие компании, действует множество территориальных правил, часто неписаных, которые не согласуются с официальной иерархией. Индивиды с высоким статусом (например, офицеры и менеджеры) в теории могут появляться на территории

«низов», однако их власть на этой территории весьма ограничена. Офицер редко заходит в сержантскую столовую или в казарму с иной целью, чем для формальной проверки. Он уважает чужое пространство даже в том случае, когда данной ему властью может свободно нарушать его границы. То же в бизнесе: профсоюзы привлекают людей не только потому, что занимаются своими прямыми обязанностями, но и потому, что их чиновники, штаб-квартиры и собрания дают обычным работникам ощутить силу своей «территории». Всякая военная организация и коммерческая компания состоят из двух воюющих племён: офицеров и солдат, управленцев и чернорабочих. У каждого племени есть своя территория, которую оно определённым образом защищает, пусть на посторонний взгляд отношения между племенами не выходят за рамки обычной социальной иерархии. Переговоры между менеджментом и профсоюзами — это битва племён, которая разворачивается на нейтральной территории зала заседаний совета директоров; Территориальное Поведение на таких переговорах так же важно, как и обсуждение размера зарплат и условий труда. Если одна сторона быстро сдаётся и принимает требования другой стороны, победители чувствуют себя обманутыми и подозревают, что их надули. На самом деле им не хватает длительных церемоний, в ходе которых оба племени демонстрируют свою территориальную идентификацию.

Точно так же агрессивные действия футбольных фанатов и подростковых банд сплошь и рядом оказываются способом продемонстрировать имидж своей группы фанатам другого клуба или банде соперников. За редким исключением бандиты не нападают на штаб-квартиры конкурентов, они ограничиваются тем, что выдворяют «беспредельщиков» и ставят их в унижительные условия, превращая в «шестёрку». Пограничных стычек им вполне достаточно. Во время футбольного матча, когда штаб-квартира фанатов данного клуба временно перемещается на трибуны, воображаемая граница между группировками часто нарушается, что приводит к небольшим столкновениям. Впоследствии газеты сообщают о нескольких драках и нанесённых фанатам травмах, но если сопоставить эти инциденты с поведением всех присутствовавших на матче фанатов, станет ясно, что лишь очень малая их часть склонна к физической агрессии. На каждый пинок или тычок приходится тысяча воинственных выкриков, танцев, песен и жестов.

Перейдём к Семейной Территории. По сути своей семья — это воспроизводящая ячейка общества, потому семейная территория — это территория воспроизводства. В центре семейного пространства находится гнездо — спальня: вытянувшись на кровати, мы ощущаем себя в полной безопасности. В обычном доме спальня расположена на втором этаже, как и полагается безопасному «гнездышку». Она достаточно удалена от холла, в котором периодически происходит контакт с внешним миром. Следующая линия обороны — гостиная, чуть менее личное помещение, куда допускаются гости. За пределами дома часто можно видеть символический пережиток первобытного пастбища — сад. Символизм этого места распространяется на растения и животных, которых можно видеть в саду: это цветы и кошки или собаки, выполняющие декоративную функцию и не разводимые, как в древности, ради прокорма семьи. Тем не менее, сад — тоже «своя территория» и потому имеет чёткие границы в виде стены, ограды или живой изгороди. Этот барьер, зачастую весьма условный, являет собой демаркационную линию, отделяющую частный мир семьи от мира внешнего. Стоит пересечь границу — и вы независимо от намерений сразу же попадаете в невыгодное положение. Когда гость переступает порог, его доминантность убывает — несильно, но ощутимо. Внутреннее чувство подсказывает гостю, что здесь, на чужой территории, он не

может вести себя так же свободно, как в общественном месте, и должен то и дело просить хозяев разрешения на то и на это. Владельцы территории подчиняют гостя себе, не пошевелив и пальцем. Этот эффект достигается за счёт сотен маленьких маркеров собственности, которыми кишит их территория: украшения, личные вещи, стоящие на полу и висящие на стенах; обстановка, мебель, цвета, узоры — все это выбрано владельцем дома и превращает жилище в уникальную семейную территорию.

Трагедия современной архитектуры состоит в том, что очень важные в плане территориального поведения жилые постройки возводятся по шаблону. Любой дом должен быть похож на другие дома лишь в общем плане, в частностях же он обязан сильно от них отличаться, только тогда этот дом станет особенным. К сожалению, дешевле строить рядные или многоквартирные дома, в которых все квартиры идентичны. Однако желание сделать свою территорию особенной противится стандартизации, и люди делают все, чтобы их «рядовая» недвижимость чем-то отличалась от соседской. Они по-своему разбивают сад, красят входную дверь, вешают особенные шторы и клеят на стены особенные обои, короче говоря, украшают дом так, чтобы создать в нем уникальную атмосферу. Лишь завершив строительство семейного гнезда, они ощущают себя по-настоящему «дома» и в безопасности.

Покидая дом всей семьёй, они имитируют аналогичный процесс в меньших масштабах. Так, отправляясь на день на природу, семья нагружает автомобиль личными вещами, и машина превращается во временную, мобильную семейную территорию. Прибывшая на пляж семья сразу захватывает небольшой его участок и уведомляет об этом окружающих, расположив на нем подстилки, полотенца, корзинки и другие вещи, к которым члены семьи вернутся после того, как окунутся в воду. Даже если все они разом пойдут купаться, их территория останется чётко обозначенной, и другие семьи расположатся на почтительном расстоянии от её границ. Только если на пляже, что называется, яблоку негде упасть, прибывающие начнут располагаться ближе к границам уже занятых участков так, что расстояние между ними будет сокращаться. Люди, вынужденные располагаться на узких участках пляжа между занятыми, на миг ощутят себя «непрощеными гостями», а «собственники» почувствуют, что в их «владения» вторглись, пусть даже они не были потревожены напрямую.

Та же самая сценка разыгрывается обычно в парках, на лугах и на берегах рек, где семьи располагаются на ограниченной территории. Конечно, сражения за пространство способствуют пробуждению враждебности, однако без подобной системы деления ограниченной территории мы потонули бы в хаосе и беспорядке.

Наконец, Личное Пространство. Когда некий человек входит в приёмную и занимает крайнее место в длинном ряду пустых стульев, можно предсказать, куда сядет следующий посетитель. Он займёт место не рядом с первым человеком и не на другом конце ряда — он выберет позицию посередине между двумя этими точками. Третий посетитель сядет посередине между ними. Каждый последующий посетитель будет занимать «среднее» положение в самом большом промежутке, пока, наконец, кому-то не придётся опуститься на стул рядом с одним из уже сидящих людей. Именно так люди ведут себя в кино, мужских общественных уборных, салонах самолётов, электричках и автобусах. Подобный образ действий — напоминание о том, что каждый из нас, куда бы мы ни направлялись, «переносит» с собой и пространство, называемое Личным. Когда на нашу личную территорию вторгаются другие люди, мы ощущаем исходящую от них угрозу. Результат —

чередой изошёренных перемещений, обычно совершаемых неосознанно и служащих установлению компромисса, идеального настолько, насколько позволяют обстоятельства. Если вокруг нас слишком много людей, мы реагируем соответственно: наше личное пространство уменьшается в размерах. Еле-еле втиснувшись в лифт, в переполненный в час пик вагон метро или в набитую битком комнату, мы так или иначе сдаёмся и позволяем телам других людей касаться наших тел. Для того чтобы отказаться на время от Личного Пространства, мы применяем специальные методы. В частности, мы воспринимаем другие тела как «неиндивидов». Мы усердно игнорируем их, а они — нас. Мы стараемся не смотреть на них, когда только это возможно. Наши лица перестают выражать какие-либо эмоции, становясь предельно равнодушными. Мы можем смотреть наверх, в потолок, или вниз, в пол, и сводим телодвижения к минимуму. Когда люди набиваются в помещение «как кильки в банку», они стоят почти неподвижно, подавая минимум коммуникативных сигналов.

Даже когда человек может двигаться относительно свободно, в огромной толпе он предпочитает общаться не слишком активно. Наблюдения за детьми в игровых группах показали, что чем больше индивидов в группе, тем меньше дети общаются между собой, хотя теоретически именно в больших группах возможностей для общения больше. В то же самое время в больших группах дети куда чаще играют в агрессивные и деструктивные игры. Личное Пространство людям жизненно необходимо, не замечать его — значит подвергать себя серьёзному риску.

Разумеется, всем нам знакомо чувство восторга, охватывающее человека в большой толпе, и эту реакцию также нельзя игнорировать. Однако толпа толпе рознь. Достаточно приятно находиться в толпе зрителей, а вот попасть в давку в час пик не хочется никому. Разница состоит в том, что столпившиеся зрители все смотрят в одну сторону, их внимание сосредоточено на некой отдалённой точке. В театре мы испытываем приступы раздражения в отношении людей, сидящих рядом с нами или в следующем ряду непосредственно перед нами. Общая ручка кресла становится территорией, на которую мы деликатно, но достаточно твердо предъявляем права. Но как только начинается представление, планы вторжения в Личное Пространство моментально забываются, и наше внимание концентрируется на пространстве за пределами той площадки, на которой сидит публика. Теперь каждый зритель ощущает себя пространственно сопричастным уже не соседям, которые еле втиснулись в кресла, а актёрам на сцене, между тем расстояние до сцены достаточно велико. Сравним театр с вагоном метро в час пик: каждый человек в давке постоянно сражается с соседями за «место под солнцем». Нет никакой пространственной сопричастности к далёким актёрам — есть только люди вокруг тебя, которые все время пихаются и толкаются.

Те из нас, кому доводится проводить в «стеснённых условиях» много времени, постепенно к ним привыкают и приспосабливаются, однако стать полностью невосприимчивым к вторжениям в Личное Пространство не может никто. Причина в том, что для нас это пространство навсегда связано с сильной враждебностью или столь же сильной любовью. В детстве в наше пространство вторгаются либо для того, чтобы показать нам, что мы любимы, либо для того, чтобы причинить нам боль. Когда мы взрослеем, от любого человека, который пересекает границу нашей личной территории, мы ожидаем или любви, или боли; и к тому, и к другому мы крайне чувствительны. Даже если намерения человека далеки от агрессивных или сексуальных, нам все равно трудно скрыть реакцию на его приближение. К сожалению, в разных странах глагол «приблизиться» понимается по-

разному. Оценить свою «реакцию на вторжение» достаточно просто: беседа с кем-то на улице или на открытом пространстве, вытяните руку и посмотрите, как близко от неё находится собеседник. Если вы оба из Западной Европы, расстояние между вытянутой рукой и собеседником будет практически нулевым, иначе говоря, вы почти коснётесь кончиками пальцев его плеча. Если вы из Восточной Европы, его плеча коснётся ваше запястье. Если вы из стран Средиземноморья, вы будете стоять куда ближе к собеседнику и сможете достать его локтем.

Проблемы возникают, когда представитель одной культуры встречается и разговаривает с представителем другой культуры. Скажем, на приёме в посольстве британский дипломат подходит к арабскому или итальянскому дипломату. Они заговаривают очень дружелюбно, однако вскоре британец начинает ощущать себя неудобно. Без всякой видимой причины он начинает пятиться от собеседника. Тот, наоборот, приближается к британцу. Каждый из них пытается установить баланс между Личными Пространствами, свойственный его культуре. Сделать это невозможно. Каждый раз, когда дипломат из средиземноморской страны подходит к собеседнику на расстояние, которое ощущает комфортным, британский дипломат ощущает угрозу. Каждый раз, когда британец пятится, его собеседник чувствует, что с ним не хотят говорить. Попытки восстановить баланс часто приводят к тому, что говорящие медленно перемещаются по помещению. На многих посольских приёмах можно наблюдать одну и ту же картину: выходцы из Западной Европы будто загнаны в угол собеседниками из стран, где принято разговаривать, приблизившись к человеку вплотную. Пока обе стороны не начнут осознавать и учитывать эту «разницу подходов», различное понимание Личного Пространства будет способствовать отчуждению людей и может в результате повлиять на дипломатические отношения между странами.

Если проблемы с дистанцией между представителями различных культур возникают даже во время беседы, понятно, что с ещё большими проблемами сталкиваются люди, которые работают бок о бок в небольшом помещении. Пространственная близость других людей и постоянная угроза невидимым границам нашей личной территории не дают нам сосредоточиться на работе как следует. Соседи по комнате, студенты в общежитской комнате, матросы в кают-компани, офисные работники в маленьких конторах — все сталкиваются с одной и той же проблемой. Они решают её, «закукливаясь в кокон». Для того чтобы оградить себя от окружающих, они используют множество различных способов. Конечно, лучший из всех возможных коконов — это маленькая личная комната (каморка, кабинет, мастерская), которая физически ограждает вас от находящейся поблизости людей. Это идеальное решение, однако, подобную роскошь работники, делящие одно помещение, позволить себе не могут. Потому они закукливаются символически. Бывает, что рабочие места отделяются небольшими физическими барьерами, например, ширмами и перегородками, овеществляющими невидимые границы Личного Пространства, но, когда нельзя сделать и этого, ищутся другие способы закуклиться. Символом кокона может стать «любимый предмет». Работник отдаёт предпочтение какому-то конкретному стулу, столу, закутку, который «закрепляется» за ним, другие работники уважают его выбор, и напряжение спадает. Часто эта система вводится формально (вот твой стол, вот мой), но, даже если этого не происходит, любимые места все равно появляются. У профессора Смита есть любимое кресло в библиотеке. Формально оно ему не принадлежит, но он всегда садится именно в него, и другие посетители избегают этого кресла. Места в кают-компани или в зале заседаний совета директоров почти переходят в собственность конкретных индивидов. Даже

дома у отца есть его любимое кресло, в котором он читает газету или смотрит телевизор. Другой способ отгородиться от окружающих — «надеть шоры». Чтобы лошадь на ипподроме не отвлекалась на других лошадей и на шумных зрителей на трибунах, ей надевают шоры, не позволяющие глядеть по сторонам. Точно так же люди, читающие книги или конспекты в общественных местах, надевают себе «псевдошоры», прикрывая глаза руками. Положив локти на стол, они ладонями закрывают себе боковой обзор и концентрируются на книге.

Подчеркнуть существование Личного Пространства можно также, используя персональные маркеры. Книги, газеты и другие предметы размещаются на любимившемся человеку рабочем месте, чтобы в глазах соседей оно выглядело «его местом». Оставить на сиденье личные вещи — хорошо известный приём, часто позволяющий пассажиру «занять» себе место в общественном транспорте. В самых разных обстоятельствах сообразное размещение персональных маркеров служит эффективной мерой обособить территорию даже в отсутствие её «владельца». Эксперименты в библиотеке показали, что, если разложить на столе кипу газет, это место остаётся незанятым в среднем семьдесят семь минут. Если вдобавок бросить на спинку кресла спортивную куртку, место останется «зарезервированным» свыше двух часов.

Все это — способы укрепить оборону нашего Личного Пространства и не допустить вторжения в него чужаков, проявляя при этом минимум открытой враждебности. Суть территориального поведения состоит как раз в том, чтобы защитить территорию, подавая сигналы, а не размахивая кулаками, и на всех трёх уровнях — племенном, семейном и личном — подобное обособление территории весьма эффективно. Иногда кажется, что это не так: благодаря СМИ наше внимание неизбежно приковано к случаям, в которых сигналы не сыграли должной роли и в итоге разразилась война, произошла стычка банд, столкнулись соседствующие семьи, подрались коллеги. Но на каждый несработавший территориальный сигнал приходится миллионы эффективных. Они не устаиваются упоминаний в новостях, однако доказывают, что наше общество обладает важнейшим свойством: его члены очень трепетно относятся к своей территории.

ИЗОЛИРУЮЩИЕ СИГНАЛЫ

Действия, защищающие тело при коммуникации

Мы ощущаем себя в большей безопасности, находясь за каким-либо физическим барьером. Если в процессе коммуникации мы чувствуем угрозу, у нас моментально появляется намерение выстроить баррикаду. Когда маленький ребёнок встречает незнакомца, проблема решается просто: ребёнок прячется за тело матери и выглядывает из укрытия, наблюдая за действиями чужака. Если матери рядом нет, сойдёт кресло или любой другой предмет обстановки значимых размеров. Когда незнакомец подходит ближе, ребёнок перестаёт высовываться из-за барьера. Если бесчувственный чужак продолжает приближаться, невзирая на сигналы, ясно демонстрирующие испуг, ребёнку не остаётся ничего, кроме как заорать и убежать.

По мере взросления наше поведение постепенно меняется. Девочка подросткового возраста может, хихикая, закрыть лицо руками или учебником, если её что-то встревожило — по-настоящему или в шутку. У взрослых детское стремление спрятаться превращается в застенчивость, но и ей полагается исчезнуть, когда мы храбро шагаем навстречу гостям, хозяевам, приятелям, родственникам, коллегам, клиентам, посетителям или друзьям. Любая коммуникация вовлекает нас в отношения, схожие с теми, которые в детстве пугали нас и заставляли бросаться в укрытие, любое общение может таить в себе угрозу. Другими словами, наши страхи никуда не делись, однако их положено скрывать. Роли взрослого человека требуют от него самоконтроля, желание отстраниться и сбежать в безопасное место должно быть подавлено. Чем формальнее общение, тем большие опасения оно вызывает, особенно если собеседники нам незнакомы или смотрят на нас свысока. Наблюдая за людьми в подобных условиях, мы обнаруживаем множество уловок, которые позволяют им ощутить себя словно «за маминой юбкой». Суть действий остаётся прежней, но они маскируются не столь очевидными позами и телодвижениями. Это и есть Изолирующие Сигналы взрослых людей.

Наиболее распространённый из Изолирующих Сигналов — это «перекрещивание тела». Руки скрещиваются перед туловищем, образуя на время «решётку», которая служит тем же целям, что и бампер автомобиля. Этот жест не похож на физический барьер, который мы выставляем перед собой, когда продираемся сквозь толпу, держа правую руку горизонтально на уровне груди. Обычно он подаётся на расстоянии, например, когда нервничающий гость приближается к доминирующему хозяину. Это действие совершается неосознанно, и, если сразу после этого попросить гостя описать, как он себя вёл, о скрещивании рук он даже не вспомнит. Оно, так или иначе, маскируется — если бы было иначе и мы открыто скрещивали бы руки перед собой, жест выдавал бы нас с головой. Как именно маскируется этот жест — зависит от человека. Вот несколько примеров.

Важный гость прибывает на торжество и, сияя, выходит из чёрного лимузина. Он должен подойти к группе встречающих его людей и пожать им руки, но прежде ему придётся в одиночестве преодолеть пустое пространство между главным входом и зданием, где проводится торжество. Поглазеть на него собралась огромная толпа, то и дело мерцают вспышки фотокамер. Даже самые искушённые знаменитости в такие моменты нервничают,

и эта нервозность проявляется, когда они преодолели полпути до группы «приветствующих». Знаменитость шагает по дорожке, её правая рука тянется к левой запонке словно затем, чтобы проверить её наличие. На мгновение человек застывает, затем проходит ещё несколько метров и, добравшись наконец до длинного ряда «приветствующих», здоровается за руку с первым из них.

Представим себе, что в этой ситуации оказалась женщина. На том же месте, где «звезда»-мужчина дотрагивается до своей запонки, она правой рукой слегка меняет положение сумочки, которая висит на левой руке.

Возможны и другие формы этого жеста. Мужчина может дотронуться не до запонки, а до пуговицы на рукаве или до ремешка наручных часов. Женщина может смахнуть с рукава воображаемую пылинку, поправить шарфик или пиджак, перекинутый через левую руку. В любом случае одна деталь остаётся неизменной: когда нервозность достигает пика, мы наблюдаем «перекрещивание тела» — одна рука дотягивается до другой через туловище и между нашим героем и встречающими его людьми на мгновение возникает барьер.

Иногда это барьер «с разрывом». Рука тянется к другой руке, но так и не дотрагивается до неё. Взамен она прикасается к какой-либо незначительной детали туалета на другой стороне туловища. Жест может быть замаскирован ещё сильнее: правая рука поднимается, отклоняется влево и застывает на мгновение у левой половины головы, прикоснувшись к волосам или погладив кожу.

Не слишком замаскированные формы «перекрещивания тела» мы замечаем, наблюдая за не столь опытными людьми. Мужчина заходит в ресторан и, пересекая открытое пространство, потирает руки или даже с силой переплетает пальцы.

Таковы Изолирующие Сигналы при приветствии, когда один человек выдвигается по направлению к другому человеку. Любопытно, что, как показали наблюдения, почти никогда подобные действия не совершают одновременно и приветствуемый, и приветствующий. Независимо от статуса, в большинстве случаев «перекрещивает тело» именно новоприбывший, поскольку он вторгается на территорию приветствующих. Они ощущают себя «на своей земле»; даже если это не их территория, они все равно прибыли сюда первыми и обладают, по меньшей мере, временными «правами» на неё. В момент приветствия они неоспоримо доминируют над новым гостем. Вероятность того, что они подадут жест «перекрещивание тела», появляется лишь в том случае, если они имеют очень низкий по сравнению с гостем статус и считают, что он ими недоволен. В этих обстоятельствах гость чаще всего не ощущает нервозности с самого начала.

Подобные наблюдения приближают нас к расшифровке языка Изолирующих Сигналов и позволяют заметить, что, хотя сигнал посылается и принимается неосознанно, он, тем не менее, достигает цели. Послание гласит: «Я нервничаю, но не отступлю». Тем самым человек сообщает, что находится в подчинённом положении, а другая сторона автоматически ощущает себя чуть более комфортно, ибо получает лёгкий перевес в доминировании.

Ситуация меняется, когда с приветствиями покончено и люди стоя разговаривают друг с другом. Если теперь один человек приблизится к другому, например, для того, чтобы лучше слышать его реплики, «зажатый» собеседник может ощутить тот же дискомфорт, который ощущает прибывшая на торжество «звезда», шагающая к группе встречающих её людей. В этот момент, однако, мимолётного прикосновения к запонке недостаточно. Попросту невозможно тереть пуговицу всё время, пока человек напротив вторгается в твоё личное пространство. Здесь нужно иное, более уравновешивающее действие. Наиболее популярно в

таких случаях «перекрещивание тела», при котором руки скрещиваются на груди. Этот жест является идеальным фронтальным Изолирующим Сигналом — руки можно держать скрещёнными сколь угодно долго, не боясь показаться странным. Неосознанно этот сигнал прочитывается как «ближе не подходи», его часто можно наблюдать на многолюдных собраниях. Художники, изображающие людей со скрещёнными руками на плакатах, сообщают нам, что «они не пройдут!»; кроме прочего, это излюбленный жест телохранителей, которые застыли на входе в охраняемое помещение.

То же скрещивание рук можно использовать и в сидячем положении, когда собеседник подошёл слишком близко. Его усиливает скрещивание ног, направленных в сторону от собеседника. Другой вариант: человек держит руки с крепко переплетёнными пальцами близко к промежности и потирает ими бедра, словно защищая гениталии. Смысл данной формы знака более чем ясен, пусть даже обе стороны не отдадут себе в этом отчёт. Однако главный Изолирующий Сигнал сидящий человек подаёт при помощи извечного помощника застенчивых людей — стола. Лишившись его, многие бизнесмены ощутили бы себя голыми, поскольку они прячутся за столом каждый день; стол для них — это огромный деревянный пояс целомудрия. Лишь сидя за столом, бизнесмен чувствует, что он защищён от гостей. Покуда он находится «в объятиях стола», этот мощный барьер, как физический, так и психологический, даёт ему ощущение непреходящего и полного комфорта.

ЗАЩИТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Реакции на опасность — настоящую и мнимую

Подобно представителям любого другого вида, люди стараются защитить себя, когда им грозит опасность. Человеческое тело слишком уязвимо и лишено почти всех видов естественного «панциря». Таковым, да и то отчасти, может считаться лишь твёрдый костяной покров вокруг мозга и пять костных выступов — надбровные дуги, скулы и переносица, — окружающие глаза. Эти кости помогают свести к минимуму ущерб, наносимый голове при прямых ударах: благодаря им увеличиваются наши шансы сохранить зрение и ясность мысли после физической атаки.

К системе «костной защиты» прилагается несколько защитных действий, которые у всех людей одинаковы. Начиная с четырёхмесячного возраста любой здоровый человек в момент, когда над ним внезапно нависает угроза, демонстрирует характерную «реакцию испуга». Это мгновенная реакция, и обычно её фиксируют, выстрелив из пистолета за спиной человека за секунду до того, как будет сделана фотография. Фотографируя «жертву», мы можем заснять на фотоплёнку реакцию испуга, свойственную нашему виду. Она всегда одна и та же: глаза зажмурены, рот растянут, голова вжата в плечи, руки согнуты в локтях, пальцы сжаты в кулаки, туловище подалось вперёд, живот втянут, колени слегка согнуты.

Эта защитная поза отображает первое из серии оборонительных движений, когда тело сжимается, делается более компактным и напрягается, чтобы выдержать ожидаемый удар. Глаза при этом защищаются молниеносно, а плечи и руки готовы защитить от удара голову.

Реакцию испуга в развитии можно наблюдать в любой уличной потасовке или в ситуации, когда в воздухе летают тяжёлые предметы. Голова склоняется ещё ниже, руки поднимаются, чтобы защитить лицо. Даже в формальной обстановке боксёрского ринга обороняющийся боксёр делает те же движения, защищая от наносимых ему ударов в первую очередь голову.

В других особых обстоятельствах приоритеты меняются. Профессиональные футболисты, выстраивающиеся «стенкой», чтобы защитить ворота от штрафного удара, встают лицом к тому, кто бьёт по мячу, и летящий с очень высокой скоростью мяч вполне может попасть одному из них в голову. Тем не менее, они закрывают руками не лицо, а область гениталий. Почему — понятно: футболист увидит, куда именно летит мяч, и в случае чего успеет прикрыть лицо руками, поэтому он заранее защищает место, которое сложнее защитить быстрым движением рук. На то, чтобы согнуть туловище, нужно потратить больше времени, чем на то, чтобы склонить голову, и область промежности в данном конкретном случае становится наиболее уязвимой. Тем не менее, фотографии, сделанные в момент удара, показывают, что, если не брать в расчёт положение рук, футболисты проявляют типичную реакцию испуга, описанную выше: голова втягивается в плечи, мышцы лица напрягаются. Игроки знают, что могут отбить мяч головой, тем не менее, на долю секунды они демонстрируют все ту же защитную реакцию. (Болельщики шутят теперь футболисты прикрывают уже не гениталии, а рот, потому что они вложили целое состояние в косметическое восстановление выбитых зубов.)

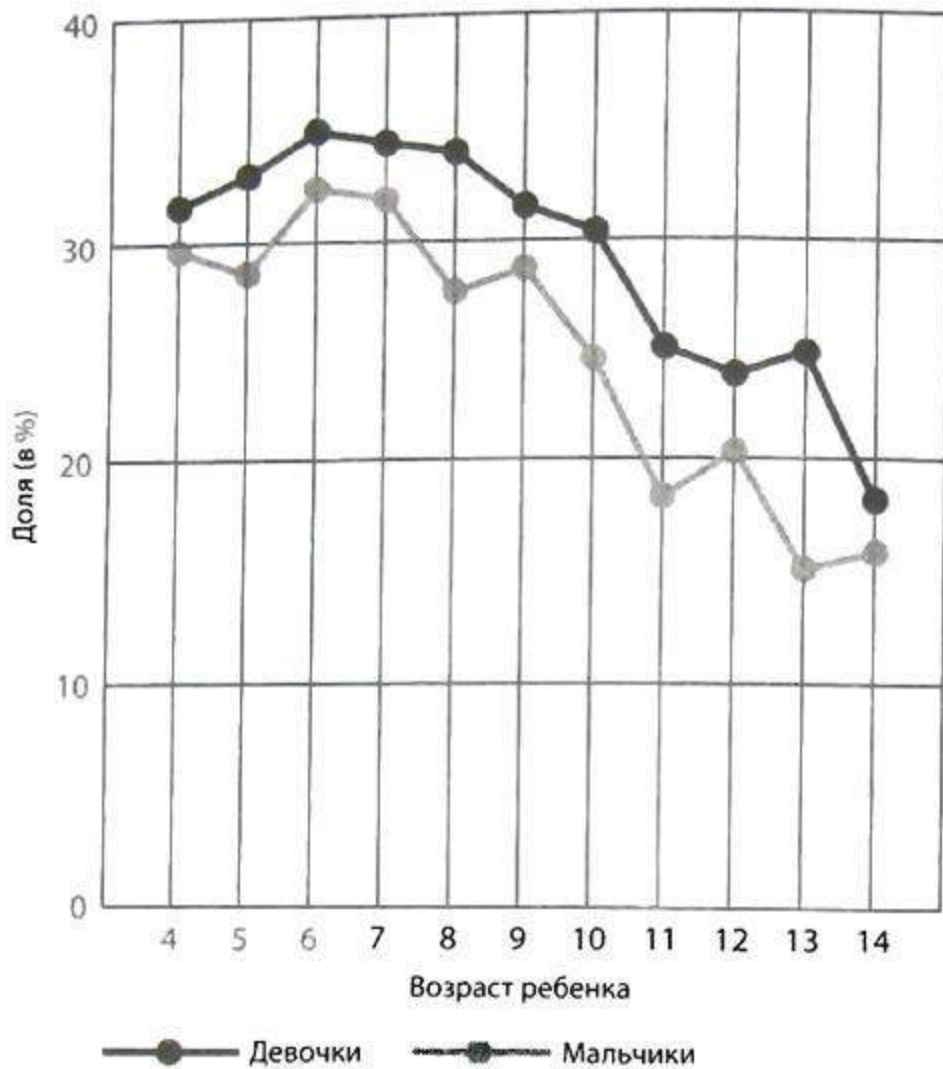
В момент, когда происходит физическое нападение, жертва обычно молчит, однако в

последующие мгновения бегства, паники или временного расслабления часто проявляется ещё одна защитная реакция — крик. Это вопль тревоги, который издают не только люди и обезьяны, но и многие другие виды млекопитающих. Как сигнал, оповещающий других о необходимости бежать на помощь или защищать себя, данная реакция является для животного мира самой характерной. Она настолько неспецифична для любого вида, что мы можем распознать вопль тревоги независимо от того, какое животное его издаёт. Разумеется, он может быть очень разным, иногда это визг, иногда — вой, однако спутать крик, полный боли и страха, нельзя ни с чем. Что касается людей, мужчины и женщины издают крик тревоги не только с разной тональностью, но и с разной частотой. Взрослые мужчины кричат, когда им очень больно, и почти не кричат, когда паникуют и когда им страшно. Дети и женщины кричат и в той, и в другой ситуации. Разница особенно заметна в большом парке развлечений с его «чёртовыми колёсами» и комнатами страха и ужаса. Здесь то и дело слышны высокочастотные крики женщин, наслаждающихся «безопасной» паникой, в то время как вопли мужчин не слышны вообще.

Если спросить людей, чего они боятся больше всего на свете, их ответы окажутся поразительно отвлечёнными. Вместо того чтобы перечислять реальных современных «убийц» — быстрые автомобили, взрывчатые вещества, пули и ножи, загрязнение атмосферы и стрессовые ситуации, — люди склонны бояться того же, чего боялись наши предки, например, скользких, ползающих, крадущихся зверей, паразитов и насекомых, грома и молнии, замкнутого пространства и большой высоты. Это не значит, что опрошенных не страшат опасности современной цивилизации, однако, когда их просят рассказать о своих страхах, они забывают об очевидном и ищут в глубинах своего сознания обрывки воспоминаний о необъяснимой панике, тревоге или отвращении. Чаще всего люди находят образы, которыми набиты под завязку фильмы ужасов и которые по-прежнему заставляют нас содрогаться от страха, хотя вероятность столкнуться с такими «ужасами» в реальной жизни в наш век очень мала.

Больше чего бы то ни было люди боятся, конечно, змей. Относится это не только к странам, где данные рептилии действительно представляют опасность, но и, например, к Великобритании, где, путешествуя в течение года по сельской местности, вы рискуете погибнуть от укуса змеи в одном случае из 500 миллионов. В США, где водятся смертельно ядовитые гремучие змеи, шанс погибнуть — примерно один из шести миллионов. Тем не менее, даже в этих странах на первом месте в списке страхов неизменно появляется ядовитая змея. «Гонку ненависти» она выигрывает не из-за маленькой головы, а из-за очень длинной «шеи». По части устрашения со змеями не сравнится никто и ничто. Змеи вызывают у нас очень бурную реакцию: в Великобритании целых 19 % телезрителей признались, что, когда на экране появляется змея, они либо выключают телевизоры, либо отворачиваются.

В качестве защитной реакции такой страх перед змеями, разумеется, дал нашим далёким предкам, спустившимся с деревьев на землю, огромное преимущество. Это преимущество сохранялось за ними на протяжении нескольких миллионов лет, пока в результате эволюции не появился современный человек. Можно сказать, что ненависть к змеям сыграла важнейшую роль на ранней стадии развития человечества. Живучесть страха перед рептилиями в столь явной форме означает, что со временем он превратился во врожденную реакцию. Доказательств этому нет, но и объяснить наши реакции по-иному сложно.

Самый сильный страх люди испытывают перед змеями. Боятся змей даже жители тех стран, где принять смерть от ядовитой рептилии можно с той же вероятностью, что и от удара молнии. Как показано на графике, страх перед змеями у британских детей достигает пика, когда им исполняется шесть лет, после чего постепенно убывает как у мальчиков, так и у девочек. Невзирая на фрейдистов, видящих в змеях фаллический символ, половое созревание со страхом перед змеями никак не связано. Трафик построен по данным, полученным в ходе опроса 11 960 детей (по Моррису и Моррису).

Ребёнок не выказывает страха перед змеями даже в возрасте двух лет, однако к трём годам он начинает их опасаться, а в четыре года его страх уже полностью сформировался. В шесть лет он достигает пика, после чего ребёнок боится змей все меньше до момента, когда достигает 14 лет. У представителей разных полов этот процесс идёт чуть по-разному — девочки в любом возрасте боятся змей больше, чем мальчики. Половое созревание не оказывает на страх перед змеями никакого влияния. Согласно фрейдистским теориям, змея есть фаллический символ, но эта точка зрения ошибочна. Верно другое: кривая интенсивности страха перед змеями фактически описывает стадии защищённости ребёнка в первобытном обществе. Очень маленького ребёнка защищает его мать. Подросток может защитить себя сам. А вот ребёнок младшего школьного возраста, в котором наблюдается самый сильный страх перед змеями, способен отправиться на самостоятельную прогулку и повстречать ядовитую змею, перед которой он будет беззащитен.

Кроме змей, люди страшатся также других животных, в частности пауков и крыс, а также паразитов, которые заводятся иногда в наших домах. Маленькие насекомые,

контактирующие с кожным покровом, вызывают моментальную и характерную защитную реакцию, выражающуюся в резком ударе по тому месту, где насекомое коснулось кожи. Эта неосознанная реакция, как и реакция копытных, которые отгоняют хвостами мух. Поскольку контролировать её мы почти не в состоянии, оса или пчела, залетевшие в салон автомобиля, становятся для водителей источником большой опасности. Даже если водитель знает, что эти насекомые не ужалят, если их не рассердить, он часто не может сдержать себя, неизбежно отвлекается от дороги и ставит под угрозу безопасность находящихся в машине. Опять же, судя по всему, мы унаследовали эту реакцию от наших далёких предков и не можем приглушить её, невзирая на то что достаточно хорошо изучили жизнь насекомых.

Сложно сказать с уверенностью, какие именно из наших защитных реакций появились в ответ на страх, который вызывали в первобытных людях хищники огромных размеров. Львы, тигры и крокодилы занимают почётные места в списках животных, которых боятся дети, однако до змей и пауков им далеко. Возможно, дело в том, что наши предки считали этих зверей врагами и знали, какие меры предосторожности нужно предпринять, чтобы не пасть их жертвой. Ядовитые змеи и ядовитые пауки, заползающие на территорию племенной стоянки или внезапно появляющиеся в траве, вызывали приступы страха и паники куда чаще, поэтому реакция на них закрепились в сознании современного человека.

У нашего вида есть и уникальная защитная реакция — суеверия. Бесперывно улучшая реальные технологии личной безопасности (от щитов до пулестойких бронежилетов и от доспехов до подземных убежищ на случай ядерной войны), мы одновременно придумывали и самозащиту другого рода — магическую. Суеверия существовали в любую эпоху и в любой культуре. Они столь многочисленны и разнообразны, что существуют целые энциклопедии суеверий, описывающие в деталях каждое из них. Почти все они бессмысленны и бесполезны во всем, за исключением одного, самого важного аспекта: благодаря суеверию человек, совершающий некое действие, может ощутить себя чуть более защищённым от враждебного и загадочного мира. Перечислять суеверия здесь вряд ли уместно. В основе каждого из них лежит действие, которое предположительно оберегает человека от будущего несчастья. Суеверных людей не заботит тот факт, что между этим действием и требуемым результатом нет никакой логической связи. Они продолжают защищать себя, совершая это действие вновь и вновь, «на всякий случай». Породить суеверие легче лёгкого. Если вы скажете людям, что им повезёт, если они бросят в фонтан монетку, или что желание, загаданное в тот момент, когда они задувают все свечи на торте, непременно сбудется, они будут рады вам поверить. Даже если суеверие не «сработает», оно создаст благоприятные условия для общения и структурирует социальную коммуникацию.

Чем суеверия поражают воображение — так это тем, сколь они живучи даже в среде весьма рациональных, практичных и далёких от романтики жителей городов. Сегодня малозаметные защитные действия можно наблюдать почти всюду: мы то «скрестим на удачу пальцы» (раннехристианский знак, символизирующий распятие), то «постучим по дереву» после того, как чем-то похвастались (к священному дубу прикасались, дабы умиротворить бога Тора), то скажем «на здоровье», когда кто-то чихнул (при внезапном выдохе может вылететь вон и часть души человека), то дотронемся до какого-нибудь железного предмета (некогда железо считалось волшебным металлом, обладающим сверхъестественными свойствами). Чем утончённее культура, тем больше подобных суеверий у её представителей. В каждой стране мира есть одно-два излюбленных суеверия, причём люди, которые совершают те или иные «суеверные» действия, как правило, понятия не имеют, какое

значение придавали этим действиям их предки. Они смеются над суевериями, говорят, что следовать им глупо, и все равно им следуют.

Особая категория Защитного Поведения — ношение разного рода амулетов и талисманов. Существуют буквально сотни «знаков удачи», которые люди различных стран и эпох носили с собой или на себе — и опять же практика ношения амулетов распространена сегодня почти повсеместно, невзирая на то, что мы живём в век науки. Как и раньше, люди улыбаются и говорят, что «это все чепуха», но от талисманов не отказываются.

Тех, кто специализируется на наблюдениях за людьми, особенно интересуется такая разновидность амулета, как «замороженный знак». Это знак удачи в виде руки, которая подаёт определённый сигнал. Нося такой амулет, человек, так сказать, совершает защитное действие постоянно. Он не складывает пальцы в защитном знаке в момент, когда необходимо «отвести беду», за него несчастье отводит амулет, причём все время, и человек считает, что он получил постоянную защиту. Если поехать сегодня по Европе, найдётся по меньшей мере десяток подобных амулетов разных форм, продающихся в разных странах. Они защищают своего владельца самыми разными способами. Одни амулеты сделаны в виде оптимистических знаков — знака победы «V», знака «пальцы вверх», знака «о'кей». Другие, например, пальцы, растопыренные «козой», или греческий знак «мутза», прямо угрожают воображаемому «злу». Кроме того, отдельная категория амулетов отводит порчу и сглаз. В основе веры в сглаз лежит уверенность в том, что есть люди, взгляд которых способен принести несчастье. Защититься от сглаза можно, либо отводя взгляд от них, либо избегая их взгляда. Вы окажетесь в безопасности, если сумеете сделать так, чтобы эти люди не смотрели вам в глаза, для чего и носят большой и странный амулет, призванный привлекать «дурной взгляд». Отвлекать внимание людей с таким взглядом может и обценный амулет в виде знака «фига»: неприличный знак неизбежно заставит человека отвести взгляд от ваших глаз. Есть и ещё один способ защититься: носить амулет в виде глаза, который «переглядит» того, кто может вас сглазить.

Вера в сглаз характерна для Средиземноморья, где даже умудрённые жизнью люди воспринимают эту опасность весьма серьёзно. Обычно все начинается с простого совпадения. Человек приходит к кому-то домой, вскоре после этого в доме умирает один из членов семьи, или домашнее животное, или случается какое-нибудь другое несчастье. Семья начинает думать, что человек их сглазил. Если позднее он вновь приходит в этот дом и вновь случается какая-то беда, семья уверяется в том, что у человека «дурной глаз». Теперь она пойдёт на все, чтобы не встретиться с этим человеком в третий раз. Если, однако, новой встречи никак не избежать, члены семьи приобретут амулеты и другие защитные талисманы. В некоторых странах рыбаки защищают свои лодки от всевозможных несчастий, вызванных сглазом, закрепляя на носках лодок пару искусственных глаз, которые в случае чего всегда «переглядят» врага. Этот обычай, восходящий к Древнему Египту, до сих пор существует во многих регионах. Кое-где дома защищают от сглаза, помещая на крышу пару рогов, символизирующих, как и знак «коза», защиту от атакующих сил зла. Защитные действия демонстрируют навязчивое стремление человека защититься от потенциальной опасности и заранее подготовиться к любому нападению. Современное общество располагает особыми защитными институтами в виде полиции, судебной системы, страховых компаний, директив о безопасности и так далее; достижения науки позволяют нам ощущать себя куда увереннее и отмахиваться от сказок про сглаз и порчу; и все равно мы не забываем о наследии наших предков — готовности в любой момент отразить внезапную и необъяснимую атаку. Не

забываем мы и о сопутствующем этой готовности Защитном Поведении.

ПОДЧИНЁННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Как мы умиротворяем тех, кто нас критикует или атакует

Когда на нас нападают, у нас есть пять альтернатив: сражаться, бежать, спрятаться, позвать на помощь — или попытаться умиротворить обидчика. Если напавший на нас человек слишком силён и сражаться с ним бессмысленно, если бежать некуда, прятаться негде и звать на помощь некого, остаётся лишь попытка умиротворения. В такие моменты на передний план выходит Подчинённое Поведение.

Пассивное подчинение у людей мало чем отличается от такового у других млекопитающих. Наиболее ярко оно проявляется, когда особь пресмыкается, падает ниц, ползает по земле, скулит и пытается защитить наиболее уязвимые части своего тела. Человек добавил в этот набор, единственный уникальный элемент: мы ко всему прочему голосим и молим о пощаде.

Зажатая в углу жертва, вынужденная вести себя подобным образом, представляет собой душераздирающее зрелище. В плане выживания вида именно в этом и заключается функция Подчинённого Поведения: для того, чтобы особь выжила, она должна казаться настолько недееспособной, чтобы сразу было ясно — нападать на неё не стоит. Особь словно говорит нападающему: «Если ты меня атакуешь, я окажусь в положении, в котором уже нахожусь, так нужно ли тебе тратить силы и нападать?» Особь ведёт себя так, словно уже потерпела поражение, и тем самым пытается избежать реальных физических повреждений, которые готов нанести ей атакующий.

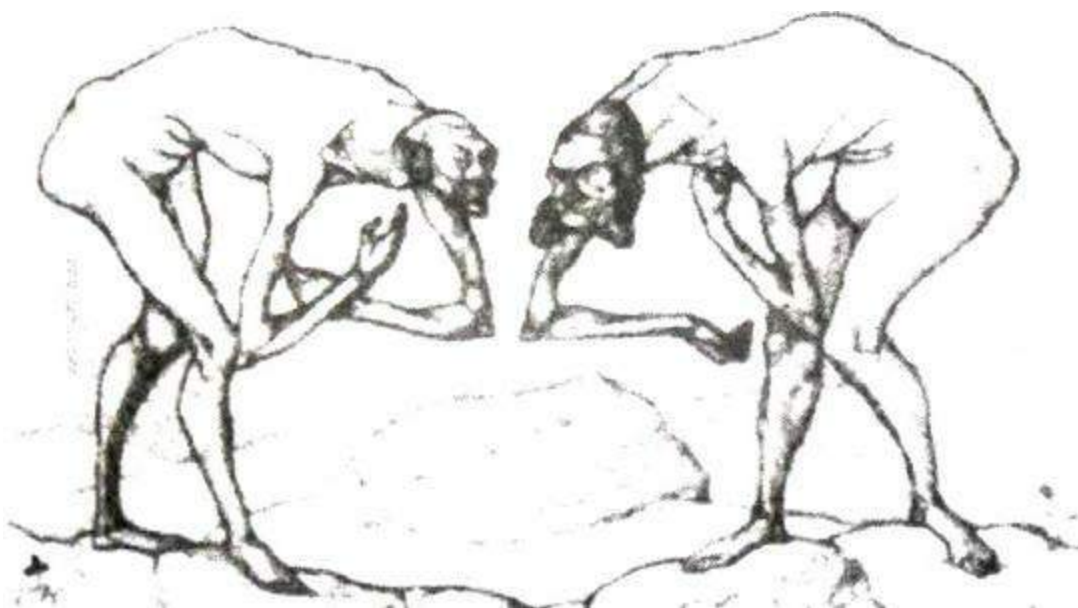
Успех Подчинённого Поведения зависит от того, насколько явно подаются сигналы, прямо противоположные сигналам угрозы. Угрожающий человек агрессивно наступает на жертву, его тело напряжено, он держит грудь колесом, сжимает кулаки, смотрит свирепо, рычит и орёт. По контрасту подчиняющийся индивид старается максимально расслабить мышцы, он сутулится, смотрит в пол, его руки разведены в стороны, голос — слаб и тонок. Таким образом, он гасит все угрожающие сигналы, постоянно подавая атакующему знаки: «Обращаться со мной как с противником не надо».

Наиболее важный аспект подчинения — попытка показаться меньше, чем ты есть на самом деле. Достичь этого можно двумя способами: съёжившись и наклонившись так, чтобы оказаться ниже атакующего. В крайней форме оба элемента наблюдаются в позе раболепствующего человека, который склонился до земли и скулит. Более умеренные версии этой позы часто принимают прохожие на улице. Вечный страдалец, несчастный горемыка и депрессивный подчинённый бредут ссутулившись, их плечи округлены, шея вытянута вперёд, они все время горбятся. Они наклоняются и съёживаются совсем немного, что свидетельствует о хроническом характере подчинения. Их боссы и начальники, умеренные тираны, привыкшие подавлять подчинённых, никогда не угрожают им физическим насилием. Никто не нападает на этих людей внезапно и яростно со сжатыми кулаками. Имеет место мягкое и хроническое доминирование, породившее в итоге столь же мягкое и хроническое Подчинённое Поведение.

Любой язык содержит множество отсылок к «маленьким людям» и «большим людям». Говорят: «Он крупный финансовый воротила»; «Он смотрит на меня сверху вниз», или: «Он

маленький глупый человечек!»; «В его обществе я чувствую себя ниже плинтуса». Ни одно из этих предложений не несёт информации о том, какого человек роста. Во всех случаях размер тела — символ доминантного или подчинённого статуса.

Мысль о том, что небольшой рост связан с неудачами, настолько въелась в поры нашей цивилизации, что успешность человека стала на самом деле зависеть от его роста. Недавние исследования показали, например, что епископы в среднем выше, чем простые священники; ректоры университетов выше ректоров колледжей; главы маркетинговых отделов выше коммивояжеров. Более того, невысокие люди с большими амбициями обычно борются за высокую должность весьма энергично и агрессивно — они ощущают необходимость компенсировать маленький рост напористостью. Высокий директор иногда позволяет себе расслабиться, коротышка же должен вечно оставаться в напряжении, постоянно доказывая всем вокруг, что он достоин своего места. Классический пример — Наполеон, рост которого составлял 157 сантиметров, однако такие люди — исключения из правил, и они почти не влияют на статистику, доказывающую, что «выбиваться в люди» высокому человеку много легче.

Поклон — древняя и широко распространённая форма Подчинённого Поведения. «Встреча двух людей, каждый из которых считает другого выше рангом» — ранний (1903 г.) офорт швейцарского художника Пауля Клее, изображающий преувеличенное подчинение: каждый хочет показаться меньше и ниже другого.

Если человек маленького роста, даже выпрямившись, неизбежно производит впечатление покорного подчинённого, значит, сигнал о том, что мы временно подчиняемся чему-либо или кому-либо, можно подать, умышленно наклонившись. Избитый человек расплывается по полу, поскольку у него нет другого выхода; доминирующий индивид, желающий моментально отказаться от доминирования, может отвесить короткий и упрощённый поклон. Добровольное или активное Подчинённое Поведение, выраженное в бесконечных поклонах и расшаркиваниях, не утратило своей роли во многих ситуациях даже сегодня. Раньше поклоны были куда более распространены, однако, невзирая на нынешний эгалитарный социальный климат, они по-прежнему играют значительную роль в культурах многих стран мира.

Наиболее умеренный поклон можно наблюдать, когда желающий угодить подчинённый чуть подаётся вперёд во время разговора с высокопоставленным собеседником. Разнообразные варианты позы «мы рады вам служить» демонстрирует и неизменно

улыбчивый, подающийся телом к потенциальному покупателю коммивояжёр. Агент по продажам не отвечает поклоном, но его наклон тела намекает на то, что он вполне может это сделать. В наше время продавцы в магазинах и лавках неприветливы, они вытягиваются в струнку, однако не так давно они постоянно кланялись уважаемым клиентам, всячески их приветствовали, провожали до дверей и говорили им «до свидания» с улыбками на лицах. В старомодных магазинах пожилые продавцы продолжают вести себя подобным образом даже сегодня.

Полновесный поклон можно наблюдать ныне лишь в особых случаях. Тело кланяющегося сгибается в талии, голова при этом наклоняется на чуть меньший угол, чем туловище. Человек кланяется непосредственно доминирующему индивиду, который может поклониться в ответ, но не так же, а умереннее. В разных странах культура поклонов исчезала с разной скоростью. Наилучшим образом она сохранилась в Японии и Германии, а в США почти полностью исчезла. В ходе ритуала представления многие японцы и немцы все ещё отвечают глубокие поклоны, в то время как американцы кланяются едва-едва, если, конечно, не хотят кого-нибудь высмеять. В других странах на приёмах и вечеринках принято кланяться достаточно формально, а глубокие поклоны можно наблюдать редко, например, во время церемонии приветствия особо важных гостей. Только в театрах и концертных залах исполнители кланяются в ответ на аплодисменты так же, как столетия назад, причём эта традиция сохранилась почти во всех странах мира.

В регионах, где мужчины по-прежнему носят шляпы, снять шляпу (с поклоном или без) — значит уменьшить свой «рост»; этот символический знак — ещё один дополнительный способ продемонстрировать Подчинённое Поведение. Столетие-другое назад поклоны были настолько глубокими, что снятая шляпа практически касалась пола. Сегодня там, где этот обычай сохранился, он сводится чаще всего к прикосновению пальцев к полям шляпы: символ в квадрате.

В странах, где все ещё царствуют королевские семьи, мы имеем возможность наблюдать различные формы поклона в качестве пережитка, сохранившегося до наших дней. Местные сановники склонны приветствовать монарха и членов его семьи особенно глубокими поклонами, однако те, кто приближен ко двору, ведут себя по-другому. Возможно, потому, что им приходится отвечать поклоны достаточно часто, они «сокращают» их до кивка, однако, желая показать свою покорность короне, кивают резко, стремительно наклоняя голову и столь же быстро возвращая её в прежнее положение. Эта разновидность поклона демонстрирует одновременно их близость к монарху и подчинение ему.

Женщины при дворе, как правило, делают реверанс, однако этот способ оказаться «ниже ростом» не стал столь же распространённым, как поклон, и в других формальных ситуациях встречается очень редко. У современного реверанса, при котором женщина приседает, держа торс прямо, длинная и весьма любопытная история. Обычно реверанс делают, отведя одну ногу назад и слегка согнув колени. Это телодвижение символизирует преклонение колен. В древности простолудины преклоняли оба колена перед царями. В Средние века это телодвижение было заменено другим: перед доминирующими индивидами преклоняли лишь одно колено. В те времена мужчинам дозволялось преклонять оба колена лишь перед богом; считалось, что правители, переставшие называться «божественными», такой почести недостойны.

В эпоху Шекспира тенденция продолжилась: «половинное» преклонение колен в большинстве случаев заменялось реверансом. Перед доминирующими индивидами

приседали и мужчины, и женщины, при этом различия между мужским и женским реверансами практически не было: оба пола сгибали колени и в то же время кланялись. К XVII веку о равенстве полов речь уже не шла: мужчины сосредотачивались на поклонах и прекратили сгибать колени, в то время как женщины сгибали колени, но почти не кланялись. Обычно все, что позволяла себе приседавшая в реверансе женщина, — это слегка изогнуть туловище и опустить при этом глаза. Мужская и женская версии телодвижения разнятся до сих пор, и лишь в театре актрисы часто кланяются по-мужски вместе с коллегами другого пола.

Изучая историю Подчинённых Телодвижений от древних времён до наших дней, замечаешь, что из этих телодвижений стремительно исчезало подобострастие. Проще говоря, люди принижали себя все меньше и меньше. Лишь бог сохранил свой древний статус наперекор любым тенденциям. Верующие в церквях по-прежнему молятся богу, преклонив оба колена, в то время как цари и короли должны обходиться все меньшей раболепностью. Одно из немногих исключений тут — церемония посвящения в рыцари: посвящаемый, как и раньше, опускается перед монархом на одно колено и преклоняет голову. Но даже здесь преклонение колена со временем «сократилось» — правое колено водружается на скамеечку с мягким верхом, иначе говоря, оно не должно опускаться до уровня пола.

Примеры истинного подобострастия в формальных ситуациях следует искать в глубокой древности. В сравнении с ритуалами, существовавшими в стародавние времена, даже преклонение обоих колен может показаться достаточно скупым знаком. Всемогущие императоры и князья часто требовали от тех, кто желал к ним приблизиться, простираться ниц. В древних царствах рабы падали ниц перед хозяевами, пленные — перед теми, кто их пленил, слуги — перед господами. Тело в этом случае распластано по земле, лицо обращено вниз. Это крайняя форма принижения себя; ниже можно пасть, лишь будучи погребённым. По мере того, как деспотия уступала место более мягким формам правления, люди падали ниц всё реже, однако, подобно преклонению обоих колен и одного колена, данная поза сохранилась кое-где до нашего времени — например, ниц простираются католические священники во время обряда рукоположения.

На Востоке практиковались очень низкие поклоны, при которых человек сначала опускается на колени, а затем наклоняется вперёд до тех пор, пока его лоб не коснётся земли. Сегодня подобным образом кланяются верующие, однако, как и преклонение обоих колен, низкий поклон сохранился не повсеместно. Почтительный поклон, при котором говорят «салям», является, судя по всему, упрощённой формой низкого поклона, точно так же, как кивок стал упрощённой формой преклонения колен. При почтительном поклоне рука прижимается к груди, затем касается губ, затем лба; за этим тройным касанием следует лёгкий кивок. Касания символизируют соприкосновение участков тела с землёй, в итоге почтительный поклон передаёт послание: «Ради вас я коснулся бы земли грудью, губами и лбом», — за чем следует кивок, подтверждающий готовность поступить подобным образом. В наши дни арабы с не меньшей охотойжимают друг другу руки, однако почтительный поклон не исчез полностью. Правда, он ещё более упростился и иногда сводится к моментальному прикосновению руки к груди. Бывает, что пальцы «кланяющегося» просто касаются его губ. Как и всякая составляющая Подчинённого Поведения, почтительный поклон сдаёт позиции под натиском охватившей современное общество эгалитаризации.

Та же судьба постигает и другую особую форму коммуникации — поцелуй. В древности равные целовали равных, сближая головы и соприкасаясь либо губами, либо щеками, однако

подобная вольность не дозволялась нижестоящим в отношении вышестоящих. Чем ниже целующий стоял на социальной лестнице, тем ниже он целовал обладателя высокого статуса. Тем, кто был ниже всех, полагалось «целовать грязь». Другими словами, эти люди должны были прикасаться губами к земле у стоп правителя, ибо были недостойны целовать его ноги. Чем выше был статус целующего, тем выше располагалась «мишень» для его губ. От ступней переходили к целованию края одежды, колена, наконец, руки. Так, раньше епископам разрешалось целовать колено Папы, в то время как простые смертные удостоивались целования креста, вышитого на его правом ботинке.

Целование руки, будучи наиболее умеренным вариантом поцелуя как формы Подчинённого Поведения, сохранилось почти повсеместно. В ряде стран мужчины по-прежнему целуют руку дамам, приветствуя их, хотя в среде молодых людей и этот обычай отходит в прошлое по мере того, как девушки теряют своё социальное превосходство, в борьбе за равноправие. Уменьшился и масштаб раболепия перед римским Папой: ныне тому, кто удостоивается его личной аудиенции, разрешается целовать перстень на папском пальце. Правда, при этом целующий обязан опуститься на оба колена — эту привилегию Папа делит с самим богом.

Подчинённое Поведение содержит в себе одно существенное противоречие, о котором нельзя не упомянуть. Когда нижестоящий встречает вышестоящего, он должен так или иначе принизить себя; между тем, когда вышестоящий входит в помещение, где сидит нижестоящий, тот обязан встать. Вставание при приветствии посетителя — распространённая любезность в странах, где самопринижение в той или иной форме встречается редко. Чем ниже статус человека, тем меньше вероятность, что он будет сидеть в присутствии стоящего коллеги, занимающего более высокую должность. Когда индивид встаёт, он кажется выше, чем когда он сидит, потому вставание представляется противоречащим основному правилу: подчинённость = принижение. Объяснить это противоречие можно, сказав, что мы имеем дело с двумя различными системами действий. В первой системе подчинённый при встрече с вышестоящим человеком должен принизить себя. Вторая система основана на том, что в группе людей расслабиться первым может лицо с самым высоким статусом. Подчинённые не имеют права на удобство до тех пор, пока этим правом не воспользуется их начальник, который может пригласить их последовать его примеру. Поскольку сидящий человек расслаблен больше того, который стоит, право сесть первым принадлежит доминирующему индивиду. Хозяева сидят, а слуги стоят, пребывая в готовности выполнить их распоряжения. Эти системы действий, разумеется, вступают в противоречие, поскольку сидящий определённо принижает себя в сравнении с теми, кто остаётся стоять. Вот почему, принижая себя раболепно и подобострастно, подчинённый обязан принять особую позу (будь то преклонение колен, поклон, простираание ниц или реверанс), которая должна отличаться от позы сидящего человека и быть недвусмысленно напряжённой.

Важная особенность принижения тела как элемента Подчинённого Поведения, таким образом, заключается в том, что принижающий себя должен испытывать неудобство и лишаться возможности передвижения. Доминирующий индивид может захотеть устроиться поудобнее, присесть или прилечь, не рискуя принизить свой статус. Древнее изобретение, позволяющее правителю одновременно удобно сидеть на специальном сиденье или приподнятой платформе и в то же время доминировать, глядя на всех своих подданных свысока, — это трон. Вряд ли нужно говорить, что этим изобретением исстари пользуются

монархи, цари и деспоты всего мира. Трон настолько явно выражает идею высокого статуса, что его изобретали в самых разных культурах, когда бы ни возникала необходимость продемонстрировать доминирование.

Человек, усвоивший основные принципы Подчинённого Поведения, может манипулировать ситуацией и по своему желанию умиротворять тех, кто его атакует. Если, например, полицейский останавливает водителя, потому что тот превысил скорость, водитель, скорее всего, будет спорить с ним, доказывать, что произошла ошибка, или извиняться, не выходя из машины, иначе говоря, он будет сидеть на своём месте. В такой ситуации он воспринимается как противник, и полицейский будет вынужден пойти на конфликт. Если водитель действительно превысил скорость, полицейский неоспоримо находится в доминирующей позиции, и единственная возможность умиротворить его и избежать штрафа — принять подчинённую позу. Для этого водитель должен: (1) выйти из машины (она является личной территорией и потому наделяет водителя высоким статусом); (2) приблизиться к полицейскому до того, как тот подойдёт к машине (чем большее расстояние должен пройти страж порядка, тем более некомфортно он себя ощутит, что породит в нем враждебность); (3) расслабить тело, сторбиться, податься вперёд, придать лицу обеспокоенное выражение (все это — сигналы Подчинённого Поведения); (4) выразить свою подчинённость словами, то есть — полностью признать свою ошибку, сказать, что он совершил её по глупости, отпустить в свой адрес пару уничижительных шуток и в то же время польстить полицейскому (в итоге интеллектуальный статус водителя понизится, а интеллектуальный статус полицейского повысится).

Применяя все эти приёмы одновременно, водитель, скорее всего, добьётся того, что полицейский перестанет вести себя враждебно и настаивать на штрафе. Он, сам того не желая, ощутит себя умиротворённым. Водитель, который отказался от удобного сидячего места в машине, покинул свою территорию, принизил себя и выказал подчинённость, разбавив её лестью, шутками и самокритикой, теряет все качества «противника», и нападать на него нет никакой нужды ^[3].

Предупреждение: чернокожий американский подросток, когда ему рассказали об этом методе избежать штрафа, ответил, что если он выйдет из машины, когда его остановили полицейские, его, возможно, застрелят «при попытке к бегству». Есть надежда, что он преувеличивал опасность, но в общем и целом возражение этого подростка — ещё одно напоминание об опасности чрезмерного обобщения правил языка телодвижений. В конкретных обстоятельствах даже базовые реакции могут сильно различаться.

В большинстве ситуаций, однако, сознательное следование Подчинённому Поведению может творить чудеса в спорах не только между водителями и полицейскими, но и между родителями и детьми, соседями, друзьями, влюблёнными и родственниками. Поразительно, как быстро испаряется враждебность, стоит ей столкнуться с полным подчинением. Есть лишь одна загвоздка: для многих людей показное раболепие, осознанно взятое на вооружение ради решения коммуникативной проблемы, более чем неприятно. Очень сложно вести себя подобострастно и не думать при этом, что ты пресмыкаешься. Избавиться от этого ощущения достаточно легко, однако сам по себе подобный опыт достаточно болезнен, потому что многие водители предпочтут огрызнуться — и заплатить штраф.

Возможно, самая необычная форма Подчинённого Поведения (и какого бы то ни было поведения вообще) — это реакции загипнотизированных людей. Говорят, что гипнотизёр вводит индивида «в сонное состояние», но на самом деле он отключает некий внутренний

механизм, благодаря которому человек контролирует свои действия. Он достигает этого, применяя различные техники доминирования, как вербальные, так и визуальные. Гипнотизёры не бывают робкими, застенчивыми или неуверенными в себе. С самого начала гипнотизёр резок и решителен, он манипулирует гипнотизируемым, полностью владеет ситуацией и требует безоговорочного подчинения: «Слушайте мой голос...», «Сейчас вы почувствуете...» От него нельзя услышать: «Пожалуйста, послушайте...» или «Вы можете почувствовать...» Он не сомневается и не спорит — он отдаёт приказы. При этом гипнотизёр подчиняет себе волю человека, после чего им можно командовать так, как командовали разве что рабами в Римской империи.

В куда более умеренной форме эти техники применяются многими успешными и важными «большими людьми». Магнаты, крестные отцы мафии, великие актёры, главнокомандующие и деспотичные политики окружены особой аурой, которая дестабилизирует наш механизм самоконтроля и вводит нас в слегка гипнотическое состояние. Самые верные средства против такого воздействия — непочтительность и неуважение. Любое общество, теряющее эти качества, рискует исчезнуть под натиском Подчинённого Поведения.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Действия, призванные умиротворить воображаемых богов

Религиозные Действия по своей сути выражают подчинение доминирующим индивидам, которых называют богами. Эти действия включают в себя различные варианты унижения себя, такие, как преклонение колен, поклоны, простираание ниц, распевание молитв и ритуалы самоунижения и жертвоприношения, а также приношение даров богам и символические сигналы, заверяющие богов в преданности.

По сути, Религиозные Действия — это попытка умиловить доминирующих сверхсуществ с целью обрести блага или избежать наказания. В таком поведении нет ничего необычного. Животные, обладающие низким статусом, схожим образом, выказывают покорность своим более сильным собратьям. Удивительная особенность Религиозных Действий, наблюдаемых сегодня, состоит в том, что люди декларируют подчинение доминирующему индивиду или индивидам, с которыми невозможно встретиться лицом к лицу. Будучи представлены изображениями и артефактами, те выражают свою волю исключительно через «агентов», называемых жрецами или священниками. Эти посредники пользуются большим влиянием и уважением, поскольку боги наделяют их частичкой своей силы. Поэтому жрецам столь важно постоянно держать приверженцев культа в повиновении доминирующим сверхсуществам. Делать это можно различными способами.

Жрецы поощряют давление на последователей конкурирующих культов. Это давление может сильно различаться по форме — от умеренного осуждения до издевательств, открытой ненависти и жестоких гонений. Многие религии, проповедующие сейчас терпимость, бывали крайне нетерпимы к неверным. Религиозность играет существенную роль в механизмах общественной изоляции. Преданность местным богам требует отделить тех, кто верует правильно, от тех, кто верует как-то иначе. Отсюда — возникновение различных сект, враждующих между собой.

Жрецы часто сочиняют убедительные истории о том, как боги наказывают непокорных. В прошлом любое естественное бедствие — потоп, эпидемия, неурожай, пожар — толковалось как проявление божественного гнева; «глад и мор» насылались, чтобы покарать людей за неповиновение богам. Жрецы говорят, что совпадения на самом деле — вовсе не совпадения, и, используя внушаемость верующих, порождают в итоге суеверия.

Жрецы придумывают загробный мир, где покорных верующих вознаградят, а непокорные будут вечно страдать. Историки приводят свидетельства того, что вера в жизнь после смерти зародилась много тысяч лет назад. Древние захоронения полнятся предметами, которыми умерший снабжался, чтобы ему хорошо жилось на том свете. Этот обычай, уходящий корнями в каменный век, не исчезал несколько тысячелетий.

Удивительно, но во все времена множество вполне разумных людей в самых разных странах поддавались давлению священников и испытывали страх перед богами. Влияние жрецов поддерживалось за счёт нескольких факторов.

Первый и, возможно, самый важный из них — это обретение нашими далёкими предками чувства времени. Другие виды обмениваются информацией о настоящем, демонстрируя своё внутреннее состояние на данный момент, но не способны размышлять о

будущем Человек в состоянии осознать неизбежность собственной смерти, и эта мысль для него невыносима. Любое животное, столкнувшись с риском умереть, стремится как-то себя защитить. Встретившись с хищником, оно убегает, прячется, атакует или использует какой-то другой защитный механизм, например, прикидывается дохлым или испускает вонючие газы. Есть много механизмов самозащиты, но все они включаются лишь при встрече с реальной опасностью. Когда человек осознает, что в будущем он обязательно умрёт, он силой мысли превращает потенциальную опасность в реальную. Его способ защититься — сказать, что смерти не будет. Он не может отрицать того, что его тело умрёт и сгниёт, поскольку это случается со всеми; потому человек решает проблему, придумывая себе бессмертную душу, которая больше «его», нежели собственное физическое тело. Если душа может пережить смерть, значит, человек сумел защитить свою жизнь от угрожающей ей опасности.

Посредники между богами и людьми извлекают из этой ситуации все возможные выгоды. Им всего лишь нужно постоянно напоминать своим последователям, что те смертны, и убеждать их в том, что жизнью после смерти ведают именно те конкретные боги, которым они, жрецы, служат. Все остальное сделает инстинкт самосохранения верующих.

Во-вторых, священнослужителям помогает такое свойство человека, как неотения. В биологии неотенией называется свойственная некоторым видам способность к размножению на стадии, предшествующей взрослому состоянию. Можно сказать, что со временем юные особи данного вида становятся все более взрослыми — или, скорее, взрослые становятся все более юными. По многим параметрам человек — это неотеническая обезьяна. Взрослый человек больше похож на юную обезьяну, чем на взрослую, он столь же игрив и любопытен. Когда обезьяна взрослеет, она теряет юношескую игривость; человек не теряет её никогда.

Точно так же собаки — это неотенические волки. Людям нравятся игривые «друзья человека», оттого он выводит все более «юных» собак. Взрослая домашняя собака прыгает, скачет и играет с хозяином так же, как волчонок. Волчата вырастают и перестают играть. Щенки тоже вырастают, но их поведение, как и поведение людей, остаётся инфантильным — они играть не перестают. Иначе говоря, они реагируют на человека так, словно видят в нем родителя. Владелец собаки превращается в доминирующую фигуру, в отца или мать собаки. Будучи неотеническими животными, собаки могут спариваться и размножаться, и все равно они реагируют на «родительское» доминирование и подчиняются хозяину. Другими словами, для собаки человек — это бог.

Благодаря эволюции неотеническая обезьяна — человек — оказалась в том же положении, что и собака. Пройдя стадию полового созревания, он по-прежнему нуждается в родителе — в сверхродителе, который стал бы для человека тем же, чем человек стал для собаки. Отсюда один шаг до изобретения бога — либо в его женской ипостаси (мать-богиня), либо в мужской (бог-отец), либо даже целой семьи богов. Подобно настоящим родителям, эти боги могут защищать, наказывать и требовать подчинения.

Нелишне спросить, почему эту роль не могут играть собственные родители человека. Ответ прост: с точки зрения биологии для того, чтобы выполнять родительскую функцию, родители должны быть физически крупнее потомства. Ребёнок должен смотреть на родителей снизу вверх. Они обязаны быть сильнее его, чтобы защитить ребёнка от опасности. Как только дети вырастают и уподобляются родителям и в росте, и в весе, и в способности размножаться, родители перестают считаться таковыми.

А вот боги и богини остаются огромными. Как и родители, они «наверху» — обращаясь

к ним, мы поднимаем взгляд к небу. Они всемогущи, какими и должны быть хорошие родители. Мы можем состариться, но все равно зовём их «Святая Мать» или «Отче» и доверяемся им, как дети доверяются родителям (или жрецам, часто присваивающими себе подобные титулы).

В-третьих, священнослужители используют стремление людей к сотрудничеству. Когда наши далёкие предки сделались охотниками, они были вынуждены доверять друг другу в куда большей степени, нежели раньше. Вождь должен был полагаться на соплеменников и рассчитывать уже не на пассивное подчинение, но на активное сотрудничество. Однако если позволить им проявлять инициативу, есть опасность, что охотники перестанут слепо и безоговорочно подчиняться вождю или племени. Разумное сотрудничество, в котором отчаянно нуждались группы охотников, могло легко обернуться потерей столь же необходимой сплочённости. Как вождь может требовать одновременно слепой веры и призывать к разумному сотрудничеству? Очень просто: следует придумать сверхвождя, бога, благодаря которому группа сплотится ради единой цели, и в то же время позволить членам группы разумно сотрудничать друг с другом.

Таковы три фактора, без которых священнослужители не смогли бы столь успешно рекламировать своих богов и Религиозные Действия: стремление человека защититься от угрозы смерти; стремление обрести сверхродителя; стремление обрести сверхвождя. Бог, обещающий жизнь после смерти в ином мире, защищающий «детей» независимо от их возраста, предлагающий послужить великому делу и сплывающий людей воедино, автоматически вызывает у них позитивную реакцию.

От жрецов и священников требуется обеспечить верующих впечатляющими обрядами. Почти во всех религиях есть церемониалы, в ходе которых почитатели данного божества могут насладиться участием в сложной групповой деятельности. Сила и власть бога проявляются в том, что он может доминировать и командовать, подчиняя себе огромные толпы людей; в то же самое время усиливается и взаимная связь между верующими. Поскольку боги являются сверхродителями и сверхвождями, они обитают в просторных домах, где «встречаются» со своими почитателями. Если бы инопланетяне, не знающие ничего о нашей цивилизации, пролетели на космических кораблях над земными поселениями, они моментально заметили бы, что во многих деревнях и городах одно или два здания выделяются своими размерами. Возвышаясь над остальными домами, эти огромные строения явно служат пристанищами каким-то гигантам, чей рост во много раз превышает рост среднего землянина. Дома богов — храмы, мечети, церкви и соборы — рассчитаны словно на великанов, и инопланетяне сильно удивились бы, узнав, что великаны эти никогда не бывают дома. Их последователи то и дело навещают их и поклоняются им, но сами гиганты остаются невидимы. Только их крики разносятся повсюду — или же это звонят в колокола? Человек — существо, гораздо на выдумки.

АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Как мы помогаем другим за свой счёт

Альтруизм можно определить, как стремление совершить бескорыстное действие. В качестве элемента поведения это действие должно отвечать двум условиям: оно совершается во благо кого-то и ставит благодетеля в невыгодное положение. Иначе говоря, это не просто помощь другому человеку — это помощь, оказанная за свой счёт.

Простое определение маскирует сложную биологическую проблему. Если я помогаю вам, вредя себе, следовательно, я увеличиваю ваши шансы на успех в сравнении с моими. С точки зрения эволюции это означает, что ваше потомство (или потенциальное потомство) имеет больше шансов на выживание, чем моё. Если я повёл себя альтруистично, ваша генетическая линия сохранится с большей вероятностью, чем моя. С течением времени мои неэгоистические гены исчезнут, а ваши эгоистические сохранятся. Потому с эволюционных позиций альтруизм как способ поведения не слишком конкурентоспособен.

Между тем люди являются потомками животных, которые выиграли тяжелейшую эволюционную битву за выживание, иными словами, мы не можем быть генетически запрограммированы на Альтруистическое Поведение.

Теория эволюции предполагает, что наши предки, как и все остальные животные, действовали эгоистически, даже если со стороны могло показаться, что они приносят себя в жертву и занимаются благотворительностью.

Это биологический, эволюционный аргумент, и по-своему он абсолютно убедителен, однако «лучшие моменты» истории человечества он не объясняет. Когда человек видит горящий дом, в котором осталась его маленькая дочь, его старый друг, незнакомец или даже орущий котёнок, он может, не колеблясь ни секунды, ринуться в пылающее здание, рискуя получить сильнейшие ожоги и никого при этом не спасти. Можно ли действия такого рода описать как эгоистические? На самом деле — да, но для этого потребуется дать новое определение слова «эго» — «я».

Думая о своём «эго», мы чаще всего связываем его с собственным телом, каким оно является на данный момент. Однако с биологической точки зрения правильнее считать это тело лишь временным хранилищем, подлежащим уничтожению контейнером, в котором содержатся наши гены. Эти гены — генетический материал, унаследованный нами от родителей и подлежащий передаче нашим детям, — в каком-то смысле бессмертны. Наши тела — не более чем транспорт для генов, которые через них передают себя из поколения в поколение. Именно гены, не люди, являются основными единицами эволюции. Мы — всего лишь охранники генов, защищающие их от уничтожения всеми доступными средствами в течение наших коротких жизней.

Религия учит, что у человека есть бессмертная душа, которая покидает тело в момент смерти и улетает на небо (а то и в ад). Более удобно изобразить душу мужчины в виде спермы, а душу женщины — в виде яйцеклетки, и считать, что они покидают тело не в момент смерти, а в момент спаривания. Развивая эту мысль, можно прийти, разумеется, и к понятию «жизнь после смерти», которая случается не в каком-то мистическом «ином мире», но прямо здесь, на небесах или в аду яслей и игровой площадки, где наши гены продолжают

бесконечное путешествие по туннелю времени, перебравшись в новые контейнеры плоти, которые мы зовём детьми.

Отсюда следует, что с точки зрения генетики наши дети — это мы или скорее половина нас, поскольку наш партнёр передаёт каждому ребёнку половину его генов. Тогда получается, что наша любовь к детям и на первый взгляд бескорыстная родительская забота на деле — не что иное, как забота генов о самих себе. Человек, рискующий собой ради спасения дочери, в реальности спасает собственные гены в новом телесном контейнере. Оберегая свои гены, он поступает с точки зрения биологии не альтруистично, а эгоистично.

Предположим, однако, что человек прыгает в огонь, чтобы попытаться спасти не свою дочь, а дочь старого друга. Можно ли этот поступок назвать эгоистичным? Ответ на этот вопрос следует искать в эпохе, когда появились первые люди. Миллион лет назад человек был всего лишь членом племени, маленькой группы, где все знали друг друга и были генетически связаны друг с другом. Спаривание с членами других племён, конечно, случалось, однако с большой вероятностью каждый член твоего племени приходился вам родственником, пусть даже и дальним. Соответственно, когда дело касалось членов племени, без альтруизма было не обойтись. Речь шла о спасении копии ваших генов, и хотя вы отзывались на их крик о помощи с меньшим энтузиазмом, чем если бы в беду попали ваши дети, тем не менее, вы спасали их опять-таки из генетического эгоизма.

Этот процесс, разумеется, не поддаётся просчёту. Он идёт неосознанно и базируется на эмоции, которую мы называем «любовь». Мы говорим, что исходим из любви к нашим детям, когда делаем для них что-то «бескорыстно»; мы также говорим, что любим ближнего, когда приходим на помощь друзьям. Эти эмоции относятся к врождённым, и когда мы слышим крик о помощи, мы ощущаем потребность подчиниться исходящим из глубины сознания порывам, не задавая лишних вопросов и не подвергая эти порывы анализу. Мы считаем свои действия бескорыстными, а не эгоистическими, лишь потому, что думаем о себе как о «людях», а не как о «генетических механизмах».

Пока что все ясно — но что мы скажем о человеке, который бросается в огонь, чтобы спасти незнакомца? Незнакомец, по всей вероятности, никак не связан генетически с тем, кто ему помогает, значит, спаситель действует из бескорыстных, альтруистических побуждений? Ответ: «Да, но его альтруизм — случайность». Эта случайность обусловлена тем, что за последние тысячелетия население Земли быстро росло. До того в течение миллионов лет человек был племенным животным, и любое стремление помочь ближнему автоматически означало, что помощь предназначается родственнику со схожим геномом, пусть и дальнему. В механизме выбора между родственником и незнакомцем не было нужды, поскольку вокруг не было незнакомцев. После появления городов люди стали жить в огромных сообществах, где их окружали незнакомцы, и генетический набор попросту не успел приспособиться к новым обстоятельствам. Поэтому альтруизм неизбежно распространился на всех ближних и соседей, хотя многие из них могли не иметь с вами ничего общего на генетическом уровне.

Используя этот древний рефлекс, политики сумели распространить систему помощи на новом, государственном уровне и назвали её патриотизмом. Теперь люди шли умирать за свою страну как за родное племя или свою семью.

Человек, который врывается в горящий дом, чтобы спасти котёнка, — особый случай. Многим людям животные заменяют детей, потому они получают те же любовь и заботу, что и настоящие дети. Человек спасает котёнка оттого, что тот символизирует собой ребёнка.

Человеку чем дальше, тем больше свойственна символизация, при которой вещь или живое существо он рассматривает как символ другой вещи или живого существа. Этот процесс часто лежит в основе Альтруистического Поведения.

В частности, символизация объясняет феномен готовности умереть за идею. Подобная готовность всегда кажется альтруизмом в крайней его степени, однако тщательное изучение её природы показывает, что дело здесь не в бескорыстии, а в символах. Монахиня, отдающая жизнь за Христа, уже является как бы «невестой» Христа и смотрит на людей как на «детей» бога. В её системе ценностей все человечество включено в «круг семьи», а значит, альтруизм монахини распространяется на её символическую семью — она для неё не менее реальна, чем настоящая семья для обычного человека.

Тем же способом можно подвести биологический базис под любое поведение, кажущееся альтруистическим. Его ценность никоим образом не умаляется, однако следует сказать, что в распространённых альтернативных теориях, объясняющих подобное поведение, нет нужды. Например, часто можно слышать о том, что человек изначально порочен и его добрые деяния — это по большей части результат стараний моралистов, философов и священников; что, если предоставить человека самому себе, он быстро ожесточится, озверевает и одичает. При этом нас пытаются уверить в том, что всеми своими хорошими качествами современный человек обязан блестящей работе этих великих учителей. С биологической точки зрения все совсем не так. Альтруизм заложен в нас на генетическом уровне, а значит, наше стремление помочь кровным родственникам и членам родного племени естественно. Поскольку племена со временем слились в народы, наш альтруизм распространялся всё дальше и дальше, большую роль при этом сыграла тенденция принимать символические заменители за нечто реальное. Иначе говоря, в настоящее время люди стали весьма альтруистическим видом. Если этот альтруизм и даёт сбои, они случаются не потому, что даёт знать о себе наша истинная «дикарская природа», а потому, что в нашем напряжённом и перенаселённом мире люди слишком часто оказываются не в состоянии бороться со стрессом.

Тем не менее, ошибкой было бы переоценивать ангельский альтруизм человека разумного. Люди, кроме прочего, желают побеждать. В обычных обстоятельствах желания помочь ближнему и победить его уравниваются, и это равновесие сказывается на большей части общения в форме транзактного взаимодействия. Это взаимодействие типа «ты мне, я тебе» или «услуга за услугу». Мы заключаем друг с другом сделки. То, что я делаю, поможет вам, но мои мотивы — не альтруистические, ибо в то же время я помогаю и себе. Подобное сотрудничество, вероятно, можно назвать главной чертой обыденного социального взаимодействия. Это основа торговли и коммерции, позволяющая понять, почему бизнес не становится ещё более жестоким. Если бы желание победить конкурента не смягчалось стремлением помочь друг другу, законы делового мира вскоре стали бы более безжалостными, чем законы джунглей.

Особый вид подобных двусторонних взаимодействий характеризуется поговоркой «потом сочтёмся». Это отложенное или неконкретное сотрудничество. Я помогаю вам сейчас, даже если вы не можете помочь мне в ответ. Ежедневно я оказываю помощь многим людям. Однажды мне потребуются помощь, и тогда они помогут мне, выполнив свою часть «долгосрочной сделки». Я не храню записи о том, кто мне обязан и чем. Более того, человек, который в итоге поспособствует мне, может быть не из числа тех, кому я помог. Однако, если поступать так, возникнет целая система социальных долгов, которая, подобно системе

разделения труда, окажется полезной всем членам общества. Это «взаимный альтруизм». Опять же, это не настоящий альтруизм, поскольку рано или поздно и, так или иначе, я получу вознаграждение за оказанную кому-либо помощь.

Часто ожидание будущего вознаграждения такого рода служит скрытым мотивом огромному числу действий, которые принято относить к чисто альтруистическому поведению. Во многих странах гражданам, которые «служат обществу», выдаются особые награды, и сплошь и рядом эти граждане служат обществу именно потому, что хотят быть награждёнными. Сравнительно небольшая часть общественных почестей застаёт награждаемых врасплох. Многие другие «добрые дела» также делаются с мыслью о будущем общественном (или небесном) вознаграждении. Разумеется, даже если мотивы людей таковы, их дела не становятся менее «добрыми».

1	Самоуверенность	Помогает мне	Вредит вам	От умеренной конкуренции до преступления
2	Самодовольство	Помогает мне	Не влияет на вас	Личные удовольствия вдали от общества
3	Сотрудничество	Помогает мне	Помогает вам	Деловые операции, обмен товарами и взаимные уступки
4	Вежливость	Не влияет на меня	Помогает вам	Доброта и благородство
5	«Альтруизм»	Вредит мне	Помогает вам	Любовь, филантропия, самопожертвование и патриотизм

В таблице показано, как соотносятся между собой намерения победить и помочь, а также «промежуточные состояния»:

ВОИНСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Бить или не бить — биология драки

Если начинается драка, ясно, что оппонент не внял угрозам. Когда спор не может быть улажен посредством запугивания, мы идём на крайние меры, и конфликт может быстро перерасти в полновесное физическое столкновение. Такое случается очень редко — человеческое общество отличает неприятие насилия, несмотря на частые уверения в обратном, и на то есть ясные биологические причины. Всякий раз, когда один индивид физически атакует другого, возникает риск, что повредятся тела обоих. Как бы силен ни был атакующий, нет никакой гарантии того, что он выйдет из драки невредимым. Противник может быть слабее его, однако зачастую вынужден обороняться столь неистово и яростно, что любое его действие способно нанести атакующему существенные повреждения.

По этой причине в повседневной жизни мы куда чаще сталкиваемся с угрозами, чем с потасовками. На деле драки без применения оружия — явление столь исключительное, что возможность наблюдать их выпадает очень редко. Большинство людей черпает информацию о драках из боевиков и детективных телесериалов. Если сравнить кинодраки с реальными, окажется, что в первых поединок героя и злодея, когда они бьют друг друга по очереди, смахивает скорее на театральное представление. Их телодвижения искусственно замедляются и подчёркиваются, чтобы сделать поединок более зрелищным и впечатляющим. Когда в пивной случается настоящая потасовка, все происходит куда быстрее. Атакующий внезапно срывается и наносит обидчику несколько молниеносных ударов руками и ногами. За одним ударом моментально следует другой — чтобы исключить возможность контратаки. Жертва может отреагировать трояко. Она либо отступает, стараясь уйти от ударов, либо защищается, либо наваливается на атакующего в попытке превратить драку в схватку двух борцов. Если атакуемый отступает, бежит с поля боя или обороняется при помощи защитных блоков, атака может тут же прекратиться, поскольку атакующий добился своего за несколько секунд. Если жертва контратакует, дерущиеся могут какое-то время неуклюже цепляться друг за друга, часто они при этом валятся на пол, вцепляются друг другу в волосы, царапаются и лягаются, даже кусаются, лишь бы заставить противника отступить.

В стилизованных поединках в кино герой зачастую начинает драку с одного мощного удара по челюсти оппонента. При этом он делает довольно большой замах и наносит второй удар спустя какое-то время. Во многих отношениях такое поведение нападающего абсурдно. Широкий замах фактически предупреждает противника об ударе, и тот явно успеет отклониться прежде, чем приближающийся кулак встретится с его челюстью. Размах и сила удара выведут атакующего из равновесия и сделают его уязвимым. Пауза после удара фатальна, медлительность атакующего обернётся катастрофой. Тем не менее, на экране дерущиеся продолжают обмениваться более-менее чередующимися ударами, при этом поединок протекает совсем не так быстро, как в реальной жизни.

Когда идёт настоящая драка в пивной или на улице, дерущиеся часто окружены наблюдателями, которые наслаждаются острым конфликтом, подходят ближе, чтобы рассмотреть детали, и отшатываются, когда возникает риск получить по носу. В итоге толпа ритмично колышется, то наступая, то отступая, в то время как дерущиеся кружатся в

хаотическом танце. Когда одна группа зевак подаётся вперёд, другая отшатывается, совсем как потревоженный косяк рыб. По мере того как драка сходит на нет, толпа начинает играть новую роль — ширмы, что разделяет разошедшихся на мгновение драчунов и оберегает их от продолжения поединка. Один из них может использовать «ширму» как предлог для уклонения от схватки. Опять же, именно скорость, с которой наносятся удары, заставляет наблюдателей сторониться дерущихся и не вмешиваться в ход поединка. Обвинять свидетелей в том, что они не разняли драчунов, обычно бессмысленно.

Схоже проявляется и Воинственное Поведение очень маленьких детей. В детском саду дети почти всегда спорят из-за собственности. Один ребёнок пытается отнять у другого какую-то принадлежащую тому вещь. Атака совершается моментально, и вот уже все закончилось: один ребёнок захватил возжеленный предмет, другой сидит с красным лицом и скулит. В ходе нападения атакующий может толкаться, пинаться, кусаться и хватать соперника за волосы, но чаще всего он поднимает руку и бьёт соперника. Удар наносится сжатым кулачком со стороны ладони, до того сжатая в локте рука заносится над головой. Из этой позиции она резко, чтобы удар вышел как можно более сильным, опускается на ближайшую часть тела жертвы. Это телодвижение, насколько можно судить, является типичным для детей любой культуры и вполне может быть врождённым. Интересно, что позднее, когда люди знакомятся с другими, более специфическими формами нападения, они по-прежнему наносят удары поднятой рукой во время «неформальных» поединков. Например, по фотографиям, запечатлевшим уличные бои, видно, что участники потасовок почти всегда бьют своих противников именно так. Взрослые, конечно, знают о том, что оппоненту можно нанести больший вред, если сжать в руке палку или дубинку. Бунтари бьют полицейских, а полицейские — бунтарей, ударяя противников палками и дубинками по головам. С точки зрения эффективности ударов эти действия можно расценивать как «возвращение в прошлое», поскольку есть множество способов ударить противника так, чтобы нанести ему больший вред (например, прямой удар в голову). Если ткнуть острым предметом в лицо, торс или гениталии противника, он получит куда более серьёзные повреждения, чем при ударе палкой сверху по черепу. Тем не менее, никто из участников уличных боев не применяет «продвинутые» способы атаки.

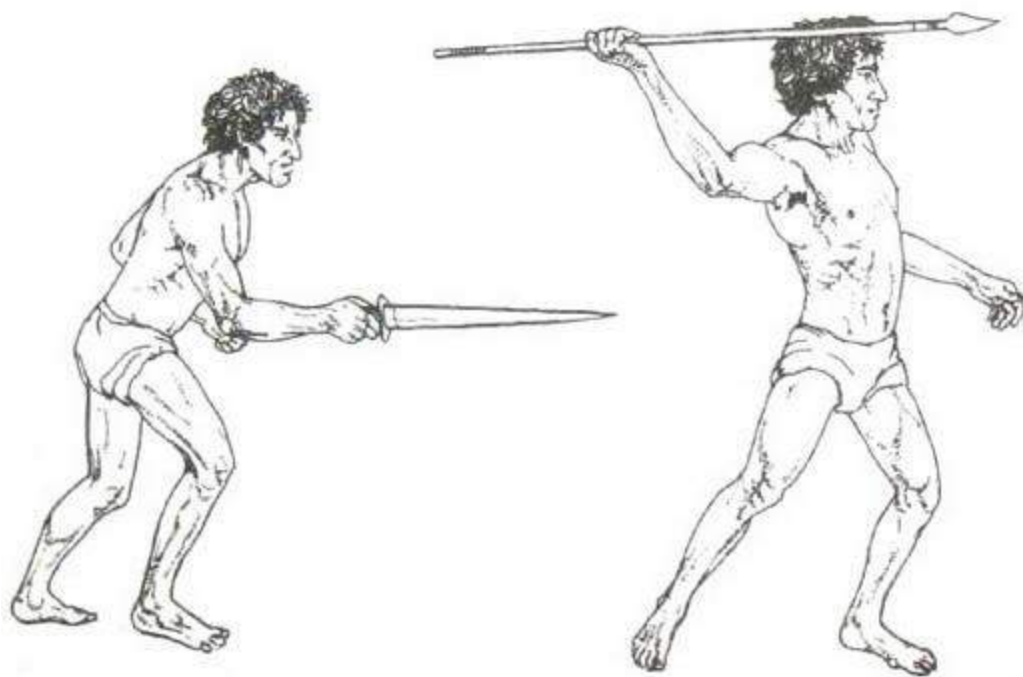
Упомянув оружие, мы перешли к обсуждению Воинственного Поведения, которое присуще исключительно человеку и порождает особые проблемы, которых у других видов животных попросту нет. Человеческое тело не обладает сколь бы то ни было эффективным биологическим «оружием» — у нас нет ни острых когтей, ни клыков, ни рогов, ни шипов, ни ядовитых желёз, ни тяжёлых челюстей. Многие другие животные имеют при себе целый «оружейный арсенал», и человек проигрывает им по всем статьям: обнажённое человеческое существо не способно нанести другому такому же существу смертельный удар без значительных физических усилий. Но если мы сравним первобытный поединок невооружённых людей с современными схватками, в которых стороны пользуются самым разным оружием, мы поймём, что люди давным-давно обогнали все прочие виды животных в «гонке вооружений». С изобретением искусственного оружия мы придали нашему Воинственному Поведению новые черты, навсегда изменив его в худшую сторону:

1. В течение столетий мы постепенно увеличивали возможности нанесения ущерба при нападении. Вооружая себя тупыми предметами, затем острыми предметами, затем взрывчатыми веществами, мы повышали вероятность того, что каждое нападение закончится смертельным исходом. Вместо того чтобы подчиняться противникам, как это делают другие

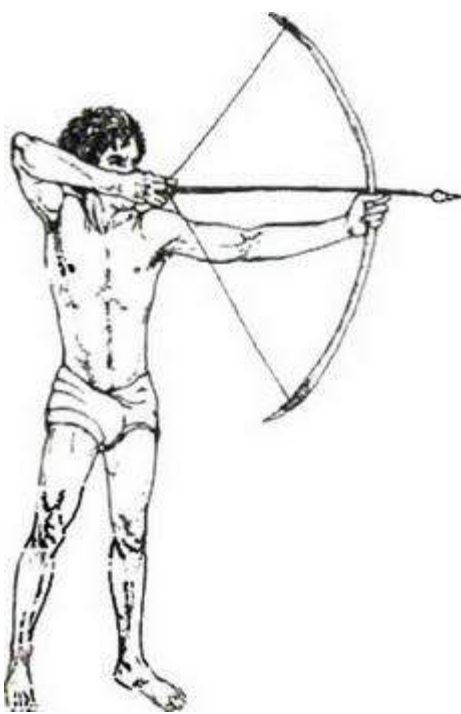
животные, мы их уничтожаем.

2. Мы создаём все более совершенное оружие и делаем всё, чтобы быть заранее уверенными в возможном исходе схватки. Никто не может гарантировать того, что соперники будут вооружены одинаково. Когда дерутся тигры, вооружённые острыми, напоминающими кинжалы клыками, иного оружия у них нет, а значит, между ними возникает сдерживающее равновесие. Когда в поединке сходятся вооружённые люди, их силы могут запросто оказаться более чем неравны: индивид с более эффективным оружием не боится получить достойный отпор, его ничто не сдерживает, и атакует он более яростно.

3. По мере того как наращивается мощь искусственных вооружений, все меньше усилий требуется, чтобы провести эффективную атаку. Современному человеку с его оружием уже не нужно напрягать мышцы, как это делали его дравшиеся предки; он должен всего лишь напрячь на секунду указательный палец — и пуля, вылетев из ствола, поразит его врага. Это действие не может измотать человека, у него не возникает ощущения близости с оппонентом, возникавшее у его предка в момент, когда он пытался побороть соперника. Говоря прямо, убить человека из пистолета — это даже не акт насилия. Само по себе убийство, конечно, является насилием над личностью, но для того, чтобы нажать на спусковой крючок, требуется ещё меньше сил, чем для того, чтобы налить себе кофе. В условиях, когда убить кого-либо очень легко, вероятность нападения ещё более повышается.

В развитии вооружений есть история о том, как постепенно увеличивалось расстояние между атакующим и атакуемым. Вехами прогресса (если здесь уместно это слово) становились меч, эффективный в рукопашном бою, копье, стрела, пуля, граната, бомба и управляемый снаряд. В итоге схватка перестала быть поединком личностей, а жертва превратилась в абстракцию. Для воинственного животного это настоящая катастрофа.

4. Мы постепенно увеличивали расстояние, на котором оружие может успешно поразить цель. Этот процесс начался, когда мы стали бросать предметы, которыми раньше ударяли соперника. Когда люди изобрели луки, наконечник стрелы стало возможно направить на врага, который находился очень далеко от атакующего. С изобретением пороха мы сделали ещё один шаг вперёд. Пули могут убивать на расстоянии, на котором невозможно даже толком разглядеть жертву. Убийство, таким образом, перестало быть персонифицированным, не говоря о том, что подать умиротворяющие сигналы в этой ситуации невозможно. Животных сдерживает сам факт присутствия рядом противника; люди в этом отношении чувствуют себя куда более раскованно.

5. Мы нарастили мощь оружия дальнего поражения до такой степени, что можем уничтожить не одну жертву, а множество их за долю секунды. Наличие бомб замедленного действия, бомб, сбрасываемых с неба, химического и биологического оружия позволяют создать все условия для деперсонифицированных и ничем не сдерживаемых нападений. Действия атакующих теперь нельзя назвать насилием: достаточно нажать на кнопку (на что требуется ещё меньше сил, чем для того, чтобы нажать на спусковой крючок), чтобы убить кого-то очень быстро и на огромном расстоянии. Никакие самоограничения в такой ситуации уже не действуют.

Вместе эти пять факторов трансформировали Воинственное Поведение человека: от жестокости и ярости мы перешли к изящному истреблению, от нанесения ударов и доминирования над соперником — к случайному уничтожению толп людей, которых мы никогда не видели. К счастью, на последней стадии гонка вооружений, наконец, вынуждена была ограничить саму себя. Создав ядерное оружие, мы вновь оказались в ситуации, когда атакующий неизбежно начинает задумываться о собственной безопасности: мощь нового оружия такова, что лёгкое нажатие кнопки может привести к всепланетной катастрофе, в которой человек, нажавший кнопку, будет уничтожен вместе с остальными людьми. Другими словами, деструктивный потенциал этих бомб столь велик, что мир словно бы уменьшился. Перебранки между народами мало чем отличаются теперь от рукопашных стычек. Как и в схватке невооружённых людей, желание напасть тут же порождает в атакующем страх за собственную жизнь. Новый поворот в истории человечества существенно уменьшает вероятность ядерного столкновения, но, к сожалению, не сводит её к нулю.

Особой чертой человеческого поведения, которая всегда способствовала стычкам между группами людей, является, как ни странно, не наша агрессивность, а, напротив, наша дружелюбность. Ощущение верности группе вновь и вновь заставляет человека идти в бой — не против врагов, но за своих товарищей. Благодаря взаимовыручке мелкие стычки между индивидами перерастали в групповые столкновения, а те, в свою очередь, становились питательной средой для военного шовинизма. Организованная армия не может действовать исходя из потребностей отдельной личности. Она должна подчиняться приказам и сражаться за правое дело, а эти качества по своей природе не имеют ничего общего с Воинственным Поведением. Изначально они возникли в группе мужчин-охотников, для которых «принадлежность к клубу» означала выживание. Впоследствии, по мере развития цивилизации и технического прогресса, эти качества все чаще использовались в контексте войн и сражений.

Сочетание таких факторов, как удалённость объектов атаки и преданность группе, характерно для современности и обрекает человечество на чувствительность к давлению безжалостных вождей, которые призывают нас воевать за близкие им идеи. Эти вожди не станут просить нас убивать других людей голыми руками, прикладывая к их уничтожению хоть какие-то усилия или умерщвлять их на близком расстоянии, когда нам видны выражения лиц наших жертв. Они попросят нас убивать, чтобы защитить наших же товарищей, которые будут жестоко страдать, если мы не придём к ним на помощь. Этот довод убеждал слишком часто и слишком многих; к сожалению, так будет и впредь. Мы можем защититься единственным образом: нужно спросить себя, есть ли у нас личные претензии к тем людям, которых требуется убить, и в самом ли деле «группа», которой мы должны помочь, является нашим племенем, или это всего лишь некая искусственная «национальная» группа, составленная из множества разнообразных «племён», некоторые из которых стали вдруг нашим якобы врагом? Только осознав, что схватка всегда была и остаётся крайней формой спора между индивидами, мы можем надеяться избежать неконтролируемой жестокости на полях сражений и вернуться к сдержанным поединкам, таким, какие мы наблюдаем в животном мире.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Как ликуют победители — и как реагируют на это проигравшие

Сразу после того, как мы одержали какую-нибудь победу, на нас накатывают чувства, часто оформляющиеся в Торжественное Поведение. Проявления этих чувств могут различаться — от радостного подпрыгивания в момент, когда нас никто не видит, до полновесной торжественной церемонии. В основе Торжественного Поведения лежит внезапное повышение статуса торжествующего индивида. Только что он боролся с целью победить; ныне он — победитель, и его уровень доминирования моментально повышается.

Люди с высоким статусом расправляют плечи и распрямляют спину, в то время как люди с низким статусом ходят согнувшись. Неудивительно, что в момент триумфа почти все победители выражают свои чувства, «вытягивая» тело в высоту. Иногда они буквально «прыгают от радости» или встают на носки, иногда просто поднимают голову. Во многих случаях победители поднимают руки над головой, словно тянутся ими к небу.

Природа конкретного Торжественного Поведения обусловлена характером одержанной победы. Участники детской команды, которая выиграла соревнования, скорее всего, начнут хаотично прыгать на месте, вопить и визжать. По мере взросления поведение триумфаторов становится всё более сдержанным, а победы празднуются подчёркнуто скромно, причём скромность эта — насквозь показная. У взрослых интенсивность демонстрации обуревающих человека чувств сильно зависит от обстоятельств. Боксёр и борец принимают классическую позу «сцепленные руки подняты над головой», что является традицией для их видов спорта. Иногда этот жест упрощается до поднятия одной руки в боксёрской перчатке. После некоторых состязаний руку одному из боксёров поднимает рефери, указывая тем самым на победителя схватки.

Политики (возможно, из желания выглядеть не менее мужественными, чем спортсмены) взяли на вооружение боксёрский жест: в ночь, когда становятся известны первые результаты выборов, политик тоже поднимает сцепленные руки над головой. Он использует также более распространённый жест «развести руки в стороны и поднять их»: человек воздевает расположенные под острым углом руки к небу, при этом его ладони выпрямлены. Как вариант, пальцы при этом могут складываться в знак победы «V».

Ярче всего Торжественное Поведение проявляется в наше время у футболистов, празднующих победу. Так было не всегда. Всего несколько лет назад британского игрока, который забил долгожданный гол, как максимум хлопали по спине и коротко поздравляли. Все изменилось, когда обрели популярность международные футбольные соревнования и в Северную Европу стали наведываться более экспрессивные команды из стран Средиземноморья и Южной Америки. Голы стали праздновать куда ярче, чем раньше. Теперь в момент, когда мяч коснулся сетки, футболист, забивший гол, разворачивается и бежит к другим игрокам своей команды, протягивая к ним руки. Обычно в игроке вступают в конфликт два желания — предложить товарищам обняться и торжественно воздеть руки к небесам. В зависимости от того, какое желание побеждает, игрок может держать руки или горизонтально, вытянув их по направлению к товарищам, или вертикально, иногда его руки занимают промежуточное положение. Лицо бегущего игрока искажается, он разевает рот

или, по меньшей мере, широко улыбается; иногда игрок энергично подпрыгивает, иногда бьёт по воздуху правой рукой, сжатой в кулак. Это телодвижение схоже с рядом мощных ударов сверху вниз, которые часто наносят оппонентам люди, участвующие в драках и потасовках. Футболист точно так же ударяет по пустоте, символически избивая воображаемую команду противника.

К бегущему футболисту быстро приближаются другие члены команды. Они набегают на него, обнимают его, целуют, треплют ему волосы, хлопают по голове и по плечам. Обычно они тесно обступают игрока. Бывает, они набегают на него с таким чувством, что обхватывают его не только руками, но и ногами; игроку, таким образом, приходится выдерживать вес поздравляющего.

Одно время футболисты радовались голам так сильно, что после забитого мяча существенно повышалась вероятность заработать серьёзную травму. Постепенно «яростные поздравления» смягчились, однако в той или иной форме Торжественное Поведение футболистов можно наблюдать почти на любом профессиональном европейском матче. Полный набор «поздравлений» содержит несколько отдельных элементов: увеличение «роста» игрока, который подпрыгивает и поднимает руки; интенсивные телодвижения, наблюдаемые в момент, когда игрок быстро бежит прочь от ворот; символическое избивание противника путём нанесения ударов по воздуху сверху вниз; а также «любовные» объятия других футболистов. Последний элемент особенно любопытен. Объятия и прикосновения к голове для мужчин Северной Европы означают значительную степень физической близости. Мужчины, предающиеся подобным «нежностям» при более привычном и раскованном общении, выглядели бы в глазах окружающих весьма женственными. Это понятно: полные объятия неизбежно ассоциируются с поведением пары влюблённых. Однако на футбольном поле, в эпицентре эмоционального взрыва, оглушившего стадион в тот момент, когда был забит мяч, в неоспоримо маскулинном, «силовом» контексте футболисты освобождаются от обычных социальных ограничений и могут позволить себе проявить обуревающие их чувства. Даже если они, как это иногда бывает, впадают в крайности и целуют торжествующего игрока, их действия остаются «мужественными» и не могут быть истолкованы неверно.

Поскольку футболисты поздравляют забившего гол игрока слишком энергично и напрыгивают на него всем скопом, с недавних пор игроки стали прибегать к одной хитрости. Стараясь избежать травм, они валятся на землю и вытягивают при этом руки. В таком положении наваливающиеся на коллегу футболисты не могут сбить его с ног. На первый взгляд такое поведение противоречит принципу, по которому торжествующие игроки должны казаться выше ростом, но это не так — они по-прежнему «вытягиваются», только не по вертикали, а по горизонтали. Их руки по-прежнему вытянуты над головой, пусть и на уровне земли.

Во многих видах спорта победителя поднимают на руки или же везут на машине (или ином виде транспорта). В автоспорте победитель может совершать особый «круг почёта», сидя на крыше своей машины; иногда он держит в руке сигнальный флажок, ознаменовавший победу в момент, когда его железный конь пересёк линию финиша. Победители с кубками в руках тоже могут совершать круг почёта, держа кубок над головой и внимая аплодисментам зрителей. Современные спортсмены, сами того не зная, воссоздают в упрощённой форме Триумф, древнеримский парад, в ходе которого полководец и его армия входили в Рим через Триумфальную арку и шествовали по городским улицам. Полководец при этом ехал на

колеснице, запряжённой четвёркой лошадей и украшенной лавровыми ветвями, раб держал над его головой золотую корону. Полководец был одет в наряды бога, его лицо раскрашивали киноварью, олицетворявшей кровь жертвенных животных. Подобным образом римляне чествовали только лучших полководцев. Триумф свершался редко: для этого полководец должен был разбить противника, умертвить по меньшей мере пять тысяч вражеских солдат, выиграть войну и расширить территорию Римской империи, присоединив к ней покорённую страну. Римские Триумфы были настолько формализованы, что часто теряли всякую актуальность. Подготовка к ним занимала много времени, в итоге проходили месяцы прежде, чем полководец, терпеливо ждавший за воротами Рима, допускался к вступлению в город. Однажды победитель вынужден был ждать целых три года. С тех пор все переменялось: на футбольном поле забитый гол празднуют немедля, и даже трёхсекундная задержка кажется очень долгой. Впрочем, среди современных празднеств можно найти и аналог отложенному триумфальному шествию: это чествование спортсмена или спортивной команды, которая доблестно билась за чемпионский титул, по возвращении на родину. В частности, футбольную команду, выигравшую кубок, могут возить на автобусе по улицам её родного города. В такие минуты призрак Рима оживает — как и в моменты, когда на шею победителя спортивной гонки надевают лавровый венок.

В мире мотогонок не так давно появился новый торжественный обряд. Победителю, стоящему на приподнятой над землёй платформе, вручают бутылку шампанского, которую он сильно трясёт, чтобы затем облить шампанским болельщиков. Для этого победитель зажимает большим пальцем горлышко бутылки, трясёт её и затем чуть отодвигает палец. Жидкость под большим давлением вырывается наружу, на головы зрителей обрушивается мощная пенная струя. Этот ритуал поразительно напоминает эякуляцию и явно демонстрирует доминирующую мужественность человека, обладающего в данный момент времени высоким статусом.

У Торжественного Поведения есть и другая сторона медали — поведение в момент поражения. Оно не столь очевидно, потому что побеждённые спортсмены, как правило, пытаются скрыть разочарование и слабо улыбаются, поздравляя победителя. Но все это происходит уже в разгар торжества. До того, в момент оглушительного триумфа во время соревнований, проигравшие вовсе не кажутся радостными. Когда футболист забивает мяч, позы игроков команды, которой забили гол, говорят сами за себя. Никто даже не пытается сделать вид, будто все в порядке. Головы футболистов опущены, они сверлят взглядом землю. Их лица мрачны и серьёзны, руки часто упираются в бедра. В эту позу — «руки в боки» — встают люди, которые раздражены или разгневаны, она характерна для подобных обстоятельств.

ОТКЛЮЧЕНИЕ

Действия, которые блокируют входящие визуальные сигналы, когда мы переживаем стресс

Поведение в обществе описывается схемой «вход — выход». Мы подаём сигналы своими действиями и расшифровываем послания в действиях других людей. Когда всё хорошо, «вход» и «выход» уравниваются, однако иногда это равновесие нарушается. Если мы изголодались по коммуникации и нам одиноко, мы исправляем ситуацию и ищем общение более активно, то есть увеличиваем сигнал на выходе. Если, с другой стороны, мы страдаем от избытка сигналов на входе, нам становится не по себе, и мы пытаемся как-либо заглушить коммуникацию. Этот процесс получил название Отключения. Проходить он может по-разному.

Самое простое решение — «сойти со сцены» и укрыться от общения на время, которое необходимо нам, чтобы восстановить потраченные на избыточное общение силы. Мы можем заболеть и полежать в постели в тишине и спокойствии. Мы можем также занедужить в результате «нервного срыва». Третий способ — принимать транквилизаторы, «успокоители». Четвёртый — отгородиться от хаоса, напившись или приняв какой-нибудь другой наркотик. Наконец, пятый: наслаждаться медитацией, раствориться в собственных мыслях, сосредоточиться на них и на время «покинуть» окружающий мир. Все эти действия, однако, выходят за пределы повседневного Отключения, которое мы применяем в обычных обстоятельствах. Время от времени ситуация может понуждать нас принять более решительные меры, но такое случается крайне редко. Куда чаще мы справляемся с небольшими стрессами при помощи менее экстремальных мер. Наиболее очевидная и популярная мера — закрыть на секунду глаза. Тем самым мы отсекаем входящие визуальные сигналы, экранируя их веками. Когда на шумной вечеринке человеку задают вопрос и он не может о чём-то вспомнить, он крепко зажмуривается, пытаясь отыскать ответ в своей памяти. Мать, окружённая вопящими детьми, закрывает уши руками и кричит: «От ваших воплей я уже ни черта ни соображаю!» Актёр, запоминающий свои реплики, прикрывает глаза рукой в поисках сосредоточения.

Отключаясь подобным образом, человек не пытается скрыть от других сам факт Отключения, и окружающие относятся к нему с пониманием. Отдельно нужно выделить четыре неосознаваемых действия — маленькие Отключения, в которых мы едва ли отдаём себе отчёт. Первое — это «уклончивый взгляд»: продолжая разговаривать с нами, человек подолгу смотрит в сторону. Он не желает встречаться с нами глазами и может минутами глядеть на какой-то воображаемый предмет справа или слева от нас. Второе — это «бегающий взгляд»: разговаривая с нами, человек смотрит то в сторону, то на нас, глаза его постоянно бегают. Третье — это «дрожащие веки»: человек смотрит нам в глаза, не отворачиваясь, но его веки прыгают вверх-вниз, он часто моргает, словно пытается одновременно и закрыть глаза, и открыть их, и у него не получается ни то ни другое. Четвёртое действие — это «закрывающиеся веки»: человек опять же внимательно на нас смотрит, но время от времени он вместо того, чтобы моргнуть, вдруг закрывает глаза и несколько секунд не может их открыть.

Перечисленные формы Отключения всегда выводят нас из себя, и мы ни с того ни с сего раздражаемся, не понимая даже, в чем причина этого раздражения. Между тем она проста: мы интуитивно чувствуем, что собеседник по каким-то причинам хочет избавиться от нашей компании. Может быть, он боится нас, или мы ему не нравимся, или ему с нами скучно, и он хочет оказаться где-нибудь подальше от нас, но продолжает вести себя так, словно получает от беседы с нами истинное удовольствие. Он посылает нам сигналы Отключения, не сознавая того, и мы принимаем их точно так же — неосознанно. Обмениваясь словами, мы одновременно обмениваемся невербальными знаками, которые нас и раздражают.

В подобных ситуациях нас огорчает одно противоречие. Если бы наш собеседник признался, что ему нужно в эту минуту побыть наедине с собой, мы бы отнеслись к нему с сочувствием. Если бы ему удалось освободиться от стрессов и напряжения и искренне погрузиться в беседу, мы тоже были бы счастливы. Но когда он притворяется внимательным и, сам того не понимая, подаёт нам сигналы Отключения, и мы ощущаем, что в эту минуту он не хочет нас видеть, мы реагируем единственно возможным образом — падаем духом.

В какой-то мере это противоречие надуманно, поскольку реакция Отключения может свидетельствовать о нежелании человека общаться вообще, а не конкретно с нами. Есть люди, которые, достигнув пика разочарования в общении благодаря сильному рабочему или домашнему стрессу, не способны адекватно реагировать на любую попытку общения с ними: как бы мы ни старались их развеселить или удивить, они не смогут продемонстрировать приемлемый уровень вовлечённости в беседу. Для таких людей «уклончивый взгляд», «бегающий взгляд», «дрожащие веки» и «закрывающиеся веки» — это неизбежные реакции, разновидность нервного тика. Остальных они могут раздражать, но человеку, подающему такие сигналы, они дают на мгновение почувствовать себя в одиночестве, тишине и спокойствии. Любое мгновение Отключения — это, по сути, скромный, символический побег от тирании социальной ответственности. Отключение уменьшает, пусть и на долю секунды, входящий поток ощущений и помогает восстановить жизненно необходимое равновесие между «входом» и «выходом».

АВТОНОМНЫЕ СИГНАЛЫ

Действия и другие перемены в нашем состоянии, обусловленные стрессом

Всякий раз, когда мы совершаем какое-либо действие, в нашем теле происходит множество фундаментальных изменений. Когда мы шевелимся, мускулатура тела начинает разгоняться, готовясь выполнить требования, которые мы к ней предъявим. Когда мы в конце концов расслабляемся, нашему внутреннему мотору наконец дозволяется поработать вхолостую. За всеми этими изменениями обязана следить вегетативная (она же — автономная) нервная система.

Эта система состоит из двух работающих в пику друг другу подразделений — высокоактивной симпатической^[4] нервной системы и низкоактивной парасимпатической^[5] нервной системы: первая — возбудитель, вторая — успокоитель. Когда тело «работает» на обычном, умеренном уровне, системы уравнивают друг друга. Симпатическая система настаивает: «Продолжай двигаться, не останавливайся!» Парасимпатическая в то же время уговаривает: «Спокойнее, не трать силы зря». Один сигнал не пересиливает другой, и человек разумный продолжает радостно скакать по жизни. Большую часть времени мы пребываем именно в таком состоянии, но всякий раз, когда нам нужно напрячься и совершить нечто отчаянное, симпатическая система берет верх и впрыскивает в кровь адреналин, чтобы временно доминировать над успокаивающей нас парасимпатической системой.

Подобная ситуация чревата для организма и другими переменами. Меняется распорядок работы кровеносной системы. Сердце начинает качать кровь быстрее и сильнее, сосуды перестраиваются так, что кровь отливает от кожи и внутренних органов к мышцам и мозгу. Замедляется процесс пищеварения, уменьшается выработка слюны. Прямая кишка и мочевой пузырь не опорожняются так легко, как обычно. Углеводы, складированные в печени, быстро сбрасываются в кровь, поднимая уровень глюкозы. Дыхание учащается и становится более глубоким. Повышается потоотделение.

Все эти изменения помогают телу подготовиться к резкому увеличению активности. Усталость куда-то исчезает. Внезапно мы становимся бодрыми и энергичными: снабжаемый кровью мозг способен быстро решать поставленные перед ним задачи, мышцы готовы напрягаться. Мы расправляем грудь, лёгкие захватывают больше кислорода, потеющая кожа обильно увлажняется и быстрее охлаждается.

Разумеется, все эти изменения происходят вовсе не потому, что тело желает послать окружающим визуальные сигналы, но сигналы эти, так или иначе, заметны. Скрыть возбуждение невозможно. Если за возбуждением следуют активные действия, Автономные Сигналы сами по себе мало что значат: мы узнаем то, что хотим знать, наблюдая за действиями человека. Но бывает, что активные действия блокируются. Адреналин поступает в кровь, тело готовится к движению, но движения не происходит. В этом случае Автономные Сигналы могут рассказать о многом. Такое случается, когда человек вступает в конфликт сам с собой. Возможно, его что-то пугает, но убежать он не может; кто-то злит его, но он слишком сдержан, чтобы атаковать того, кто вывел его из себя. Человек остаётся на месте, его нервная система бьёт во все колокола, но действовать он и не собирается. Из-за того, что

у человека есть веские причины сопротивляться зову собственных нервов, он склонен скрывать бушевающие его чувства, и пытается казаться спокойным. Добиться этого непросто.

Возьмём для примера человека, которого пригласили на телевидение, чтобы взять у него интервью. Пока он ждёт своей очереди, в душе у него возникает страх: он представляет себе миллионы людей, которые отнесутся к его появлению на экране весьма критически. Тело этого человека готовится к тому, чтобы как можно скорее сбежать — или же встретить опасность лицом к лицу. Человек садится в кресло для гостей и начинает отвечать на вопросы; его тело физиологически по-прежнему готово к драке, но он делает все, чтобы выглядеть спокойным и расслабленным. Невзирая на все усилия, Автономные Сигналы выдают его с головой. Самое сложное тут — контролировать частоту дыхания. Даже если это профессиональный актёр, умеющий управлять своим телом, о его состоянии многое скажет грудная клетка, расширяющаяся и сжимающаяся в необычно быстром темпе. Если человек изображает расслабленность и «непринуждённо» разваливается в кресле, движения грудной клетки будут диссонировать с его позой. Скрыть их может только просторная одежда.

Кроме того, изменения в кровеносной системе ведут к тому, что кровь отливает от кожи человека, и он слегка бледнеет. Здесь на помощь может прийти грим. Из-за уменьшенного слюноотделения рот человека часто пересыхает, поэтому, отвечая на вопросы, он неизбежно производит малозаметные движения языком и губами, пытаясь восполнить недостаток жидкости. Прилив крови к мышцам готовит их к резким движениям, потому человек производит любое движение крайне осторожно. Его тело напряжено, его руки и ноги еле заметно подрагивают или переплетаются друг с другом. Он либо соединяет руки в замок так, чтобы одна рука плотно обхватила другую, либо кладёт ногу на ногу, с силой прижимая их друг к другу. Он может сделать то и другое одновременно. Кроме того, работает на полную мощность система охлаждения тела: человек усиленно потеет и может даже слегка вздрагивать, от страха покрываясь холодным потом. К счастью для него, мощные студийные прожекторы, скорее всего, сведут действие системы охлаждения на нет, более того, будет казаться, что именно из-за них человек и потеет.

Если бы этот человек, пребывающий в столь затруднительном положении, мог воплотить в жизнь те намерения, из-за которых его тело готовится к активным действиям, все физиологические приготовления не пропали бы даром. Но этого не происходит, и они превращаются в бремя. Вегетативная нервная система реагирует на нарушение равновесия, посылая в бой противодействующую систему — парасимпатическую. Обе системы приведены в состояние боевой готовности, и вегетативный маятник неистово качается из стороны в сторону. Если бы аккумулированную энергию можно было выпустить, парасимпатическая система вернула бы тело к прежнему равновесию. Вместо этого системы дёргают человека туда-сюда, ввергая его в состояние физиологической турбулентности. Вспышки парасимпатической активности перемежаются моментами симпатического доминирования.

В критических ситуациях последствия могут быть катастрофическими. К примеру, человек в автомобиле замечает ребёнка, который перебегает дорогу. Водитель жмёт на тормоза, сворачивает и врезается в стену. Он выбирается из машины белый как мел. Ужас наводнил его кровь адреналином, однако он не смог превратить намерение действовать в действие. Парасимпатическая система наносит ответный удар, и спазм кишок приводит к дефекации — или же мочевого пузыря, напрягшийся в момент адреналиновой накачки,

внезапно расслабляется и исторгает поток мочи. Кровеносная система перенаправляет кровь к коже и внутренним органам, в результате лицо человека краснеет, его кожа горит, его может стошнить. В то же время отлив крови от мозга может привести к потере сознания. Дыхание переключается с одного ритма на другой, человек задыхается, всхлипывает, его речь затруднена.

Иногда можно наблюдать, как противоречащие друг другу сигналы подаются одновременно: одна часть тела участвует в симпатической активности, другая — в парасимпатической. Обычно это невозможно, но при сильном шоке и внутреннем конфликте две взаимодополняющие системы могут рассинхронизироваться, в результате тело будет «раздирать на части» противоречивые действия.

Похожие «внутренние конфликты» проявляются и при меньшем напряжении, но куда мягче. Возвращаясь к нашему примеру: если человека заставили ждать неоправданно долго и он пребывает в нервном возбуждении, его парасимпатическая система также может взбунтоваться. Фактически она сообщает ему: «Я слишком долго ждала, что ты что-нибудь сделаешь, но ничего не произошло, и теперь я собираюсь вернуть твоё тело в состояние равновесия». Симпатическая система не отступает, две системы вновь сталкиваются. Только что человек был бледен и дрожал, а теперь он покраснел и весь горит. Только что у него пересыхало во рту, а теперь он захлёбывается слюной. Ему внезапно хочется в туалет. Ему может даже стать дурно. Все эти симптомы проявятся не так остро, как у избежавшего аварии шофёра, но они тем не менее возникнут, если напряжение и ожидание в конце концов начнут действовать человеку на нервы.

Во время драки в организме дерущегося происходят те же изменения. Когда страх и агрессия взаимно блокируют друг друга и возбуждённый индивид не может ни атаковать, ни бежать, подаваемые им сигналы угрозы сопровождаются многими из перечисленных Автономных Сигналов. Здесь, в частности, полезно обратить внимание на цвет лица угрожающего вам человека. Побледневший человек куда опаснее покрасневшего. Бледность есть признак работы симпатической системы, что означает, что человек готов драться или бежать. Если он бледен и приближается к вам с угрозами, значит, он точно хочет на вас напасть. Если же он покраснел, значит, его парасимпатическая система уже включилась и он не пребывает в состоянии «готов к немедленной атаке». Интересно, что про покрасневших людей мы обычно говорим, что они «краснеют от гнева», имея в виду, что они становятся весьма опасны. На деле недооценивать таких людей не стоит, поскольку маятник может качнуться в сторону активных действий, и всё-таки покраснение — это результат обессиливающей внутренней борьбы, которая заставляет человека рычать и изрыгать проклятия. Такой человек может напугать, но в итоге, может статься, он «больше лает, чем кусает». Аналогия с собакой тут уместна, что подтвердит любой, кто пострадал от собачьих укусов: бешено лающий пёс может вцепиться в вас зубами с той же небольшой вероятностью, с какой орудий, раскрасневшийся, размахивающий палкой человек способен вас ударить.

Есть ещё один Автономный Сигнал, заслуживающий упоминания. Этот сигнал у людей почти незаметен, и всё-таки он остаётся Автономным Сигналом. Когда адреналин впрыскивается в кровь млекопитающего, его шерсть, как правило, встаёт дыбом. Происходит это в результате работы системы охлаждения, которая улучшает доступ воздуха к коже. Многие виды животных в итоге выглядят очень внушительно: у напряжённого зверя распрямляется грива или хохол. Шкура человека, увы, не столь внушительна, и в нашем

случае этот сигнал не так заметен, тем не менее, когда мы испытываем сильный шок, наши волоски также встают дыбом. Мы в такие моменты чувствуем, как бегут по шее и спине мурашки, и хотя окружающие этого не видят, для нас самих этот сигнал — свидетельство того, что в организме происходят большие перемены.

Пристально взглядываясь в лицо человека, мы обнаруживаем на нем множество выразительных элементов — складки на лбу, суженность глаз, изгиб губ, положение подбородка. Эти элементы складываются в «выражение лица», по которому мы обычно определяем внутреннее состояние нашего собеседника. При этом все мы знаем, что можно «делать хорошую мину» или прикидываться грустными, на деле не ощущая ни радости, ни грусти. Лица могут лгать, и иногда они лгут так отменно, что становится невозможно понять, что чувствует человек на самом деле. Но есть, по меньшей мере, один сигнал, который очень сложно подделать. Он не слишком заметен, однако представляет особый интерес именно потому, что всегда сообщает об истинном положении дел. Этот сигнал подается зрачком и связан с его размером по отношению к количеству воздействующего на зрачок света.

Наши зрачки — это чёрные кружки, окружённые радужными оболочками. Общеизвестно, что зрачки меняют размер в зависимости от того, насколько светло вокруг. При ярком солнечном свете они сужаются до крохотных точек (2 миллиметра в диаметре). В сумерках диаметр зрачков может увеличиваться в три, а то и четыре раза.

Но на зрачки воздействует не только свет. На их размер влияют также испытываемые нами эмоции. Именно потому, что зрачки расширяются или сужаются вследствие перемен в эмоциональном состоянии человека, когда яркость света остаётся неизменной, Сигналы Зрачка имеют огромное значение. Когда мы видим нечто, что заставляет нас волноваться (неважно, от предвосхищения удовольствия или от страха), диаметр наших зрачков увеличивается, хотя освещение остаётся тем же самым. Когда мы видим нечто, что нам противно, наши зрачки, наоборот, сужаются. Сами мы при этом ничего не замечаем. Поскольку контролировать диаметр зрачков мы не в состоянии, по ним можно многое сказать о наших истинных чувствах.

Сигналы Зрачка и подаются неосознанно, и воспринимаются на подсознательном уровне. Беседующие люди ощутят дополнительный прилив эмоций, если их зрачки расширяются, или дополнительный спад эмоций, если их зрачки сужаются, при этом они, скорее всего, никак не свяжут собственное эмоциональное состояние с подаваемыми ими Сигналами Зрачка. «Тайный» обмен сигналами происходит на уровне, который не затрагивают ни деланные позы, ни неискреннее поведение.

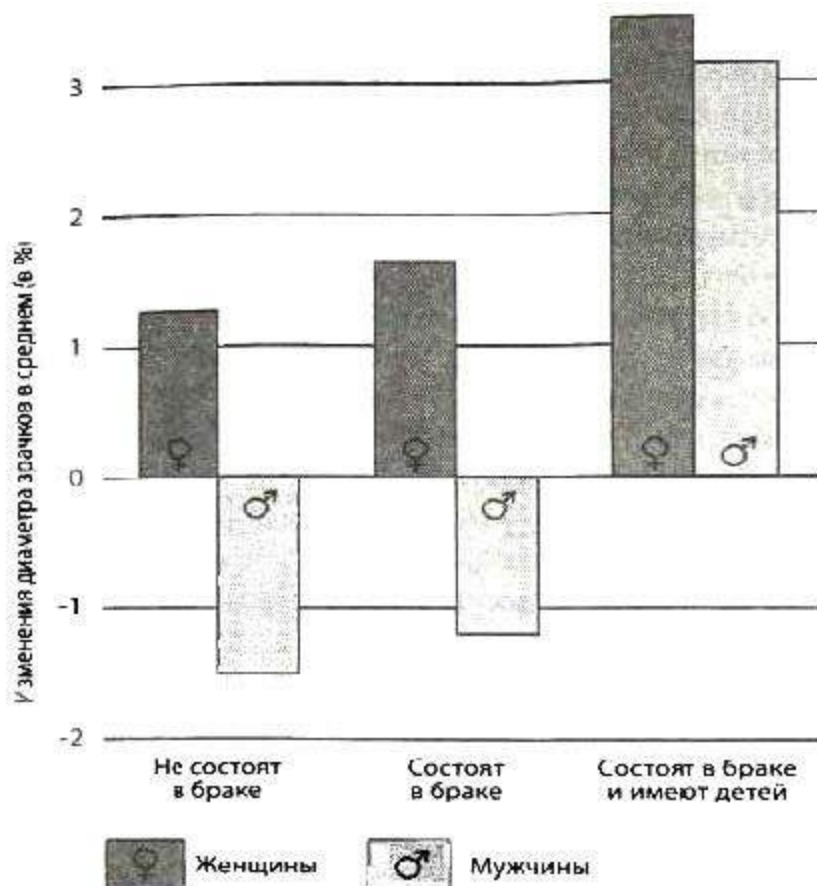
Для того чтобы выяснить, как именно происходит обмен не вызывающими подозрений Сигналами Зрачка, учёные провели не одно исследование. Ключевой лабораторный эксперимент заключался в том, что людям показывали картинки, пробуждавшие те или иные эмоции. Одновременно чувствительная аппаратура регистрировала изменения диаметра зрачков. Особое внимание учёные обращали на то, чтобы освещение в лаборатории не менялось — лишь при этом условии можно быть уверенным в том, что расширение или сужение зрачка вызвано исключительно эмоциональным воздействием демонстрируемых изображений.

В ходе одного из первых экспериментов исследователи показывали фотографии

младенцев одиноким мужчинам и женщинам, женатым мужчинам и замужним женщинам, которые пока что не стали родителями, и мужчинам и женщинам, у которых уже были дети. У женщин при виде этих фотографий зрачки расширились вне зависимости от того, были они одиноки, замужем и без детей или замужем и с детьми. У мужчин, напротив, зрачки сужались, если они не были женаты или состояли в браке, но ещё не стали отцами, и сильно расширялись, если у них были свои дети. Другими словами, не имеющий детей мужчина, воркующий над чужим младенцем, скорее всего, старается быть вежливым, в то время как женщина в той же ситуации ведёт себя вполне искренне. Как правило, мужчина начинает испытывать по-настоящему нежные чувства к чужим детям лишь после того, как сам становится отцом. В женщине, с другой стороны, материнский инстинкт пробуждается задолго до того, как она рождает собственного ребёнка.

Аналогичным образом учёные исследовали и эротические реакции. Учёные показывали фотографии обнажённых мужчин и женщин из эротических журналов и мужчинам, и женщинам. Выяснилось, что у гомосексуалистов в общем случае наблюдается положительная реакция зрачка (иначе говоря, их зрачок расширяется) при виде голого тела человека одного с ними пола, а у гетеросексуалов ту же реакцию вызывают фотографии представителей другого пола

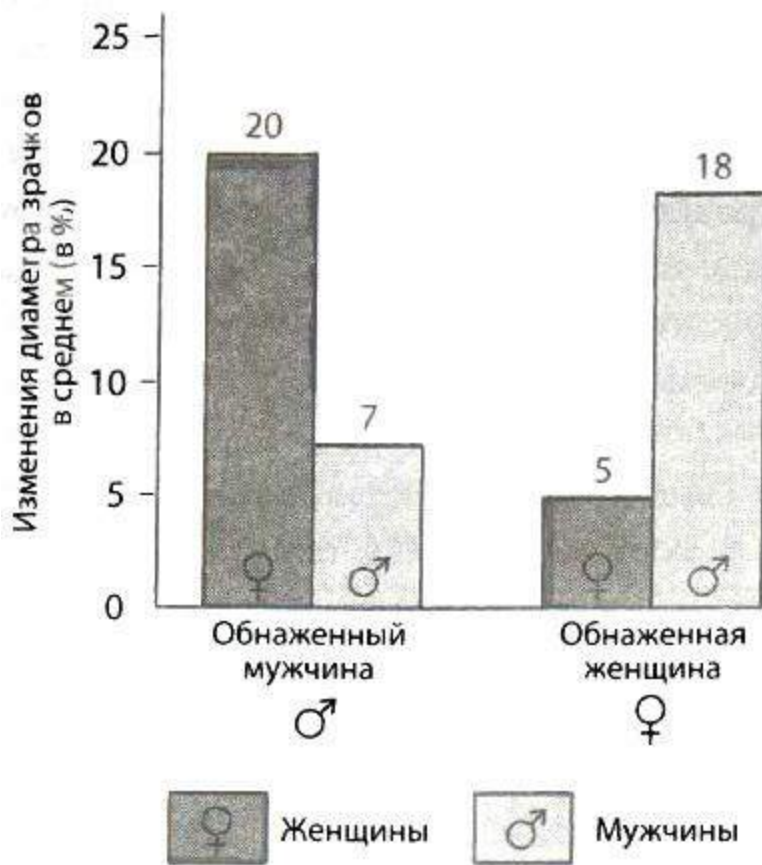
«Эротический» эксперимент выявил одну интересную закономерность: женщины, как и мужчины, находят обнажённые тела куда более привлекательными, нежели одетые. Мужчины, разумеется, не делают из этого секрета; юноши сплошь и рядом вешают на стены своих комнат изображения легко одетых женщин. А вот в комнатах девушек фотографии полуодетых мужчин можно увидеть куда реже. В результате появился миф о том, что женщины, в отличие от мужчин, слабо возбуждаются при виде обнажённого мужского тела. Неконтролируемые реакции зрачков утверждают обратное.

Когда вы смотрите на фотографию младенца, размер ваших зрачков чуть-чуть меняется.

Расширяются они или сужаются — зависит от вашего пола и от того, стали вы родителем или нет.

Было установлено, что, если показать фотографию младенца одиноким женщинам, замужним женщинам без детей и матерям, во всех трёх случаях зрачки женщины расширяются. Напротив, у одиноких и у женатых, но бездетных мужчин при виде чужого младенца зрачки сужаются, и лишь у отцов их диаметр увеличивается.

Если судить по изменениям размера зрачков, и мужчины, и женщины волнуются при виде, фотографий голых представителей другого пола. Это исследование доказывает, что утверждение, будто голые мужчины интересуют женщин существенно меньше, чем голые женщины — мужчин, неверно.

Ещё одно «предубеждение» было развеяно, когда свободомыслящим людям показали фотографии, на которых чернокожие мужчины целовали белокожих женщин. Хотя все «подопытные» ратовали за расовое равноправие, реакция зрачков разделила их на две группы: либералы «в сердце», зрачки которых подтверждали декларируемые ими взгляды, и либералы «на словах» или псевдолибералы, зрачки которых, невзирая на одобрение расовой интеграции, сужались при виде чёрных, которые целуют белых.

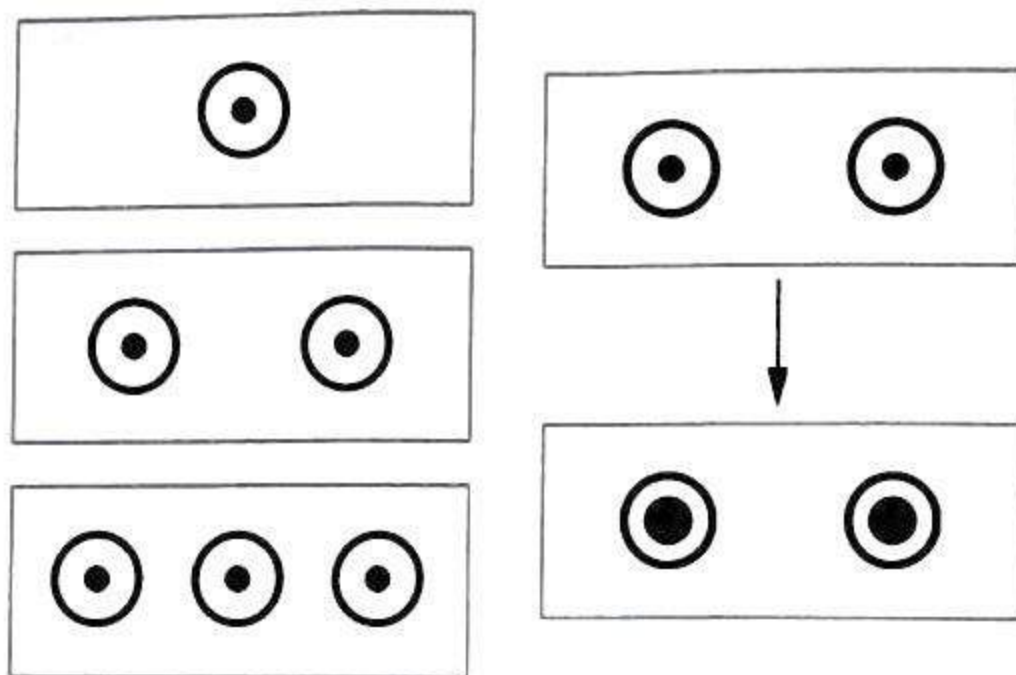
В ходе ещё одного эксперимента его участники рассказывали о любимых блюдах, после чего им показывали фотографии этих самых блюд — и отслеживали реакцию их зрачков. У большинства «подопытных» зрачки подтверждали их утверждения. Чем больше, по словам участников эксперимента, они любили какое-то блюдо, тем шире становились их зрачки, когда они смотрели на фотографию этого блюда. У нескольких человек, однако, реакции не совпадали, что, учитывая безобидность выбранной для эксперимента темы, стало для учёных откровением. Зачем кому-то лгать о кулинарных предпочтениях? Причина выяснилась, когда «врунов» опросили дополнительно. Выяснилось, что почти все они сидели на строгой диете, но втайне (иногда и от самих себя) мечтали о ставших запретными блюдах. Обоснованные

предпочтения вступали в конфликт с подсознательными.

То же несоответствие было выявлено, когда участникам эксперимента показали фотографии различных женщин. Среди них были фотографии полуобнажённых красоток и картина «Мать художника» Джеймса Макнила Уистлера. Вряд ли нужно говорить о том, что в ходе последующего опроса пожилая леди завоевала высокий рейтинг, но когда учёные перешли к анализу расширения и сужения зрачков, оказалось, что на самом деле она была не столь уж популярна.

Все эти эксперименты более чем любопытны, но они рассказывают нам лишь о том, что можно узнать в стенах лаборатории и при использовании чувствительной аппаратуры, регистрирующей изменения размера зрачков. Прежде чем мы сможем уверенно заключить, что эти реакции и есть Сигналы Зрачка, нам необходимо доказать, что в повседневной жизни они могут быть восприняты простыми наблюдателями, полагающимися лишь на свои глаза, и что изменение диаметра зрачков под влиянием эмоций можно рассматривать как средство коммуникации. Продемонстрировать это очень просто. Группе мужчин показали два плаката с изображением красивой девушки, которые были идентичны во всем, кроме незначительной детали: на одном плакате зрачки у девушки были нормальные, а на другом — искусственно увеличенные (диаметр им набавили чёрной краской). В остальном плакаты не отличались друг от друга. Мужчин, которые не знали, в чем состоит суть эксперимента, попросили сказать, которая из девушек выглядит привлекательнее. За первый плакат проголосовали немногие, зато когда мужчины стали голосовать за второй (с дорисованными зрачками), поднялся лес рук. В этот момент участники эксперимента обычно смеются — они все ещё не понимают, почему почти все мужчины выбрали один и тот же плакат. Они чувствуют, что их провели, но не знают, как. Мужчины голосуют за девушку, которую воспринимают как возбуждённую (вероятно, при виде их, мужчин) вследствие того, что её зрачки расширены. Она «взволнована тем, что увидела», размер её зрачков увеличился, оттого она выглядит более привлекательной.

В частности, именно поэтому молодые влюблённые проводят столько времени, пристально глядя в глаза друг другу. Не отдавая себе в этом отчёт, они проверяют, расширяются ли у партнёра зрачки. Чем больше становятся зрачки эмоционально возбуждённой девушки, тем больше становятся зрачки парня, и наоборот.

Когда человек смотрит на схематическое изображение глаза, точку в круге, его зрачок расширяется. Известно, что зрачок сильнее реагирует на рисунок с двумя такими точками, чем на рисунки с одной или тремя точками (слева). Если, в свою очередь, точки в кругах увеличиваются, более сильную реакцию вызывает опять же рисунок с двумя точками (справа).

Один из экспериментов выявлял реакции зрачков мужчин, выбравших амплуа донжуанов: они завоёвывают девушку, вступают с ней в половую связь и затем бегут к другой, сознательно отказываясь от устойчивых, длительных любовных отношений. При виде фотографий красивых девушек зрачки донжуанов реагировали не так, как зрачки среднего мужчины. Они расширялись сильнее, когда донжуану показывали фотографию девушки с суженными зрачками, и слабее, если зрачки девушки были расширены. Другими словами, девушкам, пылающим страстью, они предпочитали девушек с холодными сердцами. Донжуаны опасались женщин, которые могут к ним привязаться и тем самым сильно осложнят их жизнь.

Участники всех экспериментов не знали о том, что происходит с их зрачками или зрачками их собеседников, из чего мы можем сделать вывод, что это свойственный человеку базовый, врождённый рефлекс. Данная гипотеза подтверждается тестами, в которых вместо настоящих глаз используются их схематические изображения. Учёные показывали человеку нарисованный на листе бумаги круг с точкой внутри и регистрировали при помощи специального устройства реакции зрачков этого человека. Одно такое изображение или три круга с точками оказались не столь эффективными «расширителями зрачков», как пара кругов-глаз.

Кроме того, выяснилось, что наши зрачки активнее реагируют на изображение пары глаз, если точки в кругах увеличены. Реакция на увеличенные точки в одном или трёх кругах была более умеренной. Очевидно, что два круга с точками внутри имеют для людей разумных особое значение. При этом мы не можем управлять своими реакциями, научиться подделывать их или, наоборот, «гасить», и не сознаем, что размер наших зрачков меняется. Нет ничего удивительного в том, что у младенцев зрачки обычно куда больше, чем у взрослых: младенцы должны вызывать максимальное сочувствие, чтобы родители любили их и заботились о них изо всех сил. Любой врождённый сигнал, благодаря которому младенца окружали ещё большей любовью, существенно увеличивал его шансы на выживание. Увеличенные зрачки — это как раз такой сигнал.

Наконец, стоит упомянуть о том, что люди сознательно использовали знания о Сигналах Зрачка с древних времён, хотя первые серьёзные исследования этого феномена были предприняты лишь в середине XX века. Сотни лет назад итальянские куртизанки искусственно расширяли свои зрачки, закапывая в глаза вещество, получаемое из ядовитого растения семейства паслёновых. Считалось, что с расширенными зрачками они становятся ещё красивее, отчего растение получило название «белладонна» (от итальянского *bella donna*, «красивая женщина»). Ещё один пример: в дореволюционном Китае торговцы нефритом надевали чёрные очки, скрывавшие расширение зрачков в момент, когда этим торговцам передавали особенно ценные образцы нефрита. Раньше, когда торговцы не надевали очки, продавцы зорко следили за их зрачками: если они расширялись, значит, торговец был заинтересован в товаре и можно было заламывать высокую цену. Это, однако, пример-исключение: в большинстве своём люди по всей Земле торговались и торгуются, отслеживая изменение диаметра зрачков партнёров разве что на подсознательном уровне.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Телодвижения, которые готовят нас к действиям и выдают наши намерения

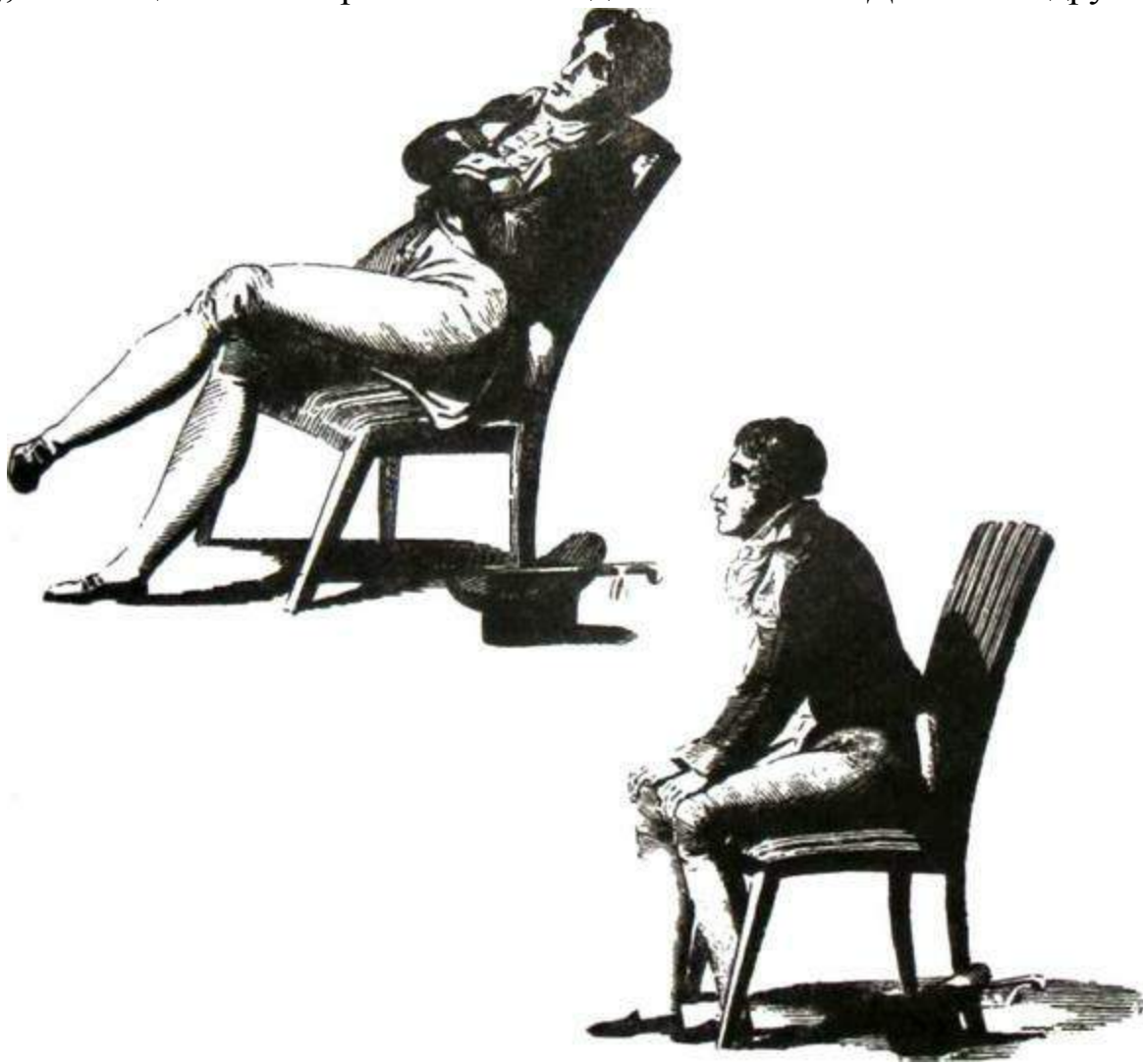
Готовясь совершить какое-либо действие, мы часто делаем не слишком заметные Подготовительные Движения. Они называются так, потому что словно намекают на то, что мы собираемся сделать. Когда человек готов сделать что бы то ни было, он приступает к действию не мешкая, и «начальные» движения плавно переходят в движения, из которых складывается действие. Если, однако, человек по какой-то причине колеблется, его хватает лишь на первую фазу действия. Мы начинаем действовать, потом останавливаемся, начинаем, снова останавливаемся. Намёк, таким образом, получается двойным: нечто побуждает нас к действию, нечто, напротив, нас останавливает.

В коммуникативных ситуациях классическим Подготовительным Движением является движение «вцепиться в кресло». Хозяин и гость некоторое время беседуют, затем настает момент, когда хозяин должен удалиться по некоему делу. Его стремление уйти сдерживается его желанием не быть грубым с гостем. Если бы хозяин не думал о чувствах гостя, он просто поднялся бы и объявил о том, что уходит. Именно так и хочет поступить его тело — однако вежливость приковывает хозяина к креслу и не даёт ему встать. Тут и наступает очередь Подготовительного Движения «вцепиться в кресло». Хозяин продолжает разговаривать с гостем и слушать его, при этом он подаётся вперёд и вцепляется руками в подлокотники, словно хочет оттолкнуться от них. Это первое, что он сделал бы, если бы стал подниматься. Если бы хозяин не колебался, данное движение завершилось бы за долю секунды. Теперь, однако, оно длится куда дольше. Тело хозяина застыло в позе «я готов встать» и продолжает находиться в ней, словно хозяина парализовало как раз тогда, когда он вставал.

Хозяин, который совершает растянутое во времени Подготовительное Движение, может совершать его сознательно, чтобы сделать намёк гостю, или же неосознанно. Гость, если он поглощён беседой, может не заметить, что хозяин переменял позу, или заметить, но проигнорировать намёк. Чувствительный гость обычно реагирует очень быстро. Он тоже может действовать неосознанно или же осознанно, приняв сигнал и поняв, что он отнимает у хозяина время.

Мы совершаем Подготовительные Движения и реагируем на них при самых разных обстоятельствах практически каждый день, зачастую даже не подозревая о том. Всякий раз, когда мы идём по многолюдной улице, мы реагируем на Подготовительные Движения других пешеходов. Так мы избегаем столкновений и не тратим ни время, ни силы на резкое торможение. Подобное поведение даёт сбой лишь изредка, когда мы неверно толкуем намерения приближающегося человека. Всем нам приходилось сталкиваться с необходимостью разминуться с кем-либо в узком проходе. Один человек при этом может двинуться влево, второй — вправо, в результате оба замирают на месте. Одновременно осознав свою ошибку, они пробуют пойти в другую сторону и вновь оказываются лицом к лицу. В этот момент люди обычно извиняются, и один из них уступает другому дорогу. Иногда дорогу уступают опять-таки оба — и ждут, когда второй пройдёт мимо. Так они доходят до точки, когда возникает нужда в вербальной коммуникации. Они обмениваются репликами: «Проходите!» — «Только после вас!» Рано или поздно такое случается с каждым

— в коридоре, в дверном проёме или на улице, — но происходит это редко, и все благодаря тому, что чаще всего мы распознаем Подготовительные Движения других людей правильно.

Желая подняться со стула, мы совершаем Подготовительное движение к этому действию, и наша поза часто сигнализирует о том, что мы хотим прервать общение. (По Сиддонсу, 1822 г.)

Подготовительные Движения могут быть и неуловимыми, и более чем заметными. Терпеливый слушатель, на которого насаждает зануда, может всего лишь застегнуть пуговицу на пиджаке или распрямить скрещённые ноги. Если они беседуют стоя, он может начать отдаляться от зануды, чуть отступив назад, или развернуть туловище, не сводя глаз с лица собеседника. Первые намёки могут пропасть даром, но последний занудливый собеседник не сможет не заметить. Даже беспрестанно любующийся собой зануда поймёт намёк, когда его слушатель, по-прежнему улыбаясь и кивая, начинает вдруг пятиться. К сожалению, зануды сплошь и рядом сознают, что они зануды, и стараются пресечь Подготовительные Движения в зародыше. Они хватают жертву за руку или кладут руку на её плечо или предплечье, чтобы жертва не смогла вырваться сразу. Мы часто говорим, что зануда припёр кого-то к стенке (buttonhole), между тем это слово, изначально звучавшее как buttonhole! (англ. «держат за пуговицу»), отсылает к популярному сто-двести лет назад обычаю держать собеседника за пуговицу. Собеседник при этом мог совершать малозаметные Подготовительные Движения, но вот пятиться прочь от зануды он был уже не способен. Помогали только самые экстренные меры. Вот, например, забавное наблюдение, датированное 1808-м годом: «Чарльз Лэм, которого Кольридж держал за пуговицу... отрезал эту пуговицу».

Другая крайность, в которую впадают люди, желающие прервать разговор, —

Подготовительные Движения, содержащие в себе угрозу. Среди движений, намекающих на возможность нападения, можно выделить более умеренные: человек сжимает кулаки или вцепляется в какой-либо неодушевлённый предмет с такой силой, что у него белеют костяшки пальцев. Намёки могут быть и не столь тонкими: угрожающий нам человек открывает рот и скалится, а то и поднимает на нас руку. Любопытен феномен оскала: скалящийся человек показывает, что готов нас укусить — очевидно, именно так с противниками расправлялись наши доисторические предки. Маленькие дети, желая напасть, иногда кусаются, и в детских садах пристально следят за особо кусачими индивидами, однако взрослые в стихийных драках полагаются на руки больше, чем на зубы. Взрослые не кусаются, зато в их арсенале есть соответствующее Подготовительное Движение: рот широко открыт, губы оттопырены, зубы обнажены. При этом мужчины и женщины ведут себя чуть по-разному. У женщин пальцы и запястья слабее, потому их оскал — это Подготовительное Движение, за которым может последовать самый настоящий укус. Не так давно до суда дошло дело, возбуждённое против женщины, откусившей ухо соседу, с которым она не на шутку поспорила.

Поднятая рука со сжатым кулаком — это движение, подготавливающее нас к типичному удару сверху вниз. Умеренная форма этого жеста — лёгкий взмах рукой вверх, затем человек может или характерным образом потрясти кулаком, или занести руку над головой. Последний жест превратился в Советском Союзе в приветствие: занесённая над головой рука символизирует агрессию, без которой не было бы мятежа, вылившегося в коммунистическое восстание. Подготовительное Движение превратилось в формализованный символ и само по себе стало жестом. Такое приветствие уже не может развиваться в полноценный удар, зато оно выражает собой обобщённое намерение, которое уже воплотилось в жизнь в прошлом и может вновь стать реальностью в будущем.

В одном из видов спорта, боксе, наиболее значимая форма Подготовительного Движения — не настоящее движение, знаменующее начало действия, а обманное, так называемый «финт». Боксёр понимает, что противник внимательно смотрит на его кулаки и торс, отслеживая малейшее их движение, которое может оказаться подготовительным. Поэтому он совершает обманные Подготовительные Движения, и они превращаются в элементы призванной обмануть соперника системы. Любой боксёрский поединок можно разложить на отдельные движения и вывести отношение реальных ударов к Подготовительным Движениям. Как правило, чем тяжелее боксёры, тем это отношение меньше. Это понятно: чем больше весит боксёр, тем больше изнуряют его атаки (неважно, атакует он или защищается). Оттого в поединках тяжеловесов Подготовительных Движений куда больше, чем ударов, и боксёры только и делают, что обмениваются финтами.

Бегуны финтить не могут, однако Подготовительное Движение можно наблюдать на старте любого забега: когда судья командует «на старт!», спортсмены замирают в одном и том же «исходном положении». Чем короче забег, тем важнее эта подготовительная поза. На стометровке техничность «исходного положения» часто определяет победителя. При этом соревнующиеся столь напряжены, что постоянно случаются фальстарты: один из бегунов срывается с места до того, как судья стреляет из стартового пистолета.

К особой категории Подготовительных Движений относятся движения, подготавливающие не одно, а сразу два действия. Такое случается, когда мы хотим совершить сразу два движения. Тело сначала повинуется одному импульсу, потом другому, импульсы начинают чередоваться. Когда человек хочет в одно и то же время повернуться направо и

повернуться налево, он не может сделать то и другое одновременно, поэтому он выбирает одно действие и начинает поворачиваться налево. По мере того как он совершает это движение, он удаляется от второй цели, соответственно, в нем возрастает желание повернуться направо. Он осаживает себя и поворачивается направо, удаляясь от первой цели; теперь ему ещё больше хочется повернуть налево. Так он и мотается из стороны в сторону, не зная, куда повернуться. Эти чередующиеся Подготовительные Движения (они же Двусмысленные Действия) зачастую совершаются в определённом ритме, который нигде не проявляется столь отчётливо, как у преподавателя, читающего лекцию, или у оратора, выступающего с речью. Оратор хочет оставаться на месте и довести речь до конца, в то же время он желает сбежать от слушателей, поскольку, как бы дружественна ни была аудитория, оратор пребывает в положении «один против всех», и ему всегда кажется, что слушатели настроены против него. Он не может спокойно стоять на месте и начинает раскачиваться из стороны в сторону. Степень раскачивания может быть различной: от еле заметного колебания торса до поворотов туловища то в одну сторону, то в другую. Если оратор вещает из вращающегося кресла, он может, сам не зная зачем, ритмично поворачивать его то вправо, то влево, что невероятно раздражает слушателей. На телестудиях вращающиеся кресла встречаются редко — чтобы у гостей передачи не было возможности вертеться туда-сюда во время интервью.

Если вам случилось оказаться на утомительной конференции, вы можете развлечься, составив классификацию ораторов по их ЧПД (Чередующимся Подготовительным Движениям). Ораторы могут шататься, наклоняться, раскачиваться, поворачиваться, колебаться, ходить и прогуливаться. Представители последней категории могут исходить всю кафедру вдоль и поперёк. Один профессор отличался тем, что, читая лекцию, упирался в стену аудитории, открывал окно, закрывал его, прогуливался до противоположной стены, открывал другое окно, закрывал его и вновь повторял весь процесс. Во время этих прогулок лекция ни на миг не прерывалась, при этом ритмичные чередования движений профессора напоминали брачный танец какого-то животного. Многие звери и птицы, ухаживающие за особью другого пола, танцуют, двигаясь то вправо, то влево — сексуальное влечение в них соревнуется с желанием убежать. Точно так же проявлялись конфликтующие желания упомянутого профессора читать лекцию и вырваться из аудитории (в его случае, очевидно, через окно).

Описанный случай нетипичен, однако оратор, который произносит речь, не совершая никаких Подготовительных Движений, — это скорее исключение, чем правило. Почти всегда движения оратора подчинены характерному для него ритму; у каждого, кто читает лекцию, есть свой темп, который можно определить при помощи секундомера. За одним преподавателем наблюдали тогда, когда он, по совпадению, читал лекцию о ритмичных действиях животных. В момент, когда преподаватель принялся говорить о том, что приматы — обезьяны и люди — по сравнению с другими животными совершают ритмичные действия не столь часто, сам он на время перестал ритмично раскачиваться из стороны в сторону, словно пытаясь таким образом подтвердить истинность сказанного. Данное наблюдение лишь подчёркивает тот факт, что, когда мы говорим, что не отдаём себе отчёт в том, какие действия совершаем, мы чрезмерно упрощаем ситуацию. Мы можем не сознавать чего-либо, однако на уровне подсознания мы совершенно точно знаем, что делаем. Возможно, именно благодаря этой подсознательной осведомлённости мы совершаем еле заметные ритмичные движения, готовящие тело к побегу. Наше тело словно шепчет нам: «Не беспокойся, ты

сможешь убежать, если захочешь», — и, повторяя раз за разом одни и те же подготовительные телодвижения, мы чувствуем себя все более и более уверенно.

Среди свойственных людям телодвижений есть целый класс действий, берущих начало в такого рода движениях. Мы называем их «танцами». Почти все наши танцы изначально представляли собой длинную череду разнообразных Подготовительных Движений. Танец можно рассматривать как перемещение в никуда. На танцевальной площадке мы двигаемся, двигаемся, двигаемся, и когда музыка затихает, мы оказываемся в исходной точке. Мы вертимся, раскачиваемся, наклоняемся вперёд и назад и так далее. Танцор похож на попугая, запертого в маленькой клетке: птица бегаёт взад-вперёд по жёрдочке, но не может никуда улететь. Люди могут «улететь», но не хотят, наоборот, мы находим удовольствие в том, чтобы танцевать и наблюдать за тем, как танцуют другие. Ритм чередующихся Подготовительных Движений замыкается на самом себе.

Анализ стилей танцев народов мира (их изучает наука под названием «хореометрия») выявил несколько основных типов телодвижений, которые в общем случае связаны с культурой, породившей конкретный танец. Танцы состоят из повторяющихся движений, символизирующих те или иные повседневные занятия. Элементы танцев пришли из охоты, собирания пищи и рутинных действий, связанных с ведением хозяйства. Источниками танцевальных движений стали также ухаживание, брачевание и различные занятия из сферы общественной жизни. Главная цель исполнения упрощённых движений такого рода в ходе музыкального ритуала — одновременные и синхронные действия большого числа людей. Танцевальные движения, которые все участники действия совершают в одно время и в одном темпе, усиливают у каждого отдельно взятого танцующего ощущение правильности жизненных установок группы. Когда танцоры прыгают и кружатся вместе, они ощущают свой коллектив как единое целое, и наградой им служит чувство принадлежности к группе, выраженное на физическом уровне движениями тела. Для того чтобы достичь такого результата, танцевальные движения должны быть не слишком сложными, а отдельные серии этих движений не должны быть слишком длинными. (Танцы, возведённые в ранг искусства, — это, конечно, совсем другое дело.) Народные и любительские танцы состоят из несложных серий ритмичных движений, имитирующих те или иные аспекты повседневных занятий, причём синхронное повторение этих движений порождает чувство общности. Неудивительно, что в основе танца лежат элементы телодвижений, которые легче всего повторить, и это, как правило, Подготовительные Движения. Встречаются в танцах и движения, наблюдаемые на более поздних этапах охоты, борьбы, брачевания и тому подобных занятий, но чаще всего танцевальными становятся движения, с которых действие начинается, то есть подготовительные. В воинственном танце воины дёргаются и подпрыгивают, как если бы они рвались в бой; в брачном танце молодые партнёры приближаются друг к другу, затем расходятся и приближаются вновь. В бальном танце мужчина ведёт женщину за собой, словно желает её куда-то увести. Объятия танцующих намекают на близость, которой партнёры так и не достигают. Вместо этого мужчина снова и снова ведёт женщину за собой — танец за танцем. В ночном клубе молодые пары не кружат по залу, они предпочитают танцевать лицом к лицу и совершают эротические Подготовительные Движения. Часто в подобных танцах люди отворачиваются друг от друга, чтобы в следующий момент вновь оказаться лицом к лицу.

Если любой из этих танцев зайдёт слишком далеко и перейдёт границы упрощённых Подготовительных Движений, танцоры на танцевальных площадках в скором времени

превратятся в актёров, изображающих под музыку уборку дома, ухаживание, брачевание или борьбу. В этом случае каждый индивид в конце концов увлечётся специфическими действиями, и коллектив собьётся с единого ритма. Благодаря сравнительной простоте и неспецифичности Подготовительных Движений их совокупность служит источником для ритмичных танцев. Начиная какое-либо действие, мы обычно разворачиваемся, припадаем к земле, потягиваемся, подпрыгиваем, дёргаемся или делаем несколько шагов в том или ином направлении. Эти движения очень легко повторить, и именно они составляют основу большинства танцев, исполняемых непрофессиональными танцорами, — танцев, которые можно наблюдать сегодня и в глухих деревнях, и в больших городах.

ЗАМЕЩАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ

Возбуждённое поведение, заполняющее паузы между периодами сильного напряжения

Замещающие Действия — это малозаметные, кажущиеся хаотичными движения, которые мы совершаем, когда сталкиваемся с внутренним конфликтом или ощущаем себя подавленными.

Нервная женщина, которой предстоит важное собеседование, то и дело щёлкает застёжкой своего браслета. Застёжка не сломана, браслет нормально держался на руке до того, как женщина начала его теревить. Длительные игры с застёжкой могут ослабить её или даже повредить. Нельзя сказать, что женщина на самом деле «приводит себя в порядок». Она теревит браслет не потому, что застёжка не функционирует, и не для того, чтобы надеть украшение на руку. Женщина совершает Замещающее Действие и, как это бывает сплошь и рядом, даже не понимает, что она, собственно, делает. Она сознает лишь, что очень хочет пройти собеседование, и в то же время боится, причём настолько, что с радостью сбежала бы куда глаза глядят. Внутренний конфликт не даёт женщине спокойно сидеть и ждать, пока её позовут. Она сильно взволнована и в данный момент не может взять себя в руки. При этом женщина не в состоянии снять напряжение через действие — промаршировать в кабинет, где проводятся собеседования, до того, как её позовут, или просто взять и сбежать. Оказавшись в ловушке, она заполняет поведенческую паузу пустыми, ни к чему не обязывающими действиями. Ей нужно сделать хоть что-то; неважно, бессмысленно действие или нет — оно в любом случае предпочтительнее бездействия.

Секретарша, которая наблюдает за происходящим, очень хорошо понимает, что происходит с женщиной. Она осознает, что ритмичное пощёлкивание браслетом — это проявление нервозности. Интуитивно она чувствует, что пощёлкивание означает внутренний конфликт. Другими словами, Замещающие Действия превратились в значимые коммуникационные сигналы, по которым наблюдатель может судить о слабых местах человека. Не все такие сигналы одинаково легко распознать. К примеру, стюардесс специально обучают тому, как отличить нервничающих пассажиров от спокойных. Одни Замещающие Действия более-менее понятны, другие закамуфлированы — чаще всего пассажиры не желают показывать, что боятся лететь на самолёте. В бессознательной попытке скрыть беспокойство они маскируют Замещающее Действие под действие, имеющее некий смысл. Они постоянно рассматривают свои билеты, вытаскивают паспорта и вновь кладут их на место, перебирают ручную кладь, удостоверяются, что их бумажник на месте, роняют вещи и подбирают их, создавая у окружающих впечатление, будто они в последнюю минуту проверяют, все ли в порядке с их документами и багажом. На самом деле последнюю проверку они произвели ещё в зале ожидания. Опытный наблюдатель знает, что пассажиры, ведущие себя таким образом, очень сильно нервничают и предпочли бы сдать билеты, если бы это было возможно.

Наблюдения на вокзалах и в аэропортах позволяют сказать, что в десять раз больше Замещающих Действий совершается перед вылетом самолёта. Перед посадкой в поезд такие действия совершают лишь 8 % пассажиров, перед отправлением трансатлантического автобуса — 80 % пассажиров. Они не только проверяют и перепроверяют билеты, они также

дотрагиваются до лица, чешут голову, мнут мочку уха и просто ёрзают.

Люди, не отдающие себе отчёт в том, что подобные движения выдают их с головой, обычно не в состоянии скрыть их полностью. В углу зала ожидания сидит «бывалый путешественник», выглядящий спокойным и расслабленным. Впрочем, если к нему присмотреться, оказывается, что он курит, причём пепел стряхивает, постукивая сигаретой по краю пепельницы. Бывалый путешественник делает это невыразительно, и вряд ли вам придёт в голову, что на самом деле он взволнован. Но пепла на сигарете уже нет, а он продолжает стучать ею по пепельнице. Это действие вполне бессмысленно, и смысл оно обретёт, только если отнести его к категории Замещающих Действий.

Пепельница на столе — немой свидетель иных проявлений курения как Замещающего Действия. Вот смятая сигарета, к которой едва притронулись; вот горка сломанных спичек; вот попытка изобразить что-то в пепле. Само по себе курение сигареты для многих — уже Замещающее Действие. Часто люди курят не потому, что нуждаются в никотине, но потому, что испытывают напряжение. В курильщиков этих людей превращает не наркотическая зависимость, а стресс, и, по крайней мере, поэтому курение может играть положительную роль в обществе, которое ежеминутно давит на нас и предлагает нам один стресс за другим. Сигарета — это не просто способ вдохнуть табачный дым. Для начала нужно отыскать пачку сигарет и зажигалку или спички; вытащить сигарету из пачки; зажечь её; погасить огонь и избавиться от сигаретной пачки и зажигалки или спичек; передвинуть пепельницу в более удобное положение; смахнуть с одежды воображаемый пепел; после этого можно задумчиво выпускать дым в воздух. Сигары и трубки предлагают ещё больше разнообразных простых действий, которые необходимы, чтобы подготовиться к процессу курения и тщательно его организовать. В периоды напряжения у курильщика куда больше возможностей сбросить стресс, нежели у некурящего, кроме того, курильщик действительно может убедить окружающих, что манипуляции с сигаретой и зажигалкой — это следствие никотиновой зависимости, иными словами, подаваемый им сигнал обязан своим появлением не внутреннему конфликту, а получаемому от курения удовольствию.

Данный аспект Замещающих Действий — они неосознанно выбираются таким образом, чтобы замаскировать внутреннее напряжение, — породил в человеческом обществе ряд коммуникационных явлений. Попадая на вечеринку или на какое-либо собрание, мы неизбежно оказываемся в состоянии лёгкого конфликта с самими собой. В статусе гостя или хозяина мы слегка не уверены в себе и стараемся во время разговора «выглядеть прилично». Неудивительно, что общение повсеместно насыщено самыми разными Замещающими Действиями. Хозяин, пересекая комнату, потирает руки (вместо того чтобы их помыть); один из его гостей осторожно расправляет складки на костюме (вместо того чтобы почесаться); гостя поправляет стопку журналов (вместо того чтобы прихорошиться); другой гость оглаживает бороду (вместо того чтобы её почистить); хозяин предлагает напитки, и гости их потягивают (вместо того чтобы пить); хозяйка предлагает закуски, и гости нерешительно смакуют их (вместо того чтобы есть).

Что характерно, ни одно из этих действий не выполняет своей основной функции. Хозяину не нужно мыть руки — они у него чистые; гостю не нужно расправлять складки на костюме — тот идеально выглажен; стопку журналов не нужно поправлять — она пребывает в идеальном состоянии; бороду не нужно оглаживать — она и так гладкая; гостей на самом деле не мучают ни голод, ни жажда. Тем не менее, они совершают все перечисленные действия, чтобы чем-то себя занять и хоть немного избавиться от напряжения в первые

минуты общения.

У многих людей появляются своеобразные замещающие привычки. Сталкиваясь с внутренним конфликтом, они прибегают к одному и тому же излюбленному Замещающему Действию. Вот спортсмен, энергично жующий жвачку перед началом важного матча; вот менеджер, предсказуемо посасывающий дужку очков или полирующий их носовым платком прежде, чем ответить на трудный вопрос на собрании совета директоров; вот школьник, грызущий ногти; вот актриса, наматывающая на палец прядь волос; вот ведущий телепередачи, внимательно изучающий костяшки пальцев; вот преподаватель, то и дело перекладывающий листки с записями; вот директор компании, рисующий закорючки в блокноте; вот учитель, собирающий воображаемые пушинки с пиджака; вот врач, вечно заводящий наручные часы.

Про людей, которые не совершают подобных простых действий, всегда спокойны, не раздражаются и в любой ситуации сразу переходят к делу, можно сказать, что они либо доминируют над теми, с кем общаются, либо ощущают себя чужими в данном кругу общения. Они пребывают либо над конфликтом, либо вне его. Они могут оказаться тиранами или магнатами, святыми или мистиками, эксцентриками или психопатами, но в любом случае они являют собой исключение из правил. Все остальные рано или поздно сталкиваются с необходимостью Замещающих Действий: нам требуется совершить какое-нибудь простое движение, которое, будучи помещено в необычный поведенческий контекст, поможет нам избежать тупика, куда нас гонят противоречивые устремления.

В этом отношении люди — вид отнюдь не уникальный. Многие другие животные, оказываясь в состоянии конфликта, также совершают типичные Замещающие Действия. Главное отличие животных от людей состоит в том, что животные не используют для замещения приобретенные навыки, кроме того, замещающее поведение отдельных особей не блещет разнообразием. Если один представитель вида совершает некое Замещающее Действие, с очень большой вероятностью все прочие представители данного вида, пребывая в аналогичной конфликтной ситуации, используют для замещения то же самое движение.

Предсказывать подобным образом поведение людей невозможно, хотя одно или два Замещающих Действия распространились почти повсеместно. Универсальным Замещающим Действием в ситуации, когда нам скучно или когда мы подавлены, является зевота. Это слабоинтенсивная форма другого Замещающего Действия — сна. Есть интереснейшие свидетельства того, как солдаты, участвовавшие в мировых войнах, испытывали непреодолимое желание заснуть в момент, когда им приказывали идти в атаку. Они не симулировали и не страдали от истощения. Стоило солдатам ринуться в бой — и спать им уже не хотелось. Однако за миг до начала атаки на них внезапно наваливалась чудовищная сонливость. Подобным образом ведут себя и некоторые виды птиц: посреди враждебных споров и угроз они вдруг на секунду прячут голову под крыло.

Склонность людей к замещающему сну (в умеренной форме) может помочь объяснить ряд случаев низкой производительности труда. Когда человек подавлен или столкнулся с внутренним конфликтом, он подвержен неконтролируемым приступам усталости, из-за которых не может трудиться с полной отдачей. Возможно, поэтому мы говорим, что «устали» от чего-то, когда имеем в виду, что нам что-то наскучило или надоело. Объективное описание данного механизма может помочь поднять производительность труда.

ПЕРЕНАПРАВЛЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Действия, перенацеленные на кого-то другого

Перенаправленное Действие — это комплекс телодвижений, который направлен на одного человека и предназначен для глаз совсем другого.

Наиболее очевидный пример такого действия — перенаправленная агрессия. Когда человек раздражает вас настолько, что вы готовы на него напасть, но боитесь это сделать, поскольку обидчик над вами доминирует, вы, вероятно, сорвёте злость на ком-то, кто пугает вас не столь сильно. Проблему вы при этом не решите, зато получите хоть какую-то разрядку. Правда, следует учесть, что с точки зрения общества ценой этой разрядки станут социальные катаклизмы.

К несчастью, с феноменом перенаправленной агрессии мы сталкиваемся слишком часто. Вероятно, именно на него следует возложить ответственность за большую часть скандалов и драк. Почему — понятно: лишь человек, который не боится возмездия, может позволить себе постоянно и открыто демонстрировать враждебность. Босс оскорбляет своего помощника, зная, что тот не ответит ударом на удар. Помощник удаляется, затаив злобу, и обрушивается на секретаршу. Секретарша проглатывает обиду, но позже отпускает злую шутку в адрес курьера. Статус курьера — самый низкий, он не может оскорбить никого из работников фирмы, отсюда — финал популярного стишка про перенаправленную агрессию: «...А курьер пнул бездомную кошку».

Герои другой классической сценки о Перенаправленных Действиях — враждебно настроенный муж-неудачник и его забитая и запуганная жена. Натерпевшись унижений на работе, муж возвращается домой. Он рычит, огрызается и обрушивает свой гнев на беззащитную супругу или совсем уже беззащитных детей. Почти все побои, достающиеся жёнам и детям, равно как и жестокое обращение с животными — это перенаправленная агрессия. Как вода течёт по склону горы, так и агрессия стекает по склону иерархической пирамиды человеческого общества.

Статистика инцидентов, связанных с перенаправленной агрессией, ужасает. В 1996 году полиция США зарегистрировала более 2 миллионов случаев избиения женщин. Чаще всего на американских женщин поднимали руку их мужья и сожители. 76 % этих мужчин, в свою очередь, подвергались насилию в семье, когда были детьми. Каждая вторая женщина, которую бил её муж или сожитель, била своих детей. Сегодня в одной только Америке работают полторы тысячи убежищ для женщин, которых избивают мужья. Эти цифры подтверждают: перенаправленная агрессия — основная проблема современного общества.

Менее пагубная форма перенаправленной агрессии связана с «насилием» над неодушевлёнными предметами. Разгневанный менеджер ударяет кулаком по столу; раздражённая жена швыряет на пол вазу; маленький мальчик топчет хрупкую игрушку. Переполюющее этих людей раздражение находит выход, однако живые существа при этом не страдают. СМИ сообщали о том, что на некоторых предприятиях оборудованы «комнаты гнева», в которых расстроенные работники выпускают пар, куражась над изготовленными специально по такому случаю манекенами.

Агрессия, направленная на самого агрессора, может, в конце концов, привести к самоубийству. Она может выражаться и более умеренно: раздражённый человек прикусывает собственную губу. (По Ааватеру.)

Вполне разумно предположить также, что гражданские беспорядки, изнасилования и разбой на улицах и в парках — это проявление все того же механизма перенаправления агрессии. Когда газеты сообщают о подобных происшествиях, им обычно приписывают внешние причины: беспорядки — это политический протест, насильники одержимы сексом, разбой учиняют обычные воры. Однако за этими причинами может скрываться и более глубокая: необходимость перенаправить агрессию, порождённую унижениями, которым преступники подвергались в повседневной жизни.

Иногда процесс перенаправления затягивается настолько, что могут пройти годы прежде, чем на кого-либо выльется агрессия. Здесь мы вступаем в царство психоанализа, отыскивающего корни агрессии взрослого человека в его детских страданиях и переживаниях. Люди как вид научились затаивать злость на очень долгий срок, иногда — на целую жизнь. Из-за этого сплошь и рядом трудно установить истинную причину агрессии.

Агрессия — не единственный вид поведения, поддающийся перенаправлению. Точно так же могут быть перенацелены и родительская любовь, и сексуальное влечение. Если любимый человек умирает или становится недостижимым, некоторые люди могут отыскать ему или ей замену, которую они будут любить — но не как личность, а как человека, напоминающего утраченный объект любви. Поскольку такая «замена» никогда не бывает полноценной, результатом может стать неудовлетворённость, а то и трагедия. Обычный пример тут — «маменькин сынок», ищущий в молодой жене материнские качества. Другой пример — псевдородитель, который надеется, что протеже подарит ему ту же любовь, какую мог бы подарить настоящий ребёнок.

Перенаправление действия — один из самых мощных механизмов в поведении людей.

Он может снять напряжение и избавить человека от страданий, однако по своей природе этот механизм порочен: Перенаправленные Действия слишком часто чреваты опасностями и разочарованиями. За такие действия общество расплачивается физическими и эмоциональными шрамами.

ПЕРЕНАЦЕЛИВАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ

Действия, благодаря которым на смену одним эмоциям приходят другие

Перенацеливающее Действие позволяет нам подавить нежелательные эмоции путём пробуждения других, «конкурирующих» эмоций. Другими словами, если я хочу, чтобы вы прекратили делать что-либо, я достигну цели, заставив вас заняться чем-нибудь другим. Если я добьюсь от вас новой реакции, она «погасит» прежнее настроение, которое мне не нравилось. Вы, таким образом, будете пере-нацелены с одной эмоции на другую.

Как рано или поздно понимает любая мать, один из лучших способов сделать так, чтобы ребёнок прекратил, например, раздражаться или плакать, — это переключить его внимание на другое занятие. Если следовать этой стратегии, крики, страхи, нездоровые интересы и конфликты сводятся на нет куда эффективнее, нежели при помощи более прямолинейных методов воздействия. Когда попытки просто «выключить» нежелательное настроение путём требований, угроз или просьб не дают желаемого результата, его можно добиться, совершив Перенацеливающее Действие.

Перенацеливание «работает» за счёт принципа сосредоточения: два очень сильных побуждения подавляют друг друга. Усиленно концентрируясь на каком-либо занятии, мы постепенно перестаём воспринимать окружающий мир. Нас могут окружать разного рода раздражители, требующие к себе внимания, однако сосредоточение ограничивает наше восприятие, и мы кажемся слепыми и глухими ко всему, что не касается предмета, на котором мы сконцентрированы. Наш мозг работает избирательно и позволяет нам игнорировать все посторонние явления. Как сказал один весьма работающий художник, живший в студии, где царил сущий беспорядок: «Если бы я делал все то, что мне полагается делать каждый день, я никогда ничего не добился бы».

Именно такое сосредоточение служит человеку, который желает изменить настроение кого-либо. Для этого необходимо увеличить уровень раздражения, вызываемого каким-то элементом обстановки, настолько, чтобы это раздражение нарушило концентрацию и тем самым включило в индивиде режим замещения прежней эмоции новой эмоцией. Встревоженный родитель отвлекает ребёнка интересной игрушкой или предложением сыграть в игру, которая столь увлекательна, что вымещает из сознания занимавший его предмет и заодно — волнение, раздражение, испуг или боль, связанные с этим предметом. Реакция детей на новые игры столь сильна, что перенацелить их внимание несложно. Сознание взрослого человека переключить куда труднее, но есть несколько способов перенацеливания, которые в большинстве случаев эффективно действуют и на взрослых. Эти действия превратились со временем в типичные элементы поведения.

Самая распространённая стратегия тут — псевдоинфантильное перенацеливание. Обычно женщины используют её, чтобы переключить внимание мужей: уговаривая мужчину сделать что-либо, они ведут себя как беспомощные маленькие девочки. Мужчина обнаруживает, что такое поведение женщины неизбежно пробуждает в нём нежность и жалость, одновременно подавляя присущую зрелым людям сдержанность. Взрослая женщина, подающая детские сигналы, добивается от мужчины «отцовских» реакций, в результате он из критически настроенного партнёра превращается в заботливого

псевдородителя. Разговорный язык изобилует перенацеливающими фразами вроде «детка моя» или «богатый папик», которые, невзирая на буквальные значения слов, описывают отношения не родителей и детей, а взрослых партнёров-любовников. Подобные фразы часто сопровождаются характерными знаками. Женщина-псевдорребёнок надувает губки, широко открывает глаза, принимает типичные для детей позы, вырванные из «детского» контекста и служащие исключительно «взрослым» целям. Женщины часто наклоняют голову к плечу, копируя действия ребёнка, который в поисках защиты прислоняется головой к родителю. Посредством модифицированного «петушиного наклона головы» женщина неосознанно просит мужчину защитить её, и в мужчине, на которого рассчитан этот знак, внезапно пробуждаются отцовские чувства.

Реже можно наблюдать аналогичное «детское» поведение у мужчин, и теперь уже женщина видит в партнёре «маленького несчастного мальчика». Некоторые мужчины осознанно выставляют себя мальчишками, чтобы пробудить материнское стремление пожалеть «ребёнка» в женщинах, которых они вожделеют.

Точно так же ведут себя молодые влюблённые — «сюсюкают», «тискаются», нежно поглаживают друг друга. Подобно брачующимся птицам, они часто кормят друг друга с ложечки, обмениваются кусочками еды и характерными только для людей любовными подарками — плитками шоколада. Влюблённые стараются предстать друг перед другом нуждающимися в защите детьми, чтобы уменьшить вероятность распада пары из-за взаимных страхов и треволнений, грызущих их изнутри.

Наряду с псевдоинфантильным и псевдородительским поведением в качестве Перенацеливающих Действий может быть использовано и псевдоэротическое поведение. Очевидный пример тут — классический совет молодой секретарше: «Чем чаще вы делаете опечатки, тем сильнее следует выпячивать грудь». Это, разумеется, шутка, но в ней очень точно подмечено: эротические сигналы могут приводить мужчин в более миролюбивое расположение духа.

ОСКОРБИТЕЛЬНЫЕ СИГНАЛЫ

Насмешка и отповедь: как мы выражаем неуважение и презрение

Один человек может оскорбить другого множеством разных способов. Ни одно животное не может соревноваться с нами в искусстве быть противными. Мы умеем унижать тысячью способов — и это ещё с закрытым ртом!

Практически любое действие может превратиться в Оскорбительный Сигнал, если оно совершается вне соответствующего контекста, несвоевременно или не в положенном месте. Здесь мы рассмотрим специализированные Оскорбительные Сигналы, которые оскорбляют всегда, вне зависимости от обстоятельств. Эти сигналы предназначены для того, чтобы нагрубить, высмеять, проигнорировать, пригрозить, поддразнить, осадить или унижить. По интенсивности они разнятся от мягкой отповеди до жестокого запугивания.

Эти сигналы также разнятся от одной культуры к другой. Некоторые из них будут понятны почти в любой стране мира, в частности, все мы поймём, что нам хотят сказать, когда лицо собеседника обретает глумливое выражение. Другие действия мы не в состоянии интерпретировать, не имея представления о культуре данного региона. Например, пальцы левой руки сложены щепоткой, а указательный палец правой словно тычется в образованное кончиками пальцев «кольцо»; о чем, по-вашему, говорит следующий знак? Если сопутствующие действия достаточно выразительны, вы можете предположить, что и этот знак является оскорбительным, однако его точное значение вы знаете, только если близко знакомы с культурой Саудовской Аравии. В этом случае знак оскорбит вас до глубины души, поскольку означает «ты — сын шлюхи». Пять пальцев в этом случае символизируют пятерых мужчин, каждый из которых может быть вашим отцом.

В глазах чужаков местные сигналы такого рода настолько бессмысленны, что местные жители могут оскорблять иностранцев, не опасаясь ответной агрессии. Бывает и так, что туристы, приехав в чужую страну, случайно оскорбляют местных жителей, ненамеренно подав им Оскорбительный Сигнал. Тем полезнее знать об этих сигналах как можно больше. Чтобы лучше понимать суть Оскорбительных Сигналов, разделим их на несколько основных категорий:

1. Сигналы равнодушия. Говорят, что если общество решает выразить своё презрение, оно вначале игнорирует вас, затем, если это не действует, смеётся над вами, а если и это средство не помогает, нападает на вас. Схема слишком упрощена, однако верно то, что наиболее умеренное и самое сильное оскорбление — это безразличие. Его демонстрируют, слегка уменьшая интенсивность ожидаемых дружеских реакций; меньше кивая и улыбаясь собеседнику во время разговора и чаще, чем обычно, отводя глаза; или намеренно и недвусмысленно отворачиваясь.

Когда в XIX веке социальный снобизм достиг пика, оскорбление равнодушием стало возможно выразить формальным знаком «отключение». Это действие предназначалось для контактов с людьми, которых вы расценивали как нижестоящих, и выражалось в том, что вы сначала позволяли им увидеть, что вы их заметили, а затем отвернуться и выказать им «ноль внимания, фунт презрения». И сегодня можно видеть, как один человек отворачивается от другого, выражая тем самым отсутствие интереса к его персоне, однако данное действие

давно перестало играть существенную роль в формальном общении. Тем больший эффект оно производит в тех случаях, когда люди поступают подобным образом. Современная культура отторгает снобизм, на любом дружеском собрании мы ожидаем, что все будут интересоваться всеми всё время — и если этого не происходит, улыбка сходит с нашего лица, что для наших чувствительных собеседников само по себе — Оскорбительный Сигнал.

2. Сигналы скуки. Если равнодушие не попадает в цель, мы можем попытаться оскорбить человека, открыто продемонстрировав, что нам с ним скучно. Распространённый приём тут — имитация зевка. Можно также глубоко вздыхать, делать каменное лицо или то и дело смотреть на наручные часы. Последнее действие может негативно сказаться на беседе, даже если мы не намереваемся никого оскорблять. Если ваша жизнь подчинена жёсткому расписанию и для вас важна каждая минута, вы тем не менее будете избегать открыто смотреть на часы в ситуации, когда это действие может быть воспринято как оскорбление скукой. В итоге вам придётся смотреть на циферблат украдкой, чтобы никого не обидеть.

3. Сигналы нетерпения. Часто можно видеть, как люди совершают малозаметные движения, когда хотят уйти от разговора и перебраться в другое место. В этих случаях мы наблюдаем «передвижение в миниатюре»: человек перебирает пальцами, притопывает, хлопывает рукой по телу. Части тела словно отбивают ритм передвижения. Пальцы похожи на маленькие ножки, что бегут прочь. Притопывание воспроизводит первый шаг к спасению, но продолжить действие человек не может, оттого он снова и снова повторяет первый шаг. Наблюдателю ясно, что тот, кто подаёт такие сигналы, образно говоря, рвётся на свободу. Можно с уверенностью сказать, что темп нетерпеливых движений совпадает с темпом, в котором наблюдаемый хотел бы сбежать от разговора.

4. Сигналы превосходства. Оскорбляющий часто совершает малозаметные действия, которые придают ему более напыщенный, самодовольный вид. Он может, например, отклонить голову назад и смотреть на вас полуприкрытыми глазами; отсюда — выражения «смотреть сверху вниз», «задирать нос» и «смотреть свысока». Это усиленная форма одного из основных сигналов высокого статуса. Обычно статусное поведение выражается в том, что доминирующие индивиды поднимают голову, в то время как подчинённые, наоборот, вжимают её в плечи. Разница между положениями голов настолько мала, что мы, как правило, не отдаём себе отчёт в том, что она вообще есть. Однако на уровне подсознания мы весьма чувствительны к малейшим отклонениям головы от её естественного положения. Сутулому человеку заработать наше уважение сложнее, нежели человеку с гордой осанкой. Ни этот человек, ни мы не поймём, в чем тут дело, но наши ощущения от этого не изменятся. В тот миг, когда сигнал оскорбления достиг цели, оскорбляющий, независимо от его статуса, может «задрать нос» очень высоко.

Можно увидеть противоречие в том, что индивид, обладающий низким статусом, совершает действия, которые никак не соответствуют его положению — однако в тот момент, когда он решает оскорбить кого-то, он, разумеется, выходит из полагающейся ему по статусу роли. Кипя от обиды или, говоря высоким штилем, разгневавшись, он выходит за границы статуса и, атаковав противника вербально, вскидывает голову в подражание людям, обладающим высоким статусом. Вскоре его голова вернётся в прежнее положение, однако на несколько мгновений индивид утрачивает контроль над собой.

Ребёнок, подросток, ученик, мелкий офисный работник, слуга и им подобные в обычных ситуациях не позволяют себе совершать действия, типичные для людей с высоким статусом, но когда чаша их терпения переполняется и они набрасываются на противника со

словесными оскорблениями, эти люди совершают движения, показывающие их превосходство над оскорбляемым. Атакуя с высоко поднятой головой, в глазах окружающих они часто выглядят комично из-за резкого контраста между обычным приниженным и сверхдоминирующим поведением. Сами эти люди, однако, ощущают себя в такие моменты «на высоте», потому проявления превосходства для них вполне естественны.

Все это лишь подтверждает важный принцип коммуникации: в обычном состоянии, контролируя своё поведение, мы воспринимаем взаимоотношения «в перспективе», в то время как в те моменты, когда нами владеют эмоции, для нас важнее краткосрочное воздействие на других людей. Человек, не теряющий самообладания в то время, когда его собеседник срывается и начинает швыряться оскорблениями, видит, как разнится прежнее и нынешнее (неконтролируемое) поведение оскорбляющего — и реагирует как на оскорбления, так и на этот контраст. Распалившийся обидчик ощущает одно только раздражение. Позднее, когда он успокоится и подумает о том, как будут складываться отношения с оскорблённым в дальнейшем, он также увидит разницу и, возможно, извинится за то, что «потерял голову».

Есть индивиды, для которых демонстрация собственного превосходства — не сиюминутная прихоть, но жизненное кредо. Такие люди надменны, саркастичны, циничны или относятся к окружающим с презрением, всё им не по вкусу, почти от всего они воротят нос. В большинстве коллективов есть один или два персонажа, которые шныряют по офису и готовы излить поток рутинных оскорблений в ответ на любое обращение, вежливое или невежливое. Таких людей часто высмеивают за их спинами, их боятся, их не любят за то, что они предпочли уравновешенным, дружеским отношениям высокомерие или откровенный цинизм. Сигналы превосходства в этих случаях становятся настолько привычными, что почти перестают восприниматься как таковые. «Не обращай внимания, он всегда такой», — говорят о подобных людях, однако игнорировать их сложно, поскольку оскорбления не любит никто (пусть тут и нет контраста между «обычным» и «оскорбительным» поведением). Такие люди по сути своей противны, и никакая социальная адаптация не делает их оскорбления приятными.

5. Сигналы искажённой любезности. Саркастические оскорбления часто принимают форму искажённого комплимента. Дружеская реакция сознательно трансформируется так, чтобы она стала неприятной. Два очевидных примера тут — «поджатые губы» и «кривая усмешка». И то и другое — искажённая улыбка. Искажение достигается за счёт устранения ряда элементов из комплекса движений лицевых мышц. В случае «поджатых губ» уголки губ поднимаются, как при обычной улыбке, а центральная часть губ сморщивается. В случае «кривой усмешки» мы наблюдаем единственный элемент улыбки, поднятие одного уголка рта, остальные элементы устраняются.

Искажённая любезность такого рода особенно оскорбительна: нас вроде бы собираются похвалить, в итоге же над нами смеются. Нам обещают улыбку, но в последний момент её заменяет усмешка.

*Сигналы искаженной любезности:
«поджатые губы» (слева) и
«аплодисменты ногтями» (справа).*

Есть огромное количество местных оскорбительных знаков этого типа. Хороший пример тут — «аплодисменты ногтями», издевательский знак, распространённый в некоторых арабских и испаноязычных странах. Вместо того чтобы громко хлопать в ладоши, «аплодирующий» ударяет друг о друга ногти больших пальцев рук. Альтернативный знак, наблюдаемый в Великобритании, — замедленные хлопки ладонями. Нужно учесть, однако, что, как это часто бывает с местными знаками, в разных странах одни и те же действия могут иметь разные значения. Например, в Панаме «аплодисменты ногтями» — не более чем тихие аплодисменты, без тени иронии или издевательства. В России человек, который аплодирует вам в замедленном темпе, скорее всего, искренне вами восхищен.

6. Сигналы притворного дискомфорта. Здесь оскорбляющий показывает степень своего недовольства, преувеличенно сигнализируя о том, что он страдает. Он может, например, ударять себя по голове кулаком, задыхаться, закрывать лицо руками, скривить лицо (якобы от сильной боли). Так или иначе, он намеренно переигрывает, чтобы акцентировать внимание на своём возмущении. В более изощрённой форме этот тип сигналов проявляется как мученическое заламывание рук — излюбленный приём «многострадальных» родителей и учителей, оскорбляющих детей или учеников. Преувеличивая свои страдания, они как бы говорят оскорбляемому, что его злодеяния куда существеннее, чем ему кажется.

Символические оскорбления зачастую могут быть адекватно восприняты лишь в той или иной местности. Среди них: распространённый в Латинской Америке знак «рука прикрывает зоб», указывающий на глупость (1); испанский знак «голова ребёнка», указывающий на инфантильность (2); арабский знак «расцепить мизинцы», указывающий на конец дружбы (3); европейский знак «длинная борода», указывающий на надоедливость (4); его австрийская версия (5), в которой пальцы поглаживают воображаемую бороду. К таким оскорблениям относится также широко распространённый и известный многим знак «говори-говори!» (рука изображает движения рта) (6) и знак «я сыт по горло» (7).

7. Сигналы отказа. Между равнодушием и откровенной бранью лежит область умеренных оскорблений, которые наносятся, когда оскорбляющий всего лишь отказывается от того, что ему предлагают. Он не угрожает оскорбляемому и не ведёт себя агрессивно.

Вместо этого он подаёт сигнал «не приставай ко мне» со значением «пропади ты пропадом». Чаще всего оскорбляемому указывают на его место в жизни большим пальцем, но распространено также движение всей кистью: ладонь словно отталкивает человека, бьёт его, отодвигает в сторону, не касаясь при этом его тела. Наиболее унизителен знак, которым обычно отгоняют надоедливое насекомое.

Высовывание языка — особая форма сигнала отказа, возникающая, как уже упоминалось, во младенчестве, когда ребёнок отвергает грудь или бутылочку с молоком. Этот младенческий сигнал отказа воспроизводят и дети старшего возраста, и взрослые, при этом никто уже не вспоминает, откуда данный сигнал взялся, — он просто считается «грубым».

8. Сигналы насмешки. Осмеяние — один из основных способов оскорбить кого-либо, выработанных в человеческом обществе. Чтобы понять, почему это так, следует обратить внимание на обстоятельства, в которых дети смеются в первый раз. Младенец смеётся, когда мать мягко пугает его, щекоча или игриво покачивая из стороны в сторону. Ребёнок получает от матери два сигнала: «происходит что-то странное» и «но бояться нечего, поскольку всё это делает моя мама». Если бы младенца щекотал или качал чужой человек, тот заплакал бы; вместо этого ребёнок смеётся. Смех — это альтернатива слезам. Взрослые смеются вместе потому, что испытывают одни и те же чувства: опасность + избавление от неё. Насмехаясь над человеком, мы подвергаем его двойному оскорблению. Своим смехом мы говорим ему: «Ты странный человек, создаётся впечатление, что ты опасен, но, к счастью, я могу не принимать тебя всерьёз». Насмешка в каком-то смысле куда более оскорбительна, нежели прямая угроза. Угроза несёт в себе враждебность и может вылиться в физическую атаку, но она, по крайней мере, подразумевает, что жертва достойна того, чтобы на неё нападать. Что до насмешки, она одновременно и враждебна, и принижает значимость того, над кем смеются. Вот почему открытое осмеяние легко провоцирует человека на агрессивный ответ. Напав на тех, кто над ним смеётся, он может надеяться если не заткнуть им рот, то хотя бы добиться от них угроз вместо насмешек и тем самым повысить свой статус, превратившись в «человека, с которым шутки плохи».

Есть несколько форм полускрытой насмешки: можно, например, чуть прикрыть рот рукой, но так, чтобы улыбка всё равно была заметна, или, если оскорбляющих двое, «тайно» подмигнуть друг другу, но опять же особо не таясь, чтобы человек, которого оскорбляют, это увидел.

9. Символические оскорбления. Есть великое множество символических жестов с оскорбительным смыслом. Естественно, каждой культуре присущи свои символические оскорбления, и значение подобных знаков часто могут понять лишь обитатели данной местности. Так, жители англоговорящих стран, оказавшись за границей, могут легко перепутать значения жестов, что показывают следующие примеры.

В ряде стран Латинской Америки рука, прикрывающая воображаемый зуб, подаёт сигнал о глупости собеседника — здесь несправедливо полагают, что щитовидная железа распухает именно у глупцов. В некоторых регионах Испании наклонённая к плечу голова, покоящаяся на руке, намекает на инфантильность. Этот знак говорит о том, что некто — ещё ребёнок, во всем полагающийся на мать. У арабских детей один из самых оскорбительных знаков — сцепить мизинцы и затем резко развести руки; этот знак означает, что дружбе пришёл конец. Цыгане, желая оскорбить кого-либо, делают вид, что сжимают в руке некий податливый предмет. Тем самым они демонстрируют оскорбляемому, как недостойно,

«мягко» он ведёт себя с их точки зрения.

В нескольких европейских странах распространено особое «мужское» оскорбление: мужчина подносит кисть к груди ладонью вверх, показывая, какую длинную бороду можно отрастить, слушая монотонные речи оскорбляемого. А вот еврейский оскорбительный знак: ткнуть указательным пальцем одной руки в ладонь другой, как бы говоря: «Скорее на ладони вырастет трава, чем произойдёт то, о чем ты говоришь!»

В Австрии поглаживание воображаемой бороды — знак того, что слова собеседника «стары как мир» и ничего нового он не сообщает. Когда французы хотят сказать, что некто говорит без конца и все устали от его речей, они делают вид, что играют на флейте. Более распространённая версия этого знака — «говори-говори!»: рука изображает открывающийся и закрывающийся рот.

Не знает границ символический жест «да ты мне уже вот где!» — распрямлённая кисть либо касается горла, либо заносится над затылком. Этот знак связан с отказом от пищи: «Я больше не могу есть». Отказ от пищи символизирует тут отказ от какой-либо идеи, отсюда — выражение «с меня хватит, я этим сыт по горло».

Кроме того, есть много «безумных» знаков, указывающих на то, что оскорбляемый человек настолько глуп, что ведёт себя как сумасшедший. Обычно это знаки, символизирующие «плохую голову» или «перекрученные извилины», например, оскорбляющий может постучать по собственному лбу или покрутить пальцем у виска. Однако кое-где эти знаки имеют совсем другое значение: в Голландии постукивание по виску означает ум, а не глупость, в то время как в Дании на глупых людей указывают, стуча пальцем по центру лба.

Местные разновидности символических оскорбительных сигналов настолько разнообразны, что их примерами можно заполнить целую книгу. Упомянем ещё одну важную категорию таких знаков: сравнение с животным. Сойдёт практически любое животное, лишь бы оно имело отрицательные черты и считалось глупым, неуклюжим, раздражительным, ленивым, грязным и так далее. Пальма первенства тут принадлежит ослу, который считается глупым, не по делу голосащим и к тому же уродливым (из-за больших ушей) созданием. В Италии изобразить осла можно тремя способами, но лишь один из них широко распространён — оскорбляющий хлопает ладонями по своим ушам. Во многих странах дети имитируют этот сигнал, не понимая ещё, что его цель — назвать кого-либо ослом. Сегодня данный знак популярен и в Европе, и в Америке, и в арабских странах.

Наверное, самый распространённый сигнал, сравнивающий оскорбляемого с животным, — это «петушинный гребень», он же «длинный нос»: большой палец правой руки касается носа, остальные пальцы выпрямлены и разведены в стороны. Принято считать, что рука символизирует встопорщенный гребешок агрессивно настроенного петуха, но есть и другое объяснение, возводящее данный знак к старинной традиции изображать оскорбляемого гротескно длинноносом. Не столь распространены испанский знак «раздавить вошь» (оскорбляющий словно давит вошь между ногтями больших пальцев рук) и пенджабский «змеиный язык» (оскорбляющий выпрямляет указательный палец и водит им туда-сюда, уподобляя его языку змеи).

Ещё одно символическое оскорбление — испанский знак «раздавить вошь» (слева): оскорбляющий делает вид, что давит вошь между ногтями больших пальцев рук. «Грязный» сигнал «плевок» (справа) во многих странах воспринимается как оскорбительный. В регионах, где принято очищать рот, периодически избавляясь от слюны, сложно определить, является плевком оскорбительным сигналом или же человек плюнул просто так. Если плевком направлен на оппонента, его значение недвусмысленно.

10. «Грязные» сигналы. Исследовав культурные традиции более чем двухсот племён по всей земле, учёные пришли к выводу, что лишь одно свойство человеческого тела всегда и повсюду связывается с понятием «красивый человек», и это свойство — чистота, понимаемая как буквально, так и в переносном смысле (неосквернённые болезнями). Нечистоплотность приравнивается к уродству, потому знаки, указывающие на то, что оппонент нечистоплотен, являются оскорбительными и распространены по всему миру. В основном они связаны с «нечистыми» выделениями — слюной, соплями, мочой и фекалиями, иногда этот список пополняется испражнениями каких-либо животных.

В Сирии прикосновение к ноздрям указательным и большим пальцами правой руки означает «иди к черту». Похожий знак можно наблюдать и в Ливии, где сразу после этого принято указывать на оппонента выпрямленным средним пальцем.

Если цыган хочет сказать, что не хочет знаться с тем или иным человеком, он стряхивает со штанов воображаемую пыль, после чего сплёвывает на пол. Во многих странах плевком сам по себе — оскорбление, особенно когда плюются преувеличенно, что символизирует рвоту.

В некоторых штатах США можно наблюдать, как человек, желающий посмеяться над кем-то, задирает штанину, словно ступает по навозу и не хочет замарать одежду. Иногда американцы счищают с плеча воображаемый птичий помет.

В Англии популярно «туалетное» оскорбление: одной рукой оскорбляющий дёргает за воображаемую цепочку сливного бачка, другой зажимает нос. Упрощённая версия этого сигнала — зажатый двумя пальцами нос — встречается повсеместно и считается весьма оскорбительной.

В Италии знак *tirare-saliva* — «метнуть слюну» — содержит в себе угрозу: рука «вытягивает» слюну изо рта и мечет её в оскорбляемого.

Значение большинства «грязных» сигналов настолько очевидно, что они без труда

распознаются даже людьми, которые подобных сигналов не подают и, может быть, вообще не сталкивались с данным знаком. Необходимо упомянуть один особенный знак, неизменно ставящий в тупик иностранцев, которые видят его в первый раз. Речь о греческом знаке «мутза», подробно разбиравшемся в главе «Реликтовые Знаки». Этот знак может показаться достаточно безобидным — вас словно отгоняют рукой, говоря «отойдите!», — однако сами греки воспринимают его как ужасное оскорбление оттого, что изначально этот знак имитировал вымазывание грязью лица беззащитного пленника. В настоящее время, превратившись в символический жест, «мутза» бытует в нескольких вариантах. Наиболее умеренная форма — «мутза» вполруки, когда распрямлены только указательный и средний пальцы; стандартный вариант — «мутза», показываемая одной рукой; куда более оскорбительна «мутза», показываемая двумя руками. В сидячем положении наиболее задиристые греки могут прибавить к рукам одну, а то и две ноги. Для греков «мутза» — одна из самых оскорбительных насмешек, и тем, кто приехал в эту страну, следует избегать любых движений рукой, напоминающих этот знак. Случайно показав греку «мутзу», вы рискуете нарваться на серьёзные неприятности.

Таковы основные категории сигналов, которыми один человек может оскорбить другого. Мы ничего не сказали о двух типах оскорблений: Угрожающих Сигналах и Непристойных Сигналах. Угрожающие Сигналы заслуживают рассмотрения в отдельной главе, поскольку их основная функция — совсем не оскорбление. Они визуально предупреждают человека о том, что жестикулирующий может на него напасть, в то время как настоящий Оскорбительный Сигнал подменяет собой нападение. На деле большая часть угроз так и остаётся всего лишь угрозами, замещающими физическую агрессию, и это обстоятельство роднит Угрожающие Сигналы с Оскорбительными.

Непристойные Сигналы — это особый разговор. В современном мире непристойными считаются знаки, как правило, эротического характера. При этом они делятся на две категории: непристойные комментарии и непристойные оскорбления. В первом случае целью игривой жестикуляции может быть похвала или приглашение вступить в половую связь — без намерения оскорбить. Во втором эротический знак представляет собой специфическое оскорбление. Поскольку Непристойные Сигналы могут как оскорблять, так и не оскорблять, мы расскажем о них в отдельной главе.

УГРОЖАЮЩИЕ СИГНАЛЫ

Попытка запугать, не вступая в драку

Подобно любому животному, человек предпочитает запугивать противника, не прибегая к насилию. По сравнению с физической атакой угроза — явление куда более распространённое. Причина проста: в схватке даже победитель может серьёзно пострадать. Риск здесь слишком высок, потому мы стараемся утратить кого-либо, не доводя дело до драки.

Угрожающие Сигналы предупреждают о нарастающем раздражении. Это действия, которые, если довести их до конца, выльются в физическое нападение, однако на деле они не завершаются и остаются потому не более чем визуальными сигналами. Этот эффект достигается тремя способами.

Во-первых, Угрожающие Сигналы могут быть «подготовительными движениями»: человек начинает атаковать, но не доводит движение до конца. Наиболее распространённый знак такого рода — занесённая рука. Распалившийся человек угрожающе «поднимает руку» на врага с целью ударить его, но останавливается на полпути. Как вариант, он может отвести руку в сторону, словно намереваясь ударить врага по лицу, а затем опустить руку вместо того, чтобы осуществить задуманное.

Атакующее «подготовительное движение» может быть и более театральным: иногда люди высоко поднимают руки и растопыривают пальцы, словно желая расцарапать противнику лицо острыми когтями (которых у них нет). В псевдоатаке может быть задействована и нога, если отвести её назад и держать на весу, чтобы через мгновение пнуть врага. Все эти телодвижения ясно сигнализируют о враждебных намерениях человека и одинаковы в любой стране мира.

Столь же ясный сигнал подают и «пустотные знаки» — действия, которые доводятся до конца, но без того, чтобы прикасаться к противнику. В их число входит наблюдаемое сплошь и рядом резкое движение кулаком: человек готовится к тому, чтобы ударить врага, и в результате наносит несколько ударов по воздуху. Такие действия могут совершаться на значительном расстоянии от «жертвы» и сильно упрощаться; удары по пустоте превращаются в результате в судорожное подёргивание руки, совершенно не напоминающее удары, наносимые в ходе реальной драки. Но и в таком виде понять значение этих сигналов нетрудно.

Среди других «пустотных знаков» — итальянский знак «рубить воздух»: человек совершает рубящие движения распрямлённой напряжённой кистью, демонстрируя оппоненту, как он отрубит ему голову. К этой категории относится и знак «свернуть шею», упростившийся настолько, что напоминает скорее выкручивание мокрого полотенца, чем реальное действие. Ещё одно движение такого рода — «удушение пустоты»: пальцы напряжённых рук захватывают воображаемую шею и медленно душат «врага». В ряде стран весьма распространено тыканье двумя пальцами в воображаемые глаза оппонента. При этом указательный и средний палец правой руки распрямлены и разведены в стороны, в теории указательный палец атакует правый глаз врага, а средний палец — левый.

Особый случай «пустотной атаки» — размахивание вытянутым средним пальцем. В

этом случае палец превращается в подобие палки, которая символически обрушивается на голову «жертвы».

Третья категория угрожающих движений включает в себя множество разных «перенаправленных знаков», которые доводятся до конца, но тело жертвы не становится при этом объектом атаки. Атакующий перенаправляет их, в том числе — на собственное тело. Подавая сигнал «я тебя придушу», он демонстрирует процесс удушения на своём горле. Он может также ударить себя по руке, вцепиться зубами в сустав своего пальца или провести указательным пальцем по своему горлу, как бы перерезая его.

Опять же, в разных культурах эти знаки разнятся. В Испании излюбленным перенаправленным движением является удар правым кулаком по ладони левой руки. В Италии популярен «укус пустоты»: большой палец руки подцепляет верхний ряд зубов и затем резко выбрасывается вперёд по направлению к оппоненту. В Восточной Европе и арабских странах атакующий наотмашь ударяет себя по носу указательным пальцем. В Саудовской Аравии можно наблюдать весьма экспрессивный знак: атакующий прикусывает губу, неистово мотая головой из стороны в сторону, словно пытается откусить кусок тела «жертвы». Там же встречается перенаправленный знак с ироническим подтекстом: атакующий шлёпает тыльную сторону ладони другой ладонью, сигнализируя тем самым, что его оппонент ничем не лучше ребёнка.

Когда человек совершает подобные телодвижения, его лицо часто принимает соответствующее выражение, тело напрягается, дыхание становится учащённым. Выражение лица может быть разным, в зависимости от того, на самом деле человек хочет атаковать жертву или же готов отступить. В том, кто подаёт Угрожающие Сигналы, одновременно уживаются оба стремления. Стоит одному из них взять верх над другим — и выражение лица слегка меняется. Когда человек настроен крайне враждебно и стремление атаковать доминирует в нем над стремлением отступить, его губы, скорее всего, будут плотно сжаты, голова наклонена вперёд, кожа бледна, брови нахмурены. Если человек боится вступать в драку, он приоткроет рот в подобии усмешки, демонстрируя противнику зубы, поднимет голову, откроет глаза шире, его кожа, возможно, начнёт краснеть.

У млекопитающих есть особенный Угрожающий Сигнал, который люди подать, как правило, не могут — «волосы дыбом». Другие млекопитающие, демонстрируя враждебность, используют этот сигнал в полной мере — они ошетиняются, их хохолки и гривы топорщатся. Цель подобного представления — выглядеть массивнее и опаснее. Человек может выпятить грудь и выпрямиться, однако тело, почти лишённое волос, даёт ему немного возможностей впечатлить противника. Он может ощущать, как «волосы встают дыбом», но в качестве визуальной угрозы эти волосы совершенно бесполезны. В арсенале у людей есть один-единственный угрожающий знак, который можно трактовать как «волосы дыбом», но и он весьма специфичен. Речь о французском знаке, называемом *La Barbe* (дословно — «борода»): угрожающий кому-либо человек проводит тыльной стороной пальцев по коже под подбородком в направлении от горла и резко выбрасывает руку в сторону «жертвы». Когда подобное движение совершает гладко выбритый человек, догадаться о происхождении знака невозможно, в случае же с бородачами ясно, что это стилизованная форма «волос дыбом»: борода встопорщивается и «атакует» противника. Борода — важный признак мужественности, и её встопорщивание по сути означает: «Я направляю против тебя мою мужскую силу». В других странах мы наблюдаем телодвижение, в которое, возможно, выродился знак *La Barbe*, когда видим человека, который в волнении вскидывает голову, в

раздражении выпятив подбородок и прищёлкнув при этом языком.

По сравнению с другими животными люди не слишком хорошо «оснащены» для того, чтобы подавать Угрожающие Сигналы. Огромное количество птиц, рептилий, рыб и млекопитающих умеет демонстрировать угрозу куда более впечатляюще: они дрожат, дёргаются, трепещут, раздуваются, расправляют плавники, крылья и гребни, резко меняют окраску. Однако то, чего человек лишён вследствие несовершенства тела, он с лихвой восполняет при помощи того, что называется «культурой». Мы угрожаем соперникам, атакуя их вербально, раскрашиваем тело и одеваем его в пышные мундиры, бьём в барабаны, поём, маршируем и танцуем — и бряцаем при этом оружием. На уровне государства демонстрация угрозы принимает вид масштабных военных парадов. На неформальном уровне она превращается в марши протеста с транспарантами, лозунгами, значками и ритуальными приветствиями — или в ритмичные и яркие выступления футбольных фанатов, которые хлопают в ладоши, поют песни и размахивают национальными флагами.

Распространённые формы Угрожающих Сигналов — пустотные знаки (человек нападает на воздух) и перенаправленные знаки (человек нападает на собственное тело). Примеры пустотных знаков: «трясти кулаком» (1); «рубить воздух» (2); «свернуть шею» (3); «придушить» (4); «выколоть глаза» (5). Примеры перенаправленных знаков: человек сам себя душит (6); сам себя кусает (7); символически перерезает себе глотку (8).

Поведение болельщиков часто характеризуют как хулиганское и буйное, однако недавние исследования, в ходе которых учёные изучали агрессивное поведение футбольных фанатов и представителей других подобных групп, показали, что очень немногие из них (если учесть количество болельщиков и то, сколь долго они «ведут себя агрессивно») действительно вступают в драки. Человек, как и другие животные, чаще угрожает и блефует, нежели приводит угрозы в исполнение и нападает. Учебники истории и газеты искажают картину, акцентируя внимание на ужасных исключениях из общего правила. Сегодня превалирует мнение, что мы живём в эпоху насилия, однако на самом деле люди, если внимательнее приглядеться к их жизни, — удивительно спокойные животные. Чтобы удостовериться в этом, задайте себе вопрос: сколько раз за всю жизнь вы нападали на кого-либо и проливали кровь, сколько раз вы били, царапали, кусали других людей, ломали им кости, наносили другие физические повреждения? Потом спросите себя, сколько раз вы злились на кого-либо, с кем-то спорили или ссорились. Вы обнаружите, что когда дело доходит до агрессии, вы, как и другие животные, склонны угрожать — но не атаковать.

НЕПРИСТОЙНЫЕ СИГНАЛЫ

Символизм эротических оскорблений

Непристойные Сигналы — это действия эротического характера, оскорбляющие тех, на кого они нацелены. В любой культуре есть сексуальные табу, которые, хоть они и разнятся существенно от страны к стране и от эпохи к эпохе, можно свести к основному правилу: чем откровеннее эротическое действие, тем больше вероятность, что его запрещено совершать на людях. Если рассматривать сексуальное общение как комплекс действий, который начинается, когда любовники берутся за руки, и заканчивается, когда они бьются в оргазме, можно сказать, что чем ближе действие к пику совокупления, тем вероятнее, что оно породит какой-нибудь непристойный знак.

Мы наблюдаем непристойные знаки в двух типах ситуаций. Первый тип можно назвать «дружеской грубостью», второй — «намеренным оскорблением». Когда в ходе дружеского общения мужчина подаёт женщине (или наоборот) откровенный эротический сигнал, этот знак является непристойным потому, что их общение ещё не достигло уровня близости, на котором такой сигнал приемлем даже при общении наедине. Чаще такие сигналы подаются на людях, отчего они становятся ещё менее приемлемыми и воспринимаются как оскорбительные, хоть и не являются злонамеренными. Классический пример тут — ситуация в баре: посетитель делает эротический комплимент подающей напитки девушке. Поскольку она обладает более низким статусом, посетитель считает, что вправе открыто показать девушке, какая роскошная у неё грудь. Его действие не несёт в себе прямого оскорбления, напротив, он по-своему любезен, однако девушка вполне может обидеться и расценить его знак как непристойный.

Куда чаще мы сталкиваемся с лестными непристойностями в отношении третьего лица. Двое мужчин глядят на приближающуюся женщину, и один из них сигнализирует другому кивком головы, что не прочь с ней переспать. Его знак — комплимент сексуальности женщины, но если она его заметит, она придёт в ярость, поскольку мужчина рассматривает её исключительно как сексуальную игрушку. В этом случае знак также превращается в оскорбительный.

Подобные непристойности сильно отличаются от недвусмысленных оскорблений эротического характера, которые разъярённый человек обрушивает на свою жертву, разозлившись или желая над ней поиздеваться. Он символически атакует жертву, демонстрируя ей самые «грязные», наиболее табуированные знаки. Вместо того, чтобы ударить жертву, атакующий показывает ей эротический знак. Наблюдая за такими сценами, можно заключить, что откровенная эротическая непристойность всегда оказывает на людей очень сильное воздействие — и мы вправе задаться вопросом, почему так происходит.

Нетрудно понять, почему оскорбительны «грязные» сигналы, будь то плевков или имитация процесса испражнения, но почему источником «плохих слов» и «грязных знаков» становится секс? В самом сексе нет ничего «грязного», так почему же эротические знаки сплошь и рядом используют не по назначению? Переведя соответствующие существительные и глаголы на «приличный» язык, мы поймём, что употребляем эти слова очень странно. Фактически мы оскорбляем оппонентов эквивалентами фраз «пошёл ты на пенис!», «грязная

вагина!» и «отсовокупись!»). В более ёмкой форме это знакомые нам всем проклятия, однако «в переводе» они звучат более чем непривычно.

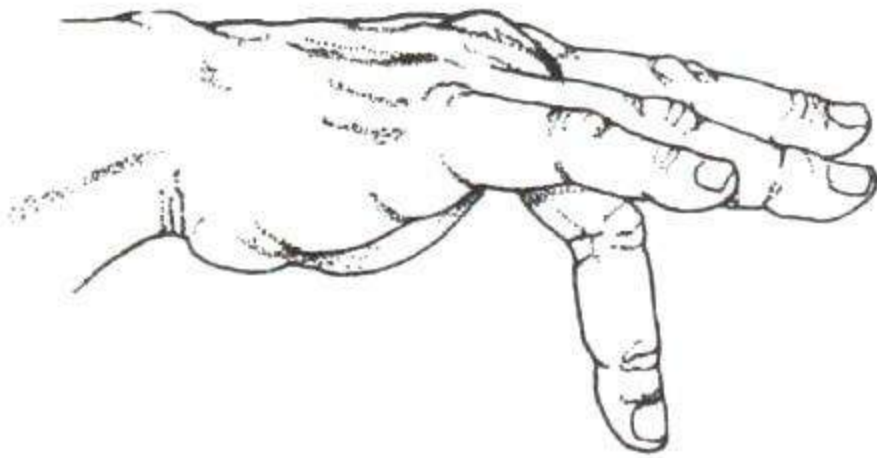
Возможно, дело в том, что многие виды животных, включая наших ближайших родственников, обезьян, используют действия сексуального характера в качестве Угрожающих Сигналов. Самец обезьяны часто забирается на «нижестоящего» сородича для того, чтобы продемонстрировать ему своё доминирование. Оседлав самца или самку, он совершает несколько тычков тазом, после чего отпускает его или её восвояси. При этом самец не вступает с «нижестоящим» в половой контакт. Мужчина, показывающий непристойный знак, совершает, по сути, тот же самый акт. Самец обезьяны наскакивает на «нижестоящего», чтобы сказать ему: «Только доминирующий самец может оседлать самку, значит, если я забрался на тебя (независимо от твоего пола), мой статус выше, чем твой». В этом смысле знаки, имитирующие эрекцию или совокупление, становятся для мужчин символами доминирования и могут использоваться в ситуациях, не имеющих к сексу никакого отношения. На деле речь не идёт даже о специфически мужском доминировании, ибо пол перестаёт иметь какое-либо значение — женщина может показать мужчине вытянутый средний палец, что все равно будет означать: «Тебе меня не испугать, я взяла над тобой верх».

Итак, сексуальные инстинкты — это часть нашего животного наследия. Из этого, однако, вовсе не следует, что различные эротические знаки являются врождёнными.

Психологический механизм, порождающий эти знаки, один и тот же и у людей, и у обезьян. Сами знаки весьма разнообразны и подвергаются сильному влиянию формирующей их культуры. Их можно разделить на пять категорий: мужские фаллические знаки, женские генитальные знаки, знаки совокупления, знаки мастурбации и знаки прикосновения.

Фаллические знаки наиболее просты и широко распространены. Каждый такой знак символизирует эрекцию. В разных странах подобными символами являются разные части тела. Фаллос могут олицетворять язык, средний палец, указательный и средний пальцы, сложенные вместе, большой палец, кулак или предплечье.

Самым древним фаллическим знаком является подрагивающий средний палец. Этот знак был известен ещё древним римлянам, которые именовали средний палец бесстыжим или непристойным. Данный экспрессивный знак продолжал символизировать эрекцию на протяжении 2000 лет и существует сегодня в двух основных формах. В большинстве случаев кисть руки расположена ладонью вверх, при этом сжаты все пальцы, кроме среднего. Дальше возможны варианты: рука поднимается вверх или резко выбрасывается в направлении оскорбляемого. Арабы, наоборот, держат руку ладонью вниз, выпрямив все пальцы, за исключением среднего, который нацелен вниз, и пронзают этим пальцем воображаемого человека.

Арабский вариант подрагивающего среднего пальца: все пальцы, кроме среднего, выпрямлены. Ладонь смотрит вниз, палец несколько раз словно протыкает воображаемого человека, находящегося под рукой.

Куда более впечатляющий фаллос получается из предплечья, если согнуть руку в локте. Головку пениса в этом случае символизирует сжатый кулак. Данный знак широко распространён во Франции, Италии, Испании и Греции, где мужчина почти всегда угрожает другому именно таким образом. Известен этот знак и англичанам, однако они используют его в качестве не угрожающего, а эротического сигнала, выражая в грубой форме восхищение чьей-либо сексуальностью. Француз сгибает руку в локте, когда хочет сказать раздражающему его человеку: «Пошёл к черту!» Англичанин показывает аналогичный знак близким друзьям, когда мимо проходит хорошенькая женщина. Знак направлен на женщину, но предназначен не для её глаз. Она, скорее всего, и не смотрит в сторону того, кто подаёт подобный сигнал. Англичанин как бы говорит друзьям: «При виде этой женщины у меня случается вот такая эрекция». Это пример знака, который в разных странах трактуется по-разному, хотя в основе его — один и тот же символ (предплечье = фаллос).

Сравнительно редко фаллос символизирует поднятый вверх большой палец руки. В некоторых регионах, скажем, на юге Сардинии и на севере Греции, этот знак распространён, однако во многих странах он будет совершенно непонятен. Частично своей непопулярностью данный знак обязан известности другого, почти идентичного знака — «большой палец вверх» («все хорошо!»). Последний, появившись, судя по всему, в Англии, распространился на сегодня достаточно широко, и в регионах, где большой палец может обозначать как оскорбление, так и уверение в том, что все идёт как надо, из-за этой несообразности возникают курьёзные ситуации. В Сардинии иностранцы, передвигающиеся автостопом, могут попасть в неприятное положение, если будут ловить машину, поднимая большой палец. С точки зрения сардинца иностранцы предлагают ему «сесть на...» (таково местное выражение, объясняющее данный знак). Автостопщики поймают машину, только если воспроизведут соответствующий местный знак — начнут махать руками.

Знак «V», он же знак победы Черчилля, сейчас обозначает триумф и мир, однако в Англии у него есть непристойный двойник — оскорбительный знак «V». Когда человек подаёт непристойный знак, ладонь смотрит на него, в то время как в первом случае рука обращена ладонью к тому, кому предназначается знак. Во многих странах этого отличия нет, и один знак там путают с другим. Как появился непристойный знак «V» — неизвестно, возможно, это модификация арабского знака «защемление носа»: кончик носа упирается в ложбинку между средним и указательным пальцем, символизируя фаллос.

Сбить с толка может и изображаемая двумя пальцами буква «V». Жители многих стран опознают в этом жесте знак победы, который стал распространённым во время Второй мировой войны благодаря Уинстону Черчиллю и позднее превратился в «знак мира». Его показывают студенты, мятежники, политики, спортсмены и президенты, и обычно знак «V» интерпретируют правильно. Однако в самой Англии есть две различные его формы: в одном случае ладонь повернута к тому, кому он предназначен, в другом — к тому, кто его подаёт. Каждый англичанин знает об этой разнице и понимает, что, если ладонь смотрит на собеседника, знак «V» — это знак победы или мира. В то же время с ладонью, обращённой к жестикулирующему, это самый непристойный знак из тех, что можно изобразить рукой. Почему это так — англичане не задумываются, они просто знают, что это два разных жеста. Англичанин, который, пребывая за границей, хочет оскорбить иностранца, часто сталкивается с тем, что, допустим, итальянский водитель не желает воспринимать этот символ как непристойный. Вполне вероятно, что оскорбляемый в ответ радостно улыбнётся, помашет рукой и поедет дальше. Дело, разумеется, в том, что для итальянца между двумя знаками «V» нет никакой разницы. Все, что он видит, — это буква «V», которую изображают два пальца. Для него это означает «победа», и неважно, куда именно направлена при этом ладонь.

Весьма любопытно то, что мы не знаем, почему самый непристойный английский жест выглядит именно так. Англичане считают этот знак фаллическим, но почему разведённый под острым углом средний и указательный пальцы символизируют фаллос? У англичанина, в отличие от кенгуру, пенис не раздвоенный, и откуда взялся подобный символ — непонятно. Было выдвинуто несколько теорий на этот счёт.

Первая утверждает, что этот жест возник в результате эволюции знака «средний палец». До Второй мировой войны в Англии бытовал жест «два пальца», являвший, по сути, более масштабную версию «среднего пальца». Фаллос изображался средним и указательным пальцами, сложенными вместе. Этот Непристойный Сигнал изредка можно наблюдать и сегодня, однако по большей части его вытеснил знак «V». Можно интерпретировать его как более масштабную версию все того же фаллоса.

Вторая теория гласит, что оскорбительный жест «V» — гибридный, соединяющий исходный символ «средний палец» с символом «выколоть глаза» (те же два пальца обращены в сторону собеседника).

Согласно третьей теории, оскорбительный жест «V» — это сознательно искажённый знак «V» Уинстона Черчилля. Перевернутая рука символизирует победу наоборот, то есть поражение, примерно как буквы КО имеют смысл, противоположный сочетанию ОК («о'кей»). Соответственно, смысл данного символа — это пожелание проиграть. В годы Второй мировой войны, однако, могла произойти лишь популяризация жеста — сам он зафиксирован на фотографиях ещё в 1913 году.

По четвертой теории, оскорбительный знак «V» есть упрощённая версия непристойного жеста, бытующего в ряде арабских стран: два пальца разводятся в сторону, и в ложбинку между ними упирается кончик носа. Данный знак символизирует совокупление, нос олицетворяет собой пенис, а два пальца — женские гениталии. Если этот жест немного «сократить» так, чтобы рука не прикасалась к носу, мы получим как раз оскорбительный символ «V». Арабский жест в Англию завезли предположительно британские солдаты, служившие за границей, постепенно исходный знак несколько «стёрся», его исходное значение забылось. Возможно, это ещё один пример того, как символический жест теряет свои «корни», но тем не менее остаётся все столь же эффективным.

Наконец, нельзя не упомянуть и об «исторической» теории, которая утверждает, что жест «V» появился после сражения при Азенкуре, где в 1415 году сошлись французское и английское войска. Согласно легенде, французские полководцы были настолько удручены меткостью английских лучников, что поклялись: если битву выиграют французы (которые превосходили англичан по численности в десять раз), они отрубят лучникам средний и указательный пальцы, которыми те натягивают тетиву, и в будущем искалеченные лучники не будут представлять для французов опасности. Когда битва окончилась и победившие англичане уводили закованных в цепи пленников, лучники потешались над французами, демонстрируя два невредимых пальца.

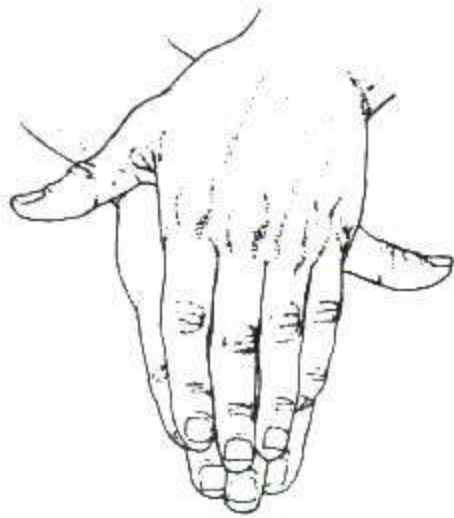
Эта замечательная теория, увы, не может объяснить, почему знак «V» приобрёл в наше время непристойное значение. Данный жест делает оскорбительным именно сексуальный символизм, которого нет в истории про лучников. Эта теория может объяснить, как символ «V» появился и почему он характерен именно для Англии, но не более того. Живучестью этот знак обязан именно и только эротическому подтексту.

Кроме кисти и предплечья, фаллос можно изобразить и языком. Высунутый язык считается грубостью повсюду, однако в некоторых культурах это телодвижение имеет ярко

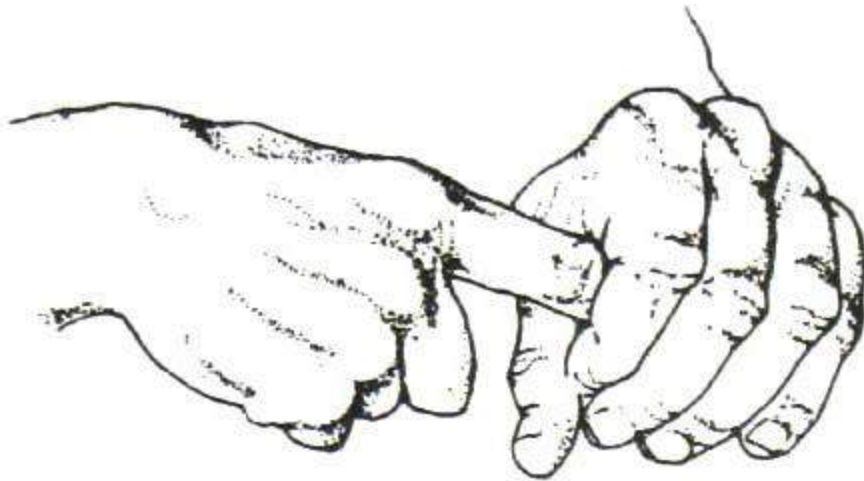
выраженный сексуальный смысл. Например, в ряде стран Латинской Америки достаточно открыть рот и энергично высунуть язык, чтобы окружающие сочли ваше поведение крайне оскорбительным. В Аиване мужчина, который хочет сделать женщине непристойное предложение, высовывает язык и водит им по губам от одного края рта к другому.

«Женские» непристойные знаки распространены не так широко, как фаллические знаки, но кое-где бытуют и они. Многие жители стран Средиземноморья знакомы со знаком «деформированный круг», который похож на знак «о'кей». Круг формируется большим и указательным пальцами, но, в отличие от почти идеально круглого знака «о'кей», этот вагинальный символ несколько деформирован, чтобы больше напоминать очертания женских гениталий. В Колумбии есть знак с тем же значением, но здесь «круг» показывается сложенными вместе кистями.

Знаки, изображающие совокупление, бывают двух видов: внимание акцентируется либо на проникновении пениса в вагину, либо на толкательных движениях. Фаллическое проникновение изображает древний знак «фига»: «мужской» большой палец зажат между «женскими» средним и указательным пальцами. При этом рука сжата в кулак, и большой палец проходит между двумя пальцами как пенис между половыми губами. Этот знак, популярный в Древнем Риме и запечатлённый на античных амулетах, распространился впоследствии по всему миру. Сегодня он означает пожелание удачи. Вырезанные из дерева руки, показывающие фигу, продаются в лавках от Лондона до Рио-де-Жанейро, и чаще всего те, кто носят «фиги» на себе, не знают, что именно означает этот знак. Как непристойный знак, символизирующий совокупление, превратился в знак, приносящий удачу? Дело в том, что фигу — отвлекающий знак. В странах Средиземноморья распространена вера в сглаз: считается, что есть люди, которым достаточно посмотреть на вас, чтобы в вашей жизни начали происходить несчастья. Поскольку не всегда ясно, кто именно обладает «дурным глазом», жители региона носили с собой какой-нибудь защитный амулет. Шокирующий знак вроде фиги должен был привлекать внимание человека с «дурным глазом» и тем самым избавлять владельца амулета от будущих несчастий. Сегодня это суеверие по-прежнему сильно на Сицилии. В других регионах фигу символизирует именно половой акт. В Греции и Турции это оскорбление сексуального характера, в Тунисе и Голландии — главным образом эротический комплимент или непристойное предложение.

Оскорбления, намекающие на гомосексуализм, бывают разными, от знака «мах кистью» (слева) до колумбийского знака «птичка» (верху). В последнем случае большие пальцы рук движутся вверх-вниз, имитируя взмахи крыльями. Непонятно, почему птицы отождествляются с гомосексуалистами; может быть, дело в том, что и те и другие ходят короткими шажками и часто бывают «ярко окрашены».

Знаки, символизирующие совокупление, изображаются одной или двумя руками и широко распространены как непристойные и оскорбительные. Они разнятся от очевидного знака «проникновение указательного пальца» до итальянского знака «постучать в ладонь» и тунисского знака «покрутить пальцем».

Другие знаки, изображающие совокупление, обычно связаны с толкательными движениями тазом. Таких знаков много, изображать толчки можно и одной, и двумя руками. Кулак или согнутая рука резко дёргаются туда-сюда; палец одной руки входит в отверстие, образованное пальцами другой руки, и выходит из него; пальцы одной руки тычутся в ладонь другой. Более недвусмысленно совокупление изображается энергичными движениями бёдер.

Оскорбительные телодвижения, намекающие на гомосексуализм, изображают мужчину женственным и слабым. Среди них — распространённый мах кистью, семенящие шажки и виляние бёдрами. Желая показать, что некто — гомосексуалист, можно облизнуть мизинец и провести им по брови (оскорбление, популярное в Ливане, но воспринимаемое адекватно

повсюду), щёлкнуть себя по кончику носа большим пальцем (как это делают в Сирии) или сложить кисти вместе и помахать большими пальцами, изображая крылья птицы (как в Колумбии). Самое ужасное оскорбление в некоторых областях Италии выглядит так: пальцы складывают трубочкой, после чего водят рукой туда-сюда в горизонтальной плоскости, что олицетворяет акт содомии. Тот же знак в вертикальной плоскости символизирует мастурбацию и подразумевает, что оскорбляемый человек не в состоянии найти себе сексуального партнёра.

Наконец, есть ещё знаки прикосновения, обычно это ладонь, сложенная чашечкой и держащая, сжимающая, ласкающая или крутящая грудь или яички. Как и другие непристойные знаки, эти знаки меняют значение в зависимости от обстоятельств, в которых их используют. В сочетании с враждебным настроением они усугубляют наносимые кому-либо оскорбления, если же эти знаки в шутку показывают друзья, данные жесты указывают на привлекательного представителя противоположного пола и в качестве таковых усиливают или поддерживают неформальность дружеских отношений.

Есть люди, которых оскорбляет даже разговор о непристойных знаках, что неудивительно, ибо оскорбление — главная цель, с которой подаются эти знаки. Тем не менее, стоит помнить: ни один знак, сколь бы непристойным или пошлым он ни был, не пролил чьей-либо крови. Иногда эти знаки могут спровоцировать «ответный удар», однако по большей части они подменяют агрессию. Эти мини-ритуалы избавляют нас от физического нападения. В прошлом социальное значение подобных знаков явно недооценивалось.

ЗАПРЕТНЫЕ ЗОНЫ

Области человеческого тела, находящиеся «вне игры»

Запретная Зона — это область тела, до которой другие люди не имеют права дотрагиваться. У каждого из нас есть «личная зона», однако её особенности разнятся от человека к человеку, от культуры к культуре и от одного типа отношений к другому. Когда к нашему телу прикасается посторонний человек, наши ощущения зависят от того, до какой именно части тела он дотрагивается. Если собеседник прикасается к руке, которая входит в «общественную зону», все в порядке, но если тот же собеседник дотрагивается до «личной зоны», например, до гениталий, результатом может стать вспышка эмоций от смущения до раздражения. Свободный доступ ко всем частям тела есть лишь у любовников, а также родителей в отношении маленьких детей. Все остальные сталкиваются со сложной системой Запретных Зон.

В 60-е годы в США Запретные Зоны были основательно изучены на примере выпускников колледжей. Поверхности их тел были поделены на двенадцать контактных зон. Выпускников попросили ответить на вопрос, позволяют ли они прикасаться к той или иной части тела (1) своей матери; (2) своему отцу; (3) другу (подруге) того же пола; (4) другу (подруге) другого пола. Запретность зоны определялась по следующей шкале: до этой части тела дотрагиваются часто; иногда; редко; никогда.

В целом, как и следовало ожидать, части тела, определяющие пол человека, оказались запретными в наибольшей степени, а части тела, максимально отстоящие от них, — в наименьшей. Однако, невзирая на сходство ответов, были выявлены и существенные различия, касавшиеся конкретных взаимоотношений. Например, выяснилось, что: (1) матери дотрагиваются до волос и рук сыновей реже, чем до волос и рук дочерей; (2) матери дотрагиваются до груди дочерей реже, чем до груди сыновей; (3) отцы дотрагиваются до волос, лица, шеи и плеч сыновей реже, чем до волос, лица, шеи и плеч дочерей; (4) подруги реже дотрагиваются до плеч, груди и ног друг друга, чем друзья; (5) друзья реже дотрагиваются до волос, лица, шеи и предплечий друг друга, чем подруги; (6) если дружат мужчина и женщина, мужчина дотрагивается до колен женщины чаще, чем наоборот; (7) в аналогичной ситуации женщина дотрагивается до груди и таза мужчины чаще, чем наоборот.

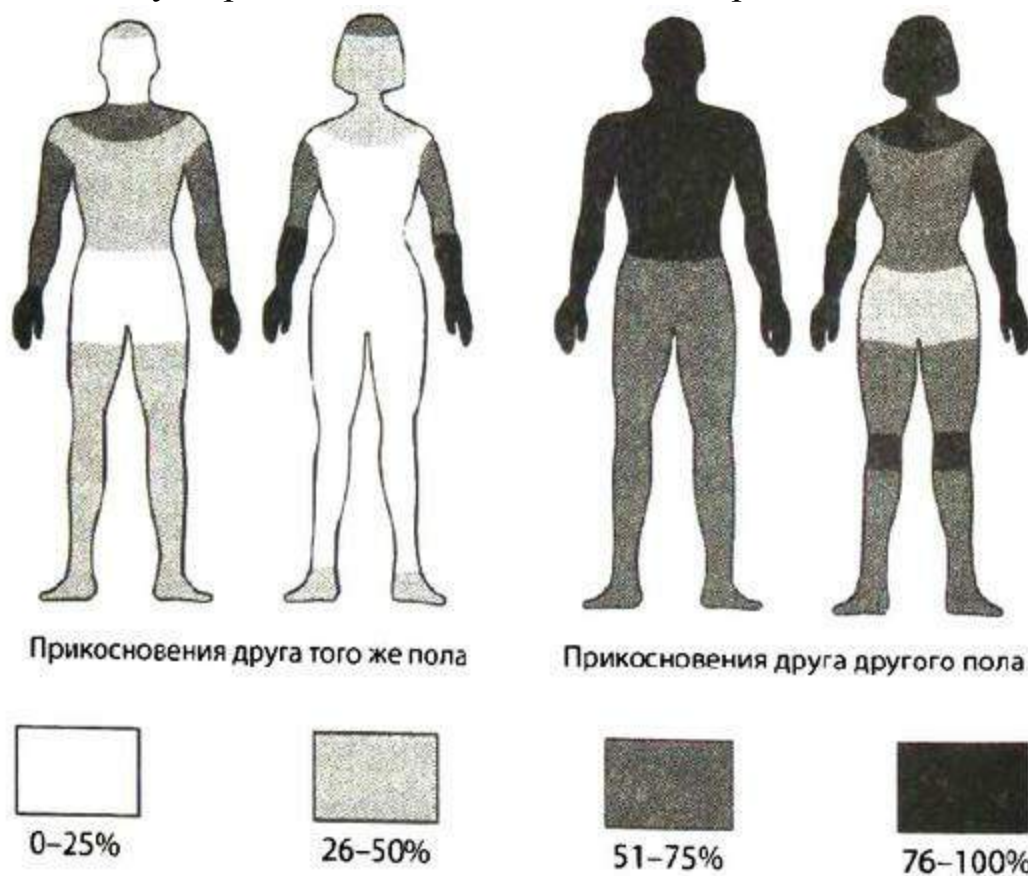
Подобные различия указывают на то, что для любых взаимоотношений характерна своя, особая комбинация зон, до которых позволительно или нельзя дотрагиваться. Некоторые отличия между полами ничуть не удивляют (например, табу на прикосновение к женской груди), другие заставляют задуматься. Студентам, в отличие от студенток, не слишком нравится, когда до их волос дотрагивается мать, отец или друг. То же можно сказать про лицо, шею, плечи и руки.

Объяснения тому факту, что мужчине неприятны прикосновения к верхней части тела (за одним исключением — если до неё дотрагивается подруга), следует искать в раннем детстве. Задолго до периода сексуального взросления мальчики говорят «мама, ну прекрати», когда мать пытается пригладить их растрепавшиеся волосы или расправить смятый воротничок. Девочки в таких ситуациях сопротивляются куда реже. Возможно, всё дело в том, как на Западе принято относиться к украшающим человека причёскам и костюмам.

Ухаживание за волосами даже в детском возрасте считается занятием, свойственным женщинам, а мальчики выглядеть женственно не хотят.

Запретные Зоны выпускников американских колледжей. Эти зоны сильно варьируются в зависимости от пола и статуса человека, который прикасался к опрошенным. Количество выпускников, утвердительно ответивших на вопросы исследователей, выражено в процентах.

Один из результатов исследования кажется нелогичным: бедра мужчины куда менее запретны для его подруги, чем её бедра — для него. Обе области связаны с первичными генитальными зонами и, по идее, должны быть запретны в равной степени. Наблюдения за молодыми возлюбленными помогают объяснить это противоречие. Когда парень и девушка

идут или стоят, обнимая друг друга руками, разница в росте чаще всего приводит к тому, что парень кладёт руку девушке на плечо, в то время как она обнимает его за талию. При этом её рука неизбежно покоится на его бедре, что вовсе не означает, что девушка дотрагивается до бёдер парня специально. Контакт её руки с его бедром, таким образом, нельзя считать эротическим, что и делает область мужского таза менее запретной, нежели область таза женского.

Разумеется, результаты проведённого в американских колледжах исследования нельзя считать универсальными, однако выявленные им общие принципы имеют большое значение. Становится ясно, что на теле у каждого человека, пусть он этого и не осознает, есть особые запретные зоны, и всякий раз, когда он встречается с родственниками и друзьями, его сознание «считывает» сигналы, подаваемые прикосновениями. Когда кто-то нарушает установленные табу, мы тут же осознаем: что-то не так. В этом случае мы начинаем анализировать процесс общения более тщательно, чтобы установить, что именно изменилось. Особенно важны подобные сигналы в неизбежно меняющихся отношениях родителя и ребёнка. При рождении на теле младенца нет запретных зон для родителя, но по мере того, как ребёнок растёт, эти зоны появляются и расширяются. Иногда ограничения устанавливает сам родитель. Растущий ребёнок интересуется окружающим миром, рано или поздно он начинает без задней мысли исследовать грудь или гениталии родителя, на что ему говорят: «Здесь трогать нельзя». Иногда запрет накладывает ребёнок, например, когда он начинает ощущать себя независимым и вырывается из родительских объятий со словами «пусти меня». Постепенно табу на прикосновения усиливаются, пока в пубертатном периоде они не закрепляются на уровне «взрослых» запретов.

В одних культурах люди привыкали касаться друг друга чаще, в других — реже. Так, население Южной Европы в общем и целом более склонно к прикосновениям, чем население Северной Европы. В любой культуре есть семьи, где табу на прикосновения выражены сильнее или слабее. В некоторых странах существует специфический запрет на какой-либо участок тела, который не считается чем-то особенным в других странах. Например, в Таиланде неприкасаемым местом считается шея женщины, а в Японии женская шея табуирована в той же степени, что и женская грудь. Правда, табу эти наложены по очень разным причинам. Японцы считают шею сильной эрогенной зоной, а в Таиланде затылок — это религиозное табу.

В целом племенные сообщества куда свободнее от табу на прикосновения, чем современная урбанистическая цивилизация, и виной тому — многолюдные, запыленные улицами и помещениями большие города. По мере роста населения личная неприкосновенность, включая неприкосновенность тела, охраняется всё более тщательно, и в ближайшие годы вряд ли можно ожидать, что феномен Запретных Зон утратит своё значение. Время от времени люди тут и там восстают против такого положения вещей, так, в 1960-е годы в США возникло множество сект групповой терапии, предлагавших в числе прочего разнообразные ритуалы, в ходе которых можно было трогать кого угодно и за что угодно. Эти «групповые ощупывания» (group-gropes), как их называли, демонстрировали подспудное желание в телесных контактах, на которые общество наложило весьма жёсткие ограничения. Однако, невзирая на большой интерес к «групповому ощупыванию», движение быстро сошло на нет, и западная цивилизация вернулась к культивированию личной неприкосновенности и запретов на касания.

ПЕРЕДОЗИРОВАННЫЕ СИГНАЛЫ

Как мы заходим слишком далеко и нарушаем правила этикета

У любого совершаемого нами действия есть своя «доза», в зависимости от которой оно расценивается как более интимное или более публичное. Мы часто противопоставляем «интимное» и «публичное», словно речь идёт о взаимоисключающих альтернативах, однако в действительности между этими крайностями есть множество промежуточных состояний разной «дозировки». Одна крайность — это абсолютно интимные действия, совершаемые в одиночестве, например, дефекация; другая — действия абсолютно публичные, скажем, прогулка. На шкале «интимность/публичность» множество действий уместается в диапазоне между этими полюсами.

Как правило, ограниченно публичные действия весьма тонко и точно сочетаются с интимностью ситуации, в которой мы их совершаем. Общее правило таково: чем лучше мы знаем людей, рядом с которыми оказались, тем шире спектр действий, которые мы позволяем себе совершать в их присутствии. Если мы знакомы с людьми шапочно, наше поведение становится более осторожным и некоторых действий мы попросту избегаем. Находясь в совершенно незнакомой среде, мы накладываем на себя жесточайшие ограничения вплоть до того, что ведём себя предельно сухо и сдержанно.

Викторианцы стремились сдерживать себя насколько возможно. Они постоянно формулировали все новые правила, требовавшие от людей не допускать того или иного поведения «в обществе». В XX веке люди, наоборот, расслабились и раскрепостились, и многие действия стали постепенно смещаться по шкале «интимность/публичность» в сторону последней. Действие, которое переместилось в этом направлении, я буду называть Передозированным Сигналом. Иначе говоря, это сигнал, который сам по себе не является чем-то необычным, но привлекает к себе повышенное внимание именно потому, что подаётся в контексте чуть более публичном, нежели мы этого ожидаем.

Передозировка сигнала обычно совершается по незнанию, намеренно или случайно. Время от времени все мы по той или иной причине передозировем какие-то сигналы, совершая неуместные действия или «заходя слишком далеко» на пути от интимности к публичности. Даже спустя много лет после совершения «ужасной оплошности» напоминание о ней может выбить нас из колеи.

Рассмотрим сперва передозировку сигнала по неведению. Ясно, что чаще всего мы допускаем оплошности, когда оказываемся в незнакомой обстановке и не знаем толком, какие условности следует соблюдать. Человек, рыгающий после сытного обеда, потому что так принято делать в его стране или его социальной группе, шокирует тех, кто привык скрывать отрыжку, однако о том, что его действие передозировано, он узнает только тогда, когда окружающие визуально или вербально отреагируют на его поведение.

В статичном обществе подобная непреднамеренная передозировка сигнала случается редко, и это — одно из главных преимуществ детального свода правил этикета. Но в нашем весьма динамичном мире далеко не всегда ясно, какие условности нужно соблюсти в конкретной ситуации. Это не означает, что мы покончили с условностями — по-настоящему свободны от них лишь безумцы, — скорее мы не можем угнаться за постоянным смещением

«норм» этикета. Вступая в общение с незнакомой женщиной, мужчина не может знать, исповедует она либеральный феминизм или является традиционалисткой. Придержав дверь перед феминисткой и проскочив в проход перед традиционалисткой, он в обоих случаях ошибётся. Точно так же мужчина не может сразу определить, является ли женщина сторонницей сексуальной свободы или придерживается строгих правил. Обходительно беседуя с первой и делая откровенное непристойное предложение второй, он опять же будет неправ.

Когда нас приглашают на вечеринку, мы неизменно попадаем впросак, знакомясь с гостями, поскольку никто не знает точно, кого кому нужно представлять первым, кому можно жать руку и кому нельзя, допустимы или нет поцелуи в щёку, и если допустимы, следует ограничиться одной щекой или подставить обе; не слишком ясно, в каком порядке следует усаживаться за стол; во время беседы непонятно, какие темы запретны, какие нет, и можно ли называть вещи своими именами, или следует предпочесть изящные эвфемизмы; наконец, неясно, в котором часу нужно покинуть вечеринку и как долго следует сопротивляться вежливым уговорам хозяев дома остаться ещё на чуть-чуть. Короче говоря, весь вечер мы вынуждены ходить по узенькой тропке, норовя не свалиться ни в пропасть высокомерного чванства, ни в пропасть простоватой неотёсанности. Общество словно избавилось от лифчика, но по-прежнему носит викторианский корсет. Нам нравится думать, что искусственные ограничения прошлого над нами уже не властны (во многих сферах жизни так оно и есть), однако слишком часто мы одержимы духом этикета в разнообразных мелочах и не только — и так, надо полагать, будет всегда.

Возможно, кому-то приведённое рассуждение покажется преувеличением, ибо все мы умеем быстро, практически мгновенно приспособливаться к меняющимся обстоятельствам. Из самых тупиковых ситуаций мы способны выйти, досадив окружающим лишь малозначительной бестактностью и передозировав действие самую малость. Дело в том, что при общении лицом к лицу с кем-либо мы ловим мириады слабых сигналов, которые дают нам обратную связь. А когда мы оказываемся в далёкой стране в незнакомой социальной обстановке, нас принимают за «чужаков» и прощают нам передозированные действия, поскольку «за границей все немного сумасшедшие».

Перейдём теперь ко второй категории, намеренным Передозированным Сигналам, и вновь отметим, что их можно наблюдать сравнительно редко. Если дом человека горит и он, спасая свою жизнь, вынужден выбежать голым на улицу, его действие следует расценить как намеренно передозированное. Он совершает интимное действие (появляется голым) на людях, но ему это прощают ввиду чрезвычайных обстоятельств. Если человек решает искупаться голышом, когда рядом никого нет, и, вернувшись на берег, обнаруживает, что его одежду украли, его также простят за то, что он ходит обнажённым на публике, как только он объяснит, что с ним произошло. Однако эта вторая ситуация покоробит нас куда больше, чем первая, поскольку человек решил поплавать голышом сам, в то время как погорелец остался голым не по своей вине.

Если же человек внезапно решает сбросить с себя одежду и пробежаться голым по людной улице, его могут арестовать за нарушение общественного порядка. Зародившееся в 70-е годы XX века движение «стрикеров», которые начали бегать на виду у всех голыми, являет нам необычный пример действия, которое имеет ценность лишь как намеренный Передозированный Сигнал. Идеология стрикеров по сути глубоко символическая она сконцентрировала в одном простом акте общественную тенденцию к «опубличиванию»

интимных действий. Любопытно, что ошеломлённые полицейские арестовывали голых людей скорее нехотя; ещё любопытнее реакция обычных прохожих, которые в основной массе были далеки от недовольства и при виде стрикеров откровенно веселились. Этот пример доказывает, что раскрепощение нравов всё-таки происходит — пусть медленно, но верно.

Публичное обнажение стрикеров идёт рука об руку с меняющимся содержанием кинофильмов и театральных постановок, в которых год от года мы наблюдаем все больше обнажённых тел и откровенных сексуальных сцен. Процесс передозирования почти всегда идёт постепенно, потому мы опять и опять видим, как цивилизация (повторим нашу метафору) радостно расстаётся с лифчиком, облачаясь при этом в корсет. Лучший пример тут — недавний фильм, в котором знаменитый актёр занимался любовью с главной героиней, откровенно двигая бёдрами, но не снимая при этом брюк.

Наконец, третья разновидность Передозированных Сигналов — случайные. Их отличие от двух других типов таких сигналов можно пояснить на простом примере. Человек, который рыгает, поскольку не знает, что отрыжка считается дурным тоном, передозировывает сигнал по незнанию; человек, который рыгает потому, что хочет шокировать окружающих, передозировывает сигнал намеренно; в то же время человек, который рыгает вопреки своей воле, передозировывает сигнал случайно.

Чаще всего случайная передозировка имеет место, когда человек думает, что вокруг никого нет, и ошибается. Забавный пример такого рода — ковыряющийся в носу водитель машины. Ковыряние в носу, равно как и ковыряние в ушах и другие действия, направленные на поддержание личной гигиены, обычно считаются интимными — люди предаются им наедине в закрытых помещениях. Водитель это понимает, но по какой-то причине думает, что его автомобиль — это «закрытое помещение». Машину он считает личной территорией — настолько личной, что она превращается для него в будуар на колёсах. Если водитель не везёт пассажиров и нет никого, кто мог бы помешать его «одиночеству», он часто ведёт себя так, будто находится в полной изоляции, хотя на самом деле сквозь окна машины за ним могут наблюдать и пешеходы, и люди, сидящие в других машинах. Ковырянием в носу дело иногда не ограничивается, водитель может совершать и другие «интимные» действия. Когда машина стоит в пробке и шофёр мотает головой из стороны в сторону, двигает губами и бьёт ладонями по приборной доске, может показаться, что он сошёл с ума. Это впечатление обманчиво: на самом деле водитель всего-навсего слушает радио. Ему кажется, будто он отгорожен от внешнего мира «стенами» передвижной личной территории, и он ведёт себя соответственно.

Ещё один пример третьего типа Передозированных Сигналов — непреднамеренное столкновение тел в общественных местах. Мы идём на всё, чтобы избежать подобных столкновений, и доводим искусство маневрирования в толпе до совершенства. Несмотря на это, время от времени мы врезаемся друг в друга. Обычно мы тут же извиняемся — не просто потому, что причинили кому-то неудобство, но ещё и потому, что случайно передозировали своё действие. Наше поведение было более интимным, чем полагается, и за это мы просим у других прощения.

Соприкоснувшись телами с представителем другого пола, мы извиняемся обычно чуть более усердно, поскольку желаем избежать любого намёка на интимное, эротическое прикосновение. Иногда этим пользуются сексуально озабоченные мужчины — они прижимаются к женщинам в людных местах, маскируя преднамеренное эротическое

прикосновение под случайно передозированное действие.

Случается, что невероятное стечение обстоятельств приводит к массивной передозировке действий и выливается в сущий кошмар. Знаменитый писатель, внутренние часы которого сбились после перелёта из Лондона в Нью-Йорк, очнулся в полночь в незнакомой спальне и, пребывая в полудрёме, пошёл в ванную комнату. Перепутав дверь ванной с дверью своего номера, он неожиданно для себя оказался в гостиничном коридоре. Когда дверь за его спиной захлопнулась, он с ужасом осознал, что на нем нет никакой одежды и он находится в общественном месте. Писатель принялся стучаться в дверь, но его супруга приняла накануне снотворное и крепко спала. Тут он услышал голоса: припозднившаяся компания возвращалась с ужина в свои номера. Писатель кинулся в дальний конец коридора и наткнулся на лифт, возле которого стояла высокая металлическая пепельница. Прикрывая ею интимные части тела, писатель спустился вниз и попросил у портье запасной ключ. Нетрудно представить себе, что он ощущал в те минуты, когда вынужден был ходить по гостинице голышом.

Прежде чем мы завершим рассказ о Передозированных Сигналах, стоит упомянуть о связанных с ними аномалиях. Зачастую стандартная шкала интимности/публичности действия оказывается неприменимой в чрезвычайных обстоятельствах. Некоторые типично интимные действия могут стать публичными, другие — нет, кроме того, для разных «игроков» тут действуют разные правила. К примеру, на детей, которые мочатся на обочине дороги, смотрят не так косо, как на взрослых. Ребёнку вообще прощаются многие действия, которые взрослые не могут позволить себе совершить на глазах у посторонних. Непомерная игривость и шумные истерические припадки случаются у детей как в гостях, так и дома, в то время как взрослые стараются вести себя подобным образом только на личной территории. Посторонние, ставшие свидетелями такого поведения детей, зачастую относятся к нему терпимо, потому что понимают: дети попросту ещё не научились правильно дозировать свои действия.

Когда ребёнок взрослеет, его поведение меняется: вместо передозировки действий он ударяется в другую крайность — «недодозировку», иначе говоря, становится застенчивым. С годами, набравшись опыта, он поймёт, как «правильно» балансировать своё поведение.

Есть особая категория взрослых, с которыми мы обращаемся как с детьми, мирясь с их Передозированными Сигналами: больные и инвалиды. Им дозволяется передозировать действия почти как угодно. Самые интимные действия они могут совершать в присутствии незнакомых. Одни слишком больны, чтобы заботиться о правилах; другие счастливо деградируют до псевдоинфантильного состояния; третьи, напротив, страдают ещё больше от того, что вынуждены нарушать приличия. Стандартная больничная палата заслуживает отдельного приза за умение прибавить страданий и без того страдающим людям.

Кроме детей и инвалидов, есть ещё одна интересная категория людей, которым дозволяется передозировка действий, — эксцентрики, они же чудаки. Если некий индивид занимает (благодаря своим предкам или талантам) особое положение в обществе, ему позволительно «чудить» на людях — до определённой степени, конечно, — не боясь осуждения. Если он, не стесняя себя, совершает интимные действия на глазах других людей, его поведение расценивается скорее как эксцентричное, нежели как оскорбительное, и, будучи таковым, перестаёт быть «пощёчиной общественному вкусу». Когда общество решает, что данный случай — особый, к человеку перестают относиться как к угрозе. Ему разрешается передозировать действия сверх «культурной нормы», более того, от него ждут

публичных чудачеств. Если эксцентрик не чудит, присутствующие чувствуют, что их обманули. Редкий человек способен быть чудачком — обычно мы ощущаем стремление «выйти за рамки» лишь изредка. Эксцентрик — это полновесная социальная роль.

Другими словами, пошлость вам простят только в том случае, если вы пошлите всегда и везде, и вульгарность дозволится тем, кто неизменно вульгарен. Оценивая подобных индивидов, мы словно корректируем стандартную шкалу дозировки и в качестве ответной реакции проявляем соответствующую терпимость. Пьяный поэт, голливудский буйн, безумный гений, известный бабник, хамоватая «звезда», едкий комик, престарелый развратник, истеричная актриса, рассеянный профессор, рехнувшийся аристократ и драчливая поп-певица — вот лишь некоторые узнаваемые типажи из категории «особый случай». Их выходки попадают в колонки светской хроники и не столько злят нас, сколько развлекают.

Иногда мы говорим об известных своими причудами и капризами знаменитостях, что они ведут себя как озорные дети. Тем самым мы признаем, что пытаемся смириться с их передозированными действиями и считаем их приемлемыми. Ведя себя на людях так, как простые смертные ведут себя лишь в интимной обстановке, «звезды» разыгрывают спектакль, который нам одновременно и очень хорошо понятен, и крайне чужд. У всех нас бывают дни, когда мы хотим сделать что-нибудь из ряда вон выходящее, но сдерживаемся, поскольку боимся последствий — и эксцентрики, как всегда, действуют за нас. Мы наслаждаемся их чудачествами со стороны. Разумеется, мы также завидуем их свободе, оттого их положение весьма непрочное: как только чудачки перестанут развлекать нас, мы от них отвернёмся. В этот момент все их чудачества и бесчинства перестанут казаться нам смешными и станут поводом для возмущений и скандалов. Разрешение на передозированные действия будет моментально аннулировано. Лютая зависть, замаскированная под пуританство, сбросит чудачков с их пьедесталов.

Таковы Передозированные Сигналы. Для тех, кто наблюдает за поведением людей, они ценны как действия, свидетельствующие о неспособности данного индивида адекватно воспринять применяемую в конкретной ситуации шкалу «интимность/публичность». С целью проиллюстрировать основной принцип яркими примерами я выбрал наиболее явные, очевидные альтернативы (рыгать в общественном месте или не рыгать, мочиться или не мочиться), однако в обычной жизни передозировка сигнала, как правило, куда менее заметна и оскорбительна. Оценка сдержанности зачастую зависит от обстоятельств, и как только наблюдатель поймёт, какова в данной ситуации «правильная дозировка» тех или иных действий, он сможет заметить даже малейшее отклонение от существующего стандарта. Возможно, это отклонение сведётся к тому, что человек совершает некое действие слишком быстро или энергично. Например, почти все мы едим в общественных местах медленнее, чем дома. Мы подносим пищу ко рту осторожнее, открываем рот не столь широко, не так сильно наклоняем голову к тарелке, поглощаем пищу маленькими порциями и жуём достаточно медленно. Наблюдая за людьми в ресторанах, можно определить степень, в которой они сдерживают себя, когда едят. Большинство слегка приглушает обычные для себя «застольные движения», но так поступают далеко не все. Исключения попадают в одну из двух групп: те, кто заглатывает огромные куски, и те, кто ест помалу и крайне медленно. Первые чаще всего оказываются представителями либо высшего класса, либо низшего, и почти никогда — среднего. Люди, привыкшие заглатывать огромные куски, встречаются как среди миллионеров и аристократов, так и среди бродяг и чернорабочих. Те, кто подолгу

терзает скромный кусок мяса, обычно «недодозировывают» действие потому, что оказались в незнакомом месте. Либо они пришли в ресторан, куда ходят клиенты из другого социального слоя, либо вообще не привыкли есть на людях.

Все мы знаем о Передозированных Сигналах, однако, если рассматривать их отдельно от прочих сигналов, они предстают перед нами во всей красе в качестве элементов культурного процесса. Фразы вроде «прекрати, мы не дома» (обращение к озорничающему ребёнку) или «теперь можно и расслабиться» (обращение к гостям после ухода очень важной персоны) обретают дополнительный смысл и становятся частью общей картины социальной жизни.

СИГНАЛЫ ОДЕЖДЫ

Стиль одежды как демонстрация себя, защита и благопристойность

Невозможно носить одежду, не подавая посредством этой одежды сигналы окружающим. Каждый костюм рассказывает историю, часто весьма подробную, того, на кого он надет. Даже те люди, которые настаивают на том, что терпеть не могут подбирать одежду и одеваются как бог на душу положит, достаточно ярко демонстрируют тем самым собственные социальные роли и своё отношение к обществу, в котором они живут.

Для большинства людей Сигналы Одежды — это результат одного-единственного процесса, одевания, совершаемого каждое утро. Представители низшего и высшего класса могут одеваться с другой периодичностью: богатые завсегдатаи раутов облачаются в различные костюмы по несколько раз на дню, в то время как бродяги спят в одежде, которую носят. Если не брать в расчёт эти исключения, общее правило — одеваться один раз в день — нарушается лишь в том случае, если обстоятельства требуют от нас облачиться в особый костюм. Шахтёр надевает спецовку, спортсмен — тренировочный костюм. Люди, которые отправляются на особые мероприятия — свадьбу, похороны, приём под открытым небом, танцы, собрание клуба, светский приём, — облачаются в соответствующие костюмы. И хотя число переодеваний в итоге удваивается, почти всегда говорят о том, что человек меняет «ежедневную» одежду на особую. Раньше социальные правила требовали «перемены платья» с «утреннего» на «дневное» и с «дневного» на «вечернее», но к нашему времени эти правила уже неприменимы.

Считается, что в современном мире основная тенденция в мире моды — это возрастающая неформальность одежды, однако это не совсем так. На самом деле «формальность» в одежде никуда не исчезает, просто со временем она становится совсем не такой, какой была прежде. Когда мужчина сегодня надевает джинсы, эта деталь костюма формальна не менее, чем цилиндр в викторианское время. Мы часто слышим о том, что современный человек может носить что угодно, что он свободен от требований этикета к одежде, которые некогда довлели над светским обществом, но на деле наши костюмы — такая же униформа, какой были, по сути, костюмы наших предков. Мы забыли о писанных правилах вчерашнего дня, но их сразу же заменили неписанные правила дня сегодняшнего.

Для того чтобы понять эти правила, оглянемся назад и рассмотрим одежду как социально значимое действие. Одежда выполняет три основные функции: она защищает нас, скрывает части тела, которые мы не хотим обнажать, и позволяет нам демонстрировать себя. Защита — это, разумеется, утилитарная функция предметов одежды, не имеющая социального значения. Древний человек жил в тёплом климате, его тело эффективно регулировало свою температуру. В то время постоянная внутренняя температура тела человека составляла 37° по Цельсию, и наши предки могли обходиться без одежды. Им помогали несколько важных физиологических механизмов, которые давали тот же эффект, что одевание или раздевание. Например, благодаря сужению и расширению кровеносных сосудов скорость кровотока в верхних слоях кожи древнего человека могла увеличиваться в двадцать раз. Учёные подсчитали, что в моменты максимального притока крови к коже наши предки словно надевали шерстяной свитер. В дальнейшем теплоотдача тела повышалась за

счёт обильного потения, к которому способны почти все участки кожного покрова человека. Когда первобытные охотники подвергались тяжёлым физическим нагрузкам, количество тепла, которое производилось их телами, резко повышалось за счёт метаболических процессов примерно в пять раз, и избавиться от него помогала кожа, выделявшая влагу, испаряющуюся с её поверхности. Человеческое тело может непрерывно потеть около часа, выделив в итоге литр пота. В течение более коротких промежутков времени мы можем потеть в четыре раза интенсивнее.

Человеческий организм, способный регулировать выделение тепла и теплоотдачу, мог (и может) поддерживать необходимую нашему виду постоянную температуру тела, невзирая на меняющуюся физическую нагрузку и незначительные вариации климатических условий. Но когда люди начали передвигаться с места на место, селясь и в обжигающих пустынях, и в холодных приполярных регионах, система терморегуляции перестала справляться со своими обязанностями. Так возникла необходимость в защищающей тело одежде, которая уменьшала бы теплоотдачу или укрывала бы кожу от прямого воздействия солнечных лучей. По мере того как деятельность человека становилась всё более разнообразной, ему требовалась дополнительная защита — от твёрдых поверхностей, которые могут повредить кожный покров, от яркого света, от холодного оружия, от потери кислорода, от избыточного излучения. Всякий раз люди изобретали новое защитное одеяние — от ботинок с толстыми подошвами и рукавиц до шлемов и доспехов, от водолазных костюмов до космических скафандров, от защитных и солнечных очков до акваланга и маски сварщика, от спецодежды до бронежилетов.

С самого начала защитная одежда создавала множество проблем. С одной стороны, она стесняла действия человека, с другой — зачастую наносила вред его здоровью. Она затрудняла дыхание и препятствовала испарению пота с поверхности тела. Кроме того, она давала прибежище для огромного количества крошечных паразитов. Когда в первобытные времена люди ходили голыми, они не испытывали неудобств такого рода. Мириады микробов, живших на их коже, пребывали в гомеостазе. Лишённая доступа воздуха, покрытая разлагающимся потом и осаждённая паразитами кожа быстро стала подвержена всевозможным заболеваниям. В лучшем случае люди неприятно пахли, в худшем возникали эпидемии. Человек уже не мог отказаться от защитной одежды, в попытке исправить ситуацию он изобрёл гигиенические средства и парфюмерию. Духи использовали, чтобы заглушить вонь, а для того, чтобы тело не пахло, его начали интенсивно мыть. Сегодня, когда к естественному мытью прибавились медицинские средства гигиены, мы наконец смогли вернуть нашу кожу к сравнительно здоровому состоянию, не избавляясь при этом от одежды.

Если бы смысл одежды состоял только в том, чтобы защищать наше тело, мы во многих случаях отказались бы от тех или иных костюмов. Современная техника это позволяет: большая часть наших домов оснащена вентиляцией и центральным отоплением, мы окружаем себя мягкой мебелью и можем спокойно есть, пить, развлекаться и расслабляться в голом виде, ничуть не рискуя здоровьем. Но мы этого не делаем, поскольку у одежды есть и другая функция — хранить благопристойность. Иначе говоря, одежда скрывает от других людей все то, что мы считаем нужным скрыть. Отдельные предметы одежды «выключают» определённые сигналы тела. С того момента, как человек выпрямился и научился ходить на двух ногах, в голом виде он не может приблизиться к другому человеку, не подав при этом эротический сигнал. У прочих приматов такой проблемы нет — они приближаются к сородичу на четырёх конечностях и должны принять особую «демонстрационную» позу,

чтобы показать тому гениталии. Человеческое тело устроено так, что приглушить эротический сигнал возможно, лишь прикрыв соответствующие области тела. Неудивительно, что наиболее распространённым элементом одежды является набедренная повязка в той или иной форме. В ситуации, требующей от человека раздеться догола, эта деталь туалета неизменно снимается последней.

Дополнительным фактором сохранения благопристойности стало резкое увеличение человеческой популяции. Миллионы лет люди жили в маленьких племенах, где все знали всех. В больших городах нас окружают сплошные незнакомцы, оттого мы вынуждены свести любые эротические сигналы на нет. Даже в жарком климате одежда прикрывает не только область гениталий, и причина тому очевидна. Человеческое тело подаёт множество эротических сигналов, и в глазах заинтересованных наблюдателей такими сигналами может стать практически любое движение. Мужчину в женщине возбуждают грудь, ягодицы, бедра, талия, гибкая шея; женщину в мужчине — грудь, волосяной покров, широкие плечи, мышцы рук и ног. Если эротические сигналы нужно уменьшить, упомянутые части тела следует скрыть от посторонних глаз.

От века к веку и от эпохи к эпохе понятия о благопристойности могли меняться, однако основной принцип оставался тем же. Чем менее терпимо общество к сексуальности, тем больше частей тела должны быть прикрыты одеждой. Самый показательный пример тут — задрапированные с ног до головы женщины арабских стран, где предписывается не просто закрывать все тело, включая голову, тканями, но, более того, носить просторную одежду, чтобы не возникало и намёка на форму тела. При этом женщина смотрит на мир сквозь узкую прорезь в закрывающей лицо ткани и может быть писаной красавицей или уродливой старухой, и только её муж знает правду, ибо эта женщина никогда не появится на людях в более откровенном костюме. (Достоин удивления, что и в XXI веке подобные одеяния все ещё существуют в некоторых мусульманских странах, где у власти находятся мужчины-богословы, одержимые идеей запретить женщине открывать лицо.)

Сегодня нам сложно понять, зачем всего сто лет назад культурные люди прикладывали невероятные усилия, дабы их одежды выглядели благопристойно. В какой-то момент само слово «нога» расценивалось в Англии как неприличное, а ножки роялей рекомендовалось драпировать на время концертов. Передвижные кабинки, в которых переодевались тогдашние купальщицы, оснащались специальным трапом с пологом, под прикрытием которого женщины входили в воду.

Со временем требования к благопристойности смягчились. Условности отмирали, и некоторые части тела постепенно становились все более открытыми. Ещё в 30-е годы XX века актрисам в голливудских фильмах полагалось прятать от зрителей пупки, а фотографии женщин с неприкрытыми сосками появились на страницах газет лишь в 60-е. С тех пор на голубых экранах стало возможно увидеть даже лобковые волосы, однако если кто-то обнажится до такой степени в общественном месте, его быстро арестуют за нарушение общественного порядка. Женщины в купальных костюмах мини-бикини впервые появились на юге Франции; поначалу полиция пыталась призвать их к ответу, но быстро стало ясно, что мини-бикини становится популярным и по меньшей мере на пляже мы стремительно возвращаемся в эпоху фиговых листков и набедренных повязок. Местами, однако, требования к одежде все ещё сохраняют почти викторианскую строгость. Даже богатые и знаменитые люди рискуют быть выдворенными из некоторых ресторанов, если заявятся туда без галстуков.

Требование «быть при галстуке» относится как раз к третьей функции одежды — демонстрации себя. Человека без галстука изгоняют из ресторана не потому, что он демонстрирует окружающим адамово яблоко, а потому, что он отказывается от признака принадлежности к определённому социальному кругу. Галстук, подобно многим другим деталям костюма, бесполезен как средство защиты и не скрывает ничего, что следовало бы скрыть. Он являет собой «признак культурного человека», по которому индивида можно соотнести с данным социальным слоем. Эта древнейшая функция одежды — свои «галстуки» существовали у первобытных людей тогда, когда нужда защитить тело или прикрыть его ещё не возникла, — остаётся значимой по сей день. Человечество вряд ли вернётся к полной наготе или станет носить невзрачные функциональные туники, которые так любят люди будущего из плохих фантастических романов. Когда один набор декоративных предметов одежды уходит в прошлое, он тотчас заменяется другим, и так, скорее всего, будет продолжаться до тех пор, пока человек остаётся социальным животным. Одежда — слишком удобное средство демонстрации своего положения в обществе, чтобы сводить её к неброской защитной робе.

В прошлом «демонстрационная» функция одежды часто навязывалась обществу совершенно безжалостно. Например, в Англии XIV века манеру одеваться диктовал не стиль и не вкус — её диктовал закон, и парламент уделял много времени разработке свода строгих правил, которые предписывали каждому социальному классу одеваться соответствующим образом. Если некто из низшего сословия позволял себе одеваться так, как разрешалось только высшему, на него (или неё) могли наложить штраф, а нелегальные наряды конфисковывали. Применять этот закон было непросто: стремление людей продемонстрировать свой социальный статус посредством костюма было так велико, что монархи один за другим были вынуждены вводить новые ограничения и налагать все более крупные штрафы. Современному человеку сложно представить себе подобные требования к костюму. Вот типичные цитаты из закона о реформе одежды, принятого в царствование Эдварда VI: «Рыцарь званием ниже лорда... да не наденет накидку любого вида, которая не настолько длинна, чтобы не прикрывать, когда рыцарь стоит прямо, его причинное место и ягодицы, под угрозой штрафа в двадцать шиллингов... Рыцарь званием ниже лорда... да не наденет туфли или сапоги, имеющие носок длиной более двух дюймов под угрозой штрафа в сорок пенсов...» Англия была не единственной страной, принимавшей такие законы. В Германии эпохи Возрождения женщине, которая смела одеваться лучше, чем позволялось её сословию, в качестве наказания вешали на шею тяжёлый деревянный обруч, а в Америке, в Новой Англии, женщинам разрешалось носить шелковые шарфы только в том случае, если состояние их мужей оценивалось по меньшей мере в тысячу долларов.

В эпоху Средневековья человек выбирал себе костюм, не только следя за модой, но и подчиняясь законам своей страны. Костюмы XV века иллюстрируют взаимосвязь между одеждой и статусом.

Рыцари званием ниже лорда были обязаны носить накидку, которая, по меньшей мере, прикрывала ягодицы, и обувь с носками не длиннее пяти сантиметров. Центральная фигура на гравюре не выполняет оба этих правила', если данный мужчина не являлся лордом, на него могли наложить двойной штраф.

И это — лишь единичные примеры из тысяч подобных правил, которые всего несколько столетий назад составляли в совокупности обширное законодательство, ограничивавшее людей в выборе одежды. Эти примеры показывают не только то, что одежда и социальный статус были тесно связаны между собой, но и то, что многие люди пытались повисить свой статус, одеваясь в более «знатные» костюмы, и должны были понести наказание за то, что подавали сигналы, не свойственные их сословию. Сегодня законов, которые регулировали бы ношение одежды, нет, остались только те, что запрещают оголяться в общественных местах. Тем не менее, если майор наденет форму полковника, это действие будет расценено как проступок. Ношение специализированных «служебных костюмов» контролируется так же строго, как раньше.

Тем, кому по службе особые костюмы не положены, может показаться, что с отменой законов об одежде люди стали одеваться как угодно, но думать так — очень большое заблуждение. Вместо того чтобы снисходительно отнестись к разнообразию нарядов, общество стало накладывать на ношение одежды новые ограничения. Сначала на смену требованиям законодательства пришли не менее детальные требования этикета, и люди должны были подчиняться уже не законам своей страны, а «хорошему вкусу». Затем пособия по этикету отошли в прошлое вместе с жёстким разбиением общества на классы, и правила ношения одежды «ушли в подполье». Они сохранились, но стали неписаными. Сегодня, когда слово «класс» в значении «социальная группа лиц» стало почти ругательным, эти правила детальны и запутанны, как никогда. Часто они оказываются перевёртышами законов прошлых эпох. Когда недавно английского графа спросили, каковы сегодня преимущества его

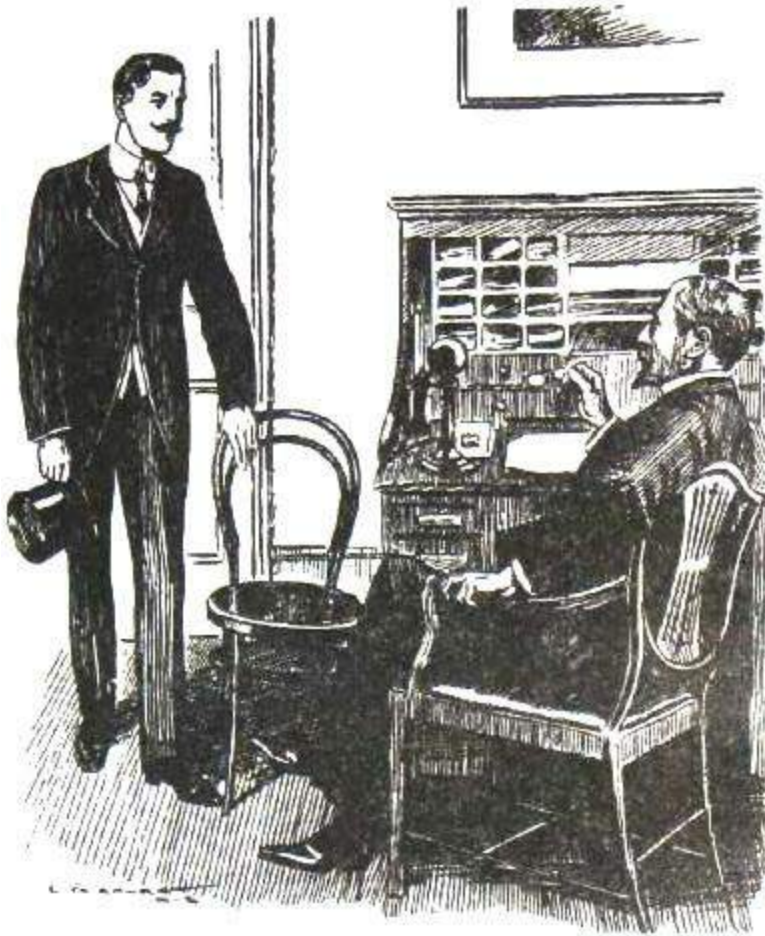
статуса, он ответил: «Преимущество только одно — я не должен одеваться так вычурно, как мой слуга!» Жившим в Средние века предкам графа это замечание показалось бы откровенно безумным, однако оно выражает в афористичной форме тенденцию, наметившуюся в требованиях к одежде за последние десятилетия. Эта тенденция потрясла мир и ныне диктует стиль одежды и японским банкирам, и российским политикам, и норвежским архитекторам, и португальским учителям.

Эта тенденция возникла потому, что появилась нужда в мужском костюме, который демонстрировал бы высокий социальный статус того, кто этот костюм носит. В мире, где всякий мужчина может купить шёлк и атлас различных цветов и вырядиться так ярко, как его душе угодно, кричащая одежда видится вульгарной, потому люди с высоким статусом переключились на совсем иные костюмы. Ещё в XVIII веке мужчина выделил среди прочих костюм, в котором он охотился. Чем выше был статус человека, тем аристократичнее он развлекался. Джентльмены сельской Англии часто отправлялись на охоту, одеваясь соответственно. Они ездили верхом и носили сюртуки, открытые спереди, отчего те казались длиннополыми. На смену большим шляпам с широкими полями пришли неэластичные цилиндры, выполнявшие ту же функцию, что и защитные шлемы современных мотоциклистов. Когда охотничий костюм приобрёл высокий статус, он стал ассоциироваться с праздностью людей, которым не нужно работать. Разумеется, в таких костюмах тут же стала щеголять «золотая молодеть» той эпохи, и они быстро перестали быть исключительно охотничьими. Со временем данный костюм стал популярным не только среди аристократов — и потому потерял для них свою привлекательность. К середине XIX века чуть модифицированный вариант этого костюма, «цилиндр и сюртук», превратился в повседневную одежду.

Как только цилиндр с сюртуком сделались общедоступными, «охотничий костюм» потерял свой высокий статус. С целью найти замену этому костюму аристократы вновь обратили внимание на одежду, в которой они развлекались. На этот раз они сосредоточились на спортивной стрельбе, рыбалке и гольфе — дорогостоящих занятиях, идеально подходивших в качестве базы для формирования нового имиджа аристократов и преуспевающих господ. Так на замену сюртуку и цилиндру пришли клетчатая твидовая пиджачная пара (изначально в неё облачались стрелки) и котелок. Более мягкие спортивные головные уборы эволюционировали в фетровые шляпы. Поначалу на пиджачную пару смотрели как на нечто смелое и неформальное. По важным поводам аристократ обязан был надевать фрак, пусть этот предмет одежды и начал в ту пору сдавать позиции. Пиджачная пара, лишившись крупных клеток и став более умеренной в том, что касается расцветки и узора, моментально заменила фрак в качестве костюма, приемлемого для любого мероприятия, в результате фрак стал частью «утреннего костюма» для свадеб и иных церемоний и «вечернего костюма» — в чёрно-белом варианте — для высокостатусных вечеринок. Пиджачная пара наступала по всем фронтам, выбивая противника из любых крепостей. В наши дни фрак сохранился в основном в качестве рабочей одежды метрдотелей в роскошных ресторанах. На его место пришёл вездесущий смокинг, черно-белая версия пиджачной пары.

Когда пиджачная пара «пошла в народ», возникла необходимость заменить её ещё каким-нибудь спортивным костюмом. На эту роль подошёл жокейский пиджак, который носили до того лишь богатые наездники, занимавшиеся конным спортом. Под именем «спортивного пиджака» эта одежда быстро стала повседневной и пробралась извилистыми

путями в залы заседаний советов директоров и кабинеты президентов компаний. Сегодня спортивный пиджак все ещё сражается с окопавшейся тут и там пиджачной парой, но что бы ни выбрали современные бизнесмены, ясно одно: все они носят одежду, которую некогда носили только спортсмены.

Взлёт и падение охотничьего костюма. Новая мода часто черпает вдохновение в спортивных нарядах. Цилиндр и сюртук изначально были деталями костюма джентльмена XVIII века, причём надевали их, только когда отправлялись на охоту. В течение XIX века этот костюм вошёл в моду среди дворян, которые стали носить длиннопольные пиджаки на светские вечеринки. К началу XX века цилиндры и сюртуки — повседневная одежда конторских служащих. Сегодня этот костюм считается «формальным»: цилиндр и сюртук надевают, например, те, кто приглашён на свадьбу.

В последние годы мы наблюдаем новую тенденцию: поскольку общество становится все более эгалитарным и недовольство любой «элитой» растёт, мужчины с высоким статусом по необходимости выбирают одежду ещё хитрее, чем раньше. Тот, кто прежде, отправляясь пропустить стаканчик-другой в местный бар, надевал яркую спортивную куртку со сверкающими медными пуговицами, теперь уже не может себе этого позволить. Обращение к видам спорта для богатых исчерпало себя. Аристократы нового века должны были заимствовать костюмы у низших классов, чтобы показать: в душе богатые и знаменитые остаются «бедными парнями». Впервые синдром «бедного парня» проявился, когда молодые богачи, отдохавшие на средиземноморском побережье, облачились в рубашки из грубой ткани и свитера вроде тех, что носят местные рыбаки. С тех пор подобные рубашки и свитера стали повседневной одеждой во многих странах мира — отсюда и споры о том, нужен ли галстук, в дверях дорогих ресторанов. Ещё более значимым событием для мира моды стало заимствование у бедных пастухов американского Запада хлопчатобумажных

пиджаков и джинсов, которые с тех пор неоднократно видоизменялись и до сих пор завоёвывают мир.

Эта последняя тенденция не так проста, как кажется: костюмы мужчин, принадлежащих к элите общества, обязаны хоть чем-то отличаться от настоящей рабочей одежды мужчин с низким социальным статусом, которые по-прежнему носят джинсы, когда пасут коров. Сигналы Одежды должны содержать в себе противоречивое сообщение: «Я одобряю бедных парней, но сам я не такой». Добиться этого результата можно разными способами. Первый — надевать свитера или хлопчатобумажные пиджаки лишь в тех ситуациях, в которых настоящий «бедный парень» надел бы свой лучший костюм. Второй — шить «бедную» одежду по особым лекалам, изящно её стилизовать, всячески подчёркивая при этом её «бедность». Третий способ мог возникнуть лишь в мире современных СМИ. Речь идёт о контрасте между одеждой и репутацией. Всякий богатый и знаменитый человек, лицо которого то и дело появляется в газетах и журналах, на экранах телевизоров и кинотеатров, может позволить себе облачиться в самую «бедную» одежду по самым официальным поводам. За счёт контраста между поношенным пиджаком и узнаваемым лицом этот человек исподтишка наносит удар по ценностям цивилизации, поставившей во главу угла достаток и благоденствие. Когда из сверкающего лимузина выходит знаменитость, одетая в неглаженные дырявые джинсы, вычурность наряда ей, конечно же, прощают.

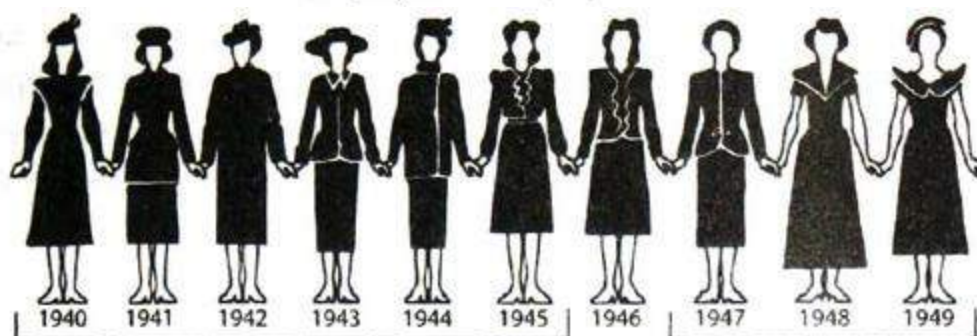
Это лишь одна из множества взаимозависимых тенденций, которые можно наблюдать в неоднозначном мире Сигналов Одежды. Одни тенденции долгосрочны и не умирают десятилетиями, другие краткосрочны и сходят на нет за сезон-два. Не все такие тенденции легко объяснить. Одна из самых удивительных загадок — это взаимосвязь между длиной подола и положением мировой экономики. На протяжении XX века начиная с 1918 года, когда закончилась Первая мировая война, длина подола достаточно точно коррелировала с периодами экономического бума и депрессии. Логично предположить, что длинные юбки и платья, требующие большего расхода ткани, появляются в периоды подъёма, в то время как короткий, более «экономный» подол — это признак экономического упадка и нехватки денег. Однако, проанализировав факты, мы придём к прямо противоположному заключению. Когда акции растут, подолы укорачиваются, а падение фондовых рынков сопровождается их удлинением. Попытки пойти против этой закономерности заканчиваются весьма плачевно. Когда в шестидесятые годы прошлого века экономика была на подъёме, дома моды безуспешно пытались популяризовать юбки миди, которые были в два раза длиннее модных в те времена мини-юбок. Дорогостоящий проект миди завершился провалом, юбки укорачивались всё больше, пока из мини не превратились в микро, из-под которых были видны трусики. И лишь с началом экономического спада в начале 70-х годов в моду вновь вошли более длинные юбки. То же случилось в период между двумя мировыми войнами: «ревушие двадцатые» характеризовались короткими юбками, а во времена Великой депрессии 30-х модными стали более длинные наряды. Они укоротились вновь в сороковые, во время Второй мировой войны, когда расцвела оборонная промышленность, и опять удлинились ближе к концу десятилетия, в период послевоенного экономического спада. После этого подолы постепенно укорачивались вплоть до середины эпохи благоденствия шестидесятых годов, и пик экономического процветания совпал с моментом, когда в моде были самые короткие юбки за всю историю человечества. К концу шестидесятых кутюрье стали говорить о том, как украсить выглядывавшие из-под юбок трусики, однако «благодаря» коллапсу экономики в начале 70-х мужское население так и не сподобилось увидеть женщин

в столь экстремальных нарядах.

До конца неясно, почему в периоды, когда экономика оздоравливается, женщины стремятся максимально открыть свои ноги, — возможно, ощущение уверенности в завтрашнем дне делает их более развязными в отношении мужчин? Или же общая атмосфера деловой активности влияет на физическую активность женщин, они больше передвигаются и, как следствие, предпочитают короткие юбки, не стесняющие движений?

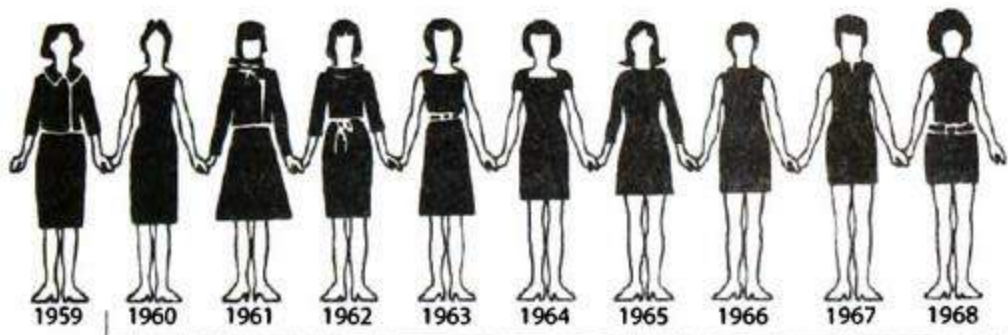

Подол укорачивается: «революция двадцатые»

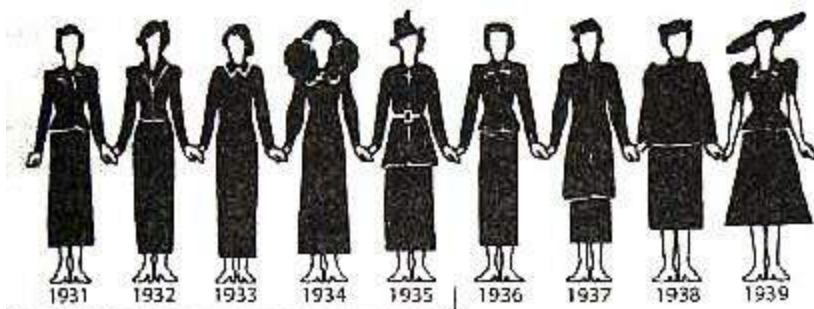
Подол укорачивается:
экономический подъем во время войны

Подол удлиняется:
послевоенная экономия

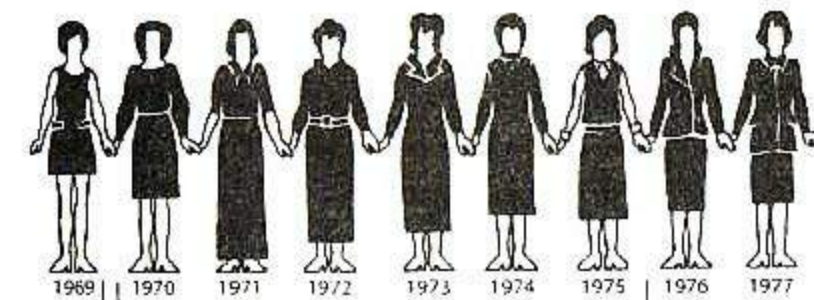
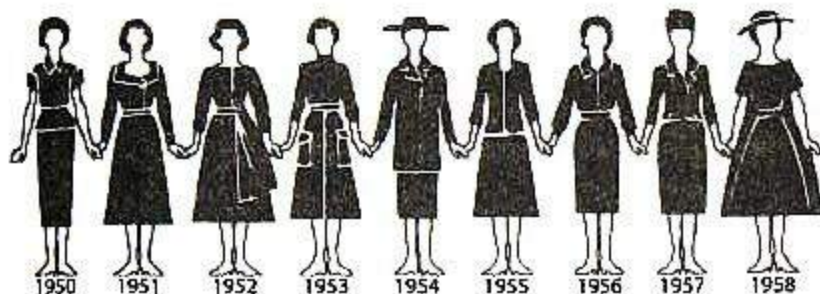

Подол укорачивается: «свингующие шестидесятые»

Длина подола юбки или платья, которое носят западные женщины, может служить экономическим барометром. Подол укорачивается, когда наступает экономический подъем, и удлиняется, когда экономика вступает в фазу спада.

Подол удлиняется: Великая Депрессия

Подол удлиняется: экономический спад семидесятых

В последние десятилетия XX века появилась новая тенденция: теперь каждая женщина выбирает стиль одежды самостоятельно. Эмансипированные женщины 80-х и 90-х перестали покорно следовать моде и носят то, что им нравится. На улицах западных городов можно увидеть и короткие юбки, и длинные юбки, и брюки. Отстояв право на равное отношение, женщина стала одеваться так, чтобы акцентировать внимание на своей индивидуальности, отсюда — частое пренебрежение модой, требующей надевать юбки определённой длины. Многие женщины, не желающие разбираться в том, юбки какой длины им носить, выбирают брюки в качестве и повседневной, и формальной одежды. Магазины модной одежды вновь предлагают очень короткие юбки, но если женщина не хочет становиться рабой моды, она будет носить то, что сочтёт нужным, ни перед кем не оправдываясь. Выглядеть безвкусно она не будет — вместе с ней по улицам ходит множество таких же мятежниц, решивших одеваться без оглядки на «тенденции».

Проведённый в конце XX века в центре Лондона опрос показал, что 86 % городских жительниц носят какие-нибудь брюки, лишь 6 % носят короткие юбки и ещё 8 % — длинные юбки. С момента, когда взбунтовавшиеся против традиций девушки впервые шокировали общественность, появившись на людях в «мужских» брюках, прошло 70 лет, и эта деталь костюма произвела «тихую» революцию, постепенно оттеснив на задний план юбки и платья, которые столетиями считались подлинно женской одеждой.

За последний век множество изменений претерпели и мелкие детали одежды. По мере того как тенденции мира моды захватывали страну за страной, эти детали менялись по сотне

раз. Многие из них призваны продемонстрировать склонность человека к новшествам: он должен показать окружающим, что следит за модой. Подчинение моде, с одной стороны, доказывает, что индивид не стоит в стороне от идущих в обществе процессов; с другой, — оно свидетельствует о том, что индивид может позволить себе покупать все новые костюмы, иначе говоря, это показатель статуса. Каждая новая тенденция в мире моды, как правило, переиначивает или отменяет тенденцию прошлого сезона и поддается точному описанию. Ширина лацканов, ширина штанин, ширина галстука, высота воротничка рубашки, высота каблука — все эти детали время от времени меняются. Описав эти и сотни других изменений, мы можем построить графики, описывающие динамику тех или иных Сигналов Одежды, и показать, как различные элементы костюма переиначиваются, создавая изменчивую систему «модного стиля». Подсознательно мы все время строим подобные графики и, сами того не сознавая, считываем множество сигналов, которые в различных контекстах подают нам окружающие через одежду. В этом смысле одежда — такая же часть языка человеческого тела, как жесты, мимика и позы.

ТЕЛЕСНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Социальные увечья и косметические средства

Ношение одежды — лишь один из множества способов, которыми люди декорируют себя. Кроме того, мы можем украшать кожу шрамами, прокалывать различные части тела, подстригать волосы, наносить парфюм на шею, красить ногти, пудрить лица и подпиливать зубы. Одни виды Телесных Украшений остаются на всю жизнь, другие воздействуют на окружающих лишь несколько часов, но все они являются важными элементами человеческого поведения, указывающими на общественный статус, состояние сексуального возбуждения, склонность к агрессии, принадлежность к социальной группе, игривость и многие другие свойства и качества украшенного тела.

Многие временные украшения, такие, как косметика, ювелирные изделия, лак для ногтей, парики, причёски и парфюм, по сути своей всего лишь дополняют одежду. Их, как и детали туалета, можно по желанию «надеть» или «снять», и человек, декорирующий ими своё тело, не берет на себя никаких долгосрочных социальных обязательств. Эти украшения можно использовать снова и снова, они меняются в зависимости от обстоятельств. Если мода изменится, о них можно и вовсе забыть.

В XVII веке мушки превратились в отдельные изображения, иногда имевшие политический подтекст (Бульвер, 1654).

Постоянные украшения, связанные с тем или иным увечьем, наносимым человеку, больше свойственны обществам с жёсткой структурой, в которых огромное значение имеет

принадлежность к «своей» социальной группе. Такие украшения служат опознавательными знаками, от которых невозможно избавиться; они, таким образом, обособливают человека до самой его смерти. Часто декорированию такого рода посвящена особая церемония племенной инициации, весьма болезненная для иницируемого. Испытываемая им боль является неотъемлемой частью процесса единения с социальной группой, все члены которой прошли через тот же ужас. Приобретение статуса «своего» — это тяжелейшее испытание, которое очень трудно преодолеть, потому что память о нем преследует человека всю оставшуюся жизнь. Тяжесть испытания словно отделяет его от тех людей, которым не довелось пережить ничего подобного. Зачастую индивид подвергается испытанию, когда достигает половой зрелости, и оно связано с гениталиями. Впервые в жизни подросток не может обратиться за помощью к своим родителям, отдаляется от них — и примыкает к «своей» социальной группе, к какому-либо племенному «клубу».

Бывает, что и сами родители подвергают ребёнка подобному испытанию задолго до того, как ребёнок начинает понимать, что с ним происходит. В этом случае растущий ребёнок воспринимает нанесённые ему «социальные увечья» почти как биологическую данность, благодаря которой он отличается от членов племени с нормальными телами.

Для того чтобы понять, как именно люди украшают свои тела (на время или на всю жизнь), рассмотрим каждую часть тела по отдельности и определим, какое внимание ей уделяется. Начнём с волос. Существует огромное количество способов изменить причёску, цвет волос и так далее, однако, поскольку волосы все время растут, все эти изменения носят временный характер.

Любопытно, что волосы, растущие у нас на голове, могут быть очень длинными. Если их не подрезать, они растут и достигают очень большой длины, как у мужчин, так и у женщин. Судя по имеющимся данным, за волосами ухаживали ещё наши далёкие предки. Очень длинными могут вырастать и бороды у мужчин. Известен случай, когда длина бороды превышала рост самого мужчины (из-за чего однажды он наступил на неё, споткнулся, упал и умер). Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, зачем отращивали бороды первобытные охотники; возможно, для того, чтобы укреплять социальные связи посредством ухаживания за волосами? Обезьяны проводят много времени, ухаживая за шерстью друг друга, благодаря чему их дружеские узы становятся крепче. Первобытные люди нуждались в уходе за волосами, и не исключено, что ритуалы дружеского ухаживания такого рода помогали им устанавливать хорошие отношения.

Как бы там ни было, человечество уже много тысяч лет использует волосы на голове для собственного украшения. Часто различные причёски делят людей по половому признаку — у мужчин они одни, у женщин другие. Укладка волос может указывать на возраст человека или на его статус. В качестве дополнительных элементов украшения волос люди используют воск, масла и парики. Традиция накладных волос существует, по меньшей мере, пять тысячелетий. Жители Древнего Египта, как правило, брились наголо и надевали на те или иные церемонии специальные парики, которые изготавливались из человеческих волос или растительных волокон и крепились на голове с помощью пчелиного воска. Парики были популярны и у женщин Древнего Рима, где их изготавливали из волос людей, обращённых в рабство. Римских проституток узнавали по жёлтым парикам. Римляне, подобно современным мужчинам, носили парики, только если хотели скрыть седину или лысину.

Первые христиане не любили искусственные волосы и считали, что парики носят лишь тщеславные люди. Епископы отказывались благословлять людей в париках, мотивируя это

тем, что они не могут касаться волос, которые могли принадлежать язычникам. Длинные локоны христианок также считались дьявольским искушением, поэтому в Средние века женщины должны были скрывать волосы под головными уборами (как и мусульманские женщины в странах, которыми управляют мужчины-богословы).

Парики и изысканные причёски вновь сделались частью моды лишь в Елизаветинскую эпоху. Как только великая королева решила скрыть собственные волосы под огромным париком, ей тут же начали подражать другие женщины, и вскоре парик сделался украшением, указывавшим на высокий социальный статус. Тогда же французский король Генрих III лишился шевелюры после попытки покрасить её опасными химикатами и вынужден был надевать бархатную шапочку с прикреплёнными к ней прядями волос. Придворные стали подражать монарху, и к XVII веку в Европе распространились большие, тяжёлые парики. Людовик XIV, облысевший в 32 года, поддержал традицию, надевая роскошный чёрный парик. Каждое утро этот парик передавали королю через занавеску в спальне; каждую ночь, скрывшись за балдахином, король отдавал парик слуге; таким образом, никому (кроме, надо думать, королевы и некоторых дам) так и не удалось взглянуть на королевскую лысину. Мнения христианских клириков о том, следует ли мириться с искусственными причёсками, разделились. На молитвенных собраниях разыгрывались безобразные сцены — священники без париков норовили содрать накладные волосы с голов своих щеголеватых коллег.

В течение XVIII века европейские парики становились всё более изысканными. Насчитывалось более 110 стилей одних только мужских париков. Самым высоким был фантастический парик «макарони», изготовлявшийся из конского волоса и достигавший 46 сантиметров в высоту. Накладные волосы стоили огромных денег, лишь очень богатые люди могли позволить себе носить большие парики, для изготовления которых шли волосы иногда десятков людей. Отсюда — английское слово «bigwig» («большой парик»), обозначающее очень важную персону.

Парики XVIII века не выглядели как настоящие волосы, их часто снимали в присутствии других людей, чтобы почесать голову, вытереть пот или попросту расслабиться в компании друзей. Как и в Древнем Египте, мужчины, носившие парики, брились наголо или коротко стриглись.

Ношение парика в те времена давало несколько преимуществ. Гигиена тогда была не на высоте, а те, кто носил парик, как правило, мыли голову чаще, чем другие люди. Кроме того, парик можно было поменять на более модный и отослать парикмахеру, не выходя из дому. Наконец, в парике можно было появиться на людях инкогнито. Но прежде всего парик сообщал окружающим о социальном статусе человека и о том, следит ли он за модой.

К концу XVIII века женские парики превзошли мужские по экстравагантности, достигая временами 75 сантиметров в высоту. Из-за париков дверные проёмы делали более высокими, а сиденья в каретах — более низкими. Законодательницей новой моды стала Франция, где светские дамы могли по много часов водружать парик на голову и спать в нем целую неделю. В их собственных волосах, погребённых под монструозными париками, заводились паразиты, а немывтые головы постоянно чесались.

Во время Французской революции мода на огромные парики отошла в небытие вместе с теми, кто эти парики носил, — многие из этих людей окончили свои дни на гильотине. В Северной Америке, невзирая на яростные протесты пуританских священников и введение налога на накладные волосы, парики были популярны ещё долгое время, но и здесь мода на

них сошла на нет после того, как Соединённые Штаты выиграли Войну за независимость. Изысканные причёски Старого Света повсюду уступали место причёскам более простым. В Викторианскую эпоху функция парика окончательно свелась к сокрытию лысины, отчего накладные волосы стали робко именовать «неброским волосяным покровом». До последнего времени, несмотря на небольшие перемены господствующего стиля, как мужские, так и женские причёски оставались почти неизменными.

В 30-е годы XX века в США были изобретены синтетические волосы, и стало возможно изготавливать дешёвые парики любых форм и цветов. В 60-е парики пережили новый расцвет: в Европе и США каждая третья следившая за модой женщина приобрела себе «подходящий парик». В это богатое и весёлое десятилетие вошли в моду парики разноцветные, потешные, пышные, а главное — женщины перестали выдавать накладные волосы за свои и носили парики, совершенно не таясь. Мужчины решили не возвращаться в галантный век, им, напротив, требовались парики, которые выглядели бы предельно натуралистично. Мода на искусственные причёски достигла кульминации, когда в США стали проводить трансплантацию волос: небольшой кусочек кожи с волосом срезался с покрытого волосами участка головы и пересаживался на лысину. Рассказывали, что в 1970 году некий американский эстрадный артист заплатил 12 тысяч долларов за подобную операцию. Возможно, его новая причёска стала самым дорогим украшением тела со времени изготовления самого изящного из париков Марии-Антуанетты.

К концу 60-х годов показные парики вновь вышли из моды, и до конца столетия женщины старались носить накладные волосы так, чтобы никто не заподозрил их в ношении парика. Это не означает, однако, что с фешенебельными париками покончено навсегда. Настанет день, когда они войдут в моду вновь — как дополнение к естественным причёскам. Парики имеют одно преимущество перед остальными Телесными Украшениями: они моментально бросаются в глаза. Современный человек драпирует тканями почти все своё тело, оставляя открытыми лишь руки и голову, и среди прочих средств украшения тела искусственные причёски вполне могут претендовать на первое место по заметности.

Одно из самых заметных Телесных Украшений, которые остаются на всю жизнь, татуировка на лице, известно уже несколько тысяч лет.

От причёсок перейдём к лицу. За последние тысячи лет человечество придумало огромное множество способов украшать лицо. Об украшении лица заботились ещё жители Древнего Египта, о чем свидетельствуют сохранившиеся ящички с разнообразной косметикой. Египтян с тщательно раскрашенными лицами можно видеть на настенных росписях.

Макияж выполняет несколько важных функций. Он может маскировать лицо или защищать его от солнца; с его помощью человек может выглядеть моложе и здоровее или демонстрировать свою принадлежность к той или иной социальной группе; иногда раскраска лица сигнализирует об агрессивности или сексуальности. Как и в случае с париками, в истории были эпохи, когда любая косметика отвергалась как нечто «неестественное» — и когда, наоборот, появление на людях без макияжа вычёркивало человека из списков достойных членов общества.

В племенных сообществах косметика играет важную роль — она устанавливает статус индивида в социальной иерархии племени и снабжает его «ярлыком». Члены племени могут думать, что раскраска лица защищает человека от воображаемых злых духов, но на деле речь идёт об одной и той же функции: по-настоящему индивид защищён тем, что принадлежит к некоей группе.

В древности люди использовали косметику именно как защитное средство, только защищались они не от злых духов, а от солнца. Как современные любители позагорать мажутся средствами от загара, так и древние египтяне защищали лица от обжигающих солнечных лучей. Гидросиликат меди, входивший в число ингредиентов знаменитой египетской туши для век, действовал как лекарство при нагноении века, вызванном воздействием солнца. Однако косметика интересовала египтянок не только как защитное средство — они считали, что утончённый макияж делает их более красивыми. К примеру, Клеопатра чернила брови галенитом и красила верхние веки темно-синей, а нижние — ярко-зелёной тушью. Знатная египетская дама наносила макияж по много часов и подкладывала под локоть правой руки, которой она подводила глаза, особую подушечку. В её «косметичке» имелись карандаши для подводки век, коробочка с тенями, бутылочки с разноцветными притираниями, баночки с прочими косметическими средствами и бронзовое блюдце для их смешивания. Одни косметические средства служили антисептиками, другие давали сильный запах. Некоторые, вроде маски для лица из яичного белка, использовались для сокрытия морщин. При помощи красноватой охры египтянки румянили щеки, кармином они красили губы. Часто можно слышать о том, что помада — это современное изобретение, но на деле ей по меньшей мере 5000 лет.

С тех пор макияж почти не претерпел изменений. На протяжении веков различные культуры в той или иной степени поощряли или отвергали разные способы раскраски лица, порождённые древними или первобытными сообществами. В Древней Греции изысканное использование косметики было свойственно лишь одной социальной группе — куртизанкам (и их коллегам мужского пола), в других обществах правом на макияж в наибольшей мере обладали члены королевских семей. К сожалению, со временем химические косметические средства становились все более опасными, зачастую они калечили лица, которые должны были украшать. Пострадавшие, в свою очередь, шли на все, чтобы замаскировать повреждённые участки кожи. Кожа лица страдала в результате различных болезней,

возникавшие на ней пятна покрывали толстыми слоями пудры и краски. В XVII веке появилась мода на мушки, крошечные кусочки пластыря, которыми закрывали небольшие шрамы и прыщи. Очень скоро мушки стали своего рода тайным языком, превратившись, таким образом, в разновидность «сигналов лица». В Лондоне мушки использовались даже для определения партийной принадлежности: виги, или «правые», носили их на правой щеке, тори, или «левые», — на левой щеке. Простые чёрные кружочки вскоре сменили мушки разнообразных форм, включая полумесяцы и звезды. При дворе Людовика XV точное расположение мушек могло многое поведать о человеке: мушка в углу глаза означала страсть, в центре щеки — весёлость, на носу — дерзость, на лбу — величавость, и так далее.

XX век принёс две большие перемены в области косметики. Во-первых, благодаря прогрессу в области медицины болезни уже не так сильно вредят коже лица, во-вторых, прогресс в области химии сделал современную косметику безопасной и даже полезной. В результате макияж XX века сразу перестал быть и маскировочным средством, и угрозой для лица. Густой слой грима сменили тени, раскраску кожи сменил уход за ней. Как и раньше, женщины красят брови и губы и подводят глаза, стремясь подчеркнуть их или чуть изменить их естественную форму, но к коже лица они относятся теперь совсем не так, как раньше. В прошлом кожу лица почти всегда сильно пудрили или раскрашивали белой краской, иногда добавляя румяна. Подобная раскраска демонстрировала высокий статус женщины: она, в отличие от её служанок, могла позволить себе не подвергать щёки разрушительному воздействию загара. Аристократки были защищены от солнца, и сверхбелое лицо подчёркивало их статус. Румяна, в свой черед, должны были сообщать о хорошем здоровье дворянки. Для женщины XX века всё перевернулось. В мире, где большинство людей работает, важно показать окружающим, что во время отпуска ты отдыхаешь на пляже. Чем больше времени ты отдыхаешь под солнцем, тем выше твой статус, оттого загар, настоящий или искусственный, превратился в новый «статусный» ярлык, а макияж обрёл новую цель — сделать лицо не белее, а коричневатее. мода на загар распространилась повсеместно, однако ближе к концу столетия она столкнулась с непредвиденным препятствием. Многие женщины запретили себе солнечные ванны, поскольку испытывают сильный (и не всегда обоснованный) страх заболеть раком кожи. Вновь стали популярны пудра и белила. Не все представительницы слабого пола, однако, отказались от загара, и к концу века раскраска лица стала куда более разнообразной, нежели раньше.

В последние годы становятся все более популярными косметические операции, в ходе которых участки кожи лица удаляют, чтобы оставшаяся кожа натянулась и появившиеся с возрастом морщины исчезли. Большинству круговая подтяжка лица, коррекция формы губ и пластика носа по-прежнему кажутся чем-то неестественным, однако косметическое восстановление зубов, ещё одна новая технология, пользуется большим спросом, как и линзы для глаз вместо очков. «Искусственный человек» остаётся эскапистской фантазией, а вот искусственное лицо — это уже реальность.

Вынеся за скобки стремление современных людей выглядеть моложе и здоровее, а значит, привлекательнее, отметим, что для нанесения утончённого макияжа требуются время, хорошая косметика и услуги специалистов. Время — это деньги, хорошая косметика — тоже, и услуги хороших визажистов стоят недёшево, отсюда: макияж = потребление = статус. В этом смысле макияж всегда был и будет способом сказать окружающим: «У меня много денег, и я трачу их как хочу». Чем макияж утончённее, тем больше он говорит о благосостоянии человека. Иными словами, когда женщина без стеснения являет миру ярко

раскрашенное лицо, она фактически подаёт угрожающий сигнал. Так, в неистовых шестидесятых женщины Запада красили лица так, как не снилось и воинам диких племён. В более умеренном и эгалитарном общественном климате последней четверти XX века подобная демонстрация себя перестала быть общим местом. Макияж не исчез совсем, но стал куда менее броским — в том числе как способ незаметно для других продемонстрировать собственный статус себе самому. Женщины по-прежнему стремятся выделиться, но так, чтобы не было видно, что они к этому стремятся. Опытный наблюдатель без труда различит изысканный макияж, однако теперь косметика не бросается в глаза. Как и дорогой хлопчатобумажный пиджак, который шит по особым лекалам и лишь выглядит поношенным, подобный макияж противоречит сам себе и подаёт сразу два сигнала: «Нужно заботиться о макияже, чтобы все видели, что он меня не заботит».

Переходя от лица к телу в целом, нельзя не отметить, что в обществе, где принято одеваться с головы до пят и демонстрировать окружающим оголённые участки тела лишь по особым случаям, раскраска и татуирование потеряли актуальность. В племенах, где все ходили полуголыми, раскраска и татуировки были весьма популярны и зачастую являли собой произведения искусства (возможно, это был первый вид искусства, освоенный нашим видом). Третий способ украсить кожу, нанесение на неё шрамов, куда более специфичен: в незажившие разрезы втирался древесный уголь и другие вещества, возникавшие в результате барельефные узоры человек носил на себе всю жизнь. Несмотря на современную одежду, все три способа украшения тела в том или ином виде сохранились до наших дней.

Как правило, татуировки и шрамы, уродующие кожу навсегда, являются знаками принадлежности к какой-либо социальной группе. Характерно, что многие из них символизируют либо узы любви (сердца, пронзённые стрелами), либо связь с определённой культурой (патриотические флаги и национальные эмблемы). Время от времени находятся люди, предлагающие сделать татуировки обязательными и всеобщими именно потому, что от них невозможно избавиться; так, в XIX веке всерьёз рассматривалось предложение сделать татуировку обручального кольца на безымянном пальце левой руки неотъемлемой частью церемонии бракосочетания. Считалось, что двоеженцы и волокиты, которые соблазняют женщин, предварительно избавившись от обручального кольца, будут посрамлены. К татуировке вдовцов добавлялась бы звезда; к татуировке разведённых — чёрточка; к татуировке сочетавшихся браком вторично — второе кольцо. Семейное положение человека, таким образом, можно было бы определить моментально. В начале XX века американских мужчин схожим образом побуждали следовать практике аборигенов Новой Зеландии и татуировать своих жён, чтобы другие мужчины видели: эта женщина замужем, приставать к ней нельзя.

В некоторых культурах о принадлежности человека к тому или иному племени «говорит» все его тело. (Обитатель острова Нуку-Ша Маркизского архипелага, около 1813 г.)

Общество, однако, не одобрило эти предложения. В наши дни, кроме татуировок, широко распространены два способа калечения тела: прокалывание ушей для ношения серёг и удаление частей гениталий (как мужских, так и женских) в процессе обрезания. По сути, обрезание — это единственная форма нанесения увечий, сохранившаяся с древних времён, несмотря на отвращение людей нового времени к подобным практикам.

Один из самых необычных и распространённых в древности способов калечения тела — это сдавливание головы младенца. Когда человек появляется на свет, его черепная кость не слишком тверда. В племенах Африки, Северной и Южной Америки и Европы было принято сдавливать головы младенцев при помощи плотного пеленания или прессовых дощечек с целью добиться желаемой формы черепа. Наиболее популярной была конусообразная, словно увенчанная короной голова с плоским лбом. Подобную форму черепа связывали с высоким статусом, поскольку люди с такими головами не могли носить на них тяжести и демонстрировали своим видом неспособность выполнять работу слуги.

В Европе сдавливание головы, судя по всему, диктовалось другими мотивами. Как и древние египтяне, жители европейских племён предпочитали удлинённые черепа с выступающим затылком. Таковую форму голове младенца придавала мать, плотно перевязывавшая её сразу после рождения. Этот обычай был распространён в некоторых регионах Франции вплоть до XIX века, когда благодаря френологам люди верили, что форма черепа влияет на интеллект.

Обширное татуирование тела служит не только его украшению, оно также говорит о том, что человек вынослив и способен долго терпеть боль. («Мужские» татуировки туземцев Марианских островов.)

В новое время головы уже никто не сдавливают — теперь этот конкретный способ издевательства над плотью применяют к ногам, а роль «сдавливателей» взяли на себя производители обуви. Женщины страдают от обуви больше, чем мужчины, хотя, к счастью для современных женщин, плотное пеленание ног, которое практиковалось до недавнего времени в Китае, ушло в прошлое. В результате пеленания ступни китайнок благородного происхождения становились очень маленькими, эти женщины с трудом могли ходить и совсем не были способны работать. Деформация ног служила всё той же цели: это была демонстрация неспособности к труду. «Элегантные» туфли с заостренными носами тоже не годятся для тяжёлой работы, однако ноги в них деформируются не столь ужасно, как при пеленании.

Разумеется, есть тысяча других способов изменить тело и продемонстрировать окружающим те или иные качества индивида. Одни виды украшений встречаются сравнительно редко, например, кольца в сосках, серьги в пупке и языке; другие распространены повсеместно — ожерелья, браслеты, кольца и лакировка ногтей. В совокупности они образуют набор разнообразных «сдержанных» знаков, которые запоминаются надолго и в этом смысле более эффективны, чем обычные знаки. Воздействие кулака, которым машут перед вашим носом, прекращается, как только рука перестаёт двигаться, в то время как воспоминание о каком-либо Телесном Украшении остаётся с вами надолго. По этой причине люди будут украшать свои тела до тех пор, пока человечество не сгинет в пучине времени.

СИГНАЛЫ ПОЛА

Мужские и женские сигналы, выявляющие или подчёркивающие пол индивида

Сигналы Пола служат ярлыками, которые помогают нам идентифицировать человека как мужчину или женщину. Кроме того, они могут акцентировать внимание на мужественности или женственности индивида в том случае, когда его пол уже известен.

При рождении единственный очевидный Сигнал Пола младенца — это форма его гениталий. Если мы видим пенис, это мальчик, если вагину — это девочка; никак иначе неспециалист определить пол ребёнка не может. Существуют, конечно же, и другие отличия мальчиков от девочек, однако они не заметны при обычном наблюдении и потому не могут быть классифицированы как Сигналы Пола. Для того чтобы стать Сигналом Пола, отличие должно быть заметно невооружённым глазом.

Новорождённый в одежде в этом смысле беспол, потому в английском языке его принято обозначать местоимением *it* («это»). Родители могут снабдить младенца искусственными Сигналами Пола, например, одеждой (голубой для мальчика, розовой для девочки) или типично мужским или женским именем, однако для матери дитя есть дитя, и она заботится о нём, невзирая на его пол.

Но ребёнок растёт, и ситуация быстро меняется. Многие Сигналы Пола появятся лишь в пубертатном возрасте, однако некоторые из них заметны и до него. Большую часть таких знаков дети обретают по воле общества. Одежда, причёски, игры, игрушки, украшения и развлечения мальчиков и девочек разнятся. Хотя дети по природе своей асексуальны, они наделяются определёнными ролями в зависимости прежде всего от пола. Общество готовит их к будущему и формирует их половую самоидентификацию задолго до того, как они обретают способность производить на свет себе подобных.

Со временем «гендерная пропасть» между полами увеличивается настолько, что к тому моменту, когда дети превращаются во взрослых, мальчики становятся мужественными, а девочки — женственными не только в репродуктивном, но и в социальном плане. В последние годы преувеличенное внимание к разнице между полами попало под огонь ожесточённой критики. Все больше людей считает, что воспитание мальчиков мужественными, а девочек женственными по сути своей неправильно. Эти люди утверждают, что «гендерная пропасть» имела смысл в далёком прошлом, а в современном мире она только вредит.

В какой-то мере они правы, и чтобы понять, почему, отвлечёмся на секунду от настоящего и заглянем в далёкое прошлое, когда наши предки были примитивными охотниками. За миллион лет эволюции человек перешёл от свойственного приматам добывания пищи к системе, которая требовала разделения труда между полами. Почти все приматы кочуют группами, состоящими из самцов, самок и детёнышей, перемещаясь с одной стоянки на другую и собирая съедобные фрукты, орехи и ягоды. Когда наши далёкие предки отказались добывать пищу подобным образом и стали охотниками-собирателями, изменилась вся социальная структура племени. Охота опасна, потому женщин, которые почти всегда либо беременны, либо кормят детей грудью, на неё не брали. Что означало, что часть племени перестала кочевать и все время оставалась на стоянке, куда мужчины возвращались после охоты. Женщины могли выполнять посильную задачу по собиранию

пищи около стоянки, обеспечивая племя растительной пищей, однако в основном они растили детей и по этой причине не могли перекавалифицироваться в охотников, как это сделали мужчины.

При подобном разделении труда в процессе эволюции тела мужчин и женщин менялись: мужчины все лучше бегали, прыгали и швыряли тяжёлые предметы, в то время как женщины становились все более приспособленными для рождения и воспитания детей. Соответственно, одни Сигналы Пола возникли в процессе превращения мужчин в охотников, другие — в процессе специализации женщин на заботе о потомстве. Так, у мужчин проявились следующие черты:

1. Мужчины выше и тяжелее женщин, кости у них толще, мышцы — больше. Они сильнее женщин и способны переносить более тяжёлые грузы.
2. Ноги у мужчин длиннее, а ступни шире. Они крепче стоят на ногах и быстрее бегают.
3. Плечи у мужчин шире, руки — длиннее, предплечья у них длиннее, чем часть руки от локтя до плеча. Они более метки и лучше бросают тяжёлые предметы.
4. Кисти у мужчин больше, пальцы — толще, большие пальцы рук — сильнее. Они крепче держат оружие.
5. Грудная клетка, лёгкие и сердце у мужчин больше. Мужчины глубже дышат, они более выносливы и быстрее восстанавливаются после физической нагрузки. Они способны долго бежать за добычей.
6. Череп у мужчин твёрже, надбровные дуги тяжелее, челюсти мощнее и крепче. Они лучше защищены от физической угрозы.

Все вместе эти «охотничьи» черты объясняют, почему в ходе современных спортивных состязаний мужчины и женщины соревнуются отдельно. Лучшие спортсменки мира попросту не способны показать в беге или прыжках в длину результаты, которые показывают лучшие спортсмены. В среднем, однако, мужчины не всегда сильнее женщин. Если выбрать сто сильнейших людей из группы, образованной из случайно выбранных ста мужчин и ста женщин, с большой вероятностью 93 человека из ста сильнейших будут мужчинами, а семь человек — женщинами. Иначе говоря, если брать в среднем, семь слабейших из каждой сотни мужчин слабее семи сильнейших из каждой сотни женщин. Таким образом, невозможно сказать, что любая женщина однозначно слабее любого мужчины. Если говорить о физической силе, все зависит от того, кого и с кем мы сравниваем. Даже в первобытные времена мужчина, гнавшийся за добычей, защищавшийся от хищников или нападавший на соперников, полагался не столько на накачанные мускулы, сколько на разум и оружие. Он должен был стать сильным, но становиться атлетом ему было не нужно.

Тем не менее, хотя мужчины и женщины обладают схожим телосложением, более чем заметных отличий между ними достаточно много, и именно эти отличия стали впоследствии Сигналами Пола. Одни отличия относятся непосредственно к анатомии (широкие плечи, мощные руки), другие — к поведению, обусловленному особенностями анатомии (например, мужчины лучше бросают предметы и быстрее бегают).

Что касается женщины, её специализация — вынашивание и кормление ребёнка — также предопределила ряд важных Сигналов Пола. Таз у женщин шире и по сравнению с мужским тазом чуть смещён назад. Талия женщины чуть тоньше, а бедра — чуть толще, пупок — глубже, живот — длиннее. Женская грудь по размерам куда больше мужской. Женщина должна выносить плод, родить ребёнка и вскормить его, и все эти функции обусловили строение её тела. Поскольку грудь выдаётся вперёд, грудная клетка женщины,

более узкая, чем у мужчины, если смотреть спереди, оказывается глубже, если смотреть сбоку (это заметно даже на расстоянии). Туловище женщины за счёт узкой талии и широких бёдер, переходящих в обширный таз, имеет узнаваемую форму песочных часов. Бедра в самом начале немного отстоят друг от друга, поскольку между ними помещается чуть более широкая, чем у мужчин, промежность; изгиб бёдер таков, что иногда кажется, будто колени у женщины вывернуты внутрь.

Из-за смещённого назад таза женские ягодицы больше мужских. Они, кроме того, мясистее и шире, отчего куда более заметны. Когда женщина идёт или (особенно) бежит, её ориентированная на деторождение анатомия обуславливает специфическую походку. Строение бёдер заставляет женщину совершать при ходьбе полукруговые движения ногами. Она «виляет» ягодицами, и её тело раскачивается, чего почти не наблюдается у мужчин. Кроме того, из-за более коротких ног шаги у женщины получаются меньшей длины, и бежит она куда более неповоротливо, нежели мужчина.

Последнее наблюдение может показаться не слишком верным, но это оттого, что «бегущая женщина» для нас — это либо спортсменка, либо маленькая девочка. Бегуны быстро бегают именно потому, что фигуры у них скорее мужественные, а девочки ещё не развились в полноценных женщин. Если бы нам довелось увидеть массовый забег случайно выбранных матерей, мы сразу поняли бы, что мужчины и женщины двигаются очень по-разному. Женщине средних лет, которая бежит на автобус, это физическое упражнение даётся куда труднее, чем мужчине того же возраста, и движется она совсем не так, как профессиональная бегунья. Её движения затрудняют не только широкие бедра, но и тяжёлая, колеблющаяся грудь; в результате женщины, как правило, бегают медленнее мужчин. У профессиональных спортсменок ноги обычно более длинные, бедра более узкие, а груди — более плоские.

Зачастую мы забываем о таком не слишком заметном Сигнале Пола, как сгибание рук. Поскольку плечи у женщин уже мужских, верхние части их рук прижаты к грудной клетке плотнее, чем у мужчин. Руки широкоплечего мужчины словно свисают с его торса, особенно это заметно у тяжелоатлетов и культуристов. Типичная женщина, наоборот, прижимает локти к туловищу и сгибает руки в локте. Часто эту особенность женщин старательно копируют актёры, изображающие женщин или гомосексуалистов. Прижатые к туловищу руки и мощные бедра не дают женщинам поднимать тяжести столь изящно, как это делают мужчины. В качестве компенсации за эти особенности анатомического строения природа одарила женщин возможностью отгибать предплечье под углом на шесть градусов больше, чем у мужчин. Проверить это легко: достаточно попросить женщину прижать верхние части рук к туловищу и развести предплечья в стороны.

Если мужчина, выполняя аналогичное движение, упрёт локти в бока и разведёт руки так широко, как только может, он обнаружит, что подаёт женственный Сигнал Пола.

Различие в движениях рук не слишком заметно, тем не менее, мы подсознательно считываем его и в том числе по этому Признаку Пола определяем, насколько мужественно или женственно держится наш собеседник (собеседница). Многие Сигналы Пола нами не осознаются, что не мешает им определять наше поведение в отношении других людей. Есть, однако, и другие, абсолютно очевидные знаки, служащие показателями мужественности и женственности. Они не связаны со специализацией мужчин как охотников и женщин как матерей.

В мужчине: более низкий голос, выпирающий кадык, борода и усы, более густые брови,

более волосатые ноздри и уши, более густой волосяной покров на теле. Исключение в плане волосатости — затылок, который со временем, наоборот, лысеет;

В женщине: сферическая выпирающая грудь, мясистые ягодицы, более гладкая и чувствительная кожа, округлые колени и плечи, более широкие ямочки над ягодицами, большой запас жира, распределённый по всему телу.

Кроме того, с древности мужчины и женщины по-разному пахнут, что мы по-прежнему ощущаем, пусть запахи играют для нас и не столь существенную роль, как для других приматов. Запахи производятся особыми ароматическими железами в коже, особенно много этих желёз в подмышках и в паху. Растущие там волосы удерживают запах и усиливают его. Женщины, оголяющие руки (на пляже или на вечеринке, надев вечернее платье), часто бреют подмышки. Они делают это, желая уменьшить исходящий от подмышек запах, хотя часто указывают другую причину: якобы дело вовсе не в «благоухании», а в том, что волосы выглядят неэстетично.

Не все попытки заглушить обонятельные Сигналы Пола шифруются столь обстоятельно. Сегодня многие люди по собственной воле пользуются дезодорантами, что также связано с определённым риском. Химическое вмешательство в естественные процессы, происходящие в коже, может иметь самые разные последствия. Тем не менее, понятно, что именно побудило людей искать спасения в дезодорантах. Ответ очень прост: одежда. Она препятствует выветриванию пота и других кожных выделений, в результате разлагающийся пот издаёт затхлый запах, имеющий мало общего с запахом, который издавали наши предки. Кожа, не ограждённая одеждой от воздуха и солнца, пахнет по-другому, но времена, когда мы ходили нагишом, давно прошли, и современный человек может достичь «естественного запаха» лишь одним способом — регулярно моясь. Дерматологи считают, что этого вполне достаточно, а химические дезодоранты — добавление лишнее и потенциально опасное. Так или иначе, дезодорант уничтожает один из самых древних Сигналов Пола.

Пока женщины старательно избавляются от запахов, мужчины каждое утро скребут лица, дабы избавиться от таких Сигналов Пола, как борода и усы. Разумеется, и в наше время великое множество мужчин отращивают то и другое. Вместе с тем привычка брить лицо уходит корнями в далёкое прошлое, она проявлялась в различные исторические эпохи и распространена по всему земному шару. Это не просто некий местный каприз моды, пусть даже бриться принято далеко не во всех культурах. Мы редко говорим о том, почему мужчины чаще всего избавляются от Сигналов Пола именно в такой форме. Объясняют этот феномен по-разному. Одни считают, что мужчины начали бриться, поскольку тем, у кого нет бороды и усов, легче соблюдать гигиену — пища и питье не попадают в волосы. Другие полагают, что дело в социальном статусе: выбритые индивиды показывали окружающим, что могут позволить себе тратить время на бритье. Третьи думают, что мужчины некоторых племён начали бриться, чтобы отличаться от заросших мужчин других племён.

На деле мужчины могут тратить время и энергию на то, чтобы избавиться от растительности на лице, по множеству причин.

Выбритое лицо	Небритое лицо	Возможные объяснения
Молодость	Старость	Юноши не имеют бороды
Аккуратность	Нечистоплотность	В бороде скапливается грязь
Здоровье	Болезни	Борода может стать источником инфекции
Дружелюбие	Агрессивность	Чисто выбритый мужчина выглядит более дружелюбным, чем небритый
Выразительность	Невыразительность	Борода скрывает выражение лица
Благоухание	Вонь	Борода удерживает запах
Нежность	Грубость	Борода царапает кожу при поцелуях
Доверие	Недоверие	Бритый мужчина внушает большее доверие
Трудолюбие	Лень	Бритьё требует усилий
Самоконтроль	Беззаботность	Тот, кто бреется, заботится о себе
Женственность	Мужественность	Бородатые мужчины выглядят более мужественными
Конформист	Инакомыслящий	Бороды носят бунтари
Высокий статус	Низкий статус	Бродяги не бреются
Чувствительность	Неотёсанность	Бритьё — знак учтивости
Искренность	Неискренность	На чисто выбритом лице легче читать эмоции
Человечность	Анималистичность	Мы — голые обезьяны, не волосатые
Открытость	Скрытность	Борода скрывает индивидуальность
Индивидуальность	Анонимность	Накладные бороды — это средство маскировки. Гладко выбритый человек более узнаваем
Цивилизованность	Примитивность	В первобытные времена бритв не было. Бритое лицо ассоциируется с более высокой степенью развития
Светскость	Религиозность	Бороды отрицывают религиозные фанатики
Вежливость	Бесцеремонность	Выбритое лицо более утончённо

Каждое из этих объяснений несёт в себе частицу истины. Три наиболее веских причины бриться — это желание выглядеть молодо, стремление к выразительной мимике и демонстрация чувствительной кожи. Выбритое лицо визуально молодит мужчину, кроме того, мимика такого лица куда лучше передаёт разнообразные эмоции. Движения губ у людей чрезвычайно сложны, и чем меньше волосистой покров вокруг губ, тем более понятны подаваемые ими сигналы окружающим. У выбритого лица есть и дополнительное тактильное преимущество: эротические ощущения от прикосновения к гладко выбритой коже сильнее. Однако для того, чтобы реализовать все эти преимущества, мужчина должен отказаться от древнего Сигнала Пола, потому что у различных народов и в различные эпохи существовали разные ответы на вопрос «брить или не брить».

И ещё о волосах: как кто-то заметил, странным выглядит тот факт, что мужчины сплошь и рядом куда более волосатые, чем женщины. Если мужчина действительно потерял густую шерсть потому, что система охлаждения мужского организма в ходе эволюции научилась справляться с перегревом тела в результате «охотничьих» физических нагрузок, значит, более густым волосистым покровом должны обладать женщины. Частичная разгадка такова: когда человек избавился от основной массы шерсти и стал преимущественно голым, сравнительно небольшое количество недлинных волосков на поверхности тела уже никак не влияло на работу системы охлаждения. В этом смысле мужское тело работает в моменты перегрева так же, как женское. Осталось лишь объяснить, почему на женском теле волосы растут не так густо, как на мужском, если эволюционное избавление от волосистого покрова

не было связано с контролем над температурой тела.

Ответ на этот вопрос следует искать в той же области, что и ответ на вопрос о преимуществе выбритого лица перед невыбритым: в результате уменьшения волосяного покрова повышается, так сказать, качество эротического контакта. В ходе разговора об эrogenных зонах на женском теле один специалист заявил, что говорить об отдельных эrogenных зонах неправильно — у женщин такой зоной является вся поверхность тела. Её чувствительность настолько велика, что любое нежное прикосновение женщина расценивает как потенциально эротическое. В частности, именно поэтому женщины так любят меха, а также бархат, шёлк и другие мягкие ткани.

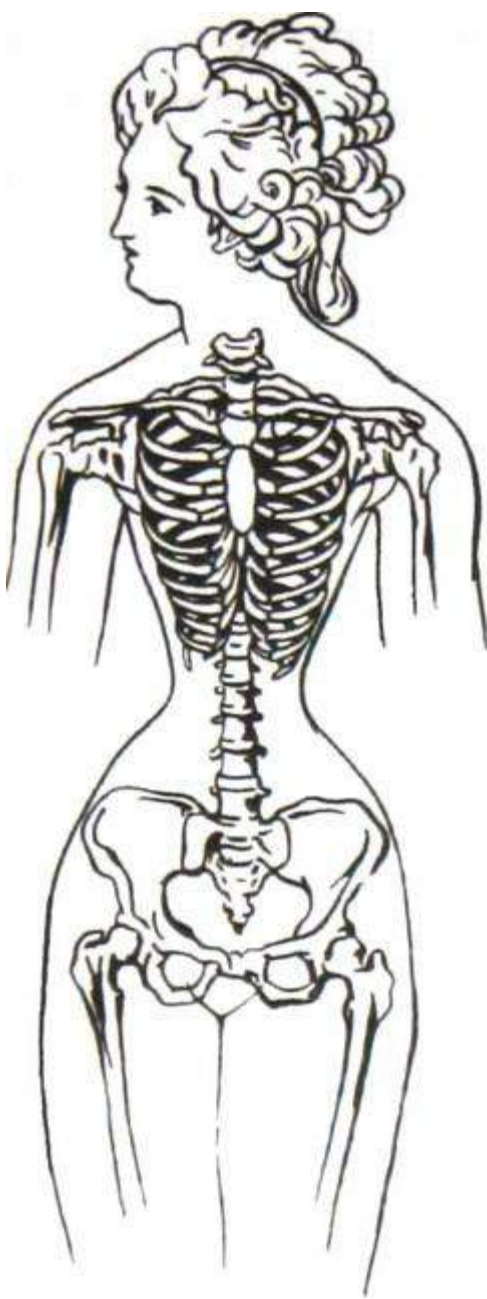
По этой ли причине женщины в процессе эволюции утратили больше волос, нежели мужчины, или по какой-то другой, факт остаётся фактом: гладкая, практически лишённая волос кожа — типично женский Сигнал Пола, и женщины с волосатыми руками и ногами или небольшими усами автоматически воспринимаются как мужественные. По этой причине женщины бреют ноги и пользуются депиляторами. Есть даже клиники, занимающиеся исключительно удалением «неэстетичного» волосяного покрова.

Мужчины, наоборот, стремятся восполнить недостаток волос на голове и готовы на многое, лишь бы победить облысение. Лысина подаёт окружающим два сигнала: «мужественность» и «наступление старости». Накладные локоны, парики и трансплантация волос призваны маскировать не пол человека, а его возраст, и тот факт, что, надевая парик, мужчина утрачивает один из Сигналов Пола, не заставит его сверкать лысиной на людях.

Ещё один Сигнал Пола, связанный с возрастом, — это растущий живот, в просторечии именуемый «пузом». Возможно, первобытные люди носили такие животы с гордостью, показывая тем самым, насколько успешны они в охоте, однако в наше время живот, как и лысина, означает, что мужчина стареет. Почти у всех молодых мужчин животы втянуты, «пузцо» появляется с возрастом, оттого живот также ассоциируется с наступающей старостью, и мужчина идёт на все, чтобы от него избавиться. Союзниками в борьбе с животом выступают мужские диеты, мужские упражнения для накачивания пресса и даже мужские корсеты.

У женщин ягодицы выпирают больше, чем у мужчин. Этот Сигнал Пола объединяет фигурки доисторических «богинь-матерей», готтентотских женщин и викторианских дам с турнюрами.

И без того узкую талию женщины делают ещё уже, нося корсет. Иногда результатом становится смещение рёбер и деформация внутренних органов.

Большой живот является преимущественно мужским Сигналом Пола, поскольку распределение телесного жира у женщин совсем не такое, как у мужчин. Жировых отложений в женском организме в принципе больше (25 % от веса тела, у мужчин — только 12,5 %), но размещаются они в других местах. У женщин визуально воспринимаемые Сигналы Пола формирует слой жира на плечах, коленях, груди и ягодицах, а также на бёдрах. Увеличенные округлые бедра — это «древний эротический сигнал», выполняющий ту же функцию, что и опухание тела у других приматов. У обезьян-самок тело «раздувается» и затем «сжимается» в течение месячного цикла, при этом пик опухания приходится на момент овуляции. У людей тело не опухает — ягодицы у женщин «раздуты» все то время, когда женщины репродуктивны и готовы ответить на эротические предложения.

Округлые полусферы женских ягодиц похожи на округлые полусферы женской груди, чуть меньше они напоминают округлые плечи и колени. Может показаться, что «мягкие холмы плоти» — это главные Сигналы Пола, свойственные женщинам, и вряд ли можно сомневаться в том, что реакция мужчин на эти сигналы превратилась со временем во врождённую. Доказать это, разумеется, невозможно, но со стороны нашего вида было бы

неразумно не обеспечить себя подобным полисом страхования жизни на генетическом уровне.

В некоторых культурах мужчины реагируют на женские ягодицы куда сильнее, чем это принято на Западе. Для женщин бушменов и африканских готтентотов характерна стеатопигия, повышенное жиросложение на ягодицах, вследствие чего те превращаются в огромные, толстые выступы плоти, в несколько раз превышающие по размеру ягодицы обычной женщины. Любопытно, что небольшие фигурки, выточенные доисторическими скульпторами, изображают женщин именно с такими ягодицами, иначе говоря, в древности стеатопигия была распространена не только в Африке, но и в Европе, и в Азии. Вероятно, для древних людей стеатопигия была скорее нормой, чем исключением, и современные бушменки и готтентотки выглядят как женщины, жившие несколько тысяч лет назад. Не исключено, что современный мужчина реагирует на женские «полусферы» столь страстно именно потому, что некогда женщина соблазняла его, подавая Сигнал Пола обширными ягодицами.

Таковы Сигналы Пола, присущие нашему виду: «охотничьи», «материнские» и поведенческие. Добавим к ним видимые отличия в области гениталий: где у мужчин расположены пенис и яички, у женщин расположена вульва (в случае, если человек одет, Сигнал Пола — это наличие или отсутствие выпуклости в промежности). Определить пол человека, которого мы видим, можно по множеству признаков. Все они, однако, могут оказаться недостаточными — в разных культурах те или иные признаки могут быть искусственно выпячены или, наоборот, замаскированы.

Почти на всякий Сигнал Пола из тех, что были упомянуты в этой главе, найдётся культура, в которой именно его принято искусственно выпячивать. Мужчины могут «увеличивать» свой рост за счёт высоких причёсок; широкие плечи кажутся ещё более широкими, когда мужчина надевает пиджак с плечиками или мундир с эполетами; женщины затягиваются в тугие корсеты и демонстрируют окружающим ещё более узкую талию; выпирающая женская грудь «увеличивается» при помощи бюстгалтеров с подкладками. Женщины носят турнюры и подкладки на бёдрах, дабы их ягодицы и бедра выглядели ещё более округлыми. Большие губы женщины выделяют, крася их помадой. Маленькие ступни выглядят ещё миниатюрнее, если женщина обувается в узкие туфли (не забудем и про жестокую восточную практику бинтования ног). Кожа становится ещё более гладкой при помощи пудры и косметических средств. Этот длинный список можно продолжить.

Он станет ещё длиннее, если добавить сюда искусственные Сигналы Пола, которые, как правило, не имеют ничего общего с естественными анатомическими отличиями между полами. Искусственные Сигналы Пола весьма многочисленны, фантастически разнообразны и часто обладают очень коротким сроком жизни, меняясь от поколения к поколению или даже от сезона к сезону; они могут различаться от страны к стране, а то и от одного района города к другому. Каждый человек словно стремится постоянно напоминать окружающим о том, мужчина он или женщина, невзирая на то, что с этой задачей превосходно справляются и естественные Сигналы Пола.

Вот лишь несколько примеров искусственных сигналов такого рода: короткие и длинные волосы; юбки и штаны; сумочки и карманы; макияж и его отсутствие; трубки и сигареты. Вне культурного контекста все эти сигналы не свойственны только мужчинам или только женщинам, однако в конкретном месте и в конкретное время по ним вполне можно определить пол человека, поскольку местная мода превращает их в «гендерные». Волосы

вырастают длинными у представителей обоих полов, это сигнал вида, отличающий нас от других приматов, но и только. На биологическом уровне мужчины и женщины в этом плане ничем друг от друга не отличаются; короткая причёска утвердилась в качестве «мужской» исключительно потому, что мужчины, служившие в армии, всегда стриглись коротко, чтобы в волосах не заводились паразиты. Если как следует углубиться в историю костюма, выяснится, что юбки порой были частью мужского наряда, а штаны — женского. Точно так же можно показать, что и остальные искусственные Сигналы Пола в разных культурах означали далеко не одно и то же.

Я привёл лишь самые очевидные примеры. Понятно, что если мы погрузимся в незнакомую культуру, там обнаружится множество местных искусственных Сигналов Пола, которые для случайного наблюдателя не будут иметь никакого смысла. Ошибиться тут легче лёгкого. В ряде жарких стран, где люди вынуждены часто обмахиваться веерами, форма веера служит Сигналом Пола: прямоугольные веера принадлежат мужчинам, любые другие — женщинам. Если вы возьмёте в руки веер «другого пола», это будет так же забавно, как если бы у нас мужчина надел юбку или женщина закурила трубку. Антропологи выявляют подобные малозаметные Сигналы Пола в каждом племени, которое они изучают.

Случается, что Сигнал Пола, который кажется искусственным, на деле обусловлен биологическими различиями между полами. К примеру, не одно поколение людей занимает вопрос: почему у мужской одежды пуговицы пришиваются на правую полу, а у женской — на левую? Этот Сигнал Пола зародился много веков назад и обычно считается не более чем «традицией». Между тем объяснение тут связано с биологией: мужчины предпочитали застёгивать левую полу на правую затем, чтобы иметь возможность держать правую руку между полами. В эпоху, когда карманов на одежде не было, такое положение правой руки означало, что мужчина готов в случае чего быстро схватиться ею за оружие. Женщины, с другой стороны, предпочитали застёгивать правую полу на левую, поскольку они кормили детей чаще левой грудью, чем правой, и могли накинуть на ребёнка правую полу, пока тот спит или питается. И хотя причины, побуждавшие мужчин и женщин застёгиваться именно так, а не иначе, давно исчезли, Сигнал Пола сохранился.

Как поведение может повлиять на одежду, так и одежда может обуславливать поведение. Некое искусственное отличие наряда, возникшее исключительно как каприз моды, может в итоге изменить позы или движения тех, кто носит этот наряд, причём «жертвы моды» могут даже не отдавать себе в этом отчёт. Взять хотя бы робкие движения кистью у современной женщины, жест настолько типичный, что мужчины, изображая представительниц слабого пола, часто его копируют. О том, откуда взялся этот жест, знают только женщины, которым хоть раз довелось облачиться в исторический костюм. Актрисы, снимающиеся в костюмированных драмах и вынужденные носить тяжёлые старинные платья с облегающими рукавами, скажут вам, что двигать руками в этих нарядах почти невозможно, оттого жестикуляция сводится к движению кистей. Сами того не замечая, актрисы начинают подчёркивать именно эти движения, и не составляет труда понять, как женщины в подобных платьях выработали собственный стиль жестикуляции, который, как и способ застёгивания одежды, пережил породившие его наряды.

Из-за платьев женщины даже сидят не так, как «сильный пол». С расставленными ногами обычно сидят мужчины — по понятным причинам; ещё мужчины любят сидеть, скрестив лодыжки. Современные женщины, носящие брюки, нечасто копируют эти «мужские» позы, хотя опасность выставить напоказ нижнее бельё давно ушла в прошлое.

Даже надев брюки, женщина словно ощущает на себе призрачное платье, и если платья однажды исчезнут из женского гардероба, позы, которые эти платья породили, вполне могут их пережить.

Ещё один способ скрещивания ног, подающий Сигнал Пола, — это переплетение ног, характерное для женщин. Женщины часто сидят, переплетя вытянутые ноги и подцепив стопой одной ноги лодыжку другой, чего мужчины никогда не делают. Здесь влияния одежды, скорее всего, нет, все куда проще: позу, которую позволяет принять женщинам строение их тела, мужчины повторить не могут.

Переплетение ног — это пример Сигнала Пола, который, если обратить на него внимание, будет воспринят как отчётливо «женский». Мужчины и женщины определяют подобные сигналы как «женские» или «мужские» подсознательно, лишь взглянув друг на друга. До того как учёные взялись за анализ обычных телодвижений, которые люди совершают не задумываясь, эти телодвижения оставались, как правило, незамеченными. Сейчас о них известно довольно много, и уже можно сказать, что сотни естественных поз и телодвижений характерны только для мужчин или только для женщин.

К примеру, не так давно учёные изучали при помощи скрытых камер поведение людей в переполненных гипермаркетах. Выяснилось, что мужчины и женщины ведут себя в такой ситуации по-разному. Прокладывая путь сквозь толпу, женщина стремится отвернуться от мужчины, мимо которого проходит, в то время как мужчина, наоборот, разворачивается к женщине лицом. Почему так происходит — понятно: женщины оберегают свою грудь и по меньшей мере желают избежать её соприкосновения с телом незнакомого мужчины. Установить причину достаточно легко, однако до того, как были проанализированы записи скрытых камер, никто даже не подозревал, что поведение мужчин и женщин в данных обстоятельствах может отличаться. Разумеется, сами покупатели обоих полов подсознательно фиксируют эту разницу и воспроизводят Сигналы Пола, протискиваясь сквозь толпу, однако им и в голову не приходит анализировать свои телодвижения.

Точно так же большинство людей не знают, что женщины дотрагиваются до своих волос куда чаще, чем мужчины, или что женщины чаще сцепляют кисти рук, или что мужчины чаще женщин складывают руки на груди и обнимаются за плечи, когда идут или стоят рядом. В результате наблюдений за людьми учёные выявили эти и сотни других черт, отличающих мужское поведение от женского. Тем самым наука постепенно приподнимает завесу над тендерными отличиями и Сигналами Пола.

Когда в толпе мужчина и женщина должны пройти друг мимо друга, мужчина обычно разворачивается к женщине лицом, а женщина от него, наоборот, отворачивается. Это правило не абсолютно (см. график — по данным Коллетта и Марша), однако корреляция достаточно высока, и данное отличие вполне можно считать гендерным.

Все это позволяет считать чепухой философию «унисекс», которая стремится ликвидировать любые отличия между женщинами и мужчинами, кроме собственно анатомических. Сложно перестать делать что-то, если ты даже не подозреваешь, что именно ты делаешь. Разумеется, можно уменьшить или свести к нулю множество сознательных, брутально «мужских» или жеманно «женских» украшений и телодвижений. Современный мужчина не охотится, современная женщина зачастую освобождает себя от бремени деторождения. Мир перенаселён и урбанизирован, исчезли условия, вынудившие наших предков разделить на охотников и матерей. Общество приспосабливается к новой ситуации, его структура меняется. Однако наследуемые качества, которые мы выработали за миллион лет эволюции, не могут исчезнуть во мгновение ока. Современный мужчина уже не преследует и не убивает антилоп, однако, превратившись в городского бизнесмена, он продолжает гнаться за символической добычей; современная женщина по-прежнему подчиняется материнским инстинктам. Искусственные Сигналы Пола появляются и исчезают, но тендерные отличия, заложенные в генетическом коде, упрямо сопротивляются прогрессу. Безусловно, однажды они видоизменятся, однако эволюция, в ходе которой перемены произойдут на уровне генов, может занять миллион лет. Пока что «гендерная пропасть» сохраняется, пусть она и стала чуточку меньше. Иначе говоря, мы и в дальнейшем будем наблюдать Сигналы Пола во всей их чарующей сложности каждый день нашей жизни.

САМОИМИТАЦИЯ

Как мы подражаем самим себе, копируя свои же движения

Самоимитацией называется процесс, при котором одна часть человеческого тела копирует движения какой-либо другой его части.

Когда самка обезьяны желает подать эротический сигнал самцу, она выпирает в его сторону ягодицы настолько, насколько это возможно. Ягодичная область у самок гелады ярко-красная, она окружена белыми бугорками; посередине располагается розовая вульва. Если ягодицы у самки краснеют, значит, дело идёт к овуляции и она готова к спариванию; это основной эротический сигнал приматов. На груди у самки гелады имеется свободное от волосного покрова ярко-розовое пятно, также окружённое белыми бугорками. В центре этого пятна расположена имитация вульвы — два алых соска, которые в ходе эволюции приблизились друг к другу и выглядят в точности как ярко-красные половые губы. Когда самка оказывается готовой к спариванию, её грудь краснеет и набухает, и наоборот; таким образом, пятно на груди гелады всегда выглядит так же, как её ягодичная область. Гелады проводят много времени, сидя на земле, и их странная самоимитация помогает самцу, который приближается к самке спереди, понять, готова та к спариванию или нет: для этого самцу достаточно бросить взгляд на её грудь.

Тот же эволюционный процесс имел место и в случае с самками вида *Homo sapiens*. Если бы женщина выставила ягодицы в сторону мужчины настолько, насколько это возможно, мужчина увидел бы розовые половые губы, окружённые двумя большими мясистыми ягодичными полусферами. Временами можно видеть, как женщины, желая подать мужчинам эротический сигнал, поворачиваются к ним ягодицами, но в основном это не более чем игра. Гораздо чаще взрослая сексуально активная женщина поворачивается к мужчине лицом, а не спиной. Как правило, общаясь с другими людьми, мы видим наиболее отчётливо нижнюю сторону их тел — но так как люди, в отличие от большинства приматов, передвигаются на двух ногах, нижняя сторона наших тел превратилась в переднюю, и именно она отвечает в основном за разнообразные сигналы. Совсем неудивительно поэтому, что имитация «генитальных сигналов» обнаруживается на передней стороне женского тела. Розовые половые губы изображаются вывернутыми губами на лице, округлые ягодицы — округлой грудью.

Ряд учёных считает, что относительно толстые губы необходимы представителям нашего вида в младенческом возрасте для сосания груди, однако другие приматы успешно сосут материнскую грудь, не обладая вывернутыми губами. Если сравнить губы у обезьян и людей, человеческие выглядят необычно — они бросаются в глаза именно потому, что вывернуты наружу. Есть мнение, что губы эволюционировали как часть тела, отвечающая за поцелуи, однако обезьяны тоже целуются, а их губы остались невывернутыми. На деле особая форма человеческих губ — сигнал не тактильный, а визуальный. Стоит отметить, что губы на лице, как и половые губы, при сексуальном возбуждении становятся красными и наливаются кровью; и те и другие губы окаймляют расположенное по центру отверстие. Тот факт, что вывернутые губы на лице есть и у мужчин, вовсе не опровергает сказанное. У мужчин есть соски, однако это не значит, что они играют ту же роль, что и соски у женщин.

Если, даже невзирая на эти аргументы, вам трудно согласиться с тем, что розовые губы на лице взрослой женщины имитируют её половые губы, стоит вспомнить о том, что в истории им зачастую отводилась именно эта роль. Много тысяч лет женщины делают губы более красными при помощи помады; «генитальное подражание» лишь подчёркивается осознанным использованием изображений слегка приоткрытого рта в фильмах и рекламных объявлениях. Увлажнение губ и блестящая помада дополнительно намекают на половую смазку. В коммерческой рекламе часто можно видеть женщин, которые подносят к губам объекты фаллической формы.

Переходя от губ к груди, необходимо отметить, что долгое время считалось, будто женская грудь обязана полусферической формой своей функции: это иместилище для молока, и устройство для кормления ребёнка. Данная теория широко распространена, но согласиться с ней трудно. У самок других приматов грудь не является округлой, тем не менее, они успешно кормят ею своих отпрысков. Более того, их грудь распухает (от молока) лишь в период кормления. У взрослых женщин нашего вида грудь становится большой и выпуклой в период полового созревания — и остаётся такой независимо от того, кормят они детей или нет. Форма груди соотносится с половым созреванием, а не с кормлением ребёнка, а значит, эта форма является изначально эротическим, а не «родительским» сигналом. Кроме прочего, округлая грудь создаёт проблемы младенцам: сосать молоко им куда удобнее не из полусферы, снабжённой коротким соском, а из бутылочки с длинным искусственным соском.

Критики теории, согласно которой женская грудь в ходе эволюции стала имитировать ягодицы, говорят, что грудь часто свисает слишком низко и не слишком похожа на округлую ягодичную часть женского тела. Тут, однако, речь идёт о груди женщин, которые миновали свой «эротический пик». Девушка обычно готова к спариванию в возрасте тринадцати лет, однако в современном обществе ей необходимо получить образование, оттого на протяжении длительного времени сексуальность девушек у малеяется. Именно в подростковом возрасте грудь девушки наиболее упруга и округла, и с биологической точки зрения эта фаза её жизни наилучшим образом подходит для эротических сигналов. Неудивительно, что куда более взрослые женщины (за двадцать, тридцать, сорок лет) стремятся создать у окружающих впечатление, будто грудь у них упругая и округлая, при помощи самых разнообразных средств, от бюстгалтеров с подкладками до впрыскиваний силикона. Современный бюстгалтер не только поднимает грудь, но и поддерживает её, благодаря чему грудь принимает форму полусферы и кажется упругой.

Но даже и без этих ухищрений грудь взрослой женщины достаточно походит на округлые ягодицы, чтобы воспроизводить их эротический сигнал. Для того, чтобы эффективно воздействовать на окружающих, подражание не обязано быть точным. Визуально основные качества ягодиц — это их гладкость и округлость, и любая другая часть тела, обладающая этими качествами, будет восприниматься как подающая эротические сигналы. Грудь, даже если она свисает, именно такова (исключение составляют лишь пожилые женщины), то же можно сказать о женских округлых плечах и коленях. Иногда женщины привлекают к плечам внимание, оголяя их и тем самым подчёркивая их полусферичность — или же эротически приподнимая одно плечо (при этом они могут нежно прижаться к округлому плечу щекой). Часто мужчин провоцируют и оголёнными округлыми коленями. Экспертами по привлечению внимания к этим частям женского тела стали фотографы, снимающие девушек для рекламных плакатов или обложек мужских

журналов.

Не так давно эти фотографии сосредоточились на новом объекте генитального подражания. Запечатлевая потягивающуюся модель, они добиваются того, что пупок молодой девушки выглядит не как круглое отверстие, а как вертикальная щель. С точки зрения Самоимитации фотографии стремятся (сознательно или неосознанно) приблизить форму пупка к форме женских половых органов. Это не означает, конечно, что в ходе эволюции пупки приобрели особую форму ввиду генитального подражания. Просто фотографии хотят, чтобы девушки на эротических фотографиях выглядели как можно более сексуально, и добиваются того, чтобы пупок вытягивался по вертикали и больше походил на половые губы. Из 200 случайно выбранных живописных изображений обнажённых женщин в 92 % случаев мы наблюдаем круглый пупок и лишь в 8 % — вертикальный. Если посмотреть теперь на фотографии голых актрис и обложки мужских журналов, окажется, что 54 % пупков круглые, а 46 % — вытянутые. Таким образом, в наше время вытянутые по вертикали, имитирующие влагалище пупки мы видим на изображениях почти в шесть раз чаще.

Генитальное подражание можно наблюдать также в эротической одежде с имитирующими гениталии элементами.

Перейдём теперь от генитального подражания у женщин к таковому у мужчин. Здесь доводы не столь убедительны, хотя свой вклад в копилку предположений о мужской самоимитации вносили в разные эпохи и учёные, и поэты. Полагают, что основным элементом Самоимитации у мужчин является нос. У обезьян-мандрилов действительно нос является ярко выраженным генитальным подражанием. На морде самца мандрилы выделяющийся на фоне выпуклых голубых щёк и желтоватой бороды ярко-красный нос поразительно точно имитирует красный пенис, голубую мошонку и желтоватые волосы вокруг нее. Лицо мужчины тоже до какой-то степени похоже на его гениталии, однако сказать однозначно, что это результат эволюции, мы не можем; не исключено, что данное сходство следует списать на наше символическое мышление. Художники иногда ставят знак равенства между этими частями тела и изображают выступающие мясистые носы похожими на половые члены.

В том же духе иногда воспринимаются и другие части лица мужчины. Круглый кончик носа представляется имитацией головки пениса, ямочка на нем (если она есть) — имитацией мочеиспускательного канала. Крылья носа уподобляют мошонке, в то время как большие ноздри символизируют «фаллическую угрозу». В качестве довода за подобную интерпретацию приводится следующее наблюдение: у женщин и детей нос маленький, в то время как у мужчин он, как правило, большой и бросается в глаза. Кроме того, волосы на лице мужчины, от бровей до бороды, более густые и грубые, чем на голове, выются больше и напоминают волосы на лобке, таким образом, волосяной покров на мужском лице тоже имитирует таковой в области гениталий. В числе генитальных подражаний упоминается и раздвоенный подбородок.

Вполне возможно, что в процессе эволюции мужское лицо в какой-то мере изменилось и стало похожим на гениталии; в результате при общении лицом к лицу с мужчиной «фаллическая угроза» может исходить от его головы. Среди приматов фаллические угрозы распространены, и если исходить из поведения ближайших родственников людей, такая самоимитация уже не покажется чем-то необычным. Но даже если отвергнуть участие эволюции, нельзя не признать, что генитальное подражание у мужчин неоднократно подчёркивалось в различных культурах.

Среди других примеров генитального подражания — высунутый язык как имитация полового члена и палец или кулак как замена эрегированному пенису. Подобные фаллические знаки выражают, как правило, угрозу или оскорбление. Нельзя не упомянуть и об имитирующих эрегированный пенис и лобковые волосы деталях мужского костюма, таких, как гульфик и спорран (кожаная сумка, отделанная мехом).

Третий тип Самоимитации — это подражание младенцам. Лицо взрослой женщины больше похоже на детское, чем лицо взрослого мужчины. Есть теория, согласно которой женщины обрели такие лица в ходе эволюции, поскольку им нужно было пробуждать в мужчинах родительские чувства. Точно так же бритьё мужчин, кроме всего прочего, можно интерпретировать как попытку заглушить сигналы уверенности в себе и мужественности. Чисто выбритый мужчина в каком-то смысле похож на ребёнка. Приближающийся к пубертатному возрасту мальчик с нетерпением ждёт момента, когда на его подбородке вырастут первые волосы, но как только они появляются, он тут же сбривает их и возвращается к «голому» лицу.

Жаркие споры разгораются по поводу облысения. Две группы учёных объясняют этот генетически контролируемый процесс совершенно по-разному. Одни считают, что это ещё один пример подражания младенцам. Младенцы, как правило, рождаются без волос на голове. Голова взрослого человека покрыта волосным покровом. Старость мужчина зачастую встречает без волос, таким образом, он становится похож на младенца. Лысину пожилого мужчины можно рассматривать как сигнал, задача которого — пробудить родительские чувства к старым и немощным людям. Сегодня многие лысые мужчины не желают, чтобы их считали нуждающимися в поддержке «стариками», но это случается лишь потому, что продолжительность жизни по сравнению с первобытной эпохой неимоверно увеличилась.

Противники этой теории приводят весомый довод: старые мужчины лысеют, но не теряют своих бород. Борода — самый яркий из всех «мужественных» сигналов, она должна была исчезнуть прежде волос на голове. Однако она упрямо растёт до самой смерти, сводя на нет сигнал, подаваемый абсолютно лысой, как у младенца, головой. Действительно, чисто выбритые головы (а-ля Уинстон Черчилль) очень похожи на головы младенцев и могут вызвать тёплые родительские чувства, но вряд ли лысина появилась в процессе эволюции именно по этой причине.

Впрочем, другая теория тоже не слишком убедительна. Она гласит: лысая голова позволяет взрослому мужчине выразительнее продемонстрировать гнев и доминирование — в гневе к коже головы приливает кровь, и она краснеет. Чем больше безволосой кожи на голове у разозлившегося мужчины, тем больший страх вызывает он у оппонентов. Это объяснение так же неправдоподобно, как первое. Устрашать соперников мужчине требуется в молодости, когда его голова покрыта волосами. В итоге ответить на вопрос, является мужское облысение всего лишь сигналом Пола или имеет ещё какую-либо ценность, мы пока что не можем.

Ещё один пример Самоимитации у людей — это ареола, окрашенная коричневым или розовым пигментом участок кожи, окружающий сосок как у мужчин, так и у женщин. Никто не смог объяснить, зачем людям нужны эти кружки. Они очень похожи на два глаза; создается впечатление, что туловище хочет казаться издали лицом какого-то огромного зверя. Подобным образом — и весьма эффективно — защищают себя ночные бабочки и другие животные. Голодный хищник видит маленькую вкусную пищу, но тут бабочка расправляет крылья с «глазами», и хищник ретируется. Большие «глаза» на крыльях пугают хищников

потому, что кажутся глазами какого-то другого животного с телом в сто раз больше, чем у бабочки. На расстоянии тело стоящего человека тоже имеет некоторое сходство с огромной головой. С точки зрения потенциального хищника кружки около сосков могут быть глазами, а туловище — мордой зверя; пупок в этом случае видится носом, гениталии — пастью. Это любопытное подражание подметил, по крайней мере, один художник-сюрреалист, однако вряд ли возможно объяснить, таким образом возникновение ареол у представителей нашего вида. Куда более вероятно, что эти кружки — всего лишь «увеличители» сосков, призванные убедить посторонних в том, что человек обладает сосками огромного размера. Но зачем мужчинам и женщинам обманывать друг друга подобным образом — опять же загадка.

Эротические Сигналы нужны для четырёх действий: найти партнёра, выбрать партнёра, возбудить партнёра и сблизиться с партнёром.

Во-первых, партнёра надо найти. Пройдя через половое созревание, человек начинает испытывать потребность в некоторых видах действий. В дополнение к предустановленным событиям вроде танцев и вечеринок подростки обоих полов «выходят на охоту», сбежав из-под надзора родителей. В прежние времена, когда отпрыскам подбирали пару без их согласия (по экономическим причинам или ввиду социального статуса), эту потребность ограничивали и контролировали дуэньи, они же компаньонки.

В современном мире молодые парни или девушки, не имеющие партнёра, собираются вместе и демонстрируют себя окружающим во время «прогулки», совмещающей гуляние и выставление себя напоказ. Молодые девушки гуляют вместе, часто рука об руку, они никуда не торопятся и притворяются, будто не замечают парней, которые сидят и смотрят на девушек или следуют за ними на расстоянии. Девушки хотят выглядеть застенчивыми, при этом они хихикают, прикрывают лицо руками, шепчутся и перебрасываются шутками. Парни стараются выглядеть грубыми, делают вид, что не замечают девушек, сидят развалясь, раскидывают ноги в стороны, словно демонстрируя свою промежность, или окликают девушек — агрессивно, иногда язвительно. Мальчики и девочки объединяются в группы. От индивида, который решает отделиться от своей группы и примкнуть к группе другого пола, требуется изрядная смелость. В процессе такого «общения» и производится выбор партнёра. Обычно настоящее общение начинается позже, в более интимной обстановке и без участия третьих лиц.

Предустановленное событие, например, танцы, ускоряет этот процесс, поскольку у обеих сторон появляется повод к общению с представителем другого пола. Тем не менее, и на молодёжных танцплощадках парни и девушки кучкуются отдельно, высматривая себе партнёра издали.

Многие подростки не испытывают проблем с нахождением партнёра, поскольку учатся вместе с представителями другого пола или работают в смешанных коллективах. Парни и девушки неизбежно проводят время вместе и вынуждены общаться. Несмотря на это, танцы, вечеринки и прочие увеселительные мероприятия популярны как никогда — на них собирается больше людей, соответственно, вероятность успешно выбрать партнёра увеличивается.

Выбор партнёра зависит от многих факторов. Физическая привлекательность, безусловно, важна, свою роль играют и Сигналы Пола, однако не менее важно поведение индивида. Есть множество малозаметных знаков, по которым один человек понимает, что нравится другому человеку. Одни очевидны, другие нет, но все они в равной степени значимы. Так, человек может смотреть в глаза другому более пристально, чем обычно; еле заметно прикасаться к нему, например, дотрагиваться рукой до его тела; приближаться к другому на меньшее, чем принято, расстояние; улыбаться шире, чуть приоткрыв при этом рот и оглядывая тело другого; энергично кивать в знак согласия; сидеть напротив с «открытым»

телом (иначе говоря, не подавая сигналов защиты тела); во время разговора жестикулировать бодрее; часто бросать взгляды на другого человека, проверять его реакцию чаще, чем обычно (глаза при этом вытаращены, брови подняты); чаще высовывать язык и увлажнять им губы.

Сознательно или бессознательно партнёр определяет по этим знакам, что нравится другому человеку. Речь при этом тоже обретает особые характеристики. В частности, в процессе обмена информацией идёт поиск общих увлечений, пристрастий или антипатий. Зачастую, если партнёр физически привлекателен, человек упирает на общие пристрастия и стремится избежать словесной конфронтации. На заданный вопрос немедленно следует утвердительный ответ, который может быть лжив, но зато помогает двум людям сблизиться. Если, однако, человек слишком часто подавляет в себе несогласие со словами партнёра, он может, в конце концов, отвергнуть его, невзирая на физическое влечение.

В процессе выбора партнёра можно наблюдать специфические эротические демонстрации, такие, как танец: через сложные телодвижения потенциальный партнёр подчёркивает свои Сигналы Пола и личные качества. Кроме того, партнёр может совершать движения, свидетельствующие о его намерениях сексуального характера, и подаёт знаки, имитирующие спаривание. Танцевальные действия весьма разнообразны: партнёры могут сходиться и расходиться (народные танцы), практически обнимать друг друга (бальные танцы) и имитировать спаривание, энергично двигая бёдрами (современные молодёжные танцы). В последнем случае женщина оказывается в невыгодном положении — в процессе совокупления бёдрами двигает обычно мужчина. Некоторые женщины решают эту проблему просто: на танцплощадке они имитируют «мужские» движения, совершая энергичные тычки тазом в сторону партнёра.

Танец живота появился в иных обстоятельствах. Он родился из движений, которые девушки из гарема совершали, ублажая своих почти неподвижных хозяев: женщина вращает тазом, стремясь довести престарелого мужчину до оргазма так, чтобы самому ему не пришлось даже двинуть бёдрами. В результате танец живота смотрится куда эротичнее, чем любой другой танец, исполняемый женщиной.

Как только мужчина и женщина понимают, что нравятся друг другу, они начинают усиленно предаваться телесным ласкам. Обычно партнёры не переходят от знакомства к спариванию сразу; исключение составляет особый случай — проституция. Постепенно увеличивая количество и интенсивность ласк, партнёры оставляют за собой право отказаться от ухаживаний на любом этапе отношений.

Если отношения партнёров протекают не слишком гладко, они могут расстаться задолго до того, как достигнут стадии, на которой возможны оплодотворение и беременность. Появление новых способов контрацепции, однако, снизило вероятность оплодотворения настолько, что ухаживания, ранее длившиеся неделями и месяцами, теперь длятся несколько минут. Но даже в эпоху противозачаточных таблеток большинство людей не стремится переходить к сексуальному акту немедленно после знакомства. Предварительные отношения дают нам время, необходимое для того, чтобы вынести о партнёре взвешенные суждения, в то время как яркое эмоциональное переживание двойного оргазма объективности не способствует. Совместное наслаждение воздействует на партнёров столь сильно, что может сблизить двух совершенно не подходящих друг другу людей, которые не сошлись бы, будь у них достаточно времени для изучения партнёра до сексуального акта.

Возрастающее количество ласк — Сексуальный Цикл — варьируется от одной пары к другой.

Как правило, он состоит из следующих стадий:

1) «глаза — тело»: партнёры рассматривают друг друга;

2) «глаза — глаза»: партнёры стремятся встретиться глазами;

3) «голос — голос»: партнёры разговаривают друг с другом, обмениваются информацией о себе и своём мировоззрении;

4) «рука — рука»: партнёры впервые касаются друг друга, часто маскируя это действие под «помощь» того или иного рода — мужчина помогает женщине снять или надеть пальто, замедляя в процессе свои движения, один партнёр берет другого за руку, чтобы повести за собой по улице;

5) «рука — плечо»: партнёры соприкасаются телами, вновь используя какую-нибудь уловку;

6) «рука — талия»: ещё более интимное действие, рука мужчины при этом приближается к половым органам женщины;

7) «рот — рот»: поцелуй — первое серьёзное интимное действие, возбуждающее партнёров; долгий поцелуй может привести к выделению секрета из женских половых органов и эрекции пениса;

8) «рука — голова»: поцелуи сопровождаются ласками, руки исследуют лицо партнёра и его голову;

9) «рука — тело»: руки начинают исследовать поверхность тела партнёра, нежно его поглаживая; когда эта стадия пройдена, ухаживание достигает этапа, за которым партнёры совокупляются, и высоки шансы, что они возбудятся настолько, что совокупление пройдёт успешно;

10) «рот — грудь»: укрывшись от посторонних глаз и разоблачившись, партнёры исследуют ртами обнажённые тела друг друга; на этой стадии они обстоятельно обнимаются, и, в частности, губы мужчины касаются груди женщины;

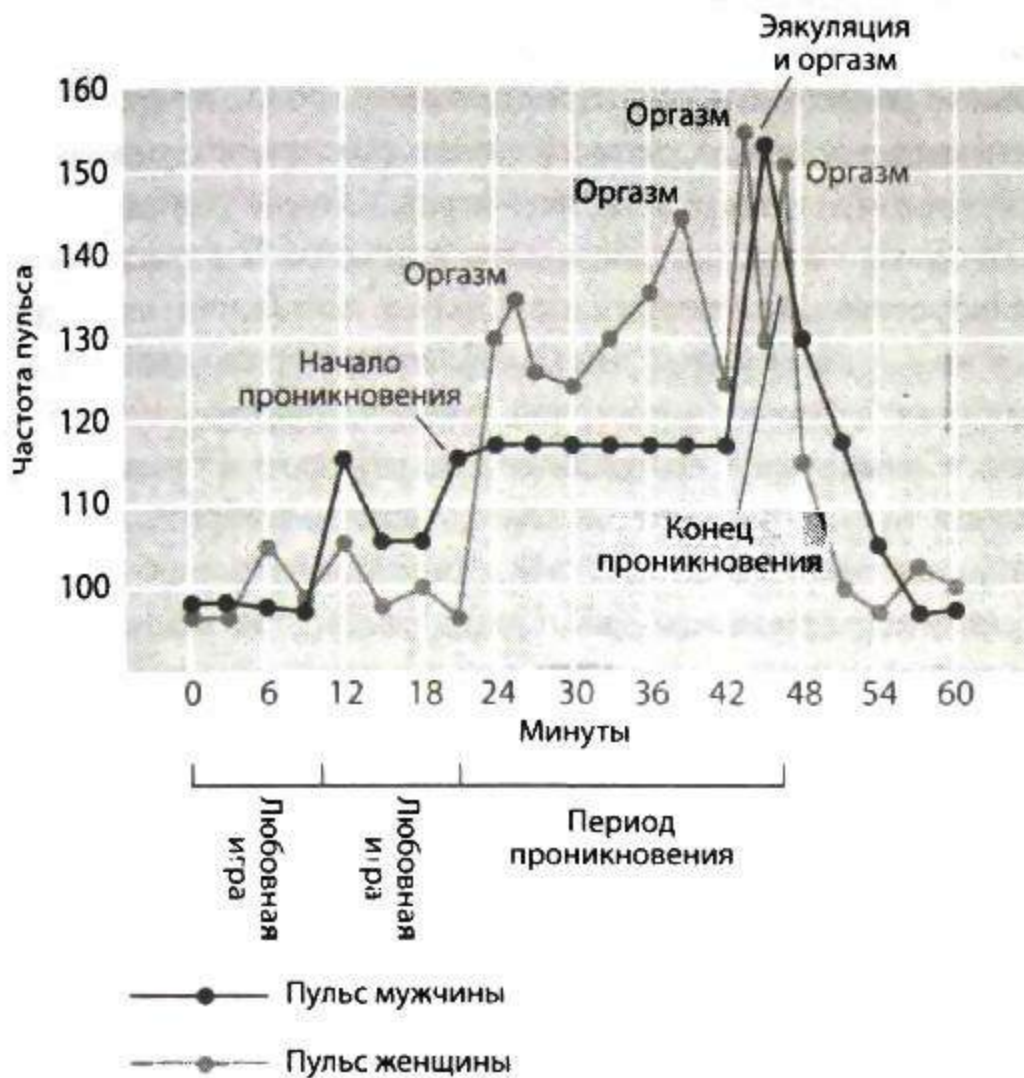
11) «рука — гениталии»: наконец, руки партнёров достигают генитальной области, лаская и стимулируя; к этому времени гениталии мужчины и женщины возбуждены и готовы к проникновению;

12) «гениталии — гениталии»: мужские гениталии проникают в женские, и мужчина энергично двигает бедрами, пока не достигает оргазма.

Разумеется, цикл сексуального поведения может меняться. Предварительные действия могут быть сокращены или вовсе исключены, особенно в тех случаях, когда партнёры хорошо знают друг друга и неоднократно спаривались раньше. Иногда они даже не ждут возбуждения женщины и используют какую-нибудь искусственную смазку.

Изменения в цикле могут быть связаны с условностями, диктуемыми обществом. Ритуал «поцелуя на ночь» сделал возможным поцелуи уже на ранней стадии ухаживаний, а приглашение на танец позволило мужчине обнимать женщину даже до того, как между ними завязалась беседа. Генитальный контакт между пуритански настроенными людьми может произойти и без предварительных ласк, возбуждающих партнёров. В некоторых случаях такие партнёры вообще не ласкают друг друга, сведя сексуальный контакт к абсолютному минимуму, необходимому для продолжения рода.

С другой стороны, Сексуальный Цикл может быть весьма обстоятельным в том случае, когда партнёры ощущают себя раскованно. К списку возбуждающих действий может добавиться орально-генитальная стимуляция, а также множество иных ухищрений, включая совокупление в разнообразных позах и в различных обстоятельствах.

В процессе совокупления как у мужчин, так и у женщин резко меняется частота пульса. Во время любовной игры частота пульса мужчины медленно повышается; затем, в момент проникновения, она выходит на плато и достигает пика — 150 ударов в минуту — в момент эякуляции. Частота пульса женщины меняется похожим образом, но в момент проникновения её сердце бьется сильнее сердца мужчины, кроме того, пульс скачет по мере того, как женщину накрывают волны оргазма (по Форду и Баху).

Некоторые люди считают, что подобные ухищрения «неестественны», а сексуальное поведение, выходящее за рамки необходимости продолжения рода, неправильно. Развивая эту мысль, можно также сказать, что любые искусственные способы контрацепции тоже неправильны, поскольку позволяют заниматься сексом без риска оплодотворения. Эта теория не только ошибочна применительно к нашему виду, она вдобавок и вредна, потому что не берет в расчёт четвёртую главную функцию Эротических Сигналов — сближение с партнёром. Всякая сексуальная игра позволяет не только найти, выбрать и возбудить партнёра, а также синхронизировать возбуждение женщины и мужчины настолько, чтобы они испытали совместный оргазм, но и упрочивает чувства, которые партнёры испытывают друг к другу. Без этих чувств они не смогут стать единой семьей и совместно выполнять родительские функции.

Родители несут очень тяжёлую ношу, ибо человеческое потомство весьма требовательно. Как и животные других видов, сталкивающиеся со схожими проблемами, люди предлагают друг другу взаимовыручку и поддержку. Мужчина и женщина действуют как родители сообщества. Вместе отец и мать могут вырастить потомство, которое они произвели на свет.

Если ребёнка воспитывает только мать, её нагрузка становится непомерно большой. Наслаждение, которое партнёры испытывают в ходе замысловатых эротических игр, укрепляет их любовь и взаимное влечение.

Пуританин ответил бы на это, что паре должно быть достаточно любви от сексуального акта, направленного на продолжение рода, а прочие эротические стимулы совершенно излишни. Биология, однако, свидетельствует об обратном. У других видов приматов в период овуляции наблюдается короткий период сексуального возбуждения. Раз в месяц, когда из яичника обезьяны выходит яйцеклетка, поведение и внешность самки меняются. Её область гениталий распухает и краснеет, самка становится привлекательной для самцов из своей группы (и привлекает их сама). В остальное время, когда самка не может зачать потомство, она таковой не является. Иными словами, обезьяны становятся сексуально активными исключительно в тот период, когда они могут продолжить род. Несколько упрощая, мы можем сказать, что таково отношение к сексу у ближайших родственников нашего вида.

Если посмотреть теперь на людей, станет очевидно, что мы ведем себя по-другому. Женщина остается сексуально привлекательной в продолжение всего месячного цикла, независимо от того, способна она к оплодотворению или нет. В самом деле, как бы мужчина ни пытался, он не в состоянии определить по внешним признакам, способна ли женщина, с которой он совокупляется, зачать ребёнка. Лишь ведя календарь менструаций женщины или постоянно измеряя термометром температуру её тела, мужчина может быть уверенным в том, что совокупление с большой вероятностью приведет к зачатию. Иначе говоря, у представителей нашего вида сексуальная активность в какой-то момент перестала быть связанной с овуляцией. Потенциально женщина в любой момент способна возбудиться сама и возбудить своего партнёра. Сигналы, подаваемые её телом (округлые ягодицы и грудь), никак не зависят от её месячного цикла. Они остаются одними и теми же на протяжении многих лет, более того, женщина остается сексуально активной во время беременности, кормления и даже после менопаузы. Эта активность не наблюдается лишь в короткие периоды до и после рождения ребёнка.

Отсюда видно, что одной из главных функций сексуальной активности для нашего вида является сближение с партнёром, и любой моральный кодекс, требующий сдерживать спонтанные эротические сигналы, которые один партнёр подаёт другому, представляет опасность для успешной семейной жизни. Особенно заметно это на примере отношения некоторых «умников» к женскому оргазму. Поскольку женский оргазм не обязателен для успешного зачатия ребёнка, его часто считают не более чем «стремлением к излишним удовольствиям». На деле женский оргазм — это уникальное свойство нашего вида, приобретенное в процессе эволюции и гарантирующее — при не скованных догмами отношениях — взаимные переживания ярчайших эмоций обоими партнёрами, которые в результате привязываются друг к другу ещё крепче. Самки обезьян не испытывают всепоглощающего возбуждения, ведущего к оргазму, и, в отличие от женщин, обычно не формируют сколь-нибудь устойчивые союзы. Кроме того, они не получают наслаждения от предваряющих спаривание длительных ласк. Когда говорят, что люди — «самые сексуальные из всех приматов», эти слова описывают не современный взгляд на секс. На самом деле это описание биологической сущности человека разумного.

Если в плане сексуального развития мы опередили остальных приматов, стоит задаться вопросом, почему это произошло. Ответ таков: по преимуществу эротические контакты между взрослыми берут начало в раннем детстве, то есть в том возрасте, когда мы близки со

своими родителями. Дети и родители также связаны любовью, которая проявляется в объятиях, ласках, поцелуях и поглаживаниях. По мере того как мы растем, мы подаём подобные сигналы всё меньше. Затем в жизни подростка наступает момент, когда он решает вырваться из-под опеки родителей и начинает сопротивляться их «сюсюканью». Освободившись от родительской заботы, подросток готов к половому созреванию во всех смыслах. После пубертатного периода он вновь вступает в мир любви и телесной близости, на этот раз — с будущим партнёром. Полузабытые сигналы из детства возвращаются, партнёры вновь дотрагиваются друг до друга, заключают друг друга в объятия, становятся всё смелее, пока не оказываются обнажёнными наедине — и не возвращаются к той близости, которую ощущали, когда были младенцами на руках у матери.

Фрейдистская концепция младенческой сексуальности перевернула этот процесс с ног на голову. Фрейдисты считают, что телесные контакты матери и младенца есть раннее проявление взрослой сексуальности, в то время как на самом деле всё наоборот: телесные контакты взрослых обусловлены их воспоминаниями о собственном младенчестве. Мать и младенец становятся близки потому, что они всегда вместе, то же происходит с молодыми любовниками, совершающими действия, которые означают для них любовь и заботу. Фрейдистская теория причинила обществу ужасный вред: поверившие в неё родители испытывают чувство вины за то, что обнимают своих детей и навязывают им физические проявления любви. Но если ребёнок не привыкнет к таким проявлениям и не усвоит этот урок, впоследствии, когда он повзрослеет, ему не так просто будет постичь важность физической близости для собственных сексуальных отношений. Если наше детство наполнено любовью, ею будет наполнена и наша взрослая жизнь, а значит, мы будем готовы создать крепкую семью, фундаментом которой станет не стеснённая ничем сексуальность.

РОДИТЕЛЬСКИЕ СИГНАЛЫ

Забота, любовь и безопасность, даруемые отцом и матерью

Родительские Сигналы всегда обещают ребёнку заботу и защиту — за исключением тех случаев, когда ему не повезло с родителями.

Для ребёнка нет более защищённого места, чем материнская утроба. На поздних стадиях беременности ребёнок воспринимает и прикосновения, и звуки. Его зрение, обоняние и осязание по-прежнему бесполезны, однако он чувствует уютные объятия маточных стенок, тепло материнского тела, слышит биение сердца матери — семьдесят два удара в минуту. Таковы первые впечатления, которые ребёнок получает от внешнего мира, и они остаются с ним навсегда. Даже если после родов мать не любит ребёнка, она уже подарила ему, по меньшей мере, три сигнала родительской заботы. Для каждого из нас тепло, объятия и биение сердца всегда будут означать уют и безопасность.

Когда ребёнок рождается, он переживает внезапную утрату этих жизненно важных сигналов. Как правило, он извергается из тела матери в яркий свет, и его тут же атакуют металлическое позвякивание медицинских инструментов, неожиданный холод, отсутствие контакта с поверхностью; младенца могут даже перевернуть вниз головой и шлёпнуть, чтобы он сделал первый вдох. Неудивительно, что в ответ на такое обращение ребёнок первым делом испускает панический крик. По некой необъяснимой причине присутствующие взрослые, услышав этот вызванный стрессом крик, гордо улыбаются. Эту ситуацию, притворно называемую «нормальный родовой процесс», в какой-то мере можно уподобить первобытному ритуалу инициации.

И только когда ребёнок, завернутый в тёплую мягкую ткань, оказывается на руках у матери, близ её сердца, он вновь обретает утраченные было сигналы уюта. Он опять ощущает тепло и материнское тело, он слышит столь знакомое биение сердца. На деле младенцу вовсе не обязательно ждать, пока взрослые соблаговолят обеспечить его всеми этими условиями после долгих мгновений боли и мучений. Недавно во Франции была разработана техника родов, позволяющая сделать первые минуты жизни новорожденного куда более щадящими. Когда ребёнок движется по родовым путям, свет в помещении приглушается, шумы сводятся к минимуму, а телесный контакт младенца и матери не прерывается. Руки врача бережно принимают ребёнка и кладут его на материнский живот так, чтобы тело младенца всё время соприкасалось с тёплой кожей. Если роды прошли без осложнений, младенец лежит на животе матери до тех пор, пока не начинает дышать самостоятельно. Затем ребёнка очень осторожно перекадывают на руки матери, и она прижимает его к груди. Младенца заворачивают в тёплую ткань, и он слушает материнское сердце, успокаиваясь после шока силового извержения из утробы. Только после этого настает черёд других забот.

Наблюдать за такими родами удивительно, поскольку младенец не кричит и не корчится. Его не заставляют дышать — он сам делает вдох, когда становится к этому готов. Его не моют и не чистят, пока он не оправится от родового шока. Пуповину не обрезают до тех пор, пока она не перестает функционировать. Сразу после рождения младенец продолжает соприкасаться с материнским телом: в ключевой момент Родительские Сигналы не пропадают вгуне.

Повезло младенцу появиться на свет таким способом или не повезло, вскоре он умиротворённо засыпает. Когда ребёнок не спит, он вправе рассчитывать на то, что мать будет держать его на руках, и так будет продолжаться ещё много недель, а то и месяцев. Держать младенца на руках можно по-разному. Мать, которая спокойна, избегает стрессов и интуитивно прижимает младенца к телу, поступает правильно. Матери, которая просто держит ребёнка и не обнимает его, ещё есть чему учиться.

В дополнение к материнским объятиям ребёнка ритмично баюкают, воркуют над ним и напевают ему песенки. Эти нежные звуки призваны успокоить младенца, а качание имитирует важный сигнал, который он получал, находясь в животе матери, — биение её сердца. На первый взгляд, баюкание ребёнка похоже скорее на покачивание плода в утробе при движении матери, но эта аналогия неверна. Частота, с которой качают ребёнка, меньше средней частоты шагов женщины. Обычно матери баюкают детей, неосознанно ориентируясь на свой пульс. Когда в ходе эксперимента люльки качали с разной частотой, выяснилось, что слишком быстрое или слишком медленное качание младенцев не успокаивает, зато они почти моментально перестают плакать и отлично себя чувствуют при 60–70 качаниях в минуту. Похоже, средняя частота сердцебиения — 72 удара в минуту — может воздействовать на ребёнка не только в виде звука, но и в виде движения.

Но и звук бьющегося сердца более чем значим. Наблюдения за матерями, которые держат детей на руках, показали, что 80 % матерей интуитивно качают ребёнка левой рукой, держа его ближе к сердцу, причем неважно, правша женщина или левша — 78 % матерей-левшей поступают так же. На 373 из 466 полотен, изображающих кормящих матерей, включая Богоматерь с младенцем, можно наблюдать ту же картину (что дает нам те же 80 %).

К участию в другом эксперименте привлекли детей в «грудничковом» отделении больницы: им ставили записи сердцебиения матерей с целью узнать, воздействуют ли они на младенцев как колыбельная. Результат удивил учёных: ор младенцев стал, по крайней мере, вдвое тише! Тот же эксперимент проделали с детьми в возрасте от 16 до 23 месяцев. Целью эксперимента было установить, как скоро ребёнок засыпает при тех или иных звуках. В среднем дети засыпали: в тишине — через 46 минут; под метроном, отбивающий 72 удара в минуту, — через 49 минут; под запись колыбельной — через 49 минут; при записи бьющегося сердца матери — всего через 23 минуты.

Звук сердцебиения определённо является для ребёнка успокаивающим сигналом. Неудивительно, что метроном ему проигрывает: надо думать, ребенку важна не только частота, но и «мягкость» того особенного звука, с которым бьётся сердце. Возможно, именно по этой причине мы, повзрослев, с таким наслаждением вслушиваемся в ритмичные партии бас-барабана, звучащего во множестве популярных песен. Наиболее приятные для слуха мелодии сравнительно медленны, их ритм примерно совпадает с сердечным, и вряд ли случайно слово «сердце» встречается в текстах романтических песен столь часто. Когда ритм песни быстрее ритма спокойно бьющегося сердца, музыка уже не успокаивает — она будоражит и перестаёт быть музыкой для влюблённых сердец.

Есть ещё один Родительский Сигнал, который «аукается» нам во взрослой жизни, но он, в отличие от предыдущего, может стать источником вредных привычек. Речь идет о сосании груди. Во время кормления мать подносит тёплый сосок груди ко рту младенца, и тот энергично сосёт сладкое молоко. Сосок (или соска) и молоко становятся для ребёнка сигналами заботы. Взрослея, мы в поисках успокоения начинаем воспроизводить это младенческое действие. Мы можем посасывать что-то тёплое (сигарету, трубку, сигару), есть

или пить что-нибудь сладкое (конфету, шоколадку, сладкий напиток, другие продукты, содержащие сахар). Однако те из нас, кто предаётся этим успокаивающим занятиям слишком часто, в итоге сталкиваются с большими проблемами: их лёгкие чернеют от никотина, их тела полнеют.

В дополнение к убаюкиванию, кормлению, обниманию и согреванию матери холят и лелеют младенцев и другими способами. Они их ласкают, нежат, моют, чистят, гладят и пошлепывают. При этом матери смотрят на детей любящими глазами и улыбаются. В первые пять месяцев жизни мы не обращаем внимания на то, кто именно о нас заботится, однако впоследствии мы становимся разборчивыми. Все здоровые годовалые дети начинают узнавать своих матерей и видеть не просто дружескую улыбку, но дружескую улыбку конкретного человека. С этого времени ребёнок привязывается к матери, и эта привязанность усиливается с каждым днём. Позднее ребёнок, оказавшийся в беде, будет бежать именно к матери, поскольку мать для него — олицетворение безопасности, защиты, уюта и помощи. Ребёнок может делать вылазки в удивительный незнакомый мир, но в итоге он вернётся к своей родительнице.

Пройдут годы, и ребёнок обнаружит, что он или мальчик, или девочка, и что у него есть два родителя: один — того же пола, второй — другого. Постепенно мальчик станет подражать (подсознательно, разумеется) отцу, а девочка — матери. Ребёнок с готовностью учится у обоих родителей и копирует и отца, и мать, однако имитация поведения родителя того же пола со временем начинает доминировать. На этом этапе Родительские Сигналы, которые воспроизводит ребёнок, — это уже не просто телодвижения и работа руками, тон голоса и особенности походки, характерные позы и действия. Теперь ребёнок добивается куда более тонкого сходства, он копирует эмоциональный баланс и ритм, восторженность и пессимизм, мотивацию и моральный выбор.

К подростковому возрасту дети, которым повезло с любящими родителями, как правило, начинают вести себя как они. Много лет они интуитивно подражают ближайшим родственникам и в результате словно вбирают в себя — на уровне подсознания — их особенности и качества. На первый взгляд, поведение ребёнка может сильно отличаться от поведения его родителей, и в подростковом возрасте эти отличия часто принимаются за «тинейджерский бунт». Психологический механизм, обуславливающий стремление детей «покинуть гнездо», очень важен для юношей и девушек, зачастую им кажется, что они совершенно непохожи на старшее поколение, особенно на своих родителей. На самом деле всё по-другому: если копнуть глубже, окажется, что все Родительские Знаки оставили на детях свой отпечаток и как следует отложились в развивающемся сознании. Рано или поздно они проявят себя в сотне различных форм. Самое важное из этих проявлений — отношение детей, которые однажды сами станут родителями, к собственным отпрыскам.

Как родители подают потомству сигналы заботы и защиты, так и дети подают сигналы, стимулирующие родителей дарить им ласку и любовь.

Уже сам вид младенца является мощным стимулом, порождающим бурный поток родительских эмоций. В особенности важна тут конфигурация лица. Если сравнить пропорции лица взрослого с пропорциями более плоского лица младенца, окажется, что последнее шире от уха до уха; глаза у младенца больше и расположены почти на одном уровне с носом; ноздри — более широкие; лоб — больше по размеру и более выпуклый; нос — меньше и выступает не так сильно. Кожа у младенца более гладкая и эластичная, щёки — круглее и мясистее, шея — более короткая. Его голова больше по отношению к телу, которое обычно более округло. Ручки и ножки у младенца — более короткие, все его телодвижения обычно неуклюжи.

Эти Детские Сигналы вкуче с крошечностью младенца вызывают шквал эмоций и у матери, и у отца, заставляя их улыбаться ребёнку, ласкать и обнимать его и всячески заботиться об объекте, подающем эти сигналы. В самом деле, родители реагируют на младенца столь бурно, что те же эмоции вызывают у них и другие объекты, схожие с ребёнком. Их умиляют домашние животные, куклы, игрушки, а также персонажи комиксов с большими глазами, плоскими лицами и округлыми телами. Создатели комиксов и игрушек эксплуатируют подобные реакции, подчёркивая упомянутые характеристики и предлагая покупателям всё более инфантильные образы. Кроме того, взрослые с широкими и плоскими лицами и большими глазами часто вызывают ту же подсознательную реакцию. Вот почему девушки-«кошечки» нравятся мужчинам больше, чем взрослые женщины. Отчасти по той же причине женщина, которая желает привлечь мужчину, делает свою кожу более гладкой при помощи косметики и надувает щёчки и губки.

Форма тела является важнейшим визуальным сигналом, но одной анатомией дело не обходится. Для того, чтобы родители любили своё чадо и уделяли ему как можно больше времени, младенец подаёт и другие Детские Сигналы. Главных сигналов три: это плач, улыбка и смех, именно в таком порядке. Ребёнок начинает плакать, едва родившись, улыбается в возрасте пяти недель и смеётся, когда ему пошёл четвёртый или пятый месяц. Другие животные тоже плачут, когда им больно или страшно, а вот улыбка и смех — это сигналы, характерные только для нашего вида. Есть и ещё одно отличие: как только ребёнок ощущает родительское внимание, плач прекращается, и ребёнок, наоборот, начинает улыбаться и смеяться. Плач привлекает родителя к ребёнку, улыбка и смех его удерживают.

Когда человек плачет, его мышцы заметно напрягаются, кожа краснеет, глаза увлажняются, рот открывается, уголки губ оттягиваются назад, дыхание становится глубже, выдохи — резче. У младенца вдобавок начинают трястись ручки и ножки; дети постарше в такие моменты бегут к родителю и льнут к его телу. К визуальным элементам добавляются характерный пронзительный визг, поразительно похожий на те звуки, которые мы издаем, когда нас разбирает смех, недаром человек, против собственного желания корчащийся от смеха, может сказать потом, что он «смеялся до слез». Такое сходство — не случайность.

Несмотря на то, что плачу и смеху сопутствуют совершенно разные субъективные переживания, по своей природе они, насколько можно судить, очень похожи. Вероятно, некогда смех был вторичным сигналом, развившимся из плача. Младенец начинает смеяться примерно в том же возрасте, когда он начинает узнавать свою мать. Говорят, что умный ребёнок хорошо знает своего отца, а веселый ребёнок хорошо знает свою мать. Здесь и кроется ответ на вопрос о зарождении смеха. В первые месяцы младенцы могут агукать или плакать, но они не смеются. Они агукуют, когда довольны, и плачут, когда чем-то недовольны. Но как только младенец распознает мать как личную защитницу, он сталкивается с противоречием особого рода. Если мать делает что-то пугающее, например, щекочет его или игриво подбрасывает в воздух, младенец получает двойной сигнал. Он словно говорит себе: «Я испуган, но пугают меня действия человека, который меня защищает, так что беспокоиться не о чем». Это противоречивое ощущение опасности, которая не является опасностью, порождает ответ, который частично является встревоженным плачем, а частично — удовлетворенным агуканьем. В результате рождается то, что мы называем смехом. Выражение лица у младенца при этом такое же, как при плаче (может быть, чуть менее напряженное), издаваемые ребёнком звуки так же ритмичны, но не столь пронзительны.

На этой стадии младенец может сигнализировать своим смехом: «Я очень рад, что то, что кажется опасным, на самом деле не опасно». Теперь мать может играть с ребёнком в новые игры. Она может мягко пугать его, притворяясь, что вот-вот уронит, закрывать и потом открывать своё лицо, корчить ребенку рожицы. Вскоре младенец начинает активно реагировать на эти игры, в нём просыпается игривость, он смеётся, когда мать якобы роняет и в последний момент подхватывает его или ищет и «внезапно» находит. Если, как это часто бывает, родитель заходит слишком далеко и пугает ребёнка чересчур сильно, равновесие между чувством безопасности и страхом смещается в сторону плача, и младенец начинает реветь. Зыбкая граница между смехом и слезами становится более чёткой, когда мы взрослеем, и с возрастом мы теряем способность моментально переходить из одного состояния в другое, что не значит, что эти состояния уже не связаны между собой. Связь между ними лежит в основе большей части типов юмора. Когда мы смеёмся над чем-то, что мы увидели или услышали, как правило, базовый элемент шутки — это странное или шокирующее происшествие, нечто аномальное и оттого слегка пугающее. Но мы не воспринимаем это происшествие всерьёз и смеёмся, как смеётся ребёнок, когда он убегает от матери. Другими словами, смех приятен нам потому, что мы ощущаем, что счастливо избежали некой опасности.

Велико искушение считать улыбку ослабленной формой смеха, однако это ошибка, которой следует избегать. Улыбаться мы начинаем раньше, чем смеяться. Улыбка является отдельным и самоценным Детским Сигналом. Детёныш обезьяны имеет преимущество перед детёнышем человека — он может ощутить, насколько он близок со своей родительницей, вцепившись в её шерсть. Человеческий ребёнок слишком слаб для того, чтобы часами висеть на матери, и в любом случае у неё нет шерсти, в которую можно вцепиться. Младенец должен полагаться на сигналы, которые будут подолгу удерживать мать около него. Её внимание может привлечь оглушительный плач, но нужно что-то ещё, чтобы, раз уж она подошла к младенцу, не дать ей уйти. Это «что-то ещё» — дружеская улыбка.

Изначально улыбка была знаком умиротворения. У злящегося человека губы выпячиваются вперед, у испуганного уголки губ оттягиваются назад. Когда человек

улыбается, уголки его губ оттянуты назад, и в глубокой древности улыбка выражала испуг. Но испуг равен неагрессивности, а неагрессивность равна дружелюбности. Так «нервная улыбка» превратилась в «дружескую улыбку». В процессе превращения она несколько видоизменилась: уголки губ стали оттягиваться не просто назад, но назад и вверх. Изогнутые таким образом губы стали уникальным, свойственным только нашему виду сигналом дружелюбности: улыбкой младенец удерживает возле себя мать, улыбкой взрослый человек демонстрирует окружающим дружелюбие. Мы улыбаемся, желая посочувствовать, поздороваться, извиниться, похвалить кого-либо. Улыбка — самый важный для укрепления связей между людьми сигнал из всех мимических сигналов, какими только располагает человечество.

Поскольку улыбка и смех произошли из комбинации испуга и желания выглядеть привлекательно, они зачастую взаимозаменяемы. Однако бывают обстоятельства, в которых улыбка и смех выполняют разные функции, ввиду чего различие между ними становится очевидным. Например, когда мы приветствуем кого-либо, нас может переполнять радость, но смеяться мы все равно не будем, вместо этого наша обычная улыбка становится «улыбкой до ушей». Обмениваясь с собеседником шутками, мы, напротив, можем быстро перейти от улыбки к громкому смеху.

Становясь старше, ребёнок добавляет в свой репертуар сигналов и враждебные. Начинается всё с реакции отторжения — младенец отворачивается, его ручки и ножки дергаются, он отталкивает или отбрасывает предметы, плачет яростно и с надрывом. В скором времени у младенца уже случаются вспышки раздражения, он дерётся, кусается, царапается и плюётся. В конце концов, ребёнок начинает подавать сигналы прямой угрозы. Он свирепо глядит на родителя, не произнося ни звука, надув губы, нахмутив брови и буравя взглядом «врага». Сжав кулачки, маленький ребёнок намерен не сдаваться без боя и отстаивать свои права. Отношения между ребёнком и родителем меняются, последний уже не может предложить первому абсолютную заботу и защиту. Возникает аспект дисциплины, самоуверенные Детские Сигналы встречают сопротивление, родитель пытается контролировать ребёнка и ограничивать его.

Вскоре ситуация вновь меняется — ребёнок осваивает присущее лишь человеку средство коммуникации, речь. Средний ребёнок в возрасте двух лет знает уже 300 различных слов. К трём годам эта цифра утраивается, к четырём ребёнок знает около 1600 слов. Пятилетний ребёнок оперирует уже двумя тысячами слов и учит новые с поразительной скоростью, соответственно, подаваемые им сигналы становятся всё более разнообразными, а отношения с родителями и окружающими людьми — всё более сложными. Однако, несмотря на овладение этим не имеющим равных средством коммуникации, ребёнок продолжает подавать и прежние визуальные сигналы, более того, они играют в его жизни огромную роль. Ребёнок, научившийся говорить и внятно рассказывать о своём эмоциональном состоянии, всё так же плачет, улыбается и смеётся. Речь добавляет к отношениям между индивидами новое измерение, но это измерение не замещает прежние.

КОНТАКТЫ С ЖИВОТНЫМИ

От хищников до домашних любимцев: отношения людей с другими животными

Человек расценивает другие виды животных очень по-разному. Он смотрит на них как на хищников, жертв, вредителей, помощников и домашних любимцев. Он эксплуатирует их труд, изучает их в лабораториях, любит ими и превращает их в эмблемы и символы. Но прежде всего он борется с животными за жизненное пространство, подчиняет их себе и слишком часто убивает.

С древности человек боялся некоторых видов животных, считая их убийцами. Одних животных — львов, тигров, леопардов, волков, крокодилов, гигантских змей и акул — он представлял себе как яростных людоедов, жадных до человеческой плоти. Других — ядовитых змей, смертоносных пауков и скорпионов, жалящих насекомых — он считал агрессивными отравителями. В любом случае страхи человека преувеличивали исходящую от животных опасность. Ни один из «людоедов» никогда не расценивал людей как главное блюдо. Только в очень редких случаях и при особых обстоятельствах человеческая плоть кажется хищникам вкусным дополнением к основному меню. Охотящиеся на людей большие кошки почти всегда либо ранены, либо больны. Раненый леопард, будучи не в силах гоняться за обычными быстроногими жертвами, может бродить вокруг деревни и время от времени нападать на людей. Когда такое случается, об этом быстро узнают жители деревни — и всем леопардам в округе как потенциальным людоедам грозит смерть. Совершенно несправедливо считается, будто яростными врагами человека являются волки. Есть немало историй о волках, от которых кровь стынет в жилах, но почти все они выдуманы от начала до конца. В одном из американских штатов, где волков боялись все и каждый, любому, кто предоставит доказательства волчьей жестокости, обещали награду в сто долларов; четырнадцать лет подряд на неё никто не претендовал. Однако легенды победили реальность, и волки в итоге оказались на грани вымирания.

Точно так же считается, что ядовитые животные стараются атаковать человека при любой возможности, что опять-таки не соответствует фактам. Ядовитые змеи не нападают на людей просто так, они всегда защищаются. Яд нужен змее для того, чтобы парализовать добычу, которая затем заглатывается целиком. Поскольку на свете нет змей, которые настолько велики, что могут проглотить хотя бы маленького ребёнка, получается, что, нападая на человека, змея тратит драгоценный яд. Змеи жалят людей в отчаянной попытке самозащиты, когда у них нет другого выхода. Тем не менее, люди боятся и ненавидят змей больше всех прочих животных. Встретившись со змеей, человек предпочитает поскорее её убить.

Животные-жертвы тоже пострадали от людей, хоть и по-другому. Люди перестали на них охотиться и превратили их в домашних животных. Когда около десяти тысяч лет назад мы переключились с охоты на земледелие и скотоводство, тех животных, что прежде были нашей желанной добычей, стали одомашнивать, загонять за ограды и закалывать. Под влиянием селекции они изменились.

Поскольку эти животные предназначались нам в пищу, их старались сделать не только более послушными, но и более мясистыми. В результате наше меню резко обеднело. Древние

охотники убивали любое животное, которое им удавалось загнать, и ели самое разное мясо, а скотоводы и их потомки вплоть до сегодняшнего дня ограничили свое меню, сравнительно небольшим числом видов: в основном мы едим коз, овец, свиней, коров, кроликов, кур, гусей и уток. К этому списку одомашненных животных, павших жертвами современного человека, можно добавить, например, фазанов, цесарок, куропаток, индюшек и карпов. Короткие жизни бесчисленного множества этих животных жестко контролируются человеком, в то время как популяции их диких предков в большинстве случаев либо сократились до минимума, либо вообще вымерли.

Куда лучше обстоят дела у животных-вредителей, но и они понесли тяжелый урон. Разнообразные вредители и паразиты не желают сдаваться, однако появление новых программ борьбы с ними, средств гигиены и совершенствование медицинской помощи населению способствуют их постепенному уничтожению. Вредители — единственная группа животных, которой не помогут никакие общества охраны природы.

Животным-помощникам (или симбионтам) повезло, естественно, больше. Их существует несколько типов, и наиболее древний из них — это животные, помогавшие нашим предкам на охоте. Такими помощниками были на заре истории собаки, гепарды, соколы, большие бакланы. Полностью одомашненными стали только собаки. Люди вывели новые, узко специализированные породы собак. Овчарки охраняли стада, гончие выслеживали добычу, сеттеры и пойнтеры её выискивали, спаниели её вынюхивали, ретриверы её находили и убивали, терьеры расправлялись с покушавшимися на домашних животных хищниками, мастифы охраняли своих хозяев. Собаки — единственные симбионты, которых человечество эксплуатирует самым бесстыдным образом. Есть даже порода, выведенная специально для обогрева человеческого тела: мексиканских голых собак с очень тёплой кожей индейцы Нового Света использовали в холодные ночи в качестве грелки. Кроме того, есть собаки, которые находят мины и наркотики, собаки-спасатели, полицейские собаки, собаки-поводыри для слепых, служебные собаки для глухих. Невзирая на все наши технические достижения, собака остается лучшим другом человека.

Вторая категория симбионтов — это животные, уничтожающие вредителей. Став земледельцем, человек столкнулся с грызунами, уничтожавшими его запасы зерна. Он использовал для борьбы с вредителями кошек, хорьков и мангустов. Кошки и хорьки в итоге были полностью одомашнены, они и сегодня помогают крестьянам расправляться с грызунами. Этот тип симбионтов люди эксплуатировали не так сильно, как собак, а сегодня кошек и хорьков почти вытеснили зооциды.

Третья категория — это вьючные животные. Лошадей, онагров, ослов, буйволов, яков, оленей, верблюдов, лам и слонов веками заставляли возить на себе плоды трудов человека. Онагр, дикий осел, который водится в Средней Азии, эксплуатировался уже 4000 лет назад в Месопотамии, впоследствии его заменила более управляемая лошадь, превратившаяся в итоге в самое распространенное из всех вьючных животных.

Четвёртая категория — это животные-поставщики, которых выращивают ради вырабатываемого ими продукта. Мы забираем молоко у коров и коз, шерсть у овец и альпака, яйца у кур и уток, мёд у пчел, коконы у шелковичных червей.

Наконец, есть птицы, которых человек использовал для доставки сообщений, — это домашние голуби. Их замечательная способность всегда возвращаться домой использовалась на протяжении тысячелетий и настолько ценилась в военное время, что человек создал симбионтов, выполнявших противоположную задачу, — соколов-перехватчиков.

Во всех этих случаях человек кормит животное, заботится о нём и защищает его в обмен на различные услуги, на которое оно способно. Упомянутые виды перестали быть нашими конкурентами в борьбе за существование, и им, в отличие от многих других видов, не грозит постепенное вымирание. Однако, хотя численность их многократно увеличилась, они заплатили за это дорогую цену. Имя этой цене — «свобода» эволюции: в большинстве случаев симбионты лишились генетической независимости и подвластны капризам и фантазиям селекционеров. Они — помощники человека и вынуждены подчиняться его приказам.

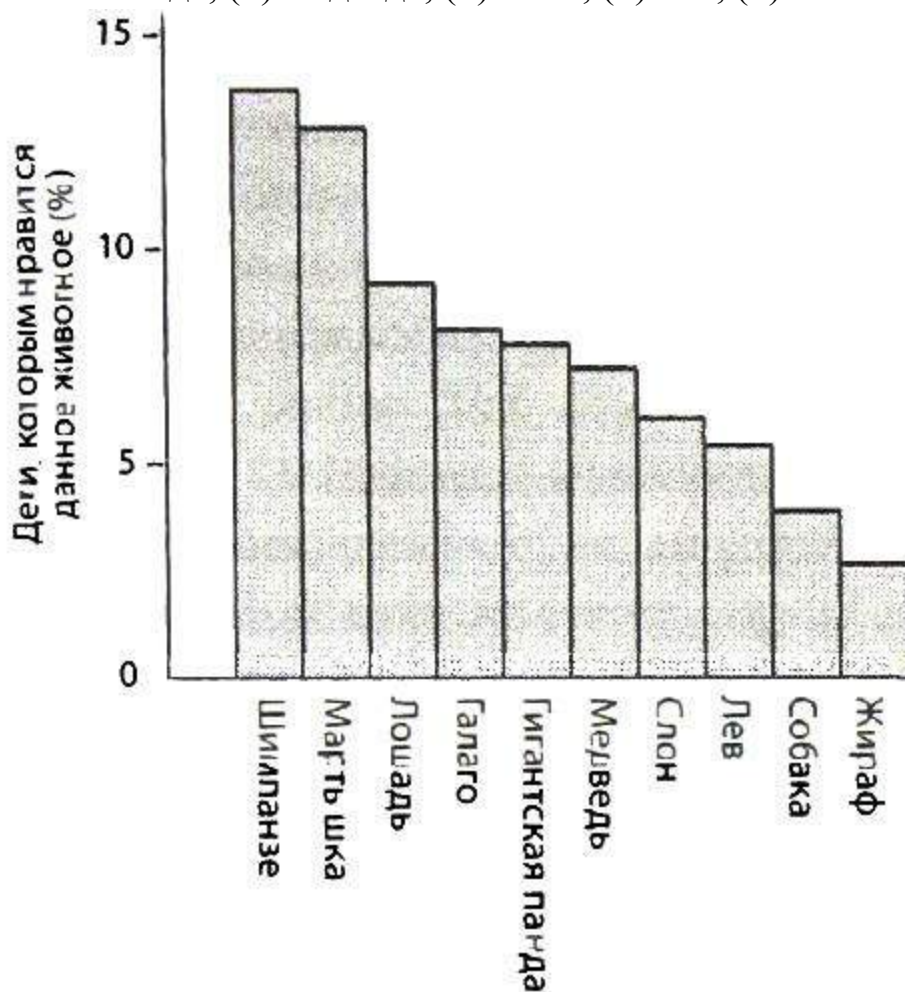
Таковы формы выгодных для нашего вида Контактных с Животными. Для подавляющего большинства горожан эти контакты могут казаться чем-то далёким, но они тем не менее существуют по сей день. Обитатели городов продолжают ежедневно употреблять животных в пищу и носить на себе части их тел, однако, непосредственный контакт, включая ухаживание и убийство, — это удел специалистов, фермеров и работников скотобоев. Сегодня человек с улицы контактирует с животными в научных и эстетических целях. Такие Контакты с Животными возникли не столь давно из стремления людей исследовать и изучить окружающий их мир. Посредством книг, фильмов и телепередач человек переносится в мир зоологии. Он смотрит программы о диких животных и изучает их поведение. Он рассматривает рисунки и фотографии животных и любит ими. Он плавает с аквалангом, наблюдает за птицами и отправляется на фото-сафари. Он посещает зоопарки. Другими словами, он продолжает проявлять интерес к животному миру. В древности, когда люди были охотниками или скотоводами, этот интерес составлял неотъемлемую часть их жизни, ибо тот, кто не интересовался животными, рисковал очень многим.

Кроме всего прочего, человек использует животных в качестве символов. Здесь мы попадаем в удивительный и сложный мир тотемов, богов, образов, гербов и традиции превращать животных в домашних любимцев. В этом мире животному не позволяют быть самим собой; взамен оно становится живым символом какой-либо идеи и порой даже замещает человека. Подобное отношение к животным можно назвать антропоморфическим. Ученые относятся к нему крайне неодобрительно, поскольку люди склонны заставлять животных страдать, забывая или искажая биологические факты. Ученый может сделать подобное замечание — сам он стремится изучать животный мир настолько объективно, насколько это возможно; однако человек — существо, обожающее символы, и никто не способен запретить ему использовать животное в качестве символа или карикатуры на самого себя.

Животные, которые кажутся нам свирепыми, символизируют войну; животные, которые кажутся нам милыми, символизируют детей. Совершенно неважно, на самом ли деле животное является свирепым или милым — или нам это только кажется. В реальности всё может быть иначе, но любители символов высокомерно игнорируют реальность. Отличные примеры тут — гиена и белоголовый орлан. Гиену мы воспринимаем как уродливого и подлого пожирателя падаль, заливающегося в перерывах между трапезами злодейским, омерзительным смехом. Орланом, напротив, мы восхищаемся, ибо для нас он — бесстрашный, храбрый и благородный воитель, который атакует врагов, пикируя на них из поднебесья. Назвать человека гиеной — значит нанести ему оскорбление, орлан между тем остается гордой эмблемой Соединенных Штатов Америки. Ученые же установили, что гиена чаще всего — смелый охотник, в то время как белоголовый орлан ворует пищу у других животных и поедает падаль. Эти факты, однако, ничуть не возвысили в наших глазах гиену и

не поколебали пьедестал орлана, если не считать робких попыток сделать символом США гремучую змею, предпринимавшихся в XVIII веке. Говорят, за змею выступал, в том числе, Бенджамин Франклин. Он считал, что гремучая змея больше подходит на роль символа американского народа, потому что она всегда великодушно предупреждает врагов о своем приближении и никогда не нападает первой, но, будучи спровоцированной, сражается храбро и бесстрашно. С научной точки зрения Франклин был прав, но на обывателей его аргументы не подействовали. Для сторонников антропоморфического подхода орлан — птица царственная, а змеи — низшие, «скользкие» создания. В мире символов эти фальшивые качества значат больше, нежели научные факты.

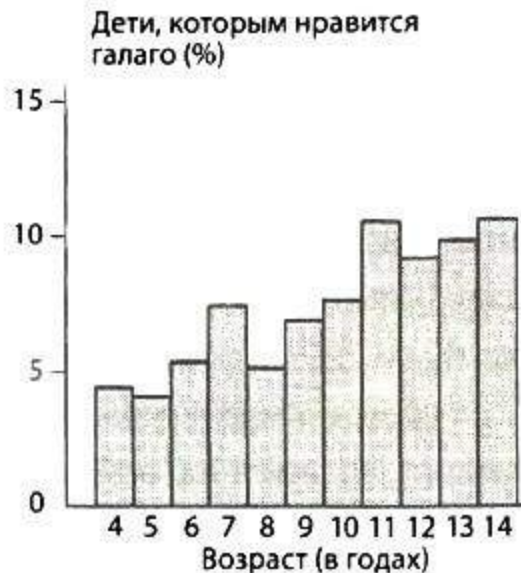
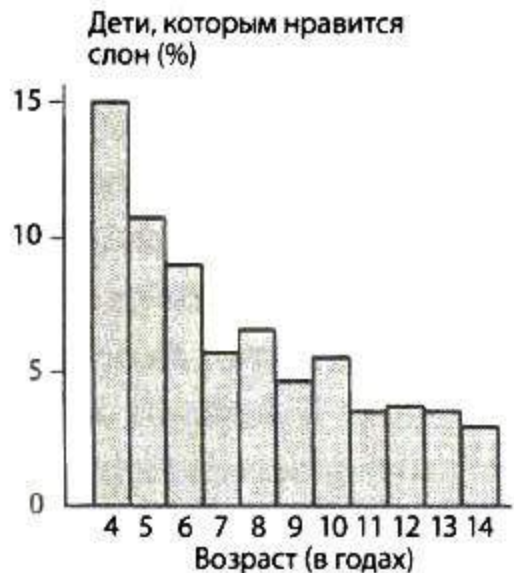
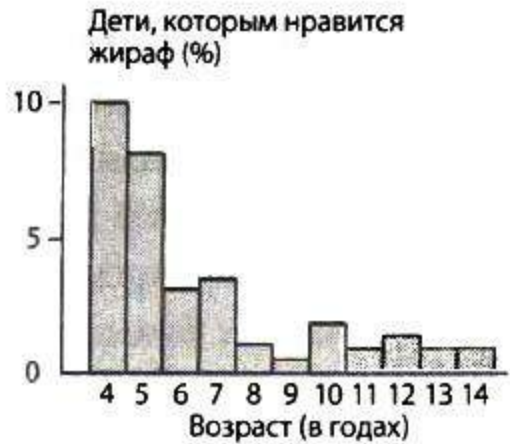
Для того чтобы понять, почему одних животных мы субъективно «любим», а других «ненавидим», Лондонский зоопарк провел опрос 80 тысяч британских детей в возрасте от 4 до 14 лет. Им предложили назвать самое любимое и самое ненавистное животное. В первую десятку любимых животных вошли: (1) шимпанзе; (2) мартышка; (3) лошадь; (4) галаго; (5) гигантская панда; (6) медведь; (7) слон; (8) лев; (9) собака; (10) жираф.

Десятка самых любимых животных по данным опроса 4200 детей в возрасте от 4 до 14 лет. Все упомянутые животные — млекопитающие со множеством человеческих черт.

Итоги опроса говорят сами за себя: все эти животные имеют человеческие черты. Они попали в список не потому, что полезны человеку или красивы, а потому, что напоминают детям людей. Тела всех этих зверей покрыты волосами, а не перьями или чешуей. Почти у всех них тела округлы, а морды плоски и выразительны. Детям эти животные кажутся стоящими вертикально — либо из-за роста, либо потому, что могут сидеть или стоять на задних ногах или лапах. Ко всему прочему некоторые из них умеют поднимать предметы (приматы и панда — передними лапами, слон — хоботом).

В десятку не попала ни одна птица, при этом двумя самыми популярными птицами оказались «вертикальные» пингвин и попугай. Последний может брать когтистыми лапами небольшие предметы и подносить их ко рту, кроме того, он может подражать человеческому голосу, а «лицо» у него уплощенное.

Когда дети становятся старше, их пристрастия в отношении животных меняются. Им начинают больше нравиться маленькие животные вроде галаго и собак, в то время как большие животные, такие, как слон и жираф, теряют популярность. Причина в том, что меняется символическая роль животного в жизни ребёнка: маленькие дети видят в зверях родителей, старшеклассники — младенцев. (Все графики по Моррису и Моррису.)

В десятку вошли лишь два «убийцы» — лев и медведь. Причины тут ясны: только у льва, если сравнить его с другими большими кошками, морда кажется плоской из-за того, что она окружена внушительной гривой. Если лишить львов гривы, вряд ли эти животные останутся столь популярными, — их морда будет выглядеть заостренной и перестанет походить на человеческое лицо. Собак дети воспринимают, разумеется, не как диких хищников, а как домашних любимцев. Для большинства детей собака — не враг, а защитник, и относятся они к ней соответствующе. Кроме того, собаки удивительным образом изменились за столетия, в течение которых селекционеры выводили все новые породы. Морды многих собак сделались более плоскими, шерсть — более длинной, ноги — более короткими, отчего собаки стали казаться более неуклюжими и похожими на детей. Люди способствовали собачьей неотении (переносу стереотипов детского поведения во взрослую жизнь), дабы собаки всю жизнь оставались игривыми и похожими на щенков. Размер тела также был изменен с целью

сделать собаку более привлекательной, будь то большая лохматая овчарка или маленький шелковистый пекинес. На деле собака — это волк в шкуре домашнего любимца, ненавистный враг, превращенный в близкого друга. Вот она сидит: уплощенная выразительная морда, округлое тело, мягкая шерсть, игривое настроение... Даже «горизонтальность» собаки может быть исправлена, если научить ее сидеть на задних лапах. Репутация собак надёжна, невзирая на их тёмное прошлое.

Если мы посмотрим на то, как любовь к животным меняется с возрастом ребёнка, выяснится забавная деталь. Маленьких животных любят дети постарше, больших — дети помладше. Крошечный галаго популярен у 4,5 % 4-летних детей и у 11 % 14-летних, популярность собаки тоже растёт (0,5 % и 6,5 %). Слон и жираф, напротив, теряют очки: первого любят 15 % 4-летних и лишь 3 % 14-летних, второго — соответственно 10 % и 1 %.

Другими словами, очень маленькие дети любят больших животных, которые символизируют, прежде всего, родителей, в то время как подросткам нравятся маленькие животные, символизирующие, прежде всего, детей. Интересно, что английское слово для галаго — bushbaby — содержит в себе слово baby, «ребёнок».

Таким образом, животное должно не просто иметь человеческие черты, оно обязано походить на человека определенного типа. Фактически любовь к домашним животным можно рассматривать как проявление псевдородительских чувств — животное заменяет отсутствующего ребёнка, которого нет потому, что «родители» либо слишком юны, чтобы иметь детей, либо по какой-то причине не смогли завести ребёнка, став взрослыми, или же их дети уже не живут вместе с ними. В таких обстоятельствах люди часто заводят домашних любимцев.

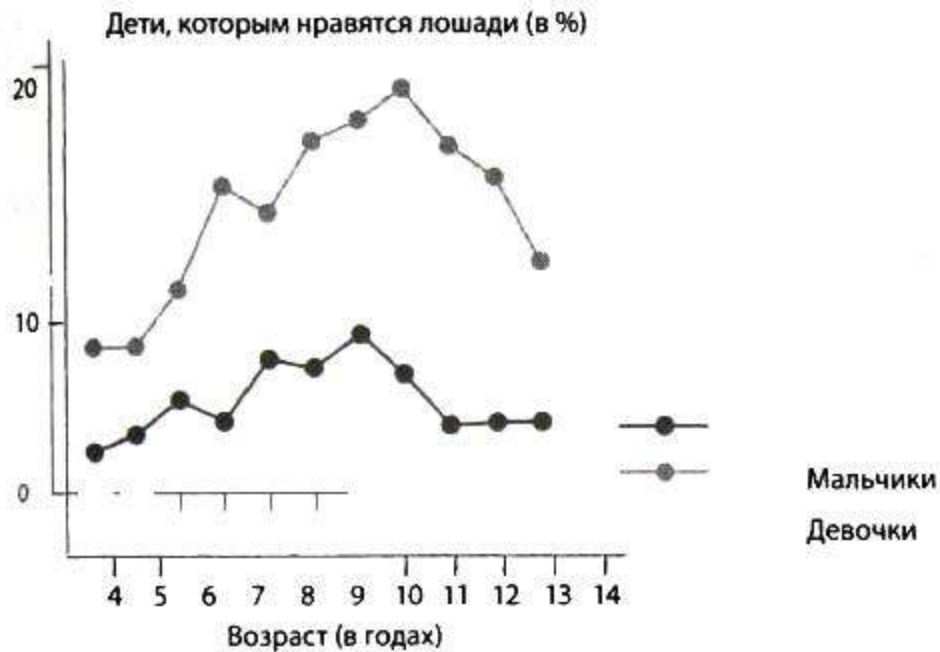
Любопытно, что из правила, по которому старшие дети любят маленьких животных, есть исключение — лошадь. Больше всего тех, у кого лошадь — любимое животное, среди подростков в препубертатном периоде. Если разделить данные по мальчикам и девочкам, график продемонстрирует нам замечательную картину: девочек, которым нравятся лошади, в три раза больше, чем мальчиков. Почему девочки столь сильно любят лошадей? Вспомним о том, что, садясь в седло, наездница раздвигает ноги; если прибавить к этому ритмичное движение лошади, её размер и силу, не логично ли предположить, что девочка, вступающая в пору полового созревания, может подсознательно тянуться к лошадям вследствие того, что лошадь является для нее своего рода эротическим символом?

Переходя от любимых животных к ненавистным, мы видим совсем иную картину. Вот десятка самых ненавистных животных: (1) змея; (2) паук; (3) крокодил; (4) лев; (5) крыса; (6) скунс; (7) горилла; (8) носорог; (9) бегемот; (10) тигр.

Самое ненавистное из всех животных, змея, опережает прочих с большим отрывом — ее не любят 27 % опрошенных. Иначе говоря, более четверти детей Великобритании питают к змеям такое отвращение, какого не испытывают по отношению к другим животным — и это при том, что в британской сельской местности в вас скорее ударит молния, чем укусит змея.

Десять ненавистных животных обладают одной общей чертой: все они опасны или считаются таковыми. Большинство из них не имеют антропоморфных черт, за исключением льва и гориллы. Лев — единственное животное, появляющееся и среди любимых, и среди ненавистных животных, что логично: с одной стороны, это благородный зверь с плоской мордой, с другой — это всё же свирепый хищник. Горилла, хоть и похожа на человека, кажется злой и страшной — такой её делают специфические черты «лица». На самом деле горилла — добродушный великан, однако, невзирая на блестящие исследования зоологов,

гориллами продолжают пугать детей. Если кому-то это покажется странным, следует вспомнить о том, что даже любимый родитель может напугать ребёнка, изображая «монстра» на домашнем костюмированном празднике. Тот факт, что в реальности горилла — скромное, склонное к уединению животное, не делает её свирепую внешность более привлекательной, и символически она продолжает играть роль «волосатого чудовища».

Любовь к лошадям особенно сильно проявляется в препубертатный период и сильно различается у мальчиков и девочек: на одного любящего лошадей мальчика приходится в среднем три любящих лошадей девочки.

Змей и пауков, двух главных «врагов» детей, часто описывают как «скользких и грязных» и «жутких и волосатых». И вновь мифы побеждают науку: змея на поверку оказывается гладкой, сухой и чистой, а «волосы» паука — это всего лишь его длинные ноги. У пауков на теле действительно растут короткие волосы, но «волосы», которых боятся дети, являют собой длинные, тонкие, постояннодвигающиеся паучьи конечности. Дети не видят разницы между безвредными и ядовитыми змеями или между безвредными и ядовитыми пауками, они ненавидят их всех, и это чувство по сути своей иррационально. Больше всего не любят змей дети шести лет, мальчики и девочки ненавидят их почти одинаково — и эта ненависть не становится меньше с наступлением пубертатного возраста, как того можно было бы ожидать, учитывая, что змея — это древний фаллический символ. Судя по всему, ненависть к змеям является у людей врождённой; эта теория подтверждается наблюдениями за тем, как на змей реагируют обезьяны. Шимпанзе и орангутаны при определенных обстоятельствах панически боятся как настоящих, так и игрушечных змей, даже если они не сталкивались с ними с самого младенчества.

Что до пауков, удивительно, но мальчики и девочки боятся их по-разному. Вступившие в пору полового созревания девочки опасаются пауков куда сильнее, чем их ровесники. Среди 14-летних подростков арахнофобов женского пола в два раза больше, чем арахнофобов мужского. До пубертатного периода разница незначительна, а значит, и у этой реакции есть эротический подтекст. Осознать его сложно; не исключено, что тут играет роль как раз «волосатость» пауков. В пубертатном возрасте у мальчиков и девочек начинают расти волосы на теле. Взрослые мужчины кажутся девочкам более волосатыми, чем взрослые женщины, и, возможно, волосы на теле пугают вступившую в пору созревания девочку, а пауки становятся олицетворением этих «страшных» волос.

Различные формы Контактв с Животными можно свести воедино в простой схеме, описывающей семь этапов:

1. Дети. Мы полностью зависим от наших родителей и реагируем в основном на больших животных, которые символизируют родителей.

2. Дети-родители. Мы начинаем соревноваться с нашими родителями и сами становимся «маленькими родителями». Мы любим маленьких животных и обожаем домашних любимцев.

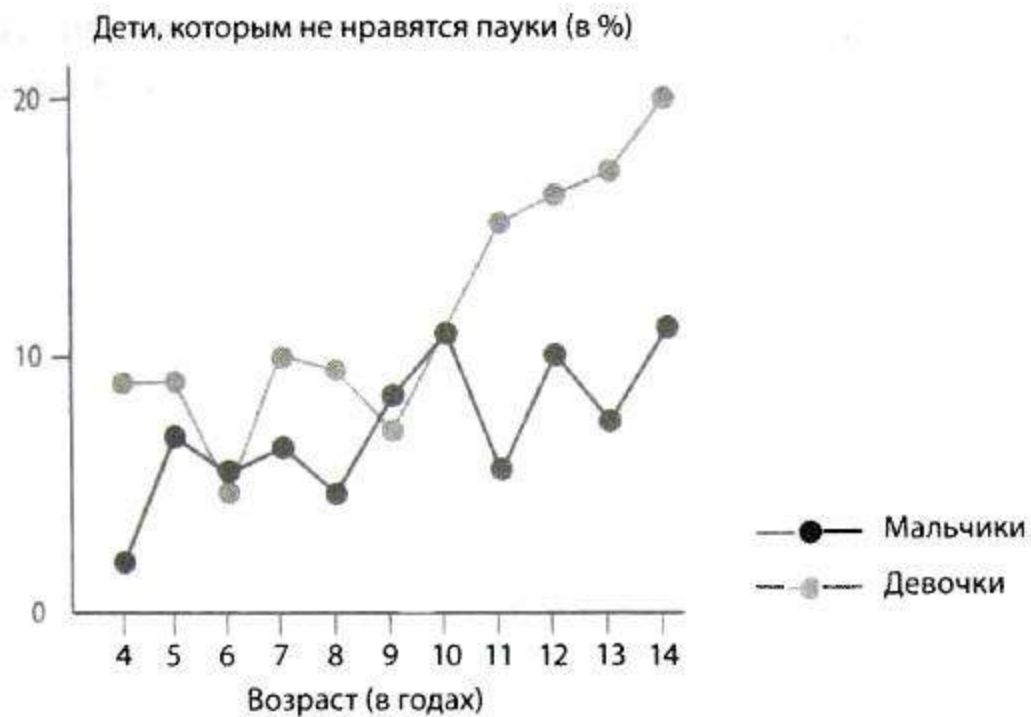

Десятка самых ненавистных животных по результатам опроса, проведенного среди 4200 британских детей в возрасте от 4 до 14 лет. Сильнее всего дети ненавидят змей, невзирая на то, что встретить в Великобритании ядовитую змею очень сложно. Сильно ненавидят они и пауков, опять же, несмотря на то, что в Великобритании нет ядовитых пауков. (По Моррису и Моррису.)

3. Подростки. Тяга к символам вытесняется стремлением познать мир, мы охотимся за жуками, смотрим в микроскопы и разводим рыб в аквариуме.

4. Молодые взрослые. Мы почти не интересуемся животными, поскольку сосредоточены в основном на чисто человеческих взаимоотношениях. На животных мы смотрим преимущественно с точки зрения их использования.

5. Взрослые-родители. Став родителями, мы видим, как животные возвращаются в наш мир, на этот раз — как объект интереса наших детей.

Дети очень не любят пауков. Любопытно, что вступившие в пору полового созревания девочки ненавидят пауков куда сильнее мальчиков. В препубертатном возрасте особенной разницы между девочками и мальчиками нет, и отношение мальчиков к паукам не меняется. Прежние объяснявшие арахнофобию теории разницу между полами не учитывали.

6. Родители взрослых детей. Наши дети расстанутся с нами, и мы стремимся заменить их животными. Мы в третий раз обращаем внимание на домашних любимцев.

7. Пожилые люди. Осознав приближающуюся кончину, мы начинаем интересоваться видами, которые борются за выживание. Так мы становимся борцами за охрану природы.

Между этими этапами нет чётких границ, и, разумеется, далеко не все люди ведут себя именно так. Тем не менее, данная схема в какой-то мере объясняет, почему наши контакты с животным миром столь сложны и разнообразны. Человек испытывает к животным неподдельный интерес, особенно это касается домашних любимцев. Население Соединенных Штатов тратит на домашних животных пять миллиардов долларов в год, в Великобритании и Германии расходы на них составляют соответственно 100 миллионов фунтов стерлингов и 600 миллионов дойчмарок в год^[6]. Французы несколько лет назад тратили на домашних любимцев 125 миллионов франков ежегодно, к настоящему времени эта цифра наверняка выросла в несколько раз. В основном это расходы на собак и кошек. В США их насчитывается 100 миллионов, каждый час там рождаются 10 тысяч котят и щенят. Французы держат 16 миллионов собак, жители Западной Германии — 8 миллионов, в Великобритании собак — 6,5 миллиона. Кошек в этих странах — и того больше.

Ясно, что домашние животные чрезвычайно важны для человека. Судя по всему, мы нуждаемся в них, потому что ощущаем дефицит телесных контактов, в которых проявляются дружба и любовь. Владелец животного может видеть в нём ребёнка или друга, но в любом случае ему важно иметь возможность прикоснуться к своему любимцу. Домашних животных обычно заводят не для того, чтобы рассматривать их, изучать их повадки или любоваться ими на расстоянии — их ласкают и обнимают, даря им нежность, которая по той или иной причине остается нерастроченной. Анализ обширной выборки фотографий людей с их питомцами (самых разных видов) показал, что каждый второй человек держит животное на

руках так, как он держал бы ребёнка. 11 % людей шлёпают животное, 7 % полюбнимают его одной рукой, 5 % целуют его «в губы». На фотографиях, запечатлевших поцелуй, можно видеть и даму с волнистым попугайчиком, и девочку с китом, что доказывает: если у человека нет возможности обнять любимца, он найдет способ так или иначе соприкоснуться с ним телами.

Некоторые учёные считают, что тяга к домашним любимцам — опасный симптом, ибо любовь, предназначенная для других людей, направляется «не по адресу». Психолог, назвавший это явление «петишизмом» (от слова pet — «домашний любимец»), полагает, что это своего рода психологическое извращение, чреватое пренебрежительным отношением к другим людям. Мало кто поддерживает эту точку зрения. В бесцветном железобетонном мире, оглушающем нас равнодушием и стрессами, утешение подчас удастся найти лишь в обществе домашнего любимца. Многие люди, не имеющие детей, переносят свою любовь на животных, пусть эти отношения антропоморфичны, ненаучны, романтичны, иррациональны и так далее.

ИГРОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Игровые сигналы, правила игры и игривость

Игра — это деятельность, характеризующаяся прежде всего бесполезностью. Во время игры мы в некотором роде испытываем на прочность окружающий мир и самих себя.

Для начала разграничим игру и специальное обучение. Оказавшись в воде, дети могут учиться плавать сами, их может учить плавать кто-то ещё, но это — не игра. Игра в воде, включая удары ладонью по волнам и обрызгивание окружающих, не преследует никакой особенной цели, она является самоцелью. Однако чем чаще ребёнок играет в воде, тем больше он приспособливается к водной стихии, постигая как свойства воды, так и возможности собственного тела. Игра не способствует непосредственной выработке какого-то одного навыка, она позволяет ребёнку привыкнуть к воде вообще.

Это очень важно для представителей нашего вида, которые по природе своей склонны к авантюрам. Как и все авантюристы, мы выживаем не благодаря одной глобальной уловке, но благодаря множеству малозаметных уловок. Мы не ограничены одной экологической нишей и не должны жёстко придерживаться определённого набора правил. Мы можем отправиться куда угодно, заняться чем угодно и решить любые проблемы, с которыми столкнемся в новой среде обитания. В этом — секрет нашего успеха, и для того, чтобы быть как можно более успешными, мы должны набраться опыта, побывав во множестве самых разных ситуаций. Замкнутая, ограниченная, неактивная жизнь для ребёнка — это катастрофа. Для того чтобы стать успешным взрослым, он должен быть сверхактивен в детстве. Именно поэтому дети столь игривы: они должны познакомиться с окружающим миром как можно лучше.

У Игровых Действий есть несколько характерных особенностей. Обычно они сопровождаются особым «игровым сигналом», при этом ребёнок словно говорит окружающим: «Я не серьёзен, я всего лишь играю». Распространены такие игровые сигналы, как улыбка, смех и радостные вопли. Их называют «метасигналами» (потому что это сигналы о сигналах).

Игра также включает в себя элемент переигрывания. Каждый играющий подчёркивает производимое им движение, хотя ситуация этого вовсе не требует. Такая избыточность действий наблюдается и в том случае, когда ребёнок играет сам с собой. Маленькая девочка, заботливо укладывающая спать куклу, тоже делает это словно напоказ. Если бы серия движений была функциональна и преследовала некую цель, поведение индивида подчинилось бы этой цели, и его действия были бы более эффективными и менее показательными. Однако суть игры заключается в том, что это действие ради действия; всякое телодвижение тут — самоцель, оттого человек может словно работать на публику.

Отсутствие у Игровых Действий цели, кроме прочего, оборачивается тем, что в играх, как во снах, последовательность действий становится не слишком важна. Какие-то действия возможно повторить («давайте начнём снова» и «ну ещё разочек!..»). В агрессивных играх можно наблюдать особые повторы с переменной ролей. Атакующий внезапно становится атакуемым, преследователь — убегающим. Роли меняются чрезвычайно быстро, в результате игровая атака и игровое преследование очень сильно отличаются от аналогичных «серьёзных» действий. Становится ясно, что на деле играющий не хочет ни на кого нападать

и никого не боится — он всего лишь играет. При столкновении с настоящей агрессией агрессор и его жертва не могут поменяться ролями так просто, роль жертвы может перейти к агрессору лишь после длительной и жестокой схватки.

Одно из поразительных свойств игры заключается в том, что она на время освобождает играющих от отношений доминирования и подчинения. Доминирующий отец, играющий с малолетним сыном, может полностью отказаться от своей обычной «начальственной» роли и стать на несколько минут подавляемым подчинённым, на котором маленький «соперник по игре» может прыгать и сидеть. Схожим образом сильные индивиды, играющие со слабыми — старшие братья с младшими, например, — стремятся уравнять шансы между «соперниками» и сознательно поддаются, в результате чего игра продолжается дольше и становится более интересной.

Игровые Действия можно интенсифицировать и другим способом — выбрав особенный «игровой объект». Это может быть игрушка, спортивный снаряд или любой другой предмет, работающий по принципу «увеличенной отдачи». Понять, что это такое, можно на примере большого пляжного мяча: когда по нему ударяют, он летит дальше, чем большинство предметов такого же размера. Другими словами, энергия, затраченная на действие, сравнительно невелика, в то время как результат весьма зрелищен. По этой причине люди так любят роликовые коньки и коньки для катания на льду, батуты, качели, теннисные мячи, летающие диски и прочие предметы, которые позволяют играющему приложить совсем немного усилий и после наслаждаться полученным эффектом. В каждом случае отдача от действия увеличивается из-за особых свойств игрового объекта. Именно по этой причине детям нравятся оснащённые колесами игрушки, которые, если их легко толкнуть, плавно перемещаются на большое расстояние, например игрушечные машинки. По той же причине дети, оказавшись в воде, так любят брызгаться: один удар рукой — и на окружающих обрушивается целый каскад брызг. Точно такой же удар по твёрдому предмету куда менее зрелищен. Прыгать по земле весело, но прыгать на батуте или на пружинящем матрасе куда веселее. Это ещё один аспект «избыточности», свойственной Игровым Действиям.

В случае с настольными играми, игровыми автоматами или механическими игрушками принцип увеличенной отдачи часто действует в неявной форме. Ему, например, подчинена система подсчёта очков в пинболе. Когда направленный игроком шар попадает в цель, автомат звенит и начисляет не одно очко, а 100 или 1000 очков, чтобы игрок почувствовал, что добился значимого результата. Пинбольные автоматы последнего поколения используют этот принцип в полной мере: теперь за одну игру можно набрать сотни тысяч очков. Аналогично в настольных играх можно выиграть или проиграть огромные суммы игрушечных денег, и игроки теряют или обретают миллионы фунтов стерлингов за считанные минуты.

Очень важно чётко отличать игровое действие от действия, направленного на изучение окружающего мира. Они связаны между собой, но это не одно и то же. Представим себе, что группа детей оказалась в комнате, полной удивительных игрушек. Дети проходят через следующие игровые фазы:

1) они изучают незнакомые предметы до тех пор, пока те не станут знакомыми. Это «исследовательская» стадия игры, детьми при этом движет в основном любопытство. Их действия хаотичны и фрагментированы, изучение одной игрушки прерывается, как только взгляд ребёнка падает на другую. Дети ощупывают игрушки, пробуют с ними играть, но делают всё это несогласованно. Играющих направляет свойственная человеку тяга ко всему

новому;

2) они повторяют манипуляции с уже знакомыми объектами. Это «игровая» стадия игры. Основательно изучив новые объекты, дети начинают структурировать свои действия. Они придумывают правила, договариваются о них сразу или по ходу игры, и исследовательский хаос перерастает в систематические действия;

3) они вносят разнообразие в повторяемые действия. Повторение очень скоро прискучивает, и дети изобретают способы сделать игру более интересной. Пустая коробка, которая в ходе первоначального изучения комнаты была «назначена» лодкой, плывущей по воображаемому морю, становится теперь автомобилем, на котором дети путешествуют по чудесной стране. Потом она может превратиться в дом, пещеру или детскую кроватку. Когда старая игра надоедает, дети придумывают что-нибудь ещё;

4) они выбирают варианты игр, которые доставили им наибольшее удовольствие, и разрабатывают их в ущерб менее удачным вариантам. Из всех способов сыграть в некую игру один оказывается интереснее, чем все остальные, именно к нему дети и возвращаются снова и снова, внося в игру всё новые изменения. Другие варианты отбрасываются как малоинтересные. Именно благодаря этому алгоритму в одни игры дети играют веками, в то время как другие забрасывают за несколько минут;

5) они опять и опять комбинируют варианты игры. При этом идеи, родившиеся во время одной игры, могут быть реализованы в совсем другой;

6) внезапно игровая активность сходит на нет. Игра, которая занимала всех несколько минут назад, вдруг прекращается. Теперь эта игра и любые вариации на её тему уже никого не интересуют. Родители, покупающие своим отпрыскам дорогие игрушки, зачастую сетуют на то, что их дети ведут себя неблагодарно; они не понимают, что подобная реакция — основа основ игрового процесса. Во время игры дети приобретают некий опыт, следовательно, время от времени они неизбежно будут терять к игре интерес. Отсутствие интереса — проявление не непостоянства или легкомысленности, а часть важнейшего процесса познания окружающего мира. Детям всё время нужен новый опыт, и его приобретение гарантирует психологический механизм, «выключающий» интерес к уже знакомой игре.

Перечисленные правила относятся ко всем типам игр — спортивным и интеллектуальным, с любым количеством участников.

Переходя к их рассмотрению, отметим, что люди играют в игры самого разного свойства. Котята могут быть весьма игривы, однако типы их игр можно пересчитать по пальцам. Человеческий ребёнок таких ограничений не знает, что не означает, разумеется, что у детей нет любимых типов игр, которым они предаются при первой возможности. В первую очередь это подвижные игры, связанные с перемещением в пространстве: дети бегают наперегонки, резвятся и прыгают, скачут, лазают по деревьям. Последний вид развлечений столь популярен у детей в любом уголке мира, что породил даже особую теорию, согласно которой игра — это повторение действий, унаследованных нами от предков-обезьян. Сторонники этой теории считают сильное желание залезть на дерево кратким возвращением к нашему первобытному прошлому. Сколь бы любопытной ни была эта идея, её сложно принять, наблюдая за разнообразными Игровыми Действиями, которые дети совершают, когда играют в подвижные игры. Множество их движений никак не связано с нашим первобытным прошлым.

Особой разновидностью подвижной игры является «игра с головокружением». Это

своего рода игра со страхом: ребёнок движется всё быстрее и быстрее и пугается, когда на секунду теряет равновесие и у него кружится голова. Тело выходит из-под контроля, но ребёнок знает, что в общем и целом он в безопасности. Ради этих ощущений дети вертятся, кувыркаются, стоят на руках и проделывают другие акробатические упражнения. На игровых площадках и в парках развлечений есть специальные сооружения и устройства, позволяющие детям испытать головокружение. Это качели и карусели, колёса обозрения и американские горки. Ребёнок получает удовольствие, когда ощущает головокружение, знаменующее опасность, но вместе с тем знает, что никакой опасности нет.

Большой траты энергии требуют «игры мускулами», в которых дети обычно соревнуются с другими детьми. Каждый вид животных, предающийся шуточным боям, делает это по-своему, и мы — не исключение. Люди предпочитают определённые виды таких боёв, в том числе: захват (ребёнок бросает противника на землю, забирается на него, удерживает в одном положении), борьба («медвежья хватка», захват шеи, выкручивание руки, захват ноги, подножка, перехват, пинок, толчок, бросок), свалка (играющие набрасываются друг на друга и борются в одной куче), погоня (прятки и пятнашки: дети изображают угрозу, убегают, прячутся, находят друг друга), бросание предметов (ребёнок целится, швыряет предмет, ловит его), а также игры в воде (ребёнок брызгается, увлекает окружающих за собой в воду, ныряет, бегаёт и прыгает).

Наблюдения за шуточными боями показывают, что во всем мире борьба куда популярнее драки на кулаках. В любой стране дети куда чаще борются, нежели дерутся. Если драка всё же случается, дети стараются не бить друг друга по лицу и чаще попадают по воздуху, чем по телу соперника. Если ребёнок всё-таки наносит удар, он бьёт не в полную силу. Захват руки, напротив, может быть очень болезненным, но редко приводит к травмам.

В «любовную игру» в широком смысле этих слов (в отличие от эротической игры, которой предаются любовники) ребёнок играет с матерью. Матери целуют детей, щиплют их, обнимают, качают и щекочат. Подобные игрища не чужды и маленьким детям, но, когда они становятся старше, эти Игровые Действия исчезают из их репертуара и появляются в нём вновь, лишь когда дети становятся подростками и начинают за кем-то ухаживать. Символическая любовная игра ребёнка с куклами и иными мягкими игрушками характерна для препубертатного возраста и особенно распространена среди девочек. То же можно сказать об игре с домашними животными.

В «механические игры» дети начинают играть рано, когда делают первые попытки разобрать что-нибудь на составные части. Постепенно цель этих игр меняется — ребёнок пытается уже не разобрать, а собрать что-то из отдельных частей. Кульминация «механических игр» — сборка моделей и занятия в кружках типа «умелые руки».

«Игры-фантазии» появляются в жизни ребёнка сравнительно поздно, но со временем становятся для него очень важными. Дети играют в «войнушку», в сыщиков и злодеев, переодеваются в маскарадные костюмы и просто мечтают о чём-либо. Здесь важно не столько само действие, сколько примерка на себя ролей взрослых людей.

В «интеллектуальные игры» дети начинают играть рано — и со временем играют в них все больше. Это мир фокусов и головоломок, настольных игр и состязаний эрудитов, пазлов и кроссвордов, карточных игр и шахмат.

«Творческие игры» занимают детей с раннего возраста. Они начинаются с рисования каракулей и ритмичного постукивания ногой и ведут к занятиям живописью, музыкой и другими видами искусства.

Этот список, конечно же, неполон. Кипящая в нас энергия побуждает нас играть в самые разные игры, так что в игровой форме мы воспроизводим практически все варианты и виды поведения. Описанные типы развлечений относятся к самым распространенным и занимают ребёнка большую часть времени до момента, когда он становится взрослым. Стоит вновь указать на то, что любая игра не развивает какой-то один навык, но формирует некое «общее знание» ребёнка об окружающем мире. Ребёнок вырастет успешным лишь в том случае, если наберётся самого разного опыта, потому для нашего вида «общее знание» значит больше, чем для какого-либо другого. Отсюда и огромное значение для нас игрового поведения. Мы часто противопоставляем «игру» и «серьёзное отношение», но, возможно, совершенно зря: для человека разумного нет ничего серьёзнее игры.

Метасигнал — это сигнал, несущий информацию о других сигналах. Метасигнал полностью меняет значение совершаемого действия. Поясним это на примере. Когда два человека дерутся, мы, всего лишь взглянув на них, можем сказать, серьёзная это драка или шуточная. Понять это нам позволяют два Метасигнала. Во-первых, мы смотрим, смеются ли эти двое, улыбаются ли. Если да — мы можем быть уверены в том, что потасовка потешная. Весёлые выражения лиц дерущихся служат Метасигналами, сообщающими о том, что все другие — отчетливо агрессивные — действия этих людей должны быть оценены не как враждебные, а как игровые. Улыбки на лицах моментально превращают долгий и замысловатый бой в безвредную схватку друзей.

Если дерущиеся не улыбаются, они или серьёзные, или несерьёзные. Иногда, разыгрывая потешную схватку, бойцы намеренно скрывают улыбки и придают лицам свирепое выражение — это элемент игры. Чтобы понять, серьёзные дерущиеся или нет, мы должны проверить второй Метасигнал: не расходуют ли бойцы свою силу зря? В серьёзных драках люди не тратят энергию на резкие или показательные движения, напротив, они двигаются экономно и с максимальной эффективностью. В шуточной драке движения бойцов намеренно неэкономны и мелодраматичны.

Похожие Метасигналы берут на вооружение и дерущиеся животные. Приведём четыре примера: собаки пригибают переднюю часть тела к земле, чтобы в процессе игры раззадорить соперника; участвующие в шуточных потасовках шимпанзе специально вытягивают губы; барсуки перед началом потешной схватки слегка дёргают головой; гигантские панды, приглашая противника к игровому поединку, перекатываются с бока на бок или кувыркаются. Во всех этих случаях энергия тратится впустую, что подчеркивает игровой характер схватки. Судя по всему, этот тип Метасигнала появился в глубокой древности.

Другие Метасигналы — не такие древние, например подмигивание. Когда один человек подмигивает другому перед тем, как подразнить его, он подаёт Метасигнал, превращающий дразнимого из жертвы в сообщника. Как только сигнал получен, значение последующих действий подмигнувшего человека меняется. Жертва приняла бы их за оскорбления, сообщник принимает их за шутку.

Есть и Метасигналы, которые мы подаём, сами того не сознавая. Разгневанный человек, стремящийся выглядеть вежливым, может свести на нет эффект от всех своих любезностей единственным непреднамеренным Метасигналом раздражения, таким, как побледневшее лицо или слишком прямая осанка.

Осанка — один из самых распространенных человеческих Метасигналов. В процессе общения, глядя на осанку человека, мы соответственно трактуем другие сигналы, которые он нам подаёт. Как широкая походка доминирующей обезьяны придает в глазах сородичей вес всем её действиям, так и человек, держащий себя надменно или бодро, сообщает окружающим, в каком ключе следует толковать подаваемые им сигналы. Индивиды, не обладающие подобной «мышечной харизмой», обречены на поражения там, где другие

побеждают. Впоследствии от таких людей часто можно слышать, что они сделали всё, что от них требовалось, и что они не могут понять, почему, невзирая на их интеллектуальное превосходство и более солидный опыт, им предпочли их соперников. Очень сложно убедить человека в том, что в определенных обстоятельствах лёгкая походка имеет большее значение, нежели научные степени. Такова сила Метасигналов.

Люди, в отличие от остальных животных, могут «обойти» Метасигнал осанки — для этого достаточно носить значок учреждения, в котором ты работаешь, или форму. Фактически вся одежда является Метасигналом, но форменная одежда, указывающая на принадлежность человека к авторитетной организации, — это особый случай. Оденьте человека, который абсолютно ничего из себя не представляет, в полицейскую форму — и всякое его действие станет более внушительным, более властным.

Совсем иной Метасигнал — направление взгляда. Когда мы видим, как яростно спорят два незнакомца, этот спор может пробудить в нас любопытство, однако мы не почувствуем при этом, что нам лично что-то угрожает. Мы слышим агрессивные слова и видим агрессивные действия, но понимаем, что направлены они не на нас, поскольку ссорящиеся незнакомцы смотрят друг на друга. Они стоят лицом к лицу и сверлят друг друга взглядами, нам становится ясно, что все их враждебные сигналы предназначены только оппоненту и никому другому.

Хоть это и очевидно, стоит упомянуть о том, что Метасигналы играют ключевую роль в оценке наших действий, когда мы попадаем в место, где собралось множество людей. Если бы мы не умели подавать собеседникам Метасигналы, общение в переполненном помещении стало бы попросту невозможным. Мета-сигнал направления взгляда сообщает: «Все мои действия с этого момента предназначены для тебя и только для тебя; другие могут не обращать на них внимания». Преподаватель может использовать этот тип Метасигнала, когда читает лекцию: его взгляд плавно скользит по лицам студентов, тем самым преподаватель даёт каждому из них понять, что обращается и к нему тоже.

В каком-то смысле весь мир развлечений и зрелищ являет собой непрекращающийся Метасигнал — будь то сцена театра или экран телевизора. Наблюдая убийства и злодеяния на сцене или на экране, мы получаем удовольствие лишь потому, что знаем: преступления совершаются понарошку. Актёры стремятся изобразить преступников настолько хорошо, насколько это в их силах, однако, как бы убедительны они ни были, в глубине души мы всё равно отдаём себе отчет в том, что это всего лишь игра. Причиной тому — Метасигнал сцены или экрана.

Очень редко это правило нарушается, и тогда нас охватывает испуг. Иногда актёры разыгрывают представление, спустившись со сцены в зрительный зал, к публике. Как показала практика, зрители, внезапно оказавшиеся «внутри» спектакля, испытывают сильнейший шок. Знаменитый пример — радиопередача, сообщавшая о том, что «Америку захватили марсиане»: репортажи о вторжении инопланетян были столь реалистичны, что многие американцы запаниковали на самом деле. Конечно, по радио человека обмануть проще, поскольку у радиопередачи отсутствуют присущие другим СМИ визуальные Метасигналы.

Говорят, что иногда один жест заменяет собой десятки слов, и эта мысль требует пояснения, поскольку касается «игривых» Метасигналов. Дело в том, что сплошь и рядом Метасигналы меняют смысл происходящего лишь «снаружи». Метасигнал улыбки сообщает нам о том, что дерущиеся несерьёзны, однако их столкновение может быть проявлением

скрытой агрессии, а не хорошего настроения. Точно так же человек, издевающийся над нами якобы в шутку, может быть настроен по отношению к нам весьма враждебно и скрывать эту враждебность под маской Метасигнала. Так или иначе, Метасигналы выполняют особую функцию — они сообщают нам о том, в каком ключе нужно воспринимать другие сигналы.

СВЕРХНОРМАЛЬНЫЕ РАЗДРАЖИТЕЛИ

Создание раздражителей сильнее их естественных эквивалентов

Сила воздействия Сверхнормального Раздражителя превышает силу воздействия его нормального аналога. В природе любое животное представляет собой систему компромиссов. Возьмем простой пример: если животное скрывается от хищников, маскируясь под элементы окружающей среды, его может не заметить и потенциальный брачный партнёр. Напротив, если животное ярко окрашено и привлекает, таким образом, брачных партнёров, оно будет слишком заметным и для хищника. Эти качества необходимо уравновесить. Для большинства видов достигнутой компромисс накладывает ограничения на развитие определённых качеств. Эксперименты с куклами животных, у которых была преувеличена какая-то одна черта, показывают, что вполне возможно обставить эволюцию и заставить эту черту работать более эффективно. Дикие животные не могут себе этого позволить, но мы — можем. В наших силах — улучшить свои физические данные и точно так же «сверхнормализовать» мир вокруг нас искусственными средствами. Если мы хотим стать более высокими, мы носим обувь с высокими каблуками; если мы хотим, чтобы наша кожа выглядела более гладкой, мы накладываем макияж; если мы хотим ужаснуть кого-нибудь, мы надеваем маски, изображающие подчёркнуто злые лица.

Для того чтобы наши эротические, агрессивные или статусные сигналы становились мощнее, мы усиливаем их при помощи различных средств. При этом мы не ограничиваемся телом и пытаемся сверхнормализовать другие элементы окружающей среды. Нам нравятся яркие цветы, потому мы выращиваем цветы, яркость которых превышает яркость любого растения в природе. Нам нравится вкусная пища, потому мы добавляем в пищу приправы и придумываем изысканные способы её приготовления. Нам нравится лежать на мягких кроватях, потому мы делаем сверхмягкие подушки и матрасы. Нам нравятся животные ярких, кричащих расцветок, потому мы меняем гены, отвечающие за окрас наших домашних питомцев, и создаем столь чёрных, белых или разношерстных животных, что они ни за что не выжили бы в естественных условиях.

Походите по любому супермаркету — и вы увидите сотни разнообразных сверхнормализующих веществ. Вот зубные пасты, обещающие сверхнормальную улыбку; вот мыло, обещающее сверхнормальную чистоту; вот масло для загара, обещающее сделать кожу сверхнормально смуглой; вот шампуни, обещающие сделать волосы сверхнормально мягкими. Массу средств такого рода предлагает и современная фармацевтика: снотворное для сверхнормального сна, стимулирующие таблетки для сверхнормальной бодрости и слабительное для сверхнормальной дефекации.

Если мы хотим чего-то сверх нормы, мы это получаем. Иногда наши притязания бессмысленны, однако стремление улучшить естественные функции организма толкает людей к новым сверхнормализующим средствам. Задолго до изобретения виагры существовало более девятистот традиционных средств, каждое из которых предположительно усиливало половое возбуждение. На практике почти все они не действовали, однако спрос был столь велик, что эти средства всё равно продавались в огромных количествах.

Во многих случаях Сверхнормальные Раздражители можно наблюдать не в самом

продукте, а в его упаковке. Обширная рекламная индустрия мучается, по сути, одним-единственным вопросом: как привлечь к продукту внимание покупателей? Поскольку многие современные продукты почти ничем не отличаются друг от друга, задача формулируется следующим образом: необходимо предложить продукт покупателю так, чтобы он купил именно его, а не продукт конкурентов. Предельно значимы становятся форма, фактура, цвет продукта и другие подобные характеристики. Если данная упаковка привлекает покупателей, следующая должна привлекать их с удвоенной силой. Если этот стиральный порошок делает бельё белоснежным, следующий должен делать его ещё белоснежнее.

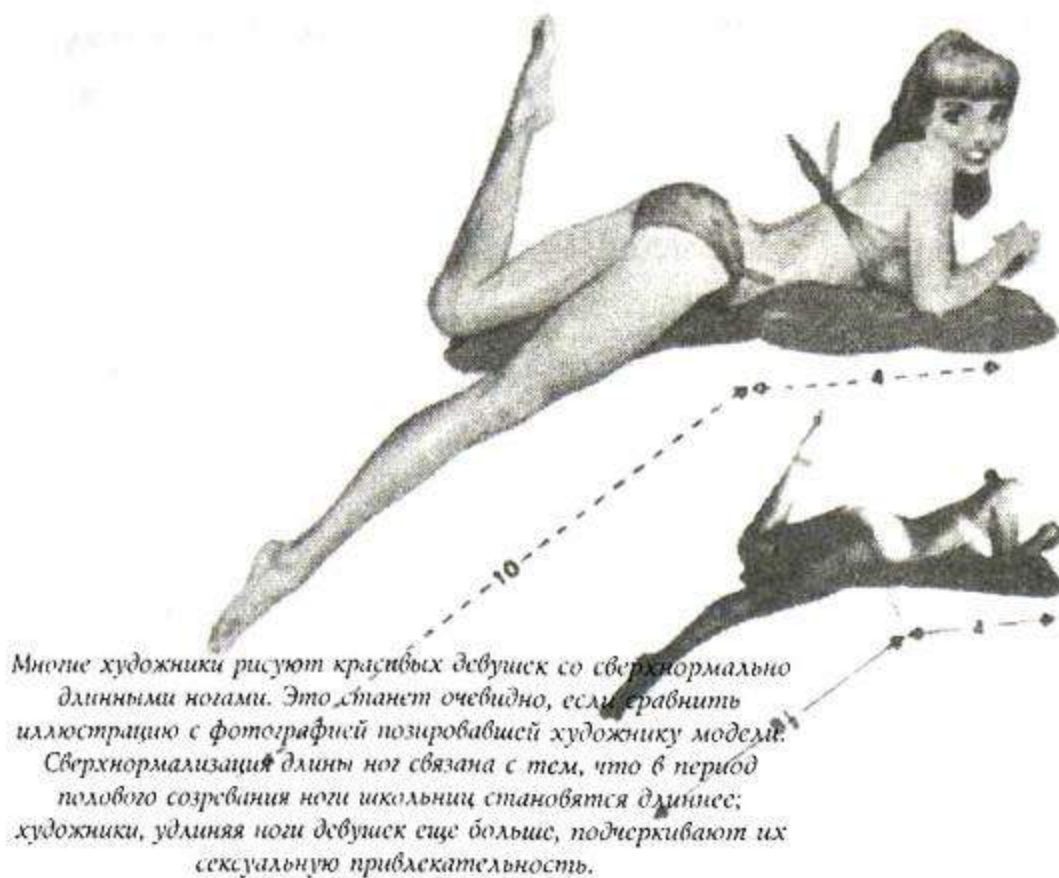
Сверхнормальный Раздражитель должен быть внушительным и предельно ясным. Иначе говоря, одни свойства продукта, те, которые в конкретном случае считаются самыми важными, должны быть преувеличены, другие — нет. Если сверхнормализовать сразу множество свойств продукта, покупатель, скорее всего, придёт в замешательство. Проблема была решена, когда установилась «диктатура раздражителей». Одни свойства продукта преувеличиваются, другие, наоборот, преуменьшаются, благодаря чему воздействие преувеличенных свойств на психику покупателя усиливается. Несущественные свойства продукта либо замалчиваются, либо умалчаются, в итоге его сверхнормальность становится куда более выразительной. В этом заключается суть процесса, который можно назвать «нагнетанием». Именно он лежит в основе почти всех книг, фильмов и пьес. Повседневные действия, совершаемые с той же скоростью, что и в жизни, никого не удивляют, поэтому «нагнетатели» искусно выпячивают самые важные моменты и умалчивают о прочих. Если они заходят слишком далеко, преувеличения становятся очевидными и перестают на нас воздействовать. Мы отвергаем слишком мелодраматический вымысел, но если сверхнормализация проведена специалистами своего дела, на короткий промежуток времени нас обуревают эмоции, равных которым в нашей обыденной жизни просто нет. Любители оперы, балета и мультфильмов не подчиняются этому правилу и наслаждаются сознательным выходом за пределы искусственного преувеличения. В этих видах искусства никто не пытается скрыть сверхнормализацию, и мы принимаем это как должное. То же верно в отношении многих детских игрушек, в особенности кукол; диктатура раздражителей тут — нечто само собой разумеющееся. Важно отметить, что в основном это касается игрушек для маленьких детей. Дети среднего и старшего возраста, приближающиеся к взрослому состоянию, предпочитают более реалистичные игрушки, по которым можно изучать окружающий мир.

Схожая тенденция наблюдается в рисунках детей разных возрастов. Рисунки маленьких детей полны сверхнормальных элементов, что роднит эти рисунки с искусством первобытных людей и диких племен. Поскольку голова — самая важная часть тела, она изображается огромной. Так же важны глаза, оттого они изображаются очень большими.

Лишь достигнув отрочества, дети отказываются от преувеличений и рисуют, пытаясь соблюсти естественные пропорции. История искусства, однако, знает немного случаев, когда художники или скульпторы, изображая кого-то или что-то, стремились к точнейшему соблюдению пропорций, наблюдаемых в реальности. Когда люди искусства творят, они уходят от всяких требований к реалистичности. Если человек на рисунке бежит, у него могут быть неестественно длинные ноги; если совокупляется, у него может обнаружиться огромный, ненормально длинный пенис; если выкрикивает угрозы, во рту у него могут появиться невероятно большие клыки. «Сверхнормализация» человеческого тела

искусственными средствами, в конечном счете, ограничена, ибо эти средства могут быть слишком тяжелыми или затруднять свободу передвижения. На картине подобных ограничений не существует, потому что сверхнормализованные элементы могут увеличиваться в сотни раз.

Самым непосредственным образом с диктатурой раздражителей связан такой вид искусства, как карикатура. Рассматривая лицо реального человека как отклонение от «идеального» лица и отмечая элементы, которые кажутся чуть длиннее, шире, больше или толще, чем «полагается», карикатурист может усилить воздействие картинки, преувеличив эти элементы и одновременно затушевывая те черты лица, которые не бросаются в глаза. В конечном счёте, качество карикатуры зависит не от того, насколько смешно изображен человек, а от того, соблюдена ли гармония между всеми сверхнормализованными чертами нарисованного лица. По сути, карикатурист рисует так же, как рисуют маленькие дети или первобытные художники, разница лишь в том, что его занимают не общие характеристики человека, а индивидуальные особенности.

Под Сверхнормальными Раздражителями можно понимать и те, что не имеют естественных эквивалентов. Чтобы понять, что это такое, рассмотрим два примера. По мере того как девушка приближается к половой зрелости, её ноги удлиняются, поэтому считается, что длинные ноги делают девушку сексапильной. Художники, создающие иллюстрации для мужских журналов, намеренно изображают девичьи ноги более длинными, чем они есть на самом деле. Сопоставляя эти иллюстрации с фотографиями позировавших моделей, мы видим, что ноги нарисованных девушек длиннее ног реальных девушек иногда в полтора раза. Увеличивая длину ног, художники отталкиваются от нормальной анатомии человеческого тела. Но что происходит, если отправной точкой становится некая вещь, созданная не природой, а человеком, например автомобиль? «Естественного эквивалента» тут нет, зато есть сверхнормализованные машины, демонстрируемые ежегодно на

автосалонах. Проектировщики автомобилей, как и художники, рисующие картинки для мужских журналов, желают добиться от покупателей сверхнормальной реакции на свои творения. Что является естественным для такого искусственного изделия, как машина? «Естественных» машин не бывает, иначе говоря, нет нормы, от которой мы можем отталкиваться при производстве сверхнормализованных образцов. Зато у каждого изделия есть «традиционная» форма, которую можно улучшать. На каждом этапе истории автомобилестроения традиционная, «нормальная» машина имела свои очертания. Её параметры не определены раз и навсегда, они меняются от года к году. С каждым новым прорывом меняются и стандарты «нормального» автомобиля. В итоге базовые принципы сверхнормализации остаются теми же самыми, несмотря на то что определить норму в этой ситуации — задача не из простых.

Салоны красоты предлагают женщинам превратиться в супермоделей при помощи, например, увеличенных накладных ресниц. Благодаря им глаза кажутся больше, а движения век выглядят более лёгкими. И, наоборот, женщины выщипывают брови, чтобы подчеркнуть разницу между полами — считается, что у мужчин брови гуще, а у женщин тоньше.

Подобное случается в нашем мире постоянно. Мы не устаём преувеличивать любой элемент окружающей среды. Часто мы акцентируем внимание на отдельном элементе настолько, что страдаем от «раздражительного» несварения — и бежим от переперчённых блюд к простой, не испорченной приправами пище для размышлений. Эволюционные компромиссы, ограничивающие жизнедеятельность других видов животных, над нами не

властны, поэтому, когда нам надоедает то, что поначалу казалось весьма желанным, мы переходим к чему-то новому, и весь цикл повторяется заново. Пресытившись одним Сверхнормальным Раздражителем, мы переключаемся на другой, вновь выбираем элемент, который нам хочется сверхнормализовать, и наслаждаемся им, пока он не приедается. Иными словами, мы заточили себя в заколдованный круг перемен. Эти закольцованные перемены составляют основу явления, которое принято называть «модой».

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Как мы реагируем на прекрасное — в природе и в жизни

Цель Эстетических Действий — погоня за красотой. Сказать легко, объяснить — куда сложнее; красота — качество эфемерное, особенно с биологической точки зрения. Красота никак не связана с базовыми моделями поведения, нацеленными на выживание, такими, как питание, спаривание, сон или родительская забота. И все же нельзя сказать, что красота не играет в нашей жизни никакой роли: любое объективное изучение поведения человека отмечает, что мы тратим много часов, тем или иным способом реагируя на прекрасное. Никак иначе нельзя описать реакцию мужчин и женщин, которые молча замерли перед картинами в художественной галерее, тихо сидят, слушая музыку, наблюдают за танцующими, осматривают скульптуры, пристально глядят на цветы, наслаждаются пейзажем или смакуют вино. В каждом из этих случаев органы восприятия передают информацию в мозг, и получение этой информации есть единственная цель, которую человек преследует в данный момент. Опытный ценитель вин доходит до того, что выплёвывает вино, которым только что наслаждался, словно желая подчеркнуть, что он стремится насладиться прекрасным, а не напиться.

Всякое сообщество, так или иначе, выражает себя эстетически, поэтому человеку жизненно необходимо научиться реагировать на красоту. При этом прекрасное невозможно каким-либо образом измерить. Нет ничего такого, что все люди на земле однозначно считали бы красивым. Всякий объект, почитаемый за красоту, кто-то наверняка полагает уродливым. Ввиду этого теория эстетики выглядит по большей части вздором, хотя многим трудно с этим согласиться. Мы часто ощущаем, что та или иная форма красоты обладает самоценностью, что та или эта вещь настолько прекрасна, что её обязаны признать таковой все и каждый. Горькая правда заключается в том, что красота — в глазах смотрящего и нигде больше.

Если это так, возможно ли сказать хоть что-то о биологическом аспекте красоты? Если каждый человек понимает прекрасное и безобразное по-своему, если соответствующие концепции меняются от местности к местности и от эпохи к эпохе, какой вывод можно сделать касательно реакции людей на красоту, кроме одного — красота есть дело вкуса? Оказывается, тем не менее, что основные правила, которым подчиняется такая реакция, остаются неизменными. Эти правила ничего не говорят о природе объекта, воспринимаемого как «прекрасный», однако они объясняют, как мы научились реагировать на красоту — и как эта реакция возникает и меняется сегодня.

На время исключим из рассмотрения предметы, сотворённые руками человека, и сосредоточимся на том, как мы реагируем на природные объекты. Первым открытием станет для нас тот факт, что красивые объекты не обособлены — они составляют группы и поддаются классификации. Цветы, бабочки, птицы, камни, деревья, облака, прочие элементы окружающей среды, которые кажутся нам привлекательными, бывают самых разных цветов, размеров и форм. Глядя на один такой объект, мы вспоминаем все объекты того же класса, виденные до того. Когда мы смотрим на цветок, мы видим один из множества цветов, на которые когда-либо смотрели. Мозг сохраняет информацию об этих объектах в особом кластере «цветы», и как только нам на глаза попадается очередной цветок, его визуальный

образ сравнивается с накопленными ранее данными. Объект, который мы видим, становится для нас цветком лишь после этого сравнения.

Другими словами, человеческий мозг функционирует как мощное классифицирующее устройство. Всякий раз, когда мы видим некий пейзаж, это устройство поглощает наши впечатления и сравнивает их с уже имеющимися. Мозг «раскладывает по полочкам» всё, что мы видим. Значение такой классификации для выживания очевидно. Нашим предкам, как и всем млекопитающим, необходимо было знать об окружающем мире как можно больше. Например, обезьяне нужно уметь распознавать различные виды деревьев и кустарников в лесу, где она живет; она должна понимать, какое дерево приносит плоды и в какое время года, какие плоды ядовиты, у каких кустарников есть шипы. Для того чтобы выжить, обезьяна обязана стать выдающимся ботаником. Точно так же лев должен разбираться в зоологии, чтобы с первого взгляда распознать потенциальную добычу, понять, как быстро она бежит и в какую сторону может побежать.

Первобытный человек познавал окружающий мир, рассматривая и изучая форму, цвет, размер, поведение, движение, звук и запах всякого растения и животного. Единственный способ изучить мир как следует — это развить в себе потребность классифицировать все явления, которые человек наблюдает в повседневной жизни. Я называю эту потребность таксофилической (дословный перевод — «страсть к упорядочиванию») и утверждаю, что её значение было столь велико, что в конце концов данная потребность зажила собственной жизнью. Она сделалась одной из основных потребностей человека — наряду с питанием, совокуплением и сном. Изначально наши предки классифицировали ягоды или виды антилоп, когда искали пропитание, но прошло время, и они стали делать то же самое, даже когда не испытывали голода. Они начали классифицировать ради классифицирования. Это опять же было необходимо для выживания: с раннего детства человек испытывает сильное желание упорядочить и организовать все элементы наблюдаемого мира в собственном сознании, чтобы впоследствии, когда это будет необходимо, знания сослужили ему хорошую службу.

Школьники часто жалуются на то, что в процессе обучения их заставляют запоминать огромное количество ненужных (на первый взгляд) сведений. Если бы им довелось родиться в каменном веке, они учили бы «уроки» в естественных условиях и запоминали бы выученное куда лучше. В школе ботаника кажется скучной, геология — абстрактной, энтомология — бессмысленной. Однако, невзирая на эти жалобы, таксофилическая потребность достаточно сильна: даже в бесстрастной, разреженной атмосфере школы подростки способны загружать в память большие массивы фактов из тех областей знания, с которыми они вряд ли когда-либо сталкивались. Эта удивительная способность проявляется в большей мере, когда ребёнок попадает в ситуацию, в которой таксофилия приобретает некий смысл. Попросите школьника, которого считают тупицей, перечислить даты футбольных матчей, забитые голы, игроков и цвета футбольных команд, и, если он увлечен футболом, вы утонете в потоке фактов, которые, оказывается, замечательно классифицированы в его голове. Попросите школьницу перечислить выходившие в течение последних трех лет музыкальные альбомы, названия песен, имена солистов и музыкантов, и, если эта школьница слушает современную музыку, она моментально выложит вам и названия, и имена. Человек начинает классифицировать мир удивительно рано. Начните играть с четырёхлетним ребенком, например, в машинки, и вскоре он научится различать около сотни моделей автомобилей. Человек — настоящее чудо в том, что касается

классификации информации, и это касается практически любой информации, имеющейся в окружающей среде и являющейся частью мира, в котором живет ребёнок.

Именно таксофилическая потребность лежит в основе нашей реакции на красоту. Когда мы впервые слышим пение некой птицы или гуляем по саду, в котором раньше не были, и наслаждаемся звуками или цветами, мы говорим: «Какая красота!» Кажется, что источником наслаждения является пение птицы или сад, но на самом деле этим источником стало новое впечатление, которое наш мозг сравнил со всеми прежними впечатлениями в соответствующей категории. Пение птицы моментально сравнивается с пением птиц, которых мы слушали ранее, сад — со всеми виденными до того садами. Прекрасное распознается только в сравнении, оно относительно, а не абсолютно.

Но если красота появляется лишь в результате сравнения, то же можно сказать об уродстве, и разницу между ними нам ещё только предстоит определить. Всё зависит от того, как именно мы создаем кластеры, когда классифицируем мир вокруг нас. Каждый кластер или категория объединяет объекты определённого типа с общими свойствами, которые делают их похожими, но не идентичными. Распознав свойства данного объекта, мы размещаем его в том или ином кластере. Чем больше у двух объектов общих свойств, тем ближе они расположены друг относительно друга в нашей таксофилической схеме. Этот важный процесс часто идет на подсознательном уровне, и мы не понимаем, что заняты классификацией. Фактически мы создаём свод критериев, определяющих, что такое «птичье пение» или «сад». Услышав пение птицы или увидев сад, мы подсознательно анализируем, насколько эти объекты соответствуют установленным критериям. Если мы решили, что птичье пение — это длинная последовательность чистых звуков различной высоты, пение конкретной птицы будет для нас красивым, если оно выделяется именно по этим параметрам. Если последовательность звуков короткая, резкая и повторяющаяся, мы посчитаем такое пение плохим или некрасивым. Если мы решили, что сад — это буйство красок и растения с большими лепестками разных цветов и оттенков, конкретный сад мы опять же будем оценивать по соответствию этим критериям.

Предположим, что мы, напротив, предпочитаем более тихое, приглушенное пение птиц или неяркие цветы. В этом случае и наша шкала ценностей, и наша реакция на поющую птицу или сад будет другой. Мы сочтём птичье пение слишком навязчивым, а краски сада — слишком кричащими. Отсюда ясно, что красота — понятие относительное. Эстетическое восприятие зависит от прежних впечатлений, складированных в мозгу и сформировавших те или иные критерии для птичьего пения или сада. Но если мы все живём в одном и том же мире, откуда берутся различия в восприятии?

Ответ на этот вопрос кроется в процессе, который мы назовем «обобщение раздражителей». Возьмём простой пример: если маленького мальчика кусает собака, он может возненавидеть всех собак на свете. Страх перед одной собакой распространяется на всех остальных собак любых пород. В один момент собаки становятся для мальчика гадкими, злыми, вонючими бестиями, хотя раньше все они входили в группу объектов, привлекательность и красота которых различались. До нападения мальчик, как и большая часть людей, был способен воспринимать незначительные отличия одной собаки от другой; может быть, он делал это не так хорошо, как судья на собачьей выставке, и все же определённые критерии оценки собак у него имелись. После нападения эти критерии исказились. Теперь мальчик не может назвать красивой ни одну собаку. Подобное обобщение раздражителей может коснуться объектов любого типа. Если женщину жестоко избили у

розового куста, она может возненавидеть розы на всю оставшуюся жизнь. Если другая женщина у того же розового куста потеряет голову от любви, в её сознании может произойти обратный процесс.

Схожим образом на нас влияет множество событий и явлений. Когда мы узнаем, что некто, кого мы презираем, обожает птичье пение, нежные трели, вполне возможно, в одночасье станут казаться нам раздражающей какофонией. Если некто, кого мы уважаем, любит свиней, вскоре мы будем считать красивой и хрюкающую свиноматку. Когда некий предмет, стоивший однажды гроши и имевшийся в каждом доме, становится очень дорогостоящей редкостью, мы моментально замечаем, что он, оказывается, красив, и удивляемся тому, как мы не разглядели его красоту раньше.

Возможно, кому-то приведенные примеры покажутся банальными, но мы должны помнить о том, что многие люди, не желая замечать очевидного, по-прежнему считают красоту неотъемлемым свойством той или иной вещи. Наиболее ярко подобные представления о прекрасном проявлены в мире «женских прелестей» с его конкурсами красоты и идеальными моделями. Веками мужчины спорят о том, какие женщины красивы и почему, но ни один из них так и не сумел решить эту проблему раз и навсегда. Красотки различных эпох и стран очень не похожи друг на друга. Тем не менее, всегда есть мужчины, считающие, что красивые женщины именно таковы и не могут быть никакими другими. Одни считают, что прекрасная девушка непременно должна быть полной; другие — что стан её должен быть тонким и гибким; третьи — что фигура у красивой девушки походит на песочные часы. Что касается лица, разные страны и эпохи предъявляли его частям и их пропорциям самые различные требования. Прямые заостренные носы и маленькие вздернутые носы; голубые глаза или тёмные глаза; узкие губы или толстые губы — у всякого варианта есть свои поклонники.

Из-за этих вариаций чрезвычайно интересно наблюдать за тем, как выбирают «международных» королев красоты, например, на печально известных конкурсах «Мисс Мира» и «Мисс Вселенная». В ходе этих «состязаний» девушек из стран с напрочь отличающимися идеалами красоты оценивают так, будто все они принадлежат одной и той же культуре. Как следствие, подобные конкурсы превращаются в бессмыслицу и оскорбляют все участвующие в них страны, кроме западных. Получается, что красавицы из Китая или Африки должны соответствовать стандартам красоты не своих стран, а западной цивилизации. Если побеждает чернокожая или азиатская красавица, то лишь потому, что она сложена как белая женщина. Девушкам из стран, где главными признаками красоты считаются выступающие ягодицы, удлиненный клитор или необычно большие половые губы, на этих конкурсах делать нечего — они все равно не дойдут до полуфинала.

Раньше единственными критериями, на которые ссылалось жюри при отборе участниц конкурсов вроде «Мисс Мира», были «вайтлз» (от английского vital statistics) — объемы груди, талии и бедер женщины. У средней победительницы конкурса красоты второй половины XX века эти объемы составляют 90–60—90 (в сантиметрах). Мы не можем сопоставить их с «вайтлз» реальных женщин более отдаленных эпох, но если предположить, что сохранившиеся женские статуэтки дают нам представление об идеале женской красоты своего времени, окажется, что этот идеал очень сильно менялся. Одной из первых таких «королев красоты» является Венера Виллендорфская, небольшая статуэтка из камня, найденная в Центральной Европе. У Мисс Каменный Век (20 тысяч лет до н. э.), послужившей моделью скульптору, «вайтлз» были 240–225—240. Для сравнения: Мисс

Долина Инда (2000 год до н. э.) — 115—85—160; Мисс Кипр (поздний бронзовый век, около 1500 года до н. э.) — 110—106—112; Мисс Амлаш (около 1000 года до н. э.) — 95—112—200, в ту же самую эпоху «вайтлз» Мисс Сирии — 78—66—90.

Понятно, что, перебирая местности и эпохи, мы столкнемся с настолько разными идеалами женской красоты, что следует оставить надежду обнаружить самую совершенную девушку на свете, которая казалась бы прекрасной всем и каждому. Это, разумеется, не означает, что нет такого явления, как основные «женские» сигналы, и что у мужчин не бывает врождённой реакции на эти сигналы. Тендерные сигналы и эротические телодвижения свойственны нашему виду, как и всем остальным животным. При этом эротические сигналы такого рода могут подавать любые представительницы женского пола вне зависимости от того, насколько прекрасными или безобразными они считаются по местным стандартам. У уродливой женщины, как и у красивой женщины, есть полный набор женских анатомических признаков и репродуктивные органы, она может быть верным другом и обладать прекрасным характером, однако, несмотря на все эти качества, мужчина может находить её внешность столь непривлекательной, что не станет стремиться к тому, чтобы с ней спариться.

Обезьянам такое поведение понять трудно. Самец обезьяны не принимает в расчёт сравнительную красоту самки. Для него самка есть самка. Уродливых обезьян не бывает. Мужчины, напротив, смотрят на женщин и как на представительниц другого пола, и как на индивидов, которые могут быть менее или более красивы. Высокоразвитая таксофилическая потребность проникает во все сферы жизни мужчины, он безжалостно классифицирует и раскладывает по полочкам всё, что видит, и женщины тут — не исключение. В результате привлекательная женщина может отличаться от непривлекательной чуть по-другому изогнутым носом или несколько иной кривизной щеки.

Очевидно, что с практической точки зрения пропорции частей лица или, если уж мы об этом заговорили, размер груди с точностью до сантиметра совершенно не влияют на качества женщины как долгосрочного партнёра. Тем не менее, именно эти незначительные детали являются для мужчины существенными свойствами понятия «красота» и зачастую играют важную роль при выборе «своей половины».

Вторжение на эротическую арену влиятельных эстетических предпочтений существенно изменило жизнь человека. С одной стороны, мы наблюдаем расцвет пластической хирургии и косметологии, благодаря которым женщины получили способность выглядеть более привлекательными. Женщина может отвратительно готовить, быть плохой матерью, вести себя крайне эгоистично — и при этом демонстрировать всем своим внешним видом, что она будет супругой отменного качества. С другой стороны, мы видим клубы для одиночек, на время дающие приют многим брошенным и отвергнутым женщинам, которые могут отлично готовить, быть замечательными матерями и обладать превосходными душевными качествами, но всё равно остаются одиночками и не выходят замуж всего лишь из-за своих неброских лиц или некрасивых фигур. (Само собой, всё это верно и в отношении мужчин — женщины часто предпочитают приятным некрасивым мужчинам неприятных, но красивых.)

Если бы эта тенденция была безусловной, в конце концов, между «красивыми людьми» и «уродливыми людьми» образовалась бы пропасть, поскольку красавцы женились бы на красавицах, а некрасивые — на некрасивых, и их отпрыски становились бы сверхкрасивыми или сверхбезобразными. Этого не происходит по нескольким причинам, не в последнюю

очередь потому, что «богатое уродство» часто оказывается более предпочтительным, нежели «бедная красота». Кроме того, когда наступает пора принимать решение и выбирать партнёра, многие индивиды предпочитают не доверять своему чувству прекрасного и берут в расчёт более объективные критерии, даже если всю жизнь расточали похвалы привлекательным телам. Выбрав партнёра, они могут продолжать оценивать других людей — кинозвезд, красоток из рекламных роликов, просто прохожих — с эстетических позиций, однако делают это в мире своих фантазий и не позволяют чувству прекрасного вторгаться в отношения со спутником или спутницей жизни.

Перейдя к вопросу искусственно созданной красоты, мы попадем в область, которую принято именовать «искусством». Искусство лучше всего определить как красоту, созданную руками человека. Оно бытует в двух основных формах: искусство-действие и искусство-объект. В первом случае мы наблюдаем эстетически значимое событие, во втором — эстетически значимый предмет. В обоих случаях мы оцениваем искусство, сравнивая и классифицируя (как и в случае с естественной красотой) ключевые свойства данного действия или объекта. Разница состоит в том, что, оценивая элемент окружающей среды, мы просто выбираем его из числа прочих элементов. Мы не причастны к его появлению, мы всего лишь его обособливаем. Оценивая искусство, мы, напротив, сами же его и творим.

Здесь возникает новая проблема: как создать такое произведение искусства, чтобы его свойства дарили людям наслаждение. Если, например, мы собираемся любоваться дикими животными или полевыми цветами, от нас не требуется ничего создавать. Животные и цветы уже существуют, их создала эволюция. Но если мы хотим написать песню или нарисовать картину, нам самим придется сыграть роль эволюции для произведений, которые мы создаем.

Художник, всматривающийся в чистый холст, и композитор, сидящий перед безмолвным фортепиано, ощущают, прежде всего, ответственность. Они начинают с нуля — или, точнее, с бесконечности. Теоретически они могут выбрать абсолютно любую тему, нарисовать любой предмет, сыграть любую последовательность нот. Человек искусства по сравнению с индивидом, любующимся естественной красотой, решает особую задачу. Как он делает выбор?

Обычно в такой ситуации люди искусства сразу накладывают на себя жёсткие ограничения. Иными словами, они выбирают форму произведения. Им стодится любая, допускающая большое количество вариаций. Художнику ничего не стоит изобразить элемент окружающей среды, например, дерево; композитору — украсть мелодию у поющей птицы. С другой стороны, художник может взять за основу геометрический узор какой-нибудь геологической структуры. Начав экспериментировать с формой, заимствованной у природы, он может затем менять его так, как ему захочется, пока картина не перестанет быть похожей на исходный рисунок, превратившись в абстракцию. Музыка прошла этот путь давным-давно. Живопись и скульптура, напротив, начали использовать возможность абстрагироваться от природы лишь в последнее время.

Подражает ли художник природе или пишет новаторские абстракции, его работа оценивается, в конечном счёте, не по каким-то абсолютным критериям, а по тому, насколько искусную вариацию на выбранную тему ему удалось создать. Красота картины зависит от того, сумел ли художник избежать наиболее очевидных, топорных решений, удалось ли ему воплотить на холсте «смелую», «тонкую», «забавную» или «удивительную» вариацию на тему, не разделавшись при этом с самой темой. Такова истинная природа искусственной

красоты. В эту игру люди выучились играть в совершенстве.

По большей части поведение человека асимметрично. Эту асимметрию, или латеральность, мы можем наблюдать всякий раз, когда одна половина нашего тела действует активнее, чем другая. Всякий раз, когда мы машем рукой, подмигиваем, похлопываем кого-то по плечу, размахиваем кулаком, поднимаем бровь, смотрим в телескоп, складываем на груди руки или скрещиваем ноги, мы вынуждены предпочесть одну сторону тела другой. Каждое такое действие требует недвусмысленного выбора (как правило, он делается мгновенно и неосознанно), при этом полушария мозга активизируются по-разному. Нерешительность и бездействие равны неэффективности.

Впервые проблема выбора возникает в детстве, и мы решаем её довольно сложным образом, в несколько этапов. В возрасте 12 недель младенцы обычно владеют обеими руками одинаково хорошо. Через четыре недели они начинают отдавать предпочтение левой руке, ещё через восемь недель снова используют обе руки. В возрасте 28 недель они начинают пользоваться преимущественно правой рукой. Достигнув возраста 32 недель, они вновь возвращаются к билатеральности. Проходит четыре недели — и всё меняется: большая часть младенцев пользуется теперь в основном левой рукой. Между сороковой и сорок четвёртой неделями преимущество опять получает правая рука. В возрасте 48 недель часть младенцев решает, что главная рука — левая, а между пятьдесят второй и пятьдесят шестой неделями правая рука выигрывает битву за доминирование.

Но выигрывает временно: маятник продолжает раскачиваться. В возрасте 80 недель правая рука снова терпит поражение, и дети пользуются обеими руками. Когда ребёнку исполняется два года, он возвращается к праворукости; между двумя с половиной и тремя с половиной годами его руки опять равноправны. Лишь когда ребёнку исполняется четыре года, он начинает отдавать предпочтение какой-то одной руке. С возрастом это предпочтение проявляется всё более ясно, наконец, в возрасте восьми лет ребёнок окончательно определяется и становится либо правшой, либо левшой.

Самое любопытное в этой странной битве праворукости и леворукости — это конечный результат: большая часть людей в итоге предпочитает праворукость. Правшами от природы являются в среднем девять из десяти школьников, левшой — лишь один. Пока что никто не смог объяснить, почему у большинства людей ведущая рука — правая. Это одна из небольших загадок, связанных с человеческим телом.

Такие загадки сильно осложняют жизнь ученым. Принять соотношение 50:50 или 100:0 было бы гораздо легче, однако факт остается фактом: в любом уголке мира одна десятая часть населения отказывается присоединиться к большинству правшей. Разумеется, большинство периодически делало попытки подавить несчастное меньшинство (хоть сегодня на Земле и живут около 200 миллионов левшей). Иногда леворукость высмеивалась, иногда наказывалась, иногда даже запрещалась. В прошлом во многих культурах от учителей и родителей требовали принуждать леворуких детей становиться правшами. Кое-где это делают и сейчас.

Во многих странах просвещённые педагоги отказались от такого подхода и позволяют

детям быть левшами, если они таковы от природы. Тем не менее, на леворуких людей по-прежнему смотрят как на чудаков, полагая, что они не совсем (в обоих смыслах слова) «правы».

В различных языках существуют оскорбительные слова, указывающие на леворукость человека. Английское слово *sinister* («зловещий, жуткий») происходит от латинского слова, обозначающего левшу. Французское слово *gauche* означает не только «левый», но и «неуклюжий», «неповоротливый». Аналогично итальянское слово *manico* означает также «нечестный», «вероломный»; португальское слово *canhoto* — «слабый», «шаловливый»; испанское слово *zurdo* или *a zurdas* — «не так», «шиворот-навыворот».

Библия ясно говорит о том, что Бог праворук, а Дьявол — наоборот. Как сказано в Евангелии от Матфея, Господь «поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую», чтобы проклясть «козлов» и отправить их в вечный огонь. В буддизме, индуизме и мусульманстве правая рука считается чистой, левая — нечистой. В британском суде и по сей день человек, приносящий клятву говорить только правду, должен «взять Библию в правую руку».

Переходя от религии к светской жизни, нельзя не заметить, что многие бытовые предметы спроектированы исключительно для праворуких людей — начиная с ножниц и швейных машин и заканчивая картофелечистками и авторучками. Бокал всегда ставят по правую руку от сидящего, вино наливают через правое плечо. Все мыжимаем друг другу правые руки. В армии принято отдавать честь правой рукой. Миллионам левшей ничего не остается, кроме как смириться с тиранией праворуких ради мира и согласия в обществе.

Многим (в основном праворуким) из тех авторов, что пишут о феномене леворукости, меньшинство левшей кажется не просто чужаковатым, но и откровенно воинственным. Хотя исследования показывают, что маленькие дети становятся левшами, совершенно не отдавая себе в этом отчет и понимая, что пользуются преимущественно левой рукой, лишь когда им на это указывают, авторы книг о левшах, ничтоже сумняшеся, пишут о том, что левши — это «упрямые и своенравные... деспотичные, заносчивые и недисциплинированные... строптивые интроверты». Очевидно, именно такое впечатление произвели на автора этих слов леворукие люди, которые не желали становиться праворукими и сопротивлялись оказываемому на них давлению.

Часто о левшах говорят, что они, наоборот, более склонны к творчеству, искусству, индивидуализму и изобретательности, нежели правши. Защитники этой теории упирают на то, что у леворуких людей доминирующим является правое полушарие мозга, иначе говоря, интуиция у них преобладает над рациональным анализом. Иногда нам предлагают список имен знаменитых левшей, например:

— писатели и мыслители: Марк Твен, Льюис Кэрролл, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн, Альберт Швейцер;

— художники: Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Альбрехт Дюрер, Пауль Клее;

— правители и военачальники: Рамзес II, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Жанна д'Арк, Наполеон, Бенджамин Франклин, Гарри Трумэн, Джордж Буш, Рональд Рейган, Билл Клинтон, Гарольд Макмиллан, Уинстон Черчилль, Ганди, Фидель Кастро;

— композиторы и музыканты: Бетховен, Рахманинов, Равель, Паганини, Коул Портер, Пол Маккартни, Джордж Майкл, Пол Саймон и Арт Гарфункель, Джими Хендрикс, Фил Коллинз;

— актёры: Чарли Чаплин, Гарпо Маркс, Грета Гарбо, Кэри Грант, Джуди Гарленд, Рекс Харрисон, Питер Устинов, Мэрилин Монро, Стив Макквин, Роберт Редфорд, Брюс Уиллис, Деми Мур, Том Круз, Николь Кидман, Джулия Роберте, Голди Хоун, Эмма Томсон;

— спортсмены: Пеле, Марадона, Бейб Рут, Джон Макинрой, Мартина Навратилова, Моника Селеш.

Любой общий спор о леворукости и праворукости зиждется на свехупрощении. Обычно «левизну» и «правизну» приравнивают исключительно к тому, какой рукой человек пишет. Сам термин «праворукий» вызывает в первую очередь мысль о том, что данный индивид держит в правой руке ручку или карандаш, хотя есть множество других «односторонних» действий, которые мы совершаем каждый день. Для того чтобы избежать столь однозначных ассоциаций, было проведено исследование, в ходе которого изучались 45 различных «односторонних» действий. Десять человек совершали то или иное телодвижения, а исследователи подсчитывали, какой стороной тела предпочитает действовать каждый из «подопытных» — правой или левой.

Исследование показало, что ни один из этих людей не был абсолютным левшой или абсолютным правшой. Наиболее «праворукий» индивид выполнил 40 правосторонних движений, наиболее «леворукий» — 32 левосторонних движения из сорока пяти. Тем не менее, все десять испытуемых отдали предпочтение какой-то одной стороне тела, и ни у одного из них правосторонние и левосторонние движения не разделились в пропорции, близкой к 50:50. Ближе всего к этой пропорции была женщина, совершившая 15 левосторонних действий и 30 правосторонних, таким образом, даже она показала склонность к «правости» в соотношении 2:1.

В ходе эксперимента участников просили совершить действия трех типов. Во-первых, это были разнообразные движения одной рукой, например, испытуемый должен был позвать кого-либо, написать что-либо или почесаться. Девять из десяти проделывали всё это в основном правой рукой, а один, наоборот, в основном левой. Во-вторых, это были разнообразные действия, не связанные с руками: «подопытному» предлагалось наклонить голову к плечу или вильнуть одним бедром. Опять же, девять людей предпочли правую сторону тела, хотя руки тут задействованы не были. Тот же «левосторонний» вновь отдал предпочтение левой стороне тела. В-третьих, это были движения двумя руками, например, нужно было ударить кулаком по ладони или продеть нитку в иголку. При этом были задействованы обе руки, но одна действовала активно и совершала основное движение, а другая оставалась пассивной и часто не двигалась вообще. Даже когда мы не шевелимся, например, сидим, зажав одну руку в другой, можно различить активную, зажимающую руку и руку пассивную, зажимаемую. Когда движение выполняется двумя руками, склонность к «правизне» или «левизне» выражена уже не столь чётко, и два «праворуких» человека по результатам этого теста перешли в лагерь «леворуких».

Столь обстоятельные исследования помогают понять, что нашу склонность к тем или иным телодвижениям невозможно объяснить какой-либо простой теорией. Разумеется, легче всего разделить всех людей на две совершенно разные группы. Но, судя по всему, каждый праворукий человек в чём-то леворук — и наоборот. Мы совершаем немало действий автоматически, нисколько не задумываясь о том, какую именно часть тела при этом задействуем.

Для того чтобы определить, насколько вы «правосторонни» или «левосторонни», нужно задать себе десяток вопросов. Разумеется, вы знаете, в какой руке держите ручку; но

насколько ваше тело склонно к правой, а насколько к левой стороне? Левоглазы вы или правоглазы? Левоухи или правоухи? Хлопая в ладоши, вы ударяете правой ладонью по левой или наоборот? Попробуйте ответить на следующие вопросы:

1. Представьте, что у вас чешется кожа на хребте. Какой рукой вы почешете спину?
2. Переплетите пальцы рук. Большой палец какой руки оказался сверху?
3. Представьте, что вы хотите кому-то поаплодировать и готовитесь ударить в ладоши.

Какая рука оказалась наверху?

4. Представьте, что перед вами стоит друг, и подмигните ему. Каким глазом вы подмигнули?

5. Сложите руки за спиной, вложив одну руку в другую. Какая рука держит какую?

6. Вы видите человека, он что-то кричит вам, но вы не можете ничего слышать.

Приложите руку к уху. К какому уху вы приложили руку?

7. Сосчитайте до трёх на пальцах, прикасаясь указательным пальцем одной руки к пальцам другой. Указательный палец какой руки вы для этого использовали?

8. Наклоните голову к плечу. Какого плеча вы ею коснулись?

9. Сложите руки на груди. Какая рука оказалась сверху?

10. Посмотрите на маленький удалённый предмет и направьте на него указательный палец. Теперь закройте один глаз. Потом откройте его и закройте другой глаз. Каким глазом вы видели, что указательный палец «смотрит» прямо на предмет? (Когда открыт другой, недоминирующий глаз, а доминирующий глаз закрыт, кажется, что палец указывает в сторону от выбранного предмета)

До сих пор вы наверняка говорили о себе как о правше или левше; возможно, теперь вы обнаружите, что ваше тело не согласно считать себя абсолютно «правосторонним» или «левосторонним». Если вы родитель или школьный учитель, вспомните об этом в тот момент, когда будете ругать леворукого ребёнка. (Вы можете сказать, что сегодня левшей уже никто не ругает, однако, согласно последним сообщениям, в некоторых странах Восточной Европы школьников по-прежнему заставляют писать правой рукой независимо от того, правши они или левши.)

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ

Двадцать основных способов переместиться с места на место

Наша потребность перемещаться в пространстве привела к появлению великого множества искусственных способов передвижения — от использования животных до наземного, морского и воздушного транспорта. И хотя благодаря этим средствам передвижения современный человек несколько ослаб по сравнению со своими первобытными пращурами, транспорт скорее добавил к древним способам перемещения, нежели совершенно заместил их. Все искусственные средства передвижения связаны с перемещением на большое расстояние. Что касается маленьких дистанций, на них мы по-прежнему наблюдаем типичное для нашего вида телесное передвижение во всём его разнообразии. В каждой стране и у каждого индивида такое передвижение имеет свою специфику, однако, рассматривая человечество в целом, наблюдающий за людьми учёный может описать двадцать основных способов переместиться из пункта А в пункт Б без использования каких-либо транспортных средств:

1. Скольжение. Это самый первый способ, которым мы учимся перемещаться, будучи ещё маленькими детьми. Подобно пресмыкающимся, мы скользим по поверхности на животе, стараясь подтягивать тело руками и отталкиваясь ногами. Повзрослев, мы перестаём перемещаться столь трудоёмким способом — разве что нам нужно преодолеть какое-то расстояние, плотно прижимая тело к земле. Солдат учат перемещаться «по-пластунски», чтобы их не заметил враг, дети скользят по земле, когда играют в прятки, натуралисты — чтобы не спугнуть нервное животное. Раненый человек подтягивает тело руками, удаляясь от источника опасности, спелеологи и механики иногда вынуждены преодолевать, таким образом, узкие проходы (в пещере или какой-то конструкции). Однако, если вынести особые случаи за скобки, Скольжение — это преимущественно младенческий способ передвижения, и мы забываем про него, едва выбравшись из детской кроватки.

2. Ползание. Перестав скользить, человек начинает перемещаться на четырех конечностях. Этот способ передвижения также можно отнести к младенческим — с оговоркой, что ползать мы начинаем в возрасте десяти месяцев. Ползание — наш ответ другим млекопитающим, которые передвигаются в основном именно так. Однако из-за того, что у нас слишком длинные ноги, при ползании мы чаще всего упираемся в поверхность не ступнями, а коленями. Когда ребёнку исполняется год, он с радостью предаётся ползанию и, перемещаясь с большей, нежели был способен ранее, скоростью, обстоятельно исследует окружающий мир. Чуть позже ребёнок открывает способ передвижения в вертикальном положении, и Ползание теряет для него актуальность. Во взрослой жизни оно проявляется очень редко — например, когда мы собираем разбросанные по полу небольшие предметы, катаем на спине детей или попадаем в проход, который иначе чем ползком не одолеть.

3. Нетвёрдая Походка. Нетвёрдую Походку можно определить как медленное, шаткое перемещение в вертикальном положении. Ребёнок, достигнувший возраста Нетвердой Походки, поначалу учится ходить при поддержке родительских рук. В последующие месяцы его ноги становятся сильнее; в возрасте 15 месяцев ребёнок может самостоятельно вставать на ноги и делает первые, нетвёрдые шаги без посторонней помощи. Взрослые передвигаются

такой же походкой, только если они травмированы, оглушены или пьяны, то есть когда по той или иной причине ноги перестают служить им опорой.

4. Ходьба. Умение ходить — вершина человеческой способности перемещаться в пространстве. Чаще всего мы принимаем это действие за само собой разумеющееся, между тем, если проанализировать его как механическую операцию, процесс ходьбы окажется невероятно сложным — настолько, что специалисты по мышечной активности до сих пор ведут споры о том, как нам удаётся переставлять ноги столь совершенным способом. Из всех животных умение ходить на двух ногах свойственно лишь человеку. Есть сотни различных млекопитающих, бегающих на четырех ногах, и зверей вроде кенгуру, которые прыгают на задних лапах. Кроме того, многие животные, например, медведи и обезьяны, могут привести своё тело в вертикальное положение; некоторое время они стоят, пошатываясь, после чего возвращаются к куда более удобному способу передвижения — на четырёх конечностях. Ходить на двух ногах подолгу способен только человек; Ходьба для него — нормальный, базовый способ перемещения.

Передвигаясь со средней скоростью, большинство людей делает два шага в секунду. Даже не слишком спортивный горожанин способен преодолеть несколько километров, не слишком запыхавшись, со скоростью примерно 8 километров в час Спортсмены, разумеется, могут пройти куда большее расстояние за то же время. На сегодняшний день рекордная дистанция, пройденная без остановок, — 480 километров со скоростью примерно 3,2 километра в час. Дистанция, пройденная с остановками, впечатляет ещё больше — некий человек прошел по странам Азии 10 900 километров за 238 дней, что даёт среднюю скорость (без учета остановок) 1,9 километра в час. Конечно, к таким рекордам готовятся заранее, но, тем не менее, по ним можно заключить, что до изобретения искусственных средств передвижения люди передвигались по земле сравнительно быстро и легко.

Не вдаваясь в технические детали, упомянем, что существенные элементы человеческой Ходьбы таковы: при каждом шаге ступня касается земли вначале пяткой; затем, когда вторая нога поднимается в воздух и движется вперед, центр тяжести переносится с пятки на подъём свода стопы перед большим пальцем; пятка к этому моменту отрывается от земли, и опорная ступня готова к финальному толчку, совершаемому пальцами ноги. Однако пальцы не отталкиваются от земли, пока вторая ступня её не коснётся. Поэтому в процессе Ходьбы земли касаются либо одна нога, либо обе ноги одновременно. Шагающий человек никогда не «подвешен в воздухе». Таково существенное отличие между Ходьбой и Бегом.

5. Прогулочный Шаг. Обычно Ходьбу описывают как отдельный тип передвижения, резко отличающийся от Бега, однако внимательные наблюдения за поведением людей в общественных местах показывают, что есть несколько типов ходьбы, которые следует рассматривать отдельно друг от друга. Каждому из них свойственна своя степень напряжённости. Прогулочный Шаг — специфическая форма медленного (как правило, один шаг в секунду) передвижения, выдающая желание человека ходить просто так, без намерения добраться до некоего пункта назначения. Прогулка — это самоцель. Люди могут гулять, например, по саду или парку, «фланировать», «прохаживаться», «совершать променад». В противоположность быстрому шагу Прогулочный Шаг допускает остановки с целью посмотреть на что-то или поговорить о чём-то и сочетается с телесными контактами: люди гуляют под руку или держась за руки, или полуобняв друг друга, иногда один человек обнимает другого за талию. Прогулочный Шаг можно наблюдать и в иных случаях: когда человек то прибавляет, то сбавляет ход; когда он погружен в раздумья; наконец, когда он на

ходу читает книгу.

6. Шаркающая Походка. Про старых или немощных людей, которые передвигаются таким образом, говорят ещё, что они «ковыляют». Скорость передвижения при этом замедлена, стопы словно волочатся по земле. Здесь нет смещения центра тяжести с пятки на носок, ноги почти не отрываются от земли и если приподнимаются над ней, то на чуть-чуть. Шажки из-за этого короткие, нога «тащится» вперед, издавая характерный резкий звук, из-за которого походку и называют шаркающей. Передвигаясь со скоростью улитки, человек всё-таки достигает цели. Он перемещается в пространстве медленно, но всё-таки успешно избегает полной неподвижности.

7. Торопливый Шаг. Обратимся теперь к другой крайности: Торопливым Шагом передвигается человек, который очень хочет попасть в пункт назначения быстро, но не отчаялся ещё настолько, чтобы сорваться с места и побежать. На переполненной улице «торопыгу» легко отличить от обычных прохожих: он не только движется заметно быстрее других людей, он шагает так быстро, как может, не переходя на бег. Когда мы подгоняем себя, нам кажется, что мы доберемся до цели тем быстрее, чем больше шагов в секунду будем делать, но, как правило, Торопливый Шаг «работает» не так. На деле торопящийся человек делает всё те же стандартные два шага в секунду, что и обычный прохожий, но при этом он старается увеличить длину каждого шага. Это означает, что ноги «торопыги» движутся быстрее, поскольку они успевают преодолеть за тот же промежуток времени большее расстояние. Количество шагов в секунду при этом остается неизменным.

Мы видим людей, которые прохаживаются, ковыляют, торопятся и просто шагают по своим делам, на любой улице; каждый из них движется по собственному маршруту, проворно огибая других прохожих и почти никогда ни с кем не сталкиваясь. Может показаться, что это очень просто, вместе с тем подобное передвижение требует блестящей координации движений, отменной реакции и немалых наблюдательских навыков. В числе прочего все мы, оказавшись в толпе, автоматически соотносим всякого человека, попадающего в наше поле зрения, с одним из типов передвижения. На подсознательном уровне мы словно снабжаем прохожих ярлыками: этот гуляет, этот ковыляет, этот просто идёт, этот торопится, — после чего вычисляем, где каждый из них окажется в ближайшие секунды, не рискуем ли мы с кем-нибудь столкнуться, а если рискуем, как нам избежать этого столкновения.

Если бы люди не передвигались хорошо узнаваемыми и характерными походками, маневрировать между ними было бы куда труднее.

8. Бег. Переходя от ходьбы к бегу, рассмотрим ещё один важный тип перемещения в пространстве. Бегущий человек временами оказывается «в подвешенном состоянии», при этом меняется весь механизм передвижения. Когда мы бежим, обе ноги никогда не касаются земли одновременно, более того, в какой-то момент обе они оказываются оторванными от земли, в результате чего бегун словно «идет по воздуху». В итоге длина каждого шага значительно увеличивается, и даже если количество шагов в минуту остается таким же, как при быстрой ходьбе, бегун одолевает за то же время большее расстояние. Когда нога касается земли, она оказывается не впереди тела, как при ходьбе, а непосредственно под ним, что помогает бегуну передвигаться быстрее. Во время ходьбы ступня сперва касается земли пяткой, затем центр тяжести смещается на носок; при беге же она соприкасается с землей практически всей поверхностью, по крайней мере, так происходит при беге со средней скоростью.

Обычный человек на улице, даже если он бежит не слишком быстро, вскоре

покрывается потом и начинает задыхаться. Тренированные бегуны, разумеется, способны на большее. Зафиксирован случай, когда бегун одолел более 190 километров со средней скоростью более 8 километров в час.

9. Бег трусцой. Это преднамеренно замедленная версия Бега. Бегущий трусцой движется максимум чуть быстрее человека, который идет быстрым шагом. Вместе с тем медленный бег — это превосходное физическое упражнение, позволяющее избежать, с одной стороны, напряжения, связанного с очень быстрым шагом, и, с другой стороны, утомления и перенапряжения сердечной мышцы, которые сопутствуют Бегу в полную силу.

10. Спринт. Это, наоборот, высокоскоростная версия Бега: ступни соприкасаются с землёй не полностью, а лишь носками, пятки могут вообще не касаться земли. Количество шагов в секунду увеличивается, тренированный бегун способен делать 4–5 шагов в секунду. Чемпионы мира по забегу на короткие дистанции бегают со скоростью более 35 километров в час. Люди, не являющиеся спортсменами, передвигаются подобным образом редко и лишь на очень короткие расстояния, например, когда бегут на автобус или поезд.

11. Ходьба на цыпочках. Передвижение на носках — это нечто среднее между медленной ходьбой и быстрым бегом. Скорость и чередование движений взяты от медленной ходьбы — одна нога касается земли до того, как вторая от неё отрывается; при этом, как при быстром беге, с землей соприкасается лишь носок и подъём свода стопы. Ступающий на цыпочках шагает не так шумно, как человек, идущий обычным шагом, поскольку в первом случае площадь соприкосновения стопы с землей минимальна. В результате мы ходим на цыпочках, когда требуется незаметно подкрасться к ничего не подозревающей жертве или пройти мимо спящего, не разбудив его.

12. Строевой Шаг. Это, так сказать, милитаристская форма Ходьбы: длина шага увеличена, ногам помогают энергично двигающиеся руки. Что удивительно, в результате марширующий способен быстро пройти довольно большое расстояние. Туристы, путешествующие пешком, зачастую сбиваются на Строевой Шаг почти неосознанно — они понимают лишь, что этот способ передвижения позволяет поддерживать скорость при долгих переходах.

13. Гусиный Шаг. В некоторых армиях принято в целях скорее демонстрации умений солдат, чем повышения боеготовности, обучать их странной разновидности маршировки, при которой не согнутая в колене нога резко выбрасывается вперед. Гусиный Шаг прижился в армии в конце XVIII столетия, последний раз его демонстрировали солдаты Третьего рейха во время Второй мировой войны.

14. Перепрыгивание. Умение перепрыгивать через какое-либо естественное препятствие помогало нашим предкам выжить, когда они убегали от хищников или преследовали быстроногую добычу. Прыгать мы можем как с места, так и с разбега. Школьники, например, обожают прыгать через ручейки. В спорте данный вид передвижения популярен в его крайних формах — прыжки в высоту (максимум 2–3 метра) и в длину (рекорд — около 9 метров).

15. Подпрыгивание. В человеческом обществе передвижение в стиле кенгуру в обычных условиях почти не встречается. Иногда можно наблюдать такого рода прыжки на одной ноге, совершаемые индивидами, у которых повреждена вторая нога. Кроме того, так передвигаются дети, играющие, например, в классики.

16. Скакание. Передвижение скачками достигается подпрыгиванием то на одной ноге, то на другой. Это опять же редкость, которую можно наблюдать лишь в детских играх и

простых танцах.

17. Карабкание. Когда нам необходимо передвигаться не по поверхности земли, а вверх или вниз, мы способны достаточно проворно вскарабкаться наверх или спуститься. При этом руки мы используем для того, чтобы цепляться, подтягиваться и поддерживать себя на весу, а ноги — для того, чтобы отталкиваться или находить точку опоры. Увы, из-за размеров и веса человек забирается на деревья совсем не так легко и быстро, как менее большие приматы. Альпинисты героически сражаются с этим недостатком человеческой расы и доказывают, что по части карабкания мы получили от наших предков богатое наследство. Особенно замечателен тот факт, что наши дети то и дело норовят вскарабкаться на дерево.

18. Раскачивание. Прежде, чем слезть с деревьев и научиться ходить по земле, наши предки передвигались в том числе и так, как передвигаются сейчас обезьяны: цеплялись за ветку то левой, то правой рукой и раскачивались по мере продвижения вперед из стороны в сторону. Сегодня дети иногда передвигаются подобным образом на спортивных брусках, установленных на детских площадках.

19. Гимнастика. Профессиональные гимнасты приобретают умения передвигаться особым образом, например, они кувыркаются вперед и назад и ходят на руках. Эти способы передвижения почти не встречаются за пределами арены цирка. Ничего не добавляя к «бытовому» передвижению, они служат замечательным напоминанием о том, что человек может перемещаться в пространстве в том числе и весьма экзотическими способами.

20. Плавание. Человек способен развить в себе впечатляющие навыки передвижения в водной стихии. Эти навыки обсуждаются в следующем разделе данной книги.

При взгляде на этот список становится ясно, что человек может перемещаться очень по-разному, пусть ходьба для него и предпочтительнее иных видов передвижения. Не погрешив против истины, нас можно назвать «шагающими обезьянами». Почти все аспекты человеческой деятельности на какой-то стадии требуют от нас перейти с места на место. Невзирая на поразительный прогресс в области транспорта, спрос на кожаную обувь ничуть не падает. Даже если через столетие-другое человечество изобретет миниатюрный антигравитатор и люди смогут летать, куда им вздумается, не прикладывая к тому никаких усилий, ходьба, по всей вероятности, всё равно не исчезнет, пусть её значимость и уменьшится. Кроме очевидной пользы для здоровья, ходьба представляет собой способ передвижения, без которого немислимы наблюдение за окружающим миром и его оценка. Лишь передвигаясь на своих двоих, мы в состоянии как следует запечатлеть особенности данной местности в памяти. Двигаясь в естественном ритме, мы должным образом воспринимаем окружающий мир и реагируем на него. Проехать по местности на каком-либо виде транспорта — значит, всего лишь пересечь её. Возможно, именно по этой причине современный человек, не ограничивая себя пассивным перемещением из пункта А в пункт Б на транспорте, то и дело возвращается к активным способам передвижения.

АКВАТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Был ли человек приспособлен для жизни в воде в древности?

Вода играет в нашей жизни первостепенную роль. Когда нас мучает жажда, мы пьем воду в больших количествах; когда нам нужно очиститься от грязи, мы моемся; когда нам жарко, мы охлаждаем себя при помощи воды; когда нас охватывает игривое настроение, мы брызгаемся водой; когда мы голодны, мы ищем в воде пищу; наконец, когда нас атакует хищник, мы можем укрыться от него в воде. В отличие от наших близких родственников, высших приматов, мы — прирожденные пловцы и ныряльщики: человек способен проплыть много километров без отдыха (рекорд — 463 километра в реке и 145 километров в океане) и нырнуть на большую глубину, задержав дыхание (рекорд — 86 метров). Натренированные люди могут находиться под водой несколько минут (рекорд — 6,5 минуты), при этом они успевают найти и собрать различные дары моря.

В воде человек чувствует себя как дома, и не так давно ученые предположили, что в далеком прошлом мы были приспособлены для жизни в воде больше, чем сейчас. Теория Харди, она же акватическая теория, утверждает, что в древности мы какое-то время контактировали с водной стихией очень тесно и в результате приобрели немало необычных анатомических особенностей. Традиционно считается, что человек некогда был собирающим плоды обитателем леса, а позднее превратился в охотника, который добывал себе пропитание на равнине. Теория Харди предполагает, что между этими двумя эволюционными фазами мы прошли ещё одну — акватическую, и объясняет, как и почему люди пережили столь неоднозначную метаморфозу.

Как доказывают недавние наблюдения, обитающие в лесу обезьяны иногда убивают небольших животных и поедают их мясо. Если наши жившие в лесах предки испытывали время от времени желание разнообразить свой орехово-ягодный рацион мясной компонентой, это желание могли подкрепить поиски пищи на берегах водоемов. Как знает любой школьник, исследовавший речной или морской берег, там живет множество небольших животных, которых сравнительно легко поймать. По этой причине, утверждает акватическая теория, первобытные люди всё чаще заходили в воду и селились поближе к водоёмам, постепенно адаптируясь к новому образу жизни.

Так люди жили очень долго, около десяти миллионов лет, включая весь период плейстоцена, закончившийся около двух миллионов лет назад. Столь большой отрезок времени необходим для того, чтобы человеческое тело адаптировалось к жизни в воде и заметно изменилось до момента, когда наши предки ушли на открытые равнины, где превратились в охотников. Это превращение далось нам легко лишь потому, что до того мы научились ловить добычу в воде, кроме того, «акватическая фаза» подарила нам тела, лучше приспособленные к захвату больших животных, обитавших на суше. К моменту, когда сбившиеся в стаи охотники выслеживают и убивают огромных равнинных мамонтов, мы вновь возвращаемся к традиционному взгляду на эволюцию человека.

Учёные, не согласные с теорией Харди, говорят, что нет никаких доказательств близости древнего человека к воде, и, более того, «акватическая фаза» была попросту не нужна. Переход из леса на равнину и от собирательства к охоте, добавляют они, вовсе не требует

какой-либо специальной адаптации. Сначала древний человек поедал падаль, воровал яйца и убивал мелкую живность, потом он стал нападать на животных покрупнее, пока наконец не сообразил, что стоит объединиться с себе подобными и добыть мамонта. Сторонники теории Харди возражают: поскольку берега водоемов за эти миллионы лет значительно изменились, найти доказательства того, что «акватическая фаза» имела место, сегодня весьма затруднительно. Таким образом, недостаток прямых доказательств не ставит под сомнение саму теорию. При этом существуют доказательства косвенные, и они достаточно убедительны.

Этот спор ведётся по сей день. Невозможно отрицать, что люди любят воду, однако немало времени они проводят и в воздухе, и под землей, что вовсе не означает, что в древности мы прошли через «воздушную» или «подземную» фазы эволюции. Человек — существо крайне изобретательное и любопытное, только и всего. Может быть, наша любовь к воде указывает на стремление исследовать и эту часть окружающего мира? Или же тут кроется нечто большее? Ответить на эти вопросы однозначно не представляется возможным, потому я перечислю основные положения акватической теории, и пусть читатель сам решит, верна ли она. Заодно приведу и ответы противников этой теории — если они есть.

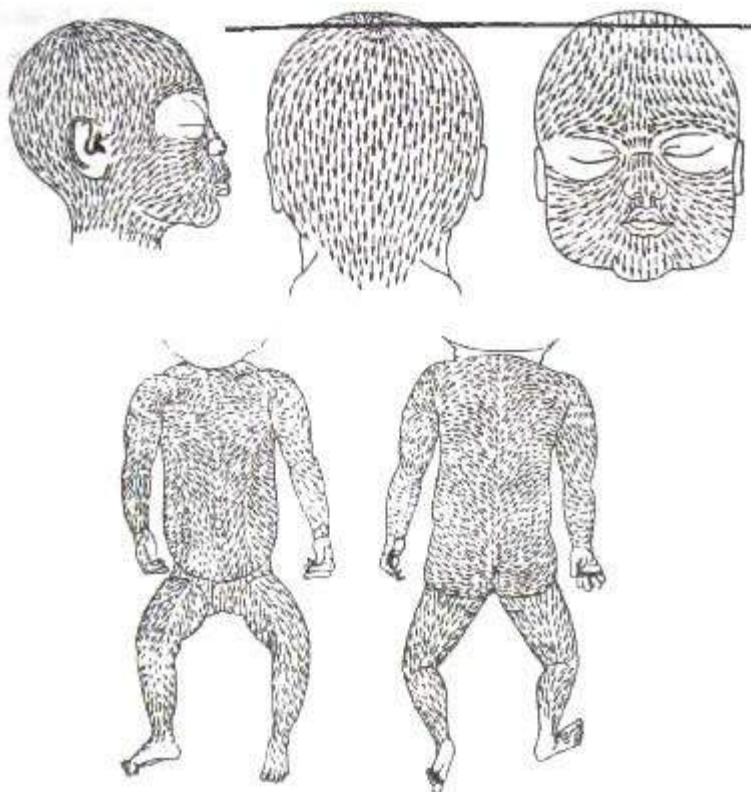
1. Немногие обитающие на суше млекопитающие могут сравниться с человеком в умении нырять. Многие способны плавать «по-собачьи», но почти никто, кроме животных, которые часть жизни проводят в воде, не может двигаться под водой столь же изящно, как мы. Собиратели губок и жемчуга, например, передвигаются в воде очень элегантно.

2. Младенцы умеют плавать уже в возрасте нескольких недель. Даже если бросить младенца в бассейн, он не запаникует. Если держать младенца в воде животом книзу, он не станет сопротивляться, а его ручки и ножки будут совершать рефлекторные движения, толкающие тело вперед. Погружаясь под воду, младенцы задерживают дыхание. Маленькие обезьяны в аналогичных обстоятельствах демонстрируют совсем другие реакции, и их приходится быстро вынимать из воды.

Спустя короткое время младенцы словно забывают, что умели плавать, и в возрасте четырёх месяцев перестают реагировать на воду рефлекторно. В воде они стремятся перевернуться на спину, барахтаются и хватаются за родительские руки. Однако через год-два дети вновь становятся с водной стихией на «ты». К четырём годам ребёнок, быстро научившись плавать, может проплыть немалое расстояние, в том числе — под водой. Воды пугаются только дети, чье общение с морем ограничено неделей-двумя в год. Любой ребёнок, живущий возле моря, может к пяти годам стать отличным пловцом и ныряльщиком, умеющим подбирать небольшие предметы с глубины в 1,5–2 метра. Обычно дети учатся плавать под родительским надзором, однако достижения нашего вида в том, что касается плавания, невозможно объяснить лишь обучаемостью и любопытством.

3. Мы — единственные приматы, утратившие в процессе эволюции шерсть. Утрата шерсти характерна для многих водных млекопитающих (среди них — дельфины, киты, дюгоны и ламантины) и околководных видов (например, бегемоты). Противники теории возражают: ряд водных млекопитающих, в частности бобры, тюлени, сивучи и выдры, шерсть не утратили. С другой стороны, эти последние животные обитают в основном в холодном климате, шерсть нужна им для того, чтобы они не замёрзли, оказавшись на суше. Древние люди жили в жарком климате, для них обтекаемая поверхность тела была важнее, чем сохранение тепла на суше. Волосы, сохранившиеся на голове, скорее всего, защищали человека от лучей солнца.

4. Направление роста волос на коже человека отличается от такового у обезьян. У нас волосы растут таким образом, чтобы при продвижении вперед в воде обтекаемость тела была максимальной. Это означает, что ещё до того, как мы утратили шерсть, волосистой покров человека претерпел определённые изменения, адаптировавшись к перемещению тела под водой. Иначе говоря, тело становилось со временем всё более обтекаемым.

Направление роста волос на коже человека, показанное здесь на примере зародыша, отличается от направления роста волос на коже любого другого примата. Этот факт сторонники акватической теории приводят в доказательство своей правоты. (Рисунок по Харди; оригинал — по Вуд-Джонсу.)

5. По своему строению тело человека более обтекаемо, нежели тела других приматов. Если сравнить нас с шимпанзе, окажется, что человеческое тело округлостью линий напоминает корпус гоночной яхты.

6. Ни у одного вида приматов, за исключением людей, нет жировой прослойки под кожей. Наличие подкожного жира характерно для водных млекопитающих, благодаря жировой прослойке они сохраняют тепло в воде. Для водных животных эта прослойка играет ту же роль, что и шерсть для наземных животных. Благодаря подкожному жиру живущие в воде млекопитающие сумели уменьшить теплопотери, сохранив при этом обтекаемость тела.

Возникновение жировой прослойки объясняют и по-другому. Став охотниками, наши предки начали страдать от перегрева. Их телам требовалась система охлаждения, причем такая, чтобы не мучаться от холода в периоды отдыха, особенно по ночам. Эта эволюционная задача была выполнена, когда человек утратил шерсть и приобрел жировую прослойку и потовые железы. Теперь древним охотникам не было жарко, когда они двигались, и не было холодно, когда они не двигались. Подобная система могла сложиться и вне воды. С другой стороны, она могла сформироваться и в воде. Иначе говоря, адаптация тела к водной стихии могла снабдить людей системой температурного контроля, которая позднее очень пригодилась наземным охотникам.

7. Для людей характерна прямая осанка. Согласно акватической теории, древние люди «выпрямились», когда стали искать пищу в воде и вынуждены были заходить в воду всё

дальше и дальше. Водная стихия действительно могла оказать «помощь» при переходе человека от четвероногости к двуногости. Прежде чем научиться бегать, люди учились ходить в воде.

8. Человеческие руки чрезвычайно чувствительны и идеально приспособлены для ощупывания речного или морского дна в поисках пищи. Наши широкие ногти растут быстрее, чем ногти обезьян, и замечательно подходят для соскабливания наслоений с камней и взламывания раковин моллюсков. Согласно акватической теории, эти навыки послужили предпосылками к использованию орудий труда. Одно из немногих использующих орудия труда млекопитающих, морская выдра, раскалывает камнями панцири морских ежей. Возможно, долгий путь человека к использованию и изготовлению орудий труда начался с подобного «упражнения».

Таковы основные положения акватической теории Харди. Противопоставить этим доводам контрдоводы довольно трудно. Другие ученые привели дополнительные (иногда надуманные) аргументы, которые можно изложить следующим образом:

9. Люди — животные, обладающие даром речи, а речь по сути является «интенсивным дыханием». Погружение под воду невозможно без сознательного контроля дыхания, который, в свою очередь, позволяет скачкообразно воспроизводить сочетания звуков с меньшими усилиями. Более того, для охоты в воде требуются большая согласованность действий и сигнальная система, в которой жесты играют второстепенную роль. Руки у плывущего человека заняты, полагаться на жестикуляцию он не может. Когда он всплывает на поверхность, чтобы сообщить о необычной находке, сделанной на дне, логичнее использовать не жесты, а звуки. Околоводный образ жизни мог способствовать развитию более сложной системы голосовых сигналов, которые в итоге превратились в речь.

10. Человеческие руки слегка напоминают перепончатые лапы морских животных. Они существенно шире рук обезьяны. Между большим и указательным пальцами у людей сохраняется перепонка, достаточно большая для того, чтобы рука пловца эффективно отталкивала воду, но не настолько большая, чтобы помешать нам брать в руки различные предметы. Между пальцами ног тоже сохраняются «остаточные» перепонки. Осмотрев 1000 школьников, ученые обнаружили, что у 9 % мальчиков и 6,6 % девочек есть перепонка между вторым и третьим пальцами ноги, а в некоторых случаях перепонки есть между всеми пальцами. Возможно, что наблюдаемые складки кожи есть не что иное, как атавизм, и у древних людей перепонки между пальцами были больше.

11. У людей проявляется «рефлекс ныряния», характерный для водных животных, которым постоянно требуется задерживать дыхание под водой. Например, когда тюлень погружается под воду, некоторые процессы в его организме замедляются, соответственно, временно уменьшается потребность тела в кислороде. Кроме прочего, сердце тюленя начинает биться медленнее (этот эффект называется «брадикардия»), требуя значительно меньше кислорода, благодаря чему животное может провести под водой больше времени. Как возник «эффект ныряния» у людей — объяснить трудно; разве что в прошлом мы были околоводными животными.

12. В отличие от большинства приматов, люди обладают выступающим носом, из-за чего крылья носа находятся под прямым углом к поверхности лица. Ноздри у нас «смотрят» вниз, а не вперед, как у обезьян. Безусловно, в процессе плавания такое строение носа позволяет избежать нежелательного попадания в ноздри большого объема воды, однако на это можно возразить, что другие водные млекопитающие решили эту проблему куда

эффективнее: ноздри у них могут открываться и закрываться. Если наши водные предки и заимели выступающие носы в результате приспособления к водной среде, можно сказать лишь, что, с точки зрения эволюции, это было далеко не лучшее решение. Возможно, однако, что наши предки не допускали попадания в организм воды по-другому. Многие люди указывают на то, что им не нужны закрывающиеся ноздри (как у тюленей), потому что они могут закрывать их верхней губой. Отогнув губу вверх и прижав ее к кончику носа, они не позволяют воде попасть внутрь. Одна молодая девушка, закрывавшая ноздри верхней губой рефлекторно, не задумываясь, поразилась, узнав, что другие люди поступают так же. Не совсем ясно, какой процент людей способен на такое упражнение, однако его можно смело интерпретировать как атавизм, доставшийся им в наследство от водных предков. В пользу этого говорит и другой довод: губной желобок (небольшое углубление между основанием перегородки носа и краем верхней губы) у других, неводных приматов не обнаружен. Его можно видеть только на лице человека, и, когда верхняя губа закрывает ноздри, перегородка носа ложится в этот желобок идеально.

13. Люди — единственные приматы, способные плакать. Выделение обильных соленых слез часто можно наблюдать у морских животных (так они избавляются от излишков соли), однако среди наземных животных те, что умеют плакать, — скорее исключение, чем правило. Согласно акватической теории, это ещё один довод в пользу того, что некогда люди проводили в воде значительную часть времени. Против этого можно возразить: мы используем слёзы не так, как морские животные. Мы рыдаем, когда переживаем эмоциональное потрясение, а не когда случайно заглатываем какой-то объем солёной морской воды.

14. До первого спаривания у девушек имеется девственная плева, складка кожи, которая, говорят сторонники акватической теории, предназначалась для защиты влагалища от попадания в него грубого песка. Как и в случае с носом, контрдовод прост: это не лучшее из возможных решений. Во-первых, после спаривания плева переставала выполнять эту свою функцию; во-вторых, вреда от неё могло быть больше, чем пользы. Поскольку плева не закрывает генитальную щель полностью, она может задерживать во влагалище грубый песок, который туда уже попал.

15. Нашему виду присущи выступающие, мясистые ягодицы. Сторонники акватической теории считают, что ягодицы защищали область гениталий, которую древний человек мог повредить на песчаном и каменистом берегу, и служили «подушкой», на которой эта область покоилась, когда человек пребывал в сидячем положении. Возражение: ту же самую функцию ягодицы выполняли не только на морском берегу, но и на любой другой поверхности, следовательно, этот довод ничего не говорит в защиту именно околородного образа жизни.

16. Состав крови человека схож с составом крови морских животных. У морских млекопитающих по сравнению с наземными эритроцитов на один и тот же объем крови меньше, при этом сами эритроциты — больше по размеру и содержат больше гемоглобина. В кубическом миллиметре крови шимпанзе содержатся около семи миллионов эритроцитов, у людей — только пять миллионов. Эритроцит шимпанзе содержит 12,2 % гемоглобина, эритроцит человека — 18,6 %. По этим показателям кровь человека не похожа на кровь его ближайшего эволюционного родственника и куда больше напоминает кровь морских млекопитающих.

17. Увеличению нашего мозга в размерах в огромной мере мог способствовать переход

древних людей на «акватический» рацион. Ученые не пришли к согласию по вопросу, отчего в процессе эволюции человеческий мозг в какой-то момент резко увеличился в размерах, и акватическая теория предлагает своё объяснение этому феномену. Рост тканей головного мозга возможен лишь при употреблении большого количества жирной пищи, при этом особое значение имеет баланс между двумя жирными кислотами. «Морской» рацион отвечает этим условиям куда лучше «наземного». Употребление в пищу рыбы и прочих даров моря, особенно во время беременности (родители-вегетарианцы, запомните!), благоприятствует и росту мозга, и его развитию. Другими словами, околководный образ жизни мог внести значительную лепту в эволюцию человеческого разума.

18. В коже человека необычно много сальных желез, особенно на лице, голове и спине. У других приматов их куда меньше. Эти железы вырабатывают особый маслянистый секрет, кожное сало, которое выполняет единственную задачу — обеспечивает водонепроницаемость. Особенно активно выделяют секрет сальные железы подростков, отчего у тех могут появиться неприглядные прыщи. Может показаться, что сальные железы в нашем организме — лишние. Если изначально они смягчали воздействие на кожу воды, в которой древний человек проводил много времени, становится понятно, почему сальные железы гиперактивны у современных людей, контактирующих с водной средой нечасто.

Другие доводы в поддержку акватической теории слишком притянуты за уши, чтобы останавливаться на них подробнее, и могут лишь повредить столь стройному умозаключению. Безусловно, по мере того, как теория Харди будет привлекать к себе внимание, её противники будут выдвигать всё новые контраргументы, но вряд ли они смогут опровергнуть все приведенные доводы в совокупности. Взвесив всё, можно прийти к заключению, что древние люди действительно прошли через «акватическую» стадию эволюции и какое-то время проводили много времени в воде, охотясь на рыбу. Можно надеяться, что в будущем археологи найдут какие-нибудь окаменелости, которые подтвердят или же опровергнут акватическую теорию. Мы почти ничего не знаем об эволюции человека на протяжении большей части «жаркого» плиоцена. Даже с учётом последних открытий остаётся «белое пятно» длиной в миллионы лет — ископаемые останки людей, живших в этот период, до сих пор не найдены. Если «акватический человек» существовал, он счастливо плескался в это время в тёплых древних водоемах. Как мы видели, современные люди обладают множеством чёрт, которые заставляют нас поверить в то, что именно так всё и было. Всё, что нам нужно, чтобы перестать сомневаться в акватической теории, — это какое-нибудь осязаемое доказательство.

ПРИЁМ ПИЩИ

Как, где и что мы едим и пьём

В древности люди сначала собирали плоды, а потом переквалифицировались в охотников. Сегодня действия, связанные с приёмом пищи, несут на себе следы и того, и другого периода нашей эволюционной истории. Иногда мы — безвредные сладкоежки, иногда — плотоядные охотники.

Наша история питания началась в эпоху, когда предки человека рыскали по джунглям в поисках орехов, ягод и фруктов, то есть вели себя так же, как современные обезьяны. Древние люди умели различать пищевые объекты по мельчайшим нюансам их цвета, фактуры, формы и вкуса. Пищу часто нельзя было употреблять в том виде, в каком её нашли, она требовала особого приготовления. Каждый член племени был сам себе повар. Найденной пищей не делились, её совместные поиски не велись. От одной «продовольственной стоянки» к другой члены племени кочевали вместе, но в остальном добыча пищи была личной проблемой каждого.

Все переменялось, когда люди вышли из лесов на более открытую местность и адаптировались к охотничьему образу жизни. Взрослые мужчины стали охотиться на животных, они отправлялись на охоту со стоянки, превратившейся в «дом», и возвращались туда с добычей. Женщины, дети и старики ограничивались тем, что искали пищу на домашней территории, собирая, как и в древности, коренья, ягоды и орехи.

Новый способ питания сразу изменил социальную структуру племени. На первый план вышло сотрудничество. Мужчины-охотники вынуждены были охотиться на крупных животных вместе. Принести такую добычу, домой тоже могла лишь группа индивидов. Они должны были делить добычу между собой. Кроме того, разделение труда между мужчинами и женщинами привело к обмену пищей между полами — мясо обменивалось на овощи, овощи на мясо.

Древних охотников часто описывают как жестоких убийц, однако таковыми они были исключительно с точки зрения их жертв. Если взглянуть на сообщество людей, окажется, что с переходом к охоте члены этого сообщества стали больше помогать друг другу и заботиться друг о друге — что совсем не вяжется с «жестокостью». В это время трапеза обретает общественную значимость и перестает быть «личным делом каждого».

Как всё это повлияло на питание современного человека? Мы по-прежнему предпочитаем смешанный рацион, в который включены и мясо, и растительная пища. Таково стандартное меню почти в любом уголке земного шара. Невзирая на то, что 10 тысяч лет назад основными способами добывания пищи стали земледелие и скотоводство, люди употребляют в пищу и растения, и животных.

Земледелие и скотоводство, однако, существенно изменили наш рацион в другом — они подвигли нас на производство всё более специализированных продуктов питания. До того в поиски пищи были вовлечены все и каждый, теперь её производство стало занятием в основном крестьян. Остальное население смогло сосредоточиться на других занятиях, и в нынешних мегаполисах поиски пищи свелись в основном к скучным походам в продовольственные магазины.

В итоге современный человек потерял навыки, которые имелись у его предков. В прошлом остались радость охоты, азарт преследования, искусство расставлять ловушки, выработка стратегии, ликование в момент убийства жертвы, риск и неопределённость, дух товарищества, объединяющий группу охотников. Когда современная женщина отправляется за продуктами, она заглядывает и в овощной, и в мясной отдел. В отличие от своей прародительницы, она приносит домой и бобы, и бекон.

В этой ситуации современный мужчина оказывается охотником без охоты, преследователем без добычи, ловцом без зверя. Эту проблему он решает, занимаясь символической охотой. Для многих мужчин «работа» обладает качествами охоты: на работе нужно маневрировать, вырабатывать стратегию и тактику, расставлять ловушки. Современный мужчина планирует рекламные кампании и пытается «захватить рынок», он заседает в состоящих исключительно из мужчин комитетах, заменяющих группы охотников, и играет на бирже. Постоянно рискуя и приближаясь к кульминационному успеху бизнес-плана, он находит в символизме делового мира всё тот же древний охотничий восторг.

Если его работа не обладает подобными качествами, мужчина может утолить «охотничью» жажду иными средствами. Например, присоединиться к мужскому клубу, играть в казино, увлечься каким-либо видом спорта. Эти действия пусть частично, но заменят ему охоту. В клубе он насладится мужским обществом, в казино сможет рисковать и выигрывать; что до спортивных мероприятий, на них мужчины потакают своим охотничьим инстинктам так, как нигде больше.

Когда современный мужчина, «псевдоохотник», наконец садится за обеденный стол, ему подадут добычу, которую в подавляющем большинстве случаев он не ловил и не убивал. Тем не менее, мужчина заполняет «охотничьи часы» до еды занятиями, которые вполне заменяют ему охоту. Во время обеда он совершает ряд реликтовых действий, опять же напоминающих о том времени, когда мужчины приносили домой мамонта. Мужчина восседает во главе стола и нарезает мясо («мужскую» пищу), в то время как его женщина раздаёт овощи («женскую» пищу). В ресторане именно мужчина традиционно общается с официантом, делает заказ и пробует вино.

Порядок подачи блюд также многим обязан нашему охотничьему прошлому. В бытность собирателями плодов мы, как и другие приматы-«вегетарианцы», съедали то, что удавалось найти, сразу же. Таким приматам незнакомо понятие «трапеза»: они съедают что-то здесь, что-то там, в общем, постоянно перекусывают. Превратившись в охотников, мы отказались от этой практики и сделали прием пищи отдельным мероприятием. Подобно львам, древние охотники наедались и отдыхали, наедались и отдыхали, перемежая активные трапезы длительными периодами, в течение которых они ничего не ели. Когда охота уступила место земледелию и появились первые продовольственные лавки, люди получили возможность вновь начать «кусочничать», но не сделали этого, поскольку на их привычки наложил отпечаток охотничий период. Мы так и не отказались от плотоядного подхода к питанию и «главного блюда», без которого обед для нас теряет смысл.

Современный человек поглощает пищу в среднем три раза в день — за завтраком, обедом и ужином. Никакой нужды следовать пищевой рутине у нас нет, однако и отбрасывать её как пережиток мы не спешим. Технический прогресс позволяет нам заменить трёхразовое питание постоянной, ежечасной подпиткой, которая не нагружала бы излишне наши желудки, однако питаться подобным образом мы не желаем. При таком способе питания мы перестанем воспринимать трапезу как «кульминацию охоты». В частности, мы вынуждены

будем отказаться от важнейшего атрибута охотничьей трапезы — дележа пищи. Трапеза — явление социальное. Мы приносим в жертву очень многое ради того, чтобы питаться в чьей-либо компании. «Холостяцкий обед» для нас — это нечто жалкое и унылое. Недаром говорят, что лучший способ похудеть — это начать обедать в одиночестве.

Делёж пищи в контексте современной трапезы — это основная причина, по которой люди столь часто собираются на званые обеды и ужины. Ритуалы дележа пищи представляют собой главный пережиток, который мы унаследовали от предков-охотников. Случайно встретившись с кем-либо или увидев на пороге нежданного гостя, мы, как правило, предлагаем хотя бы выпить чаю. Питьё — это тоже пища, пусть и жидкая, и ритуал дележа питья имеет для нас не меньшее значение, чем формальный обед с главным блюдом.

При этом в нашем поведении есть и черты собирателя плодов: в промежутках между трапезами мы иногда перекусываем, «перехватываем» что-либо «на бегу». Мы делаем чайные и кофейные паузы. Мы грызём печенье, хрустим яблоками, жуём пирожки и сосём леденцы. Наши магазины полны такого рода «закусками», и все они обладают одним общим качеством: сладостью. Лесные плоды и ягоды привлекают нас тем, что в процессе созревания становятся всё слаще и слаще. Этим они манили древних собирателей, этим нас манят и современные заменители плодов и ягод.

И лишь когда мы приступаем к большой, охотничьей трапезе, мы меняем наши предпочтения со сладкого на мясное. О многом говорит перемена блюд за обедом и ужином: мы начинаем с мяса и заканчиваем десертом. Сначала идет главное блюдо, гордость охотника, пища, предназначенная к дележу, а вот завершать трапезу нам нравится блюдами, которые оставляют приятное послевкусие и удовлетворяют постоянно возникающую у нас потребность «съесть что-нибудь сладенькое». Обычно сладкое чаще едят на завтрак и запивают во время короткой паузы чаем. Англичане завтракают основательно: сначала они едят сладкое блюдо (овсянка), затем «мясное» (копченая рыба, яйца, бекон), затем опять сладкое (тосты с мармеладом или повидлом). Почти так же сменяются блюда и во время обеда, и во время ужина, разве что перед главным блюдом не подают десерт. Получается, что современный человек, проснувшись и готовя себя к новому дню, не в состоянии моментально войти в роль охотника.

Он обязан начать со сладкого, как собиратель плодов. Для большинства людей завтрак сладким и ограничивается. Те, кто желает насытиться и ест с утра мясо, завершают трапезу опять же сладкими блюдами.

Преобладание сладкого в утреннем меню объясняется тем, что завтрак — это наименее социальная из всех трапез. За завтраком мы меньше болтаем друг с другом и не слишком активно делимся пищей. Поэтому званые завтраки были и будут явлением куда более редким, нежели званые обеды и ужины. Кроме прочего, завтрак обладает ещё одной особенностью: он монотонен. Мы почти всегда едим на завтрак одно и то же, а вот обеденное и вечернее меню стараемся сделать как можно более разнообразным. Причина в том, что утром мы не слишком уверены в себе, ибо впереди нас ждет день, в течение которого может случиться всякое. Проснувшийся человек нуждается в эмоциональной опоре, в чем-то хорошо знакомом и неизменном, и эту роль играет именно завтрак.

Всякое земледельческое сообщество радовалось, когда зима близилась к концу. По этому поводу устраивалось большое пиршество, все закрома открывались, чтобы отпраздновать скорое потепление. Много месяцев кряду крестьяне убирали урожай и заготавливали на зиму припасы — и вот настал момент, когда можно было, наконец, начать делёж пищи и

приветствовать обильным угощением новый год. Во время торжеств древние земледельцы дарили друг другу еду, и наша традиция делать подарки на Рождество наследует этому старинному обычаю. Современный рождественский ужин изначально был древним языческим пиром.

Ещё один «привет из прошлого» — это отвращение, которое мы испытываем к синим продуктам питания, будь то еда или питьё. Прочитайте любую поваренную книгу, и вы увидите сотни изображений красных, жёлтых, зелёных, коричневых и оранжевых блюд — но ни одного синего. «Синий сыр» на самом деле почти весь жёлтый, голубика — темно-синяя, иногда почти черная. Между тем мы иногда окрашиваем продукты в синий цвет, например, кондитеры зачастую покрывают сладости голубой глазурью. Однако по какой-то причине синяя пища нам не нравится. Кроме того, мы очень редко заворачиваем продукты в голубую или синюю бумагу. Лекарства и скобяные изделия, а также чистящие средства вроде детергентов и мыла часто продают в синей упаковке, а продукты питания упорно сопротивляются синему цвету.

Вероятно, табу на синюю пищу возникло ещё в первобытное время. Наши предки ели в основном орехи и семена (коричневые и жёлтые), фрукты и корни (оранжевые, красные и белые), листья и побеги (зелёные). Когда они перешли на охоту, к «пищевым» цветам добавились белый для рыбы и дичи и красный и коричневый для разного рода мяса. Ничего синего. Этот обычай сохранился до сегодняшнего дня: никаких синих продуктов питания, пусть даже мы можем позволить себе раскрасить пищу так, как того захотим.

Еще один пережиток — странный обычай есть на людях спиной к стене. Наблюдая за тем, как рассаживаются посетители в ресторане, можно заметить, что в первую очередь они стремятся занять места у стен. Никто и никогда не сядет по доброй воле за столик в центре зала, если в ресторане ещё осталось место у стены. Люди ведут себя подобным образом с древности: наши предки опасались того, что когда они сосредоточатся на пище, на них могут внезапно напасть враги. Человек, поглощающий пищу, более чем уязвим, потому он старается держать в поле зрения всё открытое пространство. Для того чтобы почувствовать себя в безопасности, он прислоняется спиной, например, к стене. Рестораторы, зная об этом, огораживают столы в центре зала небольшими ширмами. Приставляя к столам перегородки, рестораторы добиваются того, что гости чувствуют себя более защищёнными. Заставленный ширмами ресторан дарит ощущение безопасности почти всем посетителям, которые хоть и являются людьми современными, но боятся того же, чего боялись их далекие предки, и предпочитают сидеть «спиной к стене», пусть даже лавирующим между перегородками официантам приходится проявлять чудеса ловкости, чтобы не споткнуться.

Наша сосредоточенность на пище достигает пика, когда в поле зрения появляется желанное блюдо. Тарелка, которую ставит перед нами официант, приковывает взгляд. Человек настолько концентрируется в этот момент на предвкушении трапезы, что врагу почти не составляет труда с ним разделаться. Даже будучи увлечён беседой, человек всё равно следит за дымящейся тарелкой столь пристально, словно вся его жизнь зависит от того, увидит ли он блюдо в тот миг, когда тарелка коснется стола. Посетитель ресторана, буравящий взглядом тарелку, очень напоминает кота, который уставился на мышку. Трудно отделаться от мысли, что точно так же древний охотник буравил взглядом свою добычу.

Поглощение пищи на людях всегда связано со стрессом, и заведения общепита используют это обстоятельство по-разному. Дорогие рестораны должны снимать напряжённость, чтобы оправдать высокие цены. Для этого ресторатор обставляет столы

шпирмами и перегородками, ставит лампы, дающие тусклый свет (часто с оттенками оранжевого или красного), приглушает посторонние звуки, постелив толстые ковры и драпировав стены, выбирает мебель пастельных или нейтральных цветов, берёт на работу побольше официантов, благодаря чему они могут двигаться неспешно, и создаёт атмосферу тепла и уюта, поместив в поле зрения посетителей очаг с настоящим огнём. Так лучшие рестораны помогают клиентам расслабиться и насладиться покоем. Поглощая блюдо за блюдом, посетитель смиряется с мыслью о том, что, в конце концов, ему придется выложить немалую сумму денег. Владельцы столовых используют совсем другой подход: интерьер здесь настолько неуютен, что посетителю хочется поскорее покончить с едой, расплатиться и уйти. Так достигается большой оборот, позволяющий держать цены на низком уровне. Для того чтобы клиенты уходили поскорее, владелец столовой освещает помещение лампами дневного света, красит стены в яркие, кричащие цвета, вручает посетителям клацающие металлические подносы и усаживает их за столы с твёрдыми, не покрытыми скатертью столешницами. Торопливо заглотив пищу, посетитель такого заведения пулей вылетает прочь, а на его место приходит новый клиент.

Превратившись из собирателей плодов в охотников, люди столкнулись с тем, что их зубочелюстная система не слишком приспособлена для расчленения трупов свежеебитых животных. Эту проблему человек решил двумя способами: разделявая добычу и подвергая её кулинарной обработке.

Разделять тела добытых на охоте зверей мы научились сотни тысяч лет назад. Первоначально для свежевания и разрезания мяса использовались простые каменные резакки. Камень уступил место меди, медь — бронзе, бронза — железу, железо — стали, а знатные особы пользовались ножами из серебра и золота. Почти все старинные металлические ножи были заострены и выполняли две функции: сначала ими отрезали кусок мяса, затем этот кусок протыкали острием и отправляли в рот. К сожалению, заостренные ножи могли стать опасным оружием, потому в 1699 году французский король Людовик XV, боявшийся покушений, запретил столовые ножи с острыми концами. С тех пор повелось изготавливать столовые ножи с тупым концом. Эти ножи немало способствовали популярности другого важного инструмента для разделявания мяса — вилки. В конце концов, вилка превратилась в незаменимый столовый прибор, и постепенно более древний способ питания — при помощи одной руки — был вытеснен более современным при помощи двух рук. Поскольку нож с древних пор держали в правой руке, вилку неизбежно стали брать левой. В некоторых странах, например в США, вилку держали в левой руке не всё время, а лишь тогда, когда нужно было придержать кусок мяса, чтобы его смог разрезать нож в правой руке. После этого американцы откладывали нож в сторону и не ленились перемещать вилку в правую руку, чтобы, подцепив ею кусок мяса, донести его до рта. Смелая попытка вилки занять место ножа в правой руке в большинстве случаев не удалась. Почти повсеместно столовые приборы принято держать в двух руках: нож в правой, вилку в левой. Важное исключение составляет Восток, где едят палочками. На Востоке люди питались в основном не за столом, потому едок должен был научиться, держа горшочек с едой в одной руке, управляться с его содержимым другой рукой. Хотя палочки не столь эффективны, как нож и вилка, лучшего способа управляться с едой одной рукой человечество не придумало. По мере того как на Восток проникает западная культура, палочки, надо думать, будут постепенно исчезать из обихода.

Ножи и вилки, а также ложки, щипцы и другие столовые приборы, которые можно

найти на современном столе, являют собой, по сути, продолжение наших зубов, помогающее нам откусывать, перемалывать и пережёвывать пищу. Вместе эти принадлежности заменяют нам все типы зубов и клыков, какие только породила эволюция, не добавляя при том ни грамма кости к зубам, которые имеются у нас от природы. Кроме того, им помогает то, что мы называем «готовкой». Обработка пищи на огне (и проваривание её в водах горячих источников) — древний способ сделать пищевые объекты более мягкими и уменьшить нагрузку на наши не приспособленные к грубой пище челюсти. Запекая, варя, жаря и туша растительную или животную пищу, мы меняем её структуру. Мы ломаем твердые оболочки клеток овощей, размягчаем твёрдые зёрна и мясные волокна. Кроме прочего, в процессе тепловой обработки пищи мы улучшаем её вкус и уничтожаем паразитов. Возможно, подавая блюдо тёплым, мы воскрешаем воспоминания о естественном тепле свежееубитой добычи и температуре нашего первого пищевого объекта, который неизменно дарил нам успокоение, — молока из материнской груди.

Желая сохранять пищу съедобной, мы стали её коптить, солить, сушить, консервировать, замораживать, а с недавних пор — подвергать глубокой заморозке и замораживать, попутно обезвоживая. Овладев искусством разделки, готовки и консервирования, мы сумели добиться того, чего никогда не добились бы при помощи одних зубов. Каждый из нас съедает около тонны пищи в год, что означает, что за жизнь мы пропускаем через себя в среднем 60 тонн пищевых продуктов. Наблюдать этот процесс в действии — значит видеть причудливое сочетание древних традиций и современных навыков, сложную смесь первобытных привычек и технологических прорывов.

СПОРТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Биология спорта — современного охотничьего ритуала

Занятия спортом — это, по сути, видоизмененные формы охотничьего поведения. С биологической точки зрения современный футболист является членом замаскированной группы охотников. Его оружие превратилось в безвредный мяч, его жертвой стала сетка ворот. Достигая цели и забивая гол, футболист радуется так же, как древний охотник, убивший зверя.

Чтобы понять, как произошло это преобразование, мы должны вновь обратиться к нашим далёким предкам. Около миллиона лет подряд они оставались охотниками, которые учились нападать на зверей в команде. От результата охоты зависело само существование членов племени. Неудивительно, что в итоге изменились и их тела, и их образ жизни. Люди научились преследовать добычу, бегать, прыгать, целиться, бросать камни и убивать. Сотрудничая, умелые охотники чаще возвращались домой не с пустыми руками.

Около десяти тысяч лет назад после невероятно долгого «охотничьего» периода, способствовавшего эволюции человечества, наши предки превратились в земледельцев и скотоводов. Развившийся интеллект они использовали теперь для того, чтобы согнать, подчинить себе и одомашнить зверей, на которых прежде охотились. Внезапно охота оказалась никому не нужной. Пища ждала людей в загонах и на полях, охотиться на неё не имело смысла. Связанные с охотой риск и неопределённость перестали быть необходимыми для выживания.

Однако охотничьи навыки и потребность в охоте никуда не исчезли. Охоту по необходимости заменила охота ради спортивного интереса. Люди действовали в точности как их предки-охотники, но теперь они стремились к успеху не потому, что могли умереть от голода. Вместо этого охотники-спортсмены демонстрировали умение загнать и убить добычу, хотя от этого их жизнь уже не зависела. Убитых зверей можно было съесть, однако существовали и куда более лёгкие способы добыть на обед мясное блюдо. Охота сделалась самоцелью. Со временем появились охотники на крупного зверя, которые никогда не ели добычу, вешая вместо этого головы убитых животных на стену своего дома, и охотники на лис, иногда разводившие животных, которых впоследствии выпускали и убивали. Никто уже не притворялся, будто погоня за зверем и его убийство необходимы для выживания. Животных стали убивать ради самого убийства.

Столетиями главными «видами спорта» оставались подобные кровавые развлечения, в то время как бескровный спорт, столь популярный сегодня, не получал сколь-нибудь широкого распространения. Определение английского слова *sport* в старинном словаре таково: «Времяпрепровождение, при коем предпринимается попытка поймать либо убить дикого зверя». Но по мере того, как развивалась и расцветала цивилизация, население увеличивалось, и лишь люди, обладавшие богатством и властью, могли позволить себе наслаждаться таким «времяпрепровождением», как охота на диких зверей. В простых людях древнее стремление к охоте подавлялось. Римляне решили эту проблему, перенесли охоту в города, на большие арены, где тысячи зрителей могли наблюдать убийство зверя вблизи. Традиция такой охоты жива и сегодня — достаточно вспомнить испанскую корриду.

Решить проблему можно было и по-другому — трансформировав охоту во что-то ещё. Внешне спортивные состязания не слишком походили на охоту, но на деле они сохраняли все её элементы. Ключевым моментом стало осознание того, что съесть добычу вовсе не обязательно. Если так, стоит ли утруждать себя убийством съедобного зверя? Зачем вообще убивать животных? Главное — сохранить охотничий азарт, а убийство вполне может быть и символическим. В итоге греки создали современный спорт. В число спортивных состязаний вошли погоня (бег по стадиону), прыжки, метание (диска и копья). Спортсмены совершали требующие отменной физической подготовки действия, те самые, которые в свое время совершали охотники, и лишь кульминация стала другой: убийство не настоящее, а символическое, в форме «победы».

В других странах Древнего мира появились первые игры с мячом: подобие поло в Персии, предки кеглей и хоккея на траве в Древнем Египте, прародитель футбола в Древнем Китае. В этих играх спортсмены упражнялись в одном из существенных элементов первобытной охоты — прицеливании. Каковы бы ни были правила игры, вся она строилась вокруг попытки попасть мячом в цель. Именно этот элемент доминирует в современном спорте. Спортивных игр, в которых прицеливание играет главную роль, сегодня больше, чем всех остальных видов спорта, вместе взятых. По большому счету спорт на открытом воздухе — это соревнование, участники которого так или иначе пытаются попасть в некую цель.

Бескровные виды спорта, имеющие дело с прицеливанием, бывают двух видов: целью может выступать незащищенный объект (мишень, кегля, ямка) или защищаемый объект (ворота). Если рассматривать спорт как видоизмененную охоту, становится ясно, что защищаемый объект больше похож на настоящую добычу и выглядит в глазах спортсмена-«охотника» предпочтительнее. Настоящая добыча не даётся охотнику легко. Зверь, в которого целится охотник, защищается всеми доступными ему средствами — он совершает внезапные движения, убегает, атакует и всячески старается остаться в живых. Неудивительно, что самыми популярными видами спорта являются те, в которых спортсмены должны атаковать защищаемый объект.

С этой точки зрения футбол является не чем иным, как охотой двух групп людей друг на друга. Каждая команда, или «группа охотников», пытается забить гол, запустив мяч, или «оружие», в защищаемые ворота, или «добычу». Поскольку в защищаемые ворота попасть не так просто, как в незащищенные, охота становится более увлекательной, а охотники передвигаются быстро, демонстрируя зрителям недюжинную силу и поразительные навыки. Этот вид спорта привлекает огромное количество зрителей в силу своей драматичности. Виды спорта, в которых цель не защищена, собирают не столь многочисленную аудиторию, однако являются не менее захватывающими для самих спортсменов, демонстрирующих на соревнованиях свои навыки и меткость.

Сегодня большая часть видов спорта — это соревнование по прицеливанию. Для древнего охотника попадание в цель было вопросом жизни и смерти.

Популярные виды спорта первого типа — это не только футбол, но и крикет, бадминтон, баскетбол, хоккей на льду, хоккей на траве, нетбол, поло, водное поло, теннис, настольный теннис, волейбол и лакросс. Среди видов спорта второго типа — кегли, гольф, стрельба из лука, дротики, стрельба по тарелочкам, метание колец, керлинг, крокет и бильярд. Все эти виды спорта (и многие другие) существуют потому, что люди одержимы желанием поразить какую-то цель. Удивительно, но этот аспект спортивных состязаний часто не упоминается в спорах о скрытых мотивах, по которым люди занимаются спортом. Обычно спорщики упирают на то, что спорт — это соревнование. Разумеется, стремление превзойти соперника находит выход в спорте, сомневаться в этом невозможно. Однако соперники с равным успехом могут упражняться в выпечке пирогов или составлении букетов из цветов. Не всякое соревнование — спорт. Из сотен различных соревнований, в которых мы участвуем, спортивными являются те, где люди бегают, прыгают, бросают что-либо, попадают в цель и, в конечном счёте, «убивают добычу». Вот почему можно утверждать, что спорт — это видоизмененная охота.

Для современного человека бескровный спорт — это основной способ восстановить силы. Почти в каждом крупном поселении есть спортивные центры и стадионы. Миллионы людей следят за новостями спорта, читая газеты и смотря телевизор. В наше время спортом интересуется больше людей, чем когда-либо. Причина более чем понятна. После индустриальной революции большинство взрослых мужчин в перенаселённых городах не имело никаких шансов реализовать своё стремление к охоте. Внедрение поточного

производства и индустриализация привели к тому, что труд становился всё более скучным, монотонным, предсказуемым и повторяющимся. Первобытная охота, напротив, требовала от мужчины физических усилий и дарила ему риск и возбуждение. К охоте нужно было основательно готовиться, продумывать стратегию, планировать, охота требовала как навыков, так и мужества, наконец, кульминацией охоты становился триумф охотника. Это описание очень напоминает Спортивное Поведение (например, футболистов) — и совсем не напоминает жизнь рабочего, проводящего почти весь день за фабричным станком, или же конторского клерка.

Фрустрация, которую испытывал погрязший в рутине мужчина XIX века, вышла на новый уровень. В результате, как и следовало ожидать, начался настоящий спортивный бум. Почти все популярные сегодня виды спорта либо были придуманы, либо обрели свою нынешнюю форму в течение XIX века. В их число входят:

1820	Сквош	Англия
1823	Регби-юнион	Англия
1839	Бейсбол	США
1846	Футбол	Англия
1858	Австралийский футбол	Австралия
1859	Волейбол	США
1860-е	Теннис	Англия
1870-е	Водное поло	Англия
1874	Американский футбол	США
1879	Хоккей на льду	Канада
1891	Баскетбол	США
1895	Регби-лиг	Англия
1895	Боулинг	США
1899	Настольный теннис	Англия

Некоторые из этих игр были созданы «с чистого листа», некоторые уже существовали и лишь приняли в позапрошлом веке свою современную форму, а также были снабжены определёнными правилами. В течение XIX столетия всё больше людей играли в эти игры и наблюдали за играющими. Считалось, что спортивные игры способствуют оздоровлению организма, поскольку они требуют физических усилий и проводятся на свежем воздухе, но на деле в них жаждали участвовать мозг и тело охотника. Своей популярностью «псевдоохота» обязана во многом волнению, которое пробуждают в участниках игры совершаемые ими действия. Это не абстрактные физические упражнения, это именно погоня за добычей и попадание в цель, то есть то, чем занимались первобытные охотники.

Удивительно, но XX век породил не так много новых видов спорта, зато уже существовавшие состязания распространялись по всему миру по мере того, как его захватывала индустриализация. Огромное количество мужчин столкнулось с тем, что ежедневная работа скучна и ей не хватает разнообразия и непредсказуемости; рискованное спортивное состязание с лихвой вознаграждало их эмоциями. То же верно и для XXI столетия.

В современном обществе, чем успешнее мужчина, тем менее увлекательным кажется ему спорт. Дело в том, что работа успешного мужчины куда больше напоминает первобытную охоту. Его задача — охота за идеями: он гонится за решениями проблем, перехватывает контракты и говорит о «целях организации». Жизнь такого мужчины полна волнений, которые доставляет ему очередная псевдоохота. Этой видоизмененной охоте недостает лишь одного — физических нагрузок, которым подвергались древние охотники. Погони, мишени и убийства сделались абстрактными, за что успешный мужчина часто расплачивается здоровьем.

Особо стоит упомянуть о таком ужасном виде спорта, как война. В старину, когда оружие было несовершенно, один вид кровавого спорта был ничем не хуже другого. Когда люди прекратили охотиться на зверей ради пищи, они обнаружили, что вокруг есть много других объектов для охоты. Годилась любая жертва, которая не давалась охотнику слишком легко, в том числе — другой человек. В древности войны не были тотальными, они напоминали вооруженные вылазки и проводились по строго определённым правилам, точно так же, как и спортивные игры. Мужчины-воины бились оружием, изначально предназначенным для настоящей охоты. В случае воинов-каннибалов можно говорить даже о том, что «добыча» съедалась после того, как её убивали. Известно, что некоторые битвы прекращались, когда начинался дождь, что очень напоминает современный крикет. Разумеется, в стычках одни группы мужчин соревновались с другими, но опять же вряд ли всё можно объяснить исключительно духом соревнования. Не раз и не два войны возникали «беспричинно»: группа воинов вроде бы шла воевать лишь потому, что испытывала неодолимое желание «с кем-нибудь подраться». Ряд учёных это наблюдение подвигло на неправдоподобный вывод: человек обладает врождённым стремлением убивать сородичей. Если, однако, увидеть в этих воинах, не свирепых человекоубийц, а спортсменов, преобразившихся охотников, которые преследуют свою «добычу», их поведение становится куда более понятным.

К великому сожалению, война как вид спорта быстро вышла из-под контроля и превратилась в кровавое побоище. На то были две причины. С одной стороны, гонка вооружений привела к тому, что солдат уже не должен быть ни храбрым, ни сильным. Воин-охотник стал убийцей-техником. С другой стороны, быстрый рост населения привел к тому, что в городах возникла проблема перенаселенности. Давление общества на личность возросло, конкуренция между индивидами обострилась до крайности. Так древний спорт «война охотников» превратился в современную войну — беспощадную и бесконтрольную.

Отсюда мы можем сделать полезный вывод на будущее: для того чтобы уменьшить вероятность возникновения военного конфликта, недостаточно решить проблему перенаселённости и смягчить возникшие в обществе трения. Следует дополнительно изменить стиль жизни и условия работы постиндустриального человека так, чтобы он в большей степени ощутил себя охотником, то есть тем, кем его предки были на протяжении по меньшей мере миллиона лет. Если его гнетёт рутинная, однообразная, скучная работа,

живущий в каждом современном мужчине первобытный охотник останется опасно неудовлетворённым. Футбол по субботам может утолить жажду охоты, но лишь на время. Если мы хотим избежать чреватых катастрофами восстаний, побоищ и войн, нам нужно создавать рабочие места, на которых люди смогут хоть немного ощутить себя охотниками.

Есть, наконец, ещё один необычный вид спорта, заслуживающий краткого упоминания. Речь о своеобразной «охоте» — не на людей вообще, а лишь на женщин. В старинных словарях «спорт» определяется ещё и как «любовное приключение», а погоня за женской красотой часто сравнивается с охотой. Стандартное ухаживание обладает многими чертами символического преследования «зверя», включая кульминационное соитие как символическое убийство. При нормальном развитии событий кульминация отмечает точку, после которой влюбленные окончательно превращаются в «пару». Впоследствии возникшая между ними сильная привязанность помогает им преодолеть трудный период выращивания потомства и не исчезает много лет, требуя от каждого родителя жертвовать многим ради семьи. Для сердцеёдов, однако, кульминация в виде соития фактически ставит на отношениях между ними и женщинами крест. Мужчина, который рассматривает женщин как «добычу» и ведёт счёт победам на любовном фронте, теряет интерес к возлюбленной сразу после того, как «пронзит» её тело символическим копьём. Он бросает её и гонится за новой добычей. Разумеется, в процессе охоты он сам может стать жертвой и поддаться женским чарам настолько, что сформирует вместе с возлюбленной нормальную пару, и то, что началось фактически как спорт, перерастёт, невзирая на намерения мужчины, в настоящее ухаживание. К сожалению, чаще мы видим другой сценарий: мужчина уходит, а женщина страдает от неразделённой любви к псевдоохотнику. Хуже того, мужчина может непредумышленно оплодотворить «добычу» и оставить её воспитывать ребёнка, к которому сам он не испытывает ни малейших чувств. Для общества этот «спорт», как и охота, может иметь опасные последствия.

В поисках замены первобытной охоты можно зайти далеко, и общество, поощряющее brutальные способы удовлетворения охотничьих инстинктов, играет с огнём. Так или иначе, спортивное поведение людей заслуживает куда более пристального внимания, чем то внимание, что оказывалось ему в прошлом.

Большую часть дня мы общаемся с теми или иными людьми. Час за часом наши социальные роли меняются. С детьми мы — родители, с жёнами — мужья, с продавцами — покупатели, с докторами — пациенты, с начальниками — подчинённые, со зрителями — актёры, с охранниками тюрьмы — заключённые. Мы заняты тем, что разговариваем с коллегами, друзьями, соперниками, родственниками или возлюбленными. Во всех этих ситуациях волнение, порождаемое социальным взаимодействием, чревато напряжением и стрессом. Время от времени нам необходимо отвлекаться от контактов с другими людьми. Отдыхать мы можем различными способами.

Для того чтобы отдохнуть по-настоящему, мы должны перестать контактировать с людьми, общение с которыми вызывает стресс, однако «передышки» возможны и на месте событий. Уставший собеседник уносится мыслями куда-то далеко или перестаёт слушать нас, продолжая автоматически кивать и улыбаться. С точки зрения наблюдателя, он по-прежнему вовлечён в социальное взаимодействие, но на деле он из него «выключен». Проходит несколько секунд, собеседник приходит в себя и вновь включается в изматывающий разговор в надежде, что не пропустил ничего важного.

В качестве альтернативы он может расслабиться. Для этого опять же не нужно никуда уходить. Проблема здесь в том, что чем больше расслабляется тело человека, тем больше он рискует оскорбить собеседников. Они ждут, что он вежливо их выслушает, следовательно, его тело должно быть напряжено. Позволить себе принять расслабленную позу могут лишь люди, которые настолько доминируют над окружающими, что им всё равно, что те о них подумают, — или же люди, оказавшиеся в компании очень близких друзей и родственников, не обсуждающей ничего серьёзного. В обществе друзей расслабленная поза истолковывается как позитивный дружеский сигнал: наши отношения настолько хороши, что нам не нужно напрягаться и мы можем обойтись без хороших манер.

Расслабляться можно по-разному. Если человек стоит, он может прислониться, например, к стене. Руки он может засунуть в карманы или положить на подходящую для того поверхность. Голову также можно прислонить к чему-то твёрдому — или подпереть её рукой. Сидящий человек в какой-то мере уже расслаблен, дополнительно он может расслабить голову, плечи, руки и ноги, а то и раскинуть руки и ноги в стороны. Суть расслабления в том, что члены тела выпрямляются и возлагаются на поддерживающие их поверхности. Для того чтобы расслабиться ещё больше, человек может лечь — на спину, на живот, на бок.

Так мы достигаем уровня расслабления, который за редкими исключениями неприемлем на людях. Друзья могут разговаривать, раскинув руки и положив ноги на стол, но перейти в лежачее положение в такой ситуации — всё равно что сказать собеседнику «я не хочу тебя слушать». Лишь на природе, например на пикнике, разговор двух лежащих людей не вызывает у них раздражения, но даже в этой ситуации они стараются приподняться на локтях, чтобы не казаться «выключенными» из беседы.

Мы принимаем расслабленные позы для того, чтобы уменьшить нагрузку, возникающую,

когда мы поддерживаем себя в вертикальном положении. Вертикальное положение, играющее столь важную для нас роль во всех областях жизни, тяготит человека куда больше, нежели стояние на четырёх конечностях тяготит родственных нам животных. Поскольку мы стоим на двух ногах очень часто, нагрузка, которую мы при этом испытываем, воспринимается нами как сама собой разумеющаяся. На самом деле, когда мы стоим, наше тело постоянно балансирует и потому сильно напряжено, оттого любая поза, избавляющая нас на время от повинности стоять на двух ногах, позволяет нам отдохнуть. Кроме перечисленных поз такого рода, есть ещё несколько особых способов расслабиться. В некоторых африканских племенах, например, люди часто стоят на одной ноге, как аисты. Боксёр, оправляющийся от удара, который опрокинул его на ринг, расслабляется, стоя на коленях (эту позу нельзя путать с преклонением колен нижестоящего перед вышестоящим). Преодолев дистанцию, измождённый бегун сначала падает на колени, а потом опирается о землю ещё и руками, демонстрируя окружающим свою усталость.

В менее драматических обстоятельствах люди опускаются на колени и усаживаются на голени. Близка к этой позе другая — на корточках: колени оторваны от земли, ягодицы касаются голеней, тело по-прежнему поддерживают только ноги. Есть два варианта этой позы: человек, сидящий на корточках, может опираться о землю всей поверхностью ступни или только пальцами ног. Первый вариант широко распространён в некоторых племенах, однако, как и в случае со стоянием на одной ноге, многим людям сложно расслабиться в такой позе.

Далее, мы можем сесть на землю, превратив ягодицы в дополнительный «опорный пункт» и оставив ноги согнутыми. Ещё более расслабленные позы — сидение по-турецки (именно в этой позе часто сидят компании школьников) и в позе лотоса (её принимают те, кто изучает йогу). Можно поступить и проще — сесть, подвернув обе ноги под себя; в такой позе люди часто сидят в парках и на пляжах.

Если оставить за скобками йоговское стояние на голове и другие странные привычки жителей той или иной местности, можно сказать, что мы описали почти все основные способы расслабления, свойственные нашему виду. В этих позах мы можем пребывать несколько минут или много часов, в зависимости от обстоятельств. Мы принимаем их и непосредственно «на поле боя», напряжённо общаясь с другими людьми, и вне его, в означенные периоды отдыха, например на школьной перемене или во время перерыва. Остался ещё один способ отдохнуть, не покидая собеседников: «вздремнуть», «соснуть», «поклевать носом». Когда после обеда все семья собирается для важного разговора и дедушка начинает клевать носом, все продолжают разговор так, словно он бодрствует. Родственники спорят друг с другом, не пытаясь уложить дедушку в постель и тем самым «исключить» его из беседы. Точно так же принято обходиться с теми, кто дремлет на лекции или в театре — разве что они начинают храпеть или издают другие звуки, игнорировать которые попросту невозможно.

Дрёма — лишь одно из проявлений сна, который остаётся для нас главным способом «забыться» и удалиться от общества. При этом важно понимать, что и кроме сна есть много других доступных нам видов отдыха. Согласно поговорке, лучший отдых — это смена деятельности, однако имеет значение, какую деятельность и на что мы меняем. Так, мы часто даём себе передышку, делаем паузы, от коротких кофейных и чайных пауз до обеденных перерывов, отгулов, выходных и отпусков. Во всех этих случаях мы позволяем себе на время отбросить наши обычные социальные роли и в мгновение ока стать совсем

другими. Эта новая роль может требовать от нас расхода энергии, и всё равно мы «отдыхаем душой». Отдых удаётся потому, что мы сами решаем, как будем отдыхать. Мы делаем то, что хотим, и перестаём кому-либо подчиняться. Мы начинаем тратить деньги вместо того, чтобы продавать что-либо. Во время работы мы все, так или иначе, выступаем в роли продавцов — мы продаем себя, свои услуги или свои изделия. «Отдохнуть» — значит примерить на себя роль покупателя, причем покупки не должны быть «предметами первой необходимости». Мы покупаем товар или услугу лишь потому, что они нам нравятся, будь то выпивка в баре или номер в гостинице.

Такие перерывы имеют для нас большое значение, но не дают нам полноценно насладиться иной социальной ролью. Зачастую отпуск не приносит удовлетворения из-за давления планов и обязательств, которые раздражают нас, поскольку в отпуске мы хотели бы полностью расслабиться, освободившись именно от планов и обязательств.

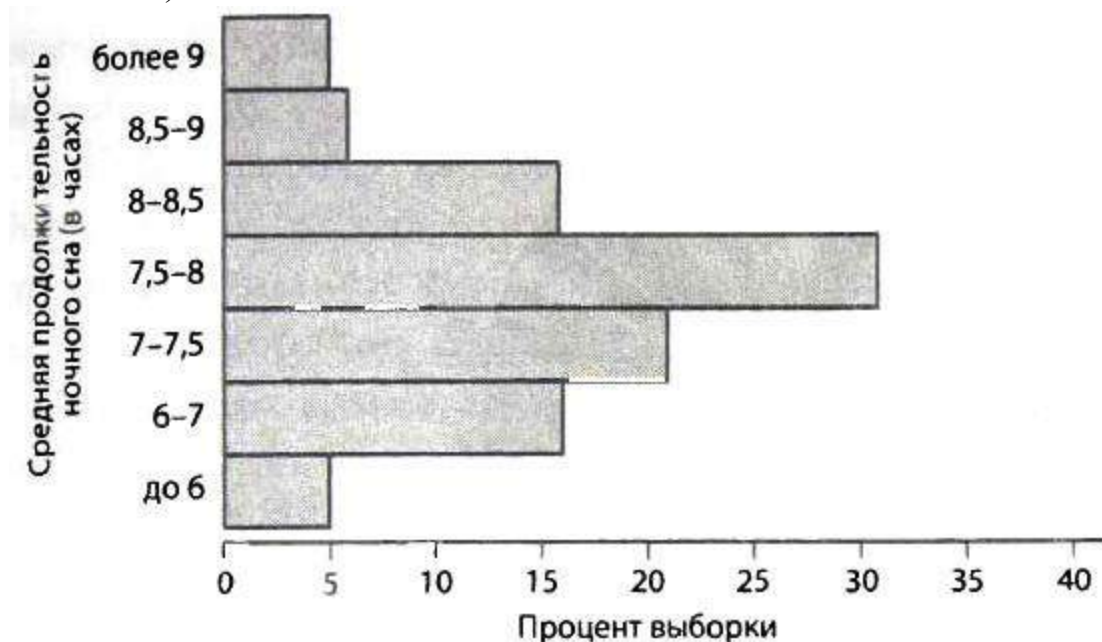

Мы часто предлагаем друг другу «сесть на пол» или «сесть на землю» так, словно подразумеваем одну и ту же позу, но на деле сесть на пол можно по-разному. Существуют следующие варианты (сверху вниз слева направо): сесть на колени, поджав ноги под себя; сесть на корточки, касаясь пола всей поверхностью ступни; сесть на корточки, касаясь пола лишь пальцами ног; сесть на ягодицы, оставив ноги согнутыми; сесть по-турецки; сесть в позу лотоса; сесть на ягодицы, подвернув обе ноги под себя.

Сбежать от реальности мы можем лишь тогда, когда спим. Попытки жить без ночного сна заканчиваются очень быстро и плачевно как для психического, так и для физического здоровья. Как мы знаем, во сне мозг отдыхает даже в большей степени, чем тело. Мы можем

расслабить мышцы при помощи массажа, подолгу лежать без движения, но «батарейки» нашего мозга при этом не перезаряжаются. К концу каждого дня наше сознание впитывает столько новых идей, мыслей, впечатлений и переживаний, что мы должны потратить несколько часов на сон, позволив мозгу разложить всё по полочкам памяти. И это не просто классификация информации: мозг сортирует накопленное, анализируя по ходу возникающие противоречия, пытаясь решить волнующие нас проблемы и как следует подметая «кабинет сознания». Отсюда — все наши сновидения. Бесперывное тревожное «упорядочивание» порождает непрерывные, повторяющиеся сны. Яркие новые впечатления оборачиваются живыми и фантастическими грёзами. Сны, которые мы вспоминаем утром, — это лишь вершина айсберга, созданного воображением сновидца. Современные исследования установили, что мы видим множество снов каждую ночь, независимо от того, помним мы эти сны, когда просыпаемся, или нам кажется, что этой ночью мы спали «сном младенца» и нам ничего не снилось.

К слову, младенцы спят дольше взрослых, а люди среднего возраста спят дольше пожилых. Тому есть веская причина. Младенцы сталкиваются с целым новым миром, который требуется осознать. Они воспринимают огромные массивы новой информации, соответственно, им нужно больше времени на то, чтобы эту информацию упорядочить. Пожилые люди, напротив, знают о мире столько всего, что их мало чем можно удивить, потому они уже не проводят в объятиях Морфея столько часов, сколько проводили раньше. В первые три дня своей жизни средний ребёнок спит 16,6 часа в сутки; зафиксированы случаи, когда младенцы спали в это время и 23 часа, и всего 10,5 часа в сутки. Средний взрослый тратит на сон 7 часов 20 минут. Средний пожилой человек спит всего по 6 часов (и немного дремлет днём).

Одни взрослые спят больше, другие меньше, но большинство укладывается в промежуток между семью и восемью часами сна. Пожилые люди, как правило, спят ночью меньше — около шести часов, — но при этом дремлют днём.

Новорожденный ребёнок спит и днём, и ночью, перемежая сон короткими периодами бодрствования. Начиная с полугода младенец всё меньше спит днём и всё больше — ночью. В этом возрасте он проводит во сне 14 часов в сутки, в дальнейшем период сна будет сокращаться. Днём младенец спит два раза — утром и после полудня. В течение второго года жизни он перестаёт спать по утрам и проводит во сне уже 13 часов в сутки. К пяти годам

дети перестают также спать днём, а по ночам спят около 12 часов. Продолжительность сна продолжает уменьшаться, к 13 годам подростки спят по 9 часов. Ко времени, когда они становятся взрослыми, их сон продолжается в среднем семь с половиной часов.

Типичный взрослый за ночь меняет положение тела от 40 до 70 раз. Если спящего человека фотографировать через короткие промежутки времени, по фотографиям может показаться, что он взволнован и все время вертится. Даже люди, чей сон глубок, ночью шевелятся, чтобы избежать возникающих из-за застоя крови судорог рук и ног.

Кроме того, в среднем мы видим четыре или пять «серий» снов за одну ночь. Первая «серия» сновидений начинается спустя примерно полтора часа после того, как мы засыпаем, дальнейшие следуют с интервалами от 60 до 90 минут. В сумме эти «серии» занимают до полутора часов от общей продолжительности сна. Когда мы видим сон, наш организм ведет себя противоестественно. С одной стороны, мы словно и не спим — наши глаза за опущенными веками быстро и резко двигаются, словно мы на что-то пристально смотрим; если снять в такой момент электроэнцефалограмму, она окажется похожей на электроэнцефалограмму бодрствующего человека; пульс и давление скачут, будто мы переживаем стресс; кроме того, мы поглощаем больше кислорода, словно готовясь совершить какое-то действие. С другой стороны, наш мышечный тонус становится ниже, чем в моменты бодрствования; и разбудить нас в это время труднее. Поэтому данное особенное состояние стали называть «парадоксальным сном». Тело одновременно и не управляется сознанием, и словно готовится к каким-то действиям. Эти действия, разумеется, кажутся во сне очень важными, и, если разбудить спящего в фазе парадоксального сна, он сможет вспомнить то, что ему снилось, во всех подробностях. Когда спящих будят спустя несколько минут после того, как эта фаза сна закончилась, они смутно припоминают лишь обрывки сновидений. Разбуженные, через десять и более минут, своих снов не помнят и считают, что им ничего не снилось. Вот почему некоторые люди утверждают, что им никогда ничего не снится, хотя все мы видим сны четыре или пять раз за ночь. Эти люди просыпаются, пребывая в фазе обычного сна, который проходит без сновидений. Как правило, если мы просыпаемся сами по себе, мы не помним того, что нам снилось. Если же разбудить нас внезапно звонком телефона или будильника, повысится вероятность того, что мы очнёмся на половине сновидения и будем помнить, что происходило с нами во сне.

Сны не длятся, как некогда думали, одно мгновение. Когда в ходе экспериментов спящих будили в начале фазы парадоксального сна, они рассказывали о том, что видели лишь короткие сны. Когда их будили ближе к концу этой фазы, их сны оказывались более длинными. Отсюда можно сделать вывод, что полтора часа парадоксального сна — это и полтора часа сновидений. Иначе говоря, за свою жизнь мы видим сны в среднем на протяжении 35 тысяч часов. Лишь благодаря этим снам «компьютер» в нашем черепе способен исправно работать и адекватно воспринимать непростую действительность.

У всех людей есть общее свойство: ограниченный срок жизни. Каждый из нас рано или поздно понимает, что люди умирают и существование есть лишь краткий миг между светом рождения и тьмой смерти.

На личном уровне все мы смотрим в будущее с надеждой, пока мы молоды (нам не терпится повзрослеть), и с отвращением, когда мы старимся (нас ужасает постепенный распад физического тела). С типичной для нашего вида извращённостью мы почти всегда желаем быть либо старше, либо моложе, чем мы есть на самом деле. Но если принимать всякий возраст таким, какой он есть, окажется, что на любом этапе жизнь не столь уж и плоха. Мечтая о том, чтобы стать взрослее, мудрее и опытнее, или тоскуя по вечной юности и борясь с природой за право выглядеть моложе своих лет, мы совершаем серьёзные ошибки. Так мы не сможем жить настоящим, нашим настоящим, и полноценно им наслаждаться.

Надежда на будущее и тоска по прошлому — два величайших врага полноценной жизни. Если приглядеться, как следует, к самым успешным представителям нашего общества, окажется, что они шли против всех правил и установок, связанных с возрастом. Они делали то, что хотели, тогда, когда хотели, ничуть не терзая себя мыслями вроде «время моё ограничено». Они добивались успеха в молодости или становились триумфаторами в старости, жили недолго и бурно или долго и счастливо. Они доказали нам, что жизнью нужно упиваться, что мешкать не следует — и что фраза «слишком поздно» есть всего лишь предрассудок.

Старение, как и боль, — это защитный механизм, за который мы должны быть благодарны природе. Как боль предупреждает нас о грозящей телу опасности, так и старение защищает вид от остановки в развитии. С точки зрения наших генов человеческое тело — это временный контейнер, подлежащее уничтожению жилище, которое время от времени следует менять. Одно поколение сменяет другое, и наши гены в различных сочетаниях переселяются из тела в тело. Они всегда готовы адаптироваться к меняющимся внешним условиям, всегда готовы стать частью новых генетических комбинаций, из которых одни приспособлены к изменившимся условиям лучше, другие — хуже.

Судя по всему, гены способны поддерживать уровень приспособляемости, необходимый для того, чтобы эволюционный процесс пусть медленно, но продолжался, лишь положив временной предел обновлению клеток организма. Если бы новые клетки заменяли старые без конца, постоянно перестраивая наши тела, мы никогда не старели бы. В теории ничто не мешает клеткам непрерывно обновляться, а нам — жить вечно (если забыть про несчастные случаи).

Смерть и бессмертие не таят в себе никакой загадки. С биологической точки зрения смертным быть выгоднее, чем бессмертным, только и всего. Потому в наши клетки встроена программа старения: со временем новые клетки заменяют прежние уже не столь успешно, как раньше. В старости наш рост уменьшается, мы становимся более хрупкими и не так сильно сопротивляемся различным недугам. Для нас это, конечно, не лучший выход. Было бы куда лучше, если бы гены «придумали» способ оставлять нас молодыми и сильными до

момента, когда мы, например, взрывались бы и за миг исчезали без следа. Но всё, что у нас есть, — это постепенное старение, и всё, что мы можем сделать, — это брать от каждого этапа жизни всё, что тот может нам предложить.

До сегодняшнего дня никто не придумал способ предотвратить ухудшение качества обновления клеток, хотя многие пытались это сделать (а кое-кто объявлял даже, что добился успеха, и открывал дорогие частные клиники). Разумеется, однажды ученые создадут что-то вроде эликсира вечной молодости. В таком предсказании нет ничего мистического, вопрос лишь в том, как скоро наука решит проблему старения. Отдельные индивиды смогут воспользоваться этим эликсиром и перестанут стареть, уподобившись Дориану Грею, но без стареющего портрета в тайной комнате. Конечно же, после этого перед человечеством маячит угроза перенаселения планеты, по сравнению с которой сегодняшнее перенаселение — детские игрушки. Размножение станет тяжким преступлением. Люди вновь поставят перед собой фантастическую задачу и, решив её, накажут сами себя. Пока этого не случилось, стоит изучить связь между поведением человека и его возрастом: что мы делаем — или не делаем — в тот или иной период жизни?

Здесь мы сразу же столкнёмся с противоречием. С одной стороны, у всякого возраста есть свои специфические черты. Люди, будучи представителями одного и того же вида, склонны на разных этапах жизненного пути, от рождения и до смерти, вести себя предсказуемо. Все мы — биологические организмы, стареющие примерно одинаковыми темпами, при этом в наших телах происходят одни и те же процессы. В этом один человек почти неотличим от другого.

С другой стороны, несмотря на то, что всякому возрасту присуще некое типичное поведение, всегда есть исключения — индивиды, которые «нарушают правила» и движутся от рождения к смерти либо слишком быстро, либо, наоборот, слишком медленно. Есть поразительно взрослые дети, становящиеся в нежном возрасте виртуозами и профессионалами, и есть похожие на детей взрослые, которые отказываются развиваться (физически или психологически) с обычной скоростью. О чём говорит нам это противоречие — понятно: правила существуют, но их можно нарушать. Люди-исключения всегда будут игнорировать эти правила, сочинять симфонии в девять лет и бегать на длинные дистанции в девяносто.

Как стать исключением — тоже понятно. Для того чтобы дети развивались быстрее сверстников, им нужна не только светлая голова, но и безумно любящий свое чадо родитель-фанатик, готовый жертвовать всем, лишь бы чему-то научить ребёнка. Для того чтобы взрослые оставались энергичными и в старости, они должны воспитать в себе бодрость духа и оптимизм. Если человек хочет всего лишь выйти на пенсию и ежедневно наблюдать за заходом солнца, он фактически убивает себя.

Подобные наблюдения неизбежно ведут к искушению вывести формулу продления срока жизни. Изучив сотни биографий, можно уяснить, благодаря каким именно свойствам личности человек способен жить долго и без болезней. Одни из этих свойств очевидны, другие — нет. Далее мы рассмотрим основные факторы, позволяющие представителю нашего вида увеличить продолжительность жизни.

Если вам посчастливилось и в вашем роду много долгожителей (то есть людей, живших, по меньшей мере, по восемьдесят лет), ваши шансы прожить долгую жизнь увеличиваются. Если ваши предки и близкие родственники часто болеют и рано умирают от последствий сердечных заболеваний, инсультов, диабета или рака, вероятность того, что вы будете жить

долго, уменьшается.

Одни люди по природе более подвижны и физически активны, другие — более ленивы и склонны к сидячему образу жизни. В том, что касается долголетия, подвижный человек обладает заметным преимуществом, если только его подвижность не обусловлена волнениями и стрессами. Индивиды, образ жизни которых требует ежедневного физического напряжения, живут дольше, нежели те, кто целыми днями сидит сиднем или валяется в постели. Среди людей, доживающих до глубокой старости, удивительно много тех, кто любит подолгу ходить. Прогулки и возделывание сада поразительно удлиняют жизнь, и это не случайно. И в том, и в другом случае всё тело человека двигается, но без заметного напряжения. Люди, более серьезно занимающиеся спортом, например бегуны, сознательно или бессознательно беспокоятся о своём здоровье. Если они начнут заниматься спортом слишком энергично, их здоровье, наоборот, пошатнётся (конечно, речь не идет о профессиональных спортсменах в расцвете сил, которые движимы не искренней заботой о собственном здоровье, а требованиями, которые выдвигает их вид спорта). Пожилые люди, активно занимающиеся гимнастикой или бегом, обычно озабочены ухудшением здоровья и ощущают необходимость защитить себя от болезней. К сожалению, если судить по долгожителям, подобный подход следует признать в корне неверным. Чрезвычайно важно, чтобы физические упражнения (в том возрасте, когда мы уже «немолоды и неспортивны») носили общеоздоровительный характер в противовес упражнениям «на результат», а главное — они должны приносить радость. Прогулка или возделывание сада, занятия, которым предаются ради удовольствия, стоят сотен скучных физических упражнений, совершаемых «ради здоровья».

Отсюда следует, что долго живут люди со спокойным темпераментом. Агрессивные, эмоциональные, ворчливые, вечно снедаемые тревогой и страхом индивиды наносят себе огромный вред, ибо гнев и паника — лучшие друзья гробовщика. Лёгкий на подъём, расслабленный, эмоционально уравновешенный человек почти всегда переживает вспыльчивого и беспокоящегося по поводу и без повода соседа. Если мы понимаем, что наша работа сводит нас с ума, раздражает или подавляет, нам следует подыскать себе другой способ зарабатывать на жизнь.

При этом важно отличать спокойную расслабленность от пассивности и лени. Расслабленность замечательно совмещается как с душевным подъёмом, так и со страстным интересом к излюбленным занятиям. В самом деле, жажда жизни и стремление следовать по намеченному пути — важнейшие факторы, помогающие достичь долголетия. Вряд ли стоит говорить о том, что нужно любой ценой избегать ничегонеделания. Если мы вынуждены отказаться от работы или какого-либо занятия, следует немедленно найти другие, равно поглощающие работу или хобби, требующие ежедневно выкладываться по полной. Пессимизм и цинизм укорачивают жизнь, оптимизм её удлиняет.

Ни к чему хорошему не приводит и ностальгия — одна из величайших слабостей человечества. Люди, которые подолгу размышляют о «старых добрых временах», жалуются на то, что мир становится хуже с каждым годом, и критикуют молодое поколение, сами гонят себя в могилу. У людей, живущих настоящим и с любопытством смотрящих в будущее, шансов стать долгожителем больше, чем у тех, кто живет прошлым.

Очень сильно удлиняет жизнь успешность. Достаточно успешный индивид может жить очень долго, невзирая даже на такие укорачивающие срок жизни явления, как тучность и алкоголизм. Важно, однако, чтобы в погоне за успехом человек не перенапрягался и не

подвергал себя длительным стрессам. Кроме того, успешность всегда должна определяться самим человеком. Никому не известный пастух может ощущать себя не менее успешным, чем всемирно известный нобелевский лауреат, пусть и по-своему. Успех не следует путать со славой.

Как правило, долгожителей интересует не положение в обществе, а то, чем они занимаются. Эгоцентризм и тщеславие им чужды, они живут не ради себя и не ощущают себя пупами земли. Они могут гордиться своей работой, своими изобретениями или достижениями, но собой при этом они не гордятся.

Что до образа жизни, средний долгожитель склонен к умеренности и золотой середине. Особенно это касается питания. Человек — животное всеядное, потому разнообразная пища скорее способствует долголетию, чем наоборот. Вегетарианцы живут долго вопреки, а не благодаря тому, что они едят. Простая пища обычно лучше изысканных блюд, хотя завзятые гурманы могут поспорить с этим утверждением, заявив, что важно качество жизни, а не количество прожитых лет. Пуритане, запрещающие себе пить и курить, также бьют мимо цели. Очень многие долгожители наслаждались и никотином, и алкоголем, но в умеренных дозах. Тому, кто внял предупреждениям Минздрава и уверен в связи курения с раком лёгких, сложно поверить в то, что можно смолить папиросы до глубокой старости, — но и такое случается. Оказывается, не все люди одинаково предрасположены к раковым заболеваниям. Курящий индивид, в роду которого были раковые больные, естественно, подвержен большему риску заболеть, а человек с «ракоустойчивым» организмом может пускать дым сто лет безо всякой угрозы своим лёгким. Проблема в том, что мы пока не в состоянии точно определить, кто из нас к чему предрасположен, так что курение остается опасной игрой с неопределенным исходом. При этом нужно заметить, что объективно курение может помогать «ракоустойчивым» людям снимать стресс, что, как было отмечено выше, существенно продлевает жизнь.

Большинство долгожителей не понаслышке знают, что такое самодисциплина. На первый взгляд тут кроется противоречие с утверждением, что долго живут люди, которые легки на подъём и спокойны, но это противоречие — кажущееся. Самодисциплина — это не обязательно суровый, спартанский образ жизни или же мазохизм. Если человек живёт долго потому, что проходит пешком милю в день, важно, что он проходит эту милю каждый день и прогулка стала неотъемлемой частью его существования. Напротив, человек, который валяется в постели шесть дней подряд, после чего, снедаемый чувством вины, вскакивает и проходит семь километров, не обладает самодисциплиной, которая необходима для долгой жизни.

Чувство юмора, мальчишеское озорство и ощущение, что жизнь прекрасна, — сильное оружие против преждевременного старения. Долго живут те, у кого «глаза горят». Пуританин с кислым лицом или важный и серьёзный зануда уходят из жизни первыми, оставляя своим более весёлым современникам право посмеяться последними.

Пряча голову в песок и отгоняя от себя мысли о жизни и смерти, мы ничего не приобретаем. Самое здоровое решение — признать, что срок жизни человека ограничен, и начать жить каждый день, жить настоящим и в полную силу. Ностальгия и откладывание дел на завтра — два величайших врага плодотворной и приятной жизни на этой планете.

Многое из того, о чем было сказано выше, подтвердится, если вспомнить о том, какой образ жизни вела француженка Жанна Кальман, жившая дольше всех людей, даты рождения и смерти которых известны. Когда эта женщина отмечала свой 121-й день рождения, её

спросили, в чём секрет её долголетия. Она ответила с улыбкой: «Я всегда спокойна, вот почему меня называют Кальман» (игра слов: фамилия Calment перекликается с французским словом calme, «спокойный»). В возрасте 100 лет она всё ещё ездила на велосипеде. Её любимыми блюдами были фуагра и жирное мясо, тушенное по-провансальски, она обожала шоколад и конфеты. Когда Жанне Кальман было 117 лет, врачи посоветовали ей отказаться от портера и сигарет, но она упрямо не следовала их совету. Она родилась в 1875-м и умерла в 1997 году. У неё никогда не было проблем со здоровьем. Как бы объяснили её долголетие современные адепты здорового образа жизни, — загадка, ведь она нарушала почти все их заповеди. До самого конца рука Жанны Кальман оставалась крепкой, шутки — ехидными; она буквально посмеялась над всеми ними последней.

Что уготовано человеку разумному?

Двуногий человек — удивительнейшее животное. С точки зрения эволюции наш странный вид ещё молод. История беспримерного успеха человека ещё не завершилась, и чем дальше в будущее, тем большими темпами мы подчиняем себе мир. Предсказать что-либо в таких условиях невозможно, но ясно, что нас ждёт увлекательное время больших научных открытий. Ученые вот-вот поймут, как гены контролируют процесс старения. Люди смогут жить по тысяче лет, если они того захотят. Открытия в области антигравитации, а то и перемещений во времени позволят нам выбраться за пределы нашей крохотной планеты в иные сферы. Для существ с огромным мозгом и ненасытным любопытством завоевание Солнечной системы станет лишь началом космической экспансии.

Всё это возможно потому, что человек — это обезьяна, которая так и не выросла, обезьяна, сохраняющая во взрослом теле душу озорного ребёнка. Игривость взрослого накладывает отпечаток на все устремления человека. Это касается и великих достижений в области искусства и науки, и повседневной жизни. Великий повар превращает заурядный приём пищи в изысканное испытание для органов чувств. В мире высокой моды простые требования к одежде вроде удобства и скромности почти полностью затеняются соображениями стиля и вкуса. То же можно сказать о мебели и украшении помещений. Даже более чем практичный мир архитектуры не вполне свободен от человеческой игривости. Повсюду, где архитектор убеждает своих клиентов разрешить ему выйти за пределы простых требований к безопасности и комфорту, мы видим следы игры, будь то орнаментированные капители античных колонн или фантастические дворцы Диснейленда,

Мы играем в эротические игры, называемые танцами. Мы играем в военные игры и охотничьи игры, называемые спортом. Мы играем в путешествия и называем эту игру «туризмом» — мы ездим в места, куда ездить вовсе не обязательно, и если бы не наше любопытство, мы ни за что не решились бы провести в этих местах несколько мучительных недель.

Как только наши основные нужды удовлетворяются и мы можем позволить себе не заботиться о выживании, мы вскакиваем и бежим куда-то. «Голую обезьяну» давно пора переименовать в «творческую». На протяжении всей жизни человек остаётся в лучших своих проявлениях взрослым ребёнком, всегда готовым включиться в очередную игру. Если однажды мы откажемся от игр и превратимся в депрессивно серьёзных, примерных взрослых взрослых, мы отвернёмся от великого биологического наследия, благодаря которому человек сделался самым энергичным, самым озорным, самым одарённым животным на этой планете. Если это когда-нибудь случится, мы уйдём со сцены, наше место займет какой-нибудь другой вид. Но пока что прекрасная игра жизни — наша по праву.

Возможно, найдутся люди, которые решат, что, считая величайшим достижением человека «взрослые игры», я его умаляю. Это не так. Я лишь хочу сказать, что мы никогда не принимали игру всерьёз. Для множества людей наши величайшие достижения лежат в сферах бизнеса, технического прогресса, медицины, политики и экономики. Но всё это — только средства, помогающие либо выжить, либо сыграть во «взрослую игру». Успешная

компания, которая производит, например, продукты питания, в конечном счёте либо утоляет голод и жажду потребителей, либо утончает эстетику гастрономической игры.

Современная техника дарит нам комфорт и продвинутое блага, за что мы ей очень благодарны, однако никто не сидит и не восторгается часами тем, как изящно работают кондиционер, холодильник, радио и телефон. Мы используем все эти устройства для достижения иных целей. Медицина лечит болезни, но и это не цель, а средство; цель — как можно дольше жить более здоровой жизнью и наслаждаться ею.

Современная политика и экономика призваны обеспечить личные свободы и благоденствие каждого индивида. Мы не говорим о том, что и это — лишь средство; цель — перестать заботиться о выживании и позволить себе играть во «взрослые игры».

Величайшее качество человека, ставящее его выше прочих животных, — это ненасытное любопытство. Мы прошли путь от хижины-мазанки до космической ракеты всего за несколько тысячелетий — с точки зрения эволюции это жалкое мгновение. За это время мы преобразили облик нашей планеты и застроили её так плотно, что отдельные сооружения видны с Луны (на которую мы успели слетать). Мы смогли сделать всё это потому, что всё время задавали вопросы, находили на них ответы, осмысливали их — и опять задавали вопросы.

Мы, люди, — самые удивительные из животных многих миллионов видов, когда-либо живших на Земле. Почему именно мы? Что заставило нас зайти так далеко, в то время как наши ближайшие родственники, горилла и шимпанзе, продолжают скрываться в далеких тропических джунглях? Какое особенное качество сделало нас повелителями мира? Если коротко — всё дело в том, что мы, будучи приматами, встали на две ноги и превратились в помогавших друг другу охотников. Как приматы мы обладали большим мозгом и телом, которое способно производить множество различных действий. Если бы наш мозг был маленьким, а тело — более специализированным, мы не смогли бы сделать следующий эволюционный шаг. Но мы его сделали: выпрямившись, мы стали двуногими. При этом у нас оказались «развязаны руки», и мы стали исследовать окружающий мир. Мы создали орудия труда и использовали их по назначению. Мы смогли научиться охотиться и убивать добычу.

Пройдя «школу» охоты, мы стали более храбрыми и менее эгоистичными. Мы научились помогать друг другу (из необходимости, а не из-за нравственного закона) и концентрироваться на долгосрочных целях, а главное — мы стали лучше питаться. Богатая протеином пища позволила нам стать ещё умнее. Стремление охотиться группами позволило нам стать более общительными. Мы создали речь и, как следствие, начали понимать сложные системы символов. Благодаря этим символам мы сумели заместить действия, которые совершали в древности, их современными эквивалентами. Мы проделали всё это настолько убедительно, что сами приняли притворный мир детской игры за чистую монету и превратили язык тела в актёрское искусство, физкультуру и балет; охоту — в спорт, азартные игры, исследование и коллекционирование; речь — в пение, поэзию и театр; сотрудничество — в альтруизм и добросердечие. Человек — это волшебная смесь: любопытный, рискующий, взрослый ребёнок, готовый на всё.

Другие животные замечательны тем, что обладают зачастую удивительно красивыми телами. Мы с нашими тщедушными, не слишком впечатляющими телами замечательны тем, чего мы достигли. И тем, чего ещё достигнем в будущем, ведь история наша едва-едва началась.

33. Невербальная Утечка Информации (вверху) — Зачастую, пытаясь скрыть от окружающих правду, мы прикасаемся к собственному носу. Когда мы испытываем стресс, назальные ткани распухают, и мы ощущаем потребность потереть или почесать нос

34. Недостаточные Сигналы. Как правило, фальшивая улыбка оставляет у нас ощущение «недостаточной» реакции. Когда человек улыбается усилием воли и улыбка не отражает его истинное настроение, она чаще всего выглядит неубедительно

35. Статусное Поведение. Сегодня свой статус демонстрируют три группы людей — Наследники, Руководители и Таланты. В частности, Таланты могут позволить вести себя сумасбродно, не считаясь с общественными нормами

36. Территориальное Поведение. В наше время это поведение наиболее ярко проявляется на трибунах стадионов во время футбольных матчей. Фанаты подчёркивают, что они верны своей футбольной команде, и демонстрируют это болельщикам из другого «лагеря»

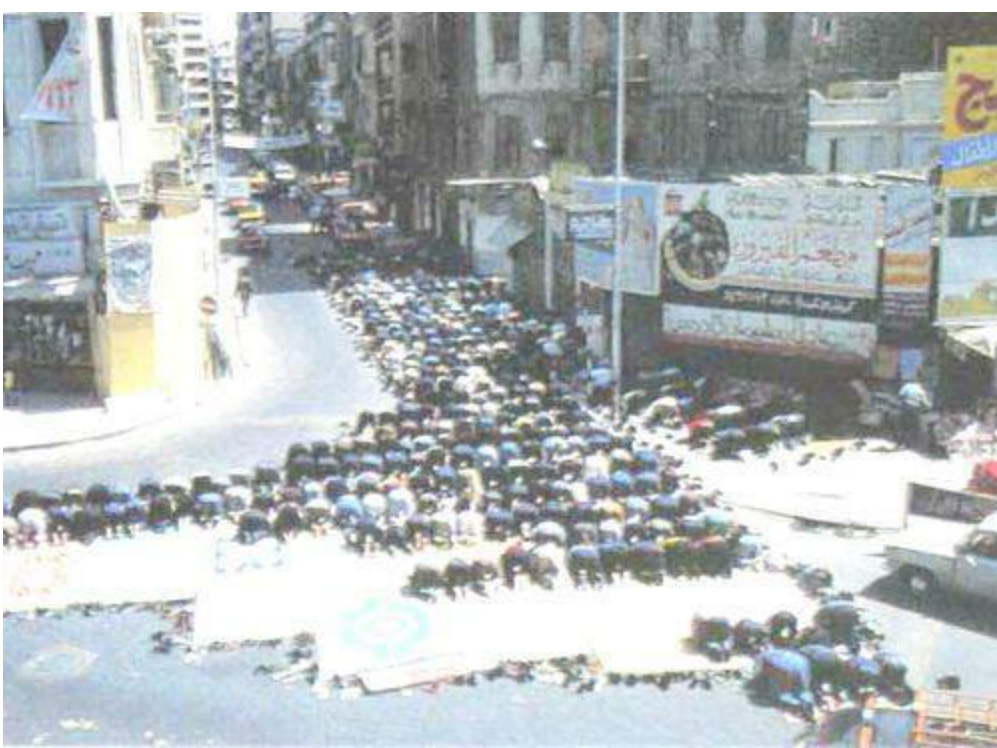
37. Изолирующие Сигналы. Испытывая напряжение, мы подаём сигнал «перекрещивание тела», дотрагиваясь одной рукой до другой перед туловищем. Например, мужчины часто «поправляют запонку»

38. Защитное Поведение (вверху). Корабли иногда «превращают» в людей, пририсовывая им глаза. На этом мальтийском рыболовецком судне глаза нарисованы для того, чтобы в случае чего отвести сглаз

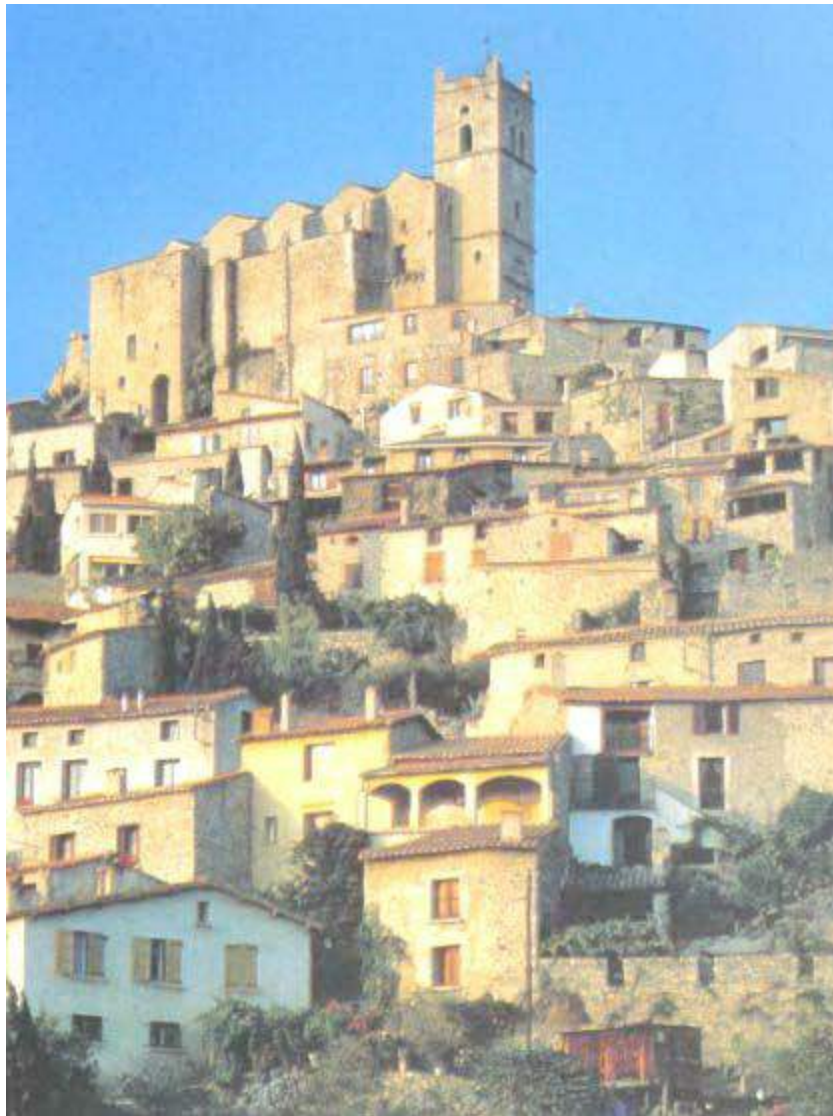
39. (вверху.) Футболисты, выстраиваясь в линию во время пенальти, демонстрируют, что в первую очередь они хотят защитить не лица, а гениталии

40—41. Подчинённое Поведение. В современном мире этот тип поведения наиболее ярко выражает демонстрация готовности подчиниться всемогущим богам. Для некоторых конфессий простого преклонения колен недостаточно, их представители стремятся принизить себя ещё больше, касаясь земли лбами

42. Религиозные Действия. Могущество бога оценивается по тому, какое количество людей одновременно обращается к нему в регламентированной форме. Обычно к божеству обращаются во время организованных совместных молений

43. Инопланетянин мог бы решить, что в храмах (вверху) живут очень большие существа, поскольку эти здания всегда возвышаются над остальными постройками. Очевидно, гиганты редко бывают дома, но им поклоняются даже в их отсутствие

44. Воинственное Поведение. Насколько мы можем судить, «поднять руку на кого-то» — это врождённая агрессивная реакция. Дети в детских садах тоже заносят руку для удара. Подобным образом люди атакуют друг друга и в ходе драки, и в ходе гражданских беспорядков

45. Альтруистическое Поведение (вверху). Монахиня, помогающая беднякам или прокажённым, живёт ради других. При этом в глазах монахини те, кому она помогает, — её дети, или деца Бога, как и она сама, и в этом смысле все они — члены одной и той же семьи

46. Торжественное Поведение (вверху). В момент триумфа люди часто воздевают руки,

отчего их тела кажутся больше, чем они есть на самом деле

47. Отключение (вверху). Это действие, блокирующее сигналы из внешнего мира. Чаще всего мы «отключаем» мир, закрывая глаза. Наблюдателей этот сигнал раздражает, ибо они ощущают, что от них стараются отделаться

48. Автономные Сигналы. Если человек доведён до ручки и готов наброситься на обидчика, его лицо бледнеет, поскольку кровь отливает от кожи к мышцам. Напротив, разгневанный человек с побагровевшим лицом не столь опасен, так как уже не готов размахивать кулаками

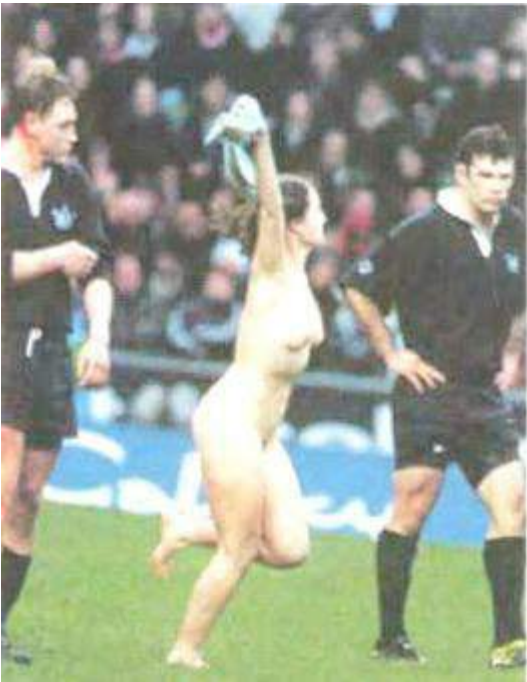
49. Замещающие Действия (вверху). Озадаченные люди часто чешут голову, совершая Замещающее Действие и демонстрируя окружающим, что перед ними возникло некое противоречие.

50. Перенацеливающие Действия (вверху). Иногда мы стараемся подавить одни эмоции при помощи других. Когда женщина ведёт себя как «маленькая девочка», она может добиться того, что её возлюбленный будет защищать её и вести себя как «родитель»

51. Непрстойные Сигналы (вверху). В разных странах они разные, например, оскорбительный вариант знака «два пальца» понятен исключительно англичанам.

52. Передозированные Сигналы. Публичное обнажение — пример сознательной «передозировки» сигнала, цель которого обычно — шокировать окружающих. У каждого действия есть своя «доза», и те, кто хочет привлечь к себе внимание, могут добиться этого путём её превышения

53. Самоимитация (слева). Иногда мы воспроизводим детали собственной анатомии. Высунутый с целью «эротического» оскорбления язык может символизировать пенис

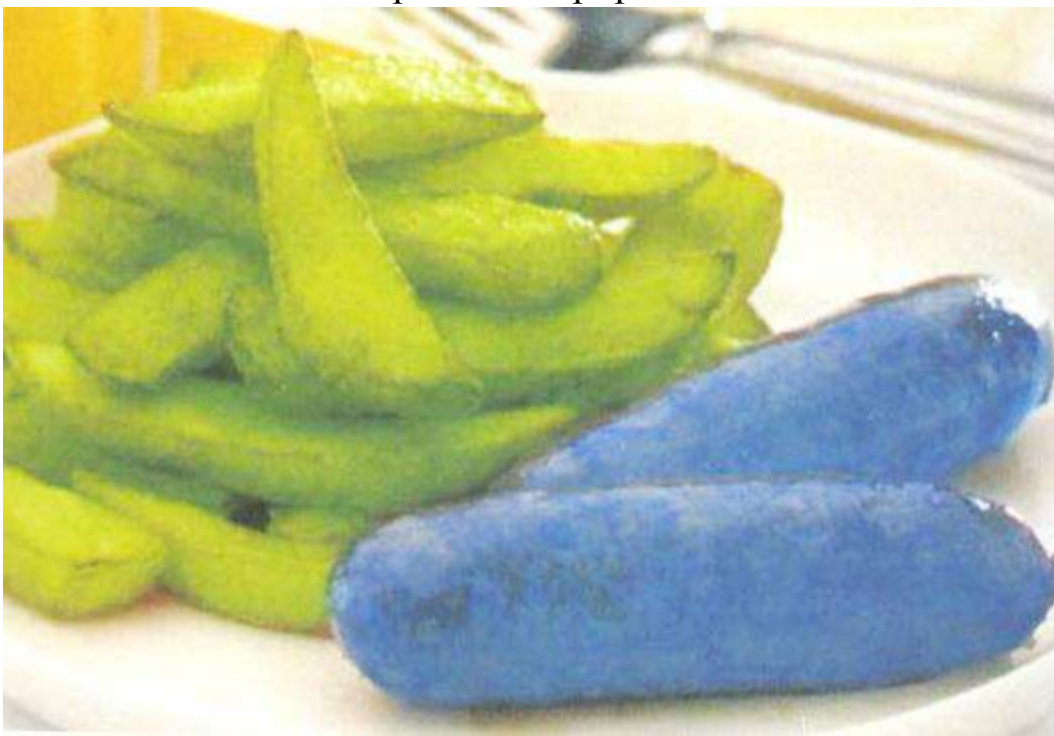
54. На груди у самки гелады расположены алые соски, напоминающие половые губы. Эти обезьяны демонстрируют готовность к спариванию не только задней частью тела, но и передней. Точно так же грудь женщины имитирует её округлые ягодицы

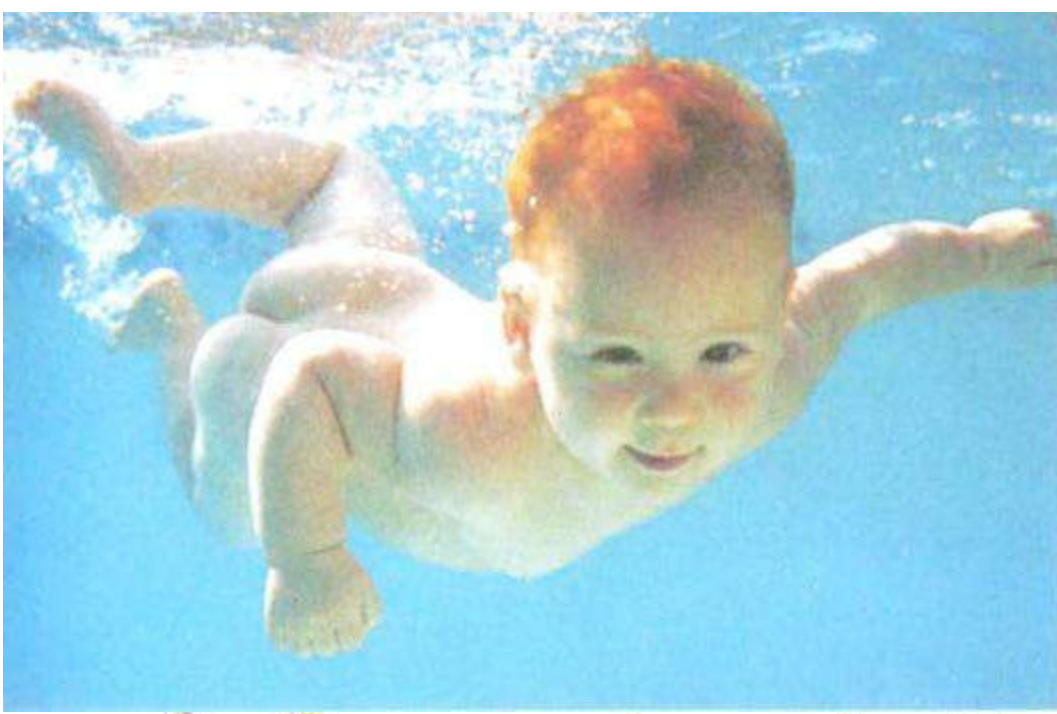
55— 56. Телесные Украшения. Человеческая кожа на протяжении тысячелетий использовалась для того, чтобы подавать разного рода сигналы. Её украшали рисунками, шрамами и пирсингом для того, чтобы продемонстрировать социальный статус, готовность к спариванию, агрессию, принадлежность к какой-либо группе или собственно любовь к украшениям.

57. Во многих культурах татуировки наносят для того, чтобы украсить тело каким-либо рисунком на всю жизнь и продемонстрировать способность индивида терпеть сильную боль

58. Приём пищи. С древности мы привыкли к тому, что пища схожа по цвету с мясом и орехами, плодами и кореньями. Когда нам предлагают ту же пищу, выкрашенную в синий цвет, мы сразу чувствуем отвращение.

59—60. Акватическое Поведение. Младенцы (вверху) бесстрашно погружаются в воду. Они отучаются плавать к моменту, когда им исполняется четыре месяца. В африканском захолустье (в н и з у) маленькие мальчики ныряют и ловят рыбу зубами; возможно, именно так добывали себе пищу наши предки.

61. Старение. Дольше всех на Земле жила мадам Жанна Кальман, отмечающая на снимке 121-й день рождения. Она умерла, когда ей было 122 года. Мадам Кальман ни разу в жизни не болела, питалась жирной нищей, пила алкоголь и курила сигареты

АВТОРСКИЕ ПРАВА НА ИЛЛЮСТРАЦИИ

- 1 Bubbles/Katie van Dyck;
- 2 Robertharding.com/Sylvain Grandadam;
- 3 Rex Features/Erik Pendzica;
- 4 Robertharding.com;
- 5—7 Desmond Morris;
- 8 Travel Ink/Kevin Nicol;
- 9 ImageState/AGE Fotostock;
- 10 Paul Doyle;
- 11 Rapho/Laurence Kourcia;
- 12 Moviestore Collection;
- 13 Rex Features/Munawar Hosain;
- 14 Moviestore Collection;
- 15 Hutchinson Picture Library/Philip Wolmuth;
- 16 Impact/Michael Mirecki;
- 17 Paul Doyle;
- 18 Hutchinson Picture Library/Kerstin Rodgers;
- 19 Sportsphoto/David Gadd;
- 20 Desmond Morris;
- 21 Network/JB Pictures/J Sartore;
- 22 Retna/Jenny Acheson;
- 23—24 Desmond Morris;
- 25 Impact/Yann Arthus Bertrand with Fuji Film;
- 26 Frank Lane Picture Agency/P Cauli/Pando Photos;
- 27 Impact/Simon Shephard;
- 28 Rex Features/Michael Friedel;
- 29 Robertharding.com/Sylvain Grandadam;
- 30 Rapho/Daniel Riffet;
- 31 Retna/Kampfher.com;
- 32 Robertharding.com;
- 33 Rex Features;
- 34 Sportsphoto/Mark Lilly;
- 35 Express Syndication/Jonathan Buckmaster;
- 36 Sportsphoto/Richard Sellers;
- 37 Sportsphoto/David Gadd;
- 38 Desmond Morris;
- 39 Colorsport;
- 40 Hutchinson Picture Library/Carlos Freire;
- 41 Frank Spooner Pictures/Bruno Madjih;
- 42 Travel Ink/Colin Marshall;
- 43 Robertharding.com/Michael Busselle;
- 44 Rex Features/Ray Tang;
- 45 Frank Spooner Pictures/Gamma/Francois Lochon;

46 Colorsport/Andrew Cowie;
47 Rex Features/Nils Jorgensen;
48 Anthony Moore;
49 Rex Features/Nils Jorgensen;
50 Moviestore Collection;
51 Impact/Steve Parry;
52 Colorsport;
53 Impact/Mark Cator;
54 NHPA/Martin Harvey;
55 NHPA/George Bernard;
56 Rex Features/Mark Campbell;
57 Magnum Photos/Ferdinando Scianna;
58 Food Features;
59 Robertharding.com;
60 Desmond Morris;
61 Katz Pictures/Valerie Macon/Rea.

notes

Обценный — (Прил.) непристойный, неприличный, недопустимый.

«Гамлет», перевод М. Лозинского. — *Прим. пер.*

В настоящее время во многих странах, напротив, не рекомендуется выходить из машины до распоряжения полицейского. — *Прим. ред.*

Симпатическая нервная система (от греч. συμπαθής чувствительный, сочувственный) — часть автономной (вегетативной) нервной системы, ганглии которой расположены на значительном расстоянии от иннервируемых органов. Название «симпатическая нервная система» впервые было употреблено в 1732 году Якобом Винсловом и поначалу использовалось для обозначения всей автономной нервной системы. Впоследствии этим термином стали называть только часть нервной системы.

Парасимпатическая нервная система — часть автономной нервной системы, связанная с симпатической нервной системой и функционально ей противопоставляемая. В парасимпатической нервной системе ганглии (нервные узлы) расположены непосредственно в органах или на подходах к ним, поэтому преганглионарные волокна длинные, а постганглионарные — короткие. Термин парасимпатическая — т. е. околосоимпатическая был предложен Д. Н. Ленгли в конце XIX — начале XX века.

На момент написания книги. — *Прим. перед.*